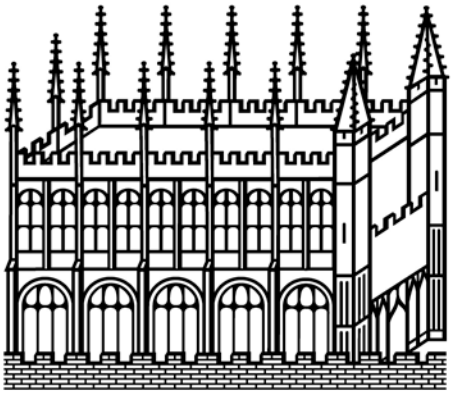

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

Confined to Library

Slav. I A 14

TAYLOR INSTITUTION

DOMI MINA
NUS TIO
ILLU MEA

PG3337. H4. A1. 1914 (14)
= Rep. Slav. 145

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ XVII

1864 г.

(№№ 2275—2529)

Государственное Издательство

Петербургъ.—1922

Госуд. Трест „ПЕТРОПЕЧАТЬ". 4-я типография, Фонтанка, 57.

Р. Ц. № 628. Напечатано 10.000 экз.

ОГЛАВЛЕНІЕ [1]).

1864.

№№		стр.
**2275.	1864.	3
**2276.	П. А. Мартьяновъ и земскій царь	5
**2277.	Нашимъ библіографамъ, библіофиламъ, любителямъ сборниковъ и историческихъ документовъ	10
**2278.	Перечень доносовъ	12
**2279.	Мясоѣды самодержавія	—
**2280.	Загадки для Новаго года	13
**2281.	Поворотная линія	—
**2282.	Шпіоны	14
**2283.	(Общій фондъ)	—
**2284.	Письмо къ неизвѣстному	—
*2285.	Изъ дневника	—
**2286.	Приписка къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ	16
**2287.	Письмо къ сыну	17
**2288.	М. Муравскій	19
**2289.	Царскіе подарки къ Новому году	—
**2290.	$^3/_{70}$ копѣйки съ души	20
**2291.	Сентиментальный взглядъ назадъ	—
**2292.	И это слава?	22
**2293.	Дружба и братство	23
**2294.	[О «Сѣв. Пчелѣ»]	24
**2295.	Портретъ Муравьева	—
**2296.	Сплетни, копоть, нагаръ и пр.	25
**2297.	Фуріи	26

[1]) *—означаетъ печатающееся здѣсь впервые; **—напечатанное гдѣ нибудь раньше, но не вошедшее ни въ женевское, ни въ петербургское (1906 г.) изданія; только ничѣмъ не отмѣченное вошло въ то или другое изъ этихъ изданій или въ одно изъ нихъ.

№№		стр.
**2298.	(Общій фондъ)	27
*2299.	Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ	—
*2300.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	28
*2301.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	29
*2302.	Письмо къ сыну	31
*2303.	Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.	32
**2304.	Отвѣтъ Гарибальди	33
**2305.	Русская конституція и англійскій журналъ	38
**2306.	Поправка	43
*2307.	Письмо къ сыну	—
*2308.	Письмо къ Н. А. Герценъ.	44
*2309.	Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбугъ	—
**2310.	Приписка къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ	46
**2311.	Они совсѣмъ сошли съ ума	—
**2312.	Кончина А. Н. Муравьева	47
**2313.	Государь въ немилости,—первое avertissement Милютину (статкому)	—
**2314.	Татьянинъ день	48
**2315.	Славянофильство на таможнѣ	—
**2316.	Пруссія, Россія,—ist mir alles gleich, и палки, палки...	49
**2317.	Убійство сумасшедшаго	—
**2318.	Августовскіе адреса	50
**2319.	Новости заграничныя, возвращающіяся изъ отечественныхъ журналовъ, и князь П. И. Шаликовъ, возвратившійся изъ мертвыхъ между Темзой и Невой	—
**2320.	Графиня Антонина Блудова и Матѳій Хотинскій	51
**2321.	Ссылка одного вмѣсто другого	52
**2322.	Хозяинъ не позволилъ!	—
**2323.	Нововведеніе въ журналистикѣ	53
**2324.	[Отъ издателей]	—
**2325.	(«Русскій Инвалидъ»)	—
**2326.	[Общій фондъ]	54
**2327.	Отъ издателей	—
*2328.	Письмо къ сыну	—
*2329.	Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбугъ	56
*2330.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	57
*2331.	Письмо къ Н. П. Огареву.	—
*2332.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	58
*2333.	Письмо къ Н. П. Огареву	60
*2334.	Тоже.	63

№№		стр.
*2335.	Тоже.	66
*2336.	Письмо къ сыну	—
*2337.	Письмо къ Н. П. Огареву.	68
**2338.	Тоже.	70
*2339.	Приписка къ Н. П. Огареву	72
**2340.	Іосифъ Янковскій	—
2341.	Письма къ будущему другу	75
**2342.	На Волынь!	106
**2343.	«Le Nord» и le tzar за Землю и Волю	108
**2344.	Умиротвореніе Литвы, успокоеніе Польши...	120
**2345.	«Европеецъ»	122
**2346.	Рожновскія политическія понятія	123
**2347.	Наши патриціи	124
**2348.	Австрія на колѣняхъ	—
**2349.	Объясненіе	125
**2350.	Письмо къ И. С. Тургеневу	—
*2351.	Письмо къ Леону Фонтэну	129
*2352.	Приписка къ О. С. Гончару	131
*2353.	Письмо къ сыну	135
*2354.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	—
**2355.	Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ	136
**2356.	Логика паденія	137
**2357.	Брань на смерть идущимъ	130
**2358.	(Общій фондъ)	140
*2359.	Письмо къ сыну	141
*2360.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	142
*2361.	Письмо къ сыну	146
*2362.	Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбугъ	147
**2363.	Запросъ «Дню»	148
**2364.	Документы! Документы!	—
**2365.	(Кн. В. Черкасскій)	149
**2366.	Кощунство «Московскихъ Вѣдомостей» и ихъ тактъ.	—
**2367.	Здоровы ли «Московскія Вѣдомости»?	—
**2368.	(Новое средство умиротворенія)	150
**2369.	Uncrowned King!	—
**2370.	(Общій фондъ)	151
*2371.	Письмо къ сыну	—
*2372.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	152
**2373.	Письмо къ сыну	153
*2374.	Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ	154

№№		стр.
*2375.	Письмо къ Н. А. Герценъ.	156
*2376.	Письмо къ С. Тхоржевскому.	157
*2377.	Письмо къ Н. А. Герценъ.	158
*2378.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2379.	Письмо къ неизвѣстному	159
**2380.	17 апрѣля 1864	—
**2381.	Православіе на рельсахъ	162
**2382.	Казнь русскихъ	—
**2383.	(Общій фондъ)	—
*2384.	Письмо къ сыну	—
*2385.	Письмо къ А. Таландье	163
*2386.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	164
**2387.	Благодарность за плодородіе	165
**2388.	Земля и Липранди	—
**2389.	Свой Гарибальди	—
**2390.	[«Европеецъ»]	166
**2391.	Un mot	—
	Замѣтка	167
*2392.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	168
*2393.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	170
*2394.	Письмо къ старшимъ дочерямъ.	172
*2395.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	174
*2396.	Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де Тернемиръ	175
*2397.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	176
*2398.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	177
**2399.	Nouvelle phase de la littérature russe	178
	Новая фаза русской литературы	217
*2400.	Письмо къ Н. А. Огаревой	260
**2401.	Н. Г. Чернышевскій	—
**2402.	Письмо изъ Москвы	261
**2403.	Отечественныя маргаритки	262
**2404.	Наши прогрессы	264
**2405.	Русское шпіонство въ Женевѣ	265
**2406.	Ссылка А. П. Ермолова въ Муравьевы	—
**2407.	(Школа правовѣдѣнія)	—
**2408.	Für den Livlandischen Adelstag hoch!	—
**2409.	Аксаковъ въ гостяхъ у Каткова	266
**2410.	«Новая фаза въ русской литературѣ»	267
*2411.	Письмо къ Н. А. Огаревой	—
*2412.	Письмо къ С. Тхоржевскому	268

№№		стр.
**2413.	Письмо редактору „La Cloche“	269
*2414.	Письмо къ С. Тхоржевскому	271
**2415.	Письмо къ Л. Фонтэну	—
2416.	Трагедія за стаканомъ грога	—
*2417.	Письмо къ сыну	277
*2418.	Письмо къ С. Тхоржевскому	278
*2419.	Письмо къ А. Таландье	279
*2420.	Приписка къ О. С. Гончару	280
*2421.	Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину	290
*2422.	Письмо къ сыну	291
**2423.	Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину	—
**2424.	Письмо къ Л. Фонтэну	293
**2425.	VII лѣтъ	294
**2426.	Die heilige tripel Allianz	302
**2427.	Изъ Польши	304
**2428.	Polizey Wuth	—
**2429.	Балабинъ и «Норма»	305
**2430.	Казни въ Казани	306
*2431.	Письмо къ Н. П. Огареву	307
*2432.	Тоже	308
**2433.	Тоже	310
*2434.	Письмо къ С. Тхоржевскому	311
**2435.	Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину	—
*2436.	Письмо къ сыну	314
*2437.	Письмо къ С. Тхоржевскому	315
*2438.	Изъ дневника	316
*2439.	Изъ дневника	317
*2440.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2441.	Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину	318
**2442.	И. И. Кельсіевъ	327
**2443.	Война, чума, пожаръ	328
**2444.	Чернышевскому, Михайлову и всѣмъ друзьямъ нашимъ, стоявшимъ у позорнаго столба, носящимъ цѣпи, работающимъ на каторгѣ	—
**2445.	Еще шагъ	—
**2446.	Петербургская Агриппина	329
**2447.	Плачъ «Московскихъ Вѣдомостей» о Шварцѣ, равнодушіе къ Пейкеру	330
**2448.	Императорскіе санкюлотиды	331
**2449.	Штабсъ Михно	—

№№		стр.
**2450.	На III Отдѣленіе—III съ четвертью	332
**2451.	Чрезвычайное собраніе Минералогическаго общества	—
**2452.	Кому сѣчь?	—
*2453.	Письмо къ сыну	333
**2454.	Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину	334
*2455.	Письмо къ С. Тхоржевскому	337
*2456.	Письмо къ сыну	—
*2457.	Письмо къ Н. П. Огареву.	338
*2458.	Письмо къ М. К. Рейхель	339
**2459.	Николай Гавриловичъ Чернышевскій	—
**2459bis.	Die Russen in der Schweitz	—
**2460.	[О Хотинскомъ]	340
**2461.	Второй Муравьевъ и Александръ Второй	—
**2462.	Оклеветанный Катковъ	—
**2463.	Предостереженіе евреямъ	341
**2464.	Освобожденіе крестьянъ въ Молдо-Валахіи	—
**2465.	(40.000 сер.?)	—
**2466.	Общій фондъ	—
**2467.	Письмо къ Н. А. Огаревой	342
**2468.	Письмо къ сыну	—
**2469.	Тоже	343
**2470.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	345
**2471.	„Колоколъ“ на 1865 годъ	346
**2472.	Приговоръ Трувеллеру	—
**2473.	Клеветники	—
**2474.	(Революціонная опека)	347
**2475.	Правительственная агитація и журнальная полиція	—
**2476.	(Увѣдомленіе)	362
**2477.	Тоже	—
*2478.	Письмо къ сыну	—
*2479.	Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину	366
*2480.	Приписка къ сыну	368
*2480bis.	Письмо къ сыну	—
*2481.	Письмо къ Н. А. Огаревой	369
2482.	Письма къ противнику	—
**2483.	Свиданіе въ Ниццѣ	388
**2484.	Русскія деньги, польскія деньги	—
**2485.	Нравы молодежи исправляются	389
**2486.	(Общій фондъ)	—
*2487.	Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ	—

№№		стр.
*2488.	Письмо къ Н. А. Огаревой	391
*2489.	Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ	392
*2490.	Письмо къ Н. П. Огареву	393
*2491.	Письмо къ С. Тхоржевскому	394
*2492.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2493.	Письмо къ М. Мейзенбугъ	395
*2494.	Письмо къ сыну и Н. А. Герценъ	397
**2495.	Письмо къ Н. П. Огареву	398
*2496.	Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ	400
*2497.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2498.	Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ	401
**2499.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2500.	Тоже	405
*2501.	Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ	406
**2502.	Что же дальше?	407
**2503.	(Общій фондъ)	416
**2504.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2505.	Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ	418
**2506.	Письмо къ Н. П. Огареву	419
**2507.	Тоже	—
**2508.	Тоже	420
*2509.	Письмо къ Н. А. Герценъ.	—
*2510.	Письмо къ сыну	—
**2511.	Письмо къ Н. П. Огареву	421
**2512.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2513.	Письмо къ Н. А. Герценъ.	—
**2514.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**2515.	Письмо къ Н. А. Герценъ.	422
**2516.	Письмо къ сыну	423
**2517.	Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*2518.	Письмо къ Н. П. Огареву	424
*2519.	Письмо къ Ж. Мишле	425
*2520.	Письмо къ сыну	426
*2521.	Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ	427
*2522.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	428
*2523.	Изъ дневника	—
*2524.	Письмо къ Н. П. Огареву	429
*2525.	Тоже.	—
*2526.	Письмо къ Н. А. Герценъ	430
*2527.	Письмо къ Н. А. Огаревой	—
**2528.	Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ	431
2529.	Къ издателю	432
	Библіографическій комментарій	433
	Опечатки	444

1864

2275.

1864.

«Пять лѣтъ мы безъ устали *сзывали живыхъ*. Теперь, благо мертвые ушли, и никто отъ мертвыхъ не остался, будемъ звонить къ самой *обѣднѣ*, звать къ сознательному дѣлу!»

«Колоколъ» 15 декабря 1863.

...И это середь мрачной ночи, изъ которой Россія не выходила, середь общаго оподлѣнья, измѣны вчерашнихъ друзей, распутства мысли, безстыдства слова, при видѣ цѣлаго общества, лобызающаго руки палачамъ, цѣлой литературы духовно-свѣтскихъ доносовъ...

Да, середь этой ночи мы начинаемъ нашъ новый звонъ; внутренній голосъ говоритъ намъ, что *ночь переломилась*, и что теперь каждый размахъ маятника—шагъ къ выходу изъ нея.

Слишкомъ рано радовались казенные враги наши нашему отчаянію. Ихъ слизистое сердце не могло понять ни жгучей скорби, которую мы вынесли, ни того, что мы выйдемъ изъ нея. Мы и не думали скрывать ни нашей боли, ни нашего стыда, ни нашихъ слезъ. Многое умерло возлѣ насъ, но мы возвращаемся съ кладбища упорнѣе и неисправимѣе, чѣмъ когда-нибудь; мы не только не утратили прежнюю вѣру, а удесятерили ее всѣми лишеніями, очищеніями, всѣмъ вынесеннымъ горемъ, всей чудовищной силой того гніенія, которое грозитъ сгубить всходы, а кончитъ удобреніемъ почвы.

Тотъ, кто не чуетъ этого, кому не ясно, что наше *общее дѣло* продолжается подъ землей, продолжается въ воздухѣ, продолжается середь оргіи крови и раболѣпія, для того слова наши, какъ для полицейскаго содержателя публичнаго листа въ Москвѣ [1]), будутъ «бредомъ помѣшанныхъ».

Но есть другіе люди; ихъ голосъ доходитъ до насъ, они поймутъ наши упованія. Наши слова ободрятъ ихъ такъ, какъ ихъ слова ободряли насъ.

— Да много ли ихъ?

— *Нѣтъ, не много*, по крайней мѣрѣ, сколько мы знаемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ слабые, шаткіе, мелкіе, робкіе

[1]) Катковъ.

ушли, — одни отъ испуга, другіе по глупости; оставшіеся тѣмъ меньше замѣтны, что они должны молчать подъ тройнымъ надзоромъ явной, тайной и литературной полиціи.

Много вѣры, много преданности, много *истины* надобно, а число головъ придетъ. Это—не рекрутство и не подушный сборъ. Въ пещерахъ, слабые числомъ, христіане росли въ силу, въ подземныхъ ходахъ сплачивались они въ тѣ несокрушимыя общины *святыхъ безумцевъ*, съ которыми не могло совладать ни дикое варварство одного міра, ни маститая цивилизація другого. И это, несмотря на то, что они шли на прямое ниспроверженіе всякаго государственнаго строя и искали не исполненія судебъ, приготовленныхъ цѣлымъ развитіемъ, а замѣну ихъ судьбами новыми, небывалыми и вообще неосуществимыми.

Русская задача вовсе не такъ колоссальна, она гораздо проще, соизмѣримѣе, это—задача не другого міра, а *міра сего,* и потому въ ней вѣра не противорѣчитъ логикѣ, совсѣмъ напротивъ. Никто не хочетъ у насъ ломать ничего народнаго, основного, никто—ничего создавать по отвлеченному идеалу, все это—старая, консервативная болтовня. Хотятъ устранить препятствія, снять ненужныя преграды, хотятъ развязать руки, развязать мысль, отрицаютъ *собственно отрицательное*, мѣшающее, искажающее, гнетущее, полумертвое. Хотятъ дать волю народному складу и мысли, искусившейся опытомъ другихъ. Все это—вовсе не утопія; элементы, основанія у насъ даны: *народный русскій бытъ и наука Запада;* въ ихъ сочетаніи наша сила, наша будущность, наше преимущество. Безъ предрасположеннаго народнаго быта общественная наука теряется въ соціальномъ бредѣ, безъ всеобобщающей науки народный русскій бытъ возводится въ бредъ славянофильства [1]).

Народный бытъ и наука, Земля и Воля. Что можетъ быть проще и яснѣе? Но до этой простоты и ясности мы доходимъ вѣковыми страданіями нашего народа и вѣковыми усиліями западной исторіи. Передъ нами свѣтло и дорога пряма. Европейскіе народы искали въ тѣни своего пути, сбивались съ него, обливали его кровью и постоянно встрѣчали врага, останавливавшаго всякое стремленіе и лишавшаго плодородія всякій посѣвъ. Передъ нами тоже *сильный врагъ*, но *умнаго* врага нѣтъ; противъ насъ борется не великое преданіе, не относительная правда, не вѣками освященные предразсудки, а палисады безъ корней, стѣны подъ

[1]) А славянофильство можетъ итти объ руку съ нѣмецкимъ императорствомъ именно потому, что для него не дорога *воля*, что для него есть сокровища дороже ея, напр., въ ужасъ приводящее своей силой Московское государство. Оттого честные, но сбитые умы жалѣютъ о томъ, что у правительства нѣтъ людей. Какъ же они не понимаютъ, что у него не могутъ быть люди, *не должны быть*, что уничтоженіе взяточничества и пр. прежде уничтоженія правительственнаго своеволія—величайшее бѣдствіе, которое можетъ постигнуть Россію. *А. И. Г.*

гранитъ, имперія-«фасадъ», имперія съ иголочки, иностранная и до того безсмысленная, что ей нуженъ Катковъ, чтобы объяснить ей самой, что ей надобно отстаивать и что беречь. Противъ насъ *овдовѣвшее* дворянство, крѣпостники, не умѣвшіе ни отстоять рабовладѣніе, ни поступиться имъ. Ненавидимое народомъ, неуважаемое правительствомъ, оно чувствуетъ свое безсиліе, заискиваетъ милости, подличая передъ палачами и оплакивая плачемъ Рогнѣды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» утрату «материка» рабства и грабежа... Намъ ли унывать съ такими врагами?

Не такъ поставлены задачи будущаго у другихъ народовъ. На-дняхъ два ветерана, два уважаемыхъ всей Англіей бойца слегка, издали коснулись одного вопроса въ Рочделѣ, едва намекнули, гдѣ зло, какъ настороживший уши Церберъ капитала и монополіи поднялъ сторожевой лай, и все испугалось, оцѣпенѣло, отреклось... Правда, Кобденъ ударилъ, и больно ударилъ, Цербера, но не въ основномъ вопросѣ.

Что же за ужасъ сказалъ старикъ Кобденъ, этотъ испытанный вождь торговой свободы, этотъ атлетъ, вынесшій на своихъ плечахъ тридцать лѣтъ тому назадъ corn law [1])?

И что за страшную Медузу показалъ ему, Брайту и Англіи «Таймсъ»?

Кобденъ и Брайтъ догадались, наконецъ, что *воля безъ земли*—нелѣпость, и что для англійскаго пролетарія-работника нѣтъ ни воли, ни конституціи такъ, какъ ему нѣтъ голоса, ни представительства. Они замѣтили, и главное—дерзнули намекнуть на митингѣ, составленномъ не изъ аристократовъ мѣщанства, что у англійскаго работника не только нѣтъ воли, но нѣтъ и выхода, потому что законы, дѣлаемые собственниками, скорѣе стремятся сосредоточивать большія поземельныя собственности въ однѣхъ рукахъ, чѣмъ ихъ раздроблять и способствовать къ пріобрѣтенію ихъ работниками.

— Такъ вы указываете на антагонизмъ собственниковъ и работниковъ?—сказалъ «Таймсъ», блѣдный отъ злобы.—Да вы не хотите ли *аграрныхъ* законовъ?

И все отпрянуло съ ужасомъ отъ Кобдена и Брайта, и Кобденъ, не дожидаясь пѣтушьяго крика, сталъ защищаться въ томъ, что онъ невиненъ въ agrarian outrage [2])...

У насъ ничего подобнаго. У насъ консервативная партія—такая же нелѣпость безъ корней, какъ табель о рангахъ, какъ дворянская грамота. Сегодня—сила, завтра слѣда нѣтъ. Нашъ настоящій консерватизмъ начинается тамъ, гдѣ оканчивается правительство.

Насъ не застращаешь медузиной головой, какія бы змѣи у нея ни были вмѣсто кудрей. То, что *можетъ* у насъ погибнуть,

[1]) Хлѣбный законъ; Кобденъ, какъ извѣстно, добился отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

[2]) Аграрныхъ волненіяхъ.

того намъ не жаль... Пусть рухнется эта имперія, выработавшая свой типъ въ Аракчеевѣ, пусть пойдетъ по міру дворянство, отбивавшее два вѣка кусокъ хлѣба у народа, пусть пропадетъ, наконецъ, это мишурное образованіе, ложное, безнравственное, умѣвшее прежде ужиться съ крѣпостнымъ правомъ, а теперь съ палачами и доносчиками... Народъ русскій не погибнетъ ни съ петербургской династіей, ни съ англійскимъ клубомъ въ Москвѣ... не нужно ему хранить школы, изъ которыхъ учителя-рабы посылаютъ адреса Бергу и Муравьеву.

На этомъ глубокомъ сознаніи нашей свободы и соотвѣтствіи нашихъ стремленій съ бытомъ народнымъ незыблемо основана наша вѣра, наша надежда. И вотъ почему середь скорби и негодованія мы далеки отъ отчаянія и протягиваемъ вамъ, друзья, нашу руку на общій трудъ и зовемъ нашимъ звономъ къ *дѣлу* и *борьбѣ!*

26/14 декабря 1863.

2276. П. А. Мартьяновъ и земскій царь.

Мартьяновъ приговоренъ *въ* ссылку на *каторжную работу на пять лѣтъ* и потомъ на пожизненное поселеніе въ Сибири. Этотъ варварскій приговоръ, утвержденный государемъ, сенатъ и совѣтъ мотивировали такъ: «*Признавъ его, по собственному сознанію, подтверждаемому и обстоятельствами дѣла, виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи, чрезъ напечатаніе въ* «Колоколѣ», *письма къ государю императору, заключающаго въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго въ Россіи порядка управленія*» и пр. [1]).

Ссылка Мартьянова въ каторжную работу—новое доказательство безтактности, узкости и просто тупости петербургскаго правительства. Если кто-нибудь заслужилъ отъ дикихъ судей, толкующихъ теперь о патріотизмѣ и демократической имперіи, иного суда, то это, безъ сомнѣнія, Мартьяновъ.

Мы знали П. А. Мартьянова. Исторія его коротка, чисто русская исторія. Мартьяновъ родился крѣпостнымъ человѣкомъ графа Гурьева. Съ молодыхъ лѣтъ онъ показалъ необыкновенную способность къ торговымъ дѣламъ и велъ большой хлѣбный промыселъ. Графъ Гурьевъ, оторвавъ его отъ дѣла, разорилъ, т.-е. взялъ съ него большую сумму денегъ, почти наканунѣ освобожденія. Мартьяновъ, получивъ отпускную, попытался поправить свои дѣла, ему не удалось, и онъ года два тому назадъ уѣхалъ въ чужіе края.

Человѣкъ, испытанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергическій, глубоко страстный, Мартьяновъ сосредоточился весь на вопросѣ о судь-

[1]) Неточная передача приговора, приведеннаго въ моей книгѣ «Очерки освободительнаго движенія» и т. д.

бахъ русскаго народа; тутъ была его поэзія, его религія, любовь и ненависть. Строгій по жизни, безъ уступокъ себѣ и другимъ, безъ слабыхъ непослѣдовательностей, въ немъ элементъ негодующаго Спартака какъ-то сочетовался съ угрюмымъ типомъ нашего сектатора. Много читая, Мартьяновъ нисколько не утратилъ ни своей собственной оригинальности, ни чисто русскаго народнаго склада ума. Въ одну бесѣду съ нимъ можно было глубже заглянуть въ духъ русскаго народа, чѣмъ изучая вороха анатомико-патріотическихъ препаратовъ, приготовляемыхъ нашими славянофилами.

Въ мнѣніяхъ Мартьянова была та оконченность, которую мы встрѣчаемъ въ глубоко религіозныхъ людяхъ, которой мы не разъ дивились въ Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ. Тутъ нѣтъ больше колебаній, сомнѣній.

Мартьяновъ ненавидѣлъ крѣпостное право и крѣпостниковъ, ненавидѣлъ, какъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, какъ Шевченко; но у него это была страсть, а, между тѣмъ, она шла рядомъ съ восторженной благодарностью къ царю, снявшему цѣпи съ народа. Для него петербургскій императоръ, сынъ Николая, лейбъ-гвардіи офицеръ, терялся въ какой-то миѳически-великой фигурѣ *земскаго царя*. Словомъ освобожденія царь искупилъ, въ глазахъ Мартьянова, всѣ прошлые и будущіе грѣхи свои. И мы убѣждены, что Мартьяновъ, идущій въ цѣпяхъ въ Сибирь, давно простилъ *несчастнаго*, утвердившаго приговоръ десятка Гурьевыхъ, обрадовавшихся случаю въ немъ отмстить за освобожденіе.

Вина Мартьянова состояла въ его письмѣ (мы его перепечатаемъ въ слѣдующемъ листѣ,—пусть забывшіе его провѣрятъ, читая наши слова) къ своему Земскому царю. Онъ писалъ къ нему съ любовью, съ довѣріемъ; онъ хотѣлъ, чтобъ оно явилось въ «Колоколѣ» съ его подписью. Онъ не думалъ скрываться, потому что не вѣрилъ, что царь можетъ его наказать за открытое слово, за любовь. Онъ предполагалъ у нихъ обоихъ *одинъ* интересъ; онъ ему говорилъ о скорбяхъ дома, какъ сынъ отцу... Бѣдный Мартьяновъ!

Мартьяновъ скоро усталъ на чужбинѣ и, натура цѣльная и фанатическая, пошелъ домой. Въ его возвращеніи было столько простоты, мужества, довѣрія, скажемъ не обинуясь,—столько трогательнаго величія, что, дѣйствительно, надобно не имѣть слѣда человѣческаго сердца, чтобъ его послать на каторгу. Всѣ останавливали Мартьянова, онъ не послушался: онъ не вѣрилъ, что откровенное слово, обращенное къ представителю народной правды и народной боли, можетъ быть наказано хуже воровства...

Пять тяжелыхъ лѣтъ научатъ его не смѣшивать *идеальнаго земскаго царя* съ тѣмъ, который живетъ въ I Адмиралтейской части [1]).

[1]) Районъ Зимняго дворца въ СПБ.

Мы не дѣлили мнѣній Мартьянова, но глубоко уважали и строгую, безбоязненную послѣдовательность, и восторженную вѣру, и то *что-то*, что̀ его дѣлало *такимъ русскимъ*, близкимъ по крови, несмотря на рознь мысли. Ему мы прощали даже гордый, исключительный національнизмъ, съ которымъ онъ оставлялъ въ прошедшемъ году Англію. А Земскій царь не простилъ ему его любовь, его вѣру... Рабы безсловесные нужны этимъ земскимъ монголамъ, солдаты, молчащіе во фронтѣ, нужны этимъ нѣмецкимъ кейзерамъ.

... Но если мы отъ всей души отпускаемъ Мартьянову его фантазію преображеннаго царя, то спѣшимъ заявить, что и наша амнистія имѣетъ свои границы, и что подъ сказанное нами вовсе не подходятъ *новые проповѣдники русско-царской демократіи*, особенно ужъ потому, что они за свои фантазіи идутъ не въ каторжную работу, а вверхъ по службѣ.

Въ самый разгаръ польскаго вопроса у насъ укоренилось въ обществѣ и журналистикѣ мнѣніе, совершенно ложное, сбивающее всѣ понятія, парализующее всякую дѣятельность, бездушное въ отношеніи къ Польшѣ и лицемѣрное въ отношеніи къ Россіи. Взглядъ этотъ,—одна изъ выразившихся отраслей славянофильства,—состоитъ въ томъ, чтобъ принимать *цѣли за достигнутое, зародыши — за совершенныхъ людей, идеалы — за существующее и задачи—за ихъ рѣшенія.*

Помнитъ ли кто-нибудь старую барыню, описанную Диккенсомъ, у которой былъ тикъ, немного смахивающій на помѣшательство[1])? Она ждала, что ея племянница родитъ *дочь*, которую она будетъ воспитывать, а племянница родила *сына*. Старая барыня сначала приняла это за личность, обидѣлась, разбранила мать, доктора, служанку, но потомъ сама поправила дѣло, *предполагая*, что несуществующая дѣвочка существуетъ, и надѣляя ее всѣми достоинствами своей фантазіи.

То, что̀ можетъ быть очень мило въ пятнадцатилѣтней институткѣ, мечтающей о счастьѣ пастушковъ, живущихъ цвѣточками, и бабочекъ, порхающихъ по нимъ, и очень достолюбезно, какъ говаривали во время оно, въ старой теткѣ Копперфильда, вовсе не мило и не достолюбезно въ публицистахъ, дѣлающихъ изъ этихъ фантасмагорій полицейскіе кистени противъ Польши.

Схвативши тамъ-сямъ какія-то неясныя понятія о соціальномъ призваніи Россіи, объ отсутствіи въ ней крѣпкаго аристократическаго начала, наши милѣйшіе мечтатели проповѣдуютъ, что Россія представляетъ какую-то демократическую имперію, какое-то царство *равенства* и массъ, что *она* борется съ Польшей во имя крестьянской свободы противъ помѣщиковъ и пр.

[1]) Бетси Тротвудъ въ романѣ Диккенса «Давидъ Копперфильдъ».

Не ошибайтесь,—они говорятъ не о той Россіи, которая составляетъ цѣль нашихъ стремленій, къ которой все двигается и идетъ, но до которой еще ничего не дошло, а объ Россіи настоящей, чиновничьей, казарменной, петербургской, аракчеевской, николаевской, муравьевской.

Да гдѣ же жили всѣ эти институтки съ бородами или давно ли же онѣ родились, что не видали ни крѣпостного состоянія, ни помѣщичьяго житья, ни положенія солдатъ, ни вельможничества, ни начальническаго «ты», ни засѣченныхъ дворовыхъ, ни изнасилованныхъ женщинъ? Какъ это у нихъ память такъ коротка, состраданье, негодованье такъ коротко?

Человѣкъ ѣдетъ гдѣ-нибудь въ Ковенской, Минской губерніи, сердце у него сжимается, слезы готовы брызнуть при видѣ бѣдныхъ, покосившихся лачугъ возлѣ пышныхъ панскихъ палатъ... И мы чувствовали это, только не ѣздили за этимъ ни въ Ковно, ни въ Гродно, а возлѣ Москвы и Петербурга. Или они такъ прямо изъ Смольнаго монастыря—да и по казенной надобности въ Ковно?

Это—отвратительнѣйшая демагогія, подъ которой скрывается не только ложь, но и вызовъ на возстаніе, одобренный высшимъ начальствомъ и демократическимъ шефомъ жандармскаго братства.

Мы вѣримъ и вѣрили всю жизнь въ великую будущность русскаго народа, видимъ въ немъ стихіи широкаго соціальнаго развитія (мы не говоримъ—демократическаго, потому что для насъ это слово неясно); мы чувствуемъ не меньше сѣверно-пчельскихъ Бабефовъ и «дневныхъ» Гракховъ, какъ вся эта скорлупа, короста, паршивость дворянскаго чиновничества, нѣмецкаго бюрократизма, доктринаризма, экзерциргаузизма и пр. остается на поверхности, не идетъ въ глубь; но чувствуемъ, съ другой стороны, что за гнетъ, что за гниль, что за боль она производитъ на всемъ тѣмъ и что за пользу дѣлаетъ всякому внутреннему развитію. Не преступленіе ли увѣрять тяжко больного, что онъ здоровъ? Говорить человѣку, котораго дуютъ палками, что это только поверхностно и что, въ сущности, онъ вольнѣе своего сосѣда,—послѣдняя степень презрѣнія къ нему и къ истинѣ.

Между Россіей, едва отирающей кровавый потъ свой, Россіей «Положеній» и Россіей *золотой воли, воли вольной* есть еще Россія гербовой бумаги, русскихъ нѣмцевъ, военныхъ и штатскихъ генераловъ, сенаторовъ, приговаривающихъ за честную рѣчь къ каторгѣ, и государя, утверждающаго приговоры [1]). И она еще постоитъ за себя! [1]

[1]) Вотъ еще приговоръ: «4 декабря, въ 8½ часовъ утра, было публичное объявленіе на Мытнинской площади въ Рождественской части бывшему отставному канцелярскому служителю изъ дворянъ Митрофану Муравскому (25 лѣтъ) высоч. утвержденнаго мнѣнія государ. совѣта, которымъ опредѣлено: Муравскаго, виновнаго въ произнесеніи дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ священной особы *государя императора* и въ

◆◆ 1. Дополню, на основаніи новыхъ матеріаловъ, свѣдѣнія, сообщенныя мною о Мартьяновѣ въ «Очеркахъ освободительнаго движенія» etc.

По поводу взысканія съ гр. Гурьева 6000 руб. онъ обращался къ государынѣ 22 іюня 1862 г., а 25 іюля благодарилъ ее черезъ ея секретаря за передачу дѣла шефу жандармовъ и говорилъ, что готовъ пріѣхать въ Россію (на казенный счетъ) и ожидать суда, при этомъ твердо ставилъ вопросъ: или онъ взыщетъ съ графа 100,000 р. или самъ отработаетъ въ обыкновенномъ рабочемъ домѣ стоимость дороги и затѣмъ, какъ клеветникъ и нарушитель правды, пойдетъ въ каторжную работу.

28 августа шефу жандармовъ былъ доставленъ докладъ, но онъ не представилъ его царю; тамъ указывалось, что, если министръ вн. дѣлъ «не признаетъ за лучшее оставлять подобныхъ людей за границею», то слѣдуетъ вызвать Мартьянова въ Россію, если онъ выѣхалъ безъ разрѣшенія.

15 апрѣля 1863 г. Мартьяновъ былъ помѣщенъ въ Алексѣевскій равелинъ; умеръ незадолго до 20 сентября 1865 г. въ иркутской тюремной больницѣ; тамъ его примѣшали къ дѣлу о... фальшивыхъ ассигнаціяхъ и билетахъ, изготовлявшихся красноярскими арестантами,—пріемъ, который потомъ правительство, еще не имѣя Азефовъ, часто употребляло въ отношеніи эмигрантовъ-поляковъ.

29 октября 1864 г. красноярскій жандармъ сообщилъ, что отправлявшіеся изъ Красноярска въ Иркутскъ поляки настойчиво требовали отправленія Мартьянова съ ними на подводѣ, но, имѣя подозрѣніе на Мартьянова, какъ на участника поддѣлки фальшивыхъ паспортовъ, и принимая во вниманіе его крестьянское происхожденіе, жандармъ отказалъ и отправилъ его въ пѣшей партіи; онъ прибылъ въ Иркутскъ больнымъ и помѣщенъ въ тюремную больницу, а по выздоровленіи будетъ отправленъ въ Нерчинскіе заводы; за нимъ имѣется особое наблюденіе (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 233 и 1864 г. дѣло № 15).

2277. Нашимъ библіографамъ, библіофиламъ, любителямъ сборниковъ и историческихъ документовъ.

Мы обращаемъ вниманіе г.г. библіофиловъ на легкое теперь собраніе всѣхъ документовъ, служащихъ къ иллюстраціи *эпохи подлости,* черезъ

приготовленіи къ возбужденію бунта, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ и потомъ поселить въ Сибири навсегда».

Очень просимъ прислать намъ подробности дѣла г. Муравскаго [0]).

А. И. Г.

[0]) Процессъ его также изложенъ въ указанной моей книгѣ.

которую проходитъ русское общество. Пусть будущее поколѣніе узнаетъ имена людей, посылавшихъ адреса палачамъ, людей, подписывавшихся на сооруженіе иконы, храма во имя несчастнаго архистратига Михаила... Пусть *дѣти* узнаютъ статьи *отцовъ*, пусть новая хрестоматія соберетъ въ одинъ букетъ все, что наша *отхожая* журналистика публиковала за 1863 годъ или, еще лучше, съ знаменитаго пожара въ Петербургѣ, по которому не найдено ни одного зажигателя и столько *шпіоновъ-литераторовъ*...

Года черезъ два-три это будетъ трудно сдѣлать; а нужно ли говорить о серьезной важности закрѣпить для будущаго эти *послужные списки* раболѣпія и подлости. [1] —

◆◆ 1. Помимо «вліянія» Валуева, дошедшаго до разсылки печатныхъ образцовъ всеподданнѣйшихъ адресовъ, всѣ министры принимали свои мѣры.

Шефъ жандармовъ секретно приказалъ своимъ губернскимъ агентамъ приложить всѣ старанія къ скорѣйшему полученію дворянскихъ, купеческихъ и общественныхъ адресовъ по примѣру петербургскаго дворянства, а въ личныхъ бесѣдахъ съ пребывающими въ СПБ. дворянами всячески склонялъ ихъ къ энергичной въ этомъ отношеніи дѣятельности.

Въ апрѣлѣ полк. Воейковымъ было сообщено изъ Москвы, что вслѣдствіе обѣщанной амнистіи на 1 мая, «чрезвычайно огорчившей и произведшей смущеніе», готовившійся въ Москвѣ дворянскій адресъ, по примѣру СПБ., не состоится, несмотря на всѣ старанія ген.-губернатора П. А. Тучкова, побуждающаго город. голову кн. Щербатова и предводителей дворянства; по его приказанію, адресъ спроектированъ правителемъ его канцеляріи Родзевичемъ; есть и другіе проекты.

Затѣмъ Воейковъ сообщилъ, что совѣщаніе уѣздныхъ предводителей рѣшило написать адресъ съ помощью Каткова, котораго баллотируютъ въ члены англійскаго клуба при значительномъ числѣ противниковъ, недовольныхъ его статьями, особенно касающейся манифеста объ амнистіи полякамъ до 1 мая.

9 апрѣля Тучковъ писалъ Потапову: «Спѣшу передать *совершенно конфиденціально* адресъ старообрядцевъ. Хотя Солдатенковъ и ушибленъ лошадьми, но онъ непремѣнно будетъ вмѣстѣ съ нѣсколькими старшими отъ старообрядцевъ въ Петербургѣ. Прошу васъ завтра мнѣ прислать депешу. Вручаю вамъ дѣло, *важное* по своему политическому значенію. Надѣюсь, что такъ поймутъ и въ СПБ.».

Рязанскій жандармъ «не могъ не заявить сожалѣнія о непонятномъ равнодушіи къ великому и святому дѣлу рязанскаго дворянства, которое, разъединясь съ начальникомъ губерніи Стремоуховымъ и питая неудовольствіе къ нему, какъ бы въ демонстрацію противу его лица медлитъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 23, ч. 84).

2278. Перечень доносовъ.

Вновь поступили по вѣдомству Каткова доносы на Финляндію Трубникова[1]) и Гильфердинга[2]), но главный доносъ сдѣланъ «Совр. Лѣт.» на «Голосъ» (подъ именемъ этого журнала[3]) тайная полиція разумѣетъ Головнина). Онъ обвиняется въ «волнованіи молодежи и подрываніи устраивающагося порядка въ университетахъ»... Итакъ, Головнинъ-Краевскій, скоро и васъ поведутъ по Владиміркѣ... Какъ хорошо сдѣлалъ Константинъ Николаевичъ, что по добру да по здорову уѣхалъ отъ Каткова за границу.

2279. Мясоѣды самодержавія.

Гіены наши не устаютъ въ Польшѣ: одно убійство за другимъ, и какой одно — газетчики начинаютъ считать жертвы гуртомъ, par fournée[4]), и нѣтъ звука въ пустомъ сердцѣ петербургскаго благодушника, который бы разбудилъ его сонную совѣсть и заставилъ бы прокричать «отбой» кровавымъ мордашамъ своимъ... Нѣтъ, въ этомъ сердцѣ ничего нѣтъ, ни во всемъ хорѣ, окружающемъ его.... Да и какая можетъ быть струна пощады у нихъ? Развѣ это не родныя дѣти крѣпостниковъ? Развѣ ихъ отцы, матери, они сами щадили беременныхъ женщинъ на барщинѣ, дворовыхъ на конюшнѣ? развѣ они не заколачивали солдатъ въ гробъ и не засѣкали своихъ русскихъ крестьянъ, православныхъ, покорныхъ?

...И старика Падлевскаго, застрахованнаго кровью сына, выхупленнаго ею, и его они убили... Передъ нимъ, за нимъ идутъ, идутъ.... воины, попы, юноши, старики на кровавый помостъ, на которомъ русскіе звѣри доканчиваютъ ихъ...

Зачѣмъ они русскіе!

Бѣдная, опозоренная, обманутая Россія, темная Россія! Она не знаетъ, что дѣлаетъ, какъ не знали львы, терзающіе святыхъ мучениковъ передъ благородной римской публикой, что за кости трещали въ ихъ челюстяхъ. Знаютъ это царь и его совѣтники, генералы и столбовые дворяне, знаютъ это гнѣзда нѣмецкой учености, университеты и редакціи полицейскихъ журналовъ.

А, впрочемъ, пожалуй, и они не знаютъ.

[1]) Константинъ Васильевичъ, издатель-редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

[2]) Александръ Федоровичъ, извѣстный славистъ.

[3]) Газета, находилась подъ особымъ покровительствомъ министра народнаго просвѣщенія.

[4]) Оптомъ; употребляется обыкновенно примѣнительно къ массовому производству въ чины или возведенію въ достоинство.

Какой бы взглядъ ни былъ на польское дѣло, казни эти безсмысленны; что они Сибирь такъ ужъ населили, что мѣста нѣтъ? Польской кровью клевреты подслуживаются, ея уровнемъ мѣряется преданность...

Темный, слѣпой левъ, помни это! И въ твоихъ жилахъ есть кровь... И ею можно мѣрить нѣжность къ престолу—и тѣмъ яснѣе, что это родная кровь!

2280. Загадки для Новаго года.

Кто былъ старичокъ, не очень давно пріѣзжавшій изъ... кажется, изъ Швабіи въ Цюрихъ, очень скромный, такъ что и имени своего не сказалъ, очень любопытный, особенно насчетъ польскихъ дѣлъ и русскихъ путешественниковъ? Одни говорятъ, что это—собственный корреспондентъ собственной его величества канцеляріи, другіе, что это—столоначальникъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», третьи говорятъ не то... А мы знаемъ, кто старичокъ!

2281. Поворотная линія.

7/19 декабря въ петербургскомъ англійскомъ клубѣ былъ *семейный* (?!) праздникъ въ честь князя А. М. Горчакова. Изъ подробной реляціи, помѣщенной въ «Сѣвер. Пчелѣ», не видно, чтобъ дѣти этой англійской, но и съ тѣмъ вмѣстѣ петербургской *семьи* пили тосты Муравьева и Берга...

Помѣтимъ и это!

Корреспондентъ «Таймса» (30 декабря) сообщаетъ, что *князь Суворовъ, Головнинъ, Валуевъ, Рейтернъ и Татариновъ* [1]) не подписывались на икону польскому палачу. Онъ, между прочимъ, говоритъ о «Mr. Tucheff, the Moscovite Juvenal». Это—ошибка или опечатка: *московскій Ювеналъ* этотъ—Тютчевъ [2]). Это милое Gelegenheits-Gedicht [3]), ходившее по рукамъ, заслуживаетъ небольшого мѣста въ «Колоколѣ».

Говорятъ, что кн. Суворовъ отказался отъ поклоненія Муравьеву и назвалъ его *людоѣдомъ*. «Московскій Ювеналъ» взялъ свою пѣвницу и такъ защитилъ человѣка литовской бойни:

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,

[1]) Валеріанъ Алексѣевичъ, государств. контролеръ.
[2]) Ѳедоръ Ивановичъ, поэтъ, тесть И. С. Аксакова.
[3]) Стихотвореніе на случай.

Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь!...

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя призванью[1]) *своему; (!)*

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ,
И бѣдное замученное племя
Воздвигнулъ къ жизни, вынесъ на себѣ?

Кто, избранный для всѣхъ крамолъ мишенью (?),
Сталъ и стоитъ спокоенъ, невредимъ
Назло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
Назло—увы!—и пошлостямъ роднымъ.

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣлъ великій
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

Куда дѣвался нѣкогда изящный стихъ Тютчева? Куда дѣвался талантъ?.. Вотъ что значитъ перейти изъ декабристовъ въ... *московскіе Ювеналы.*

2282. Шпіоны.

Съ искренней благодарностью извѣщаемъ корреспондента нашего о томъ, что письмо его, въ которомъ онъ насъ предупреждаетъ *о пріѣздѣ въ Лондонъ двухъ шпіоновъ*, пришло, и какъ нельзя больше кстати. Оба гуся здѣсь и пользуются, сверхъ жалованья, прекраснымъ здоровьемъ.

2283. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено изъ Германіи 5 гульденовъ, изъ Италіи 20 фр. и 40 франковъ.

[1]) У Тютчева «народу».

2284. Письмо къ неизвѣстному.

7 янв. (1864).
Elmfield House, Teddington.

За право перевода книги Достоевскаго «Мертвый домъ» на англійскій языкъ я вамъ отвѣчаю. И дѣлаю одно условіе: если будетъ возможно при продажѣ перевода что-нибудь (напр., 1/3 часть) предоставить Д., то это слѣдуетъ сдѣлать, потому что онъ очень небогатый человѣкъ. Книга у меня была; я ее поищу, — кто-то ее взялъ.

Переводить нѣкоторыя мѣста будетъ трудно и, можетъ, всего лучше сдѣлать такую статью, какъ Клячко сдѣлалъ изъ «Записокъ» Піотровскаго.

Усердно кланяюсь вамъ,

Ал. Герценъ.

2285. Изъ дневника.

8 января 1864.

Пора! Этотъ голосъ меня преслѣдуетъ, не всегда громко, но самое ничтожное обстоятельство будитъ всю его силу. Въ минуты recueillement [1]) и въ минуты грусти я слышу: *пора!*

Еще шагъ—и груша перезрѣетъ, будетъ невкусна.

Въ новомъ я предвижу нравственное 2 мая. Даже тѣ связи, которыя длились всю жизнь [2]), подаются. Мы понижаемся въ глазахъ другъ друга; старость что ли? Вѣнки исчезаютъ, остаются старыя лица съ притязаніемъ на молодость.

Гармоніи въ семейной жизни нѣтъ. Задача больше сложна, чѣмъ бываетъ, эгоизмы больше развиты—и все рухнетъ на несовершеннолѣтнихъ.....

Въ общемъ одинъ мракъ, ужасъ, кровь. Мы конфортативно [3]) натягиваемъ себя на вѣру. Не предчувствіе ли это конца, примиреніе съ нимъ? Гуманное captatio benevolentiae [4]) смерти!

[1]) Сосредоточенности.
[2]) Дружба съ Огаревымъ.
[3]) Confortatif—крѣпительное.
[4]) Снисканіе расположенія.

2286. Приписка къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ.

31 декабря ст. ст. 1863.

Приписываю и я строчку въ письмѣ «Ага», какъ его называютъ дѣти. Вы видите, что les vieux de la vieille garde [1]) не совсѣмъ утратили духъ. Полагаю, что во 2 листѣ вы будете довольны, если не «Письмомъ къ Гарибальди» [2]), то «Портретомъ Муравьева», «$\frac{3}{70}$» [3]) и «календаремъ за 1863 годъ» [4]). И мы идемъ, и Россія идетъ, страшно идетъ, многое щемитъ, давитъ сердце, но идетъ!

Если вы будете говорить Трубецкому, то я попрошу васъ и отъ меня сказать слово; да, дѣйствительно, надо помочь жертвамъ нашего кроткодушника [5]).

Съ Новымъ годомъ нельзя же не поздравить, хоть онъ и ошибоченъ.

А что же Шварцъ? Какого-то Шварца [6]) разстрѣляли.

Будьте здоровы, искренно уважающій Васъ

А. Герценъ.

◆◆ 1. Арестованный Н. А. Серно-Соловьевичъ держалъ себя на допросахъ съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ еще разъ подчеркнулъ свое дѣйствительное сходство съ маркизомъ Позой,— онъ все еще вѣрилъ, что государь прочтетъ кое-что въ дѣлѣ и не захочетъ погубить человѣка, такъ открыто нѣсколько разъ заявлявшаго ему о необходимости реформъ.

Для иллюстраціи приведу показанія Серно-Соловьевича о знакомствѣ съ лондонскими друзьями, данныя въ началѣ января 1864 года:

«Съ Герценомъ и Огаревымъ я познакомился въ Лондонѣ. Къ этому знакомству меня привело желаніе лично оцѣнить эти личности, о которыхъ слышалъ самые различные отзывы, а самъ заглазно не могъ составить опредѣленнаго мнѣнія. Въ Россіи, зная о нихъ больше по слухамъ, я былъ предубѣжденъ противъ нихъ. За границей, читая ихъ серьезныя сочиненія, часто находилъ тамъ необыкновенную глубину мысли. Кромѣ того, увидя

[1]) Ветераны старой гвардіи.
[2]) № 2250.
[3]) № 2290.
[4]) № 2291.
[5]) Огаревъ просилъ Саліасъ собрать у ея братьевъ и кн. Павла Трубецкого денегъ для Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и другихъ, томившихся въ крѣпости и сибирской ссылкѣ. 1
[6]) Видный польскій революціонеръ подъ псевдонимомъ «Ленуаръ».

въ Европѣ на практикѣ результаты свободы печати, долженъ былъ сознаться, что различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ—недостаточная причина къ обвиненіямъ. Личное знакомство представило мнѣ Герцена и Огарева въ новомъ свѣтѣ. Я убѣжденъ, что это не увлекающіеся люди и не фанатики. Ихъ мнѣнія выработаны размышленіемъ, изученіемъ и жизнью; такого рода мнѣнія всегда добросовѣстны и измѣняются, какъ скоро имъ доказана ихъ ошибочность. Все несчастіе этихъ людей въ томъ, что они должны писать за границей. Самое задушевное желаніе ихъ—вернуться въ Россію, но только отнюдь не такъ, какъ утверждаетъ г. Шедо-Ферроти, потому что такое утвержденіе — или грубое заблужденіе или неудачная выдумка. Вернуться въ отечество имъ хочется, чтобы заниматься тамъ единственнымъ дѣломъ, на которое они, дѣйствительно, способны: быть публицистами. Чѣмъ меньше надеждъ на это по общему ходу дѣлъ, тѣмъ сильнѣе становится ихъ раздраженіе и какъ патріотовъ, и какъ людей. Съ другой стороны, не имѣя возможность вести правильной полемики, они не могутъ провѣрить правильность своихъ взглядовъ, и это они вполнѣ сознаютъ. Потому сама сила обстоятельствъ заставляетъ ихъ писать за границей многое, чего никогда не написали бы и не напечатали бы въ Россіи. Узнавъ ихъ лично, трудно не отдать справедливости ихъ серьезному уму и безкорыстной любви къ Россіи, хотя бы и не раздѣлялъ ихъ мнѣній» (мои «Очерки освободительного движенія» etc., 189—190).

Не даромъ люди, вѣрно оцѣнившіе И. Тургенева, рекомендовали ему позаимствовать у Серно-Соловьевича хоть немного мужества и политической честности...

2287. Письмо къ сыну.

12 янв. 1864.
Elmfield House.

Въ продолженіе недѣли, въ которую я къ тебѣ не писалъ, было, во-первыхъ, много разныхъ происшествій дома и, во-вторыхъ, внѣ дома.

Пять или шесть дней продолжался морозъ, доходившій до 11° Реом. Все изнемогло, занемогло—большіе и малые. Въ домѣ стужа (это называется англійскій комфортъ). У меня разболѣлась нога до того, что я три дня не могъ ни вставать безъ боли, ни ходить. Чернецк. тоже прихворнулъ; всѣ дѣти въ кашлѣ, даже А. III [1]), и, по моему внушенію, его возили къ извѣст. доктору въ Hamp. Court. Теперь опять тепло. Леля-дѣвочка всѣхъ больше

[1]) Александръ (по-домашнему «Тутцъ»), сынъ А. Ал. Герцена и Шарлотты Гётсонъ (Huttson), съ которой сынъ Герцена сошелся въ Лондонѣ.

больна. Одинъ Ог. ѣздилъ въ морозъ безъ шляпы, зато въ субботу у него былъ обморокъ.

Что ты вступился за Шиффа, дѣло доброе, но ты придаешь этому слишкомъ много важности, это—все дѣла обыкновенныя и не трудныя. Пиччота я только спросилъ; онъ отвѣчалъ, что сегодня же справится и помѣститъ. 4 № пришлю и вмѣстѣ портретъ Мур. [1]), о которомъ будетъ статья въ «Колоколѣ».

Въ Россіи опять большія перемѣны; *безсословные* выборы губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ; говорятъ, сверхъ того, проектъ объ уничтоженіи чиновъ тоже готовъ. Въ Польшѣ они хотятъ дать всѣмъ пролетаріямъ по 3 дес. земли.—Чудеса да и только! Ругая насъ, они исполняютъ, вкривь и вкось, половину того, что мы говорили. Но, съ другой стороны, звѣрство, тиранство, гнусность въ усмиреніи Польши превосходятъ всякое вѣроятіе. Въ Петерб. образовалась въ самомъ правительствѣ оппозиція противъ Мур. A propos, какъ водворился въ вашемъ климатѣ Бак.?—Тамъ ли У.? [2])

Новый «Кол.», № 2, очень будетъ хорошъ. Нашелъ ли ты средство послать Татѣ?

Пора бы тебѣ получить твои вещи.

D-r помогъ А. III: кашéль меньше (удар. Чернец.) [3]). Завтра русс. Новый годъ,—т.-е. кн. Долгор. и Тхорж. Прощай.

Если у Vieusseux есть «Paris en Amérique» [4]), прочти и дай Шиффу, это—прелесть: хуже насмѣшки надъ Франціей я не читалъ. [1]

◆◆ 1. Въ маѣ 1864 г. государю было доложено, что въ Землѣ Войска Донского арестованъ отст. прапорщ. Содомцевъ, проживавшій въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ подъ именемъ кавказскаго офицера Мальцова и бывшій въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Огаревымъ, Долгоруковымъ и Тхоржевскимъ; передъ выѣздомъ онъ взялъ нѣсколько писемъ Герцена и получилъ отъ него разныя порученія. Содомцевъ сознался, что, познакомившись съ эмигрантами изъ любопытства, передалъ Огареву 100 фр. для впавшихъ въ несчастіе. У Герцена былъ, по его приглашенію, на Новый годъ и обѣдалъ тамъ вмѣстѣ съ постоянными его посѣтителями. Въ другой разъ встрѣтилъ у него какого-то поляка Клацько или Кацько (Клячко—*М. Л.*), живущаго въ Парижѣ, и еще трехъ неизвѣстныхъ ему поляковъ и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго разговора. «Герценъ говорилъ полякамъ: «мы вамъ говорили подождать дѣлать революцію года два, тогда бы наше тайное общество увеличилось, а то вы наше общество черезъ то

[1]) М. Н. Муравьевъ.
[2]) Н. И. Утинъ.
[3]) «Удареніе Чернецкаго».
[4]) «Парижъ въ Америкѣ», политическая сатира Лабулэ.

уничтожили». Кацько замѣтилъ, что имъ Бакунинъ говорилъ, что у нихъ большое общество. Когда поляки ушли, Герценъ сказалъ: «этотъ Бакунинъ вѣчно налгетъ, разсказываетъ, что большое общество, съ 20 генералами и 15 архіереями! Было общество изъ молодыхъ, здоровыхъ людей, но теперь оно разстроилось; одни убѣжали по трусости, другіе — по тупости». Передъ отъѣздомъ Содомцева изъ Лондона Герценъ просилъ его отвезти въ Дрезденъ къ его теткѣ, 80-лѣтней старухѣ (?—*М. Л.*), медаль въ память десятилѣтія Вольной русской типографіи въ Лондонѣ, но медали этой не прислалъ, чему Содомцевъ былъ очень радъ. У Долгорукова онъ бывалъ по понедѣльникамъ и пятницамъ; князь очень тосковалъ по родинѣ и старался жить по-русски. Въ заключеніе Содомцевъ категорически протестовалъ, будто проживалъ въ Лондонѣ подъ чужой фамиліей. Послѣ своего показанія онъ написалъ слѣдующую записку: «Милостивые государи, Герценъ, Огаревъ, Долгоруковъ и Тхоржевскій! Вы погубили меня, Богъ знаетъ за что. Вы меня принимали вмѣстѣ съ шпіонами и, какъ мнѣ казалось, вы меня самого считали за шпіона. Это подло съ вашей стороны: напечатайте, по крайней мѣрѣ, что я ни въ какихъ обществахъ не состою и ни съ какими порученіями отъ васъ не ѣздилъ. Еще разъ скажу, что это подло!». По заключенію врача III Отдѣленія Берса, Содомцевъ или очень мало развитъ отъ природы, или близокъ къ помѣшательству. Въ маѣ же онъ былъ отправленъ въ госпиталь. Дѣло его кончилось учрежденіемъ за нимъ въ Ставропольской губ. строгаго полицейскаго надзора (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10, лит. Б).

2288. М. Муравскій.

Въ прошломъ листѣ «Колокола», помѣстивъ приговоръ М. Муравскому, сосланному на пять лѣтъ каторжной работы и потомъ на пожизненное поселеніе, мы просили сообщить намъ подробности о его дѣлѣ. Передаемъ нашимъ читателямъ то, что получили [1]).

2289. Царскіе подарки къ Новому году.

Только-что мы прочли въ русскихъ газетахъ безобразный приговоръ, утвержденный государемъ, надъ лѣкаремъ Калликстомъ Павловскимъ (20 лѣтъ!), «виновнымъ *въ покушеніи на распространеніе* возмутительнаго воззванія» и за это приговореннымъ *на пять лѣтъ каторжной работы* и на пожизненное поселеніе въ Сибири,—какъ является рядъ новыхъ жертвъ.

[1]) Слѣдуетъ разсказъ корреспондента.

начиная со студента Спб. университета Капитона Сунгурова, судимаго «за недонесеніе кому слѣдуетъ о полученіи имъ возмутительныхъ воззваній, храненіе оныхъ у себя и передачу другимъ», за что онъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости *на годъ* съ высылкой потомъ изъ Петербурга.

Затѣмъ гоненіе юношей продолжается такъ [1]).

2290. 3/70 копѣйки съ души.

Die Liebe muss sein platonisch.
H. Heine [2]).

Мы всегда ненавидѣли корыстную любовь и всегда любили ту романтическую, которая не стоитъ ни копѣйки и не даетъ ни гроша. Покойникъ Андросовъ [3]), во время оно, занимаясь статистикой и осматривая самые бѣдные притоны разврата въ Москвѣ, разсказывалъ однажды о невѣроятной нищетѣ и грязи, въ которой живутъ въ нихъ несчастныя сандрильоны. «Скажите, спросилъ его Н. Ф. Павловъ (тогда еще партикулярный писатель, игравшій въ карты, а не въ убѣжденія и никакъ не предвидѣвшій, что онъ потонетъ въ лучахъ Каткова, какъ Гесперъ [4]) тонетъ въ солнечныхъ лучахъ)... итакъ,—«скажите, спросилъ Н. Ф. Павловъ, любившій, какъ М. П. Погодинъ, знать всякому дѣлу цѣну по курсу ходячей монеты,—почемъ же онѣ берутъ съ своихъ посѣтителей?».

— «Такъ мало, такъ мало,—отвѣчалъ Андросовъ,—что онѣ ихъ пускаютъ *почти изъ любви*».

Меня отвѣтъ этотъ поразилъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. И вотъ черезъ четверть столѣтія я его вспомнилъ, читая слѣдующее въ «Кельнской Газетѣ»: «Петербургскіе журналы пишутъ, что къ концу 1863 года на войну (и умиротвореніе) добровольно пожертвовано 36,868 руб. (т.-е. въ родѣ трехъ семидесятыхъ копѣйки съ души)». Должно быть, народъ страстно любитъ войну: онъ такъ мало, такъ мало, почти ничего не даетъ, кромѣ адресовъ...

2291. Сентиментальный взглядъ назадъ.

Встрѣчая нашъ *ошибочный*, но *отечественный* Новый годъ съ 12 на 13 января, развернули мы, за неимѣніемъ новаго «Мѣ-

[1]) Слѣдуетъ пространный приговоръ по дѣлу А. Румянцова, А. Фрязиновскаго и др., перепечатанный изъ «Сен. Вѣд.».

[2]) «Любовь—въ платоническомъ чувствѣ» (Изъ стихотворенія Гейне «Sie sassen am Teetisch und sprachen»).

[3]) Василій Петровичъ, извѣстный статистикъ.

[4]) Или Весперъ—вечерняя звѣзда, какъ древніе прозвали планету Венеру, видимую только утромъ и вечеромъ.

сяцеслова», старый, т.-е. прошлогодній, и на сердцѣ стало легко и хорошо.

Прошелъ одинъ годъ, только одинъ, а какъ тогда все было свѣтло, особенно въ календарѣ Спб. Академіи... Самый «обзоръ событій» за 1862 годъ оканчивается 1 мая, а теперь все глядитъ сентябремъ...

«Все измѣнилося подъ нашимъ зодіакомъ»... [1])

На первомъ листѣ «Мѣсяцеслова» на 1863 годъ портретъ опальнаго великаго князя [2])... Кто могъ думать тогда, что императорскій якобинецъ Муравьевъ сочтетъ его за повстанца и на этомъ основаніи спрячется отъ него при проѣздѣ черезъ Вильну (онъ только связанныхъ и скованныхъ повстанцевъ можетъ видѣть...)? Попробовали бы въ «Мѣсяцесловѣ» на 1864 годъ помѣстить портретъ Константина Николаевича,—что́ бы было! святыхъ вонъ неси... Катковъ-Вѣрный [3]) тотчасъ донесъ бы на Академію, на Головнина, на «Спб. Вѣдомости», на молодое поколѣніе, на естественныя науки и проч.

Мы сказали, что обзоръ событій въ «Мѣсяцесловѣ» 1863 г. оканчивается на 1 мая. Какая глубокая деликатность. Онъ оканчивается тамъ, гдѣ петербургское правительство, убѣжденное въ пользѣ классическаго образованія, начало свое *подражаніе древнимъ* пожаромъ по Нерону, съ ложнымъ обвиненіемъ своихъ назареевъ, съ избіеніемъ невинныхъ... Если бы не это античное событіе, кто же бы велѣлъ Академіи наукъ, скорѣе склонной по званію къ предваренію равноденствія, остановиться въ декабрѣ на маѣ [4])?

Зато ни малѣйшей тѣни, все радуетъ, даже некрологъ начинается съ печальной, конечно, вѣсти о смерти Буткова,—не настоящаго Буткова, а другого [5]), но все, какъ будто, легче, когда знаешь, что однимъ Бутковымъ меньше.

Найдетъ ли сомнѣніе въ силѣ и твердости церкви, подталкиваемой такими термитами, какъ Аскоченскій,—«Мѣсяцесловъ» разсказываетъ, что рѣшено строить церкви:

«въ *Хеврусіи*—въ селеніяхъ: Ардоти, Лабискари и Хахмати,

«въ *Тушетіи*—въ селеніяхъ: Илуртѣ, Нацихвари, Шенако и Тіонетахъ,

«въ *Сванетіи*—въ селеніяхъ: Пари и Бечо,

«въ *Самурзакани*—въ Окумскомъ и Бедійскомъ приходахъ.

«Независимо отъ этого, общество приняло на себя достройку начатыхъ церквей въ приходахъ: Владикавказскомъ, Алибеглин-

[1]) Изъ фривольнаго двустишія, долгое время приписываемаго Пушкину.

[2]) Константинъ Николаевичъ.

[3]) Намекъ на доносчика по дѣлу декабристовъ Шервуда, къ фамиліи котораго, въ награду за доносъ, было присоединено «Вѣрный».

[4]) «Обзоры событій» всегда въ то время доводились до 1 іюля предшествующаго года; въ 1862 г.—по 1 мая, а затѣмъ были изъяты.

[5]) Михаилъ Григорьевичъ, «братъ извѣстнаго академика».

скомъ, Гудскомъ, Зругскомъ, Ахіельскомъ, Амтнисвехскомъ, Самрарданскомъ, Батако-Юртовскомъ и Супійскомъ. Постройка первыхъ двухъ церквей уже окончена. Для *горскихъ* церквей [1]) и иконостасы уже готовы».

...Мы до сихъ поръ знали только *горское* вино, а вотъ «Мѣсяцесловъ» на 1863 г. обучалъ, что существуютъ des eglises montagnardes [2])... Это пахнетъ 1793 годомъ.

Но гдѣ, дѣйствительно, русскій можетъ гордиться, такъ это въ хронологическомъ перечнѣ «Мѣсяцеслова» на 1863 годъ. Онъ начинается и оканчивается величайшими событіями. На 1-й стр.:— *Отъ начала русскаго государства тысяча съ годомъ.* Два нуля между двухъ единицъ—что-то таинственное! На послѣдней страницѣ доказательство, что не даромъ жили мы 994 года—*„отъ назначенія генералъ-адъютанта кн. Барятинскаго намѣстникомъ Кавказскимъ (1856, Авг. 26) семь лѣтъ“*. Пиѳагорово число... Семь планетъ, семь мудрецовъ...

Кто хочетъ, пусть себѣ покупаетъ новый календарь, мы останемся при старомъ. Мы не хотимъ знать, что отъ назначенія Барятинскаго—8 лѣтъ, отъ умиротворенія Литвы Муравьевымъ—1 годъ, отъ назначенія Каткова исправляющимъ должность Сильвестра и Адашева—1 годъ.

2292. И это слава?

Какое страшное ремесло война, и въ особенности война *умиротворенія!* Беремъ безъ комментаріевъ нѣсколько словъ и образовъ изъ разсказа штабсъ-капитана Озерскаго о взятіи ксендза Мацкевича («Сѣв. Пч.» дек. 15):

...«Я получилъ приказаніе черезъ часъ выступить... Возвратившись наканунѣ вечеромъ изъ экспедиціи, я сильно пригорюнился, нисколько не подозрѣвая *впереди ожидавшаго меня счастья*».

Посмотримъ это счастье. Отрядъ солдатъ и ихъ начальникъ искали по слѣдамъ укрывшагося Мацкевича; долго плутали они по гористымъ мѣстамъ, наконецъ, «гренадеръ Никоновъ остановился и протянулъ палецъ... Гляжу, ничего не вижу, но полоборота направо, шагахъ въ пяти отъ насъ, подъ зеленымъ навѣсомъ запорошенной снѣгомъ ели лежало что-то сѣрое. Въ одинъ мигъ исполинскій скачокъ—и я очутился верхомъ на какомъ-то человѣкѣ... колѣни въ грудь, руками за шею... «Ваше благородіе, держите за револьверъ, онъ подъ вами», кричали подбѣгавшіе солдаты, и

[1]) Въ «Мѣсяцесловѣ» сказано: «для нихъ», а терминъ «горскія церкви» употребленъ дальше.

[2]) Горныя церкви; какъ извѣстно, «монтаньярами» называли крайнихъ лѣвыхъ въ національномъ конвентѣ.

вслѣдъ затѣмъ кто вцѣпился изъ нихъ за волоса, кто за ноги... растянули лежачую бороду и, наконецъ, обезоружили»...

Это былъ самъ ксендзъ Мацкевичъ, и этотъ-то случай названъ «счастьемъ, ожидавшимъ» штабсъ-капитана Озерскаго...

2293. Дружба и братство.

Какой-то другъ г. Каткова фонъ-Роткирхъ [1]) служитъ помощникомъ директора канцеляріи *по дѣламъ военнаго положенія,* т.-е. такъ или иначе назови — по полиціи. Фонъ-Роткирха хотѣли убить и другъ его г. Катковъ самъ признается, что «польскій подземный жондъ, какъ видно, не ошибается въ выборѣ жертвъ для своихъ наемныхъ убійцъ. На этотъ разъ онъ выбралъ человѣка, который принадлежитъ къ числу лучшихъ и честнѣйшихъ русскихъ дѣятелей въ Варшавѣ. Дѣла въ Варшавѣ давно пошли бы иначе, если бы законная администрація въ Ц. Польскомъ *(намекъ на дурной составъ администраціи при вел. князѣ)* вся состояла изъ такихъ людей, какъ г. фонъ-Роткирхъ, съ его добросовѣстностью и патріотизмомъ. Мы имѣемъ достаточныя основанія сказать это о г. фонъ-Роткирхѣ и говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ. *Мы утѣшаемъ* себя тѣмъ, что раны, полученныя имъ, не будутъ имѣть серьезныхъ послѣдствій *для его здоровья,* и что вскорѣ онъ снова вступитъ въ свою должность въ Варшавѣ, откуда заговорщикамъ такъ хотѣлось выпроводить его. Застращать такихъ людей, какъ г. фонъ-Роткирхъ, тайнымъ убійцамъ не удастся; людей извѣстнаго закала подобныя покушенія возбуждаютъ лишь къ большей энергіи и рѣшимости. Подобныя покушенія не переведутъ честныхъ дѣятелей у насъ, а напротивъ усилятъ и размножатъ ихъ. Своими угрозами и нападеніями убійцы только явственнѣе отличатъ тѣхъ, кто имъ истинно опасенъ въ числѣ агентовъ законной власти... *Мы послали телеграмму въ Варшаву* и съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстій о состояніи здоровья г. фонъ-Роткирха» [2]).

Въ этомъ лепетѣ дружбы при вѣсти о постигшемъ сотоварища, въ этихъ повтореніяхъ о закалѣ и размноженіи «честныхъ дѣятелей» виденъ какъ будто страхъ со стороны издателя «Московскихъ Вѣдомостей», но, вѣдь, г. Катковъ въ богомъ хранимой Москвѣ, а не въ Польшѣ, и къ тому же «польскій жондъ не ошибается въ выборѣ жертвъ» и, если перенесетъ (чего, боже, сохрани) свою дѣятельность въ Россію, то неужели выберетъ г. Каткова? Еще три мѣсяца благочинной редакціи его сгубятъ этого господина безъ всякихъ хирургическихъ средствъ.

[1]) Василій Алексѣевичъ, авторъ «Воспоминаній» и статей подъ псевдонимомъ «Теобальдъ».

[2]) Въ слѣдующ. № «Моск. Вѣд.» г. Катковъ успокоилъ волнующуюся Москву слѣдующимъ извѣстіемъ: «На посланную нами въ Варшаву телеграмму мы получили отвѣтъ, что г. фонъ-Роткирхъ находится нѣсколько дней въ горячечномъ состояніи». *А. И. Г.*

2294. [О «Сѣв. Пчелѣ»].

¿ Просимъ дать намъ ключъ перевести на русскій языкъ или вообще на языкъ здраваго смысла слѣдующую фразу «Сѣв. Пчелы»: «Начальниками уѣздовъ, по представленіямъ ближайшихъ военныхъ властей, будутъ назначены люди дѣятельные, способные, понимающіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ дѣйствія въ родѣ *цирлихъ-манирлихъ* вредны для края во всѣхъ отношеніяхъ»!

2295. Портретъ Муравьева.

«Illustrated Times» отъ 2 января помѣстилъ портретъ Муравьева-Вѣшателя. Передъ этимъ портретомъ мы остановились въ безумномъ удивленіи... Это—предѣлъ, это—граница. Такого художественнаго соотвѣтствія между звѣремъ и его наружностью мы не видали ни въ статуяхъ Боунарроти, ни въ бронзахъ Бенвенуто Челлини, ни въ клѣткахъ зоологическаго сада... Надо отдать природѣ справедливость: она—величайшій артистъ!

Этотъ портретъ долженъ итти въ потомство, онъ принадлежитъ исторіи.

Палачъ, вмѣсто клейма, отмѣтитъ своими чертами падшую часть русскаго общества, ту, которая рукоплещетъ казнямъ, какъ побѣдамъ, и выбрала этого урода своимъ великимъ мужемъ. Всѣ брильянты императорской короны и все масло помазанія не спасутъ вѣнчанный лобъ человѣка, отыскавшаго гдѣ-то заброшеннаго людоѣда, чтобы его послать на «умиротвореніе» несчастнаго края.

Портретъ этотъ пусть сохранится для того, чтобы *дѣти* научились презирать *тѣхъ отцовъ*, которые въ пьяномъ раболѣпіи телеграфировали любовь и сочувствіе этому безшейному бульдогу, налитому водой, этой жабѣ съ отвислыми щеками, съ полузаплывшими глазами, этому калмыку съ выраженіемъ плотоядной, пересыщенной злобы, достигнувшей какой-то растительной безчувственности... [1]

◆◆ 1. Какъ разъ въ это время въ Петербургѣ разнесся слухъ о смерти Герцена. «Умеръ ли, живъ ли онъ,—записалъ въ своемъ дневникѣ отъ 12 января 1864 г. Никитенко—впрочемъ, теперь, на мой взглядъ, рѣшительно все равно для Россіи. Врядъ ли отнынѣ отъ него можетъ быть для нея польза или вредъ. Съ польскаго возстанія онъ такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что его существованіе можно почти и позабыть» (II, 158).

2296. Сплетни, копоть, нагаръ и пр.

Мы получили послѣ Новаго года нѣсколько писемъ изъ Россіи и отъ русскихъ изъ-за границы. Общее впечатлѣніе скверное, хотя признаки перелома не только продолжаются, но явнымъ образомъ усиливаются. Предусмотрительные трусы начинаютъ покидать станъ *красныхъ* (т.-е. палачей,—слово «красныхъ» такъ употреблено въ одномъ изъ писемъ); подробности насъ просятъ не печатать, чтобы не испугать цѣломудренность раскаявшихся грѣшниковъ...

Впрочемъ, всякаго рода раскаянія въ модѣ; видно, подходятъ послѣднія времена. Не только *красные* раскаиваются, но раскаиваются и синіе, и пѣгіе, и совсѣмъ безцвѣтные, раскаиваются во всемъ: въ помыслахъ и сновидѣніяхъ, въ давно прошедшемъ и еще не наставшемъ, во всѣхъ многоразличныхъ грѣхахъ, даже въ такихъ, которыхъ за ними никогда не было или которые вовсе невозможны.

Корреспондентъ нашъ говоритъ объ одной сѣдовласой Магдалинѣ (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, бѣлыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго *она «прервала всѣ связи съ друзьями юности»*.[1]

Съ своей стороны, *красные* не унываютъ. Отказъ Суворова раздразнилъ ихъ до высшей степени. Имъ нужно крови, каторги, пытки, чтобы отлегло отъ сердца. Константина Николаевича они сильнѣе и громче бранятъ, чѣмъ когда-либо; приказъ «Моск. Вѣдом.» допекать его намеками остается неизмѣннымъ. Бергомъ начинаютъ быть довольными наши антропофаги. Но объ Анненковѣ[1]) говорятъ, какъ объ «умѣренномъ» и «хладнокровномъ». «Онъ относится къ Муравьеву, какъ Аксаковъ къ Каткову». Эту пропорцію поставилъ на-дняхъ одинъ русскій генералъ *съ будущностью*.

Терроръ неумолимъ, безъ этого онъ не былъ бы терроромъ, и на полдорогѣ останавливаться нельзя. Не спасутъ тутъ лирическіе возгласы о величинѣ и пространствѣ Россіи на манеръ Гоголя[2]), не спасетъ постоянное ругательство поляковъ; тутъ надобны доносы, надобно себя обезчестить; не риторическія схватки любви къ народу нужны, — народъ надобно презирать во имя сильнаго государства и требовать казней во славу и крѣпость петербургскаго управленія...

[1]) Кіевскій ген.-губернаторъ.
[2]) См. окончаніе I части «Мертвыхъ душъ».

◆◆ 1. «Сѣдая Магдалина» — И. С. Тургеневъ, показанія котораго только тогда стали извѣстны Герцену. Послѣ приведенныхъ мною (см. № 2105) показаній Тургеневъ только въ сентябрѣ 1863 г. просилъ нашего посла дать ему отсрочку для явки въ сенатъ, а въ декабрѣ 1863 г. обратился съ письмомъ къ первоприсутствовавшему сенатору Карніолинъ-Пинскому, прося, въ виду болѣзни, вести дѣло дальше и позволить ему явиться по выздоровленіи. 7 января 1864 г. онъ явился въ присутствіе сената для выслушанія высочайшаго повелѣнія о преданіи его суду; затѣмъ съ него была взята подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга безъ разрѣшенія сената. 31 января Тургеневъ вторично явился въ сенатъ и по прочтеніи показаній Налбандяна и Ничипоренка написалъ детальное опроверженіе ихъ, мало интересное для насъ въ данное время. Вслѣдъ затѣмъ ему было разрѣшено вернуться за границу.

2297. Фуріи.

«Siècle» отъ 10 января, говоря о миломъ адресѣ петербургскихъ дамъ Муравьеву, спрашиваетъ съ удивленіемъ: «Что эти матери, жены, сестры развѣ не имѣютъ ни сыновей, ни мужа, ни брата?» и пр. О, наивный «Siècle»! Не знаетъ онъ, что такое за звѣрь *русская помѣщица*, отъ Салтычихи, посаженной на цѣпь Екатериной II, до... вотъ до кого, напримѣръ: одинъ англичанинъ, *принадлежащій къ очень извѣстнымъ людямъ и къ очень уважаемымъ*, разсказывалъ здѣсь, въ Лондонѣ, что онъ недавно былъ на какомъ-то большомъ обѣдѣ въ Москвѣ и сидѣлъ возлѣ старой дѣвы (онъ назвалъ ее,—изъ плохихъ княжескихъ родовъ), которая говорила *ему, англичанину,* негодуя на польское возстаніе: «я желала бы отъ всей души, чтобы перевѣшали всѣхъ до одного поляковъ!»...

Само собою разумѣется, что есть много исключеній, но общій типъ прелестнаго пола *демократическаго* дворянства нашего, русской барыни-помѣщицы, это—типъ волчицы, заѣдающей десять-двадцать существованій горничныхъ и слугъ безъ малѣйшаго сожалѣнія, безъ устали и отдыха.

Нельзя же было въ два года этимъ фуріямъ перемѣниться. Новаго въ замѣчаніи старой дѣвы только цинизмъ. Прежде иностранцевъ надували гуманностью, теперь хвастаются передъ ними энергическими чувствами и *пеньковымъ* патріотизмомъ.

Вотъ будетъ работа всѣмъ дѣвамъ и бабамъ-ягамъ нашего бомонда,—встрѣчать въ Москвѣ и Петербургѣ съ гирляндами и букетами Муравьева, который ѣдетъ, говорятъ, предсѣдателемъ новой комиссіи *погашенія и уничтоженія* Польши...

Мы надѣемся, что намъ пришлютъ именной списокъ милыхъ патріотокъ-кстати, ужъ и патріотовъ.

2298. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено изъ Италіи 20 франковъ и 2 фунт стер. съ особымъ назначеніемъ.

2299. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

15 янв. 1864.
Elmfield House.

Милая Тата, ваше письмо № 10 отъ 2 я получилъ очень поздно, т.-е сегодня, но получилъ и тотчасъ отправилъ, по указанію Мальвиды, въ Бельгравію [1]) 3 «Кол.» 1-го №, 2—2 № и пустилъ въ одномъ изъ «Кол.» портретъ Муравьева,—это стоитъ штудіума [2]). «Paris en Amér.» тоже послалъ. Если бы вы не торопились сказать о Пл. [3]) отъѣздѣ, все было бы давно у васъ.

Твой анекдотъ о Verbe насъ съ Ог. просто въ лоскъ положилъ, даже совѣстно стало; ты понимаешь, что съ моей стороны это былъ просто-напросто каламбуръ. Бѣдный и добрѣйшій Пл.

Жаль Дол. [4]), но ты не бойся, именно теперь это было бы для него занятіе по душѣ. Статью въ «Сѣв. Пчелѣ» не знаю, кто писалъ, а Писемскій написалъ романъ «Взбаломученный омутъ» [5]), въ которомъ самымъ гнуснымъ образомъ разсказалъ исторію о взятіи Ветошникова, о томъ, что мы ему дали печатныя вещи etc. Всѣ догадаются, что это его записка помѣщ. въ моей статьѣ. А ты какъ же думаешь, Тата, что ихъ за такія продѣлки по головкѣ гладить?

Ольгиной собакѣ я радъ и свидѣтельствую ей почтеніе. Лиза послала сама. Леля въ лихорадкѣ; погода опять теплая, но туманъ, мракъ, сырость, а, впрочемъ, ничего, работаемъ. Я писалъ—наши акціи опять идутъ въ гору.

Вотъ важная вещь. Miss Reeve пишетъ, что она получила письмо къ тебѣ отъ M-me Gallait и не знаетъ, какъ переслать. Сейчасъ пиши ей (адр. тотъ же: 13, Fontana Medina). Она посылаетъ записочку тебѣ въ нашемъ письмѣ,—пишетъ она, но выпала ли она у насъ, на почтѣ или она забыла положить, но мы не нашли. Зачѣмъ же вы не даете знать, куда писать къ вамъ?

[1]) Бельгравъ—маленькій городокъ въ графствѣ Лейстеръ.
[2]) Studium—изученіе.
[3]) Платнауэръ.
[4]) Кн. П. В. Долгоруковъ.
[5]) «Взбаломученное море».

1. Ich habe Kinkel Ihren Brief mit der Post geschickt, und die Broche mit der Marylabonne. Si ce n'est pas trop tard, vous recevrez le livre de Laboulaye. Vous me faites dire des monstruosités et après vous me donnez pour cela des chiquenaudes. Je n'ai jamais douté qu'une civilisation décrépite ne puisse produire des talents, ex. gr. Lucien au IV siècle. 2. Défiez-vous des autorités de Botkine-Tintoretto et même de son frère esthétique. Je vous dis en vérité (style Renan): celui qui a compris, a mis une chaîne sur lui, on est libre de déraisonner sans avoir compris—on doit être logique après avoir compris. Hafiz disait au vin — «émancipe-moi de l'esclavage de l'ntelligence».—La logique est une machine—une fois dans ses engrenages—adieu das Schweben! Ce qui se passe maintenant en Russie est étonnant—la gangrène va en tuant—les autres et soi-même [1]).

2300. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

19 января (1864).
Elmfield House.

Милая Тата, январь мѣсяцъ у насъ всегда бываетъ плохъ. Въ прошломъ году Лизина скарлат., а въ нынѣшнемъ — горячка у Лели. Сегодня ей уже получше, но она много страдала и, вѣроятно, еще дней въ десять не оправится. Послѣ морозовъ, о которыхъ я писалъ, былъ сырой туманъ, продолжавшійся недѣлю. У всѣхъ болѣла голова, кружилась и пр. Въ самомъ дѣлѣ, это

[1]) 1. Я переслалъ Кинкелю ваше письмо по почтѣ, а брошку черезъ бонну Марилю. Если еще не поздно, вы получите книжку Лабулэ [0]). Вы меня заставляете говорить чудовищныя вещи, а потомъ награждаете за нихъ щелчками. Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что дряхлая цивилизація можетъ производить таланты, напр., Лукіанъ въ IV в. [00]). 2) Остерегайтесь авторитетовъ Боткина-Тинторетто [000]) и даже его эстетическаго брата [0000]). Я Вамъ по истинѣ говорю (стиль Ренана): тотъ, кто понялъ, сковалъ себя цѣпью; доколѣ вы не поняли, вы вольны безумствовать; понявъ, вы должны быть логичны. Гафизъ [00000]) говорилъ вину: «освободи меня отъ рабства ума». Логика — машина; разъ попалъ въ ея зубчатыя колеса — прощай, полетъ!— Въ Россіи сейчасъ происходятъ поразительныя вещи, гангрена разрастается, губя себя и другихъ.

[0]) Очевидно, рѣчь идетъ о появившемся въ то время памфлетѣ «Парижъ въ Америкѣ».

[00]) Знаменитый греческій сатирикъ; время жизни его относится ко II вѣку.

[000]) Tintoretto—итальянск. художникъ; рѣчь идетъ, очевидно, о Михаилѣ Петровичѣ, академикѣ исторической живописи.

[0000]) Василій Петровичъ.

[00000]) Знаменитый персидскій лирикъ.

ужасный климатъ. Скажи Мальвидѣ, что я ей на 1/10 уступаю. Есть ли у васъ, по крайней мѣрѣ, «Times»? Мой пріятель Grant-Duff [1]) помѣстилъ подлѣйшее или, лучше, глупѣйшее письмо въ пользу Муравьева и русскихъ тюремъ.

Счетъ письмамъ я забылъ; кажется, 3 послѣ Новаго года. «Кол.» и книгу на лондонс. адресъ послали.

21 янв.

Лелѣ было опять хуже. Я ѣздилъ съ Лизой въ циркъ, и у меня украли кошелекъ и въ немъ отъ 6 до 7 фун.

Это второй разъ въ продолженіе 11 лѣтъ въ Лондонѣ. Первый разъ я съ вами смотрѣлъ иллюминацію въ 1853 году.

Письмо твое къ Nat. читалъ и, хотя я думаю, что сосредоточеніе всѣхъ силъ необходимо на одномъ предметѣ, но полагаю, что на музыку время найти можно. Au reste, я объ этомъ Мальв. пишу, и она можетъ тебѣ прочесть. Мое мнѣніе вовсе независимое; согласенъ съ Огаревымъ, что музыку не слѣдуетъ упускать изъ виду, и я полагаюсь въ этомъ на ваше обоюдное благоразуміе.

Леля внѣ опасности. Гено де Мюсси [2]) живетъ теперь у Орлеанскихъ принц. въ Твикнэмѣ и могъ ее осмотрѣть. Онъ только боится вновь простуды, а то all right!

22 янв.

А ты, Ольга, что мало пишешь? Римская ты эдакая пигалица. А собачку-то такъ и не нашла? Прощай. Я съ большимъ удовольствіемъ читаю о твоемъ ученіи.

Цѣлую тебя много,

твой папа.

Кланяйся Егоровнѣ [3]).

2301. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

(21 января 1864).

So geht es, meine liebe Skeptikerin, schwer und bährisch geht die Zeit... und noch dazu in so einem Wetter. Sogar Dioty ist krank. Nur Pflanzen und Dolgorukoff gedeihen. Im Januar hat Og. zweimal seine Krankheit gehabt—das ist zum ersten M. nach seiner Ankunft. Er macht gar nichts für seine Gesundheit. Arbeitet die ganze Nacht,

[1]) Монстюартъ-Эльфинстонъ; англ. писатель и государств. дѣятель.
[2]) Докторъ.
[3]) Горничная Жеоржина.

schläft bis 2 etc. Ich verliere Geduld und die Börse—und alles geht doch. Haben Sie an M. Reeve geschrieben, um den Brief v. Gallait zu bekommen?

Addio—ich schwelge mich im Nebel.

Jetzt ist es so warm wie im Mai. Man muss ein Calorimetre v. Wedgewood sein, um keinen Rheumatismus zu haben... nicht jeder wird in Porzellan geboren—selbst wenn er aus „China“ kommt.

22 januar.

Voilà votre lettre — je pense du 16. Je ne savais rien — ni de discussion, ni de correspondance. Je suis tout à fait de votre avis sur l'éparpillement des forces... mais en s'occupant de la peinture—on peut, on doit le pouvoir—trouver une heure ou une h. et ½ pour la musique. Est-ce que Althaus jun. — n'a pas trouvé le temps de jouer Beethoven à vapeur accélérée et d'apprendre la médecine? Musst in's Breite dich entfalten — est aussi nécessaire que se concentrer. Or mon avis à moi — consiste en cela — mettons comme centre la peinture—ajoutez comme complément deux choses: 1 la lecture, 2 la musique. Le soir par ex. — Je ne perds pas l'espérance de vous voir vers la fin du Mai—donc dans 4 mois. Nous verrons alors quel changement nous pourrions introduire en attendant.

Salve.

Ich habe einen Plan Ihnen vorzulegen zum kunftigen Winter—aber ich bin noch mit mir selbst nicht ganz klar — also später davon.

Переводъ.

Такъ-то, мой милый скептикъ, проходитъ время тягостно и по-медвѣжьи... притомъ при такой погодѣ. Даже Діоти боленъ. Процвѣтаютъ только растенія и Долгоруковъ. Въ январѣ у Огарева дважды были припадки болѣзни; это впервые по его прибытіи. Онъ ничего ровно не дѣлаетъ для своего здоровья. Работаетъ по цѣлымъ ночамъ, спитъ до двухъ и проч. Я теряю терпѣніе и деньги —и, все-таки, какъ-то живемъ. Писали ли вы miss Ривъ, чтобы получить письмо Галлэ?

До свиданія, я утопаю въ туманахъ.

Теперь тепло, какъ въ маѣ. Нужно быть калориметромъ [1]) Wedgewood, чтобы не страдать ревматизмомъ... но не всякій же можетъ родиться фарфоровымъ, даже если онъ происходитъ изъ Китая.

[1]) Приборъ для измѣренія теплоемкости тѣлъ или относительной способности ихъ къ нагрѣванію.

22 января.

Передо мной ваше письмо, я полагаю—отъ 16-го. Я понятія не имѣлъ ни о спорахъ, ни о перепискѣ. Я совершенно согласенъ съ вами, что не годится разбрасываться... Но, занимаясь живописью, можно, должно найти часъ или полтора для занятій музыкой. Развѣ Альтгаузъ младшій не находилъ времени, чтобы на всѣхъ парахъ заниматься Бетховеномъ и въ то же время изучать медицину? Развиваться всесторонне такъ же важно, какъ сосредоточиваться. Итакъ, мое мнѣніе заключается въ слѣдующемъ: въ центръ поставимъ живопись, какъ дополненіе, присоединимъ два предмета: во-первыхъ, чтеніе, во-вторыхъ, музыку, напримѣръ, вечеромъ. Я не теряю надежды увидѣть васъ въ концѣ мая, значитъ, черезъ четыре мѣсяца. Тогда мы увидимъ, какія пока можно будетъ ввести перемѣны.

Будьте здоровы.

У меня есть для васъ планъ на будущую зиму, но онъ для меня самого еще не совсѣмъ ясенъ; итакъ, о немъ послѣ.

2302. Письмо къ сыну.

23 января 1864.
Elmf. H., Teddington.

Недѣля, которая прошла теперь, и прошлая были у насъ чрезвычайно gloomy [1]): у Ага были два обморока въ десять дней; Леля была въ горячкѣ, теперь только лучше. По счастью, еще Гено де Мюсси поселился у Орлеановъ въ Твикнэмѣ. Что Ог. всѣми средствами скоротаетъ свой вѣкъ, ясно. Единственный человѣкъ, котораго онъ слушалъ, —я, но въ гигіенѣ и мое вліяніе не идетъ ни на шагъ. Погода самая странная: послѣ морозовъ была недѣля къ ряду тумановъ и вдругъ стало тепло, какъ лѣтомъ.

На-дняхъ у меня вытащили на платформѣ Waterloo-Station кошелекъ и въ немъ отъ 5 до 7 фунтовъ. A propos, зонтикъ твой найденъ.

Ни на какой журналъ никакихъ акцій брать не совѣтую. У тебя есть два дѣла, остальное все до тебя не касается: одно—естественныя науки, другое—гдѣ случится что-нибудь сдѣлать для нашей русской пропаганды,—и пусть Пульскіе, Телецкіе [2]), Крышъ, Брашъ, Фыкъ, Штркъ [3]) идутъ своей дорогой.

[1]) Мрачны.
[2]) Телеки.
[3]) Эти четыре имени—шутка.

У Таты съ Мейз. полемика объ музыкѣ. Мейз. вдругъ твердо стала противъ изученія музыки, и это оттого, что ищетъ тишины. Это досадно, но, вѣроятно, онѣ столкуются на короткое время, хотя я не надѣюсь до конца мая что-нибудь сдѣлать (я и тебѣ не совѣтую раньше ѣздить сюда, если курсъ не закрывается, какъ къ 15 мая).

Все вмѣстѣ наводитъ тоску; погода престранная: послѣ недѣли мороза недѣля тумана, и вдругъ тепло и сырость, какъ весной.

Я тебѣ, кажется, писалъ, что у меня нога болѣла такъ, что я не могъ ходить, теперь прошло.

Прощай.

Портретъ Мур. я вложилъ въ одинъ изъ «Кол.».
А что же вещи твои?

2303. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

Кажется, 5 №.

30 янв. (1864).
Elmfield House.

Любезная Тата, письмо твое, посланное 22 янв. (№ 13), получилъ. «Колокола» разъ были посланы послѣ письма, но Мальвида пишетъ: писать не Ed. Rich, а ты—Ed. Rich... Я завтра отошлю франц. экземпл. 2 и рус. 2. Владимірова я помню, онъ очень хорошій, кажется, молодой человѣкъ [1]). О Грегоров. [2]) переводѣ (стало, рѣчь идетъ о пер. на англійскій) я съ Трюб. поговорю, но я на него не имѣю вліянія съ тѣхъ поръ, какъ онъ не продаетъ ничего изъ нашихъ книгъ. Надѣюсь, что ваши музыкальные контроверсы [3]) разрѣшились въ гармонію и мелодію. У насъ потише: Леля выздоравливаетъ; у Ага лихорадка; на дворѣ тепло, какъ лѣтомъ, а всѣ простужаются. Генварь прошелъ—до мая недалеко, 3 мѣсяца, а, глядя на дѣла, беретъ раздумье. Одно вѣрно: ни въ Лондонѣ, ни въ Англіи не останемся, а остальное зависитъ отъ разныхъ разностей, вовсе не отъ насъ зависящихъ. Ты знай свое—работай за двоихъ, работай за троихъ.

Я только расхвастался тепломъ, а вѣтеръ сѣв.-восточ. опять подулъ; разумѣется, что нога болѣла у меня отъ ревматизма.

Je suis en retard—je n'ai plus le temps d'ajouter qu'une buona sera.

Adieu.

Le paquet est envoyé à Belgrave ce matin [4]).

[1]) Николай Львовичъ.
[2]) Грегоровіусъ.
[3]) Controverse—споръ.
[4]) Я запоздалъ; остается только время пожелать вамъ доброй ночи. Прощайте. Пакетъ въ Бельгравъ посланъ сегодня утромъ.

2304. Отвѣтъ Гарибальди.

Капрера, 23 декабря 1863 [1]).

«Любезный другъ,

«Я получилъ ваше дорогое письмо; для меня оно—документъ. Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы, и что онъ неповиненъ ни въ виленскихъ истязаніяхъ, ни въ варшавскихъ висѣлицахъ; я знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго, я помню многихъ офицеровъ, которые предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству въ Польшѣ; святыя имена Попова и Арнгольдта глубоко отпечатлѣлись въ памяти моей: ихъ имена будетъ повторять исторія вмѣстѣ съ именами ихъ товарищей по мученичеству.

«Но мнѣ кажется, что Польша, въ которой бичуютъ женщинъ и вѣшаютъ юношей, должна была бы возбудить состраданіе народа русскаго, по крайней мѣрѣ, въ той благородной части его, къ которой вы принадлежите и въ ней возбудить протестъ болѣе торжественный, чѣмъ слова.

«Предразсудками національности и религіи всегда пользовались власти для своихъ видовъ, ими они отравляли дружескую связь народовъ. Но пока кровь льется, сильные должны бы имѣть, если ничего другого, по крайней мѣрѣ, сожалѣніе къ слабому.

«Проповѣдуйте это русскимъ, а я скажу польскому дворянству: отдайте землю крестьянамъ, и всей Польшѣ: перестаньте придавать вашей геройской борьбѣ характеръ религіозный, несовременный, отчуждающій отъ васъ симпатіи и вызывающій кровавыя противодѣйствія.

«Прощайте, мой любезный другъ, благодарю за память и пр

Вашъ *Джузеппе Гарибальди*». [1]

Прочитавъ эти строки, у меня навернулись на глазахъ слезы, горькія слезы стыда и боли. Какъ ни издѣвались надо мной наши мраморные gamins [2]), наши доктринерскіе застрѣльщики, принимающіе безсердечіе за умъ [3]), я не могу отучиться отъ глубокой грусти...

Гарибальди совершенно правъ: кого не поразитъ это безучастіе къ казнимому народу, это нѣмое бездушье возлѣ стона, вопля, крови. Но онъ далеко отсталъ; его воображеніе не шло

[1]) Письмо Гарибальди опоздало, потому что общій другъ нашъ, взявшій письмо къ нему, былъ позже въ Капрерѣ и переслалъ отвѣтъ черезъ Флоренцію. *А. И. Г.*

[2]) Уличные мальчишки, шалуны.

[3]) Намекъ на Каткова и К°.

дальше равнодушія, а у насъ *нѣжность* къ казнямъ, мы ласкаемъ палачей, «лобызаемъ ихъ доблести», по выраженію одного изъ православныхъ іерарховъ [1]), мы пируемъ, ликуемъ въ ихъ честь, пьемъ за ихъ здоровье, подносимъ имъ иконы... У насъ все добровольно, con amore [2]) запачкалось въ крови: нѣмецкій университетъ въ Москвѣ и нѣмецкая биржа въ Петербургѣ, уѣздные крѣпостники и столичные газетчики... Государь андреевской лентой и серебряными рублями показалъ, что казни—не печальная необходимость, при которой верховный судья накрываетъ свою голову одеждой сѣтованія, а награждаемая доблесть... Церковь, уклонившаяся передъ самимъ Петромъ отъ прямого участія въ казняхъ, поставила православный алтарь свой скамейкой для зѣшающаго палача.

Эта позорная полоса нашей исторіи тѣмъ больше отвратительна, что она вовсе не нужна. Вызванная трусостью, подхваченная, съ одной стороны, раболѣпіемъ, съ другой—свирѣпымъ патріотизмомъ, она не имѣетъ оправданія. Она пройдетъ, и пройдетъ скоро, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но *слѣдъ ея останется;* и какъ исчезнувшій рубецъ кнута выступаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такъ и она будетъ выступать подъ перомъ каждаго грядущаго историка. Этотъ майоратъ пойдетъ надолго. Прошлое злодѣйство искупается, обязываетъ къ смиренію, заглаживается, но не проходитъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ память человѣческая.

Въ тупой и наглой кровожадности общества оправданіе всѣхъ ужасовъ петербургскаго періода: отъ собственноручныхъ упражненій державнаго палача до военныхъ поселеній, отъ превращенія каждой съѣзжей въ домъ пытокъ до превращенія каждаго помѣщичьяго дома въ съѣзжую.

Самодержавная имперія, основанная на явныхъ штыкахъ и канцелярской тайнѣ,—не русское изобрѣтеніе. Но отчего же переложенная на русскіе нравы, она утратила все человѣческое? Отчего ни въ Пруссіи, ни въ Австріи она не развилась ни въ Павла, ни въ Аракчеева, ни въ Николая?...

Не вся отвѣтственность падетъ тутъ на правительство. Правительство не выдумываетъ порохъ, а жжетъ его. Оно и въ настоящихъ казняхъ только прибавило къ слову *дѣло*, но слово сказано не имъ. Первое слово сказано тѣми, которые въ отвѣтъ на плоскую выдумку о зажигателяхъ требовали какихъ-то безпримѣрныхъ казней...

Мѣсяцы ходило правительство кошкой съ разгорѣвшимися глазами около висѣлицы и примѣривалось, прислушивалось... То попробуетъ разстрѣлять русскаго юношу, то кого-нибудь отошлетъ на каторгу, то повѣситъ поляка—и спрячется опять за ширмы

[1]) Василій, архіепископъ полоцкій и витебскій.
[2]) Съ любовью.

«реформъ», выжидая, что будетъ. Но когда оно увидѣло, что общество вошло во вкусъ крови, что не только *публичные мужчины*, которымъ оно приплачиваетъ, но и ворчащее дворянство, которое само сильно поплатилось, стоятъ за казни и *энергію*, тогда оно разомъ откинуло западную часть маски и, засучивъ рукава, схватило Муравьева и пошло мѣсить кровь, вѣшать, давить, пытать, словомъ, пошло тѣшиться сколько безпощадному сердцу монгольскаго нѣмца угодно. Смѣло было передъ лицомъ всего міра казнить ежедневно враговъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ; это противно собственной военной религіи петербургскаго императорства. Смѣло было нести раненыхъ на казнь, вѣшать людей безъ памяти на *вздержку* (какъ убили благороднѣйшаго Сѣраковскаго). Польша и Литва—не Старая Русса, не Казанская губернія, это—не бѣдные крестьяне, которыхъ тѣло стоитъ исключить изъ подушнаго оклада—и дѣло кончено: тутъ офицеры, помѣщики, тутъ близко границы. Тѣмъ не меньше, правительство рискнуло,—и что же? При видѣ этихъ ужасовъ обѣды еще жирнѣе, стерляди еще больше, пьяная ватага реветъ «ура», шлетъ адреса, шлетъ телеграммы, пуассарды Зимняго дворца, государынины робеспьеровскія трикотезы [1]), ханжи изъ царской дѣвичьей сооружаютъ иконы... Работай, Муравьевъ, мы народны!.. И насъ хотятъ увѣрить и бѣлымъ, и аксаковскимъ днемъ, что это—любовь къ отечеству! Лучше не имѣть никакого отечества.

Не вчера же, однако, родился этотъ характеръ; близнецомъ съ польскимъ возстаніемъ его дворянское родословіе идетъ гораздо дальше. Переберите типы, выработавшіеся у насъ въ верхнихъ *паражахъ* [2]) и въ паражахъ чернильныхъ, въ казармахъ и около домашняго очага, вспомните вашу собственную молодость, тишину родительскаго крова, вашихъ родныхъ, особенно постарше,—и вы увидите, что удивляться тому, что дѣлается, нельзя.

Петръ I страстно любитъ флотъ, цивилизацію и не знаю что, но еще страстнѣе любитъ доносы, сплетни, слѣдствія, пытки,—и вдругъ все около него дѣлается доносчиками, Преображенскій приказъ заваленъ дѣлами, хрустятъ барскія и не-барскія кости на дыбѣ... Откуда явилась бы эта готовность на царскую потѣху ставить людей, не щадя ни родныхъ, ни друзей, если-бъ не было къ ней предрасположенія?

Лишь только верхи наши образовались, обзавелись иностранной Академіей, силлабическими виршами и профессоромъ элоквенціи, какъ является замѣчательнѣйшее trio. Рядомъ съ нѣмецкимъ берейторомъ всея Россіи [3]), стегающимъ ее по всѣмъ привиламъ

[1]) Poissarde—рыночная торговка, tricoteuse—вязальщица; намекъ на роль парижской черни и, въ частности, рыночныхъ торговокъ и вязальщицъ, въ излишествахъ и жестокостяхъ французской революціи.

[2]) Parage—край, область, здѣсь—сфера.

[3]) Бирономъ.

верховой школы, является помѣщичья оппозиція Волынскаго, нечистаго на руку, надменнаго въ счастьи и подобострастнаго въ бѣдѣ, бьющаго по щекамъ Тредьяковскаго, этого полнаго представителя императорски-казеннаго образованія.

Въ жалкой и подлой фигурѣ пресмыкающагося профессора, требующаго плату за побои и дѣлающаго доносъ на Волынскаго, когда онъ былъ въ цѣпяхъ, въ фигурѣ этого шута и «поэты», воспѣвающей *императриксъ* Анну Іоанновну и ея берейтора, такъ и видишь патріарха современной журналистики и уръ-ректора [1]), посылающаго, чортъ знаетъ почему, телеграммы Бергу и Муравьеву съ своего обѣда. А Волынскій-то какъ живо и ясно представляетъ плантаторскій либерализмъ отъ двухъ-трехъ тысячъ душъ, либерализмъ экзотическій, размашистый, неопредѣленный и всегда готовый, какъ Осипъ [2]), клясться, что онъ не валялся на барской постели, что ему вовсе не нужно на ней валяться.

Изъ этихъ элементовъ, въ разныхъ сочетаніяхъ и разныхъ костюмахъ, изъ этой круговой поруки правительства и общества, питающихъ другъ друга своимъ ядовитымъ молокомъ, и составляется тотъ характеръ безпощадности со стороны правительства и потворства со стороны общества, сдѣлавшій возможнымъ все на свѣтѣ—заливаніе малороссіянъ холодной водой на морозѣ при Биронѣ, засѣканіе сотнями людей при Аракчеевѣ, вздергиваніе раненыхъ на висѣлицу при Александрѣ II...

Жестокости дѣлались вездѣ, жестокость, вообще,—слишкомъ общечеловѣческая черта, чтобъ принадлежать какой-нибудь странѣ, но мы обращаемъ вниманіе на особый характеръ жестокостей, совершаемыхъ въ Россіи. Пугачевъ, вѣроятно, былъ бы казненъ вездѣ въ Европѣ, но нигдѣ не нашелся бы Панинъ, который бы ему, скованному, далъ пощечину. Вездѣ есть болтающія бабы, доносчики и полицейскія преслѣдованія, но нигдѣ не было, чтобы изъ столицы въ столицу ѣздилъ Шешковскій сѣчь барынь, статсъ-дамъ по высочайшему повелѣнію... такъ, какъ нигдѣ не было за послѣднія два столѣтія слѣдствія, подобнаго тому, которое дѣлалось въ Новѣгородѣ послѣ убійства грязной любовницы Аракчеева.

Откуда же взялся этотъ характеръ?

Какимъ образомъ мы дошли до того, что какой-нибудь юноша, воспитанный на женскихъ рукахъ и на французскомъ языкѣ, дѣлаясь офицеромъ, хладнокровно сѣкъ солдатъ и билъ ихъ собственными руками, дѣлаясь чиновникомъ, кралъ, допрашивалъ подъ розгами и подавалъ шинель и калоши начальнику или требовалъ, чтобъ другіе чиновники подавали ему?

[1]) Т.-е. Каткова; образовано въ шутку такъ же, какъ Urvater—прародитель, патріархъ.

[2]) Слуга Хлестакова.

Все это выросло на томъ *материкѣ*, на которомъ укрѣпилась, какъ говоритъ литераторъ крѣпостниковъ, россійская имперія.

Развѣ каждый господскій домъ не представлялъ полную школу рабства, разврата и тиранства, отсутствіе всякаго уваженія къ сѣдымъ волосамъ, всякаго сожалѣнія къ дѣтскому возрасту, къ дѣвичьему стыду,—гарантированный правительствомъ, поддерживаемый полиціей, судомъ, войскомъ, церковью, произволъ, безгранично идущій до встрѣчи съ властью, передъ которой сѣкущій гордый помѣщикъ дѣлался вдвое большимъ холопомъ, чѣмъ его несчастный рабъ? Чему же дивиться, что окончившіе курсъ воспитанія въ этихъ заведеніяхъ несутъ на всю жизнь слѣды его?

— Гдѣ Иванъ?—спрашиваетъ барыня за обѣдомъ, видя, что супъ подаетъ Семенъ.

— Мамаша,—отвѣчаетъ какой-нибудь мальчикъ десяти лѣтъ,—папа его послалъ въ часть.

— Я его, мошенника, велѣлъ поучить, онъ давеча мнѣ грубо отвѣчалъ... C'est un caractère acariâtre [1]).

И мальчишка думаетъ, что это и резонъ, что Ивана слѣдуетъ высѣчь за то, что онъ неучтиво отвѣчалъ «папасѣ». Онъ съ малыхъ лѣтъ инстинктомъ понимаетъ, *что это—материкъ*. Отъ этого ни ему, ни его нѣжной сестрицѣ въ голову не приходило, что кучеръ мерзнетъ часовъ пять, что форейторъ совсѣмъ замерзъ,—на то материкъ.

Теперь замѣтьте, что эти школы плантаторства начали закрывать почти вмѣстѣ съ воскресными школами, года два тому назадъ, а, вѣдь, *Муравьеву обѣдаютъ* не трехлѣтнія дѣти... Что же удивительнаго, что такое прочное основаніе безчеловѣчья, подавляемое умомъ, образованіемъ, при первомъ случаѣ выступаетъ во всемъ (в)емъ безобразіи. Можетъ, удивительнѣе то, что помѣщичье общество, «лобызающее съ витебскимъ архіереемъ доблести Муравьева», поддерживается яростно писаками, которыхъ скромное начало теряется между заднимъ крыльцомъ и людской. [2]

Революція 48 года показала намъ, что самые откровенные и послѣдовательные демократы—тѣ, которые по роду и воспитанію принадлежали къ аристократіи, какъ Де-Флотъ, какъ графъ Ворцель. Точно такъ же не было у насъ свирѣпѣйшихъ защитниковъ дворянскихъ правъ, какъ ихъ управляющіе, которые обыкновенно не отличаются столбовымъ происхожденіемъ.

Къ тому же у насъ между дворянствомъ и народомъ развился не одинъ дворовый человѣкъ передней, но и дворовый человѣкъ государства—подьячій. Бѣдная амфибія, мѣщанинъ безъ бороды, помѣщикъ безъ крестьянъ, «благородный» чернорабочій безъ роду и племени, безъ опоры, безъ военной посадки, сведенный вмѣсто оброка, на взятки, вмѣсто «исправительной конюшни», на канцелярію и регистратуру, трусъ, ябедникъ и несчастный чело-

[1]) Это несносный характеръ.

вѣкъ, подозрѣваемый во всемъ, кромѣ несчастности... Научите его думать, писать не на гербовой бумагѣ—и онъ сдѣлается гигантомъ протеста или исполиномъ подлости, Бѣлинскимъ или—вы его назвали [1])...

Страшный опытъ доказалъ намъ, опозоривши насъ передъ честными людьми всего міра, сколько грязи осталось отъ нашего *материка* на насъ, сколько дикаго, въ самомъ дѣлѣ, осталось подъ внѣшней цивилизаціей... Пора намъ въ баню. Прошлый годъ показалъ, что, несмотря на освобожденіе дворянъ отъ крѣпостного состоянія, въ нихъ осталась не только гнилая кровь крѣпостниковъ, но сохранились съ усовершенствованіемъ всѣ пороки дворни, не выкупленные ни однимъ хорошимъ качествомъ крестьянина.

Пора начать намъ свое нравственное очищеніе, пора ужаснуться тому, что надѣлали въ 1863 году!

◆◆ 1. Въ виду неточности перевода, привожу другой, сдѣланный по подлиннику письма Гарибальди, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена:

«Любезный другъ, я получилъ ваше драгоцѣннѣйшее письмо, которое явилось для меня документомъ. Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій такъ же благороденъ и несчастенъ, какъ и всѣ другіе народы, и что онъ неповиненъ ни въ виленскихъ истязаніяхъ, ни въ варшавскихъ висѣлицахъ; я знаю, что и на вашей родинѣ бродитъ духъ свободы и будущаго; я вспоминаю, что многіе офицеры предпочли Сибирь и смерть преступному палачеству въ Польшѣ; святыя имена Попова и Арнгольдта глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, исторія будетъ повторять ихъ вмѣстѣ съ именама ихъ товарищей по мученичеству.

«Но мнѣ кажется, что Польша, въ которой насилуютъ женщинъ и вѣшаютъ юношей, должна была бы тронуть самое нутро русскаго народа, по крайней мѣрѣ, въ той благородной его части, къ которой принадлежите вы, и возбудить въ ней протестъ, болѣе торжественный, чѣмъ слова.

«Расовые и религіозные предразсудки, которые сильные міра сего поддерживаютъ въ своихъ интересахъ, являются смертельнымъ ядомъ для дружбы,—я это знаю, но, когда льется кровь, болѣе сильные должны бы имѣть, если ни что другое, то, по крайней мѣрѣ, состраданіе къ слабому.

«Проповѣдуйте это русскимъ, а я скажу польскому дворянству: «отдайте свободную землю крестьянамъ», и всей Польшѣ: «перестаньте придавать вашей геройской борьбѣ характеръ религіозный, несовременный, отчуждающій отъ васъ симпатіи и вызывающій кровавыя противодѣйствія».

[1]) Вѣроятно, Катковъ или Булгаринъ.

2. По поводу происхожденія Каткова, которое онъ въ тѣ годы старался забыть, Огаревъ написалъ эпиграмму, неполно напечатанную Гершензономъ въ I т. его «Стихотвореній» (стр. 412); даю ее по рукописи, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ:

Каткову.

Михайло Никифорычъ старый,
Варвары Акимовны сынъ,
Теперь вы полѣзли въ бояре,
Теперь вы большой дворянинъ.
Недавно вы были неважный
Пропавшій профессоръ-пошлецъ,
Теперь же вы просто продажный
И въ гору идущій подлецъ.

2305. Русская конституція и англійскій журналъ.

Никогда не надобно ни въ чемъ закаиваться. «Il ne faut jurer de rien [1])»... Мы это знали безъ Альфреда Мюссе, а съ нимъ узнали вдвое. И, все же, человѣкъ такъ слабъ, что, все-таки, закаивается, и такъ не крѣпокъ, что измѣняетъ слову.

Сколько разъ мы брали твердое и окончательное рѣшеніе не поднимать вздора, который пишутъ здѣшніе журналы и французскіе о Россіи, не поправлять ихъ промахи, не заводить съ ними полемики: что имъ до насъ за дѣло и что намъ до ихъ мнѣній?

Два года тому назадъ по поводу гнусныхъ нападокъ на Бакунина мы напечатали нашъ ультиматумъ, въ которомъ говорили: «Мы протестовали — они продолжаютъ нести свою галиматью... Наконецъ, это надоѣло. Впредь ни за друзей, ни за себя мы вступаться не будемъ. Истина этимъ людямъ равнодушна. Россію они ненавидятъ и притомъ *вовсе не правительство*, а, вообще, все русское и всѣхъ русскихъ. Разбирать, что мы проповѣдуемъ, чего хотимъ, имъ недосугъ, скучно и при общемъ *невѣжествѣ образованія* не легко... Мы *чужіе* въ этомъ мірѣ, мы, собственно, живемъ не здѣсь, а дома. Было время, когда мы думали, что наше призваніе состояло, между прочимъ, и въ томъ, чтобы свидѣтельствовать передъ Западомъ о возникающемъ русскомъ мірѣ. Это время прошло. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ событіемъ мы становимся дальше и дальше отъ среды, въ которой жить осуждены нашей дѣятельностью. Мы этого не скры-

[1]) «Ни въ чемъ не слѣдуетъ зарекаться»—названіе трехактной комедіи Альфреда де Мюссе.

ваемъ. Мы остаемся внѣ Россіи только потому, что тамъ свободное слово невозможно, а мы вѣруемъ въ необходимость его высказывать... Мы не чувствуемъ благодарности за то, что живемъ здѣсь, и не просимъ ни признанія, ни гостепріимства, ни участія; мы беремъ по праву ту защиту закона, которую свободная страна безвозмездно даетъ всѣмъ не-преступникамъ»...

Итакъ, мы года два тому назадъ, *во второй или третій*, послѣдній разъ закаялись отвѣчать иностранной прессѣ, и рѣшительно видимъ, что это свыше силъ человѣческихъ. Пока идетъ рѣчь объ насъ, объ людяхъ намъ близкихъ, можно молчать, но когда говорятъ о всемъ народѣ русскомъ, о всей будущности Россіи, и какой-нибудь органъ, пользующійся уваженіемъ Европы (такъ, какъ нѣкогда князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ пользовался уваженіемъ Москвы, и никто не зналъ почему), начинаетъ судить и рядить о судьбѣ нашей, умѣряя тупость сужденій ненавистью и смягчая недостатокъ свѣдѣній избыткомъ страха— молчать невозможно.

Глубже всѣхъ европейцевъ вмѣстѣ чувствуемъ мы, какъ много ненависти *заслужила* Россія и какъ естественны, справедливы, необходимы при отвратительномъ зрѣлищѣ барскихъ пировъ у подножія висѣлицъ слова строгаго негодованія, порицанія, проклятія. Но мы въ правѣ требовать, чтобы Россію ненавидѣли за то, что въ ней ненавистно, и насъ возмущаетъ, когда наши *мирные враги* готовы примириться и съ русскими политическими тюрьмами, и съ судьбами Польши, и съ мѣрами Муравьева, но не могутъ переломить досады и ненависти ко всякому человѣческому, свободному развитію Россіи, даже если-бъ оно было только въ предположеніи правительства, т.-е. мертвое до рожденія.

«Аугсбургская Газета» когда-то откровенно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, призналась, что Россія свободная, съ своими соціальными стремленіями опаснѣе Россіи царской, императорской.

Недавно взгрустнулось одному французскому журналу при видѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфическихъ линій, и въ пламенномъ порывѣ мироосвобожденія и братства народовъ онъ съ ужасомъ и мрачнымъ видомъ Даніила предсказывалъ о страшномъ времени, когда дороги кончатся, телеграфы проведутся—и Россія развернетъ всѣ свои силы.

Мы крѣпились еще. Но вотъ на-дняхъ раздался тяжелый, густой, *сытый* голосъ, и, мы признаемся, терпѣніе наше лопнуло.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Услышалъ «Таймсъ» и съ той легковѣрностью, съ которой, вообще, капиталисты, банкиры и биржевики вѣрятъ всякому вздору, повѣрилъ, что Александръ II даетъ конституцію и даже *обязанъ* ее дать. При этомъ каждый ждетъ, что самый конституціонный органъ самой конституціонной въ мірѣ страны, съ радостью протянетъ свою жирную лапу странѣ, вступающей въ ан-

глійскую колею. Не тутъ-то было: «Таймсъ» обезпокоился, взволновался... Онъ начинаетъ на манеръ извѣстнаго героя Фонъ-Визинской комедіи [1]) «жалѣть матушку, что она устанетъ бить батюшку», печаловаться о затрудненіяхъ, которыя долженъ встрѣчать государь. Россія, говоритъ онъ, такая страна, что и самъ Сіэйесъ отшарахнулся бы отъ задачи *выдумать* для нея конституцію. И это говоритъ не французъ XVIII вѣка, не Вольней [2]), не ученикъ Руссо, а серьезный англійскій журналъ въ 1864 г. отъ Р. Х. *Выдумать* эту конституцію особенно трудно, потому что если ее дать одному барству, то всѣмъ будетъ хуже—и царю и народу; конечно, стоитъ ли давать такую конституцію!... тутъ мы согласны съ «Таймсомъ».—Есть классъ хорошій, которому стоитъ дать конституцію, онъ ея во зло не употребитъ, классъ умѣренный и осторожный, но на бѣду, этого класса въ Россіи *нѣтъ*. А конституцію дать надобно,—такая слабость у Александра II.

Отстранивши *барство*, котораго у насъ очень много, и *буржуазію*, которой у насъ очень мало, «Таймсъ» примѣчаетъ, что есть еще одинъ житель въ нашемъ любезномъ отечествѣ, именно *народъ русскій—мужички*. И тутъ вдругъ на него нападаетъ паническое негодованіе и благородный страхъ. Дай имъ представительство,—они сдуру представятъ въ собраніи свои интересы, они увлекутъ «государя въ исполненіе своихъ коммунистическихъ видовъ». Конечно, соединеніе государя съ народомъ разрѣшаетъ бездну затрудненій сословныхъ, политическихъ, «но, говорятъ (хитрая инсинуація), государь не согласенъ на это. И пусть онъ хорошенько обдумаетъ прежде, чѣмъ рѣшится промѣнять свое теперешнее положеніе во главѣ *блестящей* (вѣроятно, шитьемъ на мундирахъ — знаетъ, кого чѣмъ взять; что значитъ гостинодворское воспитаніе перваго гостинаго двора въ мірѣ!) аристократіи и должность земного провидѣнія надъ обширной страной на диктатуру огромной демократической вотчины (predial), едва вышедшей изъ рабства и стоящей *ниже* политическихъ интересовъ (below the region of politics), народа невѣжественнаго, фанатическаго, *непостояннаго*, неразумнаго». А потому правительство хорошо сдѣлаетъ, если отыграется отъ конституціи областными учрежденіями «вмѣсто того, чтобъ отдать власть въ руки слѣпого произвола, невѣжества, глупости и скотства (ignorance, stupidity and brutality)». Дѣло сводится на слѣдующую дилемму: дать конституціонныя права, исключивъ этихъ скотовъ,—смѣшно; дать и имъ эти права—печально, потому что они представятъ интересы крестьянства. «Крѣпостное рабство—заключаетъ «Таймсъ»—можно было упразднить измѣненіемъ закона, Польшу можно покорить саблей и штыкомъ, но затѣмъ Россіи предстоитъ борьба съ своимъ внутреннимъ варварствомъ; оно равно не можетъ ни

[1]) «Недоросль».
[2]) Константинъ, франц. писатель-моралистъ.

подчиниться, ни быть вбито въ разумъ (dragooned into intelligence). А потому *прежде, чѣмъ* давать конституцію, государь долженъ *воспитать* новое поколѣніе къ пониманію своихъ правъ и къ исполненію своихъ обязанностей».

Что же это Катковъ, что ли, издаетъ и эти «Вѣдомости»?

Или не готовитъ ли его «Таймсъ», изъ ненависти къ Россіи, въ іеровоспитатели «цѣлаго поколѣнія всея Россіи»?

Считать народъ, сохранившій подъ двойнымъ рабствомъ крѣпостного состоянія и государственной бюрократіи свое общинное самоуправленіе,—народъ, удержавшій свои экономическія начала противъ напора иностраннаго законодательства, не утратившій ни выборности общинныхъ должностей, ни своего смысла расправы и суда, который онъ доказалъ на другой день послѣ своего освобожденія устройствомъ волостныхъ судовъ (столь ненавистныхъ москворѣцкому «Таймсу» и прочимъ крѣпостникамъ), считать его неспособнымъ *къ справедливому пониманію* своихъ интересовъ и ставить его не только наравнѣ, но ниже лаццарони западной цивилизаціи, *варваровъ* буржуазныхъ государствъ, могутъ только люди, никогда не думавшіе ни о Россіи, ни о своей будущности.

И это не все,—рядомъ съ этимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ народу русскому, съ этимъ надменнымъ желаніемъ оттѣснить его въ сферы зоологіи похвальное слово юнаго и неопытнаго М. Р. Грантъ-Дэффа русскимъ политическимъ тюрьмамъ въ *Вильнѣ* и *Варшавѣ*. Что русское начальство, обманывающее ежегодно при ихъ путешествіяхъ одного государя, четырехъ великихъ князей, неопредѣленное число министровъ, ихъ товарищей, ревизоровъ, контролеровъ, инспекторовъ, директоровъ, бросило пыль въ глаза путешественнику, насъ не удивляетъ; еще меньше удивляемся мы отроческой наивности, безхитростному простосердечію англійскаго туриста. Ихъ милая простота, дѣтское незнаніе и удивленіе едва ли уступаютъ дѣвичьему простодушію тирольскихъ молочницъ. Но мы въ правѣ удивляться, что «Таймсъ», помѣщающій мѣсяцевъ десять къ ряду разсказы объ ужасахъ, совершаемыхъ въ русскихъ судахъ и тюрьмахъ, поднявшій страшную исторію о женѣ и матери Сѣраковскаго, помѣстилъ безъ малѣйшей оговорки это школьное упражненіе пера, въ которомъ Муравьевъ представляется строгимъ, но добрымъ отцомъ подсудимыхъ, которыхъ имѣетъ слабость вѣшать ежедневно, а полковникъ Лебедевъ[1])—сестрой милосердія, съ усами и шпорами [2]).

Случайно ли попали эти статьи въ близкое сосѣдство или нѣтъ, намъ все равно. Обѣ бросаютъ легкій свѣтъ на внутреннюю мысль таймскаго воззрѣнія на Россію.

[1]) Петръ Семеновичъ, бывшій до того редакторомъ «Рус. Инвалида».

[2]) Письмо Грантъ-Дэффа, какъ и слѣдовало ожидать, не только воспроизведено въ «Nord'ѣ» и «Моск. Вѣд.», но и наказано похвалой ихъ редактора *А. И. Г.*

Что ему за дѣло, какъ содержатъ и какъ вѣшаютъ поляковъ да и русскихъ?.. польскій вопросъ имъ давно надоѣлъ. Неумытный судъ Муравьева и попечительность Лебедева о тюрьмахъ никогда не перейдутъ въ Англію. Это такъ, но чего же онъ печалится о томъ, что наша безпутная, рабская «аристократія» потонетъ, какъ ручей въ морѣ, въ народномъ представительствѣ? Почему ему хочется, чтобъ императоръ Александръ былъ окруженъ блестящей «аристократіей»? Чего онъ боится русской конституціи и отдаляетъ ее, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ?

Да все эти проклятые «коммунистическія стремленія»... *Право на землю*—agrarian outrage [1]), а какъ оно-то признается... это ужъ будетъ не *аграрная обида*, а аграрный примѣръ, хуже всего, что́ проповѣдуетъ Кобденъ, Брайтъ и вся манчестерская партія съ ними.

2306. Поправка.

Мы забыли напечатать въ 175 л. «Колокола», говоря о присланныхъ въ общій фондъ изъ Германіи 1000 фран., или 40 фунт. что они присланы 1 декабря черезъ г. Тхоржевскаго отъ **.

2307. Письмо къ сыну.

30 янв. 1864.

Несмотря на то, что я очень доволенъ твоими срочными рапортичками, но лучше было бы, если-бъ ты писалъ, когда у тебя досугъ. Четвертое письмо начинается съ того, что сегодня тебѣ недосугъ или ты усталъ... Я боюсь, что у тебя это сдѣлается привычкой; тебѣ и изъ Берна почти никогда не случалось иначе писать, какъ въ большихъ хлопотахъ. Отъ этого выходятъ разсѣянность, пустота писемъ etc.

Послѣзавтра я пойду къ Ротшильду и пошлю тебѣ 500 фр.,— это на житье и дорогу сюда къ 15 мая или къ 20. Не въ прелести Милана рѣчь, а въ томъ, что тамъ возлѣ—Лугано, но окончательно ничего нельзя сказать до конца марта.

Ящикъ твой ищи всѣми мѣрами. Агентъ говоритъ, что корабль пришелъ safe [2]), если же нѣтъ, я начну процессъ. Послано на steam ship [3]) «Justitia» въ Leghorn и адресоваться къ какимъ-

[1]) Аграрная обида.
[2]) Благополучно.
[3]) Паровое судно.

то Fratelly Polidori; не остался ли ящикъ въ Ливорно? Ящика марка «А. А. Н»; [illegible]ять 18 дек., отпр. въ море 22 дек.

Черкецкій пестуется съ маленькимъ [1]) и любитъ его. Ага идетъ завтра смотрѣть.

1 февр. Пріѣхалъ сюда Клячко; иду отъ Ротш. къ нему. Деньги, стало, ты можешь, когда хочешь, взять.

Думаю, что ты правъ, и далѣе Швейцаріи двинуться трудно.

Если нужно письмо Гариб. на франц., я могу прислать экземп. 5. Посмотри мой отвѣтъ «Таймсу» [2]). Да ты что-то невнимательно читаешь, а то о Мартьяновѣ написалъ бы.

Прощай, будь здоровъ.

Дѣлѣ лучше, но все еще въ карантинѣ.

2308. Письмо къ Н. А. Герценъ.

4 февраля (1864).

Пробую, Тата, послать тебѣ по почтѣ маленькую повѣсть, которую я читалъ въ Неаполѣ, sous bande [3]); напиши, получишь ли? Цѣлую тебя.

Отъ Ольги ждемъ собственныхъ писемъ.

2309. Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбугъ.

№ 15?

10 февр. 1864.
Elmfield House, Teddington.

Для того, милая Тата, чтобъ тебѣ протвердить твой маленькій Лондонъ, ты можешь представить пять дней мороза и вѣтра, на шестой — сплошной туманъ съ морозомъ, ничего не видать, все покрыто копотью, въ комнатахъ стужа, всѣ сидятъ въ шинеляхъ, реильвергахъ [4]) и пр. Это, въ самомъ дѣлѣ, battle of life [5])— здѣсь прожить зиму.

Мари Зенк. [6]), сколько извѣстно, упала безъ намѣренія; но никого при этомъ не было и узнали только по паспорту (на другое имя), съ которымъ она ѣхала и который публиковали.

[1]) См. № 2305.
[2]) Подъ бандеролью.
[3]) Одѣяло.
[4]) Борьба за существованіе
[5]) Зенковичъ.

Въ Москвѣ умеръ Пав. Ал. Гучковъ (меньшой братъ Ал. Ал.), генералъ-губернаторъ и хорошій человѣкъ, — даже и очень если-съ не срѣзался со студентской исторіей.

Жаль очень, что Плат. [1]) уѣхалъ и что не успѣли послать два пакета. Узнай, какъ можно точнѣе, was man kann—und was man nicht kann [2]), черезъ Россел.

Вѣроятно, Саша писалъ: онъ ящикъ получилъ, и, стало, Ольга можетъ просить свои двѣ книги, надъ которыми вы много и очень много будете смѣяться, такъ онѣ милы и граціозны. Trelich—датчанинъ.

Latest intellig. [3]) состоитъ въ томъ, что я купилъ себѣ новый альбомъ для фотографій, очень большой, и буду комплектовать мою коллекцію декабристовъ и пр.

13 февраля.

Письмо провалялось до субботы; не хочу его дольше задерживать, чтобъ васъ не оставлять безъ вѣстей. Новаго ничего, опять тепло, но сегодня буря; на морѣ, должно быть, ужасъ. Ольга, выписывай книги отъ Саши, а я тебѣ еще здѣсь купилъ «La Russie», съ картинами [4]). Все, что о твоемъ ученьи пишутъ, меня очень радуетъ. Ну, какъ же ты съ M-me Мамоновой учишься, напиши мнѣ по-русски безъ поправокъ. Ага васъ обѣихъ цѣлуетъ.

La grande question, chère Malvida, ne s'avance pas du tout. Nous... [5]) en Europe au delà de 1855. Vous vainquez avec Wrangel—Vous n'aurez pas le temps de triompher. C'est fini avec l'Allemagne et vive la Prusse. La Pologne—vraiment en tourments—se tient. En Russie rien pour la liberté (le socialisme, le sectairisme va son train)—et je commence à penser qu'il faut aller à Bruxelles—si l'Italie sera impossible.

Addio [6]).

[1]) Платнауэръ.
[2]) Что можно и чего нельзя.
[3]) Послѣдняя новость.
[4]) «La Russie, jugée par un Russe»—«Россія съ точки зрѣнія русскаго», Paris, 1864.
[5]) Слово не разобрано.
[6]) Великій вопросъ, милая Мальвида, совершенно не подвигается. Мы...[0]) въ Европѣ за предѣлами 1855 г. Вы побѣждаете съ Врангелемъ[00]), вы не успѣете торжествовать. Съ Германіей покончено и да здравствуетъ Пруссія. Польша, страдалица, держится. Въ Россіи ничего не дѣлается для свободы (а соціализмъ, сектантство идутъ своимъ чередомъ). Я начинаю думать, что слѣдуетъ ѣхать въ Брюссель, если Италія окажется невозможной. Прощайте.
[0]) Слово не разобрано.
[00]) Фридрихъ-Генрихъ, главнокомандующій нѣмецкихъ войскъ противъ Даніи.

2310. Приписка къ гр. Е. В. Саліасъ де Турнемиръ.

(Февраль 1864).

Я беру изъ рукъ Огарева перо только для того, чтобы прибавить отъ себя, что «Тьма» — чудесная вещь, и, если въ ней есть недостатки, то это—недостатки молодости. Если это писалъ вашъ сынъ [1]),—какъ мы выдумали сами,—то я поздравляю обѣихъ матерей его, т.-е. васъ и Россію, съ новымъ талантомъ.

Надѣюсь, что вы были довольны сквозь-строемъ, которымъ я провелъ наше общество въ комментаріяхъ къ письму Гарибальди [2]).

2311. Они совсѣмъ сошли съ ума.

Въ русскихъ газетахъ («Спб. Вѣдомости», «Сѣв. Пчела») описывается казнь, бывшая 5 января въ гор. Островѣ. Казненъ былъ Феликсъ Амброжинскій, обвиненный въ томъ, что онъ былъ жандармомъ польской службы, повѣсилъ *кого-то* (не названо, кого) и «доставлялъ мятежникамъ съѣстные припасы». Все это не удивляетъ больше. Но слушайте дальше: «Вмѣстѣ съ войсками были приведены соучастники Амброжинскаго, такіе же жандармы *(преступленія ихъ еще не открыты), которые должны были выполнить должности палачей.* По прочтеніи приговора преступникъ сталъ на колѣни, поцѣловалъ поднесенный ксендзомъ крестъ и проговорилъ: «панове, даруйте мнѣ (простите)»—и всталъ; приготовленные люди, *соучастники преступника,* подвели его къ эшафоту, сняли чемарку, шапку (во все это время Амброжинскій, ни слова не говоря, былъ багровато-блѣденъ и только трясся), надѣли на него смертную рубашку и колпакъ, взвели на эшафотъ и исполнили, *вѣроятно, знакомое имъ, дѣло* веревкой».

Мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ людямъ... Мы обращаемся—ну, да, мы обращаемся, напримѣръ, къ вамъ, г. Аксаковъ, издатель «Дня». (Аскоченскій уже донесъ, что «Колоколъ» дѣлаетъ различіе между «Днемъ» и «Московскими Вѣдомостями»!). Да, мы обращаемся къ вамъ—вы носите имя чистое, имя честное, имя, которое мы привыкли уважать въ вашемъ отцѣ, любить въ вашемъ братѣ,—посмотрите, съ кѣмъ вы стоите и *какую* энергію вы хвалите. Люди, *которыхъ преступленія еще не открыты,* принуждены *убить своего* товарища, и корреспондентъ журнала хладно-

[1]) Гр. Евгеній Андреевичъ Саліасъ; повѣсть принадлежала ему.
[2]) См. № 2304.

кровно, cum grano salis [1]) прибавляетъ, что «они исполнили, *вѣроятно, знакомое имъ, дѣло* веревкой».

Слова нѣмѣютъ, языкъ не имѣетъ порицанія, брани, достаточной этому злодѣйству! Смотрите, г. Аксаковъ, какъ бы, поддерживая, изъ-за важныхъ политическихъ соображеній вашихъ, это распутство крови, жестокостей, наконецъ, такихъ артистическихъ утонченій, вы, вмѣсто помощи боснякамъ, хорватамъ и далматамъ, не накопили бы себѣ страшныя угрызенія совѣсти. Вы жалѣли насъ въ «Днѣ», мы жалѣемъ васъ въ «Колоколѣ».

2312. Кончина А. Н. Муравьева.

18 декабря скончался въ Москвѣ на осьмомъ десяткѣ Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ былъ однимъ изъ основателей *Союза благоденствія* (въ 1815) и до конца своей длинной жизни сохранилъ безукоризненную чистоту и благородство. Рекомендуемъ читателямъ прочесть въ 17 № «Листка» небольшую статью о немъ.

2313. Государь въ немилости,—первое avertissement [2]) Милютину (статскому).

Когда покойный церемоніймейстеръ Полоній, послѣ спектакля, былъ посланъ ея величествомъ на половину его высочества, онъ доложилъ кронпринцу, что королева велѣла е. в. сказать, что «поведеніе е. в. удивляетъ ее».—«Каковъ сынъ,—замѣтилъ ему Гамлетъ,—когда сама родная мать дивится ему?»

Нѣчто подобное произошло между Александромъ II и вторымъ Михайлой [3]). Новыя «Положенія» до такой степени мизерны, неискренни, скудны, сшиты на живую нитку изъ французскихъ лохмотьевъ, сбивчивы, жалки, тощи, пусты, что удивили *самого* г. Каткова. Скрывая свою мысль подъ тяжелой доктринерской галиматьей, онъ, все-таки, высказалъ, что уставъ никуда не годится, и заключилъ, по руководству берлинскихъ каморныхъ профессоровъ [4]), когда они недовольны королемъ, сиплымъ, беззвучнымъ «ура!», послѣ чего онъ безжалостно сослалъ «Положенія» изъ главнаго листа въ «Современную Лѣтопись», рядомъ съ доносомъ на коммунизмъ «Современника».

[1]) Съ ироніей.
[2]) Предупрежденіе.
[3]) Т.-е. М. Н. Катковымъ; «первый Михайло» — очевидно, М. Н. Муравьевъ-Виленскій.
[4]) Намекъ на профессорскій составъ Франкфуртскаго парламента 1848—49 гг.; по-нѣмецки die Kammer—камера, парламентъ.

Мы не знаемъ, насколько милютинскаго въ этомъ сумбурѣ, но, если много, не мѣшаетъ ему подумать о чемоданчикѣ. Чего не сдѣлаетъ государь, чтобъ примириться съ своимъ Адашевымъ! [1])

2314. Татьянинъ день.

Университетское торжество (12 янв.) въ московскомъ университетѣ ознаменовано на нынѣшній годъ тѣмъ, что какой-то Савва благословилъ, а протоіерей сказалъ *приличную* проповѣдь (еще бы онъ тутъ имъ прочелъ Поль де Кока!), послѣ чего г. Любимовъ показывалъ мнемоническіе опыты; все онъ помнитъ, даже подробности объ умершемъ профессорѣ Зерновѣ [2]), и, между прочимъ, юмористически выставляетъ достоинствами математика, что онъ одинъ изъ первыхъ сшилъ себѣ форменный сюртукъ, и что чинопочитаніе у него доходило до чего-то болѣзненнаго.

А Аксаковъ, вѣрный мысли, что Иванъ Великій—средоточіе Россіи, такъ витійствуетъ во 2 л. «Дня»: «Московскій университетъ, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ молодое поколѣніе со всѣхъ сторонъ Россіи. Все стремится къ нему, все надѣется найти только въ немъ одномъ истинную науку и служителей ея. Отдаленная Сибирь имѣетъ подъ бокомъ у себя университетъ, пренебрегаетъ имъ и шлетъ питомцевъ своихъ въ Москву».

2315. Славянофильство на таможнѣ.

Какой-то Войтъ [3]), управляющій вержболовской таможней, издалъ слѣдующіе законы:

1) Запрещается на кордонахъ, гдѣ живетъ русскій солдатъ, говорить по польски, а также въ таможенныхъ мѣстахъ (?!!!), канцеляріяхъ, пакгаузахъ, на дебаркадерахъ во время отправленія служебныхъ обязанностей.

2) Не дозволять никакимъ чинамъ вступать въ бракъ съ тѣми польками, которыя не говорятъ свободно по-русски.

Оба закона, изданные начальникомъ вержболовскаго таможеннаго округа, напечатаны въ «Рус. Инвалидѣ» и въ 223 № «Го-

[1]) Впрочемъ, гнѣвъ г. Каткова не оригиналенъ. Вся журналистика какъ-то сконфужена *земскими* положеніями. Совершеннѣйшее fiasco, самое полное... Печеные яблоки летятъ отовсюду, разумѣется, приправленные всякаго рода сахарцемъ, даже со всякихъ уѣздныхъ обѣдовъ и елокъ, на которыхъ все еще безстыдно пьютъ за Берга и Муравьева. *А. И. Г.*

[2]) Николай Ефимовичъ, профессоръ математики; † 1862.

[3]) Владиміръ Карловичъ.

доса», но «Москов. Вѣдомости» *помѣстили* у себя только *первый* изъ двухъ законовъ, не упоминая о второмъ.

Желающимъ знать скромный источникъ, откуда вышла патріотическая фамилія Войтовъ, совѣтуемъ прочесть статью объ его братѣ въ 17 № «Листка», откуда мы и взяли этотъ образецъ правительственной наглости.

Скоро придется «Дню» и о Войтѣ писать то, что онъ сказалъ во 2 № о Муравьевѣ:

„Козни враговъ открыты, замыслы ихъ дерзкіе обнаружены, коренная русская народность, благодаря неусыпной *дѣятельности генерала Муравьева*, законно съ честью *мало-по-малу начинаетъ торжествовать надъ пришлымъ съ наноснымъ полонизмомъ и латинствомъ“*.

Что называетъ «День» «законнымъ и честнымъ», мы не знаемъ, но признаемся, хороша должна быть эта *коренная народность*, которую поддерживать надобно такими висѣлицами и конфортативами [1]).

2316. Пруссія, Россія,—ist mir alles gleich [2]),— и палки, палки...

Мы получили на-дняхъ слѣдующее письмо отъ неизвѣстнаго корреспондента съ просьбою помѣстить его въ «Колоколѣ». Оставляя факты на отвѣтственности корреспондента, мы не можемъ не сказать, что анекдоты такъ вѣрны характеру der biedern, guten preussischen Untertanen [3]) и рыцарскому характеру плацъ-маіоровъ и плацъ-миноровъ христолюбиваго россійскаго войска, что это почти ошибка со стороны дѣйствительности, если они не были [4]).

2317. Убійство сумасшедшаго.

Въ то время, какъ въ Англіи хлопочутъ, чтобы сумасшествіемъ спасать отъ казни, у насъ смертною казнью начинаютъ лѣчить сумасшедшихъ. «По военно-судному дѣлу, произведенному надъ арестантомъ кіевской арестантской № 30 роты Корнѣемъ Титовымъ, 36 лѣтъ, онъ оказался виновнымъ въ томъ, что *безъ всякой побудительной причины* бросился въ казармѣ на унт.-оф. Жиленкова, порвалъ на немъ рубашку, а на другой день съ ротнаго командира поручика Уланова сорвалъ плечевой погонъ. За

[1]) Confortatif—крѣпительное.
[2]) Для меня все едино.
[3]) Честныхъ, добрыхъ прусскихъ подданныхъ.
[4]) Дальше слѣдовалъ разсказъ о мученіяхъ, испытывавшихся поляками и венгерцами отъ русской полиціи и гарнизоновъ въ Царствѣ Польскомъ.

преступленія эти, на основ. 604 ст. I кн. воен.-уг. уст. и высоч. повелѣнія объявленнаго въ пр. по воен. вѣд. 2 октября с. г. за № 339, помощникъ командующаго войсками кіевскаго военн. округа ген.-лейт. Семякинъ конфирмаціею 26 числа декабря опредѣлилъ: Титова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію — разстрѣляніемъ. Конфирмація эта приведена въ исполненіе 30 декабря, въ 8 ч. утра, на эспланадѣ кіево-печерской цитадели, предъ строемъ войскъ кіевскаго гарнизона».

Какъ мы были правы, говоря, что стоило имъ лизнуть крови—границъ не будетъ. Такой-то сжегъ домъ у вотчима—стрѣляй его; такой-то въ подозрѣніи, что онъ разбойникъ — стрѣляй его; сумасшедшаго и подавно—чего жалѣть, на кіево-печерскую эспланаду его, другой разъ не сойдетъ съ ума.

2318. Августовскіе адреса.

«Кельнская Газета» отъ 4 февраля пишетъ, что государь на вѣрноподданническихъ адресахъ, присланныхъ ему Муравьевымъ отъ августовскихъ [1]) жителей, написалъ: «Согласенъ, но о соединеніи съ имперіей и рѣчи быть не можетъ». Тутъ все непонятно и курьезно: во-первыхъ, съ чѣмъ государь согласенъ? Несчастные жители подъ прессомъ пищатъ: «любимъ тебя сердечно, присоедини къ Россіи», но государь переходитъ со стороны Каткова на сторону Польши и не хочетъ присоединять ихъ. Въ чемъ же онъ *согласенъ* (einverstanden)? Въ томъ, что его стоитъ любить сердечно?.. Этого даже своей женѣ никто не говоритъ, не только чужой провинціи.

2319. Новости заграничныя, возвращающіяся изъ отечественныхъ журналовъ, и князь П. И. Шаликовъ, возвратившійся изъ мертвыхъ между Темзой и Невой.

Съ принцемъ уэльскимъ случилось въ 4 № «Сѣвер. Пчелы» престранное обстоятельство: *ему родился сынъ*. Не правда ли, какъ жаль, что ему прежде умеръ отецъ, а то, чай, какъ бы старикъ обрадовался. Рядомъ съ этимъ необыкновеннымъ рожденіемъ кому-нибудь «Сѣвер. Пчелѣ» воскресъ князь П. И. Шаликовъ [2]), забытый новымъ поколѣніемъ, но потѣшавшій нашу юность. Отъ него онъ не воскресъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» hochverschwägert [3]),

[1]) Августовская губернія съ главнымъ гор. Сувалки была въ 1866 г. раздѣлена между вновь образованными губерніями Сувалкской и Ломжинской.

[2]) Тесть Каткова; въ теченіе 25 лѣтъ издавалъ «Московскія Вѣдомости»; въ литературѣ былъ крайнимъ выразителемъ сентиментализма и лащавой чувствительности, — что сдѣлало его имя почти нарицательнымъ.

[3]) Находясь съ ними въ высокомъ свойствѣ.

про то знаетъ Д. Юмъ [1]) (а, впрочемъ, старикъ [2]) былъ смѣшонъ, но доносовъ не писалъ). Мы съ восторгомъ читали статью покойника съ Темзы на Неву. Все сохранилось: языкъ 1800 года, блудливая сентиментальность, булгаринскій юморъ, — точно читаешь «Вѣстникъ Европы» [3]), «Мои бездѣлки» [4]) и пр. Статьи эти сдѣлали бы честь не только самому покойнику, но Пимену Арапову [5]) и Дмитрію Пименову, автору «Разсужденія о красотѣ и прелести женщинъ», Москва, 1818.

«Я совсѣмъ, было, не хотѣлъ (говоритъ redivivus [6])) останавливаться въ Парижѣ. Безконечную столицу Франціи, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ, надобно осматривать не дни, а недѣли и мѣсяцы. Не сказать же о ней ничего я могъ, совсѣмъ не останавливаясь въ ней. Но, будучи остановленъ въ ней *на день* судьбою и разногласицей парижскихъ часовъ, рѣшаюсь пуститься на сборъ впечатлѣній сегодня утромъ».

Въ 5 часовъ вечера дождливаго дня покойный князь умѣлъ изящно изучить такой предметъ, котораго нашему брату не изучить не только въ нѣсколько дней, но и въ нѣсколько ночей [7]).

2320. Графиня Антонина Блудова и Матеій Хотинскій.

Мы получили письмо изъ Петербурга, но больше историческое, т.-е. ретроскептивное, чѣмъ сообщающее новости. Въ немъ отдаютъ справедливость изобрѣтенія иконоборскаго поруганія образа архангела Михаила старой графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

Графиня Блудова, имѣющая очень назидательное и очень аскоченское вліяніе на государыню, воспользовалась своимъ положеніемъ, чтобъ наказать архистратига за его роль при изгнаніи Адама и Евы уподобленіемъ его Муравьеву. Говорятъ, что эта анти-архангельская мысль пришла ей въ голову вмѣстѣ съ ея сестрой г-жей Шевичъ. Это можетъ быть, потому что сынъ г-жи Шевичъ возилъ Михаилу Николаевичу Каткову — охъ, то бишь, Муравьеву—икону, причемъ могъ осмотрѣть имѣніе своихъ родителей, лежащее въ Витебской и Минской губ., и ускорить взносъ муравьевской подати.

[1]) Спиритъ.
[2]) Т.-е. Шаликовъ.
[3]) Однимъ изъ сотрудниковъ карамзинскаго «В. Европы» былъ Шаликовъ.
[4]) Названіе сборника, въ которомъ Карамзинъ перепечаталъ всѣ свои произведенія, раньше появившіяся въ «Московскомъ Журналѣ».
[5]) Драматургъ и авторъ «Лѣтописи русскаго театра».
[6]) Воскресшій.
[7]) Дальше слѣдовала большая цитата изъ Шаликова о женщинахъ Парижа и Лондона.

Далѣе въ письмѣ вспоминается Матвій Хотинскій (тотъ самый наблюдатель, который въ Лондонѣ открывалъ планету въ то время, какъ мы открыли въ томъ же городѣ шпіона). Корреспондентъ нашъ пишетъ, что, несмотря на быстрое обличеніе его, Хотинскій успѣлъ сообщить свои астрономическія наблюденія насчетъ прохожденія Мартьяновымъ черезъ линію нашей границы и что Мартьяновъ былъ схваченъ вслѣдствіе его рапорта.

Другое служебное наблюденіе оказалось совершенно ложнымъ. Онъ напуталъ какого-то вздора на офицеровъ клипера «Алмазъ» или «Жемчугъ» и все это безъ всякаго основанія. «Мнѣ (пишетъ корреспондентъ) разсказывалъ старый морякъ, заслуживающій полнаго довѣрія, что Хотинскій дѣйствовалъ не только, какъ страдательный астрономъ-наблюдатель, но какъ дѣятельный астрономъ-провокаторъ. Онъ ѣздилъ въ Гравезендъ на русскіе военные пароходы, подъ предлогомъ своихъ ученыхъ занятій, таскалъ съ собой въ карманѣ «Колоколъ», спрашивалъ офицеровъ и гардемариновъ, знакомы ли они съ вами, выдавалъ себя за вашего короткаго знакомаго и почитателя, предлагалъ познакомить ихъ съ вами и съ кн. П. В. Долгоруковымъ, предлагалъ билеты на какой-то митингъ въ пользу поляковъ». И все это за триста серебромъ въ мѣсяцъ дѣлалъ старикъ за шестьдесятъ лѣтъ!

2321. Ссылка одного вмѣсто другого.

«Le Temps» 8 февраля напечатало письмо г. Сенкевича къ русскому послу въ Парижѣ; онъ извѣщаетъ его, что русское правительство приговорило къ 20-лѣтней каторжной работѣ Михальчевскаго изъ Галиціи, котораго по *ошибкѣ* приняли за Сенкевича. Какія милыя ошибки и любезныя разсѣянности!

2322. Хозяинъ не позволилъ!

Въ одномъ изъ разсказовъ Даля нѣмецъ-учитель сочинилъ для своего питомца русскую басню слѣдующаго содержанія:

Маленькій собакъ съ большой злость
Гризъ кость;
Большой собакъ подходиль
И маленькой собакъ спросиль,
Зачѣмъ маленькій собакъ съ большой злость
Гризъ кость?
Маленькой собакъ отвѣчаль,
Мнѣ хозяинъ даваль.
Нравоученіе.
Ничего нельзя брать безъ позволенія.

Люди, привыкнувшіе смѣяться надъ всѣмъ священнымъ и назидательнымъ, обрадовались оригинальному слогу нѣмецкаго педагога, чтобъ похохотать и надъ моралью. А мораль шла себѣ да шла и бросала «безъ злость свой маленькой нравственный кость» и черезъ два столѣтія принесла плоды.

Въ томъ листѣ «Современной Лѣтописи», въ которомъ сосланы на заточеніе земскія положенія, одинъ путешествующій наблюдатель нравовъ, описывая свое пребываніе въ Сѣдлецѣ, разсказываетъ, какъ онъ пришелъ «въ книжную лавку Г. (слѣдуютъ примѣты, чтобъ ошибиться было невозможно) и спрашиваетъ историческихъ книгъ. Г. намекаетъ на Лелевеля. Г. Виноградовъ (путешественникъ) отвѣчаетъ: «Слуга покорный,—*я запрещеннаго не могу читать*».

«Хозяинъ не позволилъ!»

Одно непонятно, отчего г. Виноградовъ боится темноты? Можетъ, болѣзнь. Вотъ что онъ говоритъ: «Рѣзкій вѣтеръ рвется въ щели оконъ. Ночь. Люди спятъ. Темнота страшная. Однако, тутъ опасно. Нужна смѣлость, чтобъ здѣсь жить. Сейчасъ гимназія и три глухія улицы. Да у подъѣзда на высокомъ столбѣ, какъ съ похмелья, покачивается смрадный, чуть-чуть свѣтящійся огонекъ, одиноко догорающій. А кругомъ такая темнота» (19 декабря).

2323. Нововведеніе въ журналистикѣ.

«Сѣверная Пчела» печатаетъ, кажется, двадцатое письмо объ англійскомъ языкѣ. Въ ежедневной газетѣ это полезное нововведеніе намъ очень нравится. Мы думаемъ даже со временемъ подъ заглавіемъ «Колокола» издавать Флюгеля [1]) «Англо-нѣмецкій лексиконъ», т. I, съ лейпцигскаго изданія, 1654 стр., а подъ именемъ «Общаго Вѣча»—фармакопею Курта Шпренгеля съ реестромъ лѣкарствъ и цѣнъ въ Даніи, Норвегіи и Португаліи.

2324. [Отъ издателей].

¿ Издатели «Колокола» покорнѣйше просятъ извѣстить ихъ: Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій) подписывался на икону Вѣшателю или нѣтъ.

2325. («Русскій Инвалидъ»).

«Русскій Инвалидъ» отъ 1 (13) января добрелъ до Лондона *2 февраля*. Конечно, хорошо, что онъ пришелъ въ день Срѣтенія Господня и, конечно, съ «Инвалида» нельзя требовать скорости берсальерскаго [2]) шага, но тогда надобно и деньги брать обозныя, а не почтовыя.

[1]) Извѣстный лексикографъ.
[2]) Bersaglieri—образцовые полки итальянской пѣхоты.

2326. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ отъ К.—2 фун. Книги и журналы отосланы и деньги получены.

2327. Отъ издателей.

Мы получили двѣ замѣчательныя статьи изъ Россіи: «Отъ дѣтей къ отцамъ» и того же автора «Братское слово къ учителямъ семинарій». Послѣднее мы съ большой радостью помѣщаемъ въ сегодняшнемъ «Общемъ Вѣчѣ» и обращаемъ вниманіе читателей «Колокола» на эту статью. [1]

◆◆ 1. Авторомъ ихъ былъ Сергѣй Матвѣевичъ Розановъ, быв. студентъ гейдельбергскаго университета; онъ поддерживалъ сношенія съ Герценомъ; изъ письма А. И. къ Розанову за 1864 г. видно, что послѣдній занимался составленіемъ воззванія къ учителямъ, которое Герценъ ждалъ для напечатанія въ «Колоколѣ». Въ 1866 г. Розановъ, въ числѣ другихъ русскихъ студентовъ гейдельбергскаго университета, подписался подъ адресомъ государю по поводу каракозовскаго покушенія. Въ іюлѣ 1866 г. Розановъ все еще поддерживалъ переписку съ Герценомъ. Въ 1868 г. онъ служилъ уже въ Спб. ботаническомъ саду (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1864 г., дѣло № 317).

2328. Письмо къ сыну.

17 февр. (1864).
Elmfield House.

Письмо твое отъ 12 февр. sain et sauf [1]) пришло. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что былъ на балахъ; я никогда противъ этого ничего не имѣлъ, а креолку считаю, какъ Лепорелло,

e in Firenze
Mille e tre [2]).

A propos, безъ сомнѣнія, сдѣлай все возможное, чтобъ съ У. [3]) стать на деликатную ногу; ты виноватъ, тебѣ и надобно все самопожертвованіе сюсцептибельностью [4]).

[1]) Цѣло и невредимо.
[2]) И во Флоренціи тысяча и три.
[3]) Урихъ.
[4]) Susceptibilité—обидчивость.

Книгъ я прислалъ мало, потому что это былъ опытъ. «Колок.» по нѣсколько отправляю сегодня; «La Cloche» не нужно: «Italia del Pop.» перепечатала все и еще съ очень хорошей статьей Quadrio [1]).

Отчего у тебя мало бѣлья, я не понимаю: ты во времена sponsalia [2]) надѣлалъ себѣ кучу. Вотъ твой бюджетъ: ты долженъ получить до 1 іюля 100 l., изъ нихъ получены тобой, остались отъ 63 года и отданы здѣсь 58, остаются 42; изъ нихъ слѣдуетъ здѣсь отдать, по-моему, 20, а по-твоему—24; затѣмъ у тебя остается 18 фун.; къ нимъ прибавляя 2 (употребл. для Н. [3]) и М. [4])—10 фр.), выходитъ 20. Думаю, что ихъ достаточно до 15 мая, и со временемъ пришлю. Мнѣ кажется, всего проще посылать половинками англійск. 5 ф. билетовъ.

Куда ѣхать, куда ѣхать?...—that is the question [5])... Не попробовать ли еще, хоть на одинъ годъ, новую комбинацію, т.-е. не въ Брюссель, а въ Антверпенъ?

Работа Татѣ будетъ—жизнь даромъ... [6])

Отошли же Ольгѣ книжки.

И, можетъ, ей еще одну пришлю.

Прощай.

Отдай Бакун. письмо. Оно пришло распечатанное—оказалось, будто, ненарочно распечаталъ comes Трюбнера.

Пѣсня хороша.

У насъ всѣ здоровы. Ты иногда приписывай ко всѣмъ и къ Лизѣ,—она всегда ужасно рада.

Которые это Муравьевы? внучата того, который былъ повѣшенъ [7]) (они жили во Фл.) или нѣтъ?

Кланяйся Фрикену,

Мечникову стар. [8])

Книги пошлите, когда будетъ команд.

[1]) Рѣчь идетъ о № 2304.
[2]) Сговоръ, помолвка.
[3]) Н. А. Герценъ.
[4]) Мейзенбугъ.
[5]) Вотъ въ чемъ вопросъ.
[6]) Т.-е. если дочь будетъ зарабатывать живописью, то ей на жизнь хватитъ.
[7]) Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.
[8]) Левъ Ильичъ.

2329. Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбугъ.

18 февр. 1864.
Elmfield House, Teddington.

Карѣйшая [1]) Тата, отчего же ты можешь думать, что мнѣ непріятно то, что ты веселилась?—Alles hat seine Zeit [2]). Я не знаю только, хорошо ли это въ Римѣ, когда на карнавальныя веселья смотрятъ съ упрекомъ многіе изъ друзей. Владимірова я помню; онъ мнѣ показался хорошимъ молодымъ человѣкомъ. Что его грудь? Я ему совѣтовалъ читать Gregorovius (Трюб. ему, т.-е. Gr., писалъ).

У насъ является новый планъ: если невозможно будетъ въ Италію, то ѣхать въ концѣ мая или началѣ іюня въ Антверпенъ. Вы должны всѣ ваши дѣла расположить такъ, чтобъ непремѣнно 1-го іюня быть въ дорогѣ. Деньги я пришлю. Саша поѣдетъ въ началѣ мая сюда; я съѣзжу одинъ все осмотрѣть, устроить. Тамъ можно прожить годъ... а что потомъ, не знаю. Мнѣ Парижъ остается противнымъ городомъ. Лондонъ невозможенъ—цѣны все подымаются, а типографія вся на моихъ плечахъ. Жить въ Англіи внѣ Лондона скверно для васъ (развѣ, въ Эдинбургѣ).

Votre opinion, chère Malvida, votre opinion—en prose ou en vers—(Anvers), mais toujours avec l'arome classique [3]).

Ольга, mia cara [4]), твое письмо меня очень обрадовало и особенно тѣмъ, что ты пишешь объ охотѣ къ занятіямъ. Учись и читай, читай и учись, отъ этого тебѣ легче будетъ жить на свѣтѣ. Сѣдой локонъ Линды я получилъ; я и не зналъ, что она такъ стара, что волосы сѣдые; можетъ, это та самая, которая пѣла въ Москвѣ и называлась «Linda di Chamounix» [5]). Платнауэръ еще не былъ, у него сдѣлался такой cold [6]), что онъ слегъ въ постель. Онъ прислалъ твой альбомчикъ Лизѣ и сказалъ, что еще что-то есть.

[1]) Въ шутку образованная, превосходная степень отъ лат. и итальянскаго cara—дорогая.

[2]) Всему своя пора.

[3]) Ваше мнѣніе, дорогая Мальвида, ваше мнѣніе—въ прозѣ или въ стихахъ (Антверпенъ) [0]), но обязательно въ классическомъ духѣ.

[4]) Моя дорогая.

[5]) Названіе оперы Доницетти, въ которомъ, въ свою очередь, Герценъ напомнилъ имя пѣвицы Д. Линдъ, о которой говорилось раньше, иногда также въ шутку при имени собаки Ольги «Линда».

[6]) Простуда.

[0]) Каламбуръ: en vers—въ стихахъ и Anvers—французское названіе Антверпена, произносятся одинаково.

Въ воскресенье Лиза бѣгала въ гостиной съ Тхоржевскимъ и со мной и вдругъ упала черезъ диванъ и такъ ушиблась глазомъ, что все около почернѣло, и до сихъ поръ все черно. А учится она хорошо и, вообще, умна.

2330. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

24 февр. 1864 г.

№ 17.

Нежъ, шнофъ, шне [1]), снѣгъ такой былъ у насъ, какъ въ Вятской губерніи; морозы страшные и въ комнатахъ холодъ. У Саффи всѣ дѣти больны, у насъ ничего,—одна горничная слегла. Я съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ въ письмахъ Мейз. о твоихъ успѣхахъ; оттого мнѣ и легче отсрочить и веселѣе послать деньги. Сверхъ того, цѣлую тебя и треплю. Ну, о чемъ же помолчалъ Стуартъ? Что умолчалъ Ножинъ [2])? Привезли ли Ольгѣ книги, вамъ жур.? и какіе?—обо всемъ отпиши. Сегодня минуло 16 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ была франц. февральская революція. Мы были въ Неаполѣ, ты—въ Римѣ съ Мар. Ѳедор. [3])... *16 лѣтъ!* Какія страшныя шесть лѣтъ слѣдовали за 48, потомъ съ 55 до 61 время пущей дѣятельности нашей, затѣмъ опять все пошло подъ гору. Что дѣлается въ Россіи,—ужасно. Общество хуже правительства, журналисты хуже общества. Тургеневъ не въ тюрьмѣ, а выбранъ вице-президентомъ Общества вспомоществованія литераторовъ. Дядю Nat. въ Москвѣ хоронили (народъ и общество на свой счетъ) удивительно; похороны стоили до 240,000 франковъ, и, вообще, это—совершенно благородная демонстрація (Тучковъ былъ либералъ и только надѣлалъ дряни съ студентами). Ал. Ал., вѣроятно, очень огорченъ, а Сатина, пожалуй, и не пустятъ.

Прощай, иду обѣдать.

Ольга, цѣлую тебя много и обнимаю. Ну что Лили?

Пиши Лизѣ; она очень умна, и дѣвочка очень умна и красива.

Жеоржинѣ поклонись.

2331. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 1. 27 февраля (1864).
Elmfield House, Teddington.

Корректуры нѣтъ, все обстоитъ благополучно. Пришлю (если не будетъ второго письма) въ Putney, post office [4]). Я, не-

[1]) Neige (фр.), snow (англ.), Schnée (нѣм.)—снѣгъ.
[2]) Николай Дмитріевичъ, оказавшій сильное вліяніе на Н. К. Михайловскаго.
[3]) Коршъ.
[4]) Почтамтъ.

смотря на воспоминанія, не совѣтую оставаться въ старомъ мѣстѣ; въ нихъ вспоминаются и старыя привычки [1])... Я, Огаревъ, думаю—и безпрестанно это думаю,—ты рѣшаешь надъ собой вопросъ: to be or not to be? [2]). Въ Европѣ ты не доходилъ до этого состоянія. Гдѣ внѣшнія причины? Ты долженъ спасти себя, уравновѣсь себя; замѣть, что съ половины прошлаго года ты сталъ раздражителенъ до лютости. Я взошелъ въ 1864 съ ужасомъ.

Мой совѣтъ: проживи одинъ; но когда я говорю *одинъ*, разумѣется, не half Mortlake — half Wimbledon [3]). Мой голосъ никогда не былъ для тебя строгъ, а потому вѣрь моему авизу [4]).

Всѣ еще спятъ. Лиза и дѣти здоровы.

Отъ Бакста письмо,—еще не читалъ.

2332. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

27 Febr. 1864.
6, Rothsay Villas, Richmond Hill (Surrey).

Chère Malvida, je commence à penser que Tata et Olga sont parties pour le Monténégro ou le Vésuve. Pas un mot... pas un trait de plume... J'ai remis à Neftal votre billet, il m'a promis d'apporter la réponse. Je pars dans deux semaines pour Paris—je n'y resterai que 5, 6 jours. Vous pouvez adresser une lettre à Levitzky. Ogareff pense aller à Genève vers la fin du Mars. Il voulait beaucoup aller à Cannes et à Nice, mais il me semble que ce n'est pas prudent. La chose la plus alarmante c'est le caractère de périodicité regulière—qu'a accepté la maladie. Neftal fait tout ce qui est possible, mais le mal revient le septième jour. Cela affaibli Ogar. visiblement. Même l'attente du mal—lui ôte une journée entière (la veille)—et la faiblesse après l'attaque—encore une journée. Tout cela le rend encore plus mélancolique — plus taciturne. Maintenant affrontons la question. Thérèse,—il y a une chanteuse Thérèse, il y avait une impératrice Marie-Thérèse. Si vous eussiez confondu ma Thérèse avec ces deux—je pourrais passer, mais la confondre—la vivandière de l'armée de Hoche—avec la religieuse... ma... ma... ma è troppo forte. Or, sachez qu'il y a deux hommes—qui forment un auteur, et un auteur alsacien—rectifiant par l'élément gaulois les défauts du teutonisme et adoucissant par le teutonisme—l'élément gaulois—les deux auteurs ont ecrit deux nouvelles d'une beauté extraordinaire. Je les ai recom-

[1]) Въ Путнеѣ Огаревъ сильно пилъ.
[2]) Быть или не быть?—вопросъ Гамлета.
[3]) Наполовину въ Mortlake, наполовину въ Wimbledon. Mortlake и Wimbledon—мѣста въ окрестностяхъ Лондона
[4]) Avis—совѣтъ.

mandés à Olga (Corpo di Bacco—la religieuse!), puis à Tata, puis à vous-même... La seconde nouvelle est «Le conscrit de 1813»—le vol. coûte 3 fr.—et cela ne peut pas être interdit.

J'ai lu un livre de Laboulaye (je ne sais pas, comment on écrit son nom).

Non—protectrix des talents surgissants à Paris—ce n'est pas le boulet qui fera une brèche.

Que fait donc votre Gregorovius—avec ces figures ensanglantées par le sang polonais—ces orateurs du tsarisme comme les Samarine, les Tchitcherine et autres Mouravieff.

Adieu, Keine Zeit mehr.

Переводъ.

27 февр. 1864 г.

Дорогая Мальвида, я начинаю думать, что Тата и Ольга уѣхали въ Черногорію или на Везувій... Ни словечка... ни росчерка пера... Нефталю я передалъ вашу записочку, и онъ обѣщалъ принести отвѣтъ. Черезъ двѣ недѣли я уѣзжаю въ Парижъ, гдѣ останусь не долѣе 5—6 дней. Вы можете послать письмо на имя Левицкаго. Огаревъ намѣревается въ концѣ марта уѣхать въ Женеву. Онъ очень хочетъ поѣхать въ Каннъ и въ Ниццу, но, по-моему, это было бы неосторожно. Самое тревожное во всемъ этомъ, это—характеръ періодичности, который приняла его болѣзнь. Нефталь дѣлаетъ все, что только возможно, но боли возобновляются регулярно черезъ семь дней. Это страшно ослабляетъ Огарева. Одно ожиданіе болей отнимаетъ у него цѣлый день (наканунѣ), а слабость послѣ припадка—еще одинъ день. Все это дѣлаетъ его еще болѣе меланхоличнымъ, болѣе молчаливымъ.—Теперь смѣло приступимъ къ нашему вопросу. Тереза... есть пѣвица Тереза; была императрица Марія-Тереза. Если бы вы спутали мою Терезу съ этими двумя, я могъ бы еще съ этимъ примириться, но спутать маркитантку [1]) изъ арміи генерала Гоша [2]) съ монахиней... Но... но... это ужъ слишкомъ. Итакъ, знайте, что существуютъ два человѣка, составляющіе вмѣстѣ одного писателя [3]); одинъ изъ этихъ писателей—эльзасецъ, и въ немъ галльскій элементъ исправляетъ недостатки тевтонизма, а тевтонизмъ смягчаетъ недостатки галльскаго элемента... и оба эти автора написали два разсказа несравненной красоты. Я ихъ рекомендовалъ Ольгѣ (чортъ, возьми монахиню!), затѣмъ Татѣ, а потомъ и вамъ...

[1]) Рѣчь идетъ о героинѣ-маркитанткѣ изъ разсказа Эркмана-Шатріана «Мадамъ Тереза».

[2]) Лазарь, одинъ изъ вождей французской арміи во время великой революціи

[3]) Эмиль Эркманъ и Александръ Шатріанъ, французскіе писатели, написавшіе вмѣстѣ историческіе романы и разсказы.

Второй разсказъ называется: «Рекрутъ 1813-го года» [1]). Каждый томъ стоитъ 3 фр., и ихъ не запретишь.

Я прочелъ книгу Лабулэ [2]) (не знаю, какъ пишется его имя).

Ну-съ, покровительница талантовъ, появляющихся въ Парижѣ' это ядро не пробьетъ бреши [3]).

Что подѣлываетъ вашъ Грегоровіусъ со всѣми этими господами, забрызганными польской кровью, этими защитниками царизма, какъ Самарины, Чичерины и прочіе Муравьевы?

Прощайте, у меня нѣтъ больше времени.

2333. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 2. 28 февр. (1864).
Elmfield House, Tedding.

Письмо пришло. Раньше 9 почты въ Вибл. [4]) не будетъ, да и то въ понедѣльникъ. Корректуру посылаю. Средній листъ, т.-е. цифры, Чернецкій свѣрилъ и даже нашелъ у тебя или въ тетради ошибки. Печататься будетъ въ понедѣльникъ; старайся какъ можно скорѣе доставить корректуру. Процесса Мац. [5]) мы боялись напрасно; онъ, т.-е. процессъ, совершенно хлопнулся въ грязь Даже судъ не судилъ Мац. Все это оказалось полицейской продѣлкой. Вчера видѣлъ новаго русскаго,—шулеръ и плутъ. [1]

Теперь возвращаюсь къ твоему письму. Разумѣется, и оно на меня, какъ всѣ почти твои письма послѣдняго времени, дѣйствуетъ грустно. Меня ты бранишь за самооправданіе, а самъ вводишь пьянство въ фатумъ и говоришь объ немъ, какъ о несчастіи, противъ котораго нѣтъ апелляціи, и за которое вина падаетъ не на тебя. Ты даже придумалъ водяную болѣзнь въ оправданіе,—я ужаснулся этого.

Вотъ что я записалъ въ свою книжку *31 декабря 1863:* «Съ 1851 я не переступалъ въ новый годъ съ такимъ ужасомъ. *Пора!* Этотъ голосъ меня преслѣдуетъ не всегда громко, но самое ничтожное обстоятельство будитъ всю его силу. Въ минуты recueillement [6]) и въ минуты грусти я слышу: *пора!* Еще шагъ, и груша перезрѣетъ, будетъ невкусна. Въ новомъ году я предвижу 2 мая. Связи, длившіяся всю жизнь, подаются. *Мы понижаемся въ глазахъ другъ друга,*—старость, что ли? Вѣнки исчезаютъ, остаются

[1]) Представляетъ продолженіе «Мадамъ Терезы».
[2]) Авторъ извѣстной сатиры «Парижъ въ Америкѣ» и политическаго памфлета «Принцъ-собачка».
[3]) Laboulaye—фамилія и Le boulet—ядро.
[4]) Wimbledon, куда уединился Огаревъ.
[5]) Маццини.
[6]) Сосредоточенности.

старыя лица съ притязаніемъ на молодость. Гармоніи въ семейной жизни нѣтъ, задача сложна, эгоизмы развиваются больше, и *все рухнетъ на несовершеннолѣтнихъ*. Въ общемъ мракъ и ужасъ, мы конфортативами [1]) натягиваемъ себя на призрачныя вѣры.

«Не предчувствіе ли это конца, примиреніе съ нимъ, гуманное captatio benevolentiae [2]) со стороны смерти?»

Послѣднія строки приписаны 8 января [3]).

Не буду длить этотъ разговоръ, а скажу только опять и опять то, что я такъ тщетно говорилъ милліонъ разъ Nat. Хочешь сдѣлать многое, пожертвовать многимъ, для того, чтобы разрушеннымъ домомъ не задавило дѣтей, или нѣтъ? Разумѣется, хочешь. Ну, тогда вопросъ: есть ли силы? Не могу примириться съ мыслью, что ты себя выписываешь изъ фронта въ слабые. Въ чемъ же жертва? Мнѣ стыдно сказать—въ томъ, чтобы не пьянствовать въ 50 лѣтъ, да еще втихомолку. Помилуй, Огаревъ, я истинно краснѣю, писавши. И когда я говорю, что целлюлярный [4]) порядокъ жизни, въ которую не заглядываетъ ни свѣжее лицо, ни эстетическій элементъ, никуда негоденъ, я это всего больше вижу на тебѣ. Ты даже въ Лондонѣ не окружилъ себя такой мрачной атмосферой (и не пилъ такъ). Двѣ узкія домашнія крыши, между ними дорога въ пять верстъ; тутъ ссоры и тамъ не можетъ быть шири. Днемъ ты не просыпаешься до разговора, вечеръ раздраженъ. И ты, Огаревъ, скажешь, что это нормально-разумная жизнь? Круповь и тебѣ отвелъ бы одинъ изъ лучшихъ №.

Все это такъ бѣситъ.

Я шумлю, но, дѣйствительно, у меня радостей не много. Одно преступленіе или отступленіе съ моей стороны [5]) сгубило частную жизнь. Кромѣ вѣстей изъ Рима и дѣтской игры, у меня ничего нѣтъ. Я бы и съ этимъ сладилъ. Но когда дѣло идетъ *по минусу*, когда я боюсь здѣсь сцены страшной встрѣчи Таты, тутъ—паралича; тогда, когда и въ общемъ я вижу, что единственный человѣкъ, который съ 1826 шелъ въ унисонъ со мной, или я—съ нимъ, теряетъ масштабы и переноситъ свои желанія на дѣйствительность, сердясь, что я вижу, что это желанія, а не дѣйствительность—adde [6]) исторіи Саши, ребенка [7])...—то я увѣряю тебя, Огаревъ, что есть отъ чего бѣжать изъ полка.

[1]) Confortatif—крѣпительное.
[2]) Снисканіе расположенія.
[3]) См. №№ 2274 и 2285.
[4]) Тюремный, одиночный; образовано отъ нѣм. слова Zelle—келья, одиночная камера.
[5]) Связь съ Н. А. Огаревой.
[6]) Прибавь.
[7]) Тутцъ.

У Nat. мысль просить государя съѣздить въ Россію, съ правомъ возвратиться. Я видѣлъ во снѣ, что Ал. Ал. просилъ послѣ смерти П. Ал. объ этомъ. Можетъ, это и возможно (окрестивши дѣтей)? Подумай. Если жъ нѣтъ, то, можетъ, тебѣ будетъ легче пожить совершенно одному въ Лондонѣ, т.-е. въ іюнѣ, а я всѣхъ устрою въ Амстердамѣ или въ Генуѣ (мы объ ней забыли). Я готовъ на все. Ты опять будешь толковать о гамлетовщинѣ,— разсуди самъ, во мнѣ ли дѣло. Если-бъ я могъ сказать: вотъ треть въ одну сторону, вотъ треть—въ другую, съ остальной позвольте мнѣ ѣхать, не знаю куда, и пріѣзжать разъ въ годъ въ гости,—я бы сдѣлалъ. А тутъ наша дѣятельность, «Колоколъ»... Итакъ, надобно тянуть лямку. Я готовъ. И прощай. Если дашь руку на взаимную поддержку, тѣмъ лучше.

Отъ Саши длинное письмо. Лучше, что онъ занимается. Онъ встрѣтилъ M-me Урихъ у Пульскаго; она ему учтиво поклонилась, а онъ чуть не упалъ въ обморокъ (я видѣлъ нѣчто подобное во Флоренціи), а самъ, кажется, влюбленъ въ креолку... Бениберда.

◆◆ 1. Какъ разъ въ это время могъ быть въ Лондонѣ писатель Александръ Ѳомичъ Погосскій, издававшій тогда «Солдатскую» и «Народную Бесѣду».

Онъ прибылъ съ письмомъ Бакунина, содержаніе котораго можно предполагать изъ другого его письма, отъ 4 марта 1864 г.: «Въ Вевэ также познакомился съ Погосскимъ. Можетъ быть, и вы съ нимъ успѣли ужъ познакомиться, потому что онъ собирался въ Лондонъ, и я далъ ему письмо къ вамъ. Въ этомъ письмѣ я вамъ сказалъ и теперь подтверждаю, что я не знаю человѣка болѣе способнаго говорить печатно съ солдатами и, пожалуй, можетъ быть, и съ народомъ, чѣмъ онъ. Для доказательства посылаю вамъ его пѣсню «Эхъ, батюшка!». Это преинтересный человѣкъ-самородокъ. По рожденію и по дѣтскому воспитанію онъ полякъ, но 15-ти лѣтъ онъ былъ отданъ въ солдаты и протянулъ лямку въ солдатскомъ чинѣ, кажется, около 10 лѣтъ; пробылъ года два или три офицеромъ и потомъ вышелъ въ отставку. Такъ что въ сущности онъ и по складу ума, и по инстинктамъ, и по языку, а можетъ быть, и по старымъ грѣхамъ, пожалуй, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы, нашъ братъ русскій. По смерти Николая онъ сталъ издавать «Солдатскую Бесѣду», которая въ короткое время пріобрѣла въ гвардіи и въ арміи чрезвычайную, безпримѣрную популярность. Вся тайна его силы, кажется, въ его искренней любви къ солдатамъ; онъ говорилъ имъ изъ ихъ же души имъ въ душу. Вмѣстѣ съ этимъ неимовѣрною, чисто русскою ловкостью и, вѣроятно, также и не всегда благородными мотивами онъ успѣлъ пріобрѣсть довѣріе высшаго начальства, которое, считая его своимъ, поощряло распространеніе его журнала въ

войскѣ. За это не взлюбила его наша партія, обращалась къ нему съ недовѣріемъ, «Искра» нерѣдко на него нападала. Однако, люди, знавшіе его въ Россіи, русскіе люди и между ними особенно одинъ всѣми уважаемый, съ которымъ я познакомился въ Вевэ рекомендуютъ его, какъ вполнѣ хорошаго и честнаго человѣка. Да познакомившись съ нимъ ближе, въ этомъ и сомнѣваться нельзя; ему удалось печатать въ своемъ журналѣ, напр., такія слова: «Будь проклята и пусть отсохнетъ та рука, которая подымется на народъ». Вслѣдствіе этой статьи была послана къ нему депутація съ адресомъ отъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ одного гвардейскаго полка, съ адресомъ, который пусть онъ вамъ прочтетъ и который вамъ понравится. Какъ только началась польская революція, онъ отказался отъ редакціи журнала, приносившаго ему большой доходъ, и эмигрировалъ съ большимъ семействомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ малыхъ дѣтей и славной, честной жены, также русской болѣе, чѣмъ польки, и съ маленькимъ капиталомъ въ 15 тысячъ рублей, который спасетъ его отъ голодной смерти. Онъ предлагалъ свои услуги полякамъ,— они, по узкости, ихъ не приняли. Прошу васъ, друзья, обратите на него серьезное вниманіе. Я убѣжденъ, что подъ вашимъ руководствомъ онъ будетъ намъ очень, очень полезенъ.—Имѣйте съ нимъ терпѣніе. Онъ немного и хвастунъ, и много неучъ, и самолюбивъ и невинно честолюбивъ,—а главное, въ европейской жизни глупъ, и несвѣдущъ, какъ дитя, и потому предается еще разнымъ самолюбивымъ, филантропическихъ замысламъ и мечтаніямъ,—но все это ничего; и еще разъ повторяю, въ этомъ сорѣ есть чистое золото» («Письма», 154—156).

Возможно, что Герценъ взглянулъ на Погосскаго иначе, и что характеристика «новаго русскаго» относится именно къ нему. Погосскій могъ внушить недовѣріе своей литературной дѣятельностью, пользовавшейся особымъ вниманіемъ административныхъ и военныхъ круговъ и по существу, несомнѣнно, «патріотической», что не мѣшало ему написать неизвѣстное намъ въ печати стихотвореніе, понравившееся Бакунину.

2334. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 марта (1864).
Elmfield House, Teddington.

Итакъ, Огаревъ, три обморока въ такой короткій срокъ,— это и страшнѣе и краснорѣчивѣе многихъ гомелій [1]). Не поберечь ли Землю и Волю въ себѣ прежде, чѣмъ въ другихъ? На этотъ предметъ не воротимся.

[1]) Проповѣдей, поученій.

Пріѣхать я, разумѣется, всегда готовъ, но желалъ бы прежде яснѣе поставить затуманенныя отношенія. Говорю тебѣ со святой искренностью и сходя внутрь себя безстрастно, что ты меня въ ревности обвинялъ напрасно. Мнѣ больно вовсе не то, что ты, очевидно, тяготишься жизнью дома (жизнь эта тяжела въ самомъ дѣлѣ); мнѣ больно не то, что ты счастливъ—что это было бы за уродство!—но откровенно скажу: я не понимаю твоей удовлетворимости, даже не понимаю ея и относительно Утина. Мнѣ кажется, что ты дешевишь себя. Въ моей жизни есть съ рожденія Лизы что-то безумное; меня страшатъ послѣдствія, судьба дѣтей, судьба твоя и теперь при новомъ ударѣ въ старика—судьба Ал. Ал. [1]). Меня страшитъ твоя судьба, и я теряюсь въ этомъ страхѣ. Въ послѣднее время я больше испугался твоего паденія въ пьянство, чѣмъ всего. Я въ немъ увидѣлъ невозможность даже временно жить вмѣстѣ. А если бы ты совсѣмъ остался въ Лондонѣ, что за странная, нелѣпая жизнь была бы у насъ и что за узкая для тебя. Gemach и Gemach! [2]) Ты воспиталъ въ себѣ цѣлой жизнью великую гуманность и великій эгоизмъ безсемейника. Къ этому тебя вело многое и на первомъ планѣ бездѣтство. Ты говоришь о важности личныхъ отношеній и готовъ ихъ ласкать и лелеять включительно до жертвы строю жизни, такъ что личныя отношенія у тебя идутъ на пристяжкѣ, а въ корню—ты одинъ. Спроси себя, такъ ли это. Я тутъ нахожу ключъ къ разнымъ событіямъ твоей жизни. Одинъ ты жить не могъ, съ семьей врядъ ли... Когда я говорилъ о sui generis монашествѣ, о жизни austère [3]) во имя религіозной идеи, то я говорилъ объ одинокой жизни въ самомъ дѣлѣ, равно исключающей семью и вино, о жизни Мац. [4]), напр., а мы себя на старости веселимъ. Свое положеніе я считаю фаталистическимъ по сложности,—вѣроятно, я въ немъ и погибну. Mea culpa [5])...

Довольно пока. Natalie—у насъ все идетъ мирно — теперь мечтаетъ день и ночь и хочетъ писать къ тебѣ о просьбѣ съѣздить въ Россію на три мѣсяца. Я полагаю, что, можетъ, еще сгоряча и разрѣшатъ,—напиши тотчасъ твое мнѣніе.

Сегодня меня звалъ обѣдать Lange въ Ричмондъ. Я буду ждать отвѣта на это письмо и потомъ приду.

Засимъ прощай.

Конечно, я ошибся съ Темзой, но получилъ ли ты газеты и письма? Увлеченный твоей орѳографъ., я написалъ Wibledon,—оно ругательнѣе, но не вѣрно, пишется Wimbledon.

Гончаровъ [6]) въ письмѣ пишетъ прямо, что онъ ждетъ от-

[1]) Тучковъ.
[2]) Спокойствіе и спокойствіе.
[3]) Строгой, суровой.
[4]) Маццини.
[5]) Моя вина.
[6]) О. С. Гончаръ.

вѣта въ Киссингенъ,—пиши и пришли, а я отдамъ Пораю [1]). Кн. Чартор. пріѣхалъ. Онъ говоритъ, что Штиглицъ былъ совершенно осмѣянъ въ Парижѣ за его отвѣтъ и до того сконфузился, что боялся ходить по бульвару [2]).

Тург. печатаетъ новый романъ у Достоевскаго—«Призраки» [3]).

Сейчасъ получ. отъ Мац.; онъ на время уѣхалъ. Во француз. сенатѣ Стансфильдъ былъ обруганъ и Мац., — «Export» и «Таймсъ»,—одинъ съ мягкостью, другой, напротивъ, повторяетъ.

Дѣти цвѣтутъ. Лиза—моя Consuelo.

9 часовъ. Корректуры отъ тебя нѣтъ. [1]

•• 1. Въ тотъ же день, 1 марта, Огареву писала его вторая жена: «Наконецъ-то, сажусь писать къ тебѣ. У насъ тихо, но внутри чувствуется какая-то грусть, какое-то недоумѣнье и въ частномъ и въ общемъ; а между тѣмъ, чувствуя это, нужнѣе сжаться въ одну кучку съ полной взаимной любовью и вѣр й... Думай, думай больше о Гер.; ты былъ единственное и самое близкое существо, которое, какъ онъ мнѣ говаривалъ тысячу разъ, не дало ему ни единой дурной минуты. Помни это, Огаревъ, береги его... Если-бъ N. была жива, и она бы тебѣ сказала то же и тѣмъ болѣе, что и она принесла ему много горя, а я,—обо мнѣ нечего и говорить: я, можетъ, принесла *только* горе... Остаешься ты одинъ... Какъ тяжело было бы обоимъ, если-бъ остатокъ жизни,—а мы ужъ на другой сторонѣ,—вамъ пришлось бы не такъ итти рука объ руку, какъ прежде... Можетъ, я преувеличиваю, Огаревъ, ты не сердись на меня, но мнѣ кажется, что съ отъѣзда Г. въ Италію все что-то не клеится... Можетъ, ты дѣйствовалъ немного подъ вліяніемъ раздраженныхъ виномъ нервовъ... Во всякомъ случаѣ, я говорю тебѣ это потому, что вашъ союзъ необходимѣе всего въ мірѣ... Герценъ болѣе страдаетъ, чѣмъ онъ это показываетъ; онъ страдаетъ всячески и за ваше отношенье и за твое здоровье,—со мной онъ много объ немъ говоритъ; вся его надежда на эту поѣздку—тебѣ надо окрѣпнуть физически и морально; безъ тебя не можетъ быть истиннаго примиренья и семьи... Будемъ же всѣ работать, я это хочу со всей силой.

«Г. тебѣ писалъ объ проектѣ послать госуд. письмо по случаю смерти П. А. Что ты думаешь объ этомъ? Если да, то надо спѣшить: куй желѣзо, пока горячо... Бѣдный папа, я за него страшно боюсь; до сихъ поръ нѣтъ ни строки изъ Яхонт.» («Русскіе Пропилеи», IV, 276—278).

[1]) Порай-Кошицъ.

[2]) Между бар. А. Л. Штиглицомъ и Луи Воловскимъ въ Парижѣ шла полемика о русскихъ финансахъ.

[3]) Въ 1 и 2 кн. «Эпохи» 1864 г.

2335. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 4. (1 марта 1864). *2 часа.*

Корректуры нѣтъ. Де-Роберти есть и ушелъ,—не Соллогубъ [1]). Франковскій будетъ, можетъ, завтра.

Корректура послана poste office въ воскресенье.

Долгоруковъ даетъ по 5 шилл. въ фондъ за каждый портретъ [2]) (21) и, сверхъ того, платитъ за дагерротипный снимокъ.

Три часа.

Получена корректура.

Лиза въ восторгѣ отъ Valentin [3]).

Она со мной хочетъ пріѣхать.

Завтра напишу, когда.

2336. Письмо къ сыну.

2 марта 1864.
Elmfield House, Teddington.

Если обелискъ заказанъ, дѣлать нечего и поступи какъ можно деликатнѣе, даже можешь совсѣмъ не говорить, но, если нѣтъ, то узнай отъ Даля [4]), говорила ли ему Тата въ Римѣ. Мнѣніе противъ обелиска очень основательное. Если же кончено, то надпись должна быть съ годомъ рожденья и полнымъ именемъ:

Наталія Александровна

Герценъ

Род. въ Москвѣ $\frac{22\text{ октября}}{3\text{ нояб.}}$ 1817.

Скон. въ Ниццѣ $\frac{20\text{ апрѣля}}{2\text{ мая}}$ 1852.

Мнѣ кажется, что ты очень дурно сдѣлалъ, что пересталъ ходить къ Vieusseux. Разсчетъ мизерный, а затыкать уши и не

[1]) Евгеній Валентиновичъ де-Роберти де-Кастро де-ла Серда, философъ-позитивистъ; тогда молодой человѣкъ 21 года.

[2]) Павла I, приложенный къ «Полярной Звѣздѣ».

[3]) 14 февраля, въ день св Валентина, въ Англіи молодые люди посылаютъ своимъ возлюбленнымъ нѣжныя письма, остроумныя стихотворенія и подарки.

[4]) Архитекторъ.

знать, что дѣлается—zu deutch [1]); напр., вѣроятно, интересно тебѣ знать, какъ на Стансфильда нападали въ парламентѣ за Осипа Ив. [2]).

При первой оказіи я пришлю тебѣ 4 экз. медали: одну для Дольфи, одну M-me Mario, у которой прошу портретъ такой, какъ Мейзен.

Портретовъ нѣтъ, но найду гдѣ-нибудь.

Туманъ страшнѣйшій, вонь и оттого болитъ голова.

Главная цѣль письма моего—объ обелискѣ.

Вотъ и мартъ, а рѣшить дѣло все еще нельзя. Затѣмъ прощай. Лиза очень довольна огромной панкартой, но она умѣетъ уже читать и по писанному (крупное).

Душевно радъ, что ты все еще рьяно занимаешься. За микроскопомъ дѣло не станетъ.

На-дняхъ явился Платнауэръ и Рейхенбахъ. Послѣдній мрачно смотритъ на Америку и совѣтуетъ мнѣ или тебѣ къ осени ѣхать туда [3]).

Затѣмъ обнимаю тебя.

Отношеній твоихъ и Бакун. не понимаю. Гдѣ и для чего вы такъ часто видитесь?

Смотри, какъ бы опять не вышло дрязгъ.

Что онъ пишетъ «Записки» и въ «Revue des Deux M.»?

Спроси мнѣніе американца; Reichenbach говоритъ, если-бъ кто туда ѣхалъ да скупилъ бы (въ Ричмондѣ) земель, пошло бы, можетъ, выгодно. На Югѣ Каппъ не поможетъ. Можетъ, и придется послать тебя. Вотъ опытъ практическаго дѣла для тебя;—отъ науки оно не отстранитъ, заниматься можно вездѣ. Объ этомъ думай. Житье становится въ обрѣзъ:

Домъ въ Лондонѣ.	25.000
Татѣ и Ольгѣ.	10.000
ты	5.000
	40.000

Это le stricte nécess [4]). Ну, теперь всѣ extra, типогр., платье etc. должны покрываться 6.000 фр. (настолько доходъ уменьшился); къ этому прибавь половину дохода Огар., т.-е. около 6.000 фр. еще, и ты увидишь, что спасать, что можно, необходимо. Богатствъ я вамъ не желаю, но хотѣлъ бы устроить такъ, чтобы финансовая опора была, а остальное—ваше собств. дѣло.

Что ты видишь свои недостатки и искренно желаешь исправленія, вѣрю, но въ успѣхъ вѣрить погожу до свиданія. Мнѣ до-

[1]) Слишкомъ по-нѣмецки.
[2]) Маццини. Подробности въ гл. XVII ч. VI «Былого и думъ».
[3]) Для выясненія денежныхъ дѣлъ.
[4]) Самое необходимое.

статочно четырехъ словъ въ разныхъ разговорахъ, чтобы понять, искренень или нѣтъ въ тебѣ тотъ элементъ, который вызывалъ во мнѣ нежеланіе поправить, не жалость объ ошибкѣ, а желаніе поставить тебя въ раму.

Если я, въ самомъ дѣлѣ, дойду до увѣренности въ измѣненіи жесткихъ сторонъ твоего характера и съ тѣмъ вмѣстѣ увижу расширеніе взгляда, не зацѣпляющагося за всякую мелочь съ ашарнементомъ [1]), я съ глубокой радостью обниму тебя и поздравлю. Въ этомъ Тата можетъ тебѣ служить примѣромъ.

Что-то ты очень быстро тратишь деньги. И какъ твоя поѣздка отъ Флор. до Лондона черезъ Бернъ можетъ стоить 500 фр.? Я пришлю тебѣ 600 ф. къ 1 апрѣля; до тѣхъ поръ напиши, нужно ли и сколько нужно на микроск.

Кажется, я ошибся: ты слово *ему* относишь не къ Куроч. [2]), а къ Стуарту, и онъ не имѣетъ права на фондъ; но ты ему можешь дать взаймы, это на твой страхъ.

Новостей много; къ Vieusseux ходи и совѣтую слѣдить по «Nord'у». Онъ перевираетъ, но—факты. Крестьяне въ Польшѣ освобож. съ землей. Въ Россіи свобода промысловъ и торговли внутри государства.

Прощай.

Маленькій [3]) здоровъ, и Чернецк. питается съ нимъ. О портретѣ скажу. Ага уходитъ на нѣсколько дней въ Wimbledon. Я пишу длинную статью въ «Revue des Deux Mondes». Дѣти, кромѣ мальчика, очень милы.

2337. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 марта (1864).

Твое прошлое письмо дурно; дурно оно потому, что ты клеплешь на меня того, чего я не говорилъ, и не хочешь понимать, что при твоемъ умѣ равняется преднамѣренію.

О необходимости обморока ты мнѣ не говорилъ, а говорилъ о ночномъ страхѣ. Я, дѣйствительно, былъ увѣренъ, что ты съ Мэри [4]) пить не перестанешь. Огаревъ, неужели ты не далъ право на это сомнѣніе?

Но хуже всего это—намекъ, что я тебѣ совѣтую бросить М.; ты это повторяешь второй разъ—на это не даетъ права никакая любовь ... и писать прописными буквами подлость—актъ необуз-

[1]) Acharnement—сильная страсть.
[2]) Василій Степановичъ Курочкинъ.
[3]) «Тутцъ», былъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ Л. Чернецкаго.
[4]) Сутерландъ.

данный, когда онъ не заслуженъ. Если бы я сказалъ о Таландье: неужели ему не скучно въ его семейной жизни? а онъ бы мнѣ отвѣчалъ: прикажете мнѣ жену отдать въ публичный домъ, а дѣтей бросить въ Темзу?—умно это было бы? И это отъ тебя!...

Совершенно то же объ Утинѣ. Мнѣ не нравится тонъ институтской câlinerie [1]) его и твоихъ писемъ, а ты мнѣ не позволяешь находить, что ты дешево отдаешься. Какъ будто, для дѣла или лица ... [2]) эта близость, прежде даже знанія.

Нѣтъ, это дурно съ твоей стороны.

Есть вещь, снимающая разомъ даль людей, это (если ты хочешь понять, поймешь)—помазаніе; его въ Ут. я не вижу, ни въ немъ, ни въ романѣ.

Если голова совсѣмъ пройдетъ, я пріѣду въ 3 часа или около и поѣду знакомой дорогой, т.-е. сначала въ Путней, въ $2^1/_2$. Если будетъ очень дурно—психически и иначе,—я пришлю по желѣзной дорогѣ все, кромѣ «Моск. Вѣд.», а самъ пріѣду въ субботу, въ 2.

Проектъ Натали такъ и остается.

Лизу сегодня не возьму.

9 часовъ.

Законы тоже будутъ въ мѣшкѣ.

12 часовъ.

Писемъ нѣтъ. Вторая почта въ 4 часа, въ 5 ѣхать поздно. Если ничего не будетъ завтра, поѣду къ вамъ *въ 3 часа*; если что будетъ, извѣщу по телеграфу.

Отъ Мордовина [3]) письмо къ Тх. пресимпатичное. Вотъ наши друзья. Я и забылъ сказать, что Каппъ писалъ мнѣ, что во время празднества съ русскими матрос. гардемарины вынули портреты Бакун. и мой и повивакали [4]).

Кофе будетъ. [1]

◆◆ 1. 16 апрѣля 1864 г. въ III Отдѣленіи полученъ былъ анонимный доносъ, отправленный по почтѣ изъ Нью-Іорка. Вотъ его содержаніе: «Штурманскій кондукторъ Павелъ Мордовинъ съ клипера Алмазъ, который вѣдетъ переписку постоянно съ Герценомъ и другими. Получаетъ колоколъ и распространяетъ зловредныя идеи между товарищами. Недавно получилъ книги Былое и думы и Историческій Сборникъ. Писалъ Герцену пасквиль про своего капитана, но напечатано только часть письма объ Г. Хотинскомъ въ № 179. Въ бытность въ Лондонѣ постоянно посѣщалъ домъ

[1]) Лесть.
[2]) Слово не разобрано.
[3]) Павелъ, штурманскій кондукторъ клипера «Алмазъ». [1]
[4]) Т.-е. прокричали «vivat».

Герцена, былъ на митингахъ в пользу Польши, жертвовалъ деньги. Въ Либавѣ получалъ колоколъ. Ждетъ офицер каго чина, и хочетъ тогда дѣиствовать серьезно. На своихъ товарищей имѣетъ вліяніе. Между матросами также не упускаетъ случая. Въ одинъ вечеръ на берегу публично оскорблялъ особу Его Императорскаго Величества. Книги и Колоколъ держитъ в большомъ секрѣтѣ. Ежели еще останется за границей можно ждать несчастія въ особенности въ это время».

10 мая управл. морскимъ министерствомъ Краб'е сообщилъ III Отдѣленію, что бывшіе въ сн шеніяхъ с Герценомъ, Бакунинымъ, Мацини и Тхоржевскимъ прапорщикъ корпуса инженеръ-механиковъ Забѣгаевъ, прапорщикъ корпуса штурмановъ Бутыркинъ и лейтенантъ Петръ Полянскій по прибытіи въ Россію получили отп ски отъ 4 до 6 мес., и указалъ ихъ адреса. Жандармамъ тѣхъ губерній приказано было слѣдить за этими лицами (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230 ч. 94).

2338. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 марта (1864 г.), пятница.

Жаль, что я не былъ вчера, но это къ лучшему: голова болѣ. перестала (новое pli, никогда не проходитъ въ одинъ день) да и на душѣ лучше. А новости скверныя. Я получилъ отъ парижскаго Ротшильда отчетъ за 1863 годъ. Читаю, сличаю; денегъ получено меньше: съ 17.000 долларовъ Virginia Stock [1]), вмѣсто 6%, ни гроша. Поѣхалъ я къ здѣшнему Рот. Тамъ говорятъ, что они рѣшительно ничего не платятъ. Итакъ, тысячи 3 съ $^1/_2$ франковъ изъ дохода вонъ. Рейхенбахъ на дѣла Америки смотритъ самымъ черным взглядомъ. Онъ говоритъ, что мира не будетъ; что упорство южныхъ дошло до маніи [2]). Его совѣтъ: ѣхать въ Америку и покупать у правительства земли, даже акціи желѣзн. дорогъ; онѣ тоже чевѣрны, но, все же, вѣрнѣе правительственныхъ, а ихъ покупать потому, что тогда Un. St. пойдутъ въ американской цѣнѣ. Вотъ тутъ и живи себѣ птицей небесной. Нѣтъ, Огаревъ, вмѣсто замѣчаній на мое замѣчаніе, благослови относительную свободу твою. Глупо потерялъ ты свое имѣніе. что же въ сущности за бѣда? Ты 6.000 фр. вытянешь. А виноваты ли старшіе дѣти, что они выросли съ мыслью полнаго довольства? И потомъ—какіе мы безпомощные люди; вся

[1]) Американскія бумаги, въ которыя Герценъ вложилъ часть капитала.

[2]) А ты воображаешь, что главные вегикулы [0]) революціи—экономическіе вопросы и людей вообще—математика! *А. И. Г.*

[0]) Vehiculum—повозка; здѣсь—двигатель.

кій Савичъ [1]) нашелъ бы, догадался бы, пожертвовалъ бы временемъ, трудомъ... Мартъ мѣсяцъ... Апрѣль и май на рѣшеніе. На что же мы рѣшились? Чѣмъ ближе къ Италіи, тѣмъ выгоднѣе для дѣтей,—не вѣка же имъ жить въ Бельгіи. Здравый смыслъ требуетъ жить вмѣстѣ: Natalie и порывается, но еще недавно ставился вопросъ: а если Мейз. сдѣлаетъ сцену?

Если пойдетъ все дурно, придется съѣздить въ Америку, можетъ, и съ Сашей—одного боюсь его послать. А Чернецк. и типографія?

11 часовъ.

Твое письмо пришло. Я самъ чувствую великую потребность схоронить споръ. Разойтиться послѣ цѣлой жизни нельзя и грѣхъ. Я глубоко увѣренъ, что ты моимъ письмамъ далъ смыслъ иной. И это, я думаю, оттого, что и ты, и я не привыкли, чтобъ насъ судили; мы себя ставимъ всегда above [2]) уровня. Врядъ справедливо ли это. Les rois sont ce que nous sommes [3]). Можетъ, даже то, что я писалъ тебѣ изъ замѣтки на Новый годъ (мы понизились въ глазахъ другъ друга),—боязнь истины, вовсе не хорошее чувство съ моей стороны. Итакъ, серьезно, безъ излишнихъ надеждъ, но съ вѣрой пойдемъ по жесткому пути старости; я, между прочимъ, поищу средствъ матеріально спасти всѣхъ. Можетъ, для этого мнѣ и будетъ всего нужнѣе, чтобъ морально не было постояннаго безпокойства.

Вотъ моя рука.

Теперь о «Колоколѣ». И тутъ ты призови всю терпѣливость твою. Я съ Чернец. имѣлъ небольшую стычку. Онъ сдѣлалъ непростительную вещь: въ 9 вечера прислалъ мнѣ послѣднюю стр., я поправилъ и надписалъ или сказалъ черезъ Жюля, чтобъ mise en page [4]) прислали; вдругъ въ 11½ Жюль приноситъ полные «Колок.». Ничего не понимая, я сталъ въ постели читать, нашелъ двѣ-три грубыя ошибки и въ 7½ утра послалъ Жюля съ поправкой. Онъ торжественно возвратился съ рапортомъ, что Егоровъ всю ночь печаталъ и отпечаталъ всѣ экземпляры. Я послалъ за Чернецк. Чернец. оказывается столько же виноватымъ: 1-ое, bon à tirer [5]) не было; 2-ое, въ 11 ушедши, онъ сказалъ Егорову, что если что неважное, то онъ поправилъ бы. Чернец. зналъ, что я дома. Что жъ ему стоило зайти? И самъ говоритъ, что Егоровъ—дуракъ.

Онъ немного надулся. Но теперь надобно потерпѣть и въ слѣдующемъ листѣ errat'у [6]) сдѣлать, другого средства нѣтъ. Чернец.

[1]) Иванъ Ивановичъ.
[2]) Выше.
[3]) Короли—такіе же люди, какъ и мы.
[4]) Верстку.
[5]) Разрѣшительная надпись «печатать».
[6]) Указать опечатки.

одно говоритъ: опоздали, опоздали тремя днями. Можетъ я и правъ былъ, что тебѣ бы прежде кончить, потомъ итти [1]).

Можно еще одно сдѣлать — отпечатать поправку на листкѣ и разослать книгопродавцамъ для вложенія въ № «Кол.». Если это очень надобно, пиши: я сейчасъ распоряжусь [2]).

Завтра, если дождь, буду одинъ, если порядочно—съ Лизой. Поѣду черезъ Путней въ train 1 или 2. Лиза продолжаетъ быть безконечно мила и умна.

Ничего не жду отъ де-Роберти. [4]

Франковскаго не видѣлъ.

Братъ Grant-Duff снялъ въ Россіи какую-то желѣзную дорогу. Вотъ оно что...

Ѣхать Nat. съ дѣтьми невозможно въ Россію the matter dropped [3]).

◆◆ 1. 7 марта 1864 г. Е. де-Роберти писалъ изъ Лондона своему пріятелю Николаю Васильевичу Сабурову, что «былъ у А. на прошлой недѣлѣ; онъ принялъ меня, какъ стараго пріятеля. Въ пятницу и вчера обѣдалъ у него и провелъ вечеръ: мы съ нимъ очень сошлись, я даже не могъ ожидать этого» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи).

2339. Приписка къ Н. П. Огареву.

(Мартъ 1864).
Elmfield House, Teddington.

Въ Россіи Лиза собирается ѣздить въ маскѣ и выдать себя за дочь Мейзенбугъ (это совершенео spontanément) [4]).

Я говорю: «да ты лучше подари Алекс. Ник. [5]) что-нибудь». «О, нѣтъ, я его напою пьянымъ и, когда онъ будетъ лежать, выстрѣлю въ него»...

Вотъ и Юдифь.

Диктуетъ: «и цѣлую тебя».

2340. Іосифъ Янковскій.

Одинъ изъ самыхъ героическихъ предводителей повстанцевъ, человѣкъ необыкновенныхъ военныхъ дарованій, рыцарь по благо-

[1]) Т.-е. отправляться въ Wimbledon.
[2]) При томъ же 180—181 л. были приложены опечатки.
[3]) Брошенное дѣло.
[4]) Самостоятельно.
[5]) Царь.

родству, I. Янковскій, попалъ въ руки нашимъ *рыцарямъ*. Разумѣется, его тотчасъ приговорили къ висѣлицѣ. «Недѣлю назадъ,—говорятъ «Моск. Вѣд.» 30 янв.,—схваченъ въ Варшавскомъ уѣздѣ извѣстный предводитель шаекъ Янковскій. Вчера утромъ устроена была уже висѣлица на гласисѣ цитадели, но потомъ смертная казнь отмѣнена. Янковскаго жаль: *все населеніе* Радзимина прислало депутацію съ просьбою о дарованіи ему жизни; онъ былъ предводителемъ шайки, а не жандармовъ-вѣшателей; на совѣсти его нѣтъ ни одного убійства, ни одного грабежа; нашихъ плѣнныхъ онъ освобождалъ и награждалъ деньгами; словомъ, былъ изъ самыхъ приличныхъ атамановъ».

Русскіе офицеры присоединились къ туземцамъ, умоляя испросить перемѣну наказанія мужественному противнику. И что же?... Казнь, назначенная 22 января, была остановлена. Государь, навѣрное, на этотъ разъ не затянетъ веревку на шеѣ доблестнаго врага... Теперь слушайте «Кельнскую Газету».

«14 февраля былъ повѣшенъ Іосифъ Янковскій. Онъ былъ приговоренъ къ висѣлицѣ двѣ недѣли тому назадъ, но намѣстникъ отложилъ исполненіе приговора. Зная глубокое уваженіе къ нему поляковъ и даже русскихъ, начальство опасалось, что казнь такого человѣка *можетъ повредить балу, который оно давало,* и отклонить многихъ отъ намѣренія присутствовать на немъ».

Потанцовавши, злодѣи эти воротились къ висѣлицѣ. Но уже послѣ бала просто повѣсить было мало. Чтобы унизить Янковскаго, они повѣсили на той же висѣлицѣ Фридриха Шиндлера, хотѣвшаго убить кого-то изъ русскихъ, и въ то же время велѣли *разстрѣлять* донского казака Петра Рябкина, перешедшаго къ повстанцамъ и оклеветаннаго судомъ.

«Спокойно и величаво шелъ Янковскій на помостъ, прекрасный собой, цвѣтущій мужчина; онъ кланялся съ улыбкой народу. Его жена была при казни, безъ чувствъ унесли ее»...

«Что-то подѣлываютъ мои тигры-обезьяны?»—писалъ Вольтеръ, спрашивая о парижанахъ. У насъ такихъ обезьянъ нѣтъ, у насъ какіе-то тигры-ослы, тигры-боровы и тигры-клопы. Въ нихъ соединяется все тупое, плотоядное, вонючее, грязное, съ отсутствіемъ всякаго слѣда, намека на какое-нибудь человѣческое чувство.

Удивительное сочетаніе страшныхъ преступленій съ ничтожнѣйшими мелочами и мерзостями. Рядомъ съ злодѣйствами, потрясающими душу, какъ въ Шекспирѣ, маленькія гадости, капральскія придирки. Русское правительство душитъ людей и царапаетъ ихъ перочиннымъ ножемъ. Рядомъ съ *александровскими* висѣлицами оно поднимаетъ николаевское гоненіе на пейсики [1]),

[1]) «Московскія Вѣдомости», продолжая будировать петербургскія вѣдомства съ незабвеннаго Земскаго устава, находятъ глупой мѣру стричь пейсы и сюртуки евреямъ. Онѣ правы. Но гдѣ же удержать грубое и не-

на долгополые еврейскіе кафтаны, на чиновничьи усы, вѣшаетъ и бреетъ, разстрѣливаетъ и подрѣзываетъ фалды! Палачъ—портной, императоръ — педель, генералъ-губернаторъ — смотритель школы...

Что это у нихъ за вещество въ мозгу? Явно, что это не обыкновенный церебринъ: имъ нельзя дойти до соображенія столькихъ безумій и до сочетанія столькихъ нелѣпостей. Или это наслѣдственная, застарѣлая голштейнская казарменная язва, сдѣлавшаяся *конституціонной* болѣзнью этой самодержавной династіи?...

Стриженіемъ бородъ и пейсиковъ не ограничиваются тѣлесныя наказанія. Въ Варшавѣ, по словамъ «Моск. Вѣд.» (№ 24), сѣкутъ людей при пол ціи *безъ всякаго суда:* однихъ за то, что остановлены были вечеромъ безъ фонаря и грубо отвѣчали какому-нибудь квартальному; другихъ, *чтобы вынудить показанія.* Мы не сомнѣвались въ томъ, что у насъ всегда пытали и теперь пытаютъ, но для насъ важно признаніе тайно-полицейскаго органа. Это—не обмолвка. Это просто значитъ, что у нихъ прошелъ всякій стыдъ и что они не даютъ себѣ больще труда лгать... и хорошо дѣлаютъ, потому что и лгутъ-то скверно.

«Кельнская Газета» (изъ которой нами взята исторія о пейсикахъ и усобритіи) на-дняхъ поймала нашихъ шалуновъ до того явнымъ образомъ, что великодушный и международный «Le Nord» явился на выручку. Иностранныя газеты говорили, что русское правительство безъ всякаго толка высылаетъ въ Сибирь изъ Польши не только мужчинъ, но и женщинъ. Русскіе органы съ негодованіемъ отвергли такую клевету... а «Кельнская Газета» выписала изъ виленскаго полицейскаго листка вызовъ на подрядъ тулуповъ и зимней одежды для ссыльныхъ женщинъ и дѣтей моложе 12-ти лѣтъ. Насчетъ дѣтей «Nord» успокоилъ, во-первыхъ, тѣмъ, что «кто же повѣритъ, что въ Россіи ссылаютъ дѣтей» [1]), и, во-вторыхъ, тѣмъ, что если ихъ ссылаютъ, то это въ *видѣ утѣшенія* для ссыльныхъ (стало, женщинъ-то ссылаютъ, что и доказать надлежало) и что утѣшительное правительство, «повинуясь внушеніямъ человѣколюбія», снабжаетъ ихъ даже одеждой. И этой-то чистѣйшей филантропіи никто не умѣлъ оцѣнить!

вѣжественное правительство, когда развращенные журналисты мѣсяцы пѣли ему, что женщина, носящая трауръ,—преступница, что такія демонстраціи не должны быть терпимы. Теперь пусть они попробуютъ унять звѣрино-полицейскія игры тупой артели опричниковъ, увѣренныхъ, что общественное мнѣніе за нихъ. Отъ этого одинъ бреетъ чиновниковъ, другой стрижетъ евреевъ, а третій нагайкой загоняетъ на балъ тѣхъ женщинъ, съ которыхъ сдирали трауръ. *А. И. Г.*

[1]) Вѣроятно, тотъ, кто, какъ пишущій эти строки, *видѣлъ* въ Пермской губ. толпу дѣтей, отобранныхъ у евреевъ, да еще и тѣ, которые читали брошюру Лелевеля «La guerre aux enfants» [0]). *А. И. Г.*

[0]) «Война противъ дѣтей».

2341. ПИСЬМА КЪ БУДУЩЕМУ ДРУГУ.

NB. Авторъ этихъ писемъ былъ въ большомъ затрудненіи и только недавно вышелъ изъ него. Ему хотѣлось писать о всякой всячинѣ, т.-е. исключительно о русской всякой всячинѣ; для этого форма письма самая широкая, она свободна, какъ женская блуза: нигдѣ не шнуруетъ и нигдѣ не жметъ. По несчастью, у него не оказалось въ наличности ни одного отсутствующаго друга, по крайней мѣрѣ, такого, который желалъ бы что-нибудь знать, ни такого, которому бы хотѣлось что-нибудь писать. Единственный человѣкъ, который могъ бы выручить автора, живетъ съ нимъ черезъ коридоръ [1]), что, дѣйствительно, не мѣшаетъ имъ иногда переписываться, но, все же, не въ такой степени, чтобъ изъ переписки сдѣлать литературную корреспонденцію.

Занятый этимъ предметомъ, авторъ вспомнилъ *предваренiе человѣка*, открытое почтамтомъ въ Россіи (кому, въ самомъ дѣлѣ, и умѣть открывать все запечатанное для другихъ, какъ не ему?). Если можно путешествовать по подорожной съ *будущимъ*, отч го же съ нимъ нельзя переписываться? [2]) Авторъ самъ былъ *будущимъ* въ одномъ *давно прошедшемъ* путешествіи [3]), а *настоящимъ* былъ Васильевъ, рядовой жандармскаго дивизіона.

Вз въ все это въ разсчетъ, авторъ рѣшился писать къ *будущему другу*, желая отъ всей души, чтобъ онъ сохранилъ свое доброе здоровье до первой встрѣчи съ нимъ, впередъ радуясь пріятному будущему знакомству.

Письмо первое.

Будущій другъ,

Извините, что я къ вамъ пишу, не зная порядкомъ, сколько вы заняты и много ли у васъ времени празднаго или, лучше, скучнаго, которое вы хотѣли бы разсѣять невеселой бесѣдой человѣка, начинающаго старѣть и продолжающаго ворчать...

Я долго крѣпился... но силъ не стало. Русскія новости и русскіе журналы дѣйствуютъ на меня, какъ дурманъ или какъ пневматическая машина; я чувствую безпокойство чижа въ безвоздушномъ пространствѣ, я задыхаюсь; мнѣ кажется, что я, вы, мы оскорблены, унижены тѣмъ, что съ нами, при насъ смѣютъ такъ говорить,—злоба кипитъ, является желаніе мести, самозащищенія...

[1]) Н. П. Огаревъ.

[2]) Въ подорожныхъ это указаніе означало право взять съ собой любого попутчика.

[3]) При слѣдованіи въ Вятку съ жандармомъ.

Долго думалъ я, что бы сдѣлать, чтобъ отвести душу. Сначала придумалъ составить небольшую хрестоматію à la Noël et Chapsal [1]) изъ образцовыхъ усердій, преданностей, фискальствъ и проч. Журналы забываются, хрестоматіи остаются. Обложилъ я себя, какъ Лазарь, всѣмъ гноемъ, привезеннымъ за декабрь мѣсяцъ изъ-за Бельта и Зунда, съ береговъ счастливой Невы и благоразумной Москвы-рѣки.

Сначала все шло хорошо, я пріискалъ заглавіе и началъ, какъ ветошникъ, удить въ отечественныхъ канавахъ нашей журналистики... На всякій случай я вамъ сообщу, мой любезный будущій другъ, мой futur, написанный мною проспектъ-специменъ:

Перлословіе.

Подъ этимъ многознаменательнымъ названіемъ вознамѣрились мы низать крупицы, падающія съ богатаго стола нынѣ пирующихъ сановниковъ и іерарховъ русской мысли. Мы равно будемъ низать на наши четки, на наши ожерелья духовно-полицейскія апофтегматы [2]) Аскоченскаго и военно-судныя сентенціи Каткова, бусы максимъ Громеки [3]) и капли офиціознаго воска, очищенныя отъ меда сѣверныхъ пчельниковъ и иныхъ вертоградарей россійскихъ, ежедневниковъ и мѣсячниковъ, наиболѣе аппробованныхъ, поощренныхъ и взысканныхъ милостями высшаго начальства. Безъ излишней самонадѣянности думаемъ мы, что такое ожерелье равно пригодится старцу, женщинѣ, квартальному и ребенку для образованія ума, сердца и руки—да, и руки, ибо рѣдкое перлословіе не напоминаетъ прописей,—здоровая мысль въ здоровомъ почеркѣ гораздо важнѣе, чѣмъ думаютъ нигилисты.

Но такъ какъ самыя пламенныя «пожеланія» [4]), все же, имѣютъ преграды, несмотря на эпиграфъ «Mann kann, was man

[1]) Жанъ-Франсуа Ноёль и Шарль-Пьеръ Шапсаль выпустили вмѣстѣ «La grammaire française» съ «Exercices», очень популярныя въ школѣ.

[2]) Краткія изреченія.

[3]) Степанъ Степановичъ, публицистъ «Отечеств. Записокъ», корреспондентъ Герцена въ до-реакціонную эпоху.

[4]) Желанія — c'est commun, vulgar [5]); монархи, архіереи и сильные міра сего говорятъ въ важныхъ случаяхъ «пожеланія». Это—та извѣстная разница Сергѣя и Сергія, сорочки и рубахи, которую мы не разъ объясняли. Послѣ Новаго года государь-редакторъ «Моск. Вѣд.» обратился къ крѣпостникамъ разныхъ областей своихъ, «къ князьямъ, боярамъ, воеводамъ», пришедшимъ (письменно) за Донъ отыскивать свободу крѣпостного права и благодарить за поддержку Муравьева, со слѣдующими царственными словами: «Мы заключаемъ истекающій годъ изъявленіемъ благодарности нашимъ читателямъ, которые выраженіемъ своего сочувствія подкрѣпляли насъ въ нашей дѣятельности и теперь напутствуютъ насъ на дальнѣйшій трудъ. Эти сотни писемъ, которыя приходятъ къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ людей всѣхъ классовъ и званій, мы сохранимъ, какъ дорогое свидѣтельство, что дѣятельность наша была не безплодна, и что она, дѣйстви-

[5]) Это—простонародно, вульгарно.

will» [1]), избранный Н. А. Полевымъ (столь преждевременно опочившимъ отъ полезныхъ трудовъ своихъ, не предвидя, какъ много послѣ него разведется въ отечествѣ нашемъ «Телеграфовъ» и Булгариныхъ), то мы и признаемся откровенно, что, по дальности мѣстожительства, не имѣемъ возможности слѣдить за всѣми сокровищами поистинѣ обильной словесности нашей, особенно съ незабвенныхъ временъ, въ которыя отечество наше было постигнуто прогрессами. А потому мы съ благодарностью примемъ каждую крошку и крупицу, сметенную съ лукулловскаго стола отечественныхъ музъ, возлежащихъ пышнымъ вѣнкомъ голубыхъ васильковъ около чадолюбивой Паллады-Головнина.

Не стѣсняясь излишне строгой классификаціей, мы, однако, будемъ придерживаться системы, съ успѣхомъ употребленной въ народныхъ пѣсенникахъ, издававшихся въ началѣ нашего столѣтія.

Всѣ афоризмы, апофтегматы, изреченія, сентенціи и максимы мы будемъ дѣлить на:

I. Любовныя: a) *Любовь къ доносамъ*,
b) *Любовь къ «энергіи»*,
c) *и проч.*

II. Военныя—*со включеніемъ корпуса жандармовъ.*

III. Мирныя—*со включеніемъ управы благочинія и «Московскихъ Вѣдомостей».*

IV. Театральныя и т. д.

Но передъ первой рубрикой мы помѣстимъ, какъ и слѣдуетъ, безъ цифры (числа и мѣры нѣтъ! [2])) отдѣлъ

Богословскій: a) *Богословіе смирительное*,
b) *Богословіе уголовное, или сыско-богословіе.*

NB. Барковъ православія Аскоченскій и Катко ъ безпоповщинцевъ Ермиловъ облегчатъ намъ весьма

тельно, была органомъ русскаго общественнаго мнѣнія. Никогда еще, сколько мы знаемъ, между газетою и обществомъ не устанавливалась такая несомнѣнная связь, какая въ настоящемъ году соединила «Московскія Вѣдомости» съ ихъ читателями. Мы были бы не въ состояніи отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій; но мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ полученныхъ нами коллективныхъ письмахъ. Мы благодаримъ дворянъ *Пензенскаго* уѣзда и чувствуемъ всю силу нравственнаго обязательства, которое возлагаютъ на насъ ихъ добрыя *пожеланія;* мы благодаримъ также дворянъ разныхъ уѣздовъ *Рязанской* губерніи», и проч., и проч., и проч.

Въ рескриптѣ, данномъ на-дняхъ генералу Граббе, другой государь говоритъ: «Павелъ Христофоровичъ! Выраженныя вами отъ лица войска донского *пожеланія* по случаю наступленія Новаго года, я пріемлю, какъ...» ну, т.-е. какъ Катковъ принимаетъ усердіе своихъ пензяковъ, рязанцевъ и проч.

[1]) Человѣкъ можетъ то, чего онъ желаетъ.

[2]) «Тебѣ жъ числа и мѣры нѣтъ!»—изъ оды Державина «Богъ».

этотъ важный по нравственному значенію отдѣлъ. Эти великіе сподвижники и ратаи блѣднѣющей власти духовной—не холодные «Камни Вѣры», а, такъ сказать, каменная болѣзнь православной церкви и неправославнаго кладбища.

Иногда мы дозволимъ себѣ, и то только въ нужныхъ мѣстахъ, приличныя поясненія, но никогда не дозволимъ неприличныя.

Напримѣръ, когда маститый М. П. Погодинъ говоритъ, а «Моск. Вѣд.» повторяютъ о томъ, что «прежде, нежели думать объ освѣщеніи московскихъ улицъ газомъ или фотогеномъ, нужно подумать о томъ, чтобъ городъ имѣлъ полицію», не слѣдуетъ комментировать, стоитъ только пожалѣть бѣдное и обширное отечество наше, все имѣющее: и свободу, и законы, словомъ, все, и не имѣющее *полиціи*.

Или когда самъ Катковъ въ статьѣ, направленной противъ Суворова [1]) («Моск. Вѣд.» 31 дек.) и слабыхъ душъ въ правительствѣ, не купающихся съ наслажденіемъ въ польской крови, велерѣчиво говоритъ: «Эти люди въ польскомъ помѣщикѣ готовы видѣть жертву, но русскаго помѣщика, *который былъ главнымъ орудіемъ государственной живни Россіи*, они готовы были бы затравить всѣми собаками»...—что же тутъ прибавлять? развѣ, ободреніе помѣщикамъ, что отъ всѣхъ людей и отъ всѣхъ собакъ ихъ спасетъ, ихъ упокоитъ и отогрѣетъ редакція «Московскихъ Вѣдомостей».

Но когда максима Громеки, упрекая (не безъ оговорокъ во взаимномъ уваженіи) Каткова въ томъ, что онъ «воздвигъ гоненія даже на малороссійскія азбуки», ставитъ ему въ вину, что онъ «приглашаетъ прекратить гоненіе на всю раскольничью литературу, на твердо организованныя секты, на изувѣровъ, непризнающихъ ни *Бога*, ни властей, ни брака, ни собственности», восклицаетъ: «Развѣ расколъ не интрига!», — нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Отдавая полную справедливость искусному движенію краснорѣчія и вполнѣ соглашаясь, что если *брака нѣтъ*, то, конечно, это—*интрига*, читатель, все же, въ правѣ спросить, какія же именно секты не признаютъ *Бога?* Конечно, тутъ считано на одно ораторское движеніе и на рикошетъ, конечно, similia similibus [2]) можно приложить къ доносамъ, но тогда надобно быть увѣрену, что контръ-доносъ можетъ быть вреденъ одному Каткову. Въ сущности, что за бѣда, что Муравьевъ кого-нибудь не повѣситъ, Катковъ кого-нибудь помилуетъ, кому-нибудь смирво-

[1]) Спб. ген.-губернаторъ.

[2]) Подобное подобнымъ (излѣчивается)—основной принципъ гомеопатовъ.

литъ... Петербуржцы думаютъ, что все дѣлается изъ корысти,— нѣтъ, многое дѣлается и просто изъ выгоды, изъ обмѣна братскихъ послугъ...

... Au clair de la lune,
Mon ami Katkoff,
Prête moi ta plume,
Je signe Ermiloff![1])

... На этой пѣснѣ я запнулся и далѣе ни мой specimen-prospectus[2]), ни мое низаніе перловъ не пошло. Мнѣ попалась такая жемчужина, что я остановился...

Беру свѣжій листъ «Московскихъ Вѣдомостей» и читаю:

«Мятежные помѣщики (Августовской губ.) не забыли и слабыхъ сторонъ человѣческаго сердца (для привлеченія крестьянъ къ возстанію), они во многихъ мѣстахъ простили чиншъ крестьянамъ и подарили имъ землю подъ условіемъ ратовать совмѣстно съ ними за отчизну; но и это не пошло имъ впрокъ; крестьяне чинша не заплатили, а возмутителей выдали».

Есть гнусности, надъ которыми смѣшное не имѣетъ призу, онѣ слишкомъ гадки, гадки до какой-то нѣмой печали. Какъ долженъ былъ пасть отъ рабства народъ, который одной рукой беретъ даръ, а другой сѣдлаетъ клячу, чтобы скакать съ доносомъ на того, котораго сейчасъ благодарилъ за его даръ. Это ужасно! И замѣтьте, что коронный журналистъ передаетъ это не только безъ малѣйшаго порицанія, но чуть ли не съ улыбочкой.

Бросаю «Вѣдомости» и беру «Русскій Вѣстникъ». Развертываю статью о «Гайдамачинѣ» и читаю (дѣло идетъ о взятіи Желѣзняка): «Генералу Кречетникову[3]) велѣно было отправиться подъ Умань, гдѣ находился Желѣзнякъ... Казаки не знали, зачѣмъ явились войска. Кречетниковъ, *избѣгая кровопролитія*, рѣшился захватить гайдамаковъ хитростью. Устроивъ свой обозъ, онъ по-

[1]) При свѣтѣ луны,
Мой другъ Катковъ,
Одолжи мнѣ твое перо,
Я подписываюсь: Ермиловъ!—

пародія на извѣстныя французскіе куплеты:

Au clair de la lune,
Mon ami Pierrot,
Prête moi ta plume,
Pour écrive un mot,

то-есть:

При свѣтѣ луны,
Мой другъ Пьерро,
Одолжи мнѣ твое перо,
Чтобы написать словечко!

[2]) Пробный проспектъ.
[3]) Михаилъ Никитичъ, при Екатеринѣ II усмирялъ гайдамаковъ.

слалъ просить къ себѣ Желѣзняка и старшинъ; велѣлъ сказать имъ, что у него есть до нихъ важное дѣло. Казацкіе старшины отказались ѣхать къ Кречетникову. Тогда, взявъ съ собой нѣсколько офицеровъ, онъ самъ отправился въ казацкій лагерь. И генералъ, и офицеры старались быть какъ можно *любезнѣе съ казаками* и предлагали имъ вмѣстѣ итти противъ конфедератовъ. Послѣ этого перваго посѣщенія Кречетниковъ *ежедневно* бывалъ въ казацкомъ лагерѣ и скоро успѣлъ уничтожить въ казацкихъ старшинахъ всякую тѣнь подозрѣнія.

«Такъ прошло нѣсколько дней. Остальныя войска уже приближались, и Кречетниковъ рѣшился приступить къ развязкѣ. Однажды онъ объявилъ старшинамъ, что уже пришло время итти *противъ конфедератовъ*, и пожелалъ передъ походомъ обозрѣть войско въ боевомъ порядкѣ и осмотрѣть оружіе и прочія походныя принадлежности. *Ничего не подозрѣвая*, старшины велѣли казакамъ собраться вмѣстѣ, пригнать лошадей и сложить въ одно мѣсто для обзора сѣдла, оружіе и прочую амуницію.

«Послѣ смотра Кречетниковъ позвалъ казаковъ на пиръ. У него было заранѣе приготовлено большое количество вина, меду и другихъ напитковъ. Русскіе солдаты получили приказаніе остерегаться много пить, а болѣе потчевать казаковъ. Старшины были приглашены въ ставку генерала, гдѣ Кречетниковъ не жалѣлъ для нихъ вина. Казаки загуляли, вино лилось рѣкой. Это былъ послѣдній казацкій пиръ: *впереди ихъ ожидала тяжелая участь*.

«Ночью, когда въ казацкомъ лагерѣ все спало мертвецкимъ сномъ, Кречетниковъ отдалъ приказъ полку донскихъ казаковъ, еще во время пира незамѣтно приблизившемуся къ лагерю и ожидавшему условнаго сигнала, двинуться въ лагерь, захватить сложенное въ одномъ мѣстѣ оружіе, забирать лошадей, вязать казаковъ, но не стрѣлять, чтобы не надѣлать шума. Войска въ точности выполнили приказъ. Оружіе было взято, и сонныхъ безоруженныхъ казаковъ начали вязать. Желѣзнякъ и Гонта [1]) были захвачены вмѣстѣ съ другими старшинами и атаманами. На слѣдующее утро плѣнники спросили Кречетникова, что значитъ этотъ плѣнъ и его поступокъ съ ними. Кречетниковъ отвѣчалъ, что, по приказанію русскаго правительства, онъ долженъ былъ взять ихъ, какъ разбойниковъ. Запорожцы были отправлены въ Кіевъ; поселянъ и казаковъ заднѣпровскихъ Кречетниковъ отдалъ польскому рейментарю Іосифу Стемпковскому и субалтерну его Якову Комаровскому. Желѣзнякъ пошелъ въ Кіевъ, Гонта остался въ рукахъ поляковъ.

«По произведенному въ Кіевѣ слѣдствію, 154 казака были разосланы во внутренніе гарнизоны; 6 человѣкъ пошли въ Сибирь; нѣкоторые были наказаны кнутомъ.

[1]) Зачинщикъ уманьской рѣзни.

«Надъ гайдамаками заднѣпровской Украйны, отданными въ руки польскаго правительства, былъ учрежденъ генеральный военный судъ. Исполнителемъ приговоровъ этого суда былъ реймен-тарь украинской партіи Стемпковскій. Какъ отъ суда, такъ и отъ жестокой личности реймептаря Стемпковскаго нельзя было ожидать гайдамакамъ ни пощады, ни милосердія. Стемпковскій хотѣлъ, было, казнить Гонту сейчасъ же по взятіи его, но, имѣя въ отрядѣ только 400 человѣкъ, онъ боялся остаться лишній день и повелъ Гонту съ товарищами къ Могилеву на Днѣстрѣ. Тамъ, недалеко отъ Могилева, въ селѣ Сербовѣ, остановились палачи съ своими жертвами. Гонтѣ былъ прочитанъ приговоръ, по которому казнь распредѣлялась на четырнадцать дней. Онъ выслушалъ приговоръ хладнокровно и стоически приготовился къ смерти. Началась лютая казнь. Гонта героически вынесъ ее, не просилъ ни пощады, ни помилованія. Отрубленную голову его воткнули на колъ, а тѣло было разрублено на 14 частей и развѣшено въ различныхъ мѣстахъ на 14 висѣлицахъ».

И народъ долго помнилъ казнь Гонты и пѣлъ—

Підкинувшись підъ Умань, Гонту изловили.
Вони-жъ іого на самъ передъ барзо привітали,
Черезъ сімъ дней зъ іого кожу на полі здирали.
И голову облупили, сілью насолили,
Потімъ ему якъ чесному назадъ положили,

Итакъ, вотъ нравственный результатъ великаго *материка* рабства... Вотъ каково было *главное* орудіе государственной жизни въ Россіи и вотъ что сдѣлано этимъ орудіемъ изъ народа. Вѣдь, это страшно! Масса, потерявшая чувство *правды* отъ двойного гнета, холопская аристократія, генералы и офицеры, играющіе роль царскихъ капканщиковъ, дружески бесѣдуютъ, пьютъ цѣлые дни, чтобы безъ малѣйшей опасности перехватить людей, вѣрившихъ, и не безъ основанія, въ помощь Россіи, и выдать ихъ ихъ злѣйшему врагу...

Какое же искупленіе будетъ достаточно и народу, и правительству, и его дворнѣ, и нашимъ развратникамъ слова?...

Прощайте,—невозможно продолжать.

10 февраля 1864.

Письмо второе.

Отлегло немного на сердцѣ... я опять къ вамъ... Ну, надѣвайте-ка охотничьи сапоги съ высокими голенищами и пойдемъ мѣсить грязь и продираться разными чапыгами родныхъ болотъ и сѣчей.

Куда итти? Да вотъ по дорогѣ страшная двухмѣсячная маремма «Отечественныхъ Записокъ», рыхлая, глинистая... Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и она, какъ нѣкогда болота понтійскія

была плодоносна... но вы знаете, что подъ солнцемъ (а, можетъ, и надъ нимъ) ничто непрочно.

Съ «Отечественными Записками» былъ, между прочимъ, года два тому назадъ переломчикъ; обожглись онѣ самымъ непріятнымъ образомъ на пожарѣ Апраксинскаго двора, явившись на пепелищѣ онаго, безъ всякой нужды, какими-то саперами-предкатковитами и требуя небывалыя казни *зажигателямъ* тоже небывалымъ. Ошибка была очевидна; начальство, скупавшее тогда по дешевымъ цѣнамъ на Конной въ Москвѣ игроковъ, шулеровъ, школярей, риторей, не приняло «Отеч. Записки» *за свои*, а честная сторона публики отшарахнулась отъ нихъ (это было до патріотической моровой язвы). Сердится Андрей Александровичъ, сердится Громека; «все это крайнія мнѣнія, рѣзкія сужденія; ненадобно крайнихъ мнѣній, ненадобно рѣзкихъ сужденій, — надобно ничего не рѣжущій, обоюдотупой мечъ, чтобъ всякій разъ, когда вы ничего не рѣжете, каждый, не чувствуя боли, могъ бы думать, что вы рѣжете его противника».

Затѣмъ вершины «Отечественныхъ Записокъ», для перемѣны декораціи, подернулись туманомъ благоразумія и потеряли очертанія односторонностей; величественная масса облаковъ, которыя можно принять за верблюда и за рыбу, какъ въ «Гамлетѣ» [1]), и которыя, въ сущности—*ни рыба, ни мясо*, покрыли ихъ. Своей двуснастной натурой онѣ напоминаютъ намъ, во-первыхъ, опять-таки болото, которое—не земля, да и не вода, во-вторыхъ, одного русскаго помѣщика, проживавшаго въ Парижѣ лѣтъ 15 тому назадъ. Онъ довелъ свое бѣгство отъ крайностей и свою многосторонность до того, что лишился всякой способности заказать себѣ штаны или сюртукъ. «Мнѣ бы хотѣлось», толковалъ онъ портному, «просто сюртукъ, чтобъ можно было гулять утромъ, разумѣется, все же, чтобъ запросто вечеромъ можно было въ немъ куда-нибудь итти,—вы ужъ, пожалуйста, не очень узко пускайте, иногда въ дурную погоду придется его вмѣсто пальто надѣть; только сдѣлайте одолженіе—не слишкомъ широко, такъ чтобъ и пальто можно было сверхъ него надѣть».

По несчастью, сбивчивость понятій обязываетъ не меньше дворянства не только къ безвредной и прѣсной галиматьѣ, но и къ дѣйствительно-статскосовѣтническому взгляду на дѣла людскія, важно скрывающему неважное содержаніе свое, къ жаждѣ чиновитой *респектабельности*, къ привычкѣ говорить нѣсколько въ носъ о заблужденіяхъ молодежи и къ легкому усилію соединять съ несомнѣннымъ либерализмомъ полицію и справедливость къ благодѣтельнымъ видамъ правительства.

Все это очень старо и потому вынести можно; но когда какой-нибудь литературный охотникъ «Записокъ» ставитъ почтеннаго

[1]) Гамлетъ въ сценѣ съ Полоніемъ сравниваетъ облако послѣдовательно съ верблюдомъ, китомъ и хорькомъ.

автора «Записокъ охотника» [1]) на ряду съ моей внучатной бабушкой Фавной Егоровной, этого допустить нельзя. Но я забылъ, что вы обязаны знать, кто сочинитель «Записокъ охотника», но вовсе не обязаны знать, кто была Фавна Егоровна. Ихъ было двѣ, т.-е. не двѣ Фавны Егоровны, а у нея была сестра не-Фавна Егоровна; у каждой сестры былъ мужъ въ незапамятныя времена и тогда же умеръ. Не-Фавна Егоровна поселилась въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и занялась исключительно богомольемъ. Фавна Егоровна поѣхала въ Орловскую деревню и занялась не только духовнымъ хозяйствомъ, но и сельскимъ. Она иногда, года черезъ два-три, наѣзжала въ Москву; все это принадлежитъ къ тѣмъ временамъ, когда гражданинъ Бушо преподавалъ мнѣ сюбжонктивы [2]) и французскую революцію, а гражданинъ московскаго университета— «Думы» Рылѣева и ариѳметику.

Пріѣзжаетъ такимъ образомъ однажды Фавна Егоровна сперва въ Москву, потомъ въ нашъ домъ: Вышла она зачѣмъ-то въ дѣвичью и видитъ, что пожилая горничная учитъ грамотѣ какую-то дѣвочку.—«Мать, пресвятая богородица» — взговорила, остановившись въ дверяхъ, Фавна Егоровна,—«это что?! съ какой это стати и къ чему дѣвочкѣ знать грамотѣ? въ полномъ ли умѣ баринъ-то вашъ? Гдѣ ты-то сама, безстыдница, набралась въ книжку читать? Вѣдь, я тебя помню, когда ты босикомъ бѣгала, и мать твою курносую дуру помню», — и разсерженная старуха, съ нѣкоторой горестью и участіемъ къ дѣвочкѣ, говорила моему отцу: «Нехорошо, мой другъ, нехорошо (слово *несвойственно* не употреблялось въ тѣ патріархальныя времена); къ чему, подумай, она выучится читать—раба..... служить надобно, покоить господъ... а тутъ толи на умѣ... пѣсни гадкія прочтетъ... Чего добраго, выучится читать — выучится писать, и напишетъ любовную цыдулку».

По странному стеченію географическихъ случайностей, въ то время, какъ орловская помѣщица проповѣдывала этотъ путятинскій взглядъ на народное образованіе, въ той же Орловской губерніи беззаботно бѣгало въ своемъ саду, въ красненькой рубашечкѣ, подпоясанной торжковскимъ пояскомъ, двухъ-трехлѣтнее дитя, о которомъ вотъ что пишутъ въ четверомѣстной книжкѣ «Отечеств. Записокъ»:

«Г. Тургеневъ, желая выразить, до какой уродливости можетъ доходить эмансипація дѣвушки, вывелъ въ своемъ романѣ «Отцы и дѣти» нѣкую Кукшину, занятую въ Гейдельбергѣ эмбріологіей. Онъ думалъ, что этимъ поразитъ на голову несвойственныя женщинамъ занятія. И, однакожъ, онъ рѣшительно не достигъ цѣли, сколько можемъ судить по существующимъ и процвѣтающимъ у насъ Кукшинымъ. Спрашивается, отчего, казалось бы, ударъ, на-

[1]) И. С. Тургеневъ.
[2]) Subjonctif—сослагательное наклоненіе во французской грамматикѣ.

правленный такъ вѣрно, не удался? Предполагаемая ложь осталась живущей въ обществѣ, и намъ случилось читать одинъ рукописный разсказъ, гдѣ именно, наперекоръ г. Тургеневу, молодая дѣвушка, бесѣдуя въ самомъ интимномъ tête à tête, разсказываетъ своему *милому* цѣлый курсъ эмбріологіи. Повѣсть именно написана для доказательства, что ни чувство дѣвической скромности, ни та стыдливость, которая выработана двухтысячелѣтнею христіанскою цивилизаціей, нисколько не шокируется подобнымъ разговоромъ, подобнымъ занятіемъ. Все это доказываетъ только, что г. Тургеневъ слишкомъ вскользь коснулся того вліянія, которое требовало болѣе всесторонней разработки, которое проявляется не въ однѣхъ безобразныхъ Кукшиныхъ».

Не смѣю сомнѣваться въ словахъ ученаго критика, но признаюсь откровенно, онъ не убѣдилъ меня. Я читалъ все, что писалъ Тургеневъ, не только хорошее, но и дурное. Тургеневъ— очень умный человѣкъ, у него бездна образованія, такта и вкуса. Какъ же я повѣрю, что онъ «думалъ Кукшиной поразить на голову *несвойственныя* занятія женщинамъ», понимая подъ ними *физіологію?* Не вѣрю да и только. Лицо Кукшиной, вообще, неудачно и пошло... Тургеневъ слабъ и даже плохъ тамъ, гдѣ онъ, насилуя свой талантъ, пишетъ на заданную политическую и полемическую тему; онъ впадаетъ въ шаржъ, и Кукшина—такъ же не типъ, а карикатура, какъ князь Луповицкій К. Аксакова. Особеннаго вреда въ этихъ паясничествахъ нѣтъ; назначаемыя для потѣхи извѣстнаго райка, намалеванныя яркими красками, иногда избалованной кистью зазнавшагося мастера, иногда памфлетистомъ для того, чтобъ пріударить противниковъ, они не имѣютъ серьезнаго значенія, и тѣмъ паче такого громаднаго значенія, какъ г. критикъ приписалъ Тургеневу. Вѣдь, не у Тургенева размягчился мозгъ въ Парижѣ, чтобъ можно было думать, что онъ поддерживаетъ мнѣніе Фавны Егоровны объ исключеніи женщинъ изъ науки и о томъ, что плохимъ фарсомъ «онъ на голову побилъ» вопросъ, стоящій теперь на первомъ планѣ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ.

Что женщина, занимающаяся эмбріологіей, можетъ быть очень смѣшна и очень противна, это правда; но и то правда, что въ комедіяхъ Островскаго вы найдете женщинъ еще смѣшнѣе и еще противнѣе, никогда не занимавшихся теоретической эмбріологіей. Стало-быть, если за это кого-нибудь надобно казнить, то не теоретическую и не практическую эмбріологію, а женщинъ вообще.

Запретить ихъ какъ-нибудь на французскій манеръ, конечно, можно и дѣло пойдетъ, какъ по маслу:

§ 1. Женскій полъ отмѣняется.

§ 2. Родъ человѣческій раздѣляется по образу кавалеріи на два мужскихъ пола:

a) Тяжелый мужской полъ.

b) Легкій мужской полъ (прежде бывшій женскій).

Тогда у женщины не отнимется возможность изъ *матерьялжи* перебраться, хоть черезъ Кукшину, но, все-таки, къ человѣческому значенію; тогда не будутъ имъ запрещать учиться вообще или дозволять учить только до такой-то главы, какъ въ старые годы гувернантки особенно назначали барышнямъ тѣ страницы, которыхъ читать ненадобно.

Говорить о несвойственности эмбріологіи для того и другого пола безумно. Можно заниматься эмбріологіей съ чистотой дѣвы и читать Библію, какъ Фоблаза [1]). Грязенъ не предметъ, грязенъ человѣкъ и, разумѣется, всего грязнѣе монахъ, боящійся чего-то развратнаго во всемъ тѣлесномъ.

Не знаю, приводилось ли слышать издателямъ «Отечеств. Записокъ» о томъ, что лѣтъ двѣсти тому назадъ жилъ одинъ еврей (евреи бываютъ очень богатые люди [2])) по прозванію Борухъ Спиноза; оттого ли, что ему, какъ еврею, недоставало стыдливости, выработанной «двухтысячелѣтней христіанской цивилизаціей», или оттого, что онъ не родился въ Орловской губерніи, но только онъ тогда еще проповѣдывалъ, что природа, вообще, не нравственна и не безнравственна, и что, слѣдственно, ея знаніе само по себѣ не можетъ быть ни цѣломудренно, ни похабно, а цѣломудріе и похабство вносится лицомъ, въ томъ родѣ, какъ въ простонародномъ повѣріи человѣкъ въ желтухѣ, пристально смотря на рыбу, передаетъ ей желчь. Ту же нехристіанскую мысль имѣлъ и христіанинъ Шекспиръ, говоривши, что человѣкъ придаетъ предмету его высоко-эстетическое значеніе или грязно-гадкое.

Но кто прежде Шекспира и Спинозы это выразилъ не на словахъ, а на дѣлѣ, это—искусство; первый «ударъ по головѣ» монашеской стыдливости нанесли кисти и рѣзцы всѣхъ великихъ художниковъ. Лишь только искусство стало на свои ноги и оперилось послѣ церковнаго мрака, духоты, подавляющаго молчанія, оно начало срывать съ себя рясы и покровы; снова голое человѣческое тѣло стало обнажаться во всемъ пластическомъ апоѳеозѣ своемъ, и что же вышло изъ-подъ не стыдливаго рѣзца, не цѣломудренной кисти? Образа, *одни образа!*

Обернулись люди съ историческимъ угрызеніемъ совѣсти въ отверженное былое, порылись между развалинами безпутной Греціи, распутнаго Рима (извѣстно, что древніе безстыдники, лишенные двухтысячелѣтняго воспитанія въ тѣлобоязнь и тѣлоумерщвленіе, ваяли свои статуи такъ-таки нагишомъ, какъ мать родила) и откопали нѣсколько грѣховныхъ истукановъ ихъ. Что же вышло? И это *все образа*, и человѣкъ невольно очищается и молится передъ ними.

[1]) Герой извѣстнаго скабрезнаго романа франц. писателя XVIII в. Луве де-Куврэ.

[2]) Замѣчаніе для directeur en chef [0]) «Отечественныхъ Записокъ». — *А. И. Г.*

[0]) Руководитель.

Надобно было все вліяніе «двухтысячелѣтняго воспитанія» въ развратѣ празднаго, несыто-холостого, клерикальнаго воображенія, чтобъ попамъ пришло въ голову въ римскихъ галлереяхъ наградить статуи виноградными листами и натянуть черезъ это нечистый намекъ. Дѣвственники вы мои, цѣломудренники Иваны Орлеанскіе, какъ вы мелко плаваете!

И неужели критиканъ «Отечеств. Записокъ» думаетъ, что достаточно было бы Тургеневу уговорить Кукшину (что, вѣроятно, при ея лѣченіи шампанскимъ и не представило бы большихъ затрудненій) стать возлѣ Венеры въ флорентійскихъ Уффиціяхъ на пьедесталѣ и снять съ себя рубашку, что онъ и поразитъ на голову *несвойственное* неглиже статуй, и что искусство снова лишится великаго, единаго идеала своего—красоты человѣческаго тѣла?

И знаете ли, что всего страннѣе? Передъ полиціей виноватыми остались бы не Венера и не Кукшина, а Тургеневъ, vir pudicus [1]), который привелъ пьяную дуру въ порядочное общество. Вотъ и ищи справедливости въ мірѣ.

Сказанное объ искусствѣ относится и къ наукѣ. Простое отношеніе къ природѣ, къ ея наивной наготѣ, къ ея святой, чистой наготѣ никогда не загрязнитъ ничьего воображенія.

Не *эмбріологія несвойственна*, а болѣзненная, натянутая цивилизація, вгоняющая равно все страстное и свѣтлое, всякое естественное чувство и здоровое отношеніе внутрь, *несвойственна* больше человѣку. Она такъ исказила воображеніе, что все естественное приводитъ его въ краску при *свидѣтеляхъ;* она его, сверхъ того, привела къ тому ряду тайныхъ и постныхъ грѣховъ, въ которыхъ страсть нераздѣльна съ преступленіемъ, ложью и двуличіемъ.

Не естественныя науки образовали игуменью Дидро, эту несчастную мученицу нелѣпаго обѣта.

И я готовъ сослаться даже на какого-нибудь путешественника къ святымъ мѣстамъ, что *голый* мальчикъ Фландрена [2]), напр., *и ему* не навѣялъ ничего чувственнаго.

Все это, кажется, ясно и можно бы кончить. Но тутъ подорогѣ является вотъ какая дилемма. Если женщинѣ несвойственно заниматься эмбріологіей, то тѣмъ болѣе несвойственно заниматься и акушерствомъ или всѣ повивальныя бабки и акушерки должны быть поставлены au ban de la société [3]), какъ палачи, сыщики, шпіоны, люди, сгубленные въ общественномъ мнѣніи въ пользу общественной нужды. А, между тѣмъ, я, не находящій ничего несвойственнаго для женщины заниматься эмбріологіей

[1]) Мужъ цѣломудренный.
[2]) Франц. художникъ, представитель религіознаго направленія въ искусствѣ XIX ст.
[3]) Внѣ общества.

совершенно раздѣляю отвращеніе русской женщины отъ акушера. Надобно и тутъ было ниспроверженіе всѣхъ понятій, чтобы въ странѣ, въ которой слово «shocking» [1]) гораздо выше поставлено, чѣмъ слово «безнравственно», чтобъ тамъ пріучить женщину родить, и родить въ первый разъ на рукахъ у какого-нибудь атлета 30 лѣтъ съ пробором сзади и спереди. На Западѣ, благодаря католико-пуританскому воспитанію, это сдѣлалось необходимостью; повивальныхъ бабокъ, акушерокъ, сколько-нибудь смыслящихъ дѣло, нѣтъ, нѣтъ почти нигдѣ; тутъ, стало, и выбора нѣтъ. Америка первая возстала противъ этого. Въ Россіи при университетахъ, при воспитательныхъ домахъ образовались и образуются повивальныя бабки; что же, не закрыть ли во имя Кукшиной всѣ эти школы по *несвойственности* эмбріологіи съ цѣломудріемъ и двухтысячелѣтней стыдливостью?...

Въ заключеніе, разскажу вамъ одинъ случай, бывшій на моихъ глазахъ. Одинъ мальчикъ лѣтъ тринадцати занимался у одного изъ моихъ друзей сравнительной анатоміей. Естественно, въ молодомъ человѣкѣ явилась, подъ вліяніемъ обычныхъ намековъ и укрываній, рьяность узнать все, относящееся до тайны зачатія, беременности и пр...

— Погодите,—сказалъ мнѣ натуралистъ,—я вылѣчу молодого человѣка.—Такъ ты, другъ мой, очень интересуешься рожденіемъ дѣтей, беременностью? Что же, дѣло похвальное, брось пока остальныя занятія, мы займемся исключительно эмбріологіей и начнемъ съ самыхъ простыхъ животныхъ.

Натуралистъ этотъ—извѣстный Карлъ Фогтъ, молодой человѣкъ — мой сынъ. Какъ онъ его выдержалъ мѣсяца два-три на разныхъ препараціяхъ да потребовалъ, сверхъ препараціи, знанія до мелочей всѣхъ органовъ, частей, съ звѣздчатыхъ начиная,— какъ рукой сняло шаловливый интересъ.

Конечно, жаль, что Карлъ Фогтъ не догадался сказать мальчику, что это несвойственно съ его двухтысячелѣтнимъ воспитаніемъ въ христіанскую стыдливость... Я ему напишу завтра объ этомъ для руководства. А теперь прощайте.

25 февраля 1864.

Письмо третье.

Любезный другъ,

Моя любовь къ вамъ, съ которымъ я никогда не встрѣчался, можетъ служить завѣреніемъ, какъ я люблю людей, съ которыми встрѣчался хоть одинъ разъ, и вы нисколько не удивитесь, когда я вамъ скажу, что я съ радостью увидѣлъ «Записки» Ф. Вигеля въ «Русскомъ Вѣстникѣ» [2]).

[1]) Неприлично (англ.).

[2]) Въ 1864 г. вышли и отдѣльнымъ изданіемъ I—IV части, въ 1865 г. — V—VII части.

Ф. Вигеля я встрѣчалъ нѣсколько разъ въ 1845—46 годахъ. Онъ слылъ человѣкомъ злорѣчивымъ, самолюбивымъ, обидчивымъ, колкимъ и «умнымъ»; онъ былъ извѣстенъ объясненіемъ Пушкина, почему портной Бригель кроитъ иначе платье, когда ему заказываетъ ихъ Вигель. Чаадаевъ былъ увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ поднялъ офиціальное гоненіе на его извѣстное «Письмо» [1]). За всѣ эти достоинства мягкое московское общество принимало его съ нѣкоторымъ почетомъ.

Съ первой встрѣчи онъ сдѣлался мнѣ противенъ; жеманно-натянутый, онъ кокетничалъ злословіемъ; привыкнувъ говорить съ людьми, меньше его образованными, онъ придавалъ вѣсъ своимъ обыденнымъ замѣчаніямъ; дѣльнаго или дѣйствительно умнаго я отъ него ничего не слыхалъ. Такимъ онъ является и въ своихъ «Запискахъ».

Вигель называетъ себя «посредственнымъ» считая, что читатель это отнесетъ къ его скромности; но именно его *посредственность*, его не-глупость и не-умъ, его узкій взглядъ придаетъ достоинство его разсказамъ. Кругъ, освѣщенный его фонаремъ, не великъ, но онъ не подкрашиваетъ предметы, а только, какъ всѣ дурныя стекла, дѣлаетъ около нихъ рамки. Вигель ни на волосъ не выше той среды, въ которой жилъ свою жизнь. Онъ исполненъ всѣми предразсудками того накожнаго и нездороваго кряжа, къ которому онъ принадлежалъ и у котораго все заимствовалъ, даже *нѣмецкую* любовь къ русскому отечеству. Оттого онъ и намѣренно не могъ настолько исказить гуртовые факты или настолько отойти отъ истины, чтобъ это мѣшало дѣлу. Человѣкъ лжетъ по образу и подобію своему.

«Семейная хроника» С. Т. Аксакова, простодушныя «Записки» честнаго Болотова [2]) и вовсе недобродушные разсказы Вигеля помогаютъ намъ сколько-нибудь узнать наше неизвѣстное прошедшее—не VIII столѣтія, его знаетъ М. П. Погодинъ,—а XVIII и XIX. Прошлый вѣкъ—канцелярская тайна; мы его знали по офиціально-газетной риторикѣ, и то чрезвычайно мало. Оттого-то намъ и кажется, что Россійская имперія—какая-то стародавняя всегдашность, изъ-подъ вѣкового гнета которой трудно выйти, что ея учрежденія окрѣпли и посѣдѣли, распускаясь вѣтвистыми корнями въ глубь глубины.

А все это еще не просохло и едва построено вчернѣ, все грубо, кое-какъ наброшено и очень недавно стадо осѣдать и принимать почтенный видъ правильнаго государственнаго организма.

Въ половинѣ XVIII столѣтія имперія представляетъ собой продолжающееся *военно-гражданское* занятіе обширной и мало-

[1]) Доносъ Вигеля былъ поданъ post factum.
[2]) Андрей Тимоѳеевичъ, писатель 2-й половины XVIII ст.

населенной страны, мирно завоеванной какой-то петербургской лейбъ-компаніей. Тянутся еще дворяне-сеттлеры [1]) расчищать лѣса, заводятъ пашни въ степяхъ, строятъ усадьбы, скупаютъ рабовъ, сгоняютъ ихъ на плантаціи, наполняютъ житницы хлѣбомъ, сѣкутъ мужиковъ и бабъ, а иногда и собственныхъ женъ. Судъ, земская полиція почти неизвѣстны, а въ случаѣ несчастья есть у нихъ милостивцы въ Петербургѣ. Плетутся еще чиновники на кормленіе службой—голодные и алчные, но съ краснымъ воротникомъ и съ пропорціональной долей царской власти и осѣдаютъ саранчей на города и уѣзды... тяжелѣютъ и сливаются съ общей массой помѣщиковъ, гибнутъ въ грязи и бѣдности или вновь тянутся къ источнику всѣхъ благъ — къ канцелярской родинѣ своей на берега Невы, чтобъ плестись оттуда въ иные вѣдомства и края.

Закабаленные *туземцы*, отданные во власть военно-гражданской компаніи, еще не были окончательно сломлены и порывались сбросить съ себя кучку пришлецовъ и пройдохъ. Но цивилизаторы побили дикихъ; крамольный кацикъ [2]) нашихъ православныхъ индѣйцевъ, Пугачевъ, замученъ въ Москвѣ, и крѣпостной порядокъ мирно и невозмущаемо упрочился до 19 февраля 1861 года. Возстанія были степныя, сельскія, полевыя, которыя иногда овладѣвали городами, но въ самихъ городахъ все обстояло благополучно, и это потому, что они по большей части были выдуманы и существовали для администраціи и чиновниковъ-побѣдителей.

Но что это за каста, что за народъ, который побѣждаетъ и усмиряетъ, расчищаетъ лѣса и пишетъ протоколы, водитъ солдатъ и подводитъ законы?

Невѣроятнѣйшій сбродъ всего на свѣтѣ составлялъ эту петербургскую *спчь*,—сказали бы мы, если-бъ намъ не жаль было бѣдныхъ запорожцевъ. Бритые русскіе князья и бояре, иностранная сволочь, шедшая на добычу, рейтеры и ланскене всѣхъ краевъ міра, пасторскія дѣти и профессора, шулера и военноплѣнные, остзейцы, финляндцы, шведы, поляки, молдоване, сербы, греки, татары, нѣмцы и нѣмцы... Чего и чего тутъ не было—отъ свѣтлѣйшаго князя Кантемира до чернаго инженеръ-генерала, оставившаго Пушкину въ наслѣдство курчавые волосы и африканскія черты. П. В. Кирѣевскій говаривалъ, что разсадникъ великихъ фамилій, окружавшій Петра I, представлялъ тотъ элементъ въ народѣ нашемъ, который онъ самъ выразительно называетъ *голью кабацкой;* она-то, какъ нормандскіе бароны Англію, раздѣлила Россію на вѣдомства и управленія, провинціи и округа и пошла володѣть ею.

[1]) Settler—колонистъ.
[2]) Въ средней и южной Америкѣ начальникъ индѣйскаго племени.

Откуда и какъ идутъ эти новые Рюрики и Синавы, можно ясно прослѣдить въ генеалогіи нашего героя.

Не предвидя своего будущаго патріотизма, Вигель долго гордился своимъ шведскимъ происхожденіемъ и пересталъ не потому, чтобъ Россію предпочелъ Швеціи, а потому, что узналъ, что прадѣдъ его былъ финнъ, да еще низкаго происхожденія. Чтобъ придать себѣ важности, финнъ прибавилъ къ своей фамиліи латинское us и сдѣлался *Вигеліусъ*. Но это окончаніе не понравилось дѣду нашего повѣствователя, и онъ снова возвратился къ фамиліи Вигель. Служилъ онъ съ самаго дѣтства въ шведской военной службѣ и капитаномъ драбантскаго полка былъ взятъ русскими подъ Полтавой. Въ Сибирь его не послали, думаетъ его внукъ, потому, что «изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы остзейскихъ провинцій, содѣлавшіеся новыми подданными Петра I».

«Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой, говоритъ Вигель, и не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ, женился, плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію». У него было семь сыновей. Четырехъ онъ отправилъ на службу Фридриха II; одинъ старшій сынъ уцѣлѣлъ, трое другихъ погибли, сражаясь противъ русскихъ. «Младшихъ сыновей своихъ рѣшился онъ посвятить Россіи,—*на то были особенныя причины*. Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштинскій, былъ наслѣдникомъ престола. Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ *сдѣлаться* русскимъ. Нѣмцы *надѣялись воскресить времена Бирона*. Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ трехъ маленькихъ сыновей, можетъ быть, видя въ нихъ тайно *будущихъ мстителей*, будущихъ повелителей въ ненавистной странѣ. Ихъ приняли въ кадетскій корпусъ, и, когда половина моего семейства проливала русскую кровь, другая содержалась и воспитывалась на русскія деньги».

Изъ этихъ трехъ сыновей старшій былъ забубенный малый и умеръ премьеръ-майоромъ и комендантомъ Орской крѣпости. Онъ былъ женатъ на *одной* женѣ, а именно «на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова», что я упоминаю только потому, что я ее зналъ, и намѣренъ сказать объ ней нѣсколько словъ. Другой былъ женатъ «*на восьми женахъ*, и всѣ онѣ его пережили».

Браки этой почтенной семьи, вообще, были курьезны. Вигель разсказываетъ, что родственникъ его отца Сандерсъ выигралъ жену свою на бильярдѣ у князя Яблоновскаго. Выигранная старикомъ жена обманывала его, холила и «*за нѣсколько лѣтъ* до смерти была посредницей между нимъ и красавицами, въ которыхъ онъ влюблялся», а умеръ онъ 90 лѣтъ отроду 1 января 1836, на лѣстницѣ Зимняго дворца, куда явился въ полной генералъ-лейтенантской формѣ для поздравленія съ Новымъ годомъ.

Таковы нѣмецко-финскія составныя части дворянской русской семьи Вигелей.

Взглянемъ теперь на ея славянскій элементъ. Мать Ф. Вигеля была дочь какого-то пензенскаго уроженца Лебедева. Оставшись сиротой, она воспитывалась подъ покровительствомъ дальняго родственника Чулкова, о которомъ за его доброе дѣло Вигель желаетъ сохранить *трогательное* семейное преданіе.

«Родившись въ низкомъ званіи, онъ, неизвѣстно какъ, попалъ въ придворные истопники на половину цесаревны Елизаветы Петровны. По усердію своему онъ сталъ извѣстенъ ей и *близокъ*». Почести посыпались на него съ ея воцаренія: онъ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, александровскимъ кавалеромъ и *даже, наконецъ, генералъ-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не былъ*. Тогда-то «дворянка Кривская, урожденная хотя татарская, но, все-таки, княжна (Мещерская), съ благодарностью приняла его предложеніе и вышла за него замужъ».

Наслышался Вигель отъ матери своей, бывшей въ такомъ высокопоставленномъ обществѣ, о жизни императрицы Елизаветы. Во внутренности дворца она была окружена толпою женщинъ изъ простонародія, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные слухи производили въ ней безсонницу, и эти женщины должны были сначала разсказывать ей сказки, а потомъ шопотомъ говорить между собой. Генералъ-аншефъ Чулковъ долженъ былъ также тутъ находиться; онъ каждую ночь приносилъ свой тюфякъ, *клалъ его на полъ* и, какъ безсмѣнный стражъ, ложился у ея ногъ... Случалось, что она вставала раньше старика, тащила его, шутила съ нимъ, а онъ, приподнимаясь, легонько *потрепывалъ* ее, говоря *«ахъ, ты, моя лебедка бѣлая»*.

Мать Вигеля забыла прибавить къ этой трогательной семейной картинѣ, что Елисавета ложилась почти всегда спать пьяная.

Далѣе идетъ разсказъ о скитаніи по губерніямъ. Поселившись по дѣламъ службы въ Саратовѣ, отецъ Вигеля часто посѣщалъ Пензу. Пензу онъ предпочиталъ Саратову, городу торговому и плебейскому; но сынъ отзывается такъ объ ней: «Между дворянами, вездѣ почти одинаковая, невѣжественно-*олигархическая (?)* спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти *одинаковую холопью дерзость или низость*».

При этомъ нашъ хронистъ, пораженный величіемъ Екатерины II, восклицаетъ: «Геній и улыбка ея творили чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла *скотовъ образовать* въ люди!»

Послѣ разныхъ переселеній по казенной надобности и перемѣщеній по службѣ, отецъ Вигеля находитъ гавань въ Кіевѣ; тамъ онъ усаживается съ 1788 г. комендантомъ и будетъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока безумный Павелъ его прогонитъ безъ вся-

кой причины. Около, возлѣ продолжаетъ итти переселеніе и перемѣщеніе чиновниковъ, все это только пріостанавливается и идетъ туда, сюда; лица мелькаютъ, да и не лица, а ранги; разница, собственно, въ томъ, что одни нѣмцы русскаго происхожденія, другіе русскіе нѣмецкаго происхожденія; къ нимъ впослѣдствіи начинаютъ примѣшиваться французскіе скитальцы—эмигранты, дѣлающіеся чиновниками, виконты, дѣлающіеся гувернерами.

Какъ они странно акклиматизировались, доказываетъ почтенный инженеръ-генералъ Шардонъ, завѣдывавшій инженерной частью въ Кіевѣ; онъ *не хотѣлъ умѣть* по-русски, всѣ дѣла обдѣлывалъ на французскомъ языкѣ, кромѣ одного: при малѣйшей неисправности солдатъ онъ очень спокойно приказывалъ по-русски: «Клади его на сюртюрокъ и давай ему сто палкъ».

Вигелю самому кажется странной физіономія городовъ, въ которыхъ, собственно, нѣтъ туземцевъ. «Въ Россіи есть города, кои слѣдуетъ назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни должностныя лица, помѣщики бываютъ въ нихъ только иногда по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которая черезъ десять лѣтъ, можно сказать, возобновляется въ своемъ составѣ».

Гдѣ тутъ органическая связь съ народомъ, гдѣ прочность такой жизни, ея естественный ростъ? Вигель и не замѣтилъ, какъ рѣзко выступаетъ въ его разсказѣ противоположность *настоящихъ* жителей края съ забѣглымъ наплывомъ. Богатые кіевскіе помѣщики, говоритъ онъ, рѣдко покидали свои хутора, прежде ихъ отталкивали поляки, а со временъ Петра — «начальствующіе москали и нѣмцы». Съ своимъ народомъ имъ было роднѣе. У польскихъ аристократовъ, являющихся въ разсказѣ, рѣзкая самобытность. Въ нихъ жизнь сложилась, выработалась во многомъ очень дурно, но вездѣ съ своимъ характеромъ, съ своими пороками и своей поэзіей, въ то время, какъ у казенной Россіи, у Россіи петербургскаго слоя, характеристична одна нахальная власть, и та принадлежитъ «не имъ, не имъ, а имени царскому», передъ которымъ они холопы. Отъ Казани и Рязани до Кіева и Перми одна общеармейская и общеканцелярская физіономія чиновничьяго дворянства, тотъ же кулакъ, обращенный внизъ, и та же выправка вверхъ... прямолинейная для военныхъ, понурая для штатскихъ.

Мы вовсе не кручинимся объ этомъ, но заявляемъ фактъ, и фактъ для насъ чрезвычайно утѣшительный. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни воспоминаній, ни традицій, ни своихъ нравовъ, ни своихъ вѣрованій, тамъ, гдѣ не просвѣчиваетъ историческая жизнь, а только формулярный списокъ, не только легче сдѣлаться злодѣемъ, но и легче сдѣлаться человѣкомъ.

Наша аристократія—предразсудокъ, въ который вѣрили отчасти выслужившіеся чиновники и богатые наслѣдники; я говорю

отчасти, потому что большинство никогда объ этомъ не думало; оно пользовалось, не мудрствуя лукаво, тѣмъ, что казна уступала и дозволяла. Княгиня Голицына, о которой разсказываетъ Вигель, вовсе не изъ аристократіи порола земскаго засѣдателя за то, что дорога была дурна; доказательствомъ этому служитъ, что она разъ оттаскала за волосы гостью у себя въ домѣ, что уже вполнѣ противорѣчитъ всякому аристократическому чутью,— она это дѣлала гораздо наивнѣе: потому что была племянница Потемкина и жена фельдмаршала Голицына.

До какой степени у насъ новы западно-аристократическія понятія, вы можете видѣть у Вигеля. Онъ разсказываетъ, какъ графиня Чернышева, впослѣдствіи княгиня Наталья Петровна Голицына, начала распространять аристократическую *вѣру*, вывезенную ею изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. «Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огнь, угасающій во Франціи, и возжгла его у насъ на сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей... Составилась компанія на акціяхъ, куда вносимы были титулы, богатства, кредитъ... Присвоивъ себѣ ложныя привилегіи, компанія сіи *называлась* высшимъ обществомъ и правила французской аристократіи начала прилаживать къ русскимъ нравамъ... Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства»... (на этомъ мѣстѣ цензура чего-то не пропустила). «Не одинъ разъ придется мнѣ, продолжаетъ Вигель, говорить о семъ высокомъ сословіи, *не болѣе, какъ съ полсотни* лѣтъ, у насъ образовавшемся»...

То, что Вигель говоритъ о высшемъ обществѣ, то относится ко всѣмъ нашимъ кастамъ и сословіямъ. Масса русская не идетъ въ правильную слойку; на этомъ держится доля деспотизма, но зато и доля всѣхъ надеждъ. При чрезвычайной впечатлимости и поверхностной подражательности у насъ все перенималось и ничего не пустило корней. Всѣ монополіи, исключительныя права, привилегіи, сословныя разграниченія являлись съ карикатурными преувеличеніями, грубо, дерзко и нестерпимо ярко, но краски (большею частью казенныя) были линючи, не могли выдержать перваго ливня. Одна сильная мятель—и все исчезнетъ, какъ исчезли военныя поселенія, стоившія столько же жизней, какъ сраженіе, и вдвое больше страданій, чѣмъ цѣлая война. И какъ исчезнетъ [1])?.. Не оставляя по себѣ жалости, ни другого слѣда, кромѣ

[1]) «Nord» говоритъ, что Бахтинъ работаетъ надъ проектомъ распространенія рекрутчины на дворянъ. Encore une étoile qui file [0])! *А. И. Г.*

[0]) «Encore une étoile qui file.
Qui file, file, et disparaît» —

«Вотъ еще одна звѣзда падаетъ,
Падаетъ, падаетъ и—исчезаетъ»—

припѣвъ пѣсни Беранже «Падающія звѣзды».

пыльныхъ бумагъ въ архивѣ да изумленія, *что это было, что это могло быть* въ самомъ дѣлѣ.

Если-бъ присноприпѣвающіе панегиристы «вѣрности Россіи бытовымъ началамъ своимъ» такъ просто и говорили бы, что у насъ ужасно мерзко, но что всѣ эти прививные институты и учрежденія быстро нарываютъ и быстро проходятъ, какъ коровья оспа, съ ними можно бы столковаться. Но, обращая свои смѣлыя надежды въ смѣлыя воспоминанія, они пишутъ офиціальные памфлеты, сводящіе съ ума простыхъ людей и наводящіе *на умъ* правительство. И вотъ причина, почему безъ глубокаго негодованія нельзя читать, напримѣръ, такія строки: «Внутренняя исторія Польши представляетъ уродливое, непомѣрное развитіе одного органа на счетъ всѣхъ другихъ,—общества *на счетъ государства* и простого народа. Государство расплылось въ общество—въ шляхту; простой народъ, который *во всѣхъ* славянскихъ земляхъ составлялъ и составляетъ необходимое условіе полноты общественнаго развитія, именно *какъ* простой народъ, какъ живая, непосредственная, самородная сила подобная силѣ зерна или корня въ организмѣ растеній, — простой народъ былъ лишенъ *всякаго политическаго значенія, духовно презрѣнъ и низведенъ на степень вещественнаго матеріала.* Польская шляхта не только не удостаивала признавать въ немъ присутствіе какой-либо органической силы, не только отвергала въ крестьянинѣ его значеніе, какъ поляка, но и достоинство, какъ человѣка. Польская шляхта не только именовала себя «польскими государями» (историческое выраженіе), но и «польскимъ народомъ», «польскою націею»,— и, дѣйствительно, слово «Польша» и въ исторіи и въ жизни было тождественно со словомъ «польская шляхта». Развитіе пошло въ древесину и листву, въ ущербъ корѣ и корню; вытянувшійся и почти обнаженный стволъ едва держался на отощавшемъ корню... («День», № 9).

Итакъ, *стало-быть*, въ Россіи простой народъ не былъ лишенъ всякаго политическаго значенія, былъ духовно уважаемъ и возведенъ на степень органическаго матеріала, который, впрочемъ, продавался гуртомъ и въ одиночку, вырывался изъ семьи, переселялся, брался во дворъ, шелъ на барскій развратъ, тратился поколѣніями на черную работу и притомъ безпрерывно сѣкся.

Представлять русское дворянство уважавшимъ бытъ народный въ противоположность польскому шляхетству, — вопіющая неправда. Всѣ мы, воспитанные въ помѣщичьихъ домахъ, жившіе по деревнямъ часть года, знаемъ, какъ русское дворянство уважало человѣческое достоинство товара, который оно сотнями посылало на дороги, отдавало на фабрики, переселяло и проч. Неужели г. Аксаковъ, жившій всю жизнь въ этой сферѣ, ѣздившій на изученіе ярмарокъ, участвовавшій при слѣдствіяхъ, не знаетъ этого? Какъ не знать, но онъ изъ патріотизма не помнитъ.

Исторію о Надеждѣ Ивановнѣ Вигель [1]) я поберегу до слѣдующаго письма, а съ вами теперь прощаюсь.

4 апрѣля 1864.

Письмо четвертое.

Любезный другъ,

Хотѣлъ, было, я къ вамъ писать о двухъ пріятельницахъ моего дѣтства: о милѣйшей старушкѣ Надеждѣ Ивановнѣ Вигель, кочевавшей послѣ комендантства въ Орской крѣпости лѣтъ тридцать по разнымъ чужимъ домамъ, прежде чѣмъ успокоилась въ одномъ изъ нихъ, и о ея соперницѣ Варварѣ Акимовнѣ [2]), заключившей свои долгія странствованія собственнымъ комендантствомъ въ московскомъ острогѣ, гдѣ она начальствовала надъ прекраснымъ поломъ. Хотѣлъ я при этомъ разсказать о томъ, какъ княгиня Хованская пресерьезно запрещала Надеждѣ Ивановнѣ кашлять по ночамъ, и о томъ, какъ одна близкая родственница Ф. Вигеля, дѣвствовавшая въ преклонныхъ лѣтахъ и въ губернскомъ городѣ Пензѣ, изобрѣла особый способъ—неоцѣненный ни графиней Антониной Блудовой, ни Аскоченскимъ, ни другими іерархами дворцоваго благочестія—прикладываться къ высоко поставленнымъ иконамъ. Старушка-барышня клала поцѣлуи свои на набалдашникъ своего посошка и возносила ихъ на немъ къ образу... Хотѣлъ я рядомъ съ ними, по поводу вигелевской всеобщей исторіи его семейства, воскресить еще двѣ-три комическія личности, но... оставлю до другого раза.

Старое письмо, попавшееся на глаза, спугнуло всю эту семью сѣдыхъ совъ въ бѣломъ чепчикѣ, воронъ, порхающихъ съ задняго двора на задній дворъ... Я остался въ прошедшемъ, но не въ томъ, которое шло между дѣвичьей княгини и передней моего отца, а въ томъ, которое неслось между аудиторіей и ссылкой.

Сколько людей осталось незатронутыми въ моихъ воспоминаніяхъ, — людей погибшихъ безъ малѣйшаго слѣда, забытыхъ, какъ забываются прошлогодніе листья, вчерашнія облака!

Человѣкъ [3]), котораго письмо мнѣ попалось, умеръ года два тому назадъ въ небольшомъ городѣ на Ронѣ. Подробности объ его смерти я узналъ мѣсяцевъ черезъ шесть. Никто не шелъ за его гробомъ, никто не былъ пораженъ вѣстью о его смерти. Печальное существованіе его, переброшенное на чужую землю, сѣло какъ-то незамѣтно, не исполнивъ ни своихъ надеждъ, ни ожиданія другихъ. *Бѣгунъ* образованной Россіи, онъ принадлежалъ къ тѣмъ празднымъ, лишнимъ людямъ, которыхъ когда-то поэтизировали безъ мѣры, а теперь побиваютъ каменьями безъ смысла.

[1]) Тетка Ф. Ф. Вигеля.
[2]) Туляева, мать М. Н. Каткова.
[3]) Н. И. Сазоновъ.

Мнѣ больно за нихъ. Я многихъ зналъ изъ нихъ и любилъ за родную мнѣ тоску ихъ, которую они не могли пересилить и ушли,— кто въ могилу, кто въ чужіе края, кто въ вино.

Много разъ хотѣлось мнѣ поговорить объ ихъ *трудѣ существованія*... и я останавливался всякій разъ съ той внутренней дрожью, которую испытываетъ физіологъ, дотрагиваясь до разоблаченныхъ готоваленъ жизни... Удастся ли мнѣ побѣдить это чувство,—не знаю, а хотѣлось бы. Каждая эксцентрическая жизнь, къ которой мы близко подходили, можетъ дать больше отгадокъ и больше вопросовъ, чѣмъ любой герой романа, если онъ несуществующее лицо подъ чужимъ именемъ [1]). Герои романовъ похожи на анатомическіе препараты изъ воска. Восковой слѣпокъ можетъ быть выразительнѣе, нормальнѣе, *типичнѣе;* въ немъ можетъ быть изваяно все, что зналъ анатомъ, но нѣтъ *того, чего онъ не зналъ*, нѣтъ дремлющихъ въ естественномъ равнодушіи, но готовыхъ проснуться отвѣтовъ, — отвѣтовъ на такіе вопросы, которые равно не приходили въ голову ни прозектору, ни ваятелю. У слѣпка, какъ у статуи, все снаружи, ничего за душой, а въ препаратѣ засохла, остановилась, оцѣпенѣла сама жизнь со всѣми случайностями и тайнами.

Къ тому же у насъ необходимѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, снимать маски и портреты: мы ужасно легко распадаемся съ только-что прошедшимъ. У насъ жизнь не продолжается исподволь, а перескакиваетъ отъ одного направленія къ другому. Недостатокъ корней и балласта дѣлаетъ эти перескакиванія чрезвычайно легкими для верхняго слоя. Я не хвалю и не порицаю этого, а только констатирую.

Близкое прошедшее, впрочемъ, вездѣ становится рѣзко отчуждаемымъ, почти враждебнымъ съ настоящимъ; противоположности, разницы не примирены еще далью и перспективой, не оправданы пониманіемъ. Мы скорѣе узнаемъ близкое и родное въ шитыхъ бархатныхъ и гродетуровыхъ [2]) кафтанахъ, въ пудренныхъ парикахъ, въ якобинскомъ костюмѣ и въ англійскомъ фермерскомъ фракѣ временъ Питта и Фокса, чѣмъ въ таліи на затылкѣ и рукавахъ съ буфами двадцатыхъ годовъ. Тотъ только схватываетъ единство въ этихъ превращеніяхъ, кто самъ носилъ суконныя тунели на шеѣ, вмѣсто воротника, сплющенные воротники въ четверть шириною, а теперь носитъ исчезающій, едва замѣтный воротникъ нынѣшняго покроя.

[1]) Какъ, напр., Бекки Шарпъ въ «Vanity Fair» [9]). Кстати, вторыя лица, едва набросанныя, стоящіи на дальнемъ планѣ, нравятся намъ обыкновенно больше героевъ просто оттого, что авторъ не даетъ себѣ труда ихъ изобрѣтать. Это—все сосѣди, пріятели, слуги, путешествующіе incognito.

А. И. Г.

[2]) Гродетуръ — особый сортъ шелковой ткани; получилъ названіе отъ франц. города Туръ.

[9]) Героиня теккереевскаго «Базара житейской суеты».

Я въ этомъ отношеніи былъ счастливо поставленъ, потому-то мнѣ и хочется этимъ воспользоваться.

Жизнь моя сложилась рано, и я долго оставался молодъ. Воспоминанія мои переходятъ за предѣлы николаевскаго времени; это имъ даетъ особый fond, онѣ освѣщены вечерней зарей другого торжественнаго дня, полнаго надеждъ и стремленій. Я еще помню блестящій рядъ молодыхъ героевъ, неустрашимо, самонадѣянно шедшихъ впередъ... Въ ихъ числѣ шли поэты и воины, таланты во всѣхъ родахъ, люди, увѣнчанные лаврами и всевозможными вѣнками... Я помню появленіе первыхъ пѣсенъ «Онѣгина» и первыхъ сценъ «Горя отъ ума»... Я помню, какъ, перерывая смѣхъ Грибоѣдова, ударялъ, словно колоколъ на первой недѣлѣ поста, серьезный стихъ Рылѣева и звалъ на бой и гибель, какъ зовутъ на пиръ...

И вся эта передовая фаланга, несшаяся впередъ, однимъ декабрьскимъ днемъ сорвалась въ пропасть и за глухимъ раскатомъ исчезла...

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегахъ широкой Лены...

Я четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ плакалъ объ нихъ и обрекалъ себя на то, чтобъ отмстить ихъ гибель.

Время свѣтлыхъ лицъ и надеждъ, свѣтлаго смѣха и свѣтлыхъ слезъ кончилось. Порядкомъ понялъ я это послѣ, но впечатлѣнія того времени, переплетаясь съ миѳическими разсказами 1812 года, составили въ моей памяти то золотое поле иконописи, на которомъ еще чернѣе выходятъ лики святыхъ.

Когда немного улегся терроръ и шумъ николаевскаго вѣнчанія на царство, начали показываться какіе-то потерянные люди, несчастные, *ненужные*, не знающіе, куда итти, т.-е. не знающіе ни цѣли, ни дороги, но чувствующіе, что *такъ жить нельзя*, что выйти надобно; люди, откуда-то оторванные и покинутые въ опасномъ мѣстѣ, какъ «Дѣти въ лѣсу». Старшіе изъ нихъ были уцѣлѣвшіе декабристы; мы замыкали ихъ процессію, какъ уличные мальчики замыкаютъ уходящій полкъ, и сами росли въ лишнихъ людей. За нами шло уже поколѣніе безъ воспоминаній, кромѣ дѣтской и годовъ школы, оскорбленное грубымъ притѣсненіемъ, безъ прямой связи съ прошедшимъ, безъ прямого упованія на будущее; болѣзненное, чахлое, оно вяло въ листѣ и безотрадно гибло на полдорогѣ. Многіе изъ нихъ умерли моложе насъ лѣтами и старѣе сломившимся духомъ.

Немного въ ихъ числѣ развилось энергіи, но много ея сгублено во внутренней работѣ и во внутреннемъ разладѣ, въ поднятыхъ вопросахъ, въ поднятыхъ сомнѣніяхъ и въ неимовѣрной тяжести жизни. Грѣшно въ нихъ бросать камни. Вообще, *лишнимъ* людямъ тѣхъ временъ обязано новое поколѣніе тѣмъ, что оно не лишнее.

...Въ тридцатыхъ годахъ меня поразили двѣ личности, двѣ уцѣлѣвшія античныя колонны на топкомъ грунтѣ московскаго великосвѣтскаго campo vaccino [1]). Они стояли рядомъ, напоминая своей печальной, своей изящной ненужностью что-то рухнувшееся, что именно, было трудно сказать, — полиція подобрала всѣ развалины и всѣ осколки. Орловъ и Чаадаевъ были первые *лишніе люди*, съ которыми я встрѣтился.

Они были разны (я писалъ объ обоихъ [2]). Я лучше многихъ зналъ ихъ недостатки, но для меня они были библейскими личностями, живыми легендами; я ихъ принималъ, какъ они есть, не торгуясь, не бракуя, и потому-то, можетъ, лучше другихъ понялъ ихъ трагическое явленіе. Они были сломанные люди; одинъ совершенно dépayse [3]), другой оскорбленъ; ихъ упрекали за это люди, которые никогда не рѣшились бы упрекнуть человѣка съ переломленной ногой, что онъ хромаетъ.

Косо посматривалъ мой отецъ на то, что я, дичась общества почтенныхъ и солидныхъ людей, съ такой горячностью и готовностью бѣжалъ по первому приглашенію Орлова, «конечно, умнаго, но опаснаго человѣка». Я тогда только-что вышелъ изъ Карловъ Мооровъ и поступилъ въ московскій университетъ; особаго рода восторженность, которая сопровождаетъ переходъ отъ отрочества въ юность, еще не проходила.

Впечатлѣніе, сдѣланное на меня первыми лишними людьми, было до такой степени сильно, что, послѣ долгой разлуки съ ними, они всего живѣе остались въ памяти.

Переведенный изъ Вятки во Владиміръ, я принялся описывать подъ именемъ Малинова вятское житье-бытье. Сначала я писалъ [4]) весело, потомъ мнѣ сдѣлалось тяжело отъ собственнаго смѣха, я задыхался отъ поднятой пыли и искалъ человѣческаго примиренія съ этимъ омутомъ пустоты, нечистоты, искалъ выхода хоть въ отчаяніи, но только въ разумномъ, сознательномъ, и, ничего не найдя, наклепалъ на Малиновъ Трензинскаго, и, не думая, не гадая, сдѣлалъ портретъ Чаадаева, даже наружность взята съ него: «Нѣжное, бѣлое, какъ мраморъ, лицо, сѣро-голубоватые глаза, холодная улыбка, чело, какъ черепъ голый» [5])—такъ рѣзко осталась его личность въ моей памяти [6]).

Когда я воротился въ Москву, Орловъ угасалъ и вскорѣ угасъ. Чаадаевъ былъ еще высочайше утвержденнымъ сумасшед-

[1]) Выгона.
[2]) «Былое и думы». *А. И. Г.*
[3]) Вырванъ изъ родной почвы.
[4]) «Записки одного молодого человѣка» («Отеч. Записки», 1840—41 г.) *А. И. Г.*
[5]) Слова «чело, какъ черепъ голый» — изъ стихотворенія Пушкина «Полководецъ».
[6]) Это отнюдь не слѣдуетъ понимать буквально и считать Трензинскаго портретомъ Чаадаева,—Герценъ потомъ разъяснилъ.

шимъ и стоялъ какъ-то особнякомъ между новыми людьми и новыми вопросами.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи, на прощальномъ ужинѣ, я предложилъ прежде всѣхъ тостовъ выпить за старшаго изъ насъ—за Чаадаева. Чаадаевъ былъ тронутъ, но тотчасъ принялъ свой холодный видъ, выпилъ бокалъ, сѣлъ и вдругъ опять всталъ, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, пожелалъ намъ счастливаго пути и съ словами: «Простите меня, мнѣ пора», вышелъ вонъ. Я его не удерживалъ и проводилъ до дверей; стройная, прямая въ старости фигура Чаадаева исчезла въ дверяхъ середь пріутихшаго пира, и такъ осталась въ моей памяти; я его больше не видѣлъ.

Жаль, что два послѣднихъ поколѣнія не знали такихъ предшественниковъ. Имѣя много ненавидѣть и презирать, имъ почти нечего было любить и уважать. Цѣлыя стороны внутренней жизни остаются непонятными, наглухо и навѣки заросшими въ сердцѣ человѣка, не перешедшаго ни безпредѣльной любовью къ матери, ни восторженнымъ уваженіемъ къ своимъ отцамъ-maestri [1]).

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Чаадаевъ исчезъ въ дверяхъ. Я пережилъ цѣлый томъ исторіи да свою цѣлую жизнь, и вдругъ въ 1861 году возобновилась одна изъ встрѣчъ 1831 года, и я опять чувствовалъ себя молодымъ студентомъ.

Старикъ, величавый старикъ [2]), лѣтъ восьмидесяти, съ длинной серебряной бородой и бѣлыми волосами, падавшими до плечъ, разсказывалъ мнѣ о тѣхъ временахъ, о *своихъ*, о Пестелѣ, о казематахъ, о каторгѣ, куда онъ пошелъ молодымъ, блестящимъ и откуда только-что воротился сѣдой, старый, еще болѣе блестящій, но уже инымъ свѣтомъ...

... Я слушалъ, слушалъ его—и, когда онъ кончилъ, хотѣлъ у него просить напутственнаго благословенія въ жизнь, забывая, что она уже прошла... и не одна она... Между висѣлицами на Кронверкской куртинѣ и висѣлицами въ Польшѣ и Литвѣ, этими верстовыми столбами императорскаго тракта, прошли, смѣняя другъ друга въ холодныхъ, темныхъ сумеркахъ, *три шеренги*... скоро стушуются ихъ очерки и пропадутъ въ дальней синевѣ. Пограничные споры двухъ поколѣній, поддерживающіе ихъ память, надоѣдятъ и имъ предоставятъ амнистію забвенія. Изъ-за нихъ всплывутъ тѣни старцевъ-хранителей и черезъ кладбище сыновей своихъ призовутъ внуковъ на дѣло и укажутъ имъ путь.

Пусть они и идутъ по немъ. Но пусть же поймутъ и то, что тоской и стремленіемъ выйти изъ насильственнаго бездѣйствія, томной затратой себя промежуточныя поколѣнія людей лишнихъ и праздныхъ приблизили, сгладили его, — и мирно благословятъ ихъ разбросанныя могилы.

[1]) Учителямъ.
[2]) Кн. С. Г. Волконскій.

... Зачѣмъ у меня нѣтъ такого таланта, какъ у И. Тургенева... Какую бы я составилъ группу праздныхъ и затерянныхъ людей, для того, чтобъ помирить *дѣтей съ отцами*.

Но за неимѣніемъ его, прощусь съ вами, мой милый будущій другъ; вы меня простите, что я говорилъ съ вами о прошедшихъ друзьяхъ (пожалуйста, не смѣшивайте ихъ съ *ушедшими* друзьями... о тѣхъ писать еще не настало время); я чувствую, что это неделикатно, но полагаюсь на вашу сниходительность. Не могу вамъ сказать, какъ я доволенъ, что не знаю васъ и что вы мнѣ никогда не отвѣчаете,—это мнѣ даетъ страшную волю, и я, не стѣсняясь, пускаюсь въ письмахъ къ вамъ, какъ Камоэнсъ—nel largo oceano [1]).

Письмо пятое.

(Америка и Европа, Эдгаръ Кинэ и его послѣдняя книга. Письмо къ нему).

Давно я не писалъ къ вамъ, около двухъ лѣтъ, и какихъ—которыя стоятъ двадцати самыхъ скверныхъ; а, между тѣмъ, опять накопилось на душѣ много горечей и хочется о нихъ говорить, только не съ близкими знакомыми—они сами все знаютъ и все рѣшили,—а съ близкими незнакомыми, которыхъ я могу предположить не до такой степени герметически законченными. Вы такъ дружески исполняли два года тому назадъ эту роль, что, вѣрно, не откажетесь теперь—тѣмъ больше, что вы мнѣ этимъ сдѣлаете большое облегченіе.

Облегченіе отъ чего? Отъ устали, думаете вы, и ошибаетесь: гораздо хуже—отъ невозможности устать. Это состояніе очень похоже на тщетное усиліе уснуть, когда не спится. Я отъ души завидую труженикамъ, честно прошедшимъ бразду свою и спокойно идущимъ, поставивъ плугъ свой подъ навѣсъ, на палати погрѣть ломаныя кости, распрямить сгорбленные члены и такъ иной разъ потолковать о настоящемъ и еще больше о быломъ, вспоминая о немъ въ томъ примиренномъ, успокоенномъ и холодномъ видѣ, которое получаетъ все, лежащее въ гробу.

Кажется, чего бы лучше, — клубка, доставшагося нашему времени, *теперь* не распутаешь, вихрь революцій и реакцій увлекъ и перепуталъ все старое и новое; старое не уцѣлѣетъ, и новое не погибнетъ, но всему надобно отстояться, дойти до химическаго соединенія. до покоя творчества. Все, что можетъ прійти въ

[1]) Въ безбрежный океанъ. Намекъ на содержаніе главнаго труда Камоэнса—поэмы «Лузіада», воспѣвающей подвиги отважныхъ португальскихъ мореплавателей, а также на личную судьбу автора, принужденнаго долгіе годы своей жизни провести въ невольныхъ странствованіяхъ по морю и отдѣлывавшаго свое безсмертное твореніе на пустынномъ островѣ, куда, послѣ кораблекрушенія у береговъ Азіи, онъ спасся, унося съ собою свою драгоцѣнную рукопись.

ясность изъ этого хаотическаго, клокочущаго, бродящаго раствора, придетъ въ ясность, но ее насильственно не заставишь родиться прежде, чѣмь зародышъ созрѣетъ и ясли будутъ готовы; до тѣхъ поръ *искомое* останется путеводной звѣздой для волхвовъ, а не солнцемъ, освѣщающимъ всѣхъ. Можетъ, въ пользахъ новорожденнаго это и очень хорошо... да... да haben Sie warten gelernt?..[1]) Куда!

Какіе удары нашему безпокойному самолюбію и нашей страсти спасать міръ нанесли и астрономія, и геологія, и физіологія, а пуще всего новая исторія,—все ничего! Знаемъ, что планеты не около земли вертятся, что земной шаръ и безъ людей жилъ очень хорошо, что наши дѣдушки и бабушки были ближе къ обезьянамъ, чѣмъ мы къ китайцамъ, а намъ все кажется, что мы какіе-то Зевсы и Іеговы и можемъ создавать міръ по образу и подобію нашему, что вздумаемъ зыросшій вѣками и сросшійся горемъ и кровью бытъ перестроить на фаланстеры,—и тотчасъ брошены деревни и города, соборы и театры, рестораны и дворцы, попы и жандармы, офицеры и ростовщики, судьи и лоретки такъ и побѣгутъ въ фалангу работать, каждый по своей страсти.

Тутъ обыкновенно—разочарованіе, упреки роду человѣческому и новыя усилія грудныхъ дѣтей убѣжденіемъ сдѣлать въ шесть мѣсяцевъ взрослыми, и новыя проклятія за ихъ лѣнь, тупость, глупость, за то, что они не умѣютъ скоро расти.

Есть время *острой* работы, но есть время и труда выжидающаго, наблюдающаго. Секунды не можетъ потерять хирургъ, и мѣсяцы борется докторъ съ болѣзнью.

Одинъ изъ умнѣйшихъ людей нашего времени, Людвигъ Фейербахъ, на вопросъ, зачѣмъ онъ замолкъ и почти ничего не пишетъ, отвѣчалъ: «Главное, что у меня было на душѣ, я высказалъ, пусть читаютъ». Не думая нисколько себя сравнивать съ Фейербахомъ, я, все же, имѣю право ему завидовать. Мнѣ не разъ приходило въ голову грѣховное искушеніе, именно,—мысль языческаго эпикуреизма: удалиться куда-нибудь въ пустыню, возлѣ большого трактира нѣмецкихъ водъ и устроить тамъ какое-нибудь шале, съ диваномъ, превращающимся въ ванну, съ аквaріумомъ, въ которомъ плаваютъ стерляди и икра, съ садомъ, въ которомъ порхаютъ бекасы, но исполнить ее недостаетъ силъ.

Недавно я совсѣмъ, было, изготовился на зимнія квартиры, взялъ спеціальную карту Висбадена, Пирмонта и, какъ на смѣхъ, вмѣстѣ съ ней попались газеты; тутъ—message[2]) американскаго президента,—ну и къ чорту шале и къ чорту аквaріумъ съ икрой... Здѣсь великая земля свободнаго труда, въ которой работа вознаграждается больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, трудовой хлѣбъ вкусенъ сознаніемъ гражданскаго участія работника въ дѣлахъ оте-

[1]) Научились ли вы ждать?
[2]) Посланіе.

чества; здѣсь умъ человѣческій не знаетъ цѣпей и можетъ вольно ринуться во всѣ четыре стороны... Очищенные горемъ, укрѣпленные борьбой, повторимъ обѣтъ нашихъ отцовъ, возлагавшихъ на насъ побѣду республиканскихъ началъ на нашемъ материкѣ. Мы не дѣлали пропаганды въ Европѣ, оставляя народы тамошніе заниматься своими династическими интересами, но такое поведеніе съ нащей стороны возлагаетъ и на нее свои обязанности».

Вотъ и—«Guai chi la tocca!..»[1]) Да, горе,—каковъ портной? А еще пьяница![2])

И какъ-то свѣжо поднялась грудь, и не хочется думать о диванѣ на кислыхъ водахъ... Новый свѣтъ, молодой свѣтъ! Ужъ лучше тамъ шале... Все въ немъ не по-европейски, не по-людски. Восемьсотъ тысячъ войска распущены и тотчасъ поглощены работой; сотни генераловъ, которыхъ отвагѣ удивлялись нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, которые были облечены диктаторской властью, были покрыты славой и лаврами,—гдѣ они? Одинъ пашетъ свои поля и продаетъ хлѣбъ, д угой во главѣ торговаго предпріятія, третій просто трактирщикомъ; ни мундировъ, ни эполетъ, сабля въ углу — пусть себѣ ржавѣетъ. Война—не ремесло, а несчастье, злая необходимость. Обѣ стороны дрались страшно, доказывая по дорогѣ, что для большой, для колоссальной войны вовсе не нужны постоянныя арміи, вѣчная опричина всякаго деспотизма, вѣчно раскрытая артерія, которой истекаетъ государство деньгами въ миръ, кровью—въ войну... «Намъ скоро можно будетъ сговориться; съ той минуты, какъ сила оружія рѣшила судьбу, нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ»—и велѣлъ свести войско *на пятьдесятъ тысячъ человѣкъ*.

А наша-то Нинонъ Ланкло[3]), беззубая сѣдая,—ей и въ Бельгіи мало пятидесяти тысячъ, несмотря на то, что она ни съ кѣмъ изъ сосѣдей воевать не можетъ... Зато, вѣдь, какіе интересы—Бисмаркъ I, Меттернихъ II... Папа производитъ во святые какихъ-то изувѣровъ и въ свои защитники — разбойниковъ; дипломаты въ затрудненіи, кому отдать Молдавію, кому Валахію; одни думаютъ, нельзя ли вымѣнять Венецію на Бухарестъ, Мексику на Яссы, точно, мы еще живемъ между Вестфальскимъ миромъ и Вѣнскимъ конгрессомъ. И не странно ли, что вящшіе защитники, послѣдніе чичисбеи[4]) Нинонъ всѣ на Невѣ, такъ, какъ тамъ же были и послѣдніе эмигранты и послѣдніе мальтійскіе кавалеры: они слова не даютъ сказать объ Европѣ, объ общей матери, учительницѣ, наставительницѣ, какъ будто кто-нибудь виноватъ, что учительница устарѣла, а наставительницу надобно водить подъ руки.

[1]) «Горе тому, кто тронетъ ее!».
[2]) Президентъ Джонсонъ былъ портнымъ.
[3]) Знаменитая французская куртизанка, умерла въ глубокой старости, 90 лѣтъ отроду.
[4]) Такъ въ старину въ Италіи называли молодыхъ франтовъ, которыхъ замужнія женщины выбирали себѣ въ спутники для прогулокъ.

«Все это славянофильство!»... Тутъ Америка ужасно кстати является на выручку; ужъ ученье-то Монро и Джонсона врядъ ли изъ «Дня» идетъ!

А впрочемъ, и славянофильствомъ трудно испугать... Правда, что оно какъ-то всегда противно припахивало ладаномъ и рясой, а теперь еще противнѣе выпачкалось въ крови — ну, да, вѣдь, и все остальное выпачкано въ крови... Остается попробовать славянофильство разстричь въ свѣтское званіе и тогда посмотрѣть, что въ немъ приму [1]) играетъ— попъ или бытъ народный. Нельзя же славянофильство съ лица Россіи гнать за то, что первые проповѣдники его черезъ край хватили православной благодати.

Почему же намъ не дѣлать съ ними того, что всякій мыслящій читатель дѣлаетъ, напр., съ какимъ-нибудь Яковомъ Бёмомъ, спокойно отыскивая въ лѣсу мистическихъ образовъ и видѣній его глубокое пониманіе, оправленное въ средневѣковую рѣзьбу? Бёмъ не подозрѣвалъ настоящей своей силы, и если-бъ кто-нибудь назвалъ его, положимъ, пантеистомъ, онъ точно такъ же обругалъ бы пантеизмъ, какъ Аксаковъ ругаетъ соціализмъ всякій разъ, когда онъ ему подвернется на языкъ.

Рьяность нашихъ западниковъ, въ числѣ которыхъ есть люди, стоящіе съ нами на одномъ берегу, объясняется исключительно положеніемъ нашего общества. Стоя за Западъ, ему все еще кажется, что онъ уличаетъ *не Западъ*, а домашнюю неурядицу, забывая, что петербургское правительство, несмотря на всѣ шалости послѣдняго времени, *архи-западное*. Въ Европѣ такихъ неистовыхъ защитниковъ *ея*, какъ у насъ, вовсе нѣтъ, особенно, между серьезными умами. Они часто молчатъ, какъ молчалъ тотъ знаменитый математикъ, который, вычисливъ и провѣривъ свое вычисленіе о близости трещины земного шара, испугался и скрылъ свои выкладки; но невыносимая тяжесть иной разъ беретъ верхъ, и тогда являются такія книги, какъ Стюарта Милля «On liberty», и французомъ пишутся такіе строки:

«...Міръ видѣлъ уже въ глубокой древности нѣчто подобное тому, что совершается теперь. Съ одной стороны, старая цивилизація, осѣвшая подъ окаменѣлыми преданіями—Персія, Вавилонъ, Халдея, Египетъ, не способные оторваться отъ своего прошедшаго, отъ храмовъ, мумій, лабиринтовъ, гробницъ, міръ, много производящій, богатый караванами, торговлей, пышный, сладострастный, покрытый жемчужными цѣпями... Съ другой стороны, нарождающаяся Греція, брошенная въ иную форму, грубая, но свободная—и такой свободой, которую міръ до того времени не видывалъ,—міръ, начинающійся съ дорійскихъ пуританъ, къ великому негодованію Азіи».

И онъ указываетъ на старую Европу, выковавшую на самое себя, съ чрезвычайными усиліями, узорчатыя и золоченыя цѣпи,

[1]) Въ оркестрахъ «примой» называютъ первую скрипку.

изъ которыхъ она не можетъ выйти, въ то время, какъ на противоположномъ берегу океана юная страна, не заботясь о старыхъ распряхъ, «въ героической молодости своей душитъ гидры, убиваетъ немейскихъ львовъ [1])... и оскорбляетъ своей отвагой, своей свободой, созданіемъ своихъ городовъ и государства дряхлый міръ, не смѣющій ни подражать ей, ни вступить съ ней въ борьбу» [2]).

Эдгаръ Кинэ, около полустолѣтія слѣдившій за всѣмъ, что дѣлалось во Франціи, пришелъ къ одному заключенію, къ одному упованію—къ упованію *на другой міръ, на Соединенные Штаты*.

Кинэ печаленъ, угрюмъ, для него его взглядъ безотраденъ, онъ имъ удрученъ. Французъ не можетъ переносить свои лары [3]) въ дальнія страны да еще за океанъ. Латинскіе народы принадлежатъ латинской землѣ; для Кинэ осталась послѣ этого отреченія, послѣ этого нравственнаго Фонтенебло [4]) своя св. Елена. Даже пустой культъ человѣчества у него разбился: «Я слишкомъ близко видѣлъ этотъ кумиръ человѣчества и не склоню колѣна передъ тѣмъ, кто самъ стоитъ на обоихъ передъ всякой торжествующей силой... Преклоняться передъ этимъ пресмыкающимся звѣремъ на своихъ милліоннахъ ногъ?... Нѣтъ, отдайте мнѣ лучше ибисовъ [5]) и священныхъ змѣй Нила».

И тотъ космополитическій прогрессъ *гдѣ-нибудь*, который можетъ утѣшить бойкую сангвиническую философію Бокля, не заживитъ раны, сосущей француза, утратившаго Францію. Оставалась для него одна дверь [6])—*онъ се-то и захлопнулъ съ озлобленіемъ*.

Неужели легче умирать въ разваливающемся домѣ, чѣмъ строить другой или итти вонъ? Горе обладателямъ наслѣдственныхъ каменныхъ палатъ; то ли дѣло жить въ собственноручной избѣ: старая плоха—взялъ да и срубилъ новую, былъ бы топоръ да лѣсъ!

Тутъ мы стучимся опять головой въ упрямое non possumus [7]) отходящаго міра.

Кинэ, съ необычайной отвагой для француза, произвелъ слѣдствіе объ отравѣ революціи католицизмомъ. Съ искусствомъ великаго художника и ясностью діалекта указываетъ онъ, какъ

[1]) Убійство «немейскаго льва»—одинъ изъ двѣнадцати подвиговъ миѳическаго Геркулеса.

[2]) Edgar Quinet, «La Révolution». *А. И. Г.*

[3]) Домашніе боги римлянъ.

[4]) Въ Фонтенебло состоялось отреченіе Наполеона I отъ престола.

[5]) Птица изъ породы цапель; въ Египтѣ существовалъ культъ ибисовъ.

[6]) Вѣра въ соціальное перерожденіе общества при условіи уничтоженія «собственности», какъ ее понимало римское право и французское законодательство.

[7]) «Не можемъ»—формула отказа со стороны папы на требованія свѣтской власти.

новая весь изнемогаетъ и не можетъ переварить яда, даннаго въ гостіи [1]), накрытой фригійской шапкой.

И тотъ же человѣкъ остановился испуганный, какъ передъ медузиной головой, передъ юридической церковью, передъ догматомъ римскаго права безграничной собственности. Въ посягательствѣ на ея самовластье видитъ онъ гибель личной свободы, объявляетъ его *чуждымъ* генію латинскихъ народовъ и указываетъ вдали на наши степи... «Коммунизмъ и рабство, казнитесь, молъ,—вотъ куда вы идете!»

Мнѣ больно было за него и за насъ, я не вытерпѣлъ и написалъ ему:

«Мы представляемъ починъ *иного* отношенія человѣка къ почвѣ; наша задача состоитъ въ опытѣ развитія личной свободы безъ потери *права на землю*, въ опытѣ ограниченія самодержавія недвижимой собственности неотъемлемымъ правомъ на поземельное владѣніе,—словомъ, сохраненія общинной собственности рядомъ съ личнымъ пользованіемъ. Посельщики, сами разработавшіе нашу землю, привычные къ полевымъ передѣламъ, безъ слоя завоевателей на нашихъ плечахъ, намъ легче другихъ европейскихъ народовъ осуществить одно изъ рѣшеній соціальной задачи. Отношеніе человѣка къ землѣ, такъ, какъ мы его понимаемъ,—не новое изобрѣтеніе въ Россіи: это — первобытный фактъ, *естественный*, прирожденный въ нашемъ бытѣ; мы его нашли родившись, потомъ забросили, не поняли и теперь хотимъ съ искреннимъ раскаяніемъ развить его при помощи науки и опыта западнаго міра.

«Отнимите у насъ эту задачу—и мы снова впадемъ въ варварство, изъ котораго едва вышли, или останемся ордой завоевателей.

«И вотъ причина, почему мы не промѣняемъ нашъ аграрный законъ въ его неразвитіи ни на старое латинское право, ни на англо-саксонское законодательство. Религія собственности по римскому закону, по французскому кодексу убила бы намъ впередъ наше будущее такъ, какъ убила въ союзѣ съ церковью вашу великую революцію. Ясно, что съ двумя такими абортивами [2]) республика девяностыхъ годовъ не могла родить ничего живого.

«Народъ парижскій понялъ это, когда, поднимая въ первый разъ голову послѣ бурь террора, онъ заявилъ свою нужду въ конвентѣ мрачнымъ крикомъ: «хлѣба!». Его отпустили, ничего не сдѣлавши для него. Онъ съ тѣхъ поръ пересталъ мѣшаться въ дѣла, и былъ правъ.

«Безуміе Бабефа, утопіи почти всѣхъ соціальныхъ ученій нисколько не опровергаютъ началъ. Напротивъ, степень жара,

[1]) Хлѣбъ, употребляемый при причастіи у католиковъ и лютеранъ.
[2]) Плодогонное средство.

бреда свидѣтельствуетъ о силѣ болѣзни. Припадки соотвѣтствуютъ страданіямъ, даютъ право на патологическое заключеніе. Если терапія не удалась, изъ этого не слѣдуетъ, что вопросъ лѣченья слѣдуетъ обойти. Къ тому же, какъ мы видимъ, это невозможно. Соціальный, экономическій вопросъ—magnum ignotum [1]) нашего времени. А потому-то мы всякій разъ обращаемъ, когда представляется случай, вниманіе нашихъ старшихъ, нашихъ patres conscripti [2]) въ наукѣ и цивилизаціи на то, что прозябаетъ въ нашихъ степяхъ. До сихъ поръ на Россію смотрятъ, какъ на лавину, угрожающую паденіемъ. Мы хотимъ показать, что подъ снѣгомъ есть земля, владѣемая иначе, чѣмъ историческая земля стараго міра.

«Такова была причина, которая заставила меня въ 1851 г. написать длинное письмо къ знаменитому другу вашему (теперь и моему, скажу я) Мишле. Вообще, послѣ неудачи февральской революціи я только объ одномъ этомъ и проповѣдую... Вы мнѣ это, навѣрное, поставите въ облегчающую причину. Восхищаясь строгой, величавой картиной, полной силы и отваги, которой вы изобразили самоубійство революціи католицизмомъ, я невольно вспомнилъ *о другомъ врагѣ*» [3]),

Его-то мертвыми руками изъ-за гроба попробовалъ схватить за горло боецъ иного закала, Прудонъ, но въ могилу себѣ не стащилъ. И такъ, какъ Кинэ, все-таки, оставилъ щель, захлопнувши дверь, такъ Прудонъ не настолько раскрылъ ее, чтобъ можно было пройти...

— Cordon, s'il vous plait!

...Il faut donc, messieurs, qu'une porte soit ouverte ou fermée [4]).

10 января 1866 г.

2342. На Волынь!

Наконецъ-то для Москвы, какъ для Помпеи, настанетъ послѣдній «День». Издатель *его* ѣдетъ на Волынь спасать народность русскую (о силѣ, прочности и упругости которой въ южнорусскомъ краѣ было столько наговорено тяжелыхъ фразъ).

«Не хорошо обстоитъ у насъ дѣло въ Юго-Западномъ краѣ», пишетъ въ своемъ «aux armes, citoyens» [5]), 1 февраля, г. Аксаковъ. Русское крестьянство, казалось, справилось съ польскимъ возста-

[1]) Великое неизвѣстное.
[2]) Почетное названіе сенаторовъ въ древнемъ Римѣ.
[3]) См. № 2719. переводъ не точенъ.
[4]) Откройте, пожалуйста! Дверь, господа, должна быть открыта или закрыта.
[5]) Къ оружію, граждане!

ніемъ,—не тутъ-то было: оказывается, что и они недовольны. Отъ такой шаткости у г. Аксакова сдѣлался, по собственному признанію, приливъ къ головѣ, и, не дожидаясь отлива, вотъ какъ онъ пошелъ на всѣхъ парусахъ: «Это (недоразумѣніе русскихъ крестьянъ) уже вдвое, вчетверо оскорбительнѣе; отъ этого оскорбленія кровь кидается въ голову. Какъ же это стало возможнымъ? Какъ же это случилось? Кто въ этомъ виноватъ? Что обнадежило поляковъ, что подняло ихъ упавшій, было, духъ, что, наконецъ, какой-то злой геній сумѣлъ наиблагопріятнѣйшія для насъ обстоятельства сдѣлать худыми и худыя для поляковъ обратить въ благопріятныя? Какимъ образомъ можно было православное, вѣрное Руси и русскому царю русское крестьянское населеніе смутить и нравственно обезсилить? Что же намъ дѣлать? Не ложится ли на насъ всѣхъ, честныхъ, способныхъ, образованныхъ, тяжкимъ упрекомъ это мужицкое раздумье, эта горечь народнаго чувства? *На Волынь!* — вотъ что надо. Надо всѣмъ, которые свободны, могутъ располагать собою, въ комъ живо русское чувство и силенъ стыдъ русскаго общественнаго грѣха, поспѣшить на Волынь, въ Подолію, въ Кіевскую область, занять мѣста мировыхъ посредниковъ и тому подобныя и возстановить союзъ братскій, и воскресить вѣру въ русское имя, и загладить тяжкія вины предъ тамошнимъ русскимъ народомъ—людей, именующихся русскими, да еще изъ «Москвы». Надо *разбудить* дремлющее русское, туземное, хотя и очень малочисленное общество, надо заявить наше полное признаніе всѣхъ правъ мѣстной жизни, ея обычаевъ и особенностей, надо оградить народъ отъ поляковъ и отъ недостойныхъ русскихъ дѣятелей, и отъ коварной интриги и отъ неразумнаго усердія слѣпыхъ исполнителей воли начальства (ими большею частью непонимаемой) и отъ іезуитизма и отъ сервилизма, чтобы пахнуло свѣтомъ и воздухомъ, братской любовью и правдой, и тогда оживленному русскому народному чувству не страшны будутъ галиційскія шайки, ни козни польскихъ или ополячившихся русскихъ туземныхъ пановъ!»

Послѣ этого мы, никогда не сомнѣвавшіеся, что въ издателѣ «Дня» «живо русское чувство и силенъ стыдъ», понимаемъ, что ему нечего дѣлать, какъ бѣжать за подорожной и спасать безостановочно Волынь, будить туземное русское общество. Дай Богъ ему не встрѣтить ни бѣшеныхъ волковъ, ни катковскихъ корреспондентовъ; ни—что еще можетъ быть хуже—ни висѣлицъ, на которыхъ висятъ польскіе патріоты, задушенные офиціальными русскими убійцами. Это зрѣлище можетъ ему напомнить страшную фразу его статьи, въ которой онъ жалуется «на мертвенность общественнаго участія въ краю, на *фальшивый гуманизмъ*, превращающійся на практикѣ въ галантерейное, въ родѣ восхваляемаго лакеемъ Осипомъ въ «Ревизорѣ», обращеніе съ высшимъ польскимъ сословіемъ»!

2343. «Le Nord» и le tzar за Землю и Волю.

Мы никогда не сомнѣвались, что знамя, поднятое нами, и справедливо и народно. Но мы не ожидали въ такомъ скоромъ времени такихъ почетныхъ союзниковъ, какъ «Le Nord», «международный журналъ», и, слѣдственно, независимый отъ русскаго правительства, и какъ само русское правительство, независимое и ужъ, конечно, незакупленное «Nord'омъ». Но такова сила правды volentem ducitt, nolentem trahit [1]). Дѣло было вотъ какъ. Э. Мэзонъ, видя, что «международный журналъ» передалъ отрывки изъ его статьи о Польшѣ неудовлетворительно, просилъ международную редакцію помѣстить его письмо къ ней, что она и сдѣлала 13 февраля. Въ этомъ письмѣ Э. Мэзонъ сказалъ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, боязнь поляковъ признаться передъ Европой въ соціальныхъ тенденціяхъ возстанія много помѣшала революціи. «Я,—говоритъ онъ,—принимаю программу Герцена: *ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ*. Безъ нея нѣтъ спасенія» и проч.

«Международный журналъ» помѣстилъ черезъ день отвѣтъ русскаго патріота de Moller. Патріотическое сердце de Moller всего болѣе обидѣлось тѣмъ, что г. Мэзонъ не догадался, что русское правительство само проводитъ девизъ *Земля и Воля*, только *въ предѣлахъ права и порядка*. «Напрасно,—восклицаетъ de Moller,—г. Мэзонъ приписываетъ этотъ девизъ Герцену. Идея, начало, которое оно выражаетъ, создано *въ теоріи* народомъ, а на практикѣ примѣнено правительствомъ *въ предѣлахъ права и порядка*. (Тѣсненьки должны быть предѣлы и плоховаты порядки: земли не дано; развѣ, свободы... не правда ли, бездна?). Г. Герценъ только уронилъ этотъ девизъ въ общественномъ мнѣніи, не обращая вниманія на существенныя границы всякой реформы и придавая словамъ «*Земля и Воля*» смыслъ, который скорѣе идетъ словамъ «*грабежъ и безвластіе* (spoliation et anarchie)». Послѣднее къ дѣлу не идетъ и есть больше личное мнѣніе патріота де Моллера. Мы другихъ средствъ до сихъ поръ, какъ созваніе земскаго безсословнаго собора, не предлагали. [1] Съ первымъ же мы совершенно согласны: не мы выдумали, а народъ русскій подсказалъ намъ, что́ надобно ставить на хоругви. Наша заслуга только въ томъ, что при шумѣ барабановъ, Положеній, учрежденій, освобожденій, мертворожденій мы уловили ихъ. Но все это не имѣетъ важности: для насъ важно признаніе международнаго журнала, независимаго отъ русскаго правительства, но дружески къ нему расположеннаго, что русское правительство становится подъ хо-

[1]) Желающаго ведетъ, не желающаго тащитъ.

ругвь *Земля и Воля*, правда, въ «неопредѣленныхъ предѣлахъ права и порядка, но «Kaiser ist jung» [1])—еще выработается. [2]

◆◆ 1. Въ «письмѣ», помѣщенномъ въ № отъ 13 февраля Emile Maison доказываетъ, что возстаніе 63-го года, вызванное варшавскими событіями 1861—62 годовъ, а также январьскимъ рекрутскимъ наборомъ, не вылилось въ революцію. Причину неудачи онъ видитъ въ пассивномъ отношеніи къ дѣлу возстанія со стороны польскихъ крестьянъ, равнодушныхъ къ вопросу о независимости, который выставили на своемъ знамени повстанцы, и заинтересованныхъ только въ вопросѣ о землѣ и волѣ.

«Земля и Воля!» — вотъ программа Герцена — восклицаетъ Maison, и я къ ней присоединяюсь. Внѣ ея нѣтъ спасенія. Но уже поздно, крестьянинъ не поднялся. Итакъ, я объявляю во всеуслышаніе: безъ него, безъ его вооруженной помощи освобожденіе невозможно, сама Польша немыслима. Только его собственная вооруженная рука можетъ дать ему разомъ и волю, и землю, а безъ нихъ политическая независимость не имѣетъ для него никакой цѣны. Патріотизмъ новаго Костюшка не измѣнилъ бы положенія вещей; ему раньше всего необходимо было бы позаботиться объ участи крестьянина.

По поводу этого письма и затронутаго въ ней польскаго вопроса, въ №№ «Nord'a» отъ 14-го и 15 го февраля появилась громадная статья Moller'a «La question de Pologne et les traités de Vienne» (Польскій вопросъ и вѣнскіе договоры).

2. 4 апрѣля 1864 г. нижегородскій жандармъ донесъ шефу жандармовъ, что содержащійся на мѣстной гауптвахтѣ рядовой (бывш. студентъ моск. университета) Юлій Бензенгеръ, состоящій подъ судомъ при баталіонѣ внутрен. стражи за первый побѣгъ съ тракта слѣдованія на мѣсто службы, за покушеніе зарѣзать рядового Ческина и за грубости противъ карауднаго офицера' 1 апрѣля прислалъ къ командиру баталіона рукопись своего сочиненія, «выражающее его образъ мыслей самаго вреднаго возмутительнаго содержанія», которая и отправлена по военному начальству. Черезъ нѣсколько дней воен. министръ запросилъ III Отдѣленіе, не слѣдуетъ ли предать Бензенгера военному суду по полевымъ уголовнымъ законамъ. Шефъ жандармовъ согласился.

Прошлое Бензенгера устанавливается изъ бумаги начальника штаба отдѣльнаго корпуса внутрен. стражи. Въ январѣ 1861 г. онъ оставилъ университетъ по своему желанію, пройдя два курса; въ половинѣ ноября 1862 г., проживая въ СПБ., какъ отстав. канц. служитель, Бензенгеръ, происходившій изъ незаконнорожденныхъ

[1]) «Императоръ еще молодъ». Извѣстный анекдотъ о русскомъ генералѣ въ Дюссельдорфѣ [*]). *А. И. Г.*

[2]) Разсказанный Герценомъ въ VI части «Былого и думъ»; см. т. XIV, стр. 317.

дѣтей, былъ принятъ въ рекруты по найму взамѣнъ мѣщанина Половнева и зачисленъ въ нижегородскій бат. вн. стражи. 28 ноября онъ бѣжалъ и явился 2 декабря; въ іюнѣ 1863 г. въ отместку за обнаруженіе доставленія водки арестантамъ, Бензенгеръ отправился въ больницу, гдѣ лежалъ донесшій объ этомъ Ческинъ, и тамъ намѣревался ранить его перочиннымъ ножемъ, но былъ замѣченъ и остановленъ другимъ арестантомъ. 27 августа Бензенгеръ участвовалъ въ буйствѣ арестантовъ противъ караула, оскорбивъ бранью караульнаго начальника. 30 ноября 1863 г. воен. судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на 17 лѣтъ.

Свою статью «Голосъ изъ народа» Бензенгеръ представилъ при письмѣ на имя полков. Вакача: «Честь имѣю препрозодить вамъ мою статью, выражающую мой политическій образъ мыслей. Желалъ бы, чтобы кто слѣдуетъ прочелъ ее и оцѣнилъ справедливость моихъ убѣжденій. Надѣюсь, что вы обратите должное вниманіе на эту статью»...

Таковы офиціальныя данныя, которыя, конечно, вызываютъ вопросы: почему Бензенгеръ пошелъ въ солдаты по найму, и зачѣмъ онъ представилъ свою статью, зная, что очень усугубляетъ тяжесть своего положенія? Отвѣты есть. Г. П. Гоффштетеръ свидѣтельствуетъ, что, будучи членомъ общества «Земля и Воля», Бензенгеръ рѣшилъ пойти въ ряды арміи обыкновеннымъ солдатомъ и для внушенія къ себѣ большаго довѣрія въ глазахъ своихъ будущихъ товарищей пойти по найму, какъ бы ради нужды, что открывало ему истинное и полное сближеніе съ солдатами московскаго гарнизона. Сдѣлано это было не только съ вѣдома, но и съ одобренія его рѣшенія московскимъ комитетомъ. «Горячій Юлій не учелъ только одного, что не пришло во-время въ голову и его неопытнымъ товарищамъ — своего характера; послѣдній не далъ ему возможности спокойно переносить весь ужасъ тогдашней солдатчины; онъ страшно возмущался произволомъ фельдфебелей, который въ Москвѣ былъ особенно злостенъ, потому что офицерство весело проводило время, предоставляя роту фельдфебелю. Онъ не выдерживалъ страшнаго режима, протестовалъ, возмущая другихъ, и быстро попалъ «на замѣчаніе». Въ началѣ 1864 г. онъ добивался, чтобы московскій комитетъ напечаталъ составленную имъ прокламацію, доказывалъ, какъ важно поддержать малодушіе, явившееся слѣдствіемъ царской расправы со всѣми инако вѣрующими, но не имѣлъ успѣха. Получивъ въ это время (какъ сейчасъ помню, въ пятницу на второй недѣлѣ поста, 13 марта)—сообщеніе Центральнаго комитета о временномъ свертываніи общественнаго знамени и полномъ пріостановленіи всякой работы отъ лица цѣлаго общества или его округовъ, московскій комитетъ не могъ исполнить желанія Бензенгера. Тогда, видя себя осужденнымъ на продолжительную каторгу, онъ рѣшился на отчаянный и безумный шагъ: дать передѣланный текстъ прокламаціи своему

начальству. Я узналъ объ этомъ, когда было уже поздно—статья была представлена...»

Приведу полный и точный текстъ статьи, обративъ вниманіе читателя на бьющее мѣстами вліяніе сочиненій Герцена и «Колокола» вообще.

«Vivos Voco!

«Встаньте, братья-товарищи! Пробудитесь! На горизонтѣ Запада явилась заря нашей свободы! Наши братья-славяне подаютъ намъ руку и призываютъ насъ къ оружію! Пора, давно пора стряхнуть съ себя ледяную кору деспотизма! Тысячу лѣтъ тяготѣла наша бѣдная Россія подъ властью татарско-нѣмецкой тираніи. Наша исторія была не иное что, какъ кровавая и гнусная повѣсть варварства царей-глупцовъ, царей-злодѣевъ, придворныхъ интригъ, угнетенія жизни народной, удушенія цивилизаціи. Теперь, когда Крымская кампанія положила предѣлъ завоевательнымъ замысламъ царя-деспота, Европа начинаетъ жить новою жизнью. Великій соціальный вопросъ народности, наконецъ, выдвинутъ на первый планъ. Несмотря на всѣ отчаянныя усилія бюрократовъ, этотъ вѣчный врагъ, этотъ кошмаръ-Мефистофель ихъ сновъ, *свободная жизнь народа*, гордо поднимаетъ голову, встаетъ и, привѣтствуемый всѣми честными людьми, вступаетъ въ серьезную борьбу съ деспотами, антипрогрессистами. Польша служитъ тому живымъ доказательствомъ. Италія блистательно вступила на новый путь,—путь правильнаго и нормальнаго развитія народной жизни. Неужели наша богатая средствами Россія должна гибнуть подъ той мертвой жизнью, какою она теперь живетъ? Неужели должно оправдаться мнѣніе Европы, что мы не славяне, а монголо-германцы? что мы не способны на великіе перевороты, на благодѣтельную революцію? Да, братья, какъ ни тяжело русскому подобное признаніе, хотя сердце обливается кровью, а долгъ чести, уваженіе къ святому дѣлу воскрешенія отчизны требуетъ сказать откровенно, что при настоящемъ положеніи дѣлъ Россія не заслуживаетъ иного эпитета, какъ *монголо-германское царство тьмы, варварства, деспотизма и кривды!* Вызываю любого изъ бюрократовъ-деспотовъ опровергнуть слѣдующій очеркъ состоянія россійскаго дворянства:

«I. *Всероссійское дворянство.* Что такое наше дворянство? Мертвящій, гангренозный членъ народнаго тѣла. Гдѣ его заслуги отечеству? Чѣмъ оно оказало себя достойнымъ великаго и почетнаго назначенія первенствующаго сословія въ народѣ? Безпристрастная исторія доказываетъ, что народъ нашъ никогда и не думалъ довѣрять подобнаго назначенія дворянству. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что съ незапамятныхъ временъ еще великокняжеская дружина была ненавидима гражданами и сельскимъ людомъ. Борисъ Годуновъ опозорилъ свое царствованіе актомъ 1589 г. Изъ людей онъ сдѣлалъ *вещи*; дворянство получило похвальное право продавать, закладывать и насиловать своихъ людей. Петръ I, пре-

зирая дворянство такъ же, какъ онъ презиралъ весь свой народъ, приказалъ, подъ страхомъ смертной казни, конфискаціи и *дубинки*, дворянамъ и боярамъ служить пожизненно. Русскіе бояре, забывъ мѣстничество, начали стоять на часахъ у царскаго кабинета и съ раболѣпною улыбкою и поклонами принимали пинки и палочные удары собственною его пьянаго величества рукою, почитая себя на высшей степени счастія и почести, въ силу великолѣпной русской пословицы: «*кого люблю, того и бью*». Благодаря тому счастливому (конечно, только для этого благороднаго сословія) обстоятельству, что императрицы: Екатерина I, Анна Іоанновна, Анна Леопольдовна и Елизавета были любовницами русскихъ и германскихъ бояръ, дворянство въ эти 35 лѣтъ не было такъ притѣсняемо, какъ во времена Алексѣевича. Спрашивается: въ это время относительной свободы сдѣлало ли оно что-нибудь, хотя малѣйшій шагъ на пути къ прогрессу?.. О, конечно! Оно побывало за границею и за немалую долю родного золота выучилось болтать на какомъ-то доселѣ невѣдомомъ языкѣ въ Европѣ, такъ характеристически окрещенномъ Грибоѣдовымъ «смѣсью французскаго съ нижегородскимъ». Барыни замѣнили родную душегрѣйку и сарафанъ на роброны, напудривали волосы, число природныхъ веснушекъ умножали мушками à la Pompadour; любовники говорили своимъ возлюбленнымъ, вмѣсто «душенька», «идолъ де монъ амъ» [1]). Развѣ это не прогрессъ, умѣть приказать *по-французски* управителю французу выдрать кнутомъ лакея за холодный супъ, обстричь косу и высѣчь горничную дѣвку, отказавшую своему *царскимъ закономъ утвержденному* владѣтелю и повелителю въ удовлетвореніи его дикаго, звѣрскаго сладострастія?! Развѣ это не прогрессъ, вмѣсто зелена вина, матушки-сивухи и меда, упиваться шампанскимъ и рейнвейномъ и, вмѣсто набѣговъ на татаръ и чудь бѣлоглазую, дѣлать набѣги на цыганъ, жидовъ и травить собаками не медвѣдей и волковъ въ вѣковыхъ дубравахъ, а подобныхъ имъ звѣрей, т.-е. мелкопомѣстныхъ дворянъ и ихъ челядниковъ? Честь и слава тебѣ, великолѣпное дворянство! Подъ палкою монголо-германскихъ реформаторовъ ты сдѣлало такіе исполинскіе шаги въ цивилизаціи, что по истинѣ грѣшно и неделикатно было бы требовать отъ твоихъ слабыхъ высокоблагородныхъ способностей бо́льшихъ успѣховъ.

«Наступилъ 1760 годъ. Самодержица всероссійская, незаконнорожденная дочь Великаго Петра и кухарки лифляндскаго пастора Екатерины, Елизавета Петровна, пьяная, съ кубкомъ шампанскаго въ рукѣ, en déshabillé и въ объятіяхъ лейбъ-медика Лестока, съ послѣднимъ поцѣлуемъ милому любовнику испустила духъ и съ тріумфомъ переносилась демонами въ гаремъ Вельзевула въ то время, какъ православное духовенство пѣло въ бозѣ почившей императрицѣ «со святыми упокой», а вѣрноподданные

[1]) Idole de mon âme—идолъ души моей.

оплакивали раннюю кончину великой дщери Великаго Петра, царицы-благодѣтельницы... На русскій престолъ вступилъ Петръ III; и вотъ однажды подъ веселую руку отмѣнилъ онъ законъ Петра I о пожизненной службѣ дворянства. При Екатеринѣ II, сѣверной Семирамидѣ, дворяне получили всѣ тѣ права, которыми пользуются до сего времени. Но вопросъ состоитъ въ томъ, какимъ путемъ достигли они такой удачи?.. Съ оружіемъ въ рукахъ подобно средневѣковымъ баронамъ? Великими и важными услугами отчизнѣ и народу подобно англійскимъ лордамъ?.. Нѣтъ! къ несчастью, нѣтъ! Вѣдь, князь Орловъ, удушившій въ темницѣ Петра III, первый любовникъ сѣверной Мессалины, былъ *русскій дворянинъ*; вѣдь, русская императрица въ началѣ своего царствованія имѣла еще столько самолюбія и чувства царскаго достоинства, что избирала себѣ любовниковъ изъ среды русскихъ дворянъ (великаны - гренадеры явились уже впослѣдствіи); при такомъ положеніи дѣлъ понятно, что дворянство пользовалось милостями высочайшей любовницы князей и графовъ! Кстати, намъ говорятъ, что Екатерина сдѣлала много благодѣяній... Раздѣлъ Польши, отнятіе гражданскихъ правъ у Украйны, это—доказательства блистательныхъ успѣховъ цивилизаціи въ то время! Мы съ намѣреніемъ умалчиваемъ теперь о сумасшедшемъ Павлѣ, такъ дѣльно начавшемъ царствовать, и о свѣтлой блистательной эпохѣ Александра I, предоставляя себѣ впослѣдствіи воротиться къ нимъ. Приходимъ къ мрачной эпохѣ Николая I. Хотя этотъ тиранъ ненавистенъ намъ, и воспоминанія о его дѣйствіяхъ приводятъ насъ въ ужасъ, тѣмъ не менѣе мы отъ души благодаримъ его за одну мѣру: дозволеніе дворянамъ закладывать имѣнія въ государственный банкъ; это было косвенное освобожденіе крестьянъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ присовокупить, что подобный переходъ бѣдныхъ крестьянъ отъ угнетателя помѣщика къ грабителямъ чиновникамъ, не очень-то былъ пріятенъ. Остальныя же дѣйствія Николая: 1831 годъ, бунтъ аракчеевскихъ военныхъ поселеній, кончившійся казнью 2000 чел., бунтъ старообрядцевъ Оренбургской и Самарской губ., диктатура Перовскаго, Паскевича, Денисенка, дѣло Полежаева суть факты, о которыхъ безпристрастный историкъ будущей *свободной Россіи* скажетъ свое слово, и оправдать которые не возьмется ни одинъ деспотизмофилъ и бюрократъ изъ породы монголо-германцевъ. На 5 висѣлицахъ погибли лучшіе люди Россіи, мученики свободы: *шесть часовъ Россія была свободна*, варваръ-тиранъ удушилъ этого младенца еще въ пеленкахъ. Нѣтъ, кровавый и гнусный деспотъ! Тебѣ только показалось, что младенецъ умеръ; онъ живъ, онъ уже возмужалъ, и близко то время, когда онъ предстанетъ предъ твоимъ достойнымъ наслѣдникомъ, требуя свободы родинѣ или смерти деспота! И тогда на пепелищѣ Зимняго дворца возникнетъ храмъ Спасителю за освобожденіе отчизны отъ монголо-голштинцевъ, и первою молитвою въ этомъ храмѣ будетъ панихида за

мучениковъ свободы, жертвъ тираніи—и анаѳема деспотамъ! О, радостное время! о, родина! когда увижу я тебя свободною и счастливою!...

«Александръ II отнялъ у дворянъ крѣпостное право и, о, чудо! это случилось такимъ образомъ: отравившійся Николай лежитъ на смертномъ одрѣ; цѣпенѣющимъ ухомъ слышитъ онъ проклятіе бога равенства, бога-освободителя; онъ видитъ дьявола, со смѣхомъ предлагающаго русскому царю, православному царю бѣлому почетное мѣсто въ пеклѣ. И вотъ онъ трусъ, какъ всѣ тираны, призываетъ къ себѣ наслѣдника-сына и говоритъ слабымъ отъ внутренней досады и острой боли яда голосомъ: «Саша! сдѣлай доброе дѣло, освободи крестьянъ, сократи срокъ службы твоимъ солдатамъ; я не могъ (!) этого сдѣлать! Быть можетъ, этимъ освободишь ты меня и себя отъ проклятія бога и народа!» Нѣтъ, Николай! да не проститъ тебѣ богъ, какъ не проститъ тебѣ Россія! Зло, которое ты сдѣлалъ твоему народу, несчастной Польшѣ, Венгріи, слишкомъ важно, и милосердіе божіе имѣетъ свои границы, а твой деспотизмъ былъ безграниченъ и твои злодѣянія слишкомъ многочисленны и велики! Кровь и гибель всего твоего дома, всѣхъ твоихъ проверженцевъ будетъ слабою искупительною жертвою за столько тираніи, за столькихъ невинныхъ жертвъ любви къ родинѣ и свободѣ! Vive la mort!!! Съ какими чувствами дворяне отдавали крестьянъ? Въ странѣ самодержавія и деспотизма наигуманнѣйшія мѣры приводятся въ исполненіе помощью кнута и ссылки... Тверское дворянство думало показать примѣръ Россіи, составивъ планъ конституціи, безъ которой освобожденіе крестьянъ только возможно на бумагѣ; оно думало, что урокъ предыдущаго царствованія образумитъ гордаго и своенравнаго владыку; оно забыло, что, если котъ и играетъ съ пойманной мышкой и даетъ ей призрачную свободу, то, все-таки, душитъ ее въ своихъ когтяхъ и пожираетъ!.. Унковскій, Головачевъ, Безобразовъ, Европеусъ и другіе служатъ свидѣтелями моихъ доводовъ. Русское дворянство оказалось несостоятельнымъ,—прочь съ потомственными дворянами! Намъ нужны люди, а не живые мертвецы, не рабы тирана! Въ нашемъ дѣлѣ освобожденія отчизны, какъ вы ясно видите, братья мои, дворяне не нужны; дай богъ, чтобы десятая доля изъ нихъ принадлежала намъ! остальные пусть ждутъ себѣ заслуженной кары, пусть помнятъ 1793 годъ! Не поможетъ ли намъ *духовенство?*.. посмотримъ. Всѣмъ извѣстно, какъ они исполняютъ свое высокое предназначеніе! Нѣтъ, братья, отъ наслѣдниковъ византійскихъ идей, отъ послушныхъ служителей не всевышняго бога, а самодержца-деспота невозможно ожидать сочувствія нашему святому дѣлу. Деспотизмъ въ интересахъ русскаго духовенства: оно имъ держится; положеніе его совершенно тожественно положенію французскаго духовенства передъ революціей 93 года. Если и существуетъ сильное вліяніе русскаго духовенства на низ-

шій классъ нашего народа, то желательно, чтобы при настоящемъ положеніи дѣлъ это вліяніе уменьшалось бы и уничтожилось. Дуновеніе этого класса народа заразительно-убивающее, мертвящее; русскіе догматы (не религіозные, но духовные) основаны на мертвыхъ и узкихъ идеяхъ Библіи. Повторяю, русскіе священники не иное что, какъ полицейскіе чиновники монголо-германской централизаціи и тираніи. Вспомните, братья, что эти изверги темою своихъ проповѣдей избираютъ подобныя дилеммы: Рабы! повинуйтеся господамъ своимъ! Нѣсть власти, яко не отъ Бога. Они основываютъ идею самодержавія на св. писаніи, забывая, что учитель міра, богочеловѣкъ пострадалъ на крестѣ за свободу рода человѣческаго! Такъ велико раболѣпное ихъ ослѣпленіе!.. Въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ я встрѣчалъ предложенія отдать нашъ низшій классъ народа на воспитаніе лицамъ изъ духовенства! Боже милосердый! устрани еще этотъ новый ударъ нашему бѣдному отечеству. Взгляните, братья мои, на итальянское сельское населеніе, на австрійскихъ и испанскихъ крестьянъ: что изъ этихъ людей сдѣлало ихъ духовенство? То же самое угрожаетъ нашему народу! Нѣтъ, всѣми пожертвованіями, отъ васъ зависящими, должны вы противиться осуществленію этого плана; нашимъ селянинамъ угрожаетъ новая крѣпостная зависимость,—зависимость тѣмъ болѣе страшная и опасная для развитія народной жизни, что этотъ планъ, очевидно, истекаетъ изъ ненавистнаго всѣмъ намъ III Отдѣленія. Воспитывать народъ должны Бѣлинскіе, Герцены, Долгоруковы, Трубецкіе и вы, мои юные друзья! Да! вамъ предназначена честь приготовить нашъ народъ къ возстанію, къ сверженію съ себя ига монголо-голштинской династіи.

«Приступить къ этому дѣлу я полагаю слѣдующимъ образомъ:

1. Распространять въ народѣ общепонятные результаты европейской науки; но не въ той мѣрѣ, какой дозволитъ это царская цензура, а разумно свободно, какъ дѣлаютъ это въ настоящее время въ Англіи и С. Америкѣ, т.-е. распространять идею равенства и свободы и самоопредѣленія всѣхъ классовъ народа: доказать ему, что раздѣленіе на касты—противоестественное дѣло, что оно возможно только въ мертвомъ государствѣ деспотизма

2. Стараясь слить нашу армію съ народною страною, отторгнуть войско отъ царя, поселить въ немъ недовѣріе къ тиранамъ, назначеннымъ начальникамъ-нѣмцамъ; открыть этимъ бѣднымъ людямъ глаза; доказать имъ (и это такъ возможно!), что царь употребляетъ войско только для позорныхъ цѣлей: для угнетенія стремящагося къ освобожденію польскаго народа, для экзекуцій, для колотья штыками и битья прикладами цвѣта родной молодежи. Объяснить солдатамъ ихъ высокое назначеніе защищать честь родины, а не быть наемниками деспота-тирана Когда войско сольется съ народомъ, когда этотъ послѣдній не

будетъ бояться солдатчины, какъ огня, какъ чумы, остается, по моему мнѣнію, еще два приготовительныя дѣла:

3. Попытаться привлечь на нашу сторону духовенство и дворянство. Если же эти два сословія окажутся равнодушными къ народному дѣлу, если они откажутся служить отечеству, объявить имъ непримиримую вражду, объявить ихъ злѣйшими врагами народа и тогда принять всѣ мѣры, не останавливаться ни передъ какимъ средствомъ, хотя бы пролитіемъ ихъ подлой крови, для устраненія этого препятствія къ освобожденію народа и отчизны отъ ига. И, наконецъ,

4. Подать руку нашимъ братьямъ-славянамъ, соединиться съ храбрыми поляками и биться съ ними противъ тирановъ, какъ то уже дѣлаютъ многіе честные люди русскіе одинаковыхъ съ нами политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Если же къ тому времени (чего дай, Боже!) Польша сдѣлается независимой, просить ея содѣйствія, въ которомъ она, конечно, не откажетъ, какъ никогда не отказывалась служить великимъ требованіямъ рода славянскаго и святому дѣлу свободы. Покамѣстъ мы должны брать примѣръ съ нея. Состояніе Польши въ XIX ст. намъ ясно доказываетъ, что монголо-голштинская династія способна къ великимъ идеямъ только на бумагѣ. Поступки Николая въ Польшѣ хорошо извѣстны всѣмъ намъ. Нынѣшнее ея возстаніе было ускорено коварными дѣйствіями правительства московскаго. И теперь! что видимъ мы въ ней? По малѣйшему подозрѣнію, безъ всякой тѣни суда сотни людей вѣшаютъ и разстрѣливаютъ, не уважая ни пола, ни возраста, ни сана. Даже высокое, дикими народами уважаемое званіе служителя алтаря не защищаетъ отъ висѣлицы. Братья мои, подобное положеніе дѣлъ не можетъ и не должно быть терпимо; вслушайтесь въ то, что говоритъ о насъ просвѣщенная Европа: она называетъ насъ варварами, татарами... А кто тому виною? Не мы, не народъ нашъ, а управляющая имъ монголо-голштинская династія!! Итакъ, братья мои, долой тирана; долой его кліентовъ нѣмцевъ! Охъ, эти нѣмцы! Это наша язва, это чума нашего народа. Возьмите примѣромъ правленіе Бирона. Что такое нѣмецкая система воспитанія? Основнымъ ея принципомъ, краеугольнымъ камнемъ не есть ли убіеніе саморазвитія въ человѣкѣ? Что сдѣлали нѣмцы въ Галиціи съ бѣдными русинами?... До какой степени деморализировали они это бѣдное племя! Братья мои! Дамокловъ мечъ виситъ и надъ нами; долой нѣмцевъ, выгоните ихъ изъ Россіи и съ ними августѣйшихъ покровителей ихъ, но не въ изгнаніе: изъ изгнанія возвращаются; доказательствомъ—ошибка франц. народнаго комитета 93 года,— а туда, откуда нѣтъ возвращенія, ad inferos!! Правительство 1855 года, освободивъ крестьянъ на бумагѣ, указомъ 29 сентября 1862 года торжественно объявило, что Россія будетъ имѣть *полное судопроизводство, судъ присяжныхъ*. Признаюсь откровенно, братья мои, среди всеобщаго экстаза, среди неистовыхъ криковъ вос-

торга я остался равнодушенъ ко всему этому шуму и сохранилъ прежнія чувства и прежнее недовѣріе къ правительству, корчащему либерализмъ. Я хорошо помнилъ неаполитанскую конституцію 25 іюня 1860 г.; я зналъ, что правительство, предвидя грозящее ему возстаніе, этой комедіей думало обмануть образованную честь народонаселенія, надѣялось привлечь учащуюся молодежь на свою сторону... Къ счастью, эта новая уловка не удалась ему. Прошло два года послѣ этого указа, а у насъ все тѣ суды да палаты съ взяточниками судьями и дураками предсѣдателями. Попрежнему комиссіи военныхъ судовъ—собраніе глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ; презуса, не знающего іоты въ дѣлопроизводствѣ, и асессоровъ, присутствующихъ при чтеніи выписки и приговора и думающихъ *о десяти безъ козырей и милашкѣ Александринѣ*. Послѣ того, мнѣ кажется, лучше виновнаго и праваго, по произволу полупьянаго деспота-бюрократа, *бить батоги-нещадно*, какъ дѣлали во времена блаженной памяти царей московскихъ!.. Одинъ изъ органовъ монголо-голштинцевъ, осмѣливающійся называться *Сыномъ Отечества*, подлѣйшая петерб. газета (доказательствомъ ея подлости можетъ служить хотя бы и то обстоятельство, что ее читаютъ и ею восхищаются одни чиновники и православное духовенство), при изданіи указа 29 сентября въ «раболѣпіи самомъ пылкомъ», объявила, что этотъ актъ правительства зажимаетъ ротъ либеральной партіи. Дѣло въ томъ, что мы, зная хорошо *значеніе* и *назначеніе* этого указа, дѣйствительно, молчали, предоставивъ времени и фактамъ говорить за насъ. И вотъ наши мнѣнія оправдались: хитрая уловка правительства не удалась, возстаніе вспыхнуло, и тиранъ, видя себя осмѣяннымъ, съ небывалою яростью кинулся на народъ и сѣчетъ и рубитъ на всѣ стороны, не помня себя отъ остервенѣнія... Само правительство объявило, что все готово къ исполненію указа, а, между тѣмъ, онъ еще только существуетъ на бумагѣ, и его сторожатъ евнухи Зимняго дворца. Впрочемъ, примѣръ нынѣшней Франціи показываетъ намъ, что такое гласное судопроизводство и судъ присяжныхъ при деспотическомъ правительствѣ... Тамъ, гдѣ кстати и некстати, хотя бы для потѣхи, деспотъ можетъ объявить край на военномъ положеніи и посылаетъ туда Муравьевыхъ, Берговъ и К°, съ неограниченною властью *казнить* и *миловать*, тамъ, кажется, невозможно гласное, свободное судопроизводство... Итакъ, изъ моихъ словъ, кажется, ясно, что указъ 29 сентября не былъ искреннею мѣрою правительства, нисколько не доказываетъ его желанія итти путемъ болѣе либеральнымъ; вспомнимъ только, что ему предшествовали: 12-ое октября 61-го въ Москвѣ и Петербургѣ, 16-ое февраля того же года въ Варшавѣ, гдѣ солдаты тирана кололи штыками молящихся поляковъ, ссылка Михайлова, Павлова, поруч. Григорьева et caetera, et caetera, et caetera!..

«Одною изъ послѣднихъ мѣръ монголо-голштинскаго правительства былъ указъ 17 апрѣля 1863 г.,—указъ въ первоначаль-

номъ видѣ прекрасный и либеральный, но, все-таки, подгаженный *героями розги и палки;* параграфъ 3-й этого указа объявляетъ, что «вмѣсто наказанія шпицтрутенами назначается въ извѣстныхъ случаяхъ нижнимъ чинамъ наказаніе розгами *въ мѣрѣ, не превышающей 200 ударовъ*». Прекрасно! Слова нѣтъ, боль розогъ не такъ чувствительна, какъ отъ палокъ; но, мнѣ кажется, что, вѣдь, бить, все-таки, значитъ бить; не все ли равно въ основаніи, что орудіями тѣлеснаго наказанія будутъ: батоги или кнуты, *высочайшая дубинка* или трехвостка, кошка или линекъ, шпицрутены или розги?... Это не измѣняетъ систему тѣлеснаго наказанія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, *болѣе гуманныхъ, по-дворянски*, т.-е. съ мокрой простынею на спинѣ... Интересная психологическая задача, братья мои, прогрессъ цивилизаціи у монголо-голштинцевъ! Не правда ли?

«Грустно, товарищи, грустно видѣть, что милая, богатая родина гибнетъ подъ ненавистнымъ игомъ тирана и его кліентовъ-бюрократовъ. Сколько крови пролито за свободу и до сихъ поръ мы еще не наслаждаемся ею: Неронъ еще живъ!... Чья благословенная рука прекратитъ его гнусное существованіе и станетъ во главѣ мучениковъ за отчизну? Кого-то послѣдующій историкъ назоветъ вторымъ Паленомъ! О! если ты уже родился, освободитель отчизны, если ты готовъ, то не медли ударомъ; но пусть твой ударъ будетъ мѣткъ; не опасайся того, что раболѣпная толпа провозгласитъ тебя святотатцемъ и цареубійцею—отечество не забудетъ твоей услуги и благодаритъ тебя!... Вѣдь, только одни деспоты неблагодарны и награждаютъ за услуги Сибирью и висѣлицею... Но, между тѣмъ, для собственнаго блага начинаемаго дѣла не слѣдуетъ увлекаться обманчивыми надеждами, безъ крайней необходимости не слѣдуетъ спѣшить. Съ другой стороны, невозможно надѣяться на уступки со стороны правительства; опытъ всѣхъ революцій Европы доказываетъ, что подобныя надежды со стороны партіи возстанія по большей части были гибельными для этой послѣдней тѣмъ, что обнаруживали преждевременно правительству ея планы и проекты и давали тѣмъ нить къ открытію заговоровъ, могшихъ кончиться благодѣтельно для народа. Нынѣшнее правительство Россіи тѣмъ опаснѣе, что оно само надѣваетъ на себя маску либерализма и притворными и коварными обѣщаніями старается привлечь на свою сторону народъ. Дѣло оппозиціи открыть народу глаза, доказать ему, что, идя этимъ путемъ, онъ погибнетъ. Конечно, исполненіе этого святого дѣла представляетъ много затрудненій, много препятствій, на первый взглядъ даже непреодолимыхъ. Всѣмъ извѣстна старинная, почти закоренѣлая въ народѣ привязанность къ царю,—привязанность, привитая нашему народу византійскимъ духовенствомъ и интригами нѣмцевъ-реформаторовъ. Эта слѣпая, безсмысленная привязанность жила и существовала невѣжествомъ народа; теперь, когда либеральной партіи удалось исторгнуть у правительства доступъ

въ высшія учебныя заведенія всѣхъ классовъ народа, можно сильно надѣяться, что цивилизація сломаетъ это звено цѣпи, наложенной на низшій классъ монголо-германскимъ деспотизмомъ. Къ счастью нашему, духовенство еще не успѣло, несмотря на всѣ интриги, пустить такихъ глубокихъ корней; многочисленная партія старообрядцевъ нейтрализовала вліяніе духовенства на народъ; неоднократныя преслѣдованія, гоненія, которыя воздвигало оно обще съ правительствомъ на эту партію, вольница старообрядческая, примѣры неоднократные мучительной смерти старцевъ-пустынниковъ отъ рукъ агентовъ правительства, — все это отталкивало народъ отъ духовенства и вынуждало его, хотя невольно, хотя невѣдомо для себя самого, принимать роль нѣмой оппозиціи, ясно выразившейся въ томъ презрѣніи, которое питаетъ селянинъ къ своему священнику, который нехотя дѣлаетъ все зависящее отъ себя, чтобы усилить это презрѣніе своимъ недостойнымъ высокого назначенія развратнымъ поведеніемъ и такъ охотно принимаемою должностью наемнаго шпіона монголо-голштинской династіи. Пусть нашъ народъ удерживаетъ вѣру праотцевъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ о томъ заботится духовенство: вѣра нашихъ предковъ была чиста и достойна своего божественнаго Основателя, она не проповѣдывала деспотизмъ, она проклинала тирановъ, она не приказывала воздвигать гоненій на заблудшую часть народа; она не разрѣшала служителямъ алтаря *торговать браком*ъ (страшно сказать), даже св. тайнами тѣла и крови Христовой; развѣ мы не видали примѣровъ тому, что бѣднякъ умираетъ безъ религіозныхъ пособій, потому что не имѣетъ средствъ послать телѣгу за священникомъ? кто изъ насъ не знаетъ того, что на крестинахъ священники напиваются пьяными и надъ свѣже-засыпанною могилою христіанина торгуются съ плачущими родственниками? кто не знаетъ того, что эти служителя бога цѣломудрія, переодѣтые посѣщаютъ публичные дома, что архіереи и митрополиты (исключая митр. Филарета, который всегда былъ истиннымъ пастыремъ и другомъ народа, чему доказательствомъ можетъ служить та ненависть, которую питалъ къ этому маститому старцу Николай I) имѣютъ цѣлые гаремы одалисокъ, которымъ на литургіи, въ знакъ благословенія, высылаютъ часть просфоры? Если бы у насъ было поболѣе Гермогеновъ, Августиновъ, Филаретовъ, Яворскихъ,—о, тогда пусть эти люди воспитываютъ народъ! они были бы въ состояніи проповѣдывать народу свободу, равенство и любовь, какъ того требуетъ истинное ученіе Богочеловѣка, мученика свободы!...

«Повторяю, трудно будетъ приготовить народъ къ возстанію, однакоже, не невозможно; здравый его смыслъ много намъ поможетъ; единство, согласіе, любовь до самопожертвованія къ занимающему насъ дѣлу и искренняя ненависть къ тирану и его челядникамъ,—вотъ вѣрная порука успѣха. Я съ намѣреніемъ, братья мои, умалчиваю о будущемъ образѣ правленія въ свободной возродившейся Россіи. Подумать объ этомъ и порѣшить это дѣло

будетъ время тогда, когда монголо-голштинская династія прекратитъ свое существованіе, ея военный и бюрократическій деспотизмъ рушатся. Революція 14 декабря 1825 г. отчасти погибла именно оттого, что драгоцѣнное время употребляли ея предводители на пренія о предполагаемомъ образѣ правленія. Примѣръ Польши и Италіи не долженъ быть презрѣнъ и оставленъ; вспомните, что Маццини, ультра-республиканецъ, подалъ руку конституціоналисту Кавуру. Вспомнивъ, что въ настоящее время всѣ партіи Польши соединились дружно для сверженія ига московскаго, что тамъ нерѣдко люди противоположныхъ политическихъ убѣжденій держатся рядомъ за свободу! Такъ должны и мы поступать, братья; единодушіе и ненависть къ тирану, угнетателю отчизны должны соединять насъ неразрывными узами! Нашъ лозунгъ долженъ быть: да здравствуетъ Свобода! смерть тирану!

«Братья мои! примите эти изъ глубины души вырвавшіяся строки, подумайте надъ ними; пусть каждый изъ васъ готовится жертвовать имѣніями, способностями, жизнью для блага отчизны, и тогда кто будетъ живъ,—о! какъ радостно забьется его сердце, съ какимъ восторгомъ будетъ онъ привѣтствовать возродившуюся родину; народы Запада будутъ намъ рукоплескать, а деспотъ, грызя свои цѣпи, будетъ просить помилованія, будетъ умолять о дарованіи ему его подлой жизни, — братья мои, не уступайте тогда первому порыву благороднаго сердца, которое предпишетъ сожалѣніе; вооружитесь еще на нѣсколько мгновеній ненавистью— и пролейте кровь тирана! Помните, что Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ, Каховскій, Трубецкой, декабристы и многія тысячи жертвъ требуютъ мщенія, требуютъ крови! Истребите весь родъ деспотовъ—и тогда, братья мои, да здравствуетъ Свобода!» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1864 г., дѣло № 106).

Въ VII кн. «Былого» 1906 г. помѣщена маленькая замѣтка о дѣлѣ Бензенгера, исходъ котораго указанъ тамъ точно.

2344. Умиротвореніе Литвы, успокоеніе Польши...

«Мятежъ подавленъ, шайки больше не существуютъ... порядокъ возстановляется, Литва умиротворена и счастлива, послѣдніе слѣды безпорядковъ исчезли»... Такъ нѣсколько мѣсяцевъ начинаются новости о Польшѣ въ русскихъ газетахъ. Затѣмъ— разсказъ казней и битвъ. Къ чему эта тупая афишечная реклама?

Она намъ напоминаетъ одного стараго пріятеля и должника [1]). Когда люди осторожнаго прогресса и осмотрительнаго либерализма стали насъ оставлять, оставилъ и онъ насъ; но, болѣе постоянный въ своихъ симпатіяхъ, онъ оставилъ одного изъ насъ, именно меня, только вполовину, т.-е. пересталъ быть пріятелемъ и остался должникомъ. Этотъ вѣрный должникъ въ прежніе годы

[1]) Н. А. Мельгуновъ.

писалъ ко мнѣ довольно часто письма, составлявшія удивительныя варіаціи на очень простой мотивъ: «дѣла мои идутъ прекрасно, и поэтому я скоро заплачу тебѣ долгъ». Нѣсколько изъ нихъ я сохранилъ и думаю со временемъ издать въ погашеніе $^{1}/_{10,000}$ должной мнѣ суммы и въ руководство нуждающихся въ такихъ посланіяхъ.

1 мая. «Дѣла мои идутъ очень хорошо, Агаѳоклія Карловна [1]) ѣдетъ на воды, и я ее черезъ недѣлю увижу; какъ покончу съ ней дѣло, такъ и вышлю деньги, которыя взялъ у тебя наперехватъ; жди, пожалуйста, до 23 мая... нѣтъ, чтобъ и этотъ разъ не ошибиться—до 27-го».

28 мая. «Насчетъ денегъ ты не безпокойся. Дѣла приняли окончательно прекрасный оборотъ, но Агаѳоклія Карловна съ собой ничего не взяла. Почта ходитъ очень долго. Она писала вчера, дѣлать нечего,—отвѣтъ будетъ между 15 іюня и 20, стало, 22 деньги у тебя».

22 іюня, вмѣсто денегъ, у меня въ передней мальчикъ съ пуговками, въ какомъ-то конно-егерскомъ мундирѣ,—факторъ изъ Submarine telegraphical south-western Gracechurch street Company—4 sh. 6 d. [2]).—Кто умеръ? Кто родился? Срываю печать. «Ждать—20 на отвѣтъ—Москва—писать—десять дней. Дѣла. Хорошо».

Самое пикантное этой переписки состояло въ томъ, что соотчичъ, бравшій деньги наперехватъ, писалъ эти вещи съ святой добросовѣстностью: онъ вѣрилъ такъ, какъ вѣрятъ въ чудеса или медицину, что дѣла его поправляются, вѣрилъ въ Агаѳоклію Карловну, досадовалъ и при каждомъ возобновленномъ лучѣ надежды брался за перо и извѣщалъ меня «о счастливой перемѣнѣ въ дѣлахъ». Я просилъ его только одного, какъ уступку,—не телеграфировать никогда, потому что, въ сущности, мнѣ было все равно четырьмя днями позже узнать, что дѣла моего пріятеля поправляются, и что денегъ онъ мнѣ, все же, не пришлетъ.

Но правительственныя рекламы не имѣютъ за себя и этой наивности; они вовсе не вѣрятъ въ свою Агофоклею Карловну и знаютъ очень хорошо, публикуя въ недѣлю три раза, что «послѣднія шайки повстанцевъ побиты наголову», что онѣ не послѣднія и не побиты. Бездарное и разслабленное правительство не можетъ справиться съ изумительной энергіей возстанія и не догадывается, что, печатая мѣсяцы балаганныя афиши, въ родѣ лондонской Альгамбры или Креморна [3]) о «пораженіи мятежа и уми-

[1]) Жена Мельгунова—Софья Карловна.

[2]) Подводно-телеграфная юго-западная компанія, ул. Gracechurch,—4 шилл. 6 пенсовъ.

[3]) «Двадцать третье, послѣднее, представленіе великаго Леотара—Royal Alhambra [0])—10 часовъ вечера—толпа непроходимая! Просимъ замѣтить: послѣднее изъ *второй* серіи *трехъ*, никакъ не болѣе, самыхъ послѣднихъ представленій». *А. И. Г.*

[0]) Alhambra Teatre и Cremorn gards—увеселительныя мѣста въ Лондонѣ.

ротвореніи края» оно лишаетъ себя, рядомъ съ финансовымъ *окончательно погубленнымъ* кредитомъ, всякаго кредита нравственнаго.

2345. «Европеецъ».

Подъ этимъ названіемъ вышелъ въ Дрезденѣ 1 № новой еженедѣльной русской газеты. Редакторомъ ея—Л. Блюммеръ. «Ярый патріотизмъ, дошедшій до полнѣйшаго безобразія», какъ говоритъ корреспондентъ новаго журнала, набилъ до того оскомину, что русскій органъ хочетъ называться «Европейцемъ». Характеръ журнала еще не очень опредѣленъ. Эпиграфъ его: «*добро черезъ правду!*» больше добрый, чѣмъ рѣзкій. По одному листу судить о томъ, что «Европеецъ» считаетъ за *добро* и что за *правду*, мы не беремся.

Насъ «Европеецъ» вотъ какъ отпѣваетъ въ петербургской корреспонденціи [1]). «Вообще Герценъ потерялъ все свое вліяніе. Статьи его почти подрядъ . . . . (что значатъ эти точки въ двухъ-трехъ мѣстахъ «Европейца», мы не знаемъ; можетъ *добро* черезъ *правду* скорѣе проходитъ, чѣмъ *правда* черезъ саксонскую бдительность ?) онѣ идутъ слишкомъ въ разрѣзъ съ общественнымъ настроеніемъ, чтобы производить что-либо, кромѣ раздраженія. Ярые патріоты предаютъ его проклятію, умѣренные . . . . . (опять точки!), а прогрессисты вздыхаютъ и сожалѣютъ, что онъ дѣйствуетъ такъ *безтактно*, не умѣетъ заговорить такимъ тономъ, который нашелъ бы путь къ совѣсти большинства» и проч.

Въ томъ же журналѣ говорится: «Слово *измѣнникъ* у насъ въ модѣ для всякаго человѣка, кто не бредитъ висѣлицами для поляковъ и Катковымъ *(ужъ это не новое ли какое орудіе пытокъ?)*. Такъ, напр., в. к. Константина всѣ величаютъ измѣнникомъ, а г. Катковъ иносказательно величаетъ его такъ и печатно... Но, что всего грустнѣе, такъ это, что *большинство* находитъ все это прекраснымъ. Противъ поляковъ раздраженіе страшное во всѣхъ классахъ общества. Нельзя сказать слова въ ихъ защиту» и проч.

Мы очень хорошо знаемъ, что такое *тактъ* и до какой степени онъ важенъ. Но мы вовсе не хотѣли остаться dans les bonnes grâces [2]) этого стада рабовъ, «при которыхъ нельзя сказать слово въ защиту Польши», а можно вѣшать раненыхъ, военно-плѣнныхъ, и «которые бредятъ висѣлицами и Катковымъ». Есть обстоятельства, въ которыхъ *тактъ* равняется измѣнѣ, въ которыхъ компромиссы безнравственны. Мы простояли тридцать лѣтъ подъ однимъ знаменемъ; формулы его мѣнялись, основы—

[1]) «Изъ Петербурга», безъ подписи.
[2]) Въ милости.

никогда, и лучше замолчимъ, чѣмъ, кривя душой, доискиваться заднимъ обходомъ до совѣсти степныхъ и городскихъ Калибановъ [1]), жующихъ пироги въ честь Муравьева.

У кого совѣсть есть, тотъ могъ понять сквозь наши слова негодованія нашу боль и нашу любовь... 1863 годъ проѣхалъ тяжелой колесницей по груди... духъ бодръ, вѣра цѣла, но цѣла и злоба и ненависть. Хорошо тому, кто сохранилъ столько мудрости и независимости, что можетъ, видя срамъ и запустѣнье родины, отрясти прахъ съ ногъ своихъ и быть «Европейцемъ». Мы не хотимъ быть европейцами, для насъ поздно—мы не можемъ не быть русскими и только русскими.

2346. Рожновскія политическія понятія.

Во «Всеобщемъ Дневникѣ» читаемъ слѣдующее: «Въ отвѣтъ на баснословные слухи, распущенные польскою агитаціонною прессою и подхваченные нѣкоторыми нѣмецкими газетами, считаемъ нужнымъ сообщить нашимъ читателямъ, что вступленіе вновь назначеннаго варшавскаго гражданскаго губернатора ген. Рожнова [2]) въ должность происходило 3 февраля въ зданіи здѣшняго губернскаго правленія въ присутствіи членовъ и всѣхъ чиновниковъ правленія. При этомъ ген. Рожновъ, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Начиная новый родъ службы, въ которой я долженъ руководить вашими занятіями, господа, я считаю моею обязанностью познакомить васъ съ моими политическими понятіями. А потому предупреждаю васъ, что всѣ тѣ, которые съ полною вѣрою въ отношеніи къ престолу и монарху и со всевозможной точностью будутъ исполнять свои служебныя обязанности, найдутъ во мнѣ всегда добраго и цѣнящаго заслуги начальника. Тѣ же, кои, не помня святость вѣрноподданнической присяги, захотятъ поступать противнымъ путемъ, не останутся моими сотрудниками». Рѣчь эта, кажется, не требуетъ никакихъ комментаріевъ».

Краснорѣчивъ генералъ Рожновъ! И какія оригинальныя политическія понятія у генерала Рожнова!

Къ маленькимъ гадостямъ непріятельскаго правительства въ Польшѣ принадлежатъ вуали, которыми оно прикрываетъ свои дрянныя поступки. Оно учредило, напримѣръ, *грабежъ* подъ названіемъ штрафовъ за политическія преступленія и такъ повѣствуетъ о своихъ подвигахъ въ 38 № «Сѣв. Пч.»: «Въ послѣднее время варшавскія начальства ввели въ употребленіе *чувствительные* денежные штрафы со всѣхъ лицъ, у которыхъ открыты вещи, заставляющія предполагать, что они находятся въ связи съ народовою организаціею. Такъ, съ одной домовладѣлицы, у которой найдены были различные враждебные правительству документы и стихо-

[1]) Фантастическое существо, выведенное Шекспиромъ въ драмѣ «Буря».
[2]) Евгеній Петровичъ.

творенія, предполагалось взыскать *2000 рублей*. Графъ Бергъ *нашелъ впослѣдствіи* возможнымъ уменьшить этотъ штрафъ вполовину».

Въ имѣніи г-жи В. Скарженской въ Пултускомъ уѣздѣ учрежденъ лазаретъ, въ которомъ равно подавалась помощь раненымъ русскимъ и полякамъ. Это не понравилось. Послали сдѣлать обыскъ, нашли въ домѣ г-жи Скарженской какую-то запрещенную газету и велѣли ограбить у нея въ пользу казны *2000 рублей*. У нея денегъ не было; тогда учтивый кавалеръ Бергъ пошелъ на сдѣлку: предложилъ несчастной женщинѣ позоръ своего бала. Почему же въ «Сѣв. Пч.» не сказана причина уменьшенія штрафа?

2347. Наши патриціи.

«Куда ты лѣзешь?»—говоритъ лакей въ обтертой шинели крестьянину.—«Вѣдь, мужикъ сиволапый, какъ есть, а туда же лѣзешь въ переднюю!» «Армяковъ сюда не пускаютъ,—кричитъ будочникъ, поднимая грязный кулакъ,—тутъ ходятъ одни *благородные*!» А благородные вотъ что говорятъ: Платоновъ [1]) (повѣствуетъ «Le Nord»), царскосельскій дворянскій предводитель, предложилъ въ члены агрономическаго общества крестьянина, извѣстнаго своими знаніями по части сельскаго хозяйства. Общество пришло въ негодованіе отъ такой дерзости; оно оскорбилось мыслью, *что мужикъ осмѣлится сѣсть за одинъ столъ* съ ними да еще, пожалуй, будетъ играть, какъ, они, въ лото!

2348. Австрія на колѣняхъ.

Въ Галиціи объявлено осадное положеніе; меньше отъ Австріи нельзя было ожидать. Лучше поздно удивлять благодарностью, чѣмъ рано дивить (по словамъ Шварценберга) неблагодарностью.

«День» еще недавно напомнилъ намъ въ некрологѣ Гильфердинга слѣдующую трогательную сцену изъ историческаго романа. «Гильфердингъ, въ качествѣ управляющаго дипломатической канцеляріей намѣстника Царства Польскаго въ Варшавѣ, сопровождалъ Паскевича въ Венгерской кампаніи 1849 года и, между прочимъ, былъ *личнымъ* (если не единственнымъ) свидѣтелемъ знаменитой сцены, когда посланный отъ австрійскаго императора графъ Кабога сталъ передъ нашимъ фельдмаршаломъ на колѣни и сказалъ: «mon souverain me charge d'implorer à genoux votre secours» (мой государь поручилъ мнѣ на колѣнахъ молить васъ о помощи), т.-е. о томъ, чтобы Паскевичъ скорѣе двинулъ войска въ Венгрію...

[1]) Александръ Платоновичъ, незаконный сынъ гр. П. Н. Зубова.

2349. Объясненіе.

Издатели «Колокола» получили отъ 14 февр. письмо изъ Г., снова спрашивающее, получены ли *сорокъ* фун., посланные въ декабрѣ п. г. къ лондонскимъ банкирамъ F. Huth and C° и назначенные въ общій фондъ. Деньги эти тогда же *были нами получены черезъ г. С. Тхоржевскаго* и показаны въ полученіи въ 175 л. «Колокола». Мы имѣемъ причины, которыя всякій пойметъ, не означать подробно, *откуда* присланы деньги; на этотъ разъ мы забыли поставить** при суммѣ 40 фун. Г. Тхоржевскій получилъ объ этомъ запросъ безъ *подписи* и *адреса* и передалъ его намъ. 1 февр., въ 178 л. «Кол.» мы напечатали: «Мы забыли напечатать въ 175 л. «Кол.», говоря о присланныхъ въ общій фондъ изъ Германіи 1,000 фр. или 40 фунт., что они присланы 1 декабря черезъ г. Тхоржевскаго отъ **». Чего же больше желаетъ господинъ, пославшій 40 фунт.? Расписки мы даемъ всегда, но для этого слѣдуетъ знать *имя* и *адресъ*.

2350. Письмо къ И. С. Тургеневу. [1]

10 марта 1864.
Elmfield House, Teddington, S. W.

Я тоже долго думалъ, отвѣчать мнѣ или нѣтъ на твое письмо, и отвѣчаю больше изъ піэтета къ прошедшему, чѣмъ изъ желанія сблизиться въ настоящемъ. Къ тому же личное объясненіе устраняетъ много недоразумѣній.

Въ твой послѣдній пріѣздъ я видѣлъ, что мы разошлись (хотя въ самомъ дѣлѣ особенной близости между нами никогда не было); я отнесъ это долею къ раздраженію, имѣвшему источникомъ неудачный романъ [1]), и остался въ прежнихъ отношеніяхъ. Ты прекратилъ переписку, — чтобъ это было изъ патріотизма, я не вѣрю, потому, что у тебя никогда не было неистовыхъ политическихъ страстей. Испуганный вызовомъ въ Россію, ты вдругъ прислалъ мнѣ съ Lindau записку, въ ней по секрету сообщилъ новость, напечатанную въ «Nord'ѣ», и просилъ моего совѣта; я отвѣчалъ тебѣ. Затѣмъ пріѣхалъ въ Лондонъ шпіонъ Хотинскій; я его уличилъ и написалъ, въ предупрежденіе парижскихъ друзей, къ тебѣ письмо. Письма этого я себѣ не прощаю, я его написалъ дружески, шутя, это была ошибка. Ты не отвѣчалъ. Зная твой постоянный нравъ по твоей прочной дружбѣ съ Миллеромъ-Стрюбингомъ и твое снисхожденіе къ пріятелямъ по твоей бли-

[1]) «Отцы и дѣти».

зости съ такимъ шулеромъ и воромъ, какъ Некрасовъ, я не могъ не удивиться неделикатному молчанію и отнесъ его къ чувству страха.

Вскорѣ твое имя явилось въ числѣ подписчиковъ на раненыхъ [1]). Не только дать два золотыхъ, но двѣсти—не грѣхъ, но дать *свое имя* на демонстрацію въ то время, когда ясно обозначился періодъ Каткова и Муравьева,—не изъ самыхъ цивическихъ поступковъ, особенно, когда онъ идетъ отъ человѣка, который никогда (кромѣ двухъ недѣль на Isle of Wight) не мѣшался въ политику. Я понимаю, что поврежденный Аксаковъ наивно затесался въ кровавую грязь по горло—у него это послѣдовательно—ну, а ты съ чего спрыгнулъ въ ту же канаву?

Что же тутъ удивительнаго, что я послѣ этого повѣрилъ, что ты письменно отрекаешься отъ прежнихъ связей—и это тѣмъ больше, что ты это сдѣлалъ на самомъ фактѣ. Мнѣ говорили, что человѣкъ, которому ты показывалъ это письмо, обратилъ твое вниманіе на эту фразу. Даю тебѣ честное слово, что я такъ слышалъ,—не могу же я называть именъ.

Мы испытываемъ отливъ людей съ 1863 такъ, какъ испытали его приливъ отъ 1856 до 1862. Какой-нибудь одряхлѣвшій мастурбаторъ искусства, науки, политики, который смотритъ на міръ, какъ старики на похабныя картинки, словомъ, какой-нибудь Боткинъ, ругавшій при Николаѣ русскую типографію и сдѣлавшійся моимъ почитателемъ во время успѣха, ругаетъ насъ снова изъ патріотизма,—только смѣшонъ, особенно, когда вспомнишь, какъ онъ со слезами на глазенкахъ восторгался, когда я принималъ въ Парижѣ польскую депутацію.

Придетъ время, не «отцы», такъ «дѣти» оцѣнятъ и тѣхъ трезвыхъ и тѣхъ честныхъ русскихъ, которые одни протестовали и будутъ протестовать противъ гнуснаго умиротворенія. Наше дѣло, можетъ, кончено, но память того, что не вся Россія стояла въ разношерстномъ стадѣ Каткова, останется. И твоя совѣсть тебѣ это скажетъ, и размяклый мозгъ Боткина еще осилитъ понять. Мы спасли честь имени русскаго и за это пострадали отъ рабскаго большинства.

Желаю отъ души, чтобы ты сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ,—независимымъ писателемъ, и вовсе не тенденціознымъ, а просто писателемъ.

Я не знаю, чѣмъ Бакунинъ заслужилъ твою брань. Недостатки я его зналъ, и у насъ не безъ нихъ, что же за преступленіе за нимъ, я не знаю.

Затѣмъ, будь здоровъ и ты.

А. Герценъ. [2].

[1]) Раненыхъ русскихъ во время польскаго возстанія.

◆◆ 1. Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: «Я долгое время колебался, вернувшись изъ Россіи, писать ли тебѣ по поводу замѣтки въ «Колоколѣ» о «сѣдой Магдалинѣ изъ мужчинъ, у которой отъ раскаянія выпали зубы и волосы», и т. д. Признаюсь, эта замѣтка, явно относившаяся ко мнѣ, огорчила меня. Что Бакунинъ, занявшій у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе—(другихъ онъ погубилъ вовсе) — что Бакунинъ, говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы,—это въ порядкѣ вещей, и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожидалъ. Но я не полагалъ, что ты точно также пустишь грязью въ человѣка, котораго зналъ чуть не двадцать лѣтъ, потому только, что онъ разошелся съ тобою въ убѣжденіяхъ. Не далеко же ты отсталъ отъ покойнаго Николая Павловича, который также осудилъ меня, не спросивъ даже у меня, точно ли я виноватъ? Если-бъ я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, вѣроятно, убѣдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости вспоминаю я эти отвѣты, которые, несмотря на тонъ, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моимъ судьямъ.

«Государь, который не зналъ меня вовсе, все-таки, понялъ, что имѣетъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ, и за это моя благодарность къ нему еще увеличилась; а старинные друзья, которые, кажется, могли хорошо меня знать, не усомнились приписать мнѣ подлость и разгласить это печатно. Если-бъ я имѣлъ дѣло съ прежнимъ Герценомъ, я бы не сталъ тебя просить не употреблять моего довѣрія во зло и тотчасъ же уничтожить это письмо, но ты самъ спуталъ мои понятія о тебѣ, и я прошу тебя не надѣлать мнѣ новыхъ непріятностей: довольно и старыхъ. Впрочемъ, самое это письмо доказываетъ, что мои чувства къ тебѣ не совсѣмъ исчезли: Бакунина я бы не удостоилъ полусловомъ.

«Будь здоровъ».

За точность передачи текста письма я не могу ручаться; уже дата его $\left(\frac{2\text{ апрѣля}}{21\text{ марта}}\right)$ показываетъ, что Драгомановъ и здѣсь былъ неточенъ. Имъ же напечатанъ черновикъ отвѣта Герцена, такъ какъ окончательный текстъ не былъ тогда найденъ. Приложеннаго Тургеневымъ текста его письма къ государю не даю, потому что онъ напечатанъ мною въ книгѣ «Очерки освободительнаго движенія» etc.,—подлинника къ сожалѣнію, въ сенатскомъ дѣлѣ не сохранилось. Разумѣется, сказанное имъ о своихъ показаніяхъ—неправда.

Въ воспоминаніяхъ Н. А. Островской сообщается о порученіи, данномъ Тургеневымъ М. Авдѣеву относительно разговора

съ Герценомъ («Тургеневскій сборникъ», 75—76). Эпизодъ только и можетъ быть отнесенъ къ 1864 г., но онъ не могъ происходить въ такомъ видѣ, потому что Герценъ былъ въ Женевѣ только два послѣдніе дня года, попалъ туда случайно, такъ что никто объ этомъ не могъ знать заранѣе, и съ Авдѣевымъ тамъ не видѣлся.

2. Чтобы видѣть, какъ былъ тогда далекъ отъ Герцена и Кавелинъ, приведу нѣсколько словъ послѣдняго къ А. И. Скребицкому, написанныхъ въ мартѣ 1864 года: «Вообще, вы со мной объ Александрѣ Николаевичѣ не говорите и не задѣвайте его при мнѣ. Не имѣя никакихъ причинъ лично его любить и имѣя, напротивъ, очень много причинъ лично его ненавидѣть, я, однако, долженъ сказать, что такого великаго, національнаго, человѣческаго, блистательнаго царствованія Россія съ Петра не видала... Я передъ нимъ преклоняюсь и не знаю мѣры глубочайшаго уваженія и сочувствія этому великому изъ великихъ русскихъ царей. Исторія, которая будетъ судить дѣла и результаты, оцѣнитъ его царствованіе, въ которомъ многаго начало въ немъ самомъ, и все сдѣлалось, по крайней мѣрѣ, съ его согласія. Сравните-ка его съ другими современниками потентатами и скажите, не выше ли онъ всѣхъ ихъ тремя головами? удивительный человѣкъ и удивительное царствованіе!» («Вѣст. Европы» 1917, III, 167—168).

И таково было убѣжденіе Кавелина не только въ указанный моментъ 1864 г., но и годомъ раньше; въ августѣ 1863 г. онъ писалъ тому же лицу: «До какой степени сильно здѣсь (СПБ.) озлобленіе противъ поляковъ, національное чувство и преданность народа къ государю,—объ этомъ вы не можете составить себѣ понятія, не бывши здѣсь. Говорить ли, что народъ находитъ, что мало берутъ рекрутъ; извозчикъ, съ которымъ я ѣздилъ дѣлать визиты, говорилъ мнѣ, что они «съ ребятами» положили, если будетъ война, самимъ итти и все, что у нихъ есть, отдать государю на войну. Бывали случаи, что депутаты отъ мужиковъ являются къ нему, настаиваютъ, чтобъ видѣть его самого, и передаютъ изъ рукъ въ руки деньги,—на войну. Такой преданностью, такой любовью, такимъ безграничнымъ довѣріемъ не пользовался еще ни одинъ русскій царь въ народныхъ массахъ. Это народный царь въ полномъ смыслѣ слова. Онъ можетъ все, стоитъ ему сказать слово» (тамъ же, 147—148).

Любопытно, что, какъ разъ во время написанія такого письма, только-что вернувшійся изъ-за границы Кавелинъ былъ взятъ подъ наблюденіе полиціи, сопровождавшей его своимъ вниманіемъ до Волги... Повидимому, скоро стало извѣстно истинное настроеніе профессора, потому что надзоръ былъ отмѣненъ.

Въ октябрѣ 1864 г. Кавелинъ писалъ Скребицкому: «Посмотрите, во что обратился Герценъ! Онъ, какъ и вы, имѣетъ несчастіе быть человѣкомъ съ сердцемъ и съ убѣжденіями. Что изъ него, бѣднаго, сталось послѣ 20-лѣтней разлуки съ родиной! По-

бившись надъ невозможной задачей найти точку опоры не въ живой средѣ, въ которой родился и выросъ, а въ космополитическихъ стремленіяхъ, онъ вовсе извѣрился и мучается» (тамъ же, 181).

2351. Письмо къ Леону Фонтэну.

12 mars 1864.
Elmfield House, Teddington, S. W.

Cher Monsieur Fontaine,

Je ne sais comment vous remercier pour votre lettre. J'y trouve réellement tout ce que je désirais.

J'accèpte la première proposition et je viendrai pour une semaine ou dix jours au commencement du mois d'Avril. En attendant, permettez-moi de vous communiquer encore quelques considérations.

Le prince Orloff est un honnête homme; lui j'en suis sûr, ne fera personnellement aucune démarche contre Ogareff ou moi. L'homme qui a pris avec le malheureux Sierakowski (pendu à Vilna) l'initiative de l'abolition des peines corporelles et qui a imploré le gr. duc Constantin—de ne pas effectuer le recrutement de 1863 en Pologne—ne peut agir contre nous.

Je voyage toujours avec un passeport suisse. Je suis naturalisé à Morat—je commence même à penser que mes ancetres ont vaincu Charles le Téméraire.

Mon passeport est criblé de visas français, j'ai en outre dans ma poche une lettre qui au nom de Napoléon III—me permet de circuler, résider, traverser la France—depuis Calvados jusqu'à Draguignan.

Connaissez-vous personnellement Gallait? Vous pourriez m'obliger dans ce cas en lui posant cette question de ma part. C'est presque impossible de supposer qu'on puisse chasser un homme—sans rime ni raison. Le second remi-ménage me fera perdre toute l'épargne.

Pour l'imprimerie elle peut rester au commencement à Londres et ensuite (nous imprimons très peu ici), pourquoi prendre deux mauvaises presses? Il me semble qu'il suffit de prendre les caractères et mon chef d'imprimerie (polonais, homme dévoué, sûr, un ami qui a travaillé avec moi sans interruption 11 années). Il lui faut un logement (il a une femme)—et une chambre pour la composition dans une imprimerie.

Quels sont, chez vous les Burgraves les plus burgraves?—Cela m'est assez facile d'avoir des lettres de recommandation de Rothschild—

ou un autre cardinal de ce genre. Connaissez-vous Delpierre, consul belge à Londres, qui a l'habitude de marier sa fille à Trubner.

Enfin—je vous serai doublement reconnaissant pour une seconde lettre avec conseils, avis. prescriptions etc.

N'oubliez pas, chez Monsieur Fontaine, que dans le second article sur Wolowsky—il s'est glissé une faute très grave qu'Ogareff corrigera.

Adieu.—Où peut-on trouver de la stabilité dans un monde où même un roi du... [1]) n'est pas éternel!

Votre tout dévonè

A. Herzen.

M. Gallait pourrait, je pense, s'informer auprès de ses amis, s'il ne sait pas lui-même. Voulez-vous que je vous envoie une lettre pour lui—dans tous les cas je n'ai pas son adresse.

Переводъ.

12 марта 1864.

Дорогой Фонтэнъ!

Не знаю, какъ благодарить васъ за ваше письмо. Я, дѣйствительно, нахожу въ немъ все, чего желалъ.

Принимаю первое предложеніе и пріѣду въ началѣ апрѣля на недѣльку или дней на десять. Пока что, позвольте мнѣ сообщить вамъ еще нѣкоторыя соображенія.

Князь Орловъ [2])—честный человѣкъ, и я увѣренъ, что онъ лично не предприметъ никакихъ шаговъ ни противъ Огарева, ни противъ меня. Человѣкъ, который вмѣстѣ съ несчастнымъ повѣшеннымъ въ Вильнѣ Сѣраковскимъ взялъ на себя иниціативу отмѣны тѣлесныхъ наказаній, который умолялъ великаго князя Константина не производить набора новобранцевъ въ Польшѣ въ 1863 г.,—такой человѣкъ не можетъ дѣйствовать противъ насъ.

Я путешествую всегда съ швейцарскимъ паспортомъ. Я натурализовался въ Мора и даже начинаю думать, что предки мои побѣдили Карла Смѣлаго.

Паспортъ мой испещренъ французскими визами; кромѣ того, у меня въ карманѣ письмо, которое, отъ имени Наполеона III, разрѣшаетъ мнѣ разъѣзжать, жить и пересѣкать Францію отъ Кольвадоса до Драгиньяна.

Знаете ли вы лично Галлэ [3])? Если да, вы очень обязали бы меня, если бы предложили ему отъ моего имени этотъ вопросъ Почти немыслимо, что бы можно было выслать человѣка здо-

[1]) Слово не разобрано.
[2]) Николай Алексѣевичъ.
[3]) Бельгійскій художникъ.

рово-живешь. Вторичный переѣздъ лишилъ бы меня всѣхъ моихъ сбереженій.

Что касается типографіи, то вначалѣ ее можно было бы оставить въ Лондонѣ (мы печатаемъ здѣсь очень мало), а впослѣдствіи—зачѣмъ намъ перевозить два плохихъ станка? Я полагаю, достаточно, если мы возьмемъ шрифтъ и завѣдующаго типографіей. Это—полякъ, надежный, преданный человѣкъ, другъ, работающій со мною безпрерывно въ теченіе одиннадцати лѣтъ. Ему нужна квартира (онъ женатъ) и, кромѣ того, въ типографіи—комната для набора.

Каковы у васъ самые отсталые бурггравы [1])? Мнѣ легко достать рекомендательное письмо отъ Ротшильда или отъ другого кардинала въ томъ же родѣ. Знаете ли вы Дельпіера, бельгійскаго консула въ Лондонѣ, обыкновенно сватающаго свою дочь за Трюбнера?

Наконецъ, буду вамъ вдвойнѣ благодаренъ за второе письмо съ совѣтами, предостереженіями, предписаніями и т. п.

Не забывайте, дорогой Фонтэнъ, что во вторую статью о Воловскомъ вкралась грубая ошибка, которую Огаревъ исправитъ.

Прощайте. Гдѣ найти устойчивость въ семъ мірѣ?—даже король... [2]) не вѣченъ.

Совершенно вамъ преданный

А. Герценъ.

Галлэ могъ бы, я думаю, справиться у своихъ друзей, если онъ самъ не знаетъ. Не желаете ли вы, чтобы я послалъ вамъ письмо для него? Во всякомъ случаѣ у меня нѣтъ его адреса.

2352. Приписка къ О. С. Гончару. [1]

(10 марта 1864 г.).

Письмо ваше князю П. В. [3]) доставлено. Если какія-нибудь свѣдѣнія о старобрядческихъ требованіяхъ, претерпѣваемыхъ стѣсненіяхъ, недостаточности или лживости льготъ нужно печатать, присылайте. Похлопочите о предварительномъ соборѣ заграничныхъ старообрядцевъ; это—первый шагъ; послѣ примкнутъ и тамошніе.

Мнѣ и этотъ разъ, почтеннѣйшій Осипъ Семеновичъ, приходится написать Вамъ, что я совершенно согласенъ во всемъ.

[1]) Въ подлинникѣ каламбуръ: слово burgrave—бургравъ, послѣ представленія драмы В. Гюго «Les burgraves», стало означать человѣка пожилыхъ лѣтъ съ отсталымъ образомъ мыслей.

[2]) Слово не разобрано.

[3]) Долгоруковъ.

что вамъ пишетъ Николай Платоновичъ. Не могу я по совѣсти одобрить всѣхъ выраженій адреса, хотя и душевно жалѣю, что это послужило отдѣленіемъ васъ отъ Вас. Иван. [1]). Люди, преданные общему дѣлу, должны стоять дружно, крѣпко для того, чтобы быть сильными. Позвольте мнѣ съ уваженіемъ пожать честную руку вашу и завѣрить Васъ еще въ нашей искренней готовности дѣлать все, что можетъ быть полезнымъ для всяческой свободы—религіозной и гражданской.

Преданный Вамъ

Алекс. Герценъ.

14 марта. Еще разъ приписываю, дорогой Осипъ Семеновичъ; приходилось или послать письмо на-махъ—дойдетъ или не дойдетъ, или послать черезъ знакомыхъ особой рекомендаціей, но тогда отправка будетъ только 17 марта. Рѣшаюсь на послѣднее, какъ ни досадна задержка. Пожалуйста, извѣстите тотчасъ о полученіи и не забудьте прислать аккуратный адресъ. Теперь же отвѣчайте мнѣ тѣмъ же путемъ, по которому это письмо получите.

◆◆ 1. Приписка была сдѣлана къ слѣдующему письму Огарева отъ 10 марта:

«Многоуважаемый Осипъ Семеновичъ! Извините, что моя небольшая отлучка задержала нашъ отвѣтъ; только воротился и спѣшу писать къ Вамъ.

«Радъ я былъ Вашему письму, потому что оно первое послѣ нашего свиданія; но прочелъ его съ глубокимъ прискорбіемъ и совершенно не знаю, что Вамъ сказать. Отъ Василія Ивановича мы не имѣемъ писемъ чуть ли не съ сентября мѣсяца. Въ декабрѣ мы посылали денегъ 100 фр. брату его въ Тульчу чрезъ Жуковскаго; въ январѣ—6 фун. самому Василію Ивановичу въ Константинополь чрезъ Іордана [2])—и тутъ никакого отвѣта. Письма наши, сколько мы смекаемъ, до нихъ не доходили, такъ что мы и сами перестали писать, не имѣя и не получая благонадежнаго адреса. Въ послѣднемъ же письмѣ съ 6 ф. Василію Ивановичу вложилъ я письмо къ Вамъ, любезнѣйшій Осипъ Семеновичъ; неужто же оно Вамъ не передано? Я тутъ ничего не понимаю. Въ благородство Вас. Ив. я глубоко вѣрю; боюсь только, не увлекается ли онъ какими-нибудь новыми мыслями.

«Что касается до вашего прошенія царю, не могу сказать, чтобы я былъ сердечно имъ доволенъ. Оно написано съ самоуничиженіемъ, а не съ искренностью; оно дипломатическое, а не

[1]) Кельсіевъ.
[2]) Сигизмундъ.

праведное. Однимъ бы тономъ побольше, побольше рѣзкаго требованія, вмѣсто смиреннаго моленія,—и правительство петербургское взглянуло бы на васъ, какъ *на силу*, а тутъ оно посмотритъ свысока. Почему Вы, напримѣръ, говорите, что царь простилъ Польшѣ ея *грубость?* Вѣдь, вы сами не вѣрите, чтобъ это была *грубость*. Осипъ Семеновичъ! повѣрьте искреннему слову: вамъ, старообрядцамъ, надо говорить правду, какъ есть, чисто и свято, и тогда правительство станетъ васъ бояться и давать льготы настоящія и вслухъ, а не по секрету; а станете хитрить—васъ станутъ водить за носъ.

«Вглядитесь-ка пристально въ обстоятельства: раздоръ Москвы съ Бѣлокриницей—раздоръ страшно вредный для старообрядчества; развѣ вы думаете, что онъ такъ, самъ по себѣ вспыхнулъ? Развѣ вы думаете, что правительство не подослало къ московскимъ сказать, что «что, молъ, связываться съ Бѣлокриницей, мы вамъ позволимъ имѣть своего митрополита». Тѣ и пошли на разрывъ. А гдѣ же у нихъ теперь офиціально признанный митрополитъ? Ужъ не съ Геронтіемъ ли (Леоновъ, заключенный въ Шлиссельбургѣ—*М. Л.*) въ острогѣ?

«Ой, не надѣйтеся на князеви! Говорите съ ними языкомъ, который для нихъ страшенъ, а не языкомъ, при которомъ они подумываютъ, какъ бы лучше изъ человѣка сокъ выжать.

«Впрочемъ, теперь дѣло уже не въ томъ, какъ прошеніе написано, а дѣло въ томъ, какой будетъ отвѣтъ,—и полно, будетъ ли. Я бы совѣтовалъ, если отвѣтъ не тотчасъ будетъ, повторить прошеніе, но въ другомъ тонѣ, тономъ повыше. Если довѣряете, я возьмусь написать вамъ черновое такъ, что ни слова оскорбительнаго не будетъ для правительства, а, между тѣмъ, оно увидитъ, что вы не шутите, а въ самомъ дѣлѣ *требуете*. Только, если этого хотите, сообщите *пункты*, на которые поналечь надо. Безъ сомнѣнія, намъ расходиться изъ-за того, что такъ или иначе написано прошеніе, было бы просто глупо. Людямъ, которые состарились при единомъ желаніи видѣть народъ русскій вѣрующимъ свободно каждый по совѣсти, живущимъ свободно отъ помѣщика и чиновника, судящимся по правдѣ и владѣющимъ своею землею,—этимъ людямъ расходиться со старообрядчествомъ изъ-за такъ или иначе сказаннаго слова было бы обоюдно непростительно.

«Это мое письмо можете показать Василію Ивановичу, если сочтете нужнымъ. Къ нему я не пишу, потому что онъ мнѣ и адреса своего не даетъ и самъ не пишетъ. Прошу Васъ, Осипъ Семеновичъ, понудьте его написать ко мнѣ, получены ли наши письма и деньги и дать мнѣ порядочный адресъ, какъ къ нему писать. Да и свой-то адресъ, любезный Осипъ Семеновичъ, пришлите поаккуратнѣе, чтобы можно было писать къ Вамъ прямо и вѣрно. А обстоятельства все сложнѣй и сложнѣй; пожалуй, что захочется и почаще переписываться, такъ что я вслѣдъ за этимъ письмомъ жду и требую отъ Васъ немедленнаго извѣщенія о его

полученіи. До сихъ поръ, мнѣ кажется, все, что я писалъ въ Турцію, или почти все, пропало.

«Еще объ одномъ нужно сказать Вамъ. Въ Дрезденѣ выходитъ русская газета подъ заглавіемъ «Европеецъ». Издатель—нѣкто Блюммеръ. Въ 1-мъ нумерѣ вотъ что сказано: «Я былъ въ Москвѣ и тамъ узналъ отъ свидѣтелей, что раскольники получили очень много льготъ и очень чистосердечно выражаютъ свою преданность правительству. Одну минуту статьи довольно сильно подѣйствовали на нихъ, но вскорѣ объяснилось, откуда все это является, что тотъ, кто ихъ пишетъ, не вѣритъ въ Бога, и это произвело сильное раздраженіе. Рѣшено было всѣхъ лондонцевъ предать проклятію, листы ихъ сжечь и никогда не читать».

«Если это подучено правительствомъ, то оно довольно ловко. Не худо бы вамъ было прислать къ намъ заявленіе, что вы объ нашихъ убѣжденіяхъ никогда полицейскихъ справокъ не наводили; что вы знаете только одно, что издатель «Вѣча» искренно преданъ свободѣ вѣры, а, слѣдовательно, и свободѣ старообрядчества, и никогда не считали старообрядчество расколомъ, какъ его считаютъ мнимые покровители и само правительство, секретно дающее льготки, которыя легко и назадъ взять, когда страхъ пройдетъ; и что, наконецъ, вы никогда издателей «Вѣча» проклятію не предавали, а считаете своими вѣрными и преданными союзниками. Если вы подъ эдакимъ заявленіемъ соберете нѣсколько подписей (отъ старообрядцевъ поповщинскаго согласія), которыя подписи мы въ печати помѣстимъ только числомъ, а не именами, т.-е. слѣдуетъ, молъ, столько-то подписей, а имена будемъ хранить только для очистки своей совѣсти, но никому не покажемъ, чтобъ Вамъ какъ-нибудь не повредить, — если бы Вы прислали такое заявленіе, это было бы для общаго дѣла очень не худо. Помните, что пока голосъ «Общаго Вѣча» будетъ раздаваться, правительство будетъ васъ побаиваться и прибавлять понемногу льготы, которыми шагъ за шагъ и надо пользоваться и требовать все больше и больше.

«Еще скажу Вамъ, что въ слѣдующемъ «Вѣчѣ» постараюсь разъяснить новыя земскія учрежденія, которыя опять—такая полумѣра, что вызываетъ людей къ самостоятельности, а самостоятельности имъ никакой не даетъ, и все подчиняется казенному чиновничеству и такимъ образомъ можетъ только додразнить народъ до бѣды.

«Засимъ, многоуважаемый Осипъ Семеновичъ, крѣпко и дружески Васъ обнимаю и прошу вѣрить въ искренность нашей преданности всякой народной свободѣ и свободѣ вѣры и совѣсти на первомъ планѣ, потому что безъ этой свободы человѣку жить нельзя по-человѣчески, а надо быть рабомъ или скотомъ.

«Поклонъ нашъ вашему сыну, а мои всѣ вамъ усердно кланяются, и Лиза помнитъ, какъ вы ее на рукахъ носили, да и я

ей объ этомъ нерѣдко напоминаю. Преданный Вамъ душевно *Н. Огаревъ*» (въ томъ же «дѣлѣ», гдѣ и приписка Герцена). См. комментарій къ № 2420.

2353. Письмо къ сыну.

16 марта (1864).
Elmfield House, Teddington, S. W.

Письмо твое отъ 11 сейчасъ получилъ. Моя статья, если будетъ напечатана 1-ая полов., то, вѣроятно, не ближе 15 апрѣля. Но я начинаю сомнѣваться: они, т.-е. Бюлоцы [1]) и Бюлоцверы, до такой степени трусы и педанты, что бѣда. Таландье очень хорошо поправляетъ слогъ, а Клячко чуть въ клочки не рветъ за неосторожныя выраженія. Кончится все тѣмъ, что я брошу статью въ фонтанъ [2]), и она явится въ «La Cloche» [3]). Съ Фонтаномъ у насъ дѣятельная переписка о переѣздѣ въ Брюссель. Галлэ тамъ.

У Фензи [4]) ты найдешь 1,000 фр.; изъ нихъ тотчасъ отдай 200 фр. Бакунину при моей запискѣ, 600 тебѣ и 200 береги на всякій случай для меня. Насчетъ твоей поѣздки дѣлай, какъ хочешь — liberté complete [5]). Но, если ѣхать сюда, то никакъ не позже *15 мая*. Портретъ маленькаго [6]) дѣлали въ Кингстонѣ и хотятъ другой, въ слѣд. письмѣ Natal. пришлетъ. Ѣду въ Сити. Прощай. Тата пишетъ, что она очень подружилась съ Владиміровой.

2354. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

№ 20.

18 марта (1864).
Elmfield House, Teddington

Милая Тата.

Письмо Мальвиды и портретъ Ольги пріѣхали довольно скоро. Лиза очень рада портрету и не показываетъ его, voulant le garder pour elle-même [7]).

У насъ все идетъ потихоньку, и задача: ѣхать ли въ Брюссель или Миланъ, стоитъ возлѣ, какъ сфинксъ. Русскихъ у васъ,

[1]) François, Buloz, основатель «La Revue des Deux-Mondes».
[2]) Л. Фонтанъ.
[3]) Рѣчь идетъ о «Nouvelle phase».
[4]) Fenzi, Hall et C°—банкирская контора во Флоренціи.
[5]) Полная свобода.
[6]) Тутцъ.
[7]) Желая сохранить его для себя самой.

кажется, много; сообщи мнѣ, что новаго разскажетъ вамъ свѣжій Боткинъ [1]), если онъ не опошлился, какъ Вас. Петр. Впрочемъ, вы не обязаны вѣрить всякой белибердѣ, которую они вамъ будутъ напѣвать. Я очень радъ, что ты подружилась съ русской барышней, да ужъ объ этомъ я писалъ.

А не пора ли вамъ перебираться хоть во Флоренцію? По газетамъ, въ Римѣ послѣ 9 не ходятъ по улицамъ; солдаты дерутся съ французами и пр. Подумайте хорошенько объ этомъ и мнѣ напишите.

Пользуйся русскимъ обществомъ для Ольги; я прошу тебя объ этомъ, и, вообще, я желалъ бы отъ тебя тоже получать объ ней побольше подробностей. Буду ихъ ждать. Черезъ пять дней пошлю Платнауэру газеты, онѣ опоздали.

Огар. тебѣ кланяется и все также любитъ тебя не меньше меня; онъ былъ очень радъ твоему письму.

Затѣмъ обнимаю тебя, какъ папа и другъ,

и тебя,

Ольга! –

Ну, знаешь что я тебѣ скажу? Линда-то не то, чтобъ очень красива была; у нея, должно быть, голова болѣла и ей было тошно, когда снимали портретъ. Ты ей дай перперминту [2]).

Прощай, другъ мой, и lernen
Sie brav russisch [3]).

2355. Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ,—

безъ сомнѣнія, важнѣйшій фактъ въ правовой борьбѣ, которую плохо и безчеловѣчно ведетъ Россія съ Польшей. Главный пунктъ разрѣшенъ съ русской и соціальной точки зрѣнія. *Земля идетъ съ волей*,—въ этомъ-то и былъ весь вопросъ. Но знаете ли, на какихъ основаніяхъ онъ рѣшенъ? «Законодательныя мѣры, говоритъ манифестъ, увѣнчались (по дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи), быстрымъ успѣхомъ, благодаря *дѣятельной (!)* помощи, оказанной намъ русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ. Но въ Ц. Польскомъ указы (поименованы) не встрѣтили, къ глубокому «прискорбію нашему, того содѣйствія...» Далѣе говорится о смутахъ, о здравомъ смыслѣ поселянъ. Итакъ, вотъ *критеріумъ* для разрѣшенія одного изъ величайшихъ соціально-экономическихъ вопросовъ. Въ Маниловкѣ помѣщики оказались покорными, готовыми на жертву (хотя это и неправда),— въ награду имъ нѣтъ у

[1]) Михаилъ Петровичъ.
[2]) Pfefferminze—мятная лепешка.
[3]) Хорошо учитесь по-русски.

крестьянъ дѣйствительнаго права на землю. Въ Заманиловкѣ помѣщики—буяны,—право крестьянъ на землю признано. Въ сущности, новый указъ свидѣтельствуетъ, что со всей своей военной силой, со всей помощью Пруссіи и Австріи, со всѣми ужасами Муравьева и другихъ людоѣдовъ правительство русское не можетъ сладить съ возстаніемъ въ Польшѣ.

2356. Логика паденія.

Нравственное паденіе имѣетъ свою неумолимую логику, свою геометрическую пропорцію быстроты и свой законъ квадратовъ разстояній. Нравственное паденіе—одинъ изъ видовъ помѣшательства, который гораздо чаще переходитъ въ совершенное безуміе, чѣмъ возвращается вспять въ нормальное состояніе. Мы съ невольнымъ ужасомъ глядимъ на быстроту, съ которой несутся наши литературные Абаддоны [1]) въ бездонную пропасть ушевной черноты и безстыдства.

Стоитъ сдѣлать первый шагъ, стоитъ немного спуститься по нѣжному склону,—остальное пойдетъ, какъ по маслу: что ни шагъ, путь все глаже и кони неудержимѣе.

Въ этомъ отношеніи издатель «Московскихъ Вѣдомостей» представляетъ разительный примѣръ. Онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ началѣ нынѣшняго царствованія. Всякое либеральное воззрѣніе было тогда ново, и обозрѣнія «Westminster Review» въ его «Вѣстникѣ» считались русскими. Высокомѣрная, надутая натура Каткова, дѣйствительнаго литературнаго parvenu, потерялась. Онъ явился какимъ-то *дядей* русскаго развитія, строптивымъ умѣрителемъ излишествъ, мѣрою всего хорошаго и разумнаго, разумнаго и возможнаго. Русское общество онъ открыто презиралъ, открыто оскорблялъ и постоянно противополагалъ ему Англію, ея учрежденія. Гувернерскій тонъ, переходящій въ дерзко-начальническій, вызвалъ, наконецъ, досаду и смѣхъ. Такого рода самолюбіе (самолюбіе прежнихъ статскихъ совѣтниковъ) можетъ многое вынести, но насмѣшки—никогда. Смѣхъ раздражаетъ ихъ болѣзнь; отмстка, какая бы ни была, имъ кажется позволительной и нравственной.

Петербургскій пожаръ далъ издателю «Московскихъ Вѣдомостей» случай отшутиться. Онъ обвинялъ въ нравственной круговой порукѣ съ зажигателями молодыхъ людей, смѣявшихся надъ нимъ. Ихъ и безъ того таскали въ крѣпость, у нихъ не было ни права защиты, ни права протеста, доносъ на нихъ могъ ихъ свести на каторгу, а «Московскія Вѣдомости» продолжали свое. Имъ что за дѣло... Зачѣмъ смѣялись!

Дальнѣйшая исторія болѣзни идетъ, какъ по писанному. Отъ проповѣди Англіи по Гнейсту до проповѣди Польши по Муравьеву «Вѣдомостямъ» пришлось пройти всѣми грязями и всѣми искусами полицейской карьеры. Имъ пришлось выносить упрекъ людей, которымъ трудно отка-

[1]) Абадонна—падшій ангелъ; мрачный герой религіозной поэмы Клопштока «Мессіада».

зать въ уваженіи, и товарищеское трепанье по плечу другихъ, которымъ невозможно отказать въ презрѣніи... Еще небольшое усиліе — и человѣкъ выходитъ побѣдителемъ и торжественно говоритъ свищущей толпѣ: «да, я доношу и мнѣ дѣла нѣтъ, что изъ этого будетъ, я служу доносомъ моему правительству; перо мое—мечъ мой».

Послѣ этого кризиса человѣкъ начинаетъ откровенно ненавидѣть все человѣческое, все свободное, все стремящееся къ независимости. Его оскорбляетъ волостной судъ, въ которомъ мужикъ судитъ; его досадуетъ прежній товарищъ, его братъ-бѣднякъ, желающій стать въ уровень съ богатымъ; его приводитъ въ ярость прусская оппозиція и датскіе демократы; его приводятъ въ бѣшенство стремленіе женщины выйти изъ-подъ опеки и стремленіе малороссіянъ имѣть переводъ св. писанія на свой языкъ. Инквизиціонная ревность становится страстью, маніей.

Въ финляндской палатѣ разсуждаютъ объ отмѣненіи смертной казни. Какіе-то пасторы желаютъ ее удержать противъ огромнаго большинства. Корреспондентъ «Москов. Вѣдом.», забывая, въ какой застѣнокъ онъ пишетъ, замѣтилъ несообразность ихъ христіанскаго званія съ этой слабостью къ казнямъ. Редакція этого не могла пропустить и прибавила, что напрасно корреспондентъ *такъ легко* говоритъ объ этомъ трудномъ вопросѣ, что его не разрѣшить съ точки зрѣнія *гуманности*. Нѣтъ, у нея не вырвешь осужденнаго съ головой, она не уступитъ даромъ судороги человѣка, котораго вѣшаютъ,—что за дѣло, что Россія можетъ Финляндіи отвести какой-нибудь уголъ въ Минусинскѣ или Туруханскѣ, какой-нибудь рудникъ близъ полюса,—казни ей милѣе.

Но вотъ совсѣмъ другой случай. Евреямъ, наконецъ-то, начали по досточкѣ разгораживать заборъ, за которымъ ихъ держало дикое правительство. Имъ открываютъ, хотя, какъ въ steeplechasc'ѣ [1]), съ страшными препятствіями, возможность жить въ Россіи; между прочимъ, позволяютъ имъ учиться въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, получая по экзамену тѣ же права, какъ всѣ другіе. Издатель «Московскихъ Вѣдомостей», который и былъ бы радъ, что евреевъ будетъ меньше въ западныхъ губерніяхъ, въ видахъ поощренія русской народности, но вдругъ его поражаетъ страшная мысль, что съ нимъ, съ столбовымъ русскимъ бояриномъ рядомъ сядетъ какой-нибудь жидъ. «Что, — взываетъ онъ, — если эти приманки (классный чинъ) въ самомъ дѣлѣ окажутся успѣшными? если евреи, за невозможностью выбраться изъ края, откуда выходъ имъ запертъ, хлынутъ въ наши университеты и, не имѣя капиталовъ, чтобы вступать въ торговлю, захватятъ большую часть такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, профессорскихъ каѳедръ и служебныхъ мѣстъ?»

Что же будетъ далѣе?

Далѣе Каткова выручитъ ограниченность человѣческой натуры: далѣе остается одно чистое помѣшательство, такое, въ которомъ добро и зло, черное и бѣлое совершенно спутаны, и человѣкъ уже разсматривается не съ антропологической точки зрѣнія, а звѣремъ такой-то клѣтки и такого-то №.

[1]) Скачка съ препятствіями.

Около двухъ лѣтъ издатель «Моск. Вѣд.» проповѣдуетъ о нашемъ «поврежденіи и сумасшествіи». Не надобно копать другому яму; такъ, какъ теперь идутъ дѣла, мы убѣждены, что не насъ, а издателя «Моск. Вѣд.» скоро придется навѣщать въ больницѣ британо и подъ капелью.

Въ этомъ всего болѣе насъ убѣдили послѣдніе №№ его журнала... «Моск. Вѣд.» начинаютъ бредить, имъ мерещутся заговоры противъ ихъ издателя; онѣ находятъ *зачинщиковъ*, непріязненныя *демонстраціи*. Кому этого мало, мы серьезно просимъ прочесть передовую статью «Моск. Вѣд.» 35 №—она вовсе не имѣетъ человѣческаго смысла. [1]

◆◆ 1. Статья эта, дѣйствительно, совершенно не похожа вообще на газетныя статьи: какія-то общія, очень неясныя мысли «о недоразумѣніяхъ, которыми страдаетъ наше общественное мнѣніе» и т. п. Катковъ, очевидно, что-то не договорилъ, что-то не сумѣлъ выразить.

2357. Брань на смерть идущимъ.

Какъ туго и плохо прививается у насъ все человѣческое и ооразованное... Съ одной стороны подлыя, унизительныя, ползущія у ногъ выраженія, только употребляемыя въ передней степныхъ помѣщиковъ, въ родѣ «начальникъ губерніи соизволилъ препроводить», «соблаговолилъ отвѣчать» и рядомъ руганье врага, противника, побѣжденнаго... Когда же эти тигры-ослы [1]) поймутъ, что гнусно убивать плѣнныхъ, а еще гнуснѣе приговаривать ихъ съ ругательными эпитетами? «Рус. Вѣд.», напримѣръ, говорятъ о разстрѣляніи въ Сувалкахъ Яна Красинскаго за двукратный побѣгъ въ *разбойничьи* шайки... Когда же они устыдятся не только своихъ дѣлъ, но своихъ словъ? [1]

◆◆ 1. Въ 1863 г. Павловъ захотѣлъ издавать «Народныя Вѣдомости» въ Москвѣ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. 10 іюля онъ писалъ А. Л. Потапову: «Я не могу удержаться, чтобъ не начать этого письма съ изъявленія еще разъ искренней благодарности в. пр—ву за участіе, оказанное вами моему предпріятію. Формальное разрѣшеніе получено, и объявленія уже напечатаны. Вы позволили мнѣ увѣдомить васъ объ этомъ, чтобъ сообщить г. Лауницу. Дешевизна газеты приведетъ всѣхъ въ изумленіе, а приготовленія, къ которымъ я приступилъ, требуютъ и большихъ хлопотъ и значительныхъ издержекъ. Не знаю еще, какъ я исполню счастливую мысль, но смѣю думать, что изъ всѣхъ литературныхъ дѣятельностей избранная теперь мной есть

[1]) Намекъ на прозвище «тиг ровъ-обезьянъ», данное Вольтеромъ парижанамъ.

самая важная въ настоящую минуту. Не откажите мнѣ въ продолженіи вашего участія. Мое предпріятіе началось успѣшно. Кромѣ общаго сочувствія, встрѣченнаго мною, я имѣлъ честь ближе познакомиться съ вами. Какую радость произвели здѣсь отвѣты г. Горчакова, это невообразимо. У меня въ кабинетѣ люди немудрые, смиренные читали ихъ со слезами на глазахъ. Нѣтъ, Россія крѣпка, въ этомъ безстрашіи цѣлой Европы есть сознаніе силы. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобъ такіе государственные люди, какъ Россель и Пальмерстонъ, поставили себя въ такое положеніе. Разумѣется, воевать они могутъ, но уже на ихъ сторонѣ нѣтъ и тѣни справедливости. Отвѣты написаны прекрасно: и съ большимъ достоинствомъ и съ великой неуступчивостью. Для императора французовъ это рѣшительно le commencement de la fin.

«Позвольте мнѣ прислать в. пр—ву 2000 объявленій. Не разошлетъ ли ихъ Лауницъ по командамъ, и примите увѣреніе въ сердечномъ уваженіи и искренней преданности».

Рѣшено было назвать газету «Русскія Вѣдомости»; цѣна 3 руб. сер. въ годъ.

Потаповъ направилъ присланныя объявленія ген. Лауницу для разсылки во всѣ баталіоны внутренней стражи (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 220).

Съ октября 1863 года газета стала выходить, получивъ отъ мин. вн. дѣлъ субсидію въ 11,000 рублей. 29 марта 1864 г. Павловъ умеръ, оставивъ четырехъ дѣтей отъ Таненбергъ.

9 апрѣля предсѣдатель московскаго цензур. комитета Щербининъ писалъ министру вн. дѣлъ Валуеву, что газета поддерживается правительствомъ, а долги Павлова въ 40—45,000 руб. составились, благодаря его безудержной карточной игрѣ. Кромѣ обязательной подписки, доставленой имъ правительствомъ, «Русскія Вѣдомости» имѣли 13,000 подписчиковъ, что, по тогдашнему времени, должно считаться очень значительной цифрой; обязательныхъ подписчиковъ было 4,000 отъ мин. вн. дѣлъ и 12,000 отъ управленія удѣловъ. Доходъ газеты—40,000 руб. Щербининъ совѣтовалъ передать газету Гилярову-Платонову, котораго онъ еще раньше рекомендовалъ для «Сѣверной Почты». У Каткова подписка была 12,000, но обязательныя казенныя объявленія не помогали сводить концы съ концами, благодаря массѣ расходовъ, въ которые входило и содержаніе самого Каткова. Поэтому послѣдній кричалъ противъ свободы, предоставленной давившимъ его «Рус. Вѣдомостямъ», и обязательной на нихъ подписки (Архивъ П. Я. Дашкова, письма Щербинина).

2358. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ—5 фунт. 5 шл.

2359. Письмо къ сыну.

25 марта 1864.
Elmfield House, Teddington.

Мысль Сабатье, можетъ, и не дурна, но какъ ее реализовать? Если-бъ нашелся дѣлецъ, который бы взялъ у меня Сѣвер.-Ам. бумаги по 100 (въ Европѣ онѣ теперь 70—75, а въ Амер. 110—112), я сейчасъ рѣшился бы на такую покупку. Отдѣлилъ бы, напр., капиталъ отъ 50/т. до 80 и разрѣшилъ бы тебѣ самому на свое имя купить домъ или землю. Если большой домъ, ты бы могъ его купить на имя твое и Таты, и я ей бы отдѣлилъ часть капитала. О парижскомъ домѣ и думать нечего: это—превосходное помѣщеніе, отъ добра добра не ищутъ.

Если бы ты могъ имѣть мѣсто, хоть въ 2,000 фр., я былъ бы радъ; это было бы доказательство совершеннолѣтія. Но, бога ради, не обманывай себя насчетъ науки, работай и работай, не вѣрь легкимъ успѣхамъ.

Насчетъ дома и земли спроси совѣтъ у Дольфи. Я увѣренъ, что онъ и знаетъ лучше и скажетъ основательное мнѣніе.

Здѣсь идетъ страшнѣйшая интрига. Тори хотятъ непремѣнно затереть и утопить Стансфильда, а съ нимъ и Ос. Ив. Дѣло вовсе не кончено.

Вѣроятно, ты слышалъ о томъ, что черезъ недѣлю сюда будетъ Гариб. Все это до высшей степени интересно, и мы все еще сидимъ у моря и ждемъ погоды. Теперь еще яснѣе, что до конца мая ничего не узнаемъ. Ящики съ вещами можно будетъ оставить у Долгорукова.

Если, въ самомъ дѣлѣ, въ Римѣ будетъ безпокойно, зови Тату переѣхать во Флоренцію. Прощай. Кланяйся Шиффу; я жду сегодня Саффи.

P. S. Читалъ ли ты, хоть en gros [1]), объ освобожденіи крестьянъ съ землей въ Польшѣ? Если нѣтъ, постарайся прочесть. То, что мы годы проповѣдывали для Россіи, сдѣлано для Польши. Если-бъ они съ этого начали, сколько крови было бы спасено... Бедламъ, все бедламъ!

Я твоихъ послѣд. писемъ не показалъ Огар. не потому, чтобъ скрыть тайну какую-нибудь, а потому что, все же, твоя papilionацейность [2]) не можетъ не заставить улыбнуться.

Пиши ему. Какъ Бак. безъ денегъ? [1]

Кельсіевъ пошелъ въ турецкую службу и посылаетъ *черезъ меня* письмо отъ Эбермана, который съ нимъ живетъ, къ Левестаму,—скажи Бакунину.

[1]) Въ общихъ чертахъ.
[2]) Образованно отъ papilionace—мотыльковый.

◆◆ 1. 4 марта изъ Флоренціи Бакунинъ просилъ Герцена дать ему взаймы 600 фр. Въ томъ же письмѣ онъ спрашивалъ Огарева, продолжаетъ ли онъ вѣрить въ дѣйствительность «Земли и Воли», «которой, если она существуетъ, право, пора выскорлупиться». «Получилъ ли ты, наконецъ, какія-нибудь новыя доказательства существованія и дѣйствительности общества? Если оно дѣйствуетъ, что оно дѣлаетъ и къ какой ближайшей цѣли стремится? Какая теперь у него и у васъ практическая программа? Чего вы надѣетесь, чего боитесь, чего ждете? Удалось ли вамъ устроить съ обществомъ регулярныя сношенія?» («Письма», 152).

Эти вопросы какъ нельзя лучше показываютъ, насколько въ тотъ моментъ Бакунинъ не былъ въ курсѣ замиравшаго русскаго революціоннаго движенія. Опасавшійся преслѣдованій А. А. Слѣпцовъ остался за границей, рѣшивъ пробыть тамъ до тѣхъ поръ, пока не выяснятся нити, найденныя III Отдѣленіемъ и слѣдственной комиссіей кн. А. Ѳ. Голицына. Самъ же Бакунинъ въ тотъ же день пишетъ, что встрѣтился въ Вевэ съ Слѣпц. (Драгомановъ не зналъ этого лица и вмѣсто *ц* прочелъ *у*—*М. Л.*): «Въ Вевэ я встрѣтился опять со Слѣпц., котораго уже видѣлъ въ Парижѣ, и нашелъ въ немъ того же хорошаго, преданнаго, но страшно, почти до сумасшествія нервознаго человѣка, которому нужно будетъ много ведеръ холодной воды, чтобъ сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ» («Письма», 154).

Маццини писалъ Миньоньѣ 21 февраля 1864 года: «Въ Россіи, кромѣ движенія крѣпостныхъ, которое явится базой революціи, имѣемъ налицо сильную работу въ средѣ просвѣщеннаго юношества, особенно же въ войскѣ. Имѣется одинъ русскій комитетъ въ Варшавѣ, другой—въ Петербургѣ. Знаменемъ служитъ «Земля и Воля». Заключенъ тѣсный союзъ—фактъ весьма важный—между конспираторами русскими и поляками. Здѣсь у меня делегатъ петербургскаго комитета. А, впрочемъ, работой руководитъ русско-славянскій комитетъ въ Лондонѣ, въ составъ котораго входятъ лица, издающія «Колоколъ» (воспроизвожу по «Голосу Минувшаго» 1915, IV, стр. 251, увѣренный, что письмо относится къ 1863 году).

2360. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

№ 21.

31 mars 1864.
Elmfield.

Chère Malvida!

Premièrement un reproche, pourquoi donc en me donnant un conseil d'ami, vous prenez des précautions oratoires, vous en avez mille et mille droits et j'écouterai chaque conseil venant de vous

avec sympathie. Nous pouvons différer en certains points, mais je sais très bien votre amitié. Donnez votre main et dites tout ce que vous voulez et comme vous voulez.

Il y a un côté vrai dans l'opinion de Tcherc. et nous avons pensé à cela plus d'une fois. Commençons par le côté, oú il n'a pas raison. On nous a abandonné non parce que les désidérata du «Kolok.» se sont réalisés, mais parce que la lutte avec la Pologue—a réveillé un nationalisme sauvage, impitoyable—le gouvenement n'a pas pu commander l'apothéose de Mouravieff, ni la popularité de Katkoff. De quelle classe civilisatrice parlent ces messieurs? est-ce que toute la noblesse n'a pas partagé toutes les horreurs par ses applaudissements? Soyez sûre—nous avons encore une fois rendu un grand service pour la Russie—nous sommes la preuve vivante de la protestation contre l'extermination d'une nationalité. Je ne regrette pas du tout. Mais d'un autre côté je fais le reproche à ses jeunes gens qu'ils n'ont pas apprécié les premiers—que nous leur servons de victimes expiatoires ou au moins épuratoires. Nous et les hommes perdus, comme Michailoff, emprisonné comme Tchérnichefsky et Serno-Sol., nous sommes les seuls qui n'ont pas partagé les taches du sang. Quel est donc ce rôle—de civilisateur-doctrinaire, est-ce le rôle de petits Pierre les Grands ou ie servage par la civilisation? On peut se taire, écrire des choses telles ou autres, mais ce rôle de Hohe Priester, ie n'en veux pas.

Weiter—une question. Comment se fait-il que ces mêmes jeunes gens qui demeurent at home et abroad n'ont ni force, ni talent, ni amour, ni persistance—pour rédiger un écrit périodique, Nous donnerons des articles, nous donnerons l'imprimerie et Tchernietsky. Eh. bien, qu'ils commencent. La stérilité de la littérature russe est surprenante—c'est la stérilité du désert. Dites à Tcherc. que nous sommes prêts à coopérer, mais que nous ne prendrons pas la rédaction (morale et physique) sur nous.

J'avais une attaque de ma migraine au milieu de mon éloquence—passons maintenant à la question individuelle. Je suis presque de l'avis que l'Italie et la Suisse présentent les mêmes chances comme la Belgique. Je m'abstiens d'une décision définitive. Attendons jusqu'au 1 Mai. Si vous saviez la 10-e partie de toutes les intrigues qui se font maintenant ici, vous pourriez juger que rien ne peut être prévu. Ici vous devez me donner un vote de confiance. En principe je pense que vous pouvez, lorsqu'il y aura nécessité, quitter Rome quand vous voulez et aller à Florence. Très possible qu'au commencement de Juin vous verrez M. O. et les enfants en Suisse, à Nice, ou à Gênes. Mais il y a aussi des chauces que personne ne bougera et alors vous viendrez passer an moins un an à Bruxelles ou même Brighton. Je vais après-demain à l'île de Wight pour un rendez-vous chez le vertueux Peter Taylor. En attendant la décision donnez moi des projets, des conseils—je les accepterai avec la plus grande amitié.

Si vous pensez que c'est utile, lisez la première partie de la lettre à Tcherc. Quant à Tolstoï c'est un brave obscurantiste, grand ami de l'imperatrice, piétiste, humiste. Ein gutes Herz, verwirrte Phantasie.

A propos I. Tourgueneff est à Baden-Baden—il a été présenté à l'empereur et sempre bene.

Adieu.

Тата, пиши и ты подробнѣе твои желанья. Вѣрь, что я все взвѣшу; въ моей любви къ вамъ нѣтъ ни эгоизма, ни властолюбья,—хочется мнѣ, чтобъ наша маленькая колонія собралась хоть на годъ времени; хочется, пожалуй, и отдохнуть... но всякому дѣлу покорюсь.

NB. Vous n'écrivez rien concernant l'argent 3000 fr., les avez-vous encaissés?

C. Vogt est ici, très gai et in the best spirits.

? Hat Platnauer geschikt die Zeitung?

Переводъ.

31 марта 1864 г.

Дорогая Мальвида!

Прежде всего—упрекъ. Почему, подавая мнѣ дружескій совѣтъ, вы принимаете ораторскія предосторожности? Вѣдь, вы имѣете на это право тысячу разъ, и всякій совѣтъ, исходящій отъ васъ, я выслушаю съ сочувствіемъ. Мы можемъ кое въ чемъ расходиться, но мнѣ очень хорошо извѣстна ваша дружба. Дайте вашу руку и скажите все, что хотите и какъ хотите.

Мнѣніе Черк. [1]), съ одной стороны, вѣрно, и мы съ вами не разъ думали объ этомъ. Начнемъ съ той стороны, съ которой онъ не правъ. Насъ покинули не потому, что пожеланія «Колокола» осуществились, но потому, что борьба съ Польшей вызвала взрывъ дикаго, безпощаднаго національнзма — правительство не могло заказать апоѳеозъ Муравьева или популярность Каткова. О какомъ цивилизаторскомъ классѣ говорятъ эти господа? развѣ дворянство цѣликомъ своимъ одобреніемъ не приняло участія во всѣхъ этихъ ужасахъ? Будьте увѣрены: мы еще разъ оказали Россіи большую услугу, мы—живое доказательство протеста противъ истребленія національности. Я нисколько не раскаиваюсь. Но, съ другой стороны, я упрекаю этихъ молодыхъ людей въ томъ, что они первые не оцѣнили того, что мы являемся для нихъ жертвами искупительными или, по меньшей мѣрѣ, очистительными. Мы и люди, погибшіе, какъ Михайловъ, узники, какъ Чернышевскій и Серно-

[1]) А. А. Черкесовъ.

Сол., мы — единственные, на которыхъ нѣтъ пятенъ крови. Какова же роль доктринера-цивилизатора? что это, роль маленькихъ Петровъ Великихъ или рабство при посредствѣ цивилизаціи? Можно замолчать, писать то или другое, но роль первосвященника мнѣ ненавистна.

Далѣе вопросъ, какъ объяснить то обстоятельство, что эти самые молодые люди, живущіе дома и за границей, не обладаютъ ни силою, ни талантомъ, ни любовью, ни настойчивостью, необходимыми для руководительства періодическимъ изданіемъ? Мы дадимъ статью, мы дадимъ типографію и Чернецкаго,—пусть только начнутъ. Безплодіе русской литературы поразительно, это—безплодіе пустыни. Скажите Черк., что мы согласны сотрудничать, но редактированія (моральнаго и физическаго) на себя не возьмемъ.

Среди моего краснорѣчія со мною случился приступъ моей обычной мигрени,—перейдемъ теперь къ личному вопросу. Я держусь того мнѣнія, что Италія и Швейцарія представляютъ почти тѣ же условія, что и Бельгія. Я воздерживаюсь отъ окончательнаго рѣшенія. Подождемъ до 1 мая. Если бы вы знали десятую часть всѣхъ возникающихъ здѣсь интригъ, вы поняли бы,—что нѣтъ возможности что-либо предвидѣть.

Тутъ вы должны дать мнѣ вотумъ довѣрія. Я полагаю, что въ принципѣ вамъ можно будетъ, когда явится необходимость, переѣхать, какъ только пожелаете, изъ Рима во Флоренцію. Весьма возможно, что въ началѣ іюня вы встрѣтитесь въ Швейцаріи, въ Ниццѣ или Генуѣ съ г-жей О. и съ дѣтьми. Но возможно и то, что никто съ мѣста не двинется и тогда придется вамъ пріѣхать минимумъ на годъ въ Брюссель или даже въ Брайтонъ. Послѣзавтра я уѣзжаю на о. Вайтъ на свиданіе къ добродѣтельному Петеру Тэйлору. Въ ожиданіи рѣшенія сообщайте мнѣ ваши планы, подавайте совѣты—я ихъ приму съ величайшей дружбой. Прочтите первую часть письма Черк., если вы находите это нужнымъ. Что касается Толстого [1]), то онъ—честный обскурантъ, большой другъ императрицы, піэтистъ, спиритъ [2]). Доброе сердце, безпорядочное воображеніе.

Кстати, И. Тургеневъ сейчасъ въ Баденъ-Баденѣ. Онъ былъ представленъ императору—и все въ порядкѣ.

Прощайте.

NB. Вы ничего не пишете относительно 3000 фр., положили ли вы ихъ въ кассу?

К. Фогтъ здѣсь, очень веселъ и въ полной степени оживленія. Послалъ ли Платнауэръ газету?

[1]) Гр. Алексѣй Константиновичъ.
[2]) Буквально «юмистъ», или послѣдователь извѣстнаго спирита Юма.

2361. Письмо къ сыну.

6 апрѣля 1864.
Elmfield House.

Сегодня утромъ возвратился я изъ Isle of Wight, тамъ видался съ Гарибальди и очень доволенъ встрѣчей съ нимъ. Чѣмъ больше я изучаю его, тѣмъ больше вижу, что именно святая простота его и какое-то дѣтское отданіе себя своему дѣлу сдѣлали изъ него великаго представителя страждущихъ народовъ. Пріемъ, ему сдѣланный, превосходитъ пріемъ Кошута: его встрѣчаютъ съ пушечной пальбой и колокольнымъ звономъ; Соутамптонъ былъ весь во флагахъ; народъ тѣснится, кричитъ, и онъ, въ красной рубашкѣ и испанской шляпѣ, принимаетъ просто, но и съ полнымъ сознаніемъ, что это натурально, что это заслуживаетъ его дѣло. «Uncrowned King» [1])—назвалъ его въ рѣчи мэръ въ Соут. И удивительная эта Англія, которая рядомъ дѣлаетъ пошлости, гадости (Стансфильдъ долженъ былъ выйти въ отставку) и съ другой стороны встрѣчаетъ такъ «народнаго бойца». Онъ спрашивалъ о тебѣ и велѣлъ кланяться.

И сегодня мнѣ 52 года. Вчера я ихъ заключилъ хорошо. Живетъ онъ въ Brook House; это отъ Newport'a 8 миль, но не въ сторону Ventnor'a. Въ Лондонѣ онъ остановится у герцога Сутерлэнда.

Мейз. пишетъ, что оба старшихъ Боткина [2]) избѣгаютъ ихъ и боятся. Каково!

Письмо твое получилъ all right [3]); пока еще нѣтъ крайности пріѣзжать въ Лондонъ. Меня очень тяготитъ неизвѣстность. Пожить бы, хоть полгода, покойно. Вѣроятно, мы «Кол.» будемъ издавать или разъ въ мѣсяцъ или книжкой въ два мѣсяца.

Изъ разговора съ Г. [4]) я вижу, что все готовится и на чеку. Эдакъ, право, придется ѣхать въ Isle of Wight или Torquay.

Объ домахъ безъ освобожденнаго капитала нечего толковать,—развѣ, съ разсрочкой платы. Я тебѣ предлагалъ матеріальное дѣло для того, чтобы ты съ своимъ капиталомъ могъ самобытно начать практическую жизнь и устроить свои дѣла и знать ихъ прежде обремененія себя семействомъ.

Затѣмъ прощай. Отошли сейчасъ Мечникову слѣдующую страницу. Его статья [5]) хороша.

[1]) Некоронованный король.
[2]) Василій и Николай Петровичи.
[3]) Исправно.
[4]) Гарибальди.
[5]) «Письмо къ Прудону» въ 185 л. «Кол.».

2362. Письмо къ старшимъ дочерямъ и М. Мейзенбугъ.

№ 22.

$\frac{6 \text{ апрѣля}}{25 \text{ марта}}$ 1864.

Вотъ и 52 года. Заключилъ я ихъ очень хорошо: самымъ добрымъ и дружескимъ свиданьемъ въ I. of Wight [1]). Пріѣхалъ я оттуда сегодня, никто меня не ждалъ, и никого не было. Мы провели въ разсказахъ вечеръ, а теперь иду спать. Хотѣлъ только написать тебѣ, Ольгѣ и Мальвидѣ именно сегодня.

7 апрѣля.

Отъ Саши письмо, а вы опоздали; отъ Мальв. письмо получилъ. Я ей писалъ длинный отвѣтъ на ея прежнее посланіе. Мнѣ очень нравится, что Боткины бѣгаютъ отъ васъ; оставьте ихъ, не замѣчайте вовсе,—грязь обыкновенно отстаетъ при засухѣ.

Какъ меня мучитъ неизвѣстность, нельзя сказать. Теперь три года съ тѣхъ поръ, какъ мы даже не знаемъ, сколько у насъ осталось и сколько пропало. Ѣхать послѣ того, какъ я толковалъ со многими и съ Кар. Фогтомъ, который здѣсь и очень милъ, и у меня—я забылъ объ этомъ написать Сашѣ; напиши ему, да, кстати, онъ можетъ при случаѣ вамъ прислать мое письмо о Г.,—кромѣ Швейцаріи, врядъ найдешь ли покой. Многіе рѣшительно совѣтуютъ опять тип. оставить здѣсь, «Кол.» издавать рѣже, а самимъ пожить въ Брюсселѣ. Тогда слѣдуетъ къ первымъ числамъ іюня тамъ собраться. Поживемъ, посмотримъ; средства заниматься есть, и Галлэ тамъ. Только прожить надобно не менѣе 6 мѣсяцевъ, даже 9, иначе переѣздъ не окупится. Прочти это Мальвидѣ.

Ich bin über alle Grenzen zufrieden mit unserer alten Freunds 1854. Ja, dass ist doch wahrhoftig eine Macht—der Liebe und der Hingebung der heiligen Einfachheit etc.

Wenn es schlecht gehen wird, so müssen Sie doch nach Bruxelles. Vor dem 1 May glaube ich hinzugehen.

52 Jahr—bald la Toile—il faut profiter du temps. Sind sie zufrieden mit meinem langen Brief [2]).

[1]) Съ Гарибальди.

[2]) Я сверхъ всякой мѣры доволенъ нашей старой дружбой 1854. Да, это—поистинѣ могущество любви и преданности, святой простоты и проч. Если дѣло наладъ не пойдетъ, вы, все же, должны будете пріѣхать въ Брюссель. Передъ первымъ мая думаю и я туда отправиться. 52 года — скоро занавѣсъ—нужно пользоваться временемъ. Довольны ли вы моимъ длиннымъ письмомъ?

Вечеромъ.

Сейчасъ получилъ твой разсказъ вашего дня; отъ души мы смѣялись, — онъ очень милъ и забавенъ. Ты будешь писать des pièces de théâtre съ illustration à la «Punch» [1]).

Кланяйся quand même [2]) Georg. [3]), жду ея доноса.

И тебя благодарю, Ольга, и цѣлую и жду длинное письмо твое (русское); а что Линда здорова, очень радъ.

Зачѣмъ же Владиміровы ѣдутъ въ такую скверную погоду въ Англію? Здѣсь гадость.

2363. Запросъ «Дню».

Въ 9 № «Дня» напечатано слѣдующее: «Лучшимъ дополненіемъ къ этимъ грамотамъ (о золотой волѣ) могутъ служить *тѣ документы на владѣніе подданными*, которые раздавались въ награду за участіе въ рухавкѣ и которые часто находили на плѣнныхъ повстанцахъ».

Напечатать такую вещь, не прилагая доказательствъ, очень смѣло, но, вѣроятно, издатель имѣетъ ихъ въ виду, и мы требуемъ, чтобы онъ ихъ представилъ. Въ то время, когда конвой сосланныхъ поляковъ за конвоемъ идетъ въ Сибирь, и одинъ герой за другимъ падаетъ, сраженный русской пулей или задушенный русской веревкой, печатать такія вещи безъ документовъ—одно изъ страшнѣйшихъ преступленій. Мы требуемъ документовъ по тому праву, которое можетъ отвергать какой-нибудь Катковъ, но которое не можетъ отвергнуть собственная совѣсть издателя «Дня».

2364. Документы! Документы!

Академія наукъ въ С.-Петербургѣ составляетъ собраніе всѣхъ фактовъ и бумагъ, относящихся до возстанія въ Польшѣ. «Голосъ» приглашаетъ всѣхъ посылать Академіи все, находящееся подъ руками. Совѣтуемъ, съ своей стороны, воспользоваться этимъ всѣмъ польскимъ и не-польскимъ друзьямъ нашимъ. Съ своей же стороны, мы посылаемъ въ Академію «Колоколъ» за 1864 годъ.

[1]) Театральныя пьесы съ иллюстраціями à la «Punch».
[2]) Обязательно.
[3]) Жеоржина.

2365. (Кн. В. Черкасскій).

Кн. В. Черкасскій назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Надобно имѣть много мужества серьезному и порядочному человѣку, чтобы принять портфель, забрызганный кровью. А мы считаемъ кн. Черкасскаго серьезнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, несмотря на его шалость о дѣтскихъ розгахъ. Рѣчь, имъ произнесенная, плоха. Казенно-офиціальный тонъ ея, общія фразы даютъ ей какой-то битый и будничный характеръ. Можетъ, иначе говорить теперь нельзя, такъ для чего говорить?

2366. Кощунство «Московскихъ Вѣдомостей» и ихъ тактъ.

Въ 61 № «М. Вѣд.» помѣщена корреспонденція изъ Варшавы, начинающаяся такъ: «Въ городѣ ничего особеннаго. У поляковъ теперь Страстная недѣля. Патріотки заняты яйцами и поросятами къ Великодню, *не до патріотизма, стало-быть*. Ученики разъѣзжаются по домамъ, ксендзы заняты украшеніемъ и декорированіемъ гроба Господня въ костелахъ, слѣд., имъ также не до патріотизма. Хожденіе публики изъ костела въ костелъ будетъ продолжаться съ полудня четверга до вечера субботы. Я сообщу вамъ описаніе этихъ «гробовъ». Обыкновенно украшаютъ ихъ здѣсь въ высшей степени театрально, декораціями, писанными театральнымъ декораторомъ, обставляютъ картинами, статуями, деревьями, цвѣтами, вѣшаютъ клѣтки съ поющими птицами, иллюминуютъ разными огнями, устраиваютъ фонтаны и т. п. *Ни одна опера* не бываетъ обставлена великолѣпнѣе «гробовъ» у капуциновъ. И это называется *плащаница*, или, по-польски, *гробы*».

Что же ждать полякамъ отъ безграмотныхъ писцовъ и вовсе неграмотныхъ полицейскихъ, когда корреспонденты непріятельскихъ журналовъ такъ отзываются о ихъ святынѣ?

2367. Здоровы ли «Московскія Вѣдомости»?

Что за блѣдность на ихъ листахъ, что за путаница въ строкахъ? чернила ихъ заплѣснѣли, сажа не черна.

Цензура ли ихъ обижаетъ?—Нѣтъ, вѣдь, онѣ-то и составляютъ цензуру цензуры.

Полиція ли ихъ стращаетъ?—Нѣтъ, вѣдь онѣ-то и составляютъ полицію полиціи.

Третье ли Отдѣленіе пугаетъ?—Нѣтъ, вѣдь, онѣ-то и составляютъ самое третье отдѣленіе третьяго Отдѣленія.

Листъ, говорившій правду братьямъ царскимъ, министрамъ государскимъ, листъ, покрывавшій Муравьева... не вынесъ какого-то вѣтра и по-

блекъ. Давно ли, охотясь по полякамъ, онъ держался такимъ гордымъ правйломъ, а теперь поникъ къ землѣ, словно, отъ водобоязни.

Неужели у издателей «Московскихъ Вѣдомостей» только-то и хватило силъ, что безъ малаго на два года, и огонь, набранный ими на петербургскомъ пожарѣ, простылъ такъ скоро, растратился такъ быстро?.. Или плеснули что-нибудь такое изъ Петербурга на ихъ патріотическое пламя? Ужъ не повздорилъ ли Катковъ съ Александромъ Николаевичемъ, не отказалъ ли ему въ статьѣ... Или Александръ Николаевичъ не отказалъ ли Каткову въ министерскомъ мѣстѣ?

Если такъ, дурно сдѣлалъ: графъ Панинъ и князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ не вѣчны... а въ наше время не легко найти такой тормозъ.

2368. (Новое средство умиротворенія).

«Кельнская Газета» говоритъ, что въ Вильнѣ запрещено купцамъ съ покупателями говорить по-польски, хотя бы они и не умѣли иначе. Новое средство умиротворенія!

2369. Uncrowned King! [1])

Дремлющій британскій левъ встрепенулся и держитъ свое grand levé [2]). Съ овацій Веллингтону въ Англіи не было ничего подобнаго пріему Гарибальди. Правда, пріемъ Кошута въ 1852 г. былъ великолѣпный, но тогда англійскія массы гораздо меньше брали къ сердцу вопросы континентальные, и Венгрія была для нихъ какой-то неизвѣстной страной. Съ тѣхъ поръ англійскій работникъ сдѣлалъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, нѣсколько большихъ шаговъ впередъ и принимаетъ Гарибальди сознательнѣе, чѣмъ принималъ знаменитаго мадьяра.

Несмотря на то, что мы постоянно отстраняемся отъ всякаго обсуживанія совершающихся событій въ чуждомъ намъ мірѣ, мы передадимъ нашимъ читателямъ общее впечатлѣніе, оставленное въ насъ пріемомъ Гарибальди, и ждемъ только, чтобы сколько-нибудь улеглись чувства и установилась мысль.

Отъ этой встрѣчи «некоронованнаго царя», вѣроятно, покачнулась не одна корона.

[1]) Выраженіе, употребленное соутамптонскимъ мэромъ. *А. И. Г.*

[2]) Буквально: большое вставаніе. Выраженіе, заимствованное изъ фразеологіи старо-французскаго придворнаго быта, гдѣ происходили, соотвѣтственно числу и рангу лицъ, допускаемыхъ въ королевскую спальню, а также моменту, къ которому приноровлялся ихъ пріемъ, «petits levés du roi», или «малыя вставанія короля» и «grands levés du roi»—«большія вставанія короля».

2370. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ—отъ I**—1 фунтъ.

2371. Письмо къ сыну.

15 апрѣля 1864.

Твое письмо отъ 11 апрѣля (которое ты назвалъ 11 марта) пришло. Въ прошломъ письмѣ я, кажется, забылъ тебѣ сказать, что здѣсь былъ Карлъ Фогтъ, и притомъ онъ былъ необычайно уменъ и веселъ. Онъ читалъ твою записку о «селезенкѣ»,—кое-что ужъ онъ зналъ. Что же на это сказать? надобно принять къ свѣдѣнію. Ог. хотѣлъ потолковать съ Нефталемъ.

Пріемъ Гарибальди превзошелъ все, что можно было ожидать. Отъ Seven elm Station до Вестминстерскаго моста и оттуда до St. James'a была одна сплошная масса. Народъ лѣзъ на колеса, жалъ руки, шумѣлъ; его проѣздъ продолжался отъ $2^1/_2$ до 8 часовъ; дома были покрыты коврами, знаменами и пр.

Онъ остановился у герцога Сутерлэндс.; я былъ у него на другой день утромъ, въ девятомъ часу, потомъ видѣлся съ нимъ у Осипа Ив.

Ты съ обычной нетерпѣливостью спрашиваешь у меня, когда, что и куда? да что же подвинуло вопросъ? Теперь-то онъ и рѣшается, но ужъ, навѣрное, не ближе 1 мая. Пора тебѣ и всѣмъ вамъ пріучиться къ той неволѣ, которую на насъ наложило политическое положеніе наше.

Но ты тутъ замѣть еще, что и рѣшать-то тутъ нечего. Я писалъ и Татѣ и Мейз, чтобъ, какъ срокъ квартиры подойдетъ, такъ чтобъ онѣ и ѣхали во Флоренцію, а ты имъ сыщи пансіонъ или квартиру на мѣсяцъ да и будешь потомъ писать да придумывать. Я считаю, что послѣ всего Татѣ самой хочется прожить хоть одинъ годъ съ нами. Разумѣется, не въ Teddington'ѣ и не въ Twickenham'ѣ, а долею у моря и долею, гдѣ сыщемъ возможнымъ. О чемъ же хлопотать?

О покупкѣ дома ты тоже пишешь неосновательно. Продать Каппъ можетъ и дороже, чѣмъ au pair [1]), въ *Америкѣ*, но, вѣдь, цѣну-то эту ему заплатятъ *гринбеками*, а промѣнъ ихъ на золото стоитъ процент. 50, стало, въ сущности, я заплачу за домъ не 100, а 200,000.

Помнишь ли ты, что у меня была небольшая бородавка въ носу? она стала увеличиваться, Фогтъ сказалъ, что это—полипъ

[1]) По нарицательной цѣнѣ.

и надобно его вырвать. Хочу за симъ обратиться къ Fergusson'y[1]) (я его видѣлъ у Гар.). Не привезть ли его Шиффу—пусть онъ меня приметъ за собаку и вырветъ его съ человѣколюбіемъ.

Маленькій [2]) здоровъ. Чего же ты больше хочешь? Мать [3]) и Чер. ходятъ за нимъ очень хорошо. По-англійски даютъ, вѣроятно, съ абузомъ[4]) рициновое масло. Ага нашелъ для нея небольшой перамбулаторъ [5]).

Затѣмъ, прощай. При свиданіи—любезности Шиффу, Бакун., Мечн.

2372. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

15 апрѣля 1864.
Elmfield House, Teddington.

№ 25.

Милая Тата,

Что было въ Лондонѣ и что есть, я не могу описать; разумѣется, послѣ Веллингтона и Нельсона здѣсь никого такъ не принималъ народъ. Удивительная страна: глупая и великая, пошлая и эксцентрическая, быкъ съ львиными замашками. Постарайтесь подробности прочесть. Можетъ, я и напишу еще писемцо черезъ Платн. Я былъ у него здѣсь и видѣлся у Осипа Ив. Завтра иду съ Ог. Можетъ, онъ самъ заѣдетъ къ намъ.

Мое мнѣніе на вашъ счетъ таково: отправляйтесь въ день срока вашей квартиры во Флоренцію. Тамъ подождите моего рѣшенія. Мнѣ сдается, что ѣхать будетъ не такъ легко, но подождемъ рѣшать дѣло впередъ. Я писалъ Сашѣ, чтобъ онъ вамъ сыскалъ квартиру на мѣсяцъ; не возьмете ли пансіонъ у англичанки, которую я видѣлъ съ Мейз.?

Я еще разъ видѣлъ старыя мѣста на Isle of Wight и еще разъ долженъ сказать: это прелесть, а Борнмаусъ нашъ (теперь желѣзная дорога идетъ въ самой Борнм.)—можетъ, хорошо было бы на лѣто и здѣсь остаться. Мнѣ хочется, и очень, пожить, хоть годъ съ вами; долгія разлуки, все же, отдаляютъ, и притомъ старость не имѣетъ слишкомъ матеріала на разлуку. Мнѣ внутреннее чувство говоритъ, что ты хочешь, послѣ долгаго скитанія, пожить въ нашей средѣ, со мной; теперь тебѣ всѣ интересы мои доступнѣе, и ты уже не маленькой дѣвочкой, а товарищемъ вхо-

[1]) Знаменитый англ. хирургъ и анатомъ.
[2]) Тутцъ.
[3]) Шарлотта.
[4]) Abus—обманъ.
[5]) Шагомѣръ.

дишь въ домъ. Напрасно я васъ передвигать не стану; если можно, самъ пріѣду... но haben Sie warten gelernt? [1])

У меня сдѣлалась глупая болѣзнь и притомъ такая, которая не опасна, а требуетъ операціи. Помнишь ли ты бородавку у меня въ носу? Это оказалось полипомъ и его слѣдуетъ вырѣзать. Я обязанъ этому открытію Фогту. Вѣроятно, я адресуюсь къ Фергюссону (недѣли черезъ двѣ-три). Я же его видѣлъ у Гар. Для меня такъ страшно имѣть болѣзнь—zu stupendisch [2]).

Ты, несмотря на мои вопросы, ничего не пишешь объ Ольгѣ и о ея русскихъ занятіяхъ.

Да и сама ты, Ольга, могла бы писать больше,—не такъ же ты занята, чтобъ не могла приписать нѣсколько строкъ, и притомъ пиши ко мнѣ всегда по-русски. Лиза видѣла Г. [3]) сперва.

Natal. и Ага цѣлуютъ васъ и милуютъ.

2373. Письмо къ сыну.

18 апрѣля (1864).
Elmfield House, Teddington.

Ну, Саша, не разъ вспомянули мы тебя и не разъ пожалѣешь ты, что тебя не было съ нами. Вчера Гариб. и Мац. завтракали у насъ, съ ними Мордини, Саффи, Гверцони и пр. Несмотря на разныя интриги, онъ пріѣхалъ со мной. Восторгъ пріема его растетъ. Въ Тедд. провѣдали отъ людей, и мѣсто передъ домомъ покрылось народомъ; когда мы пріѣхали изъ Стаффордъ Гоуза, народъ у нашей рѣшетки бросился подъ колеса, на колеса, осыпалъ, придавилъ, задавилъ; полиція, два толстѣйшихъ полисм., ничего не могли сдѣлать. Хорошо одѣтыя дамы цѣловали его руку, край его одежды. Онъ взошелъ кроткій и веселый, сѣлъ, было, но, слыша крики, вышелъ къ народу и три раза поклонился.

Онъ еще нигдѣ офиціально не являлся съ Мац.

Оба тоста ихъ—историческія событія. Все празднество было безъ одного облачка, гармонично и прекрасно. Это—безъ сомнѣнья, одинъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни. Онъ очень сблизился со мною и понимаетъ своимъ прямымъ чувствомъ страшно вѣрно. Слѣди за газетами; описаніе этого дня разойдется по всему свѣту. Когда Гариб. говорилъ свою рѣчь, его голосъ дрожалъ отъ слезъ; я хотѣлъ что-то сказать и не могъ... Да, это великое явленіе; что это значитъ, я еще не знаю.

[1]) Научились ли вы ждать?
[2]) Черезчуръ неожиданно.
[3]) Гарибальди.

Мнѣ смертельно жаль, что не было Таты и Ольги. Это было бы воспоминаніе на всю жизнь. Даже Леля-girl [1]) сообщила Гарибальди, что у нея на сарафанѣ пуговицы, и показала ихъ.

Сегодня его встрѣчаетъ народъ въ Кристаль-Паласѣ. Въ субботу 5 шил. день, было 25,000, сегодня будетъ 75,000 или больше. »

◆◆ 1. «Il Progresso» отъ 24 апрѣля 1864 г. привелъ это письмо съ такимъ введеніемъ отъ редакціи:

«Александръ Герценъ, знаменитый русскій эмигрантъ, знакомый всѣмъ читателямъ журналовъ и тѣмъ, кто внимательно прислушивается къ голосу народа, войной, которую онъ ведетъ съ самодержавіемъ на страницахъ издаваемаго имъ пылкаго журнала «Колокола», прожилъ въ прошломъ году недолго среди насъ и представителей братскаго союза; теперь изъ Теддингтона, мѣста его жительства въ Лондонѣ, онъ пишетъ 18-го числа текущаго мѣсяца своему сыну, Александру-младшему, который живетъ во Флоренціи, слѣдующее письмо, которое мы съ удовольствіемъ печатаемъ здѣсь въ буквальномъ переводѣ для иллюстраціи того, насколько мы были правы въ вопросѣ о пресловутомъ разногласіи Гарибальди съ Маццини».

Текстъ тостовъ см. въ № 2380.

2374. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

18 апрѣля 1864.
Elmfield, Teddington, S. W.

Никогда я не жалѣлъ такъ, что васъ не было съ нами, какъ вчера; мы всѣ поминали васъ нѣсколько разъ. Вчера завтракали у насъ оба Осипа—и нѣсколько человѣкъ, Саффи, M-me Biggs etc. Это—одинъ изъ самыхъ удачныхъ и самыхъ свѣтлыхъ праздниковъ *во всю мою жизнь;* ни одного фальшиваго тона, ни одной ошибки, неудачи. Праздникъ этотъ сдѣлаетъ огромное retentissement [2]), на немъ оба Осипа пили другъ за друга и приговаривали. Я пріѣхалъ отъ герц. Сутерлэндс. съ Г. въ Теддингтонъ; вездѣ толпы встрѣчаютъ съ безумной любовью. Когда мы подъѣзжали къ нашему дому, весь Тедд. былъ у воротъ. Его остановили, женщины, цѣловали руку, край шинели; работники, удерживаемые полицейскими, все ломали и чуть не сломали его. Минутъ черезъ пять онъ вышелъ въ сѣни и раскланялся. Никогда царей такъ не принимали...

[1]) Дѣвочка.
[2]) Отголосокъ, отзвукъ.

Подробности ищите въ газетахъ, и, развѣ, Саша перешлетъ, а, впрочемъ, можетъ, Плат. имѣетъ случай.

Noch einmal die wunderbare Kraft dieses Menschen — ist die Kraft der vollkommenen Einfachkeit, der vollkommenen Selbstverleugnung.

Er ist ein Mensch des Fatums. Und ganz der Mensch des Volkes—drückt die Hand dem Koch,—grüsst lächelnd—den Hunderten und Hunderten Menschen—die unten jauchzen.

Man hat allerlei gemacht — um dass er nicht komme — er hat nicht widersprochen—aber kam. Er nat grosse Freundschaft für mich—er versteht instinktiv, dass bei uns auch eine Zukunft nahe steht.

Mein Herz ist bei alledem schwer—dieses breite, grosse Licht... vielleicht brenat zu schnell... [1])

О полученіи этого письма пишите тотчасъ (№ 23). Твои картины, Тата, и ваши портреты онъ видѣлъ, а Лизу цѣловалъ. Дѣвочка сообщила ему, что у нея на сарафанѣ пуговицы, и показала ихъ у воротъ Ос. Ив., а потомъ у него въ комнатѣ. Онъ ее потрепалъ и поцѣловалъ. Цѣлую тебя.

.....Mais—carissima Malvida, vous êtes difficile à être contentée. Je vous écris une dissertation avec le calme d'un philosophe, l'humilité d'un chrétien, la docilité d'une femme battue par son mari... je vous démontre le sens de notre parole, — et vous dites: soyez muet comme un turbot, faites le mort. ...Oui, mais seulement le Maure de Venise—non—c'est trop noir—Karl Moor—non, celà me rappelle Karl Blind—and more German! Je ne suis pas un fanatique à la Brompton, ni un immeuse élément, qui sans le savoir porte une cataracte dans, son sein comme son ami — et c'est pour celà que j'use toute l'intelligence que j'ai pour décider selon la raison, selon la Vernunft—ce qu'il y a faire.

Il y a des changements nécessaires qui entrent dans notre parole, mais le temps de se taire pour un temps n'est pas venu. Pour cela il faut premièrement 2 choses.

1) Une solution de la question polonaise.

2) La proclamation de la liberté de la presse en Russie. Enfin pour cela il faut savoir—war or not war—that is the question. Avant cela—nous pouvons faire une périodicité plus espacée, et rien de plus. Croyez moi—je ne suis pas un homme d'entraînement.

[1]) Еще разъ—удивительная сила этого человѣка заключается въ абсолютной простотѣ, въ совершенномъ невниманіи къ самому себѣ. Онъ—человѣкъ фатума. И, совершеннѣйшее дитя народа, онъ пожимаетъ руку повару и, улыбаясь, кланяется сотнямъ и сотнямъ людей, которые тамъ, внизу ликуютъ отъ восторга. Было сдѣлано все возможное, чтобы онъ не прошелъ; онъ не возражалъ и—явился. Онъ чувствуетъ большую дружбу ко мнѣ—онъ инстинктомъ понимаетъ, что и намъ вскорѣ предстоитъ великая будущность. При всемъ томъ на сердцѣ у меня тяжело. Этотъ великій, широкій свѣтъ... не горитъ ли онъ слишкомъ быстро...

Je vous conseille fortement d'aller avec le terme de la maison à Florence, c'est là que je vous écrirai le décret définitif.

Artc. 1...
Artc. 2...

Avez-vous l'abnégation, l'amitié — et toutes les autres bonnes choses qu'il faut avoir—pour passer *en cas de besoin*—l'hiver à Londres. Répondez-moi avec la plus sainte franchise (Ne pensez pas que je vous tente comme feu satan — et que la chose soit décidée—jar nick).

Votre vieux Teddingtonian [1]).

Всѣ ли письма по нумер.? Это 23-е.

2375. Письмо къ Н. А. Герценъ.

20 avril 1864.

№ 24.

Lorsque j'écrivais le 18 av. — que le 17 était. une journée sans le moindre unage — déjà un orage entier s'accumulait Garibaldi bien portant est declaré — malade, on lui coupe voyage triomphal—on lui

[1]) ...Но, дражайшая Мальвида, вамъ трудно угодить! Я вамъ пишу диссертацію со спокойствіемъ философа, со смиреніемъ христіанина, съ покорностью женщины, побитой своимъ мужемъ... Я вамъ вскрываю сущность нашего пароля, а вы говорите: «будьте нѣмы, какъ рыба, притворитесь мертвымъ»... Да, но только венеціанскій мавръ [0]), — нѣтъ, это слишкомъ черно, Карлъ Мооръ[00]),—нѣтъ, это мнѣ напоминаетъ Карла Блинда—и другихъ нѣмцевъ! Я не фанатикъ, въ родѣ Бромптона, ни безбрежная стихія, которая, сама того не зная, несетъ въ своей груди, какъ друга, цѣлый водопадъ, и это потому, что я стараюсь употребить весь умъ, что у меня есть, чтобы рѣшить сообразно смыслу, сообразно разсудку, что надлежитъ сдѣлать. Нашъ лозунгъ перетерпѣлъ неизбѣжныя перемѣны, но время помолчать еще не приспѣло. Для этого, прежде всего необходимы двѣ вещи:

1-е. Рѣшеніе польскаго вопроса, и

2-е. Провозглашеніе свободы печати въ Россіи. Наконецъ, для этого нужно знать, война или не война — вотъ въ чемъ вопросъ! А до того мы можемъ нѣсколько рѣже выпускать періодическія изданія, и ничего больше. Повѣрьте мнѣ, я не увлекающійся человѣкъ.

Усиленно совѣтую вамъ, когда кончится срокъ дома, поѣхать во Флоренцію, и туда я вамъ пришлю окончательный декретъ...

Ст. 1-я...
Ст. 2-я...

Хватитъ у васъ самоотверженія, дружбы и всѣхъ другихъ хорошихъ вещей, которыя нужно имѣть, чтобы, *въ случаѣ нужды*, провести зиму въ Лондонѣ? Отвѣчайте мнѣ со святою откровенностью (не думайте, что я васъ искушаю, какъ покойный сатана, и что вопросъ уже рѣшенъ,—совсѣмъ нѣтъ).

Вашъ старый теддингтонецъ.

[0]) Т.-е. Отелло.

[00]) Дѣйствующее лицо «Разбойниковъ» Шиллера.

demande comme service, comme acte de reconnaissance pour l'Angleterre de s'en aller—on le prie-et l'homme du dévouement—s'en va roi exilé vendredi.

La fête chez nous était sptendide (il y avait très peu de personnes—je parie de la splendeur morale).

Voilà, en attendant mieux, le récit du journal Dolgoroukoff «Listok». Et les deux Joseph qui feront un retentissement d'un pôle—a un Pierre (S. Paul—et le vôtre)?

Platnauer propose d'écrite et cela très vite [1]). Я пишу по-французски, потому что Мальвидѣ Филипповнѣ легче читать.

Вчера я провелъ утро у Гариб. и его друзей (Саффи тамъ безпр. и Мордини), видѣлъ, какъ ему представлялись мембры [2]) парламента etc. (1,000 челов.).

О полученіи этого письма пишите сейчасъ.

Да, что Ольга, получила картину или нѣтъ, посланную въ письмѣ? И почему она никогда не пишетъ?

Посылаю 2 «Кол.» и 1 «Cloche».

Шумъ 17 апрѣля и событія перваго торжественнаго появленія 2-хъ Осиповъ, вѣроятно, мнѣ помѣшаютъ ѣхать въ Бельгію... Aber... aber... ich habe gehandelt wie ein ehrlicher Meusch—und bin famos zufrieden [3]).

Пора вамъ ѣхать во Флоренцію и ждать финальной резолюціи.

2376. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(23 апрѣля 1864).

Я васъ просилъ прислать газеты, въ которыхъ была статья о 17 апрѣля. Статья была во всѣхъ газетахъ, вы не прислали ни одной. Разсѣянность влюбленныхъ дѣвушекъ—вещь опасная.

Вы мнѣ поручали написать Долг., я писалъ; онъ согласенъ, но я боюсь, не поздно ли.

[1]) Когда я писалъ 18 апрѣля, что 17-е было днемъ безъ малѣйшаго облачка, гроза уже надвигалась. Гарибальди, совершенно здоровый, былъ объявленъ больнымъ; его тріумфальная поѣздка была пріостановлена; его попросили, какъ объ услугѣ, какъ объ актѣ признательности въ отношеніи Англіи, чтобы онъ убрался во-свояси, его умоляли... и онъ, самоотверженный человѣкъ, какъ изгнанный король, уѣхалъ въ пятницу.

Праздникъ нашъ вышелъ блестящимъ (Было очень мало народу, но я говорю о блескѣ моральномъ). Вотъ, въ ожиданіи лучшаго, разсказъ объ этомъ въ долгоруковскомъ «Листкѣ». А какъ вамъ нравятся оба Іосифа, которые надѣлаютъ шуму отъ полюса до Петра (св. Павелъ и вашъ [0])?

Платнауэръ предлагаетъ написать, и—поскорѣе.

[2]) Membres—члены.

[3]) Но... но... я дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ — и очень доволенъ.

[0]) Т.-е. соборъ св. Павла въ Лондонѣ и соборъ св. Петра въ Римѣ. Все вмѣстѣ каламбуръ: по-французски le pôle — полюсъ и Paul — Павелъ произносятся почти одинаково.

Сегодня митингъ на Primrose Hill. Привезите завтра «Observer» и что-нибудь о митингѣ.

Кюнъ[1]) прислалъ счетъ,—лишнее вино и все дорого.

Я желаю покончить съ нимъ на 20 фун. и на водку 1 фунтъ.

Идите на митингъ.

Прощайте.

2377. Письмо къ Н. А. Герценъ.

24 апрѣля 1864.
Elmfield House, Teddington.

Вотъ какая вышла досада: письмо мое съ разными подробностями опоздало, и оказіи не будетъ цѣлыя двѣ недѣли. Пора вамъ переѣзжать во Флоренцію и тамъ спокойно прождать мѣсяцъ рѣшеній. Развѣ, Саша найдетъ случай скорѣе переслать что-нибудь. На всякій случай я приложу вырѣзку изъ англійскихъ газетъ, а вы тотчасъ извѣстите о полученіи. Отъѣзъ Г. отсюда—безобразная интрига въ мірѣ и равнозначительна потерѣ сраженія. Можетъ, лучшая и самая свѣтлая минута была въ нашемъ домѣ. Въ тотъ же вечеръ все было испорчено. А его слова *у насъ* останутся въ исторіи.

Можетъ быть, что это послѣднее письмо въ Римъ. Если бы не дороговизна здѣшней жизни, т.-е. англійской, то, все же, слѣдовало бы остаться здѣсь, но впередъ рѣшать не могу. Готовъ ѣхать и въ Isle of Wight и въ Борнмаусъ до октября. Полагаю, что въ слѣдующемъ письмѣ могу уже написать положительнѣе—Бельгію только я исключилъ. А читали ли вы, что въ Парижѣ запретили праздновать Шекспировъ день и давать его трагедіи (23 апрѣля)?

25 апрѣля. Мальвида мнѣ пишетъ, что она желала бы еще пожить одна съ Ольгой, но я думаю, не лучше ли сначала собраться на лѣто хоть здѣсь. Ты мнѣ ни разу не писала о своихъ отношеніяхъ съ Ольгой.

Писать больше некогда,—цѣлую тебя и Ольгу. Ольгѣ сообщаю, что Лиза нашла двухъ маленькихъ птичекъ и въ восторгѣ отъ нихъ.

2378. Письмо къ С. Тхоржевскому.

27 апрѣля (1864).

Если вы имѣете отвѣтъ отъ Кюна, то потрудитесь передать его мнѣ.

[1]) Ресторатоpъ, приготовлявшій обѣдъ 17 апрѣля.

Если вы будете у Трюбнера, скажите ему, что Фогтъ три недѣли тому назадъ писалъ мнѣ, что черезъ него послана мнѣ брошюра,—гдѣ она? А что онъ мнѣ присылаетъ документы о Шлезвигѣ [1]), то они мнѣ не нужны.

2379. Письмо къ неизвѣстному.

29 апрѣля 1864.
Elmfield House, Teddington.

Милостивый Государь, я вамъ очень благодаренъ за ваше извѣщеніе о Т [2]). Само собою разумѣется, что я готовъ сдѣлать, что могу. Подписка невозможна: ни поляковъ, ни русскихъ нѣтъ, которые бы участвовали и молчали, да, сверхъ того, онъ и не возьметъ. Надобно дѣлать келейно и частно.

Мнѣ больно, что Т. скрываетъ отъ меня свое положеніе. Я его знаю гораздо больше и ближе, чѣмъ вы его знаете,—онъ могъ имѣть настолько довѣрія ко мнѣ; но это не важно. Я буду съ нимъ говорить и еще разъ благодарю за письмо.

Преданный вамъ *А. Герценъ.*

2380. 17 апрѣля 1864.

За *юную* Россію, которая страдаетъ и борется, за *новую* Россію, которая, разъ одолѣвъ Россію царскую, будетъ, очевидно, въ своемъ развитіи имѣть огромное значеніе въ судьбахъ міра!

Изъ тоста Гарибальди.

Тостъ вашъ дойдетъ до нашихъ друзей, дойдетъ до казематовъ и рудниковъ...

Изъ отвѣта на него.

Мы обѣщали статью о путешествіи Гарибальди въ Англіи; теперь, когда оно такъ *неожиданно* окончилось, мы убѣдились въ историческомъ значеніи его. Но та статья впереди. Теперь мы хотимъ только передать нашимъ друзьямъ нѣкоторыя подробности о посѣщеніи Гарибальди у насъ, да и эти подробности будутъ, собственно, состоять изъ короткихъ рѣчей Маццини и Гарибальди. Англійскіе журналы до того перегружены описаніемъ пріемовъ, встрѣчъ, блюдъ, гирляндъ и проч., что мы такъ же мало хотимъ вступать съ ними въ состязаніе, какъ мало могли

[1]) Изъ-за шлезвигъ-голштинскаго вопроса въ 1864 г. происходила кратковременная германо-датская война.

[2]) Вѣроятно, П. Тайлоръ, у котораго прежде жилъ С. Ворцель.

соревновать съ валтасаровскими и аристократическими пирами въ честь революціоннаго вождя.

Нашъ праздникъ былъ скроменъ, на немъ не было и двадцати приглашенныхъ гостей [1]). Въ «Daily News», въ «Morning Star'ѣ», въ «Листкѣ» князя Долгорукаго было сказано, какъ толпился народъ передъ рѣшеткой сада, кричалъ *ура* (когда Гарибальди входилъ, его чуть не сшибли съ ногъ, дамы цѣловали руки, края шинели) и пр.,—все такъ, какъ было во всѣхъ домахъ, въ которые пріѣзжалъ *невѣнчанный король*.

За завтракомъ Маццини всталъ и, поднявъ свой бакалъ, сказалъ слѣдующее:

— «Въ провозглашенномъ мною тостѣ я соединяю все то, что мы любимъ, все то, за что мы боремся—

«За свободу народовъ,

«За союзъ народовъ,

«За того человѣка, который въ наше время представляетъ живое воплощеніе этихъ великихъ идей, за *Джузеппе Гарибальди!*

«За несчастную, святую, героическую *Польшу*, которой сыны въ молчаніи дерутся болѣе года и умираютъ за свободу.

«За *юную Россію*, которая подъ знаменемъ *Земли* и *Воли* въ скоромъ времени подастъ Польшѣ братскую руку, признаетъ ея равенство, независимость и изгладитъ воспоминаніе о Россіи царской.

«За тѣхъ *русскихъ*, которые вслѣдъ за другомъ нашимъ Герценомъ наиболѣе трудились для развитія этой Россіи.

«За религію долга, которая даетъ намъ силы на борьбу и смерть за эти идеи!»

Тогда всталъ Гарибальди и, съ *рюмкой марсалы* въ рукахъ, сказалъ:

«Я хочу сегодня исполнить долгъ, который уже давно слѣдовало бы исполнить. Между нами здѣсь человѣкъ, оказавшій величайшія услуги и моему родному краю и свободѣ вообще. Когда еще я былъ юношей и имѣлъ одни неопредѣленныя стремленія, я искалъ человѣка, который бы могъ быть путеводителемъ, совѣтникомъ моей юности, искалъ его, какъ жаждущій ищетъ воды... Я нашелъ его. Онъ одинъ бодрствовалъ, когда все спало кругомъ. Онъ сдѣлался моимъ другомъ и остался имъ навсегда, въ немъ никогда не потухалъ священный огонь любви къ отечеству и къ свободѣ. Этотъ человѣкъ—*Джузеппе Маццини*. Я пью за него, за *моего друга, за моего наставника!*».

Въ голосѣ, въ выраженіи лица, съ которымъ были сказаны эти слова, было столько захватывающаго и потрясающаго, что они были приняты не шумомъ, а слезами.

[1]) Въ ихъ числѣ, не считая Гарибальди и Маццини, были нѣсколько близкихъ имъ людей: Саффи—бывшій тріумвиръ въ Римѣ, Мордини—продиктаторъ Сициліи, Гверцони и пр. Въ числѣ дамъ была M-me Stansfield.

А. И. Г.

Послѣ минутнаго молчанія Гарибальди всталъ со словами:

«Мацини сказалъ нѣсколько словъ о несчастной Польшѣ, съ которыми я совершенно сочувствую. За Польшу, отчизну мучениковъ, за Польшу, идущую на смерть за независимость и подающую великій примѣръ народамъ!

«Теперь выпьемъ за *юную* Россію, которая страдаетъ и борется, какъ мы, и побѣдитъ, какъ мы,—за новый народъ, который, освободившись и одолѣвъ Россію царскую, очевидно, призванъ играть великую роль въ судьбахъ Европы.

«За *Англію*, наконецъ, за страну независимости и свободы,—страну, которая своимъ гостепріимствомъ и сочувствіемъ къ гонимымъ заслуживаетъ полную благодарность нашу. За Англію, которая даетъ намъ возможность собраться дружески вмѣстѣ, какъ теперь»...

...Послѣ отъѣзда Гарибальди я написалъ ему слѣдующее письмо:

«Я былъ такъ взволнованъ вчера, что не сказалъ вамъ того, что хотѣлъ, и ограничивался одной благодарностью во имя *наступающей* Россіи, притѣсненной не менѣе Польши, во имя Россіи, умирающей въ казематахъ и рудникахъ и *живущей* въ сознаніи народа, просыпающагося съ своимъ идеаломъ неразрывности *Земли и Воли*, да въ меньшинствѣ гонимомъ за то, что оно высказало это народное стремленіе.

«Съ радостью услышатъ наши дальніе друзья сочувствующія слова ваши; они имъ нужны, на ихъ страданія рѣдко бросаютъ вѣнки; отблескъ преступленій, совершающихся въ Польшѣ, падаетъ на насъ всѣхъ.

«Въ сущности, я и не жалѣю, что ничего не прибавилъ къ словамъ благодарности. Что могъ я прибавить? Тостъ за Италію? Да развѣ все собраніе наше не было тостомъ за Италію? То, что я чувствовалъ, дурно умѣщалось въ тостъ. Я смотрѣлъ на васъ обоихъ, слушалъ васъ съ юнымъ чувствомъ піэтета, которое мнѣ уже не подъ лѣта, и, видя, какъ вы, два великихъ путеводителя народовъ, привѣтствовали зарю восходящей Россіи, я благословлялъ васъ подъ скромной крышей нашей.

«Вамъ я обязанъ лучшимъ днемъ моей зимы, днемъ ясности безусловной и за то еще разъ обнимаю васъ съ пламенной благодарностью, съ глубокой любовью и безграничнымъ уваженіемъ.

Александръ Герценъ». [1]

18 апрѣля 1864.
Elmfield House, Teddington.

◆◆ 1. Саффи говоритъ по поводу 17 апрѣля: «Гарибальди принялъ приглашеніе русскаго изгнанника Александра Герцена, этого неутомимаго противника царскаго самодержавія и передового бойца за освобожденіе крѣпостныхъ въ его странѣ,—пріѣхать вмѣстѣ съ Д. Мацини и другими общими друзьями на

братское свиданіе въ его скромное жилище въ Teddington'ѣ, небольшомъ мѣстечкѣ недалеко отъ Лондона, на берегу Темзы» и затѣмъ приводитъ тосты, перепечатавъ ихъ изъ французскаго изданія «Camicia rossa» [1]) (т. VIII, 43—47).

По словамъ Линтона, Гарибальди былъ встрѣченъ Герценомъ, Огаревымъ и его женой («European Republicans», 278—279).

2381. Православіе на рельсахъ.

«День», съ яростью ополчившійся въ послѣднее время на папежъ, латинство, іезуитство, напрасно портитъ свою кровь. Православіе не только не въ опасности, но, напротивъ, само ударилось въ прозелитизмъ, и въ чисто императорскій, казенный прозелитизмъ. «Кельнская Газета» говоритъ, что толпами отставленные служителя польскихъ желѣзныхъ дорогъ за то, что они поляки, обратились съ просьбами, чтобъ ихъ приняли на русскія желѣзныя дороги. Правительство согласилось, но съ условіемъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру, приняли греко-россійское исповѣданіе.

2382. Казни русскихъ.

«Русскій Инвалидъ» говоритъ о казни разстрѣляніемъ въ Сувалкахъ Федора Блашнина и въ Остроленкѣ Владиміра Иванова, — кажется, это не поляки!

2383. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ—изъ Италіи 90 франковъ.

2384. Письмо къ сыну.

3 мая (1864).
Elmfield House, Teddington.

Любезный Саша, вчера я писалъ длинное письмо къ Татѣ и сегодня пишу къ тебѣ о томъ же. Ѣхать теперь, ясное дѣло, нельзя: ни одинъ вопросъ не подвинулся—1) ни польскій, 2) ни вопросъ войны, 3) ни вопросъ цензуры въ Россіи. Послѣдній для насъ очень важенъ. Онъ позволилъ бы изъ «Колокола» снова перейти въ «Поляр. Звѣзду». За 17 апрѣля на меня сердятся и въ газетахъ было on est furieux [2]) въ Тюльери. Вотъ причины,

[1]) Красная рубашка.
[2]) Рвутъ и мечутъ.

по которымъ, дѣтямъ надобно ѣхать сюда на полгода, а Татѣ, можетъ, на годъ. Здѣсь я хочу испытать и твое совершеннолѣтіе и твое сердце. Ты долженъ понять, что въ 52 года, сдѣлавши много жертвъ, я имѣю право на такую жертву для меня. Это и ты долженъ сказать дѣтямъ. Если обстоятельства дозволятъ, мы оставимъ Англію въ ноябрѣ. Если Мальвида хочетъ, она и одна въ ноябрѣ можетъ ѣхать съ Ольгой. Если ты хочешь пріѣхать, то не раньше ноября. Ясно, что ѣхать надобно въ началѣ іюня,—жаръ, malaria [1]), праздность каникулъ незавидны.

Мейзенб. пишетъ, что домъ ихъ взятъ на весь май,—тутъ дѣлать нечего.

Впрочемъ ты можешь съѣздить къ нимъ недѣли на двѣ или съѣхаться во время ихъ дороги. Оставляя Римъ 29 мая, онѣ могутъ пробыть во Флоренціи около двухъ недѣль; у насъ все будетъ готово на берегу моря къ 20 іюня.

Спрошу Саффи, какъ тебѣ послать рубашки.

Вещи наши въ ящикахъ отправляются къ князю Долгорукову. Это обстоятельство не мало развязываетъ руки.

Вчера была годовщина 2 мая. Вчера я, долго думая, дошелъ до этого рѣшенія. Сегодня слѣдовало бы поставить памятникъ. Что, дѣлаютъ? Надпись не дѣлай, не списавшись еще разъ.

Прощай.

Здоровье Ог. плохо. Онъ все пьетъ много лишняго, съ 1 янв. у него было *семь* (а, можетъ, и *восемь*) припадковъ. A propos, спроси Шиффа, есть ли какая-нибудь опасность въ вырываніи полипа. Кн. Долг. хочетъ меня отстращать отъ операции.

Надѣюсь, что ты посыл. «Кол.» Бакун. и Мечник.

Къ Гарибальди съѣздить можешь; познакомься съ Гверцони.

2385. Письмо къ А. Таландье.

5 мая (1864).
Elmfield House, Teddington.

Cher Talandier.

„La Revue des Deux Mondes“ ne veut pas insérer mon article. Je le donnerai à la „Cloche“ belge. En tout cas vous me pardonnerez toutes les peines et ennuis que cela vous a donné. Je vous remercie de tout mon coeur.

[1]) Болотная лихорадка.

Avez-vous été content de notre fête? Sans moi G(aribaldi) serait parti sans decrassion officielle pour ainsi dire de ses rapports avec Maz.

La petite fête a parfaitement réussi.

Adièu. Votre tout dévoué *A. Herzen.*

Перевод.

Дорогой Таландье!

«La Revue des deux Mondes» не пожелала помѣстить мою статью, и я ее передамъ въ бельгійскую «La Cloche». Во всякомъ случаѣ, прошу извиненія за всѣ труды и непріятности, причиненные вамъ этой исторіей. Благодарю васъ отъ всего сердца.

Остались ли вы довольны нашимъ праздникомъ? Не будь меня, Г(арибальди) уѣхалъ бы безъ официальнаго, такъ сказать, объѣленія его отношеній съ Маццини. Маленькое празднество наше вышло очень удачнымъ.

Прощайте. Искренно вамъ преданный *А. Герценъ.*

2386. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

№ 26.

6 мая (1864).
Elmfield House.

Милая Тата! Мнѣ очень жаль, но я не могу согласиться на твою поѣздку во Флоренцію. Если ты хочешь видѣть Сашу, онъ можетъ пріѣхать или послѣ 29 вы можете тамъ пробыть двѣ недѣли. Ѣхать въ Bagni di Lucca—вздоръ. Нельзя, другъ мой, вѣчно исполнять всѣ свои желанія. Жизнь исполнена лишеній. Я радъ, что могъ тебѣ доставить эти полтора года, теперь зову тебя домой. Помни, что я отъ тебя не требую ничего, кромѣ одного года, въ который мы посмотримъ, что и какъ дѣлать.

Надѣюсь, что ты теперь будешь гораздо откровеннѣе со мной, а я нисколько не намѣренъ заставлять тебя жить въ скукѣ. Сдѣлаю, что могу, и посмотримъ. Отсюда до ноября врядъ уѣдемъ ли.

Какъ безконечно глупо поступили Владиміровы: они пріѣзжали, когда насъ не было дома, часовъ въ пять, не оставили адреса и не написали, куда они именно отправляются.

Это меня нѣсколько оттолкнуло отъ нихъ,—тутъ столько невнимательности и посвистыванія въ головѣ, что противно.

Платнауэръ еще разъ берется переслать. Я считалъ, что послѣ *20 мая* къ вамъ писать въ Римъ нельзя больше. Отвѣчай

поскорѣе и помни, что я васъ жду съ истиннымъ нетерпѣніемъ и съ истинной любовью.

Такъ, Ольга милая, все и дѣлается по-твоему, какъ ты писала: вмѣсто Брюсселя, въ Isle of Wight или въ Bornemouth; я въ понедѣльникъ ѣду на два или на три дня искать домъ у моря.

Прощай.

Лиза ждетъ тебя, а N.—твоего письма,

2387. Благодарность за плодородіе.

«Русскій Инвалидъ», разсказывая подробности о пребываніи депутатовъ отъ крестьянъ Царства Польскаго въ Петербургѣ, отмѣчаетъ довольно замысловатый отвѣтъ «сѣдыхъ солтысовъ», цѣловавшихъ покровы гробницы Николая. На вопросъ о причинахъ такого предпочтенія, повидимому, удивившаго ихъ провожатыхъ, они отвѣчали: «Мы благодаримъ его за то, что онъ далъ свѣту такого великаго государя, который уничтожилъ крѣпостную неволю въ Россіи и довершилъ освобожденіе наше изъ-подъ ига своевольныхъ пановъ предоставленіемъ намъ правъ собственности на воздѣлываемую нами землю, безъ чего никогда бытъ крестьянъ не могъ бы улучшиться».

Каково тридцатилѣтнее царствованіе и пятидесятилѣтняя жизнь, въ которыхъ народъ только и находитъ хорошаго, что рожденіе наслѣдника и, стало, небезсмертіе родителя!

2388. Земля и Липранди.

Генералу-отъ-инфантеріи Липранди дано въ Самарской губерніи 5041 десят. 410 саж. удобной и неудобной земли. Когда же это кто-нибудь догадается сказать государю, что, вѣдь, земля русская, не—въ самомъ дѣлѣ романовская собственность, которую можно давать на чай и на водку кому вздумается?

2389. Свой Гарибальди.

Да, въ Петербургѣ свой Гарибальди и именно — М. Н. Муравьевъ. Пріемъ, сдѣланный ему и описанный, какъ и слѣдуетъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», не забудется въ исторіи... До этого не падало ни одно дворянство,—желаемъ ему отъ души и не подыматься [1]).

[1]) Дальше слѣдуетъ длинная цитата съ описаніемъ пріема, какъ носили на рукахъ кресло съ больнымъ Вѣшателемъ и т. п.

2396. [«Европеецъ»].

Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ «Европейца»: что-то скажетъ г. Блюммеръ на страшную статью о немъ, помѣщенную въ 19 № «Листка». [1]

◆◆ 1. Въ «Листкѣ» была статья «Леонидъ Блюммеръ, агентъ русской тайной полиціи», написанная кн. П. В. Долгоруковымъ. Обвиненія очень серьезны и нельзя сказать, чтобъ ужъ совершенно безпочвенны.

2391. Un mot.

Cher Monsieur Fontaine,

Voulez-vous insérer dans le prochain numéro de «La Cloche» la lettre suivante adressée au «Journal des Débats», qui n'a pas cru nécessaire de l'admettre dans sa feuille:

«Monsieur,

«Permettez-moi de compter sur votre extrême obligeance et de vous prier d'insérer dans votre estimable feuille, une petite rectification qui a une grande importance pour nous.

En donnant la traduction du toast prononcé par J. Mazzini, le 17 avril, dans notre maison («Journal des Débats» du 22), le traducteur lui fait dire:

«A cette nouvelle Russie dont les aspirations sont *Patrie* et Liberté».

«Il ne s'agit pas de la Patrie, monsieur, mais bien de la *Terre aux paysans*. Le texte du «Daily News» dit: «Whose desire is *Land* and Liberty». Et en effet, notre programme entier se résume dans ces deux mots: terre et liberté. L'indépendance de notre patrie est trop assurée pour que nous ayons besoin d'en faire un toast.

Recevez, etc.

A. Herzen».

Il est vrai que J. Mazzini a été accusé de tant de choses, et de choses tellement graves et tellement absurdes, que faire peser sur lui une niaiserie de plus, dite à propos de la Russie et chez un Russe, ce n'est pas ajouter beaucoup à son compte, mais j'ai voulu rendre au traducteur du „Journal des Débats" ce qui lui appartient.

Votre tout devoué,

29 avril 1864. *A. Herzen.*

Elmfield House, Teddington, S. W.

Переводъ.

Замѣтка.

Дорогой г. Фонтэнъ!

Не откажите напечатать въ ближайшемъ нумерѣ «La Cloche» слѣдующее письмо, адресованное «Journal des Débats», которому послѣдній не счелъ нужнымъ удѣлить у себя мѣсто.

«Милостивый Государь!

«Позвольте мнѣ разсчитывать на вашу любезность и попросить васъ помѣстить на столбцахъ вашей уважаемой газеты маленькую поправку, имѣющую для насъ огромное значеніе.

«Приводя переводъ тоста, произнесеннаго Мацини 17 апрѣля въ нашемъ домѣ, переводчикъ («Journal des Débats» отъ 22 числа) влагаетъ въ его уста слѣдующія слова:

«Этой новой Россіи, стремленія которой суть: Отечество и Свобода».

«Дѣло идетъ, милостивый государь, не *объ отечествѣ*, а о *землѣ крестьянамъ*. Въ «Daily News» текстъ гласитъ: «Чьи стремления—Земля и свобода». И правда: вся наша программа заключается въ этихъ двухъ словахъ: Земля и Воля. Независимость нашей родины слишкомъ обезпечена для того, чтобы нужно было произносить въ честь ея тосты.

Примите и проч. *А. Герценъ*».

Правда, на Мацини взводили столько обвиненій, и важныхъ и безсмысленныхъ, что отъ того, что на немъ будетъ тяготѣть еще одна глупость, при томъ сказанная о Россіи и въ домѣ русскаго, ему ничего не прибавится и не убавится, но я хотѣлъ воздать должное переводчику «Journal des Débats».

Преданный вамъ *А. Герценъ* [1].

29 апрѣля 1864.

◆◆ 1. Въ «Journal des Débats» 22 апрѣля 1864 г. было напечатано:

«Въ прошлое воскресенье генералъ Гарибальди со своимъ секретаремъ Гверцони завтракалъ у русскаго эмигранта А. Герцена въ Теддингтонѣ. Чествовать его собрались англійскіе и др. иностранные почитатели, между прочими Саффи, князь Долгоруковъ, членъ итальянскаго парламента Мордини.

Герценъ, его другъ и сотрудникъ демократической газеты «Колоколъ» Н. Огаревъ и г-жа Огарева привѣтствовали генерала на порогѣ своего дома. Публика такъ горячо привѣтствовала Гарибальди что онъ былъ принужденъ поклониться собрав-

шейся вокругъ дома толпѣ. Нѣсколько минутъ спустя, Герценъ и Огаревъ съ такимъ же почетомъ приняли своего стараго друга Д. Маццини. Въ концѣ великолѣпнаго завтрака послѣдній всталъ и произнесъ въ честь генерала Гарибальди слѣдующій тостъ: «Моя рѣчь коснется всего, что намъ всѣмъ наиболѣе драгоцѣнно, за что мы боролись и страдали душой. Я поднимаю мой бокалъ за свободу народовъ, за ихъ братство, за человѣка, являющагося живымъ воплощеніемъ этихъ великихъ идей, Д. Гарибальди. Я пью за несчастную, святую Польшу, за свободу которой вотъ уже годъ сражаются и тихо умираютъ ея сыны. Я пью за молодую Россію, мечтающую объ отечествѣ и свободѣ, за ту молодую Россію, которая вскорѣ протянетъ руку своей сестрѣ Польшѣ, признаетъ ея независимость и равенство въ правахъ и загладитъ память о царской Россіи. Я пью за тѣхъ русскихъ, которые съ нашимъ другомъ Герценомъ во главѣ, больше всѣхъ способствовали созданію этой молодой Россіи и той религіи долга, которая внушитъ намъ силы посвятить себя осуществленію нашихъ идей до послѣдняго вздоха».

«Затѣмъ всталъ Гарибальди и произнесъ: «Я скажу вамъ то, что долженъ былъ сказать уже давно. Среди насъ—человѣкъ, сослужившій огромную службу дѣлу свободы и нашей родинѣ. Когда я былъ молодъ и мечталъ о добрѣ, я жаждалъ человѣка, который могъ бы напутствовать меня и быть мнѣ совѣтчикомъ въ моей молодости. Я искалъ этого человѣка, какъ жаждущій ищетъ свѣжаго источника. Я его нашелъ: онъ одинъ бодрствовалъ среди спящихъ, онъ одинъ поддерживалъ священный огонь. Онъ остался моимъ другомъ навѣки, вѣчно преданный дѣлу свободы. Этотъ человѣкъ—Д. Маццини. Поднимаю бокалъ за моего друга и учителя!» (Рукоплесканія).

«При этихъ тостахъ на глазахъ присутствующихъ были слезы. Генералъ всталъ еще разъ и сказалъ: «Маццини упомянулъ нѣсколькими словами страдалицу Польшу. Я подписываюсь подъ ними всей душой. Выпьемъ за молодую Россію, которая страдаетъ, борется, но побѣдитъ, какъ мы. Ея судьба—сыграть благородную и крупную роль въ Европѣ».

«Наконецъ, Гарибальди, поднимая бокалъ, сказалъ: «Я пью за свободную Англію, заслуживающую нашу симпатію и большую признательность за великодушное гостепріимство, за благородное и щедрое сочувствіе всѣмъ угнетеннымъ народамъ».

2392. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

18 мая (1864).
Elmfield House, Teddington.

Милая Тата, твоимъ письмомъ я очень доволенъ и цѣлую тебя за него. Съ своей стороны, и я могу написать тоже: устрою

все, что возможно, а что будетъ дальше, увидимъ потомъ. Худшее—снова и снова американскія дѣла; до какой степени связываетъ неизвѣстность средствъ, это ужасно. Очень, можетъ быть, что мнѣ придется самому осенью съѣздить туда, т.-е. въ New-York. Что Шурцъ, вѣрно, ничего не присылаетъ Мальвидѣ?

Друзья твои у меня потеряли весь кредитъ: въ Валисѣ [1]). городовъ много и мѣстъ не мало. Если бъ они хотѣли, чтобъ мы жили близко, они не скрыли бы адреса. Твоя записка лежитъ у меня въ столѣ. Я былъ на-днях въ Bournemouth'ѣ. Дорога идетъ теперь до Christ Church, а потомъ омнибусъ 5 миль. Eagles Nest отданъ за 8 гин., онъ вновь отдѣланъ. Можетъ, я и рѣшусь тамъ нанять до 1 сент.; тамъ хорошо. Я нашелъ два дома, въ которыхъ можно помѣститься. Нельзя ли вамъ ѣхать на «Aunis'ѣ» изъ Чивиты? Если бы время вышло, можно за этимъ дней 5 подождать. Да вотъ еще: если у васъ старичокъ-то [2]) того, то на похороны можно остаться. Сегодня пишутъ, что онъ плохъ. Что Саша ужъ въ Римѣ или нѣтъ?

Я написалъ цѣлую брошюрку подъ заглавіемъ «Камичіа росса [3])—Сонъ въ весеннюю ночь. Посвящаю отсутствовавшимъ дѣтямъ». Вотъ и почитаемъ. Нашъ завтракъ [4]) все еще шумитъ, и вотъ сегодня получилъ письмо отъ Виктора Гюго.

Итакъ, жду васъ съ большимъ нетерпѣніемъ и съ большой любовью.

Лиза и дѣвочка вамъ принесутъ много удовольствія, только на Лизу находитъ какая-то немочь глупостей и слезъ,—иначе она очень умна и граціозно-умна. А дѣвочка, это—саро d'opera [5]) ловкости, здоровья и всего. Natalie, разумѣется, любитъ ее и Лизу безъ памяти, что не мѣшаетъ вовсе не умѣть воспитывать. Въ Огар. вы найдете физическую перемѣну—онъ здоровьемъ сталъ хуже, у него съ 1 янв. было *9 обмороженъ*, но духомъ онъ тотъ же сильный, тотъ же поэтъ и васъ, Тату и Ольгу, дѣйствительно, любитъ страстно, не меньше меня.

Ольга, ты все пишешь мало; я посылаю тебѣ десять франковъ; купи на нихъ сама, что вздумается въ Римѣ.

Если тебѣ, Тата, нужно, то возьми золотой на вздоръ.

А затѣмъ прощайте.

Добавленіе.

Ты не понимай буквально о портретѣ Чаадаева въ Трензинскомъ, это не былъ портретъ, это было только художественное сходство. Тренз.—самъ собой, лицо, покрывающее не одного Чаадаева; это—образъ, созданный не съ живого лица и еще меньше съ лица Петра Як.

[1]) Или Уэльсъ, ю.-зап. часть Англіи.
[2]) Папа Пій IX.
[3]) Camicia rossa—красная рубашка.
[4]) Съ Гарибальди.
[5]) Верхъ дѣятельности.

2393. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

(18 мая 1864).

Parlons encore de nos affaires et de nos arrangements. Tout bien considéré—je commence à douter de la possibilité du continent. Vous verrez dans ma lettre à Tata quels sont nos projets. Dans tous les cas je vous demande une chose—comme un confesseur: êtes-vous prête de me sacrifier une année, avez-vous la confiance qu'il me serait impossible d'en abuser—et que je ne ferai rien sans en donner la raison. Enfin pensez vous que cela soit juste de ma part de demander un sacrifice. Je suis à ruminer et discuter tous les programmes possibles—et je pense qu'entre autre—*la chose la plus faisable* c'est de remettre notre migration—jusqu'à 1865. Or si nous nous réunirons à Londres (ou au bord de la mer)—vers le 1 juillet, nous pouvons rester—dans l'Isle of Wight ou à Bornemouth—jusqu'au 1 octob., Venir â Londres—essayer, si la vie s'arrangera, si votre santé en souffrira ou non. Dans le dernier cas—allez avec Olga à Paris, au à Florence. Tata reste—et en l'année 1865 tout le monde quitte l'Angleterre. Oui ou non. Et prétez serment. Les deux choses qui empêchent le plus—c'est que rien, absolument rien n'est décidé dans les affaires générales 1) ni l'affaire de Pologne 2) ni la question de la guerre 3) ni la grande réforme de la presse en Russie. Nous ne pouvons pas chaumer maintenant. La seconde cause est l'exaspération que notre picknick a donnée. Heureuse hermite, vous ne connaissez rien de ce qui s'est fait depuis Caecilia Metella et Pline le Jeune.

Maintenant—*je jure* de même sur mon sabre et mon imprimerie—*si les questions prendrons une autre tournure,* vers l'automne de ne pas rester en Angleterre.

Dans tous les cas préparez-vous de quitter Florence—entre *10 et 15 juin.* Vous-vous arrêterez à Douvres—et vous trouverez la un Cicerone. Si vous manquez d'argent—écrivez de suite (Alex. peut même emprunter chez Pulski p. ex.).

Je confie mon projet non seulement à votre esprit et à votre justice, mais encore plus à votre amitié, c'est-à-dire à votre injustice.

Adieu.

Voilà les Votes de Teddington
pour rester au moins
iusqu'à l'automne—Og. et moi
pour aller en Italie—M-me Og.

Переводъ.

Побесѣдуемъ еще немного о нашихъ дѣлахъ и о томъ, какъ намъ устроиться. Обдумавши все какъ слѣдуетъ, я начинаю со-

мнѣваться въ возможности жить на материкѣ. Изъ моего письма къ Татѣ вы узнаете, каковы наши планы. Во всякомъ случаѣ, я васъ спрашиваю, какъ духовникъ, объ одномъ: готовы ли вы посвятить мнѣ годъ времени? Вѣрите ли вы, что я не злоупотребляю этимъ и что я ничего не предприму, безъ объяснения причинъ Наконецъ, находите ли вы, что справедливо съ моей стороны требовать жертвы? Я готовъ пережевывать и обсуждать всевозможныя программы, и я думаю, между прочимъ, *что самое осуществимое* это—отсрочка нашего переселенія до 1865 года. Слѣдовательно, если мы встрѣтимся въ Лондонѣ (или на берегу моря) приблизительно 1 іюля, мы можемъ оставаться въ Isle of Wight или Bornemouth до 1 октября, затѣмъ пріѣхать въ Лондонъ, сдѣлать опытъ, удастся ли намъ тамъ наладить жизнь, пострадаетъ ли отъ этого ваше здоровье или нѣтъ. В последнемъ случаѣ, уѣзжайте съ Ольгою въ Парижъ или во Флоренцію. Тата останется, а въ 1865 г. мы всѣ покинемъ Англію. Да или нѣтъ? И присягните. Два обстоятельства болѣе всего мѣшаютъ намъ. Первое, это то, что, ничего, абсолютно ничего, еще не рѣшено въ общихъ дѣлахъ: ни польскій вопросъ, ни вопросъ о войнѣ, ни великая реформа печати въ Россіи. Мы не можемъ остановить теперь работу. Второе, это—раздраженіе, вызванное нашимъ пикником. Вы, счастливая отшельница, не знаете ничего того, что произошло со временъ Цециліи Метеллы [1]) и Плинія младшаго [2]).

А теперь клянусь своимъ мечомъ и своей типографіей, что, если дѣла примутъ другой оборотъ, къ осени мы не останемся въ Англіи.

Какъ бы тамъ ни было, будьте готовы покинуть Флоренцію между *10 и 15 іюня* Вы остановитесь въ Дуврѣ и найдете тамъ чичероне. Если у васъ не хватитъ денегъ, сообщите сейчасъ же. (Алекс. можетъ, напр., занять у Пульскаго).

Поручаю мой планъ не только вашему разуму и вашей справедливости, но еще, прежде всего, вашей дружбѣ, т.-е. вашей несправедливости.

Прощайте.

Вотъ результатъ голосованія въ Теддингтонѣ:
Ог. и я за то, чтобы оставаться, по меньшей мѣрѣ, до осени;
г-жа Ог. за то, чтобы поѣхать въ Италію.

[1]) Жена тріумвира Помпея.
[2]) Римскій писатель, авторъ «Панегирика Траяну» и знаменитыхъ «Писемъ».

2394. Письмо къ старшимъ дѣтямъ.

(29 и послѣд. или дотянуть до 30?)

20 мая 1864.
Elmpfield House.

Саша, Тата и Ольга, поздравляю съ пріѣздомъ въ Римъ; не дурно и то, что скоро изъ него ѣдете. Послѣднія письма ваши сдѣлали мнѣ большое удовольствіе: отъ нихъ вѣетъ тѣмъ духомъ, который я всегда искалъ, а потому мнѣ легко обсуживать всю экспедицію. Я полагаю, что, дѣйствительно, слишкомъ большой перерывъ для Таты вреденъ, а потому хочу, чтобъ вы разсуждали вотъ о чемъ и мнѣ бы написали съ Мальвидой. По всей видимости, войны не будетъ; реакція въ Россіи такъ же безобразна, какъ была: Муравьева въ Петерб. принимали на станціи гвардейскіе офицеры и дамы. «Колок.» нынѣшній годъ будетъ выходить въ мѣсяцъ разъ [1]); что будетъ въ 1865, не знаю. Прочитавъ твое письмо, мы сѣли съ Огаревымъ на думу, говорили, говорили и пришли къ тому, что ты правъ и Мальвида права: прерывъ въ занятіяхъ Таты и Ольги не долженъ быть слишкомъ великъ. Что мы сдѣлаемъ зимой для Таты? Для Ольги еще скорѣе можно что-нибудь. А потому я свожу все время на *пять мѣсяцевъ* или на $4^1/_2$ и рѣшительно не буду препятствовать возвращенію въ Италію. Весь вопросъ состоитъ, стало-быть, въ 2,000 фр. или 2,500 путевыхъ издержекъ.

Перебираться намъ въ Италію, все же, необходимо. Американская туча нависла чернѣе прежняго—и все еще, можетъ быть, мнѣ придется въ ноябрѣ ѣхать туда. Никогда я не цѣнилъ такъ деньги, какъ теперь.—Если-бъ я могъ выручить капиталъ, я устроилъ бы какъ-нибудь Чернецкаго и Тхор. Чернец. исхудалъ, мраченъ, у него Польша, какъ открытая рана, и разомъ совершилось разореніе. Тхорж. хочетъ даже закрывать лавку. Жихоня ѣдетъ въ Парижъ. Я за Чернецк. боюсь просто. Если онъ не найдетъ здѣсь дѣла, надобно и его взять въ Италію или въ Швейцарію. Мы придумали такъ: Natalie съ дѣтьми поѣдетъ вмѣстѣ съ Татой и Ольгой въ началѣ ноября; мы остаемся съ Огар. въ Лондонѣ сначала, потомъ пріѣду я. Можетъ, и тебѣ нужно будетъ заглянуть сюда зимой.

Здѣсь дѣти пусть проживутъ у моря два мѣсяца, а потомъ можно найти временную квартиру въ Лондонѣ. Я былъ въ Bornemouth'ѣ; тамъ есть превосходные дома. Татины друзья такъ нелѣпы, что скрыли адресъ. Я, можетъ, съѣзжу взглянуть на Валисъ (хвалятъ Chepstow за Бристолемъ), но это не важно. Въ

[1]) Начиная съ 15 мая 1864 г. такъ и было.

Bornemouth'ѣ можно прожить недурно. Надѣюсь, что на этотъ разъ вы всѣ моими распоряженіями довольны.

Вопросъ, куда же ѣхать намъ, т.-е. Ог. и мнѣ? Мнѣ и до сего времени Швейцарія больше по нутру, т.-е. для складочнаго мѣста, для дома, для point fixe [1]). Италія—не at home [2]), это—floral hall [3]) и все, что угодно, но фиксироваться тамъ мудрено.

Для тебя, Тата, я приготовлю другія занятія на время здѣшней жизни,—надобно читать, много читать и много перечитать. Фогтъ издалъ новую книгу о человѣкѣ,—можно и ею заняться. Ольгѣ не знаю, что придетъ по вкусу.

Вчера до полученія твоего письма я отослалъ тебѣ рубашки, кальсоны, двѣ пары сапогъ, пальто и лѣтн. пантал. и жилетъ по твоему адресу во Флоренціи: 5, P. della S., а потому ты дай знать во-время. Дѣло въ томъ, что они не хотѣли взять впередъ денегъ (это, можетъ, будетъ стоить 15 фран.). Если дороже, пришли мнѣ reçu [4]). Посылать очень дорого и очень трудно. Вотъ адресъ компаніи G. W. Wheatley et C., mail parcel dispatch London, chief-ofice, 150, Leadenhall St., E. C.

Сегодня въ газетахъ пишутъ, что вашъ старикъ не на шутку плохъ. Тогда можете fortnight [5]) остаться,—это очень любопытно.

Ѣхать ad libitum [6]). Я послалъ вчера 1,000 фр., если у васъ есть на сухой путь, прибавочки морю; можно и въ кораблѣ, а всего лучше на «Онисѣ». Раньше 15 не пріѣзжайте, потому что тутъ-то и развалъ: сдавать домъ, нанимать домъ, penny, penyless, всякій лѣсъ,—Jules—Agreement—dilapidation—D-r Clemence... [7]).

Вы подробно пишите, когда ѣдете; если вы будете у Сер. Льв. [8]), то у него найдете послѣднюю инструкцію (и если всѣ деньги профинтите, то можете у него занять 10 liv.). Я передумалъ и полагаю, что въ Дуврѣ останавливаться глупо. Надобно взять на ночь № въ Лондонѣ. Я напишу, гдѣ, и самъ васъ встрѣчу на London Bridge или на Викторіи.

Цѣлую васъ всѣхъ,

Прощайте.

Пишите же подробно ваши опиніоны [9]).

[1]) Центральнаго пункта.
[2]) «Дóма».
[3]) Замокъ цвѣтовъ.
[4]) Расписку.
[5]) Двѣ недѣлѣ.
[6]) По желанію.
[7]) Пенни, нѣтъ ни пенни, Жюль, соглашение, расточеніе, д-ръ Клеменсъ.
[8]) Львовъ—Львицкій.
[9]) Opinion—мнѣніе.

2395. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

(22 мая 1864).

Nach dem Regen—kommt Sonnenschein. So kommt auch Ihr zweiter Brief ganz in der Funktion—des schönen Wetters.

All right.—Und nocheinmal bleiben wir bis. d. Herbst zusammen und dann werden wir sehen. In jedem Falle kein Zwang—ausser der force majeure. Unter force majeure—verstehe ich die Dollar-Force. Im letzten Falle mach ich einen appel à vorte générosité. Sie haben früher gesprochen v. einer Pension gehalten von einer Engländerin oder Schottländerin—im London. Man kann dort ein Haus in der Nähe suchen? Ich möchte freilich heraus aus England, aber ich sage wie Garib. mir gesagt hat «Je plie aux nécessités». Unsere Lage wird klarer, mit Polen ist es aus. Da liegt der Heros der modernen Tragödie-abgeschlachtet und halb todt.

Ich schicke 1,000 francs—wahrscheinlich über *Tarlonia*—sollten Sie 100 od. 200 zu viel haben—geben sie Alex. Das ganze kostet etwas viel—aber «der Leben's Mai blüht einmal und nicht wieder». Es kommt zu 1,000 monatlich—also mit Alex. zu 17,000. Von der andern Seite—die Buchdruckerei absorbirt jetzt über 25 Liv. monatlich. Der arme Czernicki ist in einer schlechten Lage—und hat Gesundheit und Mut beinahe verloren.

Bitte, geben sie Tata—20 fr. und Olga 10 fr. um Bagatellen zu kaufen.

Es ist doch, glaube ich, kürzer nach London zu kommen. Uebrigens, darüber werde ich noch schreiben. Vielleicht gehen wir nach Bornemouth.

Dieser Brief kommt wahrscheinlich den 26. Jedenfalls bekommen sie noch einen.

Adieu

A. Herzen.

Cerasi—Banquier à Rome.

Gehen Sie zu ihm und fragen Sie, das Geld geschickt. **40 Pound.**

Переводъ.

Послѣ дождя—солнце; такъ и ваше второе письмо пришло подобно хорошей погодѣ. Все идетъ хорошо. И вотъ еще разъ мы останемся вмѣстѣ до осени, а тамъ посмотримъ. Во всякомъ случаѣ, никакого принужденія, развѣ только со стороны неодолимыхъ силъ. Подъ неодолимыми силами я подразумѣваю—силу долларовъ. Въ крайнемъ случаѣ я обращусь къ вашему великодушію. Вы раньше говорили

о какомъ-то пансіонѣ, содержимомъ не то англичанкой, не то шотландкой въ Лондонѣ. Нельзя ли было бы по сосѣдству сыскать домъ? Конечно, я хотѣлъ бы вонъ изъ Англіи, но я говорю, какъ сказалъ мнѣ Гарибальди: я покоряюсь необходимости. Наше положеніе выясняется. Польша погибла. Тамъ лежитъ герой современной трагедіи—заколотый и полумертвый.

Посылаю 1,000 франковъ, вѣроятно, черезъ *Torlonia*; если у васъ окажется лишнихъ 100 или 200, дайте Алекс. Все это обходится нѣсколько дорого, но «май жизни цвѣтетъ разъ и не повторяется». Доходитъ до 1,000 въ мѣсяцъ, слѣдовательно, съ Алекс. до 17,000; съ другой стороны, типографія поглощаетъ теперь болѣе 25 фунтовъ ежемѣсячно. Бѣдный Чернецкій въ плохомъ положеніи,—здоровье и мужество почти потеряны.

Прошу васъ, дайте Татѣ 20 фр. и Ольгѣ 10 фр. на покупку бездѣлушекъ.

Все-таки, я полагаю, было бы проще пріѣхать въ Лондонъ. Впрочемъ, объ этомъ я еще напишу. Можетъ статься, мы поѣдемъ въ Bournemouth.

Письмо это придетъ, вѣроятно, 26-го. Во всякомъ случаѣ, вы получите еще одно.

Прощайте

А. Герценъ.

Черази—банкиръ въ Римѣ. Навѣдайтесь къ нему и спросите; деньги отправлены, **40 фунтовъ.**

2396. Письмо къ гр. Е. В. Салiассъ де Турнемиръ.

26 мая 1864.

Статью, о которой вы писали, французскую [1]), отвергнутую «Revue des Mondes», я подарилъ Fontain'y, и она будетъ въ «La Cloche», начиная со слѣдующаго №, т.-е. который въ Брюсселѣ выйдетъ сегодня.

Я вамъ пришлю 2 экземпл.; нельзя ли хоть ею разобидѣть нашихъ бургравовъ [2]) литературы. Писана она очень умѣренно (наружно) и хватитъ на три №. Укажите ее кругу Труб. и Орлова. Мнѣ кажется, что снова наступаетъ время, въ которое Конст. Н. будетъ der liberale Grossfürst [3]), а это—все его пріятели.

Гдѣ же находится Погосскій? [4]) Онъ писалъ, что боленъ и

[1]) «La nouvelle phase» и т. д.
[2]) Ретроградовъ.
[3]) Либеральнымъ вел. княземъ.
[4]) Александръ Ѳомичъ.

собирался въ Фонтенебло; мнѣ очень хочется ему писать: я считаю себя передъ нимъ виноватымъ безъ вины.

Довольны ли вы моими «Письмами къ будущему другу»? Ив. Тург., я полагаю, недоволенъ.

Искренно свидѣтельствую глубокое уваженіе,

А. Герценъ.

2397. Письмо къ М. Мейзенбугъ

(26 мая 1864).

Chère Malvida, je suis très content de ce que nous tous, nous sommes, je le pense au moins, parfaitement d'accord. Moi en promettant dès le mois de Novembre—d'organiser la seconde expédition—vous en venant tanto poco se reposer des beautés dans les libertés. Si j'étais sûr de pouvoir quitter l'Angl. avant le printemps—je ne vous aurais pas invité de venir. D'un autre côté ce n'est que la perte de l'argent du voyage; car pendant les chaleurs on ne peut rien faire chez vous. A propos — savez-vous que Florence a une réputation terrible d'insalubrité — et la malaria est très connue pour une maladie endémique.

Cela m'a fait penser à Olga—et je ne pense pas que je vous y laisserai pour l'hiver. D'où est ce que Tata a pris ses préjugés contre Milan — Les Hohenstaufen, les Habsbourger n'étaient pas si difficiles. J'ai parlé le dernier temps avec beaucoup d'Italiens. Ils disent que Milan ne cède en rien (sons le rapport de l'intelligence et du confort) à Florence. L'argent vous a été envoyé par un autre banquier, par Rothschild (Le fils de James Rot., Solomon est mort) 1,000 fr.

Ecrivez moi de suite — peut-être je vous écrirai encore à Rome une lettre.

Rappelez-vous que le 15 nous quittons Teddington. Donc après le 10 — il est mieux d'écrire à S. Thorzevsky: 1, Macclesfield street, Gerrard str, Soho, pour remettre à M. Herzen.

A rivederci donc.

Sollten Sie etwas in meinem Plan nicht gut finden, schreiben Sie mir.

P. S. Sollten Sie ein paar Wochen bleiben, im Falle dass der Alte stirbt, können Sie nicht dort ein Paar Hund. Frank. borgen? Ich schicke gleich. Vergessen sie nicht Adresse und Alles.

Переводъ.

Дорогая Мальвида, я очень радъ, что всѣ мы, — такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю,—въ полномъ согласіи: я—обѣщая съ ноября организовать вторую экспедицію, вы — пріѣзжая отдохнуть немного отъ красотъ среди свободъ. Если бы я былъ увѣ-

ренъ въ томъ, что мнѣ можно будетъ покинуть Англію до весны, я не пригласилъ бы васъ пріѣхать. Съ другой стороны, это только потеря путевыхъ издержекъ, такъ какъ въ жаркое время у васъ нельзя ничѣмъ заниматься. Кстати, знаете ли вы, что Флоренція пользуется репутаціей страшно нездоровой мѣстности, и малярія считается тамъ эндемическою болѣзнью?

Это заставило меня подумать объ Ольгѣ, и едва ли я оставлю ее тамъ у васъ на зиму. Откуда взялись у Таты предубѣжденія противъ Милана? Гогенштауфены и Габсбурги не были столь привередливы. Въ послѣднее время я часто бесѣдовалъ со многими итальянцами; они утверждаютъ, что Миланъ ни въ чемъ не уступаетъ (въ смыслѣ просвѣщенія и комфорта) Флоренціи. Деньги были вамъ высланы черезъ другого банкира, Ротшильда (сынъ Джемса Ротшильда Соломонъ умеръ), 1000 фр.

Пишите мнѣ тотчасъ же; можетъ быть, я вамъ напишу еще въ Римъ.

Помните, что 15 мы покидаемъ Теддингтонъ, слѣдовательно, послѣ 10 лучше писать С. Тхоржевскому: 1, Macclesfield street, Gergard str. Soho съ передачею г. Герцену.

Итакъ, до свиданія.

Если вы въ моемъ планѣ нашли что-либо неподходящимъ, напишите мнѣ.

P. S. Если бы вы остались еще недѣли двѣ (въ томъ случаѣ, если старикъ умретъ), то нельзя ли будетъ занять тамъ на время сотни двѣ франковъ? Я сейчасъ же вышлю. Не забудьте адреса и всего прочаго.

2398. Письмо къ старшимъ дѣтямъ.

26 мая (1864).
Palazzo Tchorzevsky.

Не знаю, что вамъ сказать напослѣдяхъ.

Письмо Таты такъ же мило, какъ и прежнее. Письмо Ольги коротко или еще короче, т. е. его совсѣмъ нѣтъ, а письмо Саши ужъ вѣетъ инымъ воздухомъ. Да, caro mio, тебя хватило письма на три, а тутъ опять der jute deutsche Outchitel [1]) виденъ во всѣ поры. Это досадно, потому что я съ большой радостью писалъ въ прошлый разъ. Разсчеты, учеты etc. въ письмѣ къ Natalie мнѣ такъ же мало понравились, какъ и нѣкоторыя разсужденія о дороговизнѣ пути. Я думаю, что послѣднее надо предоставить мнѣ, а себѣ взять за правило, что человѣкъ не можетъ жить дѣльно, не умѣя *ничего производить*. Производящіе распоряжа-

[1]) Добрый нѣмецкій учитель.

ются съ вольной совѣстью своимъ и всѣмъ, что попало... Но я отношу le tout [1]) къ опрометчивости и потому—довольно.

Былъ у меня Владиміровъ; онъ ѣдетъ сегодня въ Россію. Мнѣ на сей разъ онъ не понравился—фатъ и глупъ, въ сюртукѣ цвѣта горлицы и въ бѣломъ галстукѣ съ мушками — ле бу панданъ [2]).

Чтобъ особенно привлечь васъ къ Лондону, обязанъ сказать, что четвертый день стужа и вьюга.

A propos, скажи мнѣ, Тата, какъ же это дѣлается, что въ 1864, по словамъ Саши, художники оплакиваютъ, что ты ѣдешь въ іюнѣ изъ Рима, а въ 1863 вы не знали, какъ спастись отъ жара, маляріи, и спаслись на Капри, гдѣ еще жарче и дѣлать было ничего нельзя... Rettorica!

Если-бъ я былъ увѣренъ, что Ольгѣ лучше провести это время въ Римѣ, т.-е. еще *семестръ* до нашего рѣшенія, я бы не сталъ противодѣйствовать. И Тата можетъ пріѣхать съ Georgin'ой; мнѣ это будетъ больно, но, вѣдь, и полипъ вырѣзывать будетъ больно... Тогда я пришлю денегъ. А безъ этого жду *въ Лондонѣ* къ 20 іюня. У Левицкаго будетъ послѣдняя инструкція.

А ты, Саша, и не зналъ, что мы изъ Теддингтона должны 15 іюня переѣхать?

Если денегъ мало, нельзя ли 200 фр. или 300 занять?

2399. Nouvelle phase de la littérature russe.

(1-re article) [3]).

La nouvelle période littéraire commencée en Russie après la mort de Nicolas et la guerre de Crimée, période de réveil et d'élan dans le genre de la «Drang und Sturm» période des Allemands, vient d'être en partie détournée de sa voie. Cinq ans ont suffi pour fatiguer le gouvernement et la société. Le gouvernement, après l'émancipation des serfs, a eu peur de s'être trop avancé. Aux malentendus que les nouvelles ordonnances ont fait naître parmi les paysans, il répond par la mitraille; aux refus des étudiants d'obtempérer à de puériles exigences—par les casemates et l'éxil: les condamnations pour délits politiques recommencent. Le 14 décembre 1861, le poète Mikhaïlow est condamné aux travaux for-

[1]) Все.
[2]) Les bouts pendants—свисающіе концы.
[3]) Cette série d'articles d'A. Herzenc (Iskander), dont „La Cloche" (édition française) à la primeur, paraîtra plus tard en russe. Nous en recommandons spécialement la lecture aux personnes qui veulent être édifiées sur la moralité de la presse contemporaine qui est au service du gouvernement de Saint-Pétersbourg.

cés, pour avoir adressé à la jeunesse un appel qui n'a eu aucune suite.

La Société, ce qui est peut-être plus étonnant, commence aussi à murmurer. Elle semble fatiguée de la liberté, avant même de l'avoir obtenue. Elle en craint les excès, avant d'en avoir eu la jouissance. La première effervescence passée, tout tend au calme plat.

Il ne fallait qu'un prétexte pour entrer en pleine réaction. La police le fournit. Pour sortir de l'impasse, elle frappe un grand coup *à l'antique* et rejette sur les «rouges», les «socialistes» et la jeunesse en général, l'incendie d'un quartier de Saint-Pétersbourg qu'elle n'a pas su éteindre, et auquel peut-être ont aidé quelques voleurs de rue. Ceci se passait au mois de mai 1862.

A cette accusation, comme si on l'eût attendue, s'élève dans les journaux une clameur contre les incendiaires. On demande des enquêtes et «des punitions extraordinaires». On accuse des jeunes gens qui avaient répandu une espèce de manifeste révolutionnaire. «La gazette de Moscou» tâche d'établir la complicité de la «Jeune Russie» avec les incendiaires et de faire peser sur celle-là la responsabilité des actes de ceux-ci. L'opinion publique s'alarme. On a peur à Pétersbourg. On a peur à Moscou. On a peur dans les provinces. Le gouvernement *doit* sauver la société, rassurer les esprits; et, pour ce faire, il s'empresse d'ordonner l'arrestation de quelques centaines de jeunes gens, étudiants et littérateurs.

La part que les journaux ont prise à cette alarme a été le prologue de la nouvelle phase du journalisme russe, phase, qui, l'année passée, a fait frémir l'Europe par la franchise sans gêne avec laquelle les feuilles russes ont applaudi aux supplices des Polonais et fait l'apothéose des exécuteurs.

Cependant, l'enquête sur les incendies continuait. Des centaines de personnes étaient examinées. Des maisons sans nombre étaient fouillées. On découvrait des presses clandestines, des imprimés destinés à être répandus, des projets de constitution, des rêves d'utopistes mais pas un seul complice de ces farouches incendiaires qui avaient imaginé de brûler une ville pour gagner les sympathies de ses habitants.

Pendant plus d'un an, aves une ardeur sans pareille, avec un zèle fiévreux et avec tous les moyens dont la police russe dispose, on poursuivit l'instruction de ce procès... Pas un coupable.

A quatre reprises différentes «Le Kolokol» de Londres a demandé les noms de ces exécrables Catilinas, de ces nouveaux Hérostrates, et les détails des peines qui leur ont été infligées... Silence de mort.

Le prince Souvorov, gouverneur de Pétersbourg, homme loyal et honnête, fit un rapport sur le procès, et voulut le publier. Mais le ministre de l'intérieur M. Valouïev, s'y opposa, trouvant scabreux de déclarer, après un an d'enquêtes, que l'on n'avait rien dé-

couvert. En outre, il était d'avis qu'il était bon pour le gouvernement de laisser planer le soupçon sur les hommes inquiets et turbulents.

Le gouvernement s'est vu si bien soutenu dans les vues réactionnaires, qu'il a commencé aussitôt à poursuivre avec acharnement la presse indépendante. On suspend les Revues; on jette à la forteresse le publiciste le plus notable, Tchernichevski; on mènace les uns; on achete les autres, et l'on parvient ainsi à créer une littérature d'ordre et *d'édilité morale*, qui, jusqu'alors, n'avait jamais existé en Russie.

La censure passant de ses bureaux dans la littérature même, agit dès lors avec des armes beaucoup plus dangereuses que ne l'étaient les ciseaux. Un systéme d'insinuations, une police de correspondants commence à s'établir. Il ne fallait plus après cela que le soulévement de la Pologne, pour que toute retenue, tout sentiment de décorum fussent dépassés.

C'est de cette période étrange, triste, qne nous voulons dire quelques mots.

1.

La littérature russe— propremeut dite—ne commence qu'avec le XVIII-e siècle c'est-à-dire avec la réforme de Pierre I-er. Elle en sort, nouvelle Minerve, tout armée de diplômes et en uniforme académique. La période naïvé d'une croissance normale lui manque. Elle commence par les satires du prince Kantemir, et prend racine par les comédies de Vonwiezen, pour aboutir au rire amer de Griboïédov, à l'ironie implacable de Gogol, et à une negation sans peur et sans bornes de la nouvelle école.

Le seul grand poète et grand artiste qui puisse, par son chant sonore et large, et sa placidité esthétique, faire exception, est Pouchkine et c'est lui qui a tracé la figure triste et tout à fait nationale d'Onèguine, de *l'homme inutile*.

Yl y avait bien, *avant la civilisation*, une autre littérature en germe. Mais celle—ci n'avait rien de commun avec la littérature civilisée. La langue, les caractères même de l'impression, tout était différent. C'était une littérature vulgaire et pauvre, dans laquelle se faisaient entendre les premiers sons d'un lyrisme tout populaire et les pieuses méditations des sectaires proscrits et persecutés: les chants en étaient doux, tristes, mélancoliques; se laissant aussi quelquefois aller à des accèsde gaîté folle. Quant aux traités religieux, ils étaieut toujours sombres, austères, ascétiques. Les chants, grâce aux nourrices, aux bonnes, à quelques vieux serfs, pénétraient parfois dans le monde civilisé. La littérature souterraine des sectaires restait cachée dans les forêts, au sein de communautés assez éloignées pour échapper à la double surveillance de la police orthodoxe et de l'église policière. Ce n'est que dans

les derniers temps que l'on a commencé à recueillir, de la bouche même des paysans, ces chants et ces mélodies.

Toutefois, il nous semble indispensable de prévenir dès le commencement nos lecteurs, que dans le cours de cette étude—comme dans la ci-devant bonne compagnie russe—nous ne parlerons pas du tout de cette littérature élémentaire et nationale, qui a été constamment au-dessous du sens civilisateur de l'empire russe; la littérature qui nous occupe n'est pas une simple fleur de champs. Loin de là, c'est une fleur exotique, transportée à grands frais dans les serres impériales de Pétersbourg. Elle ne fut jamais soignée par les mains rudes d'un paysan; ce fut dans des écoles d'Allemands cosmopolites, dans les casernes de la garde impériale et les chancelleries des bureaucrates qu'elle reçut son éducation. Aussi ne sortit—elle jamais, du cercle de la noblesse et des employés de l'Etat et ne fut elle, au fond, elle même qu'un genre de service, un emploi, une fonction. Cela ne paraîtra pas étrange aux allemands: ils ont eu une „philosophie de l'Etat"; nous avons eu également une littérature de l'Etat, ordonnée par le gouvernement, imposée par la police. Mais ce qui est fort étrange, c'est qu'après avoir fait son éducation aux frais de la couronne, dès qu'elle se sentit tant soit peu ferme sur les propres pieds, elle se transforma, avec une ingratitude remarquable, en opposition sourde, en protestation d'ironie et de dérision.

Rien ne saurait être plus erroné que de croire que cette littérature artificielle, transvasée de l'Occident, et frelatée d'une infusion allemande, n'ait pas été effectivement assimilée par le milieu russe, et ne se le soit pas assimilé à son tour.

C'est tout le contraire. Elle a poussé des racines trés—vivaces dans un sol pierreux, dur, couvert de boue, où elle s'est développée, maladive mais tenace, dès qu'elle se sentit tant soit peu délivrée de jardiniers pédants qui sacrifiaient tout à la régularité classique, et aimaient la taille des arbres plus que les plantes elles-mêmes. Elle s'est développée, avec la satire sur les lèvres et le dédain du milieu qui l'entourait dans le coeur, comme se développent ces pauvres gamins des grandes villes, dans les carrefours sans air et sans lumière, entre une remise et un ruisseau, malingres, nerveux, étiolés, pâles, mais possédant un fond inépuisable de forces et de précocité. Comme eux, la littérature russe, dans sa première période, n'a jamais vu les champs. Elle ne s'est jamais éloignée de l'antichambre du palais; elle n'a jamais dépassé la dernière marche de *l'échelle des rangs*. Elle s'arrêtait là, où cesse l'officier et, où commence le simple mortel. Et c'était juste; car, personne ne le lui enseignant, le simple mortel ne savait pas lire.

Sans base populaire, sans nécessité intérieure d'existence, sans souvenir, rompant avec le passé, méprisant tout ce qui était russe à l'exception de la force brutale et de la gloire militaire, se méprisant enfin elle-même, vu la position ridicule d'une société,

pour ainsi dire, condamnée par le gouvernement à une civilisation pénale, cette littérature portait en elle évidemment les conséquences de son origine abrupte et révolutionnaire.

Pierre 1-er avait voulu un Etat fort, avec un peuple passif. Il méprisait le peuple russe, dont il n'aimait que le nombre et la force, et poussait la dénationalisation beauconp plus loin que ne le fait en Pologne le gouvernemeut actuel.

La barbe considérée comme un crime; le kaftan comme une révolte; des tailleurs menacés de mort pour avoir fait des habillements russes *aux Russes*: c'était bien là le *nec plus ultra.*

Le gouvernement, le seigneur, l'officier, le chef de bureau, l'intendant, l'étranger n'ont fait que répéter, et cela à six générations au moins, ce commandement de Pierre 1-er: cesse d'être Russe, et tu auras bien merité de la patrie. Méprise ton père, rougis de ta mère, oublie tout ce qu'on t'a appris à respecter dans la maison paternelle et, de paysan que tu es maintenant, tu seras civilisé et allemand; et une fois bien civilisé et bien allemand, l'empereur te récompensera. Tu seras maître. Tu posséderas toi-même des paysans; et tu pourras, à l'occasion, acheter ta mère, si elle est serve, on vendre ton père, s'il n'est pas libre[1]) Quelle éducation!

Qu'on ne pense pas que nous regrettions—comme les panslavistes-moscovites les moeurs et les coutumes qui régnaient en Russie avant Pierre 1-er, et qui rendirent nécessaire une révolution violente. Nous ne parlons ici que de l'effet moral de la pédagogie étrange que nous venons de décrire.

Le tzarisme était sans le moindre doute inférieur au régime de Pétersbourg. Ce dernier avait en lui un levain, une agitation, une inquiétude, l'instigation de l'avenir, et par conséquent la possibilité de sortir de l'état présent, tandis que dans l'ancien régime il y avait une absence complète de mouvement, une véritable stagnation, un manque d'intelligence, d'idéal, de but. Une fois à l'abri des dangers extérieurs, ne craignant plus ni les Mongols, ni les Polonais, ni les Lithuaniens, le tsarisme ne savait plus que faire. Il avait bien des velléités timides de changement; mais une atmosphère lourde et somnolente s'épaississait autour de son trône byzantin. Le peuple, rendu plus malheureux que jamais par l'extension et la consolidation du servage, après des soulévements désesperés commençait déjà à se retirer dans son *à parte.* Moscou

[1]) Il ne faut pas penser que cela soit une exagération. Le fils d'un paysan serf, une fois soldat, pouvait avec un peu de bravoure, ou beaucoup d'années de service, obtenir le rang d'officier, se marier avec une femme riche, et acheter chez son ci-devant maître le bien auquel appartenait sa famille. Le fils, propriétaire, avait plein droit de vendre le père; et le père—propriété, n'en avait aucun de se plaindre ou de protester. Nous avons eu de braves patriarches de province qui unissant l'utile à l'agréable, vendaient à l'americaine, leur propres enfants illégitimes, nés de leurs malheureuses servantes ou paysannes. Et cet ordre de choses a duré jusqu'en 1861.

tournait à une sorte de Chine boréale. Heureusement ce sommeil n'était pas tranquille. Il y avait comme un sentiment vague de remords, de gêne; et une fermentation désordonnée de forces non employées, trahissant un malaise organique, se manifestait par la corruption profonde des classes supérieures.

Or, c'est ce malaise, ce mécontentement plus senti que formulé, qui trouvèrent enfin leur représentant dans la personnalité violente, impatiente et novatrice de Pierre 1-er. Pierre 1-er fut véritablement pris pour un sauveur, parce qu'ayant réveillé les gens en sursaut, il rouait de coups ceux qui s'endormaient encore une fois.

Ce monde d'apathie et de léthargie se trouva soudain violemment emporté par une activité fiévreuse. La couche supérieure, *la seule réveillée* et entraînée dans le mouvement, se détacha de plus en plus de la masse; tout raport humain cessa entre les cimes et les vallées et ce fut au milieu de ce procès de séparation et de divorce définitif que se forma la littérature russe, protégée par le gouvernement comme une branche du service public. Si l'on pense à cette position étrange, on voit facilement quels sont les deux seuls sentiers dans lesquels cette littérature pouvait marcher. Elle n'avait de choix qu'entre un gouvernementalisme absolu, peut-être même sincère, vu que le gouvernement représentait «la civilisation», et le caractère d'ironie et de sarcasme qui seul peut convenir à des hommes placés entre deux mondes absurdes, au milieu d'un remuement agité désordonné, d'un véritable bal masqué, où fourmillaient les contrastes les plus criants, où personne ne se reconnaissait, et où le grotesque n'était tempéré que par l'horrible et le farouche.

C'est aussi ce que s'est produit. La poésie froide et pompeuse des dithyrambes et des panégyriques calquée sur le latin, l'allemand et le français, ne pouvait devenir populaire, même dans la société de Saint—Pétersbourg. Derjavine, par exemple, était un grand talent, mais Derjavine, fort goûté dans les hautes écoles, dans les séminaires, parmi le clergé et les littérateurs, Derjavine lui-même était dans la société beaucoup plus respecté que lu.

Le premier succès littéraire profond, sérieux, durable, appartient aux comédies de Von-Wiesen, écrites vers le milieu du règne de Catherine II.

Von-Wiesen, homme très civilisé, philosophe dans le sens des encyclopédistes, appartenant lui-méme à la haute société, ayant passé beaucoup de temps à l'ambassade russe à Paris, ne pouvait contenir sa verve satirique au spectacle de cette société demi-barbare, aux alluresa d'une civilisation raffinée. Il essaya de représenter cet étrange amlgame sur la scène, et réussit parfaitement. On se pâmait de rire en se voyant ridiculisé sans aucune pitié. Le succès de son *Brigadier* [1]) fut immense, complet. Le

[1]) Note: chef d'une brigade, entre colonel et général, rang qui n'existe plus dans l'armée russe.

prince Potemkine qui, avec tous ses défauts, était loin de manquer d'une certaine largeur d'esprit, après la première représentation du Brigadier, à laquelle il avait assisté, rencontra l'auteur au sortir du théâtre, lui prit la main, et lui dit tout ému: «Von Wiesen, meurs maintenant»!

Vonwiesen fit mieux. Il écrivit une seconde comédie. Le succès du *Nédorosl* [1]) surpassa de beaucoup celui du Brigadier.

C'est une oeuvre qui restera dans l'histoire et dans la littérature russe, comme tableau des moeurs de la Russie noble, régénérée par Pierre 1-er.

Ce premier rire—les satires du prince Kantémir n'étaient guère que des imitations — retentit au loin, et alla réveiller toute une phalange de grands rieurs. Et c'est à ces *rieurs à travers les larmes* que la littérature doit ses plus grands succès et la plus grande part de son influence en Russie.

Le rire, cette flagellation de nous—mêmes, a été notre expiation, la seule protestation, la seule vengeance qui nous fut possible, et cela dans des limites très resserrées.

Dès que la conscience se réveillait, l'homme voyait avec dégoût la vie hideuse qui l'entourait: aucune indépendance, aucune sécurité individuelle, aucun lien organique avec le peuple. L'existence même n'était qu'un genre de service public. Se plaindre, protester—impossible. Radistchev en fit l'essai. Il écrivit un livre sérieux, triste, plein de larmes. Il osa élever la voix en faveur des malheureux serfs. Catherine II le fit déporter en Sibérie, disant qu'il était plus redoutable que Pougatchev. Se moquer était moins dangereux: le cri de rage prit le masque de rire; et voilà que de génération en génération, se mit à retentir un rire lugubrefou, et qui s'efforçait de rompre toute solidarité avec ce monde étrange, ce milieu absurde et qui, de crainte d'être confondu avec lui, le montrait du doigt. Il n'y a peut-être pas d'autre peuple au monde qui l'êût souffert, pas de littérature qui l'eût osé. S'il y à une exception, elle n'appartient qu'à l'Angleterre. Et encore le grand rire de Byron et la raillerie amère de Dickens trouvent—elles des limites. Notre implacable ironie, notre autosection passionnée ne s'arrête à rien, et n'a peur de rien dévoiler, car elle n'a rien de sacré à profaner. Le système d'éducation de Pierre I a porté ses fruits.

Le plus grand succès littéraire qui ait suivi les comédies de Vonwiesen, et cela à des intervalles de 50 et de 60 ans, appartient, comme il fallait s'y attendre, à une oeuvre du même genre. Dans l'intervalle, il ne se fit pas grande chose. La pensée russe dénationalisée, vague, flottante, sans initiative, toute d'imitation, tantôt penchant vers le martinisme, tantôt vers l'encyclopédisme, inspirait des livres maingres, decolorés, guindés, peu lus alors, oubliés maintenant.

[1]) Un mineur.

La comédie de Griboïedov vint clore le règne d'Alexandre I-er et relier par son rire l'époque la plus brillante de la Russie moderne—époque d'espérances et de jeunesse morale—aux temps sombres et taciturnes de Nicolas.

Pour bien apprécier la portée et l'influence de l'oeuvre de Griboïedov en Russie, il faut se reporter aux temps où la première représentation du «Mariage de Figaro» avait en France l'importance d'un coup d'Etat. Cette comédie russe a été lue, apprise par coeur et copiée dans tous les coins de l'Empire, avant la première représentation, avant *l'imprimatur* de la censure. Nikolas permit la représentation de la pièce pour lui ôter l'attrait du fruit défendu et en autorisa l'impression tronquée pour contrecarrer la circulation du manuscrit.

C'est encore une fois le *vacuum horrendum* de la haute société russe, et principalement moscovite, qui fait le sujet de cette pièce. Mais ce n'est plus le bon vieux temps de Vonwiesen; un demi siècle a apporté beaucoup de changements. Les couleurs ne sont plus si grêles, et le rire est moins gai. Le beau monde de Griboïedov contrefait mieux Paris, quoiqu'il sente encore son cuir russe à dix pas de distance.

Telle était au commencement de notre siècle la haute société de Moscou, de laquelle on a fait en Occident l'invention fantastique des Vieux boyards, opiniâtres dans leur opposition, ayant une conviction erronée, mais ayant une conviction. On peut s'en faire une idée assez juste en consultant une série de lettres admirables de miss Wilmott, publiées à la suite des mémoires de la princesse Dachkov [1]). Griboïedov, né en 1795, au milieu de ce monde, n'avait pas besoin de quitter la maison paternelle pour voir, de ses propres yeux, ces „*spectres de dignitaires en retraite*“ couvrant de décorations et de plaques des âbimes d'incapacité, d'ignorance, de vanité, de servilisme, d'arrogance, de lâcheté et même de frivolité; et autour de ces „*defunts qu'on a oubliés d'enterrer*“, un monde de clients, d'intrigants, de fainéants, traînant une existence de formalisme, d'étiquette, dénuée de tout intérêt général.

La distance entre 1810 et 1820 n'est pas grande; mais entre les deux se place 1812. Les moeurs sont les mêmes; les ombres sont les mêmes, les seigneurs qui reviennent de leur province dans la capitale incendiée sont les mêmes. Mais il y a quelque chose de changé. Un esprit a passé; et ce qu'il a touché de son souffle n'est plus le même. Et d'abord, le foyer qui réfléchit ce monde a quelque chose de nouveau à quoi Von-Wiesen n'a pas songé. L'auteur a une arrière-pensée; et le héros de la comédie n'est que l'incarnation de cette arrière-pensée.

La figure de Tchatzki, qui, mélancolique et dépaysée dans son ironie, frémissante d'indignation et pleine d'un idéal rêveur,

[1]) En anglais, 2 volumes.

apparaît sur la dernière marche des temps d'Alexandre—la veille de l'insurrection sur la place d'Isaac, c'est le Décembriste; c'est l'homme qui *accomplit* l'époque de Pierre 1-er, et s'efforce de distinguer au moins à l'horizon la terre promise... qu'il ne verra pas.

On l'écoute en silence, parce que le monde auquel il parle le prend pour un fou—fou à lier—et, derrière son dos, se moque de lui.

II.

La courte période qui s'étend de 1812 à 1825 doit être considérée comme la dernière période organique de *l'époque civilisatrice* en Russie: le programme, en effet, était accompli, dépassé même.

On avait voulu un Etat fort;—Alexandre revenait de Paris, entouré d'un état-major de princes allemands. On avait voulu une noblesse civilisée;—la jeunesse aristocratique était libérale, révolutionnaire même, et ne cédant en rien aux radicaux les plus fougueux de son temps.

Du jour où la civilisation commença à se sentir assez forte pour se passer de protection, et le gouvernement à s'apercevoir qu'elle allait échapper à ses bienfaits et à sa direction, une collision entre le despotisme protecteur et la civilisation protegée devint imminente. La lutte, à peine engagée, se termina en faveur de l'autocratie. Un régime inexorable de répression suspendit pour trente ans toute initiative politique en dehors du gouvernement, arrêta sur les lèvres la parole commencée, et refoula la pensée dans son fort intérieur pour lui donner—très-involontairement sans doute—une toute autre direction... beaucoup plus grave que ne l'était la précédente.

Dès que l'on revint à soi, après l'abattement général qui suivit la terreur des premières années du règne de Nicolas, une question formidable commença à se dégager de plus en plus des préjugés exotiques greffés sur nous, des opinions toutes faites importées d'ailleurs, et des traditions adoptives. Cette question fatale se dressait devant l'homme pensant, et semblable au Dieu de la Bible, lui demandait éncore une fois:—*Caïn, qu'as-tu fait de ton frère?*

On commençait à s'apercevoir avec inquiétude de l'absence du peuple. L'édifice de la civilisation russe apparut alors comme suspendu dans les airs, hissé par une corde dont le bout était dans les mains du gouvernement. Mais quelle était la cause de cette indifférence du peuple, de cette apathie dans le malheur et la souffrance! L'histoire du peuple russe présente en effet un spectacle bien étrange. Durant une existence de plus de mille ans, il n'a fait qu'occuper, défricher un territoire immense, et le garder jalousement comme l'apanage de sa race. Ses possessions sont-elles menacées, il s'émeut et va à la mort pour les défendre:

mais une fois sûr de l'intégrité de son territoire, il retombe dans son indifférence passive, indifférence que savent si parfaitement exploiter le gouvernement et les classes supérieures.

Et ce qui confond, c'est que ce peuple non seulement ne manque ni de courage, ni de force, ni d'intelligence, mais au contraire possède ces qualités en abondance. Le paysan russe, en effet, est plus développé que ne l'est la classe agricole dans presque toute l'Europe, la Suède, la Suisse et l'Italie offrant seules quelques exceptions.

La question se présentait en général de la manière suivante. Le peuple russe semblait être une couche géologique enfouie sous une strate supérieure avec laquelle elle n'avait pas d'affinité active, quoiqu'elle se fût séparée d'elle. Les forces dormantes, les puissances occultes de cette couche n'avaient jamais été complètement réveillées; et elles pouvaient tout aussi bien sommeiller jusqu'à un nouveau déluge, qu'elles pouvaient être réveillées par la rencontre d'autres éléments capables d'imprimer à cette couche une nouvelle existence. De là, naturellement, cette question: où sont ces éléments; quels sont-ils? Si pendant dix siècles le peuple russe ne les a pas rencontrés, qui sait s'il les rencontrera pendant son second millésime? Dans ce cas, il n'aurait qu'à se préparer à une existence assez analogue à celle de ses voisins du Thibet et du Bouchara. Du reste, pour les peuples qui ne sont pas entrés dans l'histoire, le temps ne compte pas; leur *service actif* n'a pas encore commencé.

Les hommes qui n'aiment pas à sortir des sentiers battus, sentiers très-sûrs effectivement pour arriver d'un endroit connu à un autre endroit connu, disaient alors, comme ils le font maintenant: «Pourquoi suppose-t-on que le peuple russe puisse avoir un autre développement historique que celui par lequel se sont élaborées les constitutions des autres peuples modernes»? Les hommes auxquels on adressait cette question pouvaient répondre: «Pourquoi?—Qu'en savons nous! Ce n'est pas un privilège que nous voulons garder, ni un avantage que nous revendiquons pour lui. La Russie n'a pas plus de mission à remplir que tout autre peuple; cette idée judaïque n'a jamais été la nôtre. Nous ne faisons donc que constater un fait. Et comme nous pouvons affirmer que l'élément de la conquête, la force municipale, la puissance de la bourgeoisie manquent à la vie russe, nons avons le droit de dire que le ferment, le réactif, le levain qui pourrait entraîner le peuple russe, l'entraîner moralement à une fermentation organique, était inconnu à l'époque dont nous parlons, et est à peine pressenti maintenant». On s'aperçut clairement, après 1825, que la classe supérieure ne l'avait pas ce levain; la «civilisation» ne l'avait pas non plus; le gouvernement ne l'avait pas. Au reste le gouvernement, sorti de son rôle «civilisateur», n'avait rien pour lui que la force acquise et l'apathie du peuple.

C'est alors qu'une inquiétude un de désespoir et un scépticisme douloureux s'emparèrent des âmes froissées. L'enthousiaste, Tchatzki (le héros de la comédie de Griboïédov), décembriste au fond de l'âme, cède la place à Onéguine, au héros de Pouchkine, à l'homme qui s'ennuie, et sent sa colossale inutilité. Onéguine qui était entré dans le monde le sourire sur les lèvres, à chaque chant s'assombrit de plus en plus, et finit par se perdre dans le néant, sans laisser une trace, une pensée. Le type était trouvé; et dès lors chaque roman, chaque poème a son Onéguine, c'est-à-dire un homme condamné à la fainéantise, inutile, désorienté, et qui, étranger dans sa famille, étranger dans son pays, ne voulant pas faire le mal et impuissant à faire le bien, ne fait rien au bout du compte, quoiqu'il essaie de tout, à l'exception de deux choses, qui sont: la première, qu'il ne se range jamais du côté du gouvernement; la seconde, qu'il ne sait jamais se ranger du côté du peuple.

«Ceux qui du temps de Nicolas disaient que l'Onéguine de Pouchkine, était le Don Juan des moeurs russes, ne comprenaient ni Byron, ni Pouchkine, ni l'Angleterre, ni la Russie; ils s'en tenaient à la forme extérieure. Onéguine est la production la plus importante de Pouchkine: elle a absorbé la moitié de son existence. Ce poème a été mûri par les tristes années qui ont suivi le 14 décembre, et l'on irait croire qu'une oeuvre pareille est une imitation!»

«Onéguine, ce n'est ni Hamlet, ni Faust, ni Manfred, ni Obermann, ni Treumor, ni Charles Moor; Onéguine est un Russe du temps de Nicolas; il n'était possible qu'en Russie; là il était nécessaire, et on l'y rencontrait à chaque pas. Onéguine, c'est un fainéant, parce qu'il n'a jamais eu d'occupation; un homme superflu dans la sphère où il se trouve, et qui n'a pas assez de force de caractère pour en sortir. C'est un homme qui tente la vie jusqu'à la mort et qui voudrait essayer de la mort pour voir si elle ne vaut pas mieux que la vie. Il a tout commencé, sans rien poursuivre; il a pensé d'autant plus qu'il a moins fait; il est vieux à l'âge de vingt ans, et il rajeunit par l'amour en commençant à vieillir. Il a toujours attendu, comme nous tous à cette époque, quelque chose, parce que l'homme n'a pas assez de folie pour croire à la durée d'un état de choses tel qu'il existait alors en Russie. Rien n'est venu, et la vie s'en est allée.Le personnage d'Onéguine était si national qu'il se rencontrait dans tous les romans et dans tous les poèmes qui ont eu quelque retentissement en Russie, non pas qu'on ait voulu le copier, mais parce qu'on le trouvait continuellement autour de soi ou en soi-même» [1]).

Tchatzki est un Onéguine raisonneur, son frère aîné; «*Le Héros de nos jours*», de Lermontov, est son frère cadet. Même dans

[1]) Du développement des idées révolutionnaires en Russie par Iskander (A. Herzen) 2-e édition, Londres, 1854.

les productions secondaires, Onéguine reparaît, outré ou incomplet, mais reconnaissable. Si ce n'est lui, c'est au moins sa copie. Le jeune voyageur, dans le «*Tarantass*» du comte Sollohoub, est un Onéguine borné et mal élevé. Le fait est que nous étions tous plus ou moins Onéguine, à moins que nous n'ayons aîmé d'être tchinovnik (employés) on pomestchik (propriétaires).

«La civilisation nous perd, nous désoriente disais—je alors. C'est elle qui fait que nous sommes à charge aux autres et à nous—mêmes, désoeuvrés, inutiles, capricieux; que nous passons de l'excentricité à la débauche, dépensant sans regret notre fortune, notre coeur, notre jeunesse, et cherchant des occupations, des sensations, des distractions. Nous faisons tout: de la musique, de la philosophie, de l'amour, de l'art militaire, du mysticisme, pour nous distraire, pour oublier le vide immense qui nous opprime. Civilisation et esclavage, sans même qu'il y ait, «un chiffon de papier» entre les deux, pour empêcher que nous ne soyons broyés intérieurement ou extérieurement entre ces deux extrêmes forcément rapprochés!.. On nous donne une éducation large, on nous inocule les désirs, les tendances, les souffrances du monde contemporain, et l'on nous crie: restez esclaves, muets, passifs, ou vous êtes perdus! En récompense, on nous laisse le droit d'écorcher le paysan, et de dissiper sur le tapis vert ou au cabaret l'impôt de sang et de larmes que nous prélevons sur lui. Le jeune homme ne rencontre aucun intérêt vivace dans ce monde de servilisme et d'ambition mesquine. Et pourtant, c'est dans cette société qu'il est condamné à vivre, car le peuple est encore plus éloigné de lui. «*Ce monde*» est au moins composé d'êtres déchus de la même espèce, tandis qu'il n'y a rien de commun entre lui et le peuple.

Les traditions ont été si bien rompues par Pierre I-er qu'il n'y a pas de force humaine capable de les réunir, au moins quant à présent. Reste l'isolement ou la lutte; et nous n'avons assez de force morale ni pour le premier ni pour la seconde. C'est ainsi qu'on se fait Onéguine, si l'on ne périt pas dans les maisons publiques ou dans les casemates d'une forteresse. Nous avons volé la civilisation; et Jupiter veut nous punir avec le même acharnement qu'il a mis à tourmenter Prométhée».

A côté d'Onéguine Pouchkine a placé Vladimir Lenski, autre victime de la vie russe, le *revers* d'Onéguine. C'est la souffrance aiguë, à côté de la souffrance chronique. C'est une de ces natures virginales, pures, qui ne peuvent s'acclimater dans un milieu corrompu et fou; qui ont accepté la vie, mais ne peuvent rien accepter de plus du sol immonde, si ce n'est la mort. Victimes expiatoires, ces adolescents passent jeunes, pâles, marqués au front par la fatalité, comme un reproche, comme un remords, et laissent encore plus noire la triste nuit dans laquelle ils vivaient.

Entre ces deux types, entre l'enthousiaste dévoué, le poète, et de l'autre côté, l'homme fatigué, aigre, inutile; entre la tombe

de Lenski et l'ennui d'Onéguine se traînait le fleuve profond et bourbeux de la Russie civilisée, avec ses aristocrates, bureaucrates, officiers, gendarmes, grands ducs et empereur, masse informe et muette de bassesse, de servilisme, de ferocité et d'envie, qui entraînait et engloutissait tout; ce gouffre, comme dit Pouchkine, où cher lecteur, nous nous baignons avec vous.

Il fallait à tout prix en sortir de ce gouffre. Mais à la porte se tenait notre sphynx populaire, avec son énigme dont personne ne savait le mot. La première parole grave qui ait été prononcée, le premier essai de solution, essai donnant d'ailleurs une réponse complètement négative, est la lettre célèbre de Tchaadaïeff.

La publication de cette lettre fut un événement des plus graves. Ce fut un défi, un signe de réveil; elle rompit la glace après le 14 décembre. Enfin, il vint un homme dont l'âme débordait d'amertume. Il trouva une langue terrible pour dire avec une éloquence funèbre, avec un calme accablant tout ce qui s'était accumulé d'acerbe en dix années, dans le coeur du russe civilisé.

Cette lettre fut le testament d'un homme qui abdique ses droits, non par amour pour ses héritiers, mais par dégoût. Sévère et froid, l'auteur demande compte à la Russie de toutes les souffrances dont elle abreuve un homme qui ose sortir de l'état de brute.

Il veut savoir ce que nous achetons à ce prix; par quoi nous avons mérité cette situation. Il l'analyse, cette situation, avec une profondeur désespérante, inexorable; et, après avoir terminé cette vivisection, il se détourne avec horreur, en maudissant le pays dans son passé, dans son présent et dans son avenir. Oui, cette sombre voix ne s'est fait entendre que pour dire à la Russie qu'elle n'a jamais existé humainement; qu'elle ne représentait «qu'une lacune de l'intelligence humaine, qu'un exemple instructif pour l'Europe».

Il dit à la Russie que son passé a été inutile, que son présent est superflu et qu'elle n'a aucun avenir.

Et à côté du vieillard austère qui lançait cette excommunication, un jeune poète, Lermontov chantait ainsi:

«Je contemple avec douleur notre génération: son avenir est vide et sombre; elle vieillira dans l'inaction; elle s'affaissera sous le poids du doute et d'une science stérile.

«La vie nous fatigue comme un long voyage sans but.

«Nous sommes comme ces fruits précoces qui s'égarent parfois; orphelins étrangers, parmi les fleurs, ils ne charment ni l'oeil, ni le goût; ils tombent au moment de mûrir.

«Nons nous précipitons vers la tombe, sans bonheur, sans gloire; et nous jetons avant le trépas un regard d'amer dédain sur notre passé.

«Nous passerons inaperçus sur cette terre, foule morne, silencieuse et bientôt oubliée.

«Nous ne léguerons rien à nos descendants, ni une idée féconde, ni une oeuvre de génie; et ils insulteront nos cendres par un vers dédaigneux, ou par le sarcasme qu'adresse un fils ruiné à un père dissipateur».

Rien ne peut démontrer avec plus de clarté le changement opéré dans les èsprits, depuis 1825, que la comparaison entre Pouchkine et Lermontov. Pouchkine, souvent mécontent et triste, froissé et plein d'indignation, est pourtant prêt à faire la paix. Il la désire, il n'en désespére pas; une corde de réminiscence des temps de l'empereur Alexandre ne cessait de vibrer dans son coeur. Lermontov était tellement habitué au désespoir, à l'antagonisme, que non seulement il ne cherchait pas à en sortir, mais qu'il ne concevait la possibilité ni d'une lutte, ni d'un accommodement. Lermontov n'a jamais appris à espérer; il ne se dévouait pas, parce qu'il n'y avait rien qui sollicitât son dévouement. Il ne portait pas sa tête avec fierté au bourreau, comme Pestel et Ryleïév; il ne pouvait croire à l'efficacité du sacrifice. Il se jeta de côté et périt pour rien [1]).

Ajoutons encore à cela un trait caractéristique.

La Russie n'avait alors qu'un peintre généralement connu, Brulov. Or, quel est le sujet où l'artiste a cherché l'inspiration; quel est le sujet de son principal tableau, du chef—d'oeuvre, qui lui a valu quelque réputation en Italie?

Regardez cette étrange production.

Sur une immense toile, vous voyez des groupes d'hommes effrayés, stupéfaits; ils s'efforcent de se sauver; ils périssent au milieu d'un tremblement de terre, d'une éruption volcanique, d'un véritable cataclysme; ils succombent à une force sauvage, stupide, inique, contre laquelle toute résistance serait inutile. Telle est l'inspiration puisée dans l'atmosphère de Saint-Pétersbourg.

L'année même de la mort de Lermontov, parurent «Les âmes mortes» de Gogol.

C'était, à côté des méditations philosophiques de Tchaadaïev et des réflexions poétiques de Lermontov, le cours pratique de la Russie. C'est une série d'études pathologiques, prises sur le fait, avec un talent gigantesque et tout à fait original.

Gogol ne s'en prend ni au gouvernement, ni à la haute société; il élargit le cadre, le cens, et sort des capitales; c'est l'homme des bois et des champs, le loup, le gentillâtre; c'est l'homme de l'encre, le renard, le petit employé de province, et leurs femelles étranges qui servent de sujets à ses vivisections. La poésie de Gogol et son triste rire, ne sont pas seulement un acte d'accusation contre cette existence absurde, mais le cri d'angoisse de l'homme qui veut se sauver avant qu'on l'enterre vivant dans ce monde des fous. Pour qu'un tel cri puisse s'échapper d'une poit-

[1]) Lermontov fut tué en duel en 1840.

rine, il faut qu'il y ait des parties saines et une grande force de réhabilitation. Gogol sentait—et beaucoup d'autres sentaient avec lui—les *âmes vivantes* derrière les âmes mortes.

Il se trouve des gens qui, après l'oraison funèbre de Tchaadaïev relevant la tête, protestèrent contre son certificat de décès. «Notre histoire, disaient-ils, est à peine commencée. Malheureusement nous avons perdu notre route; il faut rebrousser chemin et sortir de ce cul-de-sac dans lequel nous a poussés l'empire civilisateur, de sa main hautaine et grossière».

Les audacieux qui osèrent nier le régime civilisateur de l'empire allemand en Russie, comme cela arrive toujours en pareil cas, tombèrent dans des grandes exagérations, confondirent l'Occident véritable avec l'Occident de Pétersbourg, et en revinrent à une administration artificielle, à formes étroites, de l'Etat moscovite. Ce fut une réaction, un lunatisme, quelque chose dans le genre du romantisme en Allemagne, ou du préraphaëlisme en Angleterre. L'intolérance de ces hommes empêcha la Russie, pendant des anneés, de reconnaître le grand instinct de vérité qu'ils possédaient incontestablement.

Les slavophiles—comme les saint-simoniens — avaient un pressentiment très-juste, mais vague, d'un nouvel ordre des choses. seulement, au lieu d'en élaborer le côté positif, ils en firent une religion, et une religion de passé, qui ne correspondait nullement à leur propre idée du peuple russe. Ils découvrirent sous la couche de la civilisation gouvernementale les éléments d'une autre existence, et voulurent ressusciter des institutions dans lesquelles ces éléments n'ont jamais pu se développer.

La lettre de Tchaadaïev avait retenti comme un coup de pistolet au milieu d'une nuit profonde. Etait—ce l'annonce de quelque fléau, un appel au secours, un signal de réveil, un cri de détresse? Peu importe. Ce qu'il y a de certain, c'est qu'après cela on ne pouvait plus dormir.

A ce cri de désespoir, les slavophiles répondirent par un cri d'espérance. Les deux écoles se formèrent; et leur lutte contient la majeure partie de l'histoire de l'ésprit russe jusqu'an 1848.

Entre ces deux extrêmes se forma bientôt un parti indépendant. Ce parti ne voulait accepter ni la religion du désespoir, ni celle de l'espérance. Il ne voulait, en général, d'aucune croyance imposée. C'était un groupe d'hommes, de savants, de littérateurs, qui voulaient étudier la question sans arrière-pensée, faire l'enquête sans parti pris. Tout en ne partageant point la manière noire d'envisager l'avenir de Tchaadaïev, ils repoussaient le culte des revenants prêché par les slavophiles. C'est de leurs rangs que sortirent les hommes les plus remarquables du décennium, le publiciste et critique Bélinski, le professeur Granovski et enfin l'auteur *des „Récits d'un Chasseur“*, Ivan Tourguénev.

Nous n'entrerons dans aucun détail concernant la polémique de ces partis; mais il importe de constater que les hommes qui désespéraient de la Russie, et ceux qui cherchaient son salut dans le passé, nons tous enfin, avec toutes nos variétés d'espérance et de foi, de doute et d'incrédulité, d'amour et de haine, nous avions un point sur lequel tous nous étions d'accord, un point sur lequel Tchaadaïev, Khomiakov [1]) et Bélinski se donnaient parfaitement la main, et ce point, *c'etait la condamnation du régime impérial tel qu'il s'est élaboré sous Nicolas.* Il n'y avait pas deux opinions sur le gouvernement de Pétersbourg. Il était apprécié de la même manière par tous les hommes qui avaient des convictions indépendantes. Et c'est ici qu'il faut chercher l'explication du spectacle étrange que donnait dans les salons littéraires de Moscou, la rencontre tout amicale d'hommes appartenant à des partis diamétralement opposés.

Il y avait un journal non officiel, mais rédigé dans le sens gouvernemental «L'Abeille du Nord»; on le recevait comme un dossier pris au greffe d'une chancellerie de police, mais non comme une feuille sérieuse. Il se produisait dans la littérature des faits isolés de servilisme, de clientisme; mais pas un qui n'ait soulevé une indignation générale. Toute la gloire de Pouchkine ne put le sauver de l'improbation générale que souleva une lettre qu'il avait adressée à l'empereur Nicolas. Toute la popularité de Gogol s'évanouit devant quelques lettres dans lesquelles il se rangeait du côté du pouvoir. Un poète qui faisait son chemin, s'avisa un beau jour de s'enthousiasmer devant la calèche et la figure grande et martiale de Nicolas; cette pièce de vers souleva une telle indignation que, se voyant perdu, ce malheureux demandait, les larmes aux yeux, pardon à ses amis de s'être laissé entraîner, jurant de ne jamais plus se dégrader de cette manière.

Or, nous insistons particulièrement sur cela, toute la littérature du temps de Nicolas fut une littérature d'opposition, une protestation permanente contre la suppression de tout droit humain par le gouvernement. Cette opposition prenait, comme un Prothée, toutes les formes et toutes les langues. Elle démolissait en chantant; elle sapait en riant. Ecrasée dans un journal, elle renaissait dans une chaire universitaire; persécutée dans un poème, elle continuait dans un cours de sciences naturelles. Elle se manifestait même par le silence, et savait pénétrer, à travers murs et portes, dans les dortoirs des instituts de jeunes demoiselles, dans les salles d'exercices militaires des écoles de cadets, et dans les salles d'exercices théologiques des séminaires.

Au milieu de cette germination sourde et cachée, retentit la nouvelle de la Révolution de Février.

[1]) Le poète panslaviste.

Nicolas était bien résolu cette fois à en finir complètement avec tout mouvement intellectuel en Russie. Il commença donc une guerre ouverte, implacable, à la pensée, à la parole, à la science. Sept ans—juste la période d'épreuve exigée par Pythagore—la Russie civilisée se traîna le boulet au pied, dans un silence profond, humiliée, offensée et se sentant sans force... c'est-à-dire sans peuple.

Quelques jeunes gens [1]) assez imprudents, se hasardèrent en 1849 à se réunir pour parler socialisme et économie politique. On les condamna à être fusillés; on leur lut la sentence sur la place publique; on leur banda les yeux; et après leur avoir ainsi infligé goutte à goutte la torture de l'agonie, on les *gracia*... aux travaux forcés. Le silence fut rétabli... et cette fois pour tout de bon.

«Que Bélinski est heureux d'être mort à temps, m'écrivait en 1851 Granovski. Des hommes forts sont tombés dans le désespoir, et regardent ce qui se passe aves une muette indifférence... Quand s'écroulera donc ce monde?»

Et il ajoutait: «De sourds murmures se font entendre de tous côtés; mais où sont les forces? Oh! frère,—que le fardeau de notre vie est lourd!»

III.

Dans le triste loisir des prisons des dernières années du règne de Nicolas, les idées mûrissaient vite. Des deux côtés on taisait ce que l'on voyait de plus en plus clairement. Le gouvernement, réduisant tout à la répression, au décorum de l'ordre, ne trouvait nulle part d'obstacles; et cependant Nicolas devenait tous les jours plus ombrageux, plus soupçonneux. S'il n'évita pas la guerre de Crimée, c'est que, au fond, sans s'en rendre compte, il était content d'introduire un mouvement quelconque dans cet état de stagnation muette et lugubre qui commençait à lui faire peur par sa résignation sans conviction, et son obéissance sans dévouement. Il pensait qu'en tout cas la guerre ne profiterait pas à la liberté; et puis... il était si sûr de la victoire! y avait-il donc si longtemps qu'un général autrichien avait *à genoux imploré* un de ses lieutenants de sauver le trône apostolique [2]), et que Paskewitch lui avait écrit:—«La Hongrie est aux pieds de Votre Majesté».

Après la série de défaites qu'il eut à essuyer en Crimée, Nicolas comprit avec horreur toute la faiblesse de cette organisation à laquelle il avait tout sacrifié. Sa mort fut un aveu, une

[1]) Dostoïévsky, Petrachevsky, Spechniev.

[2]) Le général comte Caboga, ne pouvant ébranler Paskevitch, se jeta, en présence du secrétaire de ce dernier, Hilferding, à genoux devant le maréchal, et lui dit:—«Mon souverain me charge d'implorer à genoux votre secours».

abdication; Caton du despotisme, il ne voulut pas survivre à un ordre de choses qu'il avait travaillé trente ans à élever, et qui s'écroulait au premier coup de canon.

Le charme était brisé. Le gouvernement et la société se regardèrent en face, comme pour s'adresser l'un à l'autre cette question:—*Est-ce donc vrai?* Et, de part et d'autre, on se sentait très content que ce fût vrai. Le gouvernement lui même se trouvait comme affranchi d'un fardeau insupportable, et ne le cachait pas. Alexandre II se hâta de faire la paix, avec les alliés, et de donner un peu de liberté à l'intérieur, ou, pour mieux dire, un peu moins de persécutions.

La masse d'idées, de pensées, qui se firent jour alors est prodigieuse. Tout ce qui avait été enseveli au fond de l'âme sous la pression du silence forcé trouva tout à coup une langue pour protester et se produire au grand jour. Si l'on comparait les journaux et les revues des dernières années de Nicolas avec ceux qui parurent un semestre après sa mort, on serait tenté de croire qu'il y a eu entre les deux au moins quatre générations.

Une littérature d'accusation, de description pathologique, fut très naturellement le premier fruit de cette brusque émancipation de la parole. Le gouvernement lui-même livrait les parages obscurs, les bas-fonds de la bureaucratie à la publicité,—ne sauvegardant que les hautes régions. Cela rendait inutile la tâche de nettoyer le bas de l'escalier. Mais on n'en était pas moins content de pouvoir mettre au grand jour une partie des désordres, des oppressions, des exactions incroyables qui sont propres à ce régime lourd, déshonnête et tracassier d'une bureaucratie tout à la fois allemande et asiatique, patriarcale et militaire.

Comme le gouvernement faisait chorus, et ne parlait que des abus à reformer, de l'esprit du siècle, et des nécessités d'une époque nouvelle, progressive, le libéralisme devint une mode, et même un moyen de se produire. Des généraux qui ne craignaient rien tant que le mot de liberté, qui ignoraient le mot de l'égalité, et à chaque revue, infligeaient des punitions corporelles aux soldats, commencèrent à s'apercevoir qu'ils étaient au fond des libéraux; aimant l'ordre certainement, mais très libéraux. Pas un nouveau chef de bureau qui n'inaugurât alors son entrée en fonctions en annonçant «ses principes progressistes», et en rappelant que la Russie venait d'entrer dans une ère de réformes et d'améliorations. Le curateur de l'une des universités alla jusqu'à reprocher à un professeur de n'avoir pas prononcé à une solennité officielle un discours *assez libéral*. Pas un dîner d'employés sans toasts et discours progressistes. Golovnine, aujord'hui ministre de l'instruction publique, était d'avis qu'il fallait instituer, pour récompenser l'indépendance des employés, une nouvelle décoration ad hoc!

Autant le libéralisme gagnait de terrain, autant il perdait en profondeur, en intensité, en sérieux. La sombre minorité qui, par

son silence, avait fait de l'opposition sous le règne de Nicolas, était d'une forte trempe. Les hommes faibles s'en éloignaient alors, le jeu étant trop dangereux. Deux ou trois mots suffisaient à ceux qui restaient pour se reconnaître. Ils n'avaient pas besoin de trop de paroles. Ils haïssaient beaucoup et la haine est une force. Sous Alexandre II, cette force s'émoussa par la parole. Le gouvernement laissait dire; mais on pouvait cependant escompter le terme de sa tolérance. Quant au peuple, il ne prenait aucune part à tout cela; il restait dans son *à parte*.

Quoique indifférent à tout ce qui se passait en haut, il ne l'était pourtant pas à la guerre, qui lui coûtait beaucoup de sang. Les revers lui avaient suggéré une idée qu'il n'avait pas eu en 1812: il pensait à la possibilité d'obtenir l'abolition du servage en se levant en masse pour la défense du pays. Dans la petite Russie, cela alla jusqu'à un soulèvement de paysans, que le gouvernement—pour la défense duquel on se levait—apaisa par la force armée.

Il était clair que la seule question populaire qui pût faire sortir le peuple de sa somnolence et le réunir à la Russie civilisée, c'était l'émancipation des serfs.

Tandis que les lettrés poursuivaient l'examen critique des rouages rouillés du gouvernement disciplinaire de Nicolas, le gouvernement mit sur le tapis la grande question de l'émancipation. La noblesse, au lieu de chercher à gagner le prix de la course, en acceptant largement, et de bonne grâce, une nécessité historique, fit une opposition obstinée, mesquine. Dès ce moment sa force fut paralysée. Le peuple, poussé dans les bras du gouvernement, attendait de son Tzar, avec une foi naïve, une autre liberté, la *liberté dorée*, la liberté... *avec la terre*.

Le Tzar lui répondait par des coups de fusil; mais le paysan tombait en maudissant la noblesse, et gardait sa confiance dans le Tzar.

Le gouvernement, qui jusqu'alors avait traité le peuple avec un souverain mépris et avec la dureté combinée du seigneur et du militaire, commença dès lors à apprécier la force que le peuple lui apportait.

La situation était complètement changée; et le gouvernement, soutenu par la force populaire, pouvait hardiment en 1860—1861, aller en avant et faire des réformes sérieuses. Au lieu de cela, le gouvernement ne se sentit pas plus tôt puissant, qu'il employa sa puissance à rebrousser chemin et à consolider l'autocratie.

Tant que dura la lutte entre le gouvernement et la noblesse, la littérature, sans distinction de nuances, soutint le gouvernement dans son projet d'émancipation des paysans. C'était un spectacle tout nouveau; mais l'entente ne fut pas de longue durée. A peine l'acte d'émancipation fut-il proclamé, qu'une fraction de la littérature tourna à l'opposition et engagea contre la littérature gouver-

nementale une lutte sourde, inégale, dont tout le poids devait nécessairement retomber sur le parti radical.

L'attitude de la jeunesse russe envers la Pologne qui commençait alors sa mélancolique protestation de prières et de deuil, et l'apparition d'une série de proclamations, clandestinement imprimées à Pétersbourg, et de livres et de journaux russes, provenant des presses étrangères, envenimèrent la lutte.

Lorsque les premières victimes tombèrent à Varsovie, il se produisit en Russie une chose inouïe: des étudiants et des officiers de la garde impériale et de l'armée firent chanter des messes de morts pour les Polonais massacrés; et cela à Pétersbourg, à Moscou, à Kieff, et dans les corps d'armée qui se trouvaient en Pologne. Le gouvernement, qui n'était nullement habitué à ce genre de démonstration, fut exaspéré; mais ce qui porta son exaspération au comble, ce fut le fait encore plus grave qui se produisit à Kasan.

Les étudiants de cette ville se réunirent dans l'église de l'université pour prier pour l'âme du paysan Anton, fussillé par les ordres du comte Apraxine, à la suite d'un soulèvement sans armes, supprimé avec une férocité sanguinaire; un professeur de l'université, appartenant au clergé, Tchapoff, prononça un discours funèbre à la gloire du martyr; c'était plus que le gouvernement n'en pouvait supporter.

Il commença par des persécutions isolées. Les officiers qui avaient fait célébrer les messes des morts pour les Polonais furent traduits devant des conseils de guerre. Tchapoff immédiatement arrêté, fut jeté dans les prisons de la police secrète [1]). Les procès politiques presque oubliés depuis la mort de Nicolas, reprirent leur cours. Le poète Michaïlov, pour avoir adressé à la jeunesse un appel qui n'avait eu aucune suite, fut condamné à *sept années des travaux forcés* dans les mines. Il était en route, et n'avait pas encore eu le temps d'arriver à sa destination, que de nouvelles arrestations et de nouveaux procès vinrent alarmer le public.

Au nombre des arrêtés se trouvaient des militaires, comme Obroutchev, des officiers de la garde, comme Grigoriev.

En 1862, le gouvernement fit traduire devant un tribunal à Varsovie trois jeunes officiers russes Arnholt, Slivitzky, Kaplinsky et un sergent Rostkowsky, comme faisant de la propagande dans l'armée, comme fondateurs d'une société secrète parmi les officiers, et comme dévoués à la cause polonaise. Ils furent fusillés, à l'exception de Kaplinsky qui fut envoyé aux travaux forcés. Un soldat, Stchur, fut passé par les verges, pour ne pas avoir dénoncé les officiers.

L'empereur Alexandre n'aime pas à confirmer de sa main les arrêts de mort: il laisse cette besogne à ces lieutenants. La sen-

[1]) Il est maintenant déporté dans la Sibérie orientale.

tence des pauvres offfciers fut donc signée par le général Lüders. Quelques jours après l'exécution, une balle tirée dans un jardin public à Varsovie, lui fracassa la mâchoire.

Au mois d'octobre un colonel distingué, couvert de blessures et de croix. Krassowsky, fut conduit sur la place publique, à Kiew; on lui arracha ses épaulettes et ses décorations; on lui jeta un habit de condamné aux travaux forcés; on lui mit les chaînes aux pieds, et on l'envoya aux mines pour douze ans. Son crime était d'avoir fait de la propagande parmi les soldats, en les suppliant de ne pas tirer sur les paysans.

Le gouvernement, troublé, ne savait comment se tirer d'affaire, ni comment, sans faire la moindre concession, garder sa réputation de libéralisme. La tâche était difficile. Nicolas avait été beaucoup plus heureux dans la simplicité de son despotisme.

Les persécutions des étudiants à Pétersbourg et à Moscou ne réussirent pas. Elles étaient trop grossièrement arrangées, trop brutalement exécutées.

L'empereur lui-même s'aperçut de la faute qu'on avait faite, éloigna *l'amiral* de l'instruction publique, éloigna le gouverneur général de Pétersbourg, et se décida à faire l'essai d'une nouvelle méthode beaucoup plus civilisée.

L'inauguration de cette nouvelle méthode, qui eut un succès complet, et sous l'influence de laquelle la Russie se trouve encore actuelement, est principalement due à deux hommes d'Etat, jeunes, éclairés, et dans la plénitude de leurs forces.

Nous parlons du ministre de l'instruction publique Golovnine et du ministre de l'intérieur Walouïev.

Lorsque tous les instruments furent bien préparés, et que l'orchestre n'eut plus qu'à attendre le coup d'archet du maître de chapelle, et celui-ci qu'une bonne occasion pour le donner, il arriva un de ces à-propos que le hasard fournit toujours à ceux qui les désirent et qui ont la force en main. Ce fut l'incendie qui eut lieu à Pétersbourg, incendie historique, dont nous avons déjà parlé dans la préface.

M. Golovnine—l'admirateur de l'indépendance des employés—fut nommé, en remplacement de l'amiral Poutiatine, au ministère de l'instruction publique. Homme intègre, ayant de plus la réputation d'un philosophe, il s'arrangea si bien que tout en parlan constamment de la liberté de la presse... dans l'avenir, il rendit *provisoirement* la censure trois fois plus rigoureuse. Il offrait aux journalistes, en ayant l'air de recevoir leurs avis, des conseils si éloquents que le ton des journaux changea à vue d'oeil. La même méthode fut employée dans les affaires du ministère. Après avoir parlé, des mois entiers, dans les feuilles publiques des réformes dans le sens progressiste, qu'il était nécessaire d'introduire dans l'administration des universités, on finit par des règlements qui enlèvent aux étudiants jusqu'au dernier vestige de l'indépendance.

Et ce qui en fait le plus grand mérite, de ces règlements, c'est que ce n'est pas le ministère qui les a proposés: M. Golovnine ayant laissé l'initiative et l'élaboration du projet aux conférences des professeurs.

Ce que Golovnine faisait, comme penseur et philosophe, au ministère de l'instruction publique, M. Walouïev le faisait en homme du monde consommé au ministère de l'intérieur; et cela avec plus de franchise, c'est-à-dire avec moins de précautions. Il est vrai que l'administration de ce ministère offrait une matière beaucoup plus souple: elle n'était pas composée de vieux professeurs et de jeunes savants, mais d'employés émérites de la police, et de jeunes gens enthousiastes de l'idée... de se faire une carrière.

Walouïev faisait donc ses petites affaires de la direction de l'opinion publique avec une certaine gaieté. On savait, par exemple, qu'un journaliste était endetté jusqu'aux oreilles, qu'il jouait aux cartes, qu'il avait du style et peu de conviction, libéral, du reste, par réminiscence. On trouvait ses articles instructifs. Le simple devoir disait au ministre d'encourager, de soutenir un homme de talent... qui avait le malheur de perdre beaucoup au jeu. On l'encourageait donc un peu. Par reconnaissance, il balbutiait quelques éloges, en mettant en relief les vertus intérieures du gouvernement— et perdait le double. Tout à coup l'encouragement cessait... et la réputation aussi; car, chose étonnante, tout le monde savait que le rédacteur avait été encouragé. L'année se terminait, et les souscriptions aussi (ce n'est qu'en 1863 que le public a commencé à lire avec sympathie les journaux. encouragés). Le rédacteur aux abois allait à Pétersbourg, solliciter le ministre de le sauver. On trouva cela difficile. Cependant on pouvait donner à son journal le droit, par exemple, d'imprimer les annonces du ministère de la guerre. Mais il y avait à cela quelques difficultés. Le ministre de la guerre n'élait pas d'un libéralisme avancé comme Walouïev. Par une singulière coincidence, le rédacteur trouvait aussi que de jour en jour il devenait lui-même moins libéral. Il obtenait le privilège des annonces, et se trouvait ainsi au nombre des journalistes encouragés.

Comme le nombre des journaux et des revues répandus en Russie est très res treint, les affaires, grâce à l'application de cette méthode d'encouragemen nt, aidée de la doctrine du ministère de de l'instruction publique, et de deux ou trois feuilles *in partibus infidelium*, qui représentaient, pour ainsi dire, l'indépendance internationale des opinions européennes,— les affaires marchaient très bien. On faisait des dissertations chez Golovnine; on riait chez Walouïev: et la presse devenait de jour en jour plus conservatrice.

L'incendie qui eut lieu à Pétersbourg fut le véritable triomphe de la méthode.

Le général Potapov, chef de la police secrète, disait à cette époque à une de nos connaissances:—«Il ne s'agit plus maintenant

de vouloir soutenir ou renverser telle ou telle institution—chose que l'on peut discuter; non, il s'agit de serrer nos rangs, et de nous unir au gouvernement pour sauver la clvilisation: elle est en danger!»

Un homme émettait-il une opinion indépendante, et qui, pour son malheur, ne fût pas d'accord avec les opinions tolérées par le gouvernement, il était immédiatement accusé, si non d'avoir incendié lui même Pétersbourg, au moins d'avoir des sympathies pour les incendiaires. Et Potapov se frottait les mains. La moitié de la besogne de sa chancellerie était faite par la littérature.

Le zèle, l'indignation des journaux dépassaient toute mesure. On provoquait le gouvernement à des rigueurs exceptionnelles, extraordinaires.

«Tout le monde» s'écriait la revue de M. Kraefsky—«*les Annales patriotiques*»—compte que la police découvrira ces monstres, que leur noms seront livrés à la publicité, et que l'on saura, quels *sont les gens que l'on a à craindre*. Tout le monde demande qu'ils soient punis. Le peuple voudrait infliger à ces mécréants des peines qui n'existent pas dans les lois. Il croit que les fusiller, les pendre, serait une peine trop légère, trop noble pour de tels barbares. S'ils tombaient dans les mains du peuple, il les déchirerait, il les brûlerait sur des bûchers, ou les enterrerait tout vivants dans cette terre ou dans ces murs qui s'offrent maintenant à nos regards comme des monuments funèbres de la scélératesse et de la folie des hommes. Dans tous les cas le peuple compte sur les gibets, sur les fusillades: il doit être vengé».

«Les incendiaires les plus coupables, répétait sur tous les tons la «Gazette de Moscou» «ne sont pas les malheureux qui portent la torche enflammée, mais les hommes qui prêchent des doctrines incendiaires» [1]).

Un résultat direct et très favorable au gouvernement se fit sentir bientôt dans l'exaspération du pauvre peuple de Pétersbourg et de Moscou contre les étudiants que l'on commençait à confondre avec les incendiaires, et, pis qui cela, avec la partie la plus rétrograde de la noblesse.

Une revue osa élever la voit en faveur de la jeunesse calomniée: elle fut suspendue; les autres devinrent plus retenues.

La suspension du «Sovremennik» (Contemporain) ne suffit pourtant pas au gouvernement. Quelque temps après, on enferma dans la forteresse de Pétersbourg son rédacteur, Tchernichevski, littérateur remarquable et le plus heureusement doué des héritiers

[1]) Une revue religieuse, qui se rédige avec un ésprit de jesuitisme schismatique est allée plus loin. Lorsqu'on cherche un voleur, dit elle—on publie son signalement. On cherche les incendiaires, comment les trouver?.. Il faut aussi se rappeler leur signalement. L'incendiaire—c'est l'homme qui ne croit pas à Dieu, qui n'a pas de religion, ne respecte pas les autorités établies qui rêche les principes des révolutionnaires de l'occident etc. etc!

de Bélinski (que avait créé la revue et, jusqu' à sa mort, l'avait dirigée). A la même époque le public apprit l'arrestation d'un homme jeune encore, mais qui jouissait d'une grande estime. Quelques mots sur Serno-Soloviéwitch ne seront pas ici de trop: son histoire caractérise très bien cette période.

A l'époque où le projet d'émancipation des paysans se trouvait dans les mains de quelques dignitaires rétrogrades et hostiles au projet, un jeune élève du lycée de Tzarskoïé-Sélo—si justement célèbre dans l'histoire de notre civilisation—se trouvait commencer son service dans la chancellerie du Conseil d'Etat. On l'employa dans les bureaux qui s'occupaient de la correspondance et de la mise en ordre des dossiers du comité de l'émancipation. Les membres de ce comité faisaient alors tout leur possible pour embrouiller la question, en faire ressortir les obstacles et les difficultés, et traîner l'affaire en longueur. Le jeune homme, plein d'enthousiasme, ardent, fanatiquement dévoué à l'émancipation, fut indigné de ces intrigues, et résolut de ne plus servir d'instrument à ces conspirateurs contre le peuple. Mais avant de quitter son emploi, il écrivit à l'empereur une lettre noble, franche. Il lui montra ce qu'on faisait pour entraver ses intentions, et ce qu'étaient les hommes auxquels il avait confié la grande oeuvre de son règne.

Sa lettre dans la poche, le jeune homme alla se promener dans le parc de Tzarskoïé-Sélo, et rencontrant l'empereur, la lui présenta. L'empereur jeta un regard sur le contenu de la lettre, fronça les sourcils, et dit au jeune homme qu'il la lirait et qu'il lui donnerait une réponse. Le soir, le prince Orloff fit dire à Serno-Soloviévitch de passer chez lui. «L'empereur», lui dit—il, et évidemment il n'était pas content de la commission, «m'a chargé de vous remercier, de vous embrasser. Il a lu votre lettre; il en tiendra compte». L'empereur jouait encore au libéralisme; mais le dernier marquis de Posa vit bientôt qu'il est inutile de s'adresser à ce monarque, même lorsqu'il envoie une accolade impériale par le ministre de la police. Serno-Soloviéwitch quitta le service, et publia en Allemagne son projet d'émancipation des paysans... *avec le rachat de la terre.*

Cette brochure portait un cachet tout nouveau. «j'imprime mon projet hors des frontières de l'empire» dit l'auteur dans sa préface «parce qu'on n'en aurait pas permis l'impression en Russie. Je le signe, parce que le temps est venu d'agir en homme libre. Si nous voulons être traités en majeurs, il ne nous sied pas d'agir en enfants».

«Prenez garde à vous» dit à l'auteur le général Potapov; et il ne fit rien. *Le délit* etait trop public, trop franc, disons le mot, trop chevaleresque. Mais quelques mois après on enveloppa Serno-Soloviévitch dans une de ces conspirations supposées que l'on a soin de faire ordinairement juger par des commissions inquisitoriales, à huis-clos, sans témoins, sans défense. Après avoir terminé

une enquête de ce genre, les commissions, pour sauvegarder la décence juridique, soumettent le résultat de l'enquête au Senat, en y ajoutant leur propre opinion. Le Sénat, ayant toujours à coeur de donner encore une preuve de son dévouement passionné pour le trône, ne marchande pas ses services, surtout lorsqu'il s'agit des ennemis du gouvernement. Il ajoute quelques années de travaux forcés, quelques termes infamants, et tout est dit.

Serno—Soloviéwitch et Tchernichevski, arrêtés vers le milieu de l'année 1862, sont encore, au moment où nous écrivons, enfermés dans les casemates.

Après s'être ainsi débarrassé des adversaires sérieux, en suspendant temporairement leur existence; après avoir intimidé les faibles et acquis la reconnaissance des vils, le ministère abandonna hardiment la défensive. L'insurrection qui éclata en Pologne fut une occasion excellente, dont le ministre de l'intérieur profita pour commencer une agitation patriotique désormais célèbre, en provoquant l'adoption d'adresses de dévouement au tzar en vue d'une guerre européenne. Des employées du ministère se mirent à parcourir les provinces en tous sens, insinuant aux autorités l'idée *et même le texte* des adresses. Le texte—modèle, imprimé, laissait pourtant une grande latitude aux variantes et aux modifications locales. Il n'était nullement obligatoire, pourvu que celui par lequel on le remplacerait exprimât encore plus de dévouement. Le peuple fut entraîné. Quoique mécontent de la manière dont se faisait l'émancipation, il était reconnaissant envers le tzar de l'émancipation elle-même, et attendait toujours de lui la *liberté d'or,* la *liberté avec la terre.* Il était touché qu'on lui fit part des dangers de la patrie, croyant à une invasion prochaine, dans le genre de celle de 1812, et commençait à se rappeler sa vieille haine des Polonais, qu'on faisait passer à ses yeux pour un tas de seigneurs et de prêtres catholiques en révolte contre le tzar émancipateur.

La noblesse des provinces ne fut pas assez naïve pour ne pas voir dans le dévouement patriotique un moyen très-peu coûteux de se remettre avec le gouvernement sur le pied de l'ancienne amitié. Depuis qu'il était question de l'émancipation, la noblesse faisait une petite guerre au gouvernement. Battue sur les questions importantes, elle s'évertuait à rattacher de plus en plus le peuple à la couronne, en se livrant sans relâche à des tracasseries mesquines et en se montrant récalcitrante sur les petites choses. Or, comme cella ne profitait à personne et pouvait provoquer de la part du gouvernement une révision du décret d'émancipation dans le sens populaire, on sentait le besoin de se rapprocher; mais on ne savait trop comment s'y prendre. Les adresses offrirent un moyen simple et peu coûteux de résoudre la difficulté. La noblesse de toutes les provinces et de tous les districts se sentit donc subitement embrasée d'un feu dévorant de patriotisme.

Restait maintenant la société civilisée, le milieu flottant dans lequel se forme l'opinion publique, Pétersbourg et Moscou, les minorités fnfluentes dans les provinces, les cercles littéraires, la jeunesse.

Les moyens du ministre de l'intérieur étaient trop primitifs pour qu'on pût s'en servir dans les capitales. Ici, la force devait passer à *la Direction de la littérature;* et le succès de Golovnine non seulement n'a pas cédé à celui de son collègue, mais est allé si loin que le ministre lui-même s'est vu surpassé et accusé de tiédeur et de manque de résolution.

Il est vrai qu'une circonstance vint beaucoup en aide au gouvernement, qui se trouva tout d'un coup avoir un puissant adversaire de moins. La société russe était habituée à estimer, peut-être même trop, l'opinion de l'Occideut. Mais l'Europe fit si bien, avec ses notes, ses démonstrations sans armes et les pacifiques cris de guerre, que non seulement son prestige s'évanouit, mais qu' on se mît en Russie à chercher avidement toutes les occasions possibles de l'irriter et de la mettre au défi.

Le gouvernement décidé à sévir contre la Pologne, à l'exterminer plutôt qu' à lui accorder une concession sérieuse, tenait à faire participer la nation entière à ses actes inhumains; il sut habilement profiter de cette disposition.

Les essais qu'on avait faits à Pétersbourg d'un journalisme officieux n'avaient pas réussi. Pétersbourg n'a ni le jargon du patriotisme frénétique, ni le prestige de l'indépendance. Restait la vieille capitale, centre du panslavisme, la ville russe par excellence, ville d'université tant soit peu réfractaire, et avec tout cela, le plus grand foyer de la réaction.

Cela demande quelques explications.

A partir du commencement du règne actuel, le rôle de Moscou a considérablement changé. Du temps de Nicolas, Moscou se tenait à l'écart, avait une ombre de mécontentement caché, boudait Pétersbonrg et dépendait moins que cette dernière ville du gouvernement. La grande foule des seigneurs-propriétaires qui venaient passer l'hiver à Moscou, la quantité de familles riches qui y tenaient maison, donnaient à sa société un caractère moins officiel, moins pliant, moins caserne et chancellerie que ne l'avait la société uniforme et boutonnée de Saint-Pétersbourg.

A Moscou on s'occupait beaucoup de l'université; et celle-ci etait réellement une très-grande source de lumière et de science pour le pays. Noblement dirigée, à travers tous les obstacles d'une réaction culminante, par son représentant moral, le professeur Granovski, elle était devenue une tribune de discussion et d'enseignement, non-seulement pour les étudiants, mais pour la société même. Haxthausen, présent aux vives dusputes des Slavophiles et des Occidentalistes dans les salons de Moscou, s'étonnait de la manière dont les «frondeurs de la vieille capitale» émmettaient

ouvertement leur opinion, opinion qui n'était certes pas toujours en pleine concordance avec celle du gouvernement.

Après la mort de Nicolas, Moscou prit une toute autre attitude. Dès que la pression d'en haut eût perdu de son intensité, et que la question de l'émancipation des paysans eût touché à la terre, Moscou se métamorphosa. Il ne resta de l'ésprit frondeur qu' une jalousie envieuse à l'endroit de Pétersbourg et de l'opposition, que juste ce qu'il en fallait pour enrayer pendant des mois entiers l'émancipation des paysans. L'empereur lui-même se trouva forcé de rappeler à la pudeur sa noblesse rétrograde.

Que la société des *esclavagistes* cède son libéralisme pour le plat de lentilles cueillies pas les serfs, c'est triste, mais compréhensible. L'attitude de l'université et des cercles littéraires l'est bien moins. Le corps des professeurs n'est pas en général composé de ces nababs de province, de ces «princes russes» habitués des eaux et des hôtels, ni même de personnes d'une origine trop aristocratique. Ce sont pour la plupart des fils de prêtre, classe très—instruite, mais pauvre et démocratique par position; ce sont de petits employés qui ont préféré la science à la bureaucratie; enfin quelques descendants de nobles et indigentes familles de province.

Le corps des professeurs, le corps enseignant en général, a joué chez nous un grand rôle dans l'éducation du pays, et à quelques exceptions près, un rôle très beau. Les professeurs des lycées, des gymnases et des écoles étaient les pionniers obscurs, les sentinelles perdues d'une grande propagande humanitaire, qui ne rapportait ni gloire, ni renommée. Luttant contre la pauvreté, livrés sans contrôle à une administration brutale, cédant quelquefois de leur dignité personelle, ils n'en prêchaient pas moins l'idée de l'indépendance et la haine de l'arbitraire. Le corps enseignant a été, après la littérature, le second représentant de la conscience qui se réveillait.

Ni l'université, ni la presse de Moscou ne défendirent le servage: cette tâche fut dévolue au club anglais et aux cercles soi—disant aristocratiques. Cependant il se manifestait un relâchement visible. On était trop content, trop satisfait, trop fatigué peut-être, après la longue lutte qui avait signalé le règne de Nicolas.

En comparant les horribles années qui avaient suivi 1848 avec l'état de choses existant, les gens voyaient un progrès, et s'étonnaient que la jeune génération ne fût pas satisfaite. Un doctrinarisme lourd et stérile s'emparait de l'université; le lien entre les professeurs et les étudiants se relâchait à vue d'oeil.

Granovski n'était plus. Il était mort en 1856, plein de forces, à l'âge de quarante ans. Son dernier regard ne sentit que le commencement d'une ère nouvele, pleine d'espérances.

Aurait-il arrêté la réaction dans l'université, ou n'est ce pas plutôt un bonheur pour lui de s'être endormi à temps?..

La réaction allait si vite, et avec une telle audace, qu'un jeune professeur de jurisprudence, évoquant l'ombre de Granovski et se disant fier d'être son disciple, ouvrit son cours par l'exposé d'une philosophie de l'obéissance passive. Il enseignait à ses auditaurs qu'il n'y a aucun mérite à obéir et à respecter les lois justes, mais que le grand devoir de l'homme est l'obéissance absolue à toute loi, même absurde ou inique, par cela seul que c'est une loi.

Telle était la théorie; et la pratique la surpassait.

On connait la triste histoire d'une démonstration faite par les étudiants de l'université de Moscou. Les règlements qui avaient provoqué l'opposition des étudiants de Pétersbourg allaient être appliqués à ceux de Moscou. Ceux—ci voulurent envoyer des députés et une pétition à l'empereur. Dès que les professeurs virent la direction que prenait l'affaire, ils abandonnèrent les édudiants. Mal accueilles par les autorités, livrés, trahis par les professeurs, les étudiants se rassemblèrent devant la maison du gouverneur général, réclamant le droit de lui envoyer une députation.

On prit ou feignit de prendre cette démarche pour une émeute. Ecrasés par la gendarmerie à pied et par la gendarmerie à cheval, traqués par la foule ameutée par des agents de police, les pauvres jeunes gens furent blessés, arrêtés et jetés en prison. Leur jeune sang est le premier qui ait coulé à Moscou depuis 1812.

Le sénat de l'université, pour éloigner de lui tout soupçon de participation et de connivence, s'empressa de présenter au ministère un memorandum dans lequel il dénonçait la littérature, la société, le gouverneur général de Moscou lui—même, et faisait, naturellement, tomber toute la responsabilité de l'affaire sur les étudiants; et cela, alors que la moitié de l'université était en prison. Ce memorandum restera dans l'histoire de la civilisation russe comme ligne de démarcation entre les nouvelles tendances de l'université de Moscou et celles de l'époque précédente.

On tint caché ce factum: il ne fut imprimé qu'au nombre de cinq exemplaires, et ne fut connu en Russie que par la presse russe de l'étranger.

Pétersbourg était content de Moscou. Le ministre remercia les professeurs de leur zèle, et la censure reçut l'ordre de ne pas permettre l'attaque contre le nouveau catéchisme de l'obéissance passive.

C'est à Moscou qu'on voulait établir la grande forteresse du patriotisme rétrograde.

Or, il se trouvait là un homme qui s'était fait une quasi réputation libérale, en rédigeant une revue à l'époque de la mort de Nicolas, c'est-à-dire à l'époque du premier réveil de la parole en Russie. Prêchant, avec un doctrinarisme allemand, la supériorité des institutions anglaises et le respect de la légalité, insérant dans son journal des articles refaits de la *Westminster Review*... qu'on

prenait pour siens, Katkov passait pour un libéral modéré, admirateur tout à la fois de le législation anglaise, et disciple, plein de vénération, de l'Allemagne et de tout ce qui était allemand.

De la rédaction d'une revue, il passa à la rédaction de la «*Gazette de Moscou*», organe semiofficiel qui se rédigeait sous les auspices de l'université. Là il continua à jouer le même rôle, parlant toujours avec un profond dédain de la société russe, enseignant, d'après le livre de Gneist, l'admiration de l'Angleterre à ses lecteurs, et offensant à tout propos la jeunesse de Pétersbourg. On commença à trouver ridicule le rôle d'un oncle de comédie dans la littérature et cela donna lieu à une polémique dans laquelle le rédacteur de «La Gazette ds Moscou» montra de quoi il était capable. Il répondit aux sarcasmes par des accusations, aux plaisanteries par des insinuations, et en arriva, lui aussi, à soutenir, à haute voix et à plusieurs reprises, la complicité morale des jeunes gens qui avaient publié uue proclamation avec les incendiaires.— Il fut remarqué.

Dès ce moment l'anglomanie de la *Gazette* pâlit. Cessant d'aimer la légalité et de respecter les droits de l'individu, elle commença une croisade acharnée contre la Pologne. Elle entreprit de justifier une à une toutes les horribles mesures prises par l'administration russe, et déclara hautement traîtres tous ceux qui n'envisageaient pas les choses de même point de vue, montrant d'ailleurs au doigt les tièdes et les suspects.

Chaque cri d'indignation qui s'éleva contre ces procédés, jusqu'alors inouïs chez nous, fut comme un jalon pour la rédaction, et l'imperturbable insolence de ses répliques fit bien voir que la censure n'existait pas pour elle, et que dans tous les cas elle avait un abri sûr et un appui solide.

Pour donner une idée de la «*Gazette de Moscou*», je pourrais la comparer à un «*Père Duchesne*» monarchique et absolutiste. Et pourtant cela n'en donnerait qu'une idée bien faible. Dans toutes les divagations des feuilles révolutionnaires, il y avait au fond une conviction ardente, des passions brûlantes, un amour fanatique. La colère du «Père Duchesne» moscovite était froide, et son abandon de l'anglomanie trop peu motivé.

D'abord on fut littéralement ébahi. On ne revenait pas de l'étonnement dans lequel on était jeté par la lecture de la «Gazette de Moscou». Jamais, à aucune époque néfaste, on n'avait rien vu de pareil.

Dans les dernières années de son règne, Nicolas était parvenu à faire taire toute la Russie, mais jamais à la faire parler comme il voulait. On supprimait alors livres et auteurs; mais on ne faisait pas de la littérature une succursale de la police secrète. Au reste, Nicolas n'y tenait pas. Les applaudissements l'irritaient; il se croyait au-dessus de l'appréciation des hommes. Il se souciait peu qu'on fût content ou non de ses ordres, pourvu que ses ordres

fussent exécutés et que personne n'osât montrer son mécontentement. Son idéal de l'ordre, c'était l'obéissance passive d'une caserne.

Au moins si le danger de parler était grand, on pouvait se taire impunément; personne ne venait dire publiquement: *cet homme se tait non pas parce qu'il n'a rien à dire, mais parce qu'il cache quelque chose; ou cet homme est triste, ne serait-ce pas par hasard qu'il plaint les Polonais.*

C'est au règne d'Alexandre II qu'appartient l'introduction dans les rouages administratifs de la popularité à tout prix, et d'une littérature de surveillance et d'idolâtrie. On fut dès lors mieu surveillé par les littérateurs que par les gendarmes, et le niveau moral baissa, grâce à la prédication incessante d'une politique exterminatrice et d'une philosophie de l'obéissance et de l'esclavage.

Le mal qu'a fait la *„Gazette de Moscou"* est énorme.

Le gouvernement avait une certaine retenue—la société aussi. Le gouvernement faisait comme des coups d'essai, des exécutions féroces, des confiscations isolées. Il prenait des mesures brutales, par exemple la persécution de ceux qui chantaient des hymnes, l'emprisonnement des femmes qui portaient le deuil. Puis il s'arrêtait, épiant quelle impression cela produisait sur le public en Russie. D'un autre côté, il y avait dans la société des velléités sauvages; mais on n'avait pas le courage des les avouer. A défaut de moralité, cette honte est très estimable.

Ce fut au milieu de ces doutes, de ces fluctuations, qu'un journal sérieux, ayant une réputation acquise, et derrière lui, le prestige de l'université et des opinions constitutionnelles, vint prendre la défense la plus arrogante, la plus insolente qu'il soit possible de concevoir, des mesures les plus odieuses, des exécutions les plus inutiles... Les mauvaises passions de la société levèrent aussitôt la tête, et le gouvernement redoubla *d'énergie*: il pouvait le faire, soutenu, qu'il était, non-seulement par la «Gazette de Moscou», mais par d'autres malheureux organes de la presse, «L'Abeille du Nord» entre autres, que le tourment de l'envie empêchait de dormir et qui tâchait de surpasser la Gazette en dévouement à la police et en haine à la Pologne.

Tout essai d'opposition à la Gazette était impossible. On en était réduit aux petites attaques et aux caricatures qui n'entamaient pas le fond de la question.

La force terrible de la «Gazette de Moscou», force qui non-seulement retenait les rédacteurs, mais intimidait les censeurs, c'était *la délation*.

Une revue, «le Temps», modérée, mais noble et pleine de sympathies généreuses, rédigée par un littérateur éminent, par un martyr qui venait de quitter les travaux forcés, Dostojevski, inséra, au sujet de la Pologne, quelques paroles humaines qui auraient

très-probablement passé inaperçues. La «Gazette de Moscou» désigna l'article, et la revue fut frappée de suspension.

«Mais cela n'est plus de la littérature», disait à la «Gazette de Moscou» un journal de Pétersbourg, la „*Voix*“ («Golos»), tout pâle d'avoir été mis par elle sur la même ligne que les feuilles polonaises et «le Kolokol», vous déplacez la question; ce n'est plus de la discussion, c'est un procès criminel que vous faites» (20 août 1863).

«Littérature!» s'écrie Katkov, «discussion littéraire!—«Est-ce que nous nous occupons de pareilles futilités? Nous nous occupons de *mettre au clair les affaires qui nous intéressent*. Nous n'avons pas encore eu le temps, il est vrai, des nous occuper de votre littérature; mais nous avons l'intention de le faire, et nous croyons que de regarder d'un peu plus près à ce qui se fait dans le journalisme de Pétersbourg ne sera pas de trop» («Gazette de Moscou», № 222, 1863).

«Oui», disait-il dans un autre article, «je suis volontairement au service de la bonne cause, et je tâche de démasquer les ennemis qui entravent les plans du gouvernement».

A la nouvelle de la nomination de l'affreux Mouraviev, et aux premiers récits de ses hauts faits, un reste de sentiment humain fit tressaillir le coeur de beaucoup de gens faibles. Pour les rassurer, la «Gazette de Moscou» inséra immédiatement ce qui suit: «La Russie, certes, n'oubliera pas les grands services qui lui auront été rendus dans ces mauvais temps. Elle *glorifiera* les hommes qui agissent sans tergiverser au milieu des crimes et des calomnies. Ces gens-là doivent savoir que la Russie les soutiendra de sa sympathie. — C'est son devoir. Oui, la Russie doit se ranger, comme sous un bouclier, autour de ces hommes qui ne reculent pas devant la terrible nécessité d'exécuter toutes les rigueurs de la loi, pour sauver la patrie. S'il y a révolte, nous devont la soumettre. Nous serions des trâitres et des lâches, si nous refusions d'accomplir notre devoir. Personne ne reproche au vainqueur, couvert de lauriers, d'être sanguinaire. Un dignitaire qui prend des mesures énergiques, ne peut non plus être accusé de férocité». Et là-dessus un tas de littérateurs, de professeurs, de membres de notre jockey-club et de notre jeunesse dorée... à cheveux blancs, offre un dîner à Katkov, dîner ou l'on porte *pour la première fois*, un toast à Mouraviev.

Dans les journées les plus sombres de la révolution française, nous ne nous rappelons pas de banquets offerts à Fouquier-Tinville, ni de festivals arrangés à Paris pour fêter les exploits de Carrier et de Fouché.

L'exemple donné par Moscou fut immédiatement suivi dans les provinces et à Pétersbourg. C'était quelque chose d'inouï dans l'histoire que de voir la noblesse, l'aristocratie, le négoce, enfin toute la société *civilisée* d'un empire de soixante millions d'hommes,

applaudissant sans distinction de nationalité ni de sexe, aux exécutions les plus cruelles, envoyant des télégrammes élogieux, des adresses de félicitation, des images de saints aux hommes horribles qui prenaient sur eux non la lutte par la valeur, mais la pacification par la potence, non les dangers de la bataille, mais la sécurité de la confiscation à main armée.

Sans doute la «Gazette de Moscou» n'était que la plaie ouverte, et c'était bien dans les veines de l'organisme entier que se trouvait le sang corrompu. L'agitation provinciale, organisée par le ministre de l'intérieur, dévoilait un grand fond de sauvagerie et une démoralisation profonde. C'est lui-même que le petit tyran de village admirait dans Mouraviev. Mais avec tout cela, une part notable de responsabilité doit retomber sur la feuille universitaire.

Elle a eu l'audace de l'initiative de la première parole. Elle a entraîné les faibles, fait cesser les hésitations des indécis. Que de mauvaises velléités fermentent dans le vague des possibilités, qui, si elles ne trouvaient aucun encouragement, s'élimineraient sans laisser de traces.

Beaucoup de braves gens ont pris part à ces étranges démonstrations du *fort contre le faible*, profondément convaincus qu'ils accomplissaient un devoir patriotique, et cela parce qu'ils étaient entraînés par le seul journal qu'ils eussent à lire dans leur province [1]).

Une partie du gouvernement finit par s'apercevoir qu'on allait bien loin; mais il était trop tard. Cette partie modérée du gouvernement était débordée; tout ce qui entravait le courant était emporté, culbuté par le parti de l'action, ayant à son service la «Gazette de Moscou» et le gouverneur général de Wilna.

Le grand duc Constantin, regardant de mauvais oeil ce qui se faisait en Lithuanie, la Gazette lui jette hardiment le mot de trahison à la tête, et le frère de l'empereur est forcé de s'en aller doucement suivre un cours d'eaux amères en Allemagne.

Anenkoff, gouverneur général de Kieff, et qui est loin pourtant d'être un homme doux et humain, ne mettait pas autant de zèle artistique et d'ostentation dans la persécution des insurgés que le faisait Mouraviev. Il fut traité de suspect par la «Gazette de Moscou», et dès lors chacun de ses pas fut épié. Or, un ci-devant étudiant de l'université de Kieff, qui tenait une école d'équitation dans la ville—*Romuald Ol[illegible]ansky*—alla rejoindre les insurgés. Il fut fait prisonier, et Anenkov le traduisit devant une cour militaire, le fit juger et le condamna aux travaux forcés. A cette nouvelle, le maréchal de la noblesse, *Boutovitch*, et un conseiller d'état,

[1]) La «*Gazette de Moscou*», outre que beaucoup de gens la reçoivent par habitude, est, indispensable, attendu le monopole des annonces de l'Etat dont elle jouit.

Josephovitch, s'émeuvent—ni l'un, ni l'autre n'avaient rien à démêler avec la justice; ni l'un, ni l'autre n'avaient la moindre responsabilité à encourir—ils prennent cependant l'affaire en mains, protestent, et demandent au gouverneur-général la mort de cet homme, Anenkoff, à qui les attaques de la «Gazette de Moscou» faisaient craindre que son crédit ne fût definitivement ébranlé à Pétersbourg, suspend l'exécution de la sentence, fait reviser le procès, et condamne Olschansky à être fusillé dans la forteresse de Kieff.

La disgrâce du grand-duc ouvrit definitivement les yeux non-seulement à Golovnine, qui était très intime avec lui, mais à Valouïev et à bien d'autres, sans parler du prince Souvorov qui n'a jamais trempé dans ces affaires sombres. Ils voulurent ramener la furie patriotique dans les cadres tracés par leur chancelleries. Mais, comme nous l'avons dit, l'instrument mis en jeu était beaucoup trop lourd pour qu'ils pussent le manier ainsi; la direction leur échappa complètement.

Alors un spectacle tout à fait extraodinaire se produisit entre le monde ministériel d'un côté et la littérature de l'état de l'autre. La «Gazette de Moscou» tint bon et accepta la lutte, soutenue par une main cachée, elle redoubla d'invectives. Ne pouvant attaquer les personnes des ministres, elle fit une chasse à outrance à leurs organes, la «Poste du Nord» et «la Voix».

Un incident très-comique vint marquer solenellement l'apogée de la «Gazette de Moscou». Le ministre de l'instruction publique voulait publier dans «la Voix» une explication justificative de l'administration du grand duc en Pologne. Le censeur refusa le permis. On lui fit savoir que l'article venait du ministre, c'est-à-dire de son supérieur direct. A cela le censeur répliqua qu'il était prêt à permettre l'impression, si le ministre en prenait la responsabilité, «car» ajoutait-il, «il y a dans l'article des allusions à la «Gazette de Moscou»: elle me dénoncera, et je perdrai ma place».

Si cet incident est exact (on en a parlé dans la «Gazette de Cologne»), le jour où il s'est produit a dû être assurément le plus beau jour de la «Gazette de Moscou». Elle triomphait. Mais elle n'oubliait pas pour cela de sévir avec une nouvelle ardeur contre les traîtres. Elle osa insinuer que le parti *libéral* dans le gouvernement trahissait les secrets de l Etat à un correspondant du «Times». Elle osa traiter de suspects, d'ennemis de la patrie les personnes marquantes qui ne voulaient pas prendre part à la souscription ouverte pour offrir à Mouravieff une image de l'archange Michel [1]).

Après ces hauts faits, la Gazette fit encore quelques pas en avant. Mais elle n'en pouvait plus; la tête lui tournait. Masaniello-Javert du journalisme, elle avait le délire. Elle ne pouvait,

[1]) Le premier qui eut le courage de refuser son nom fut le prince Souvorov. Son exemple fut suivi par Golovnine et Walouïev.

simple feuille, supporter le poids de tant de grandeur et de puissance. Elle se précipitait sur tout ce qui portait de loin une trace d'indépendance, avec le même acharnement, la même haine qui la caractérisaient, lorsqu'elle reprochait au gouvernement d'avoir épargné des enfants de 14, 15 ans pris parmi les insurgés, ou d'avoir donné trop de droits aux paysans en leur concédant leur propre tribunal. Elle tremblait d'indignation au moindre souffle de liberté, ce souffle passât-il en Australie ou dans la République Argentine.

Une modeste diète s'assemble en Finlande. On y parle de liberté de la presse, d'abolition de la peine capitale, d'intérêts locaux. La «Gazette de Moscou» suit chaque motion avec des yeux de lynx, ne parle de la diète que l'écume à la bouche, et lorsque celle ci s'avise de retirer doucement, de dessous la patte de l'ours, quelque petite liberté, la «Gazette» est là pour donner l'alarme et pour accentuer, exagérer tout ce que l'on voulait adoucir, aplanir.

Des littérateurs de l'Ukraïne veulent imprimer des livres en petit-russien.—Ils n'ont pas de grandes symplathies pour la Russie... et pas le moindre motif pour en avoir. «C'est une intrigue polonaise», s'écrie la «Gazette» «ils veulent se séparer!»—«Chut» lui dit-on de tous côtés, «savez vous que, par le temps qui court, vous menez les gens tout droit aux casemates»—«Cela ne me regarde pas», répond le journal stoïque...

De petites, de faibles voix de liberté se font entendre dans la chambre docile, modeste, malheureuse, de Berlin... La «Gazette de Moscou», cerbère international, se met aussitôt à aboyer.

La seule supposition que ce sont des démocrates qui poussent le gouvernement de Copenhague à une résistance énergique suffit pour que la „Gazette“ tombe à bras raccourcis sur les démocrates danois.

Les autres feuilles méritent à peine qu'on en parle. Les unes comme la «Gazette de Pétersbourg», font leur possible pour se tenir dans une ligne honnête et n'y parviennent pas, le gouvernement leur supprimant une partie de leurs articles et les forçant, par contre, à accepter des correspondances faites par ses agents. Les autres, comme «l'Abeille du Nord», tâchent d'atteindre à *la hauteur* de la «Gazette de Moscou», tout en gardant les allures d'un libéralisme raisonnable et pétersbourgeois.

Il n'y a qu' une autre feuille qui doive être mentionnée. Des deux partis qui ne se ralliaient pas au gouvernement, l'un a été réduit au silence, et s'est tu presque entièrement; l'autre, sans se donner au gouvernement, a pactisé avec lui: nous parlons des slavophiles de Moscou et de leur organe le «Jour».

Ce journal, en ce qui touche à la question polonaise, ne diffère à peu près en rien de la «Gazette de Moscou».

Seulement la «Gazette», qui part du point de vue que les peuples et les individus ne sont que des matériaux pour chauffer

la grande machine d'Etat, est plus logique que le «Jour», qui part d'un point de vue diamétralement opposé.

La doctrine des slavophiles a pour base la négation complète de l'empire de Pétersbourg, *le respect des nationalités*, l'obéissance à la volonté du peuple. A leurs yeux, l'empire russe est, comme la Pologne, un pays conquis; conquis par un tas d'aventuriers, de rénégats, d'Allemands, qui du temps et à l'aide de Pierre I-er, s'emparèrent du gouvernement. Eh bien, l'organe de cette opinion, au premier cri d'indépendance d'un peuple slave, s'est rangé du côté des Allemands de Pétersbourg tout en se réservant néanmoins l'usage de son jargon de «frondeur moscovite», appelant la Russie officielle *Russland*, faisant une distinction entre *public* et *peuple*, et ne confondant jamais *l'amour* de la *patrie* avec le *patriotisme*, qui n'est que l'amour de l'Etat.

La réputation connue du rédacteur du „*Jour*", I. Aksakov, le mettait au—dessus de tout soupçon; et en effet c'est un grand désintéressement qu'a soufflé son chalumeau byzantin sur les haineuses passions internationales, évoquées par le gouvernement et par ses organes salariés.

Ce que l'esprit d'intrigue faisait faire aux autres, le journal d'Aksakov le faisait par éxaltation patriotique; et l'homme simple qui échappait à l'impure toile d'araignée des démagogues de la police, tombait dans les filets tendus par le fanatisme.

Amour de la patrie, amour de l'Etat, on a beau faire toutes ces distinctions scolastiques, une chose reste claire, c'est que ce n'est ni l'amour de la vérité, ni l'amour de la justice. Le patriotisme reste toujours une vertu basée sur la partialité: il mène quelquefois au dévouement, et toujours à une convoitise-jalouse, à un conservatisme avare et égoïste. L'amour du prochain y frise la haine du voisin.

IV.

Notre triste tableau est presque terminé, et le lecteur a le droit de nous dire: où est donc dans tout cela la littérature? où sont les nouvelles productions, les nouveaux talents? où le poète, le romancier, le penseur? Quels types se sont dessinés? Quel est enfin l'idéal, le lyrisme, la souffrance exprimée dans l'art?

Rien de pareil. Pas une capacité nouvelle n'a surgi de ces vagues lourdes, noires de cette marée de sang. Même ceux d'un autre temps qui ont surnagé, ont pâli et se sont égarés.

Il n'y a plus de livres en Russie. Les journaux ont tout absorbé. Heureusement encore on traduit beaucoup. N'ayant pas de fonds, nous vivons d'emprunts. Notre civilisation exotique continue à être une civilisation d'importation.

Il y a une inquiétude dans l'âme qui empêche le répos, qui ôte le calme nécessaire au travail de la pensée. L'attente des ré-

formes, les secousses d'une mauvaise route de traverse, les mouvements rétrogrades, les faux pas du gouvernement, les continuelles promesses d'une loi plus libre sur la presse, et les continuelles invasions d'une censure désordonnée, sans unité aucune, tout cela, sans parler de l'insurrection en Pologne, entretient un état fiéveux et maladif.

C'est un monde en dissolution, en refonte.

Réussira-t-on à réaliser la nouvelle forme à laquelle on aspire sans la connaître? Personne ne le sait. Une chose est claire, c'est que nous ne retournerons pas à l'empire basé sur le servage, à l'empire sans peuple. Mais quel champ, quel désert, entre les jeunes tendances dépassant tout ce qui existe ailleurs, anticipant l'avenir, et les revenants d'un patriotisme du XVI-e siècle, prêchant l'extermination, le sang, la corde et ayant pour eux la majorité!

Les hommes les plus éminents de la période antérieure sont désorientés comme les autres. Prenons, par exemple, Iean Tourguénev. Il s'est créé une belle place, et une place indépendante, dans la littérature russe. Artiste et observateur, peintre et photographe, il se tenait, par tempérament, loin des partis. Ce n'était pas un éloignement allemand pour la réalité, une fuite vers un monde fantastique; non, il prenait, au contraire, ses couleurs et ses modèles dans la nature. Ses esquisses de la vie des serfs, plaidoyer poétique contre le servage, ont fait un bien immense.

Eh bien, lui aussi, il sortit de sa placidité pour s'inspirer des passions qui surgissaient autour de lui, pour se faire homme politique, pour créer, au lieu de ses magnifiques Ruysdaël, des romans *à tendances* dans lesquels on voyait très bien qu'elles n'avaient jamais été les siennes. Ses héros devinrent peu à peu, d'hommes vivants qu'ils étaient d'abord, des hommes porteurs d'une pensée cachée derrière les coulisses.

Entraîné par le courant progressiste, Tourguénev nous donne un agitateur, un fanatique de nationalisme, appartenant à un monde souffrant, mais qui ne s'agite pas, un Bulgare conspirateur, réveur, libérateur *in spe*, qui, nègre blanc parmi les siens, ne sait que faire, et va mourir très jeune, et toussant comme la Traviata, sur les bords de l'Adriatique.

Refoulé par le courant opposé, Tourguénev cherche à créer le type de la jeunesse avancée en Russie.

Le but était non seulement artistique, mais encore très morigénant. L'auteur voulait donner une savonnage à la jeune génération en lui opposant constamment la génération précédente... qui cependant ne s'était distinguée, en règle générale, que par sa passive nullité et son active inutilité.

Le temps, le type, tout était malheureusement choisi.

Le roman, dont l'apparition coïncida avec celle de la réaction, tombait sur les mêmes personnes, ridiculisait, en les exagérant, les mêmes idées et les mêmes défauts que celle—ci, employait enfin

le même mot de *nihilisme* dont se servaient les réactionnaires. Les doctrinaires de Moscou, las d'appeler leurs adversaires *matérialistes*, avaient inventé, comme pour exprimer une aggravation de culpabilité, un grade plus avancé dans le matérialisme, le terme de *nihiliste*.

Ce terme, s'appliquant à des jeunes gens dévoués à la cause qu'ils adoraient—celle de la science—était denué de sens.

Nous concevons encore que, dans de certaines limites, on puisse parler du nihilisme tragique de Schopenhauer—le philosophe de la mort—ou du nihilisme épicurien de ces spectateurs nonchalants des tribulations humaines, de ces, témoins oisifs des luttes sanglantes, qui se tiennent éloignés de toute participation dans les douleurs et les passions de leurs contemporains; mais parler du *nihilisme* de jeunes gens ardents et devoués, qui se donnent des airs de scepticisme désespéré, est une grave erreur.

Le nihilisme comme l'entend la réaction ne date pas d'hier: Bélinsky a été *nihiliste* en 1838—il en avait tous les droits. Fils d'un petit employé de Penza, souffrant de la misère, se débattant contre tous les obstacles, gagnant ensemble le pain et la science, il fit une rude école, et avec tout cela il se posa, agé de 25 ans, en maître, et fut reconnu pour tel par toute la jeunesse studieuse en Russie.

Son apparition à la tête du mouvement intellectuel fut très significative. Il n'arrivait pas sourdement et en cherchant à faire oublier son origine; il s'imposait tel qu'il était. Bien avant lui le clergé, la bureaucratie avaient donné des savants, des littérateurs, des hommes d'Etat; mais ceux—là se laissaient absorber par le milieu qui les recevait. Les affaires changèrent; ce ne furent plus les hommes qui montaient, grimpaient vers les sommets, mais le niveau de la civilisation, de l'agitation intellectuelle, qui descendit de plus en plus.

Le fils du petit employé qui ne voulait pas servir, comme Bélinsky, le fils laïque du prêtre, comme Tchernichevski, et enfin le pauvre gentillâtre de province, le seigneur—prolétaire comme Gogol, allaient jouer un grand rôle. Ils ne représentaient ni le tiers—état, ni en général une classe quelconque, mais un milieu vivant, qui recevait les forces d'en bas et celles d'en haut. Plus nous marchons, plus nous voyons que c'est cette couche métabolique, intermédiaire entre la stérilité croissante d'en haut et la fécondité inculte d'en bas, qui est appelée à sauver la civilisation pour le peuple. Dans les éléments que ces *hommes nouveaux* ont introduits dans la forme littéraire, il y a de la rudesse, de l'irritation, quelque chose de cassant, d'inexorable, absence de ménagement, et parfois manque d'élégance. Cela blesse le goût des puristes, sans parler des susceptibilités des chambellans de la littérature.

Ce que la réaction reproche maintenant aux *nihilistes*, on le reprochait exactement à Bélinsky et à Gogol — le seul homme de

génie de la dernière période du règne de Nicolas. L'un et l'autre, par leur verve, leurs images parfois vulgaires, leurs excentricités, leur intempérance de style, ont scandalisé beaucoup de gens— Bélinsky était infiniment plus passionné que ne le comporte un salon. Il se laissait entraîner par une fougue irrésistible et entraînait avec lui toute la jeunesse. Dans ses improvisations, la plume à la main, improvisations qui palpitaient d'indignation, qui accusaient, qui lançaient des anathèmes à «la voûte de plomb qui l'écrasait», il n'avait pas le temps de mettre une cravate blanche, et n'en voulait point mettre. «Rien de sacré, rien de vénérable pour cet homme» criaient alors les autorités littéraires. C'est un *nihiliste*, aurait—on dit dans le jargon réactionnaire de notre temps.

Mais le côté sérieux, le côté tragique, l'origine du pli qu'on poursuivait dans Bélinsky, cette goutte amère qui travaillait et fermentait dans son sang, voilà ce qui échappait à ces juges sévères, qui toujours s'attachant aux formes, ne se sont jamais demandés d'ou venait cet atome dissolvant, qui portait en lui tant de destruction et tant d'espérance.

L'histoire du nihiliste leur est inconnue.

Enfant, la vie s'ouvre à lui par une série d'injustice. Jeune homme, il abdique sa jeunesse, sous la pression des forces hostiles, à l'âge où l'on se livre à tout le monde, il est méfiant, et au moment de la vie où l'on a le plus besoin d'appui, il ne compte que sur ses propres forces. Froissé mille fois, il craint les hommes et surtout ceux qui se présentent *dona ferentes*. Il déteste le monde qui a dégradé son père et enlaidi sa mère. Travaillé de scepticisme, il tâche d'avoir la pensée froide, le verbe insolent; et, débordé par son jeune coeur, il se dévoue, il périt, en niant le dévouement.

Quelle tâche que celle de dévoiler avec la patience d'un Agassis poursuivant nuit et jour le germe d'une tortue, de saisir le lien qui unit l'amertume du fils à la concussion, au vol obligé du père, de suivre les larmes de la mère se métamorphosant en rêves socialistes! Oui, cela en valait bien la peine. Mais pour une tâche pareille, il eût fallu être indépendant de toute influence.

Tourguénev a fait de son nihiliste un «neveu bourru», doté de tous les vices entassés que nous connaissons, vices qu'il craint d'examiner au delà de l'épiderme.

Son héros passe rapidement devant vos yeux... sans avoir le temps de se réhabiliter. Le sort de l'improbable «nihiliste» n'est pas plus heureux que celui de l'impossible Bulgare: l'auteur s'en défait à la Brutus, et le tue par la fièvre tiphoïde. Le point litigieux, le procès entre «les pères et les fils», entre les *fades, les fats et les insolents,* n'a pu se terminer faute de combattants. Le nihiliste et le Bulgare n'ont rien fait: ils sont à peine entrés dans la carrière d'où l'on pouvait encore voir la porte de l'école qui se refermait derrière eux.

On meurt quelquefois très jeune; cela est vrai: mais alors on ne devient pas type, ou l'on ne devient que type de la fragilité du corps humain.

Et pourtant ce roman de Tourguénev est la seule production remarquable de la nouvelle phase littéraire... de la littérature conservatrice. On a beau visiter les caravansérails de nos revues mensuelles, collections immenses!... On n'y trouve rien, rien sinon peut-être ce que la censure a laissé de l'autre côté, et qu'il faut deviner; rien que des truismes, ou que le hurlement d'un chacal patriotique.

L'active surexcitation du premier réveil qui suivit la mort de Nicolas ne fut pas féconde en grandes oeuvres, mais elle fut remarquable par la multiplicité des efforts, par l'élan, par le nombre des questions qu'elle entama. Il ne faut pas oublier, en outre, qu' elle nous a laissé un livre terrible, un *carmen horrendum* qui restera à tout jamais attaché à la sortie du sombre règne de Nicolas, comme l'inscription du Dante, à l'entrée de l'enfer: c'est „*La Maison Morte*" de Dostoïewsky, récit terrible, dans lequel l'auteur ne se doutait probablement pas qu'en traçant de sa main enchaînée les figures de ses compagnons, les forçats, il faisait, sur les moeurs d'une prison de Sibérie, des fresques à la Buonarroti.

A côté de ce livre d'horreurs, nous trouvons un drame d'Ostrovsky, intitulé „*L'Orage*".

Dans cet orage, l'auteur est descendu dans les arcanes les plus profondement ensevelis de la vie russe *non occidentalisée*, et a jeté soudain un trait de lumière dans l'âme inconnue de la femme russe, de la muette qui suffoque dans les étreintes de l'inexorable et demi-sauvage vie de famille et de patriarcat. Ostrovsky avait pris antérieurement pour sujet la couche sociale qui se trouve au dessous du monde civilisé, et il en avait rapporté sur la scène des échantillons formidables de vérité. En voyant les héros qu'il a pêchés dans les eaux stagnantes et corrompues de la vie bourgeoise, tous ces pères de famille ivrognes, ces voleurs faisant le signe de la croix, ces nigauds et coquins, ces tyrans et valets, on croit sortir de la vie humaine, et toucher à l'ours, au sanglier. Eh bien, si bas que ce monde soit tombé, quelque chose nous dit qu'il y a encore un salut pour lui, qu'il le porte au fond de son âme; et c'est ce quelque chose, cet *ignotum* qui se fait sentir dans „*L'Orage*". Il y a un acquittement sous-entendu, aucune voix du ciel ne donne, comme dans le „*Faust*" de Goethe, l'absolution; mais tout le monde la presse, et le public en a tressailli.

Etrange coincidence, le poète a plaidé pour cette absolution la veille du jour, où la Russie devait en avoir besoin; et son drame a été la pièce de clôture. Après le cri de grâce pour la vie sauvage, est venu le dévergondage du patriotisme civilisé.

Serait-ce un signe que la Russie impériale, la Russie militaire et nobiliaire, la Russie du testament de Pierre 1-er, a fait son

temps? Cela est possible. Peut-être est-ce pour cette raison que tous les péchés, toutes les dépravations accumulées durant un siècle et demi, lévent leur tête hideuse, et sentant leur fin approcher, se cramponnent au gouvernail pour faire rebrousser chemin au navire?

Haxthausen a pris pour *motto* de son livre deux proverbes russes:—«Je suis assis près de la mer et j'attends le beau temps» et «Nous avons quitté notre rive sans parvenir à l'autre». Le baron Westphalien appliquait le premier à la Russie, le second à l'Europe; cela, en 1846. Les temps ont marché depuis. L'Europe reste assise près de la mer... sans attendre le beau temps, et récapitulant ses naufrages; la Russie a quitté le port et flotte au gré des vents. Parviendra-t-elle à l'autre rive? Et quelle est cette autre rive?... Qui le sait!

Rien n'est décidé, rien n'est sûr; le serpent change de peau—et nous en sommes certain—ne reviendra pas à l'ancienne.

Переводъ.

НОВАЯ ФАЗА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Новый періодъ литературы, возникшій послѣ смерти Николая и Крымской войны, — періодъ пробужденія и порывовъ, въ родѣ нѣмецкаго Drang und Sturm [1]), начинаетъ отчасти измѣнять свое направленіе. Пяти лѣтъ было достаточно, чтобы утомить правительство и общество. Правительство послѣ освобожденія крестьянъ испугалось, что оно слишкомъ ушло впередъ. На недоумѣнія крестьянъ, порожденныя новыми указами, оно отвѣчаетъ картечью; на отказъ студентовъ подчиниться требованіямъ, какія предъявляются дѣтямъ,—казематомъ и ссылкой; новь начинаютъ осуждать за политическія преступленія, и 14 декабря 1861 г. поэта Михайлова приговариваютъ къ каторжнымъ работамъ за воззваніе къ молодежи,—воззваніе, которое не имѣло никакихъ послѣдствій.

Но, можетъ быть, еще удивительнѣе, что общество также начинаетъ выражать неудовольствіе. Оно кажется утомленнымъ свободою прежде, чѣмъ даже успѣло получить ее. Оно боится крайностей свободы, не успѣвъ насладиться ею.

Первое возбужденіе прошло, и все стремится успокоиться.

[1]) Собственно, Sturm und Drangperiode, или періодъ «бури и натиска»; такъ въ нѣмецкой литературѣ была названа совпавшая съ концомъ XVIII в. эпоха ея, ознаменованная революціонною, въ самомъ бурномъ значеніи этого слова, дѣятельностью молодыхъ поэтовъ-новаторовъ, среди которыхъ первое по значенію мѣсто занимаютъ Гете и Шиллеръ.

Недоставало лишь предлога, чтобы вступить на путь полной реакціи.

Полиція доставила его.

Чтобы выйти изъ тупика, она дѣйствуетъ рѣшительно, *по старинному* и взваливаетъ на «красныхъ», на «соціалистовъ» и вообще на молодежь пожаръ, опустошившій одинъ кварталъ въ Петербургѣ,—пожаръ, котораго она не сумѣла потушить и къ которому, можетъ быть, были причастны нѣсколько уличныхъ воровъ. Это происходило въ маѣ 1862 года.

Подобнаго обвиненія, какъ будто, только поджидали,—въ газетахъ поднимаются крики возмущенія противъ поджигателей; требуютъ разслѣдованія и «строжайшаго наказанія»; обвиняютъ молодыхъ людей, которые распространяли родъ революціоннаго манифеста; «Московскія Вѣдомости» стараются установить причастность «Молодой Россіи» къ пожарамъ и домогаются перенести на нее отвѣтственность за дѣйствія поджигателей.

Общественное мнѣніе встревожено: боятся въ Петербургѣ, боятся въ Москвѣ, боятся въ провинціи. Правительство *должно* спасти общество, успокоить умы; и, чтобы достигнуть этого, оно спѣшитъ арестовать нѣсколько сотенъ молодыхъ людей, студентовъ и писателей.

Участіе, принятое въ этой тревогѣ газетами, было прологомъ къ новой фазѣ русской журналистики, органы которой въ прошломъ году вызвали содроганіе въ Европѣ наглой откровенностью, съ какой они рукоплескали казнямъ въ Польшѣ и превозносили палачей.

Между тѣмъ, разслѣдованіе о пожарахъ продолжалось. Сотни лицъ были опрошены, безчисленное множество домовъ было обыскано. Нашли подпольные печатные станки, брошюры для распространенія, проекты конституціи, мечты утопистовъ, но не было обнаружено ни одного соучастника свирѣпыхъ поджигателей, которые задумали сжечь городъ, чтобы вызвать къ себѣ симпатіи его жителей.

Въ теченіе года слишкомъ продолжалось слѣдствіе по этому дѣлу съ ничѣмъ несравнимымъ усердіемъ, съ лихорадочной горячностью, при помощи всѣхъ средствъ, какими располагаетъ русская полиція...

И ни одного виновнаго.

Четыре раза «Колоколъ», издающійся въ Лондонѣ, требовалъ, чтобы были названы имена этихъ гнусныхъ Катилинъ, этихъ новыхъ Геростратовъ, и чтобы было сообщено о наказаніяхъ, которыя постигли ихъ... Гробовое молчаніе.

Князь Суворовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, человѣкъ прямодушный и честный, составилъ отчетъ объ этомъ дѣлѣ и хотѣлъ опубликовать его; но Валуевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, воспротивился этому, находя неудобнымъ объявлять гласно, послѣ цѣлаго года разслѣдованія, что ничего не раскрыто. Кромѣ

того, онъ былъ того мнѣнія, что для правительства полезно держать подъ подозрѣніемъ безпокойныхъ и неугомонныхъ людей.

Правительство, встрѣтивши такую сильную поддержку въ своихъ реакціонныхъ намѣреніяхъ, тотчасъ же стало съ ожесточеніемъ преслѣдовать независимую прессу. Оно запрещаетъ журналы, сажаетъ въ крѣпость Чернышевскаго, самаго выдающагося публициста; оно угрожаетъ однимъ и подкупаетъ другихъ, и такимъ образомъ успѣваетъ создать литературу порядка и *моральнаго оздоровленія*, какой до тѣхъ поръ никогда не существовало въ Россіи.

Цензура, перешедшая изъ своей канцеляріи въ литературу, дѣйствуетъ съ тѣхъ поръ орудіемъ, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ были ножницы: возникаетъ система намековъ, полиція изъ корреспондентовъ. И послѣ всего этого—возстаніе въ Польшѣ. Его только недостовало, чтобы отбросить всякую осмотрительность, всякое чувство приличія.

Вотъ объ этомъ-то странномъ, печальномъ періодѣ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

I.

Русская литература начинается, собственно говоря, не ранѣе XVIII вѣка, т.-е. съ реформы Петра I: она, какъ новая Минерва, вышла изъ этой реформы, вооруженная съ ногъ до головы дипломами и въ академическомъ мундирѣ. Она не переживала наивнаго періода, свойственнаго нормальному росту. Она зарождается въ сатирахъ князя Кантемира, пускаетъ корни въ комедіяхъ Фонвизина и достигаетъ своего завершенія въ горькомъ смѣхѣ Грибоѣдова, въ безпощадной ироніи Гоголя и въ отрицаніи новой школы, не знающемъ ни страха, ни границъ.

Единственный великій поэтъ и великій художникъ, который по своему звучному и всеобъемлющему стиху, по своей эстетической уравновѣшенности могъ бы составить исключеніе, это—Пушкинъ, и именно онъ нарисовалъ намъ печальный и вполнѣ національный образъ Онѣгина, *лишняго человѣка*.

Правда, до насажденія *цивилизаціи* были зародыши иной литературы; но эта послѣдняя не имѣла ничего общаго съ литературой цивилизованнаго періода. Языкъ, даже самыя печатныя буквы,—все было иное. Это была простонародная, бѣдная литература, въ которой слышались первые отзвуки настоящаго лиризма и благочестивыя размышленія бѣглыхъ и преслѣдуемыхъ раскольниковъ. Это были печальныя, меланхолическія пѣсни, иногда, впрочемъ, впадавшія въ тонъ безумнаго веселія. Что же касается до религіозныхъ произведеній, то они всегда отличались мрачнымъ, суровымъ, аскетическимъ характеромъ.

Благодаря кормилицамъ, нянькамъ, разнымъ престарѣлымъ крѣпостнымъ, пѣсни проникали иногда и въ *цивилизованное* об-

щество; подпольная же литература раскольниковъ оставалась скрытой въ лѣсахъ, въ нѣдрахъ общинъ, столь отдаленныхъ, что она избѣгала двойного надзора,—православной полиціи и полицейской церкви. Лишь въ послѣднее время стали записывать эти пѣсни и эти мелодіи изъ устъ самихъ крестьянъ.

Однако, считаемъ необходимымъ съ самаго же начала предупредить читателей, что въ нашемъ очеркѣ,— какъ это было и въ старомъ русскомъ «хорошемъ обществѣ»,—мы вовсе не будемъ говорить объ этой первоначальной народной литературѣ, которая всегда находилась ниже *просвѣтительнаго ценза* русской имперіи. Занимающая насъ литература не представляетъ собою скромнаго полевого цвѣтка. Далеко нѣтъ, это—цвѣтокъ экзотическій, пересаженный съ громадными издержками въ императорскія петербургскія оранжереи. Грубыя руки крестьянина никогда не ухаживали за нимъ. Онъ развивался въ космополитическихъ нѣмецкихъ школахъ, въ казармахъ императорской гвардіи и въ бюрократическихъ канцеляріяхъ. Литература эта никогда не переступала за предѣлы круга дворянства и служилаго сословія и представляла сама по себѣ, въ сущности, своего рода должность. Это не покажется страннымъ нѣмцамъ: они имѣли «государственную философію», мы же имѣли государственную литературу, которую создавали предписанія правительства и внушенія полиціи. Но вотъ что очень странно: когда закончилось ея образованіе за счетъ государства, когда она почувствовала, что стоитъ сколько-нибудь твердо на собственныхъ ногахъ, она съ замѣчательной неблагодарностью перешла въ глухую оппозицію, въ иронической и насмѣшливый протестъ.

Но было бы совершенно ошибочно думать, что эта искусственная литература, пересаженная съ Запада и подкрашенная нѣмецкой настойкой, не была въ дѣйствительности ассимилирована русской средой и не ассимилировала себѣ, въ свою очередь, эту послѣднюю. Совсѣмъ напротивъ, — она пустила очень живучіе корни въ каменистую, твердую, прикрытую грязью почву и развивалась тамъ болѣзненно, но упорно, пока не почувствовала себя хоть сколько-нибудь свободной отъ педантовъ-садовниковъ, которые жертвовали всѣмъ ради классической правильности и любили подрѣзываніе деревьевъ больше, чѣмъ деревья. Она развивалась съ насмѣшкой на губахъ и съ презрѣніемъ въ сердцѣ къ окружавшей ея средѣ, какъ растутъ несчастные уличные мальчики большихъ городовъ: безъ воздуха и свѣта, между сараемъ и канавой, хилые, нервные, блѣдные, но обладающіе неисчерпаемымъ источникомъ выносливости и развитіемъ не по лѣтамъ. Подобно этимъ дѣтямъ, русская литература въ первомъ періодѣ своего развитія никогда не видѣла полей. Она никогда не удалялась отъ дворцовой прихожей, никогда не спускалась ниже послѣдней ступеньки *табели о рангахъ*. Она останавливалась тамъ, гдѣ исчезалъ чиновникъ и начинался простой смертный. И это было есте-

ственно, такъ какъ обыкновенный смертный, никѣмъ не обучаемый, не умѣлъ читать.

Безъ народной основы, безъ внутренней необходимости существованія, безъ воспоминаній, порвавъ съ прошлымъ, презирая все русское, за исключеніемъ грубой силы и военной славы, презирая, наконецъ, самое себя, видя смѣхотворное положеніе общества, приговореннаго, такъ сказать, правительствомъ къ каторжной цивилизаціи,—литература эта запечатлѣла на себѣ явные слѣды своего внезапнаго и революціоннаго происхожденія.

Петръ I хотѣлъ создать сильное государство съ пассивнымъ народомъ. Онъ презиралъ русскій народъ, въ которомъ любилъ только численность и силу, и доводилъ денаціонализацію гораздо дальше, чѣмъ дѣлаетъ это современное правительство въ Польшѣ.

Борода считалась за преступленіе, кафтанъ—за возмущеніе; портнымъ угрожала смерть за шитье русскаго платья *для русскихъ*,—это, конечно, предѣлъ.

Правительство, помѣщикъ, офицеръ, столоначальникъ, управитель, иноземецъ только то и дѣлали, что повторяли—и это въ теченіе, по меньшей мѣрѣ, шести поколѣній—повелѣніе Петра I: перестань быть русскимъ—и ты окажешь великую услугу отечеству; презирай отца, стыдись своей матери, забудь все то, что учили тебя уважать въ отчемъ домѣ—и изъ мужика, каковъ ты теперь, ты станешь образованнымъ и нѣмцемъ; а разъ ты станешь образованнымъ и хорошимъ нѣмцемъ, императоръ вознаградитъ тебя: ты будешь бариномъ, ты самъ будешь тогда владѣть крестьянами и при случаѣ можешь купить свою мать, если она крѣпостная, и продать своего отца, если онъ не свободный [1]). *Какое воспитаніе!*

Не думайте, что подобно московскимъ славянофиламъ, мы сожалѣемъ, о нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ Россіи до Петра I и вызвавшихъ необходимость насильственной революціи. Мы говоримъ здѣсь лишь о моральныхъ послѣдствіяхъ той странной педагогики, которую только что описали.

Царизмъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, ниже петербургскаго режима. Этотъ послѣдній таилъ въ себѣ закваску, бродило, какое-то безпокойство, порывъ къ будущему и, слѣдовательно, возможность выйти изъ даннаго положенія, тогда какъ *старый* по-

[1]) Не слѣдуетъ думать, что это—преувеличеніе. Сынъ крестьянина, будучи солдатомъ, могъ, отличившись храбростью или прослуживши много лѣтъ, получить офицерскій чинъ, жениться на богатой женщинѣ и купить у своего бывшаго помѣщика имѣніе, къ которому принадлежало его семейство. Сынъ-помѣщикъ имѣлъ полное право продать отца, и отецъ, представлявшій собою лишь вещь, лишь собственность, никоимъ образомъ не могъ жаловаться на это или протестовать. У насъ встрѣчались въ деревняхъ бравые патріархи, которые, соединяя полезное съ пріятнымъ, продавали на американскій ладъ своихъ собственныхъ незаконныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ нихъ несчастными служанками или крестьянками. И такой порядокъ вещей продолжался до 1861 года! *А. И. Г.*

рядокъ былъ совершенно лишенъ всякаго движенія, являя собою настоящій застой, отсутствіе знанія, идеала, цѣли. Находясь въ безопасности отъ внѣшнихъ враговъ, не страшась болѣе ни монголовъ, ни поляковъ, ни литовцевъ, царизмъ не зналъ, что ему дѣлать. Правда, онъ обнаруживалъ робкія покушенія на преобразованія, но тяжелая, сонливая атмосфера окутывала его византійскій тронъ. Народъ, несчастнѣе, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе развитія крѣпостного права въ ширь и въ глубь, началъ уже, послѣ отчаянныхъ возстаній, отдаляться въ свою обособленность. Москва превращалась въ своего рода арктическій Китай. Къ счастью, это не былъ спокойный сонъ. Смутно чувствовались угрызенія совѣсти; какое-то безпокойство, безпорядочное броженіе не находившихъ себѣ исхода силъ, обнаруживая органическое недомоганіе, выражалось въ глубокой испорченности высшихъ классовъ.

И вотъ это-то недомоганіе, эта неудовлетворенность, скорѣе чувствуемая, чѣмъ ясно высказанная, нашли, наконецъ, своего выразителя въ неистовой, нетерпѣливой, приверженной ко всему новому личности Петра I. Петръ I, дѣйствительно, былъ принятъ за спасителя, такъ какъ онъ пробудилъ внезапно людей отъ сна и нещадно колотилъ тѣхъ, кто снова засыпалъ...

Это апатичное, пребывающее въ летаргіи, общество было внезапно и насильственно втянуто въ какую-то лихорадочную дѣятельность. Верхній слой, *единственный пробужденный* и втянутый въ движеніе, сталъ болѣе и болѣе отдѣляться отъ массы; всякія человѣческія отношенія между верхами и низами прекратились, и въ этомъ-то процессѣ отдѣленія и окончательнаго разрыва создалась русская литература, покровительствуемая правительствомъ, какъ одна изъ отраслей общественной службы. Стоитъ немного поразмыслить надъ этимъ страннымъ положеніемъ, чтобы увидѣть, каковы были тѣ двѣ единственныя тропинки, по которымъ эта литература могла двигаться. Ей оставалось выбирать лишь между безпримѣсной государственностью, быть можетъ, даже искренней, такъ какъ правительство представляло «цивилизацію», и ироніею, сарказмомъ. Это послѣднее направленіе единственно соотвѣтствовало положенію людей, находившихся между двумя нелѣпыми мірами, среди безпорядочной толчеи настоящаго маскарада, гдѣ кишѣли самые вопіющіе контрасты, гдѣ никто никого не признавалъ, гдѣ смѣшное переходило лишь въ ужасное и свирѣпое.

Это именно и случилось. Холодная и напыщенная поэзія дифирамбовъ и панегириковъ, скопированная съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, не могла стать популярной даже среди петербургскаго общества. Державинъ, напримѣръ, былъ большой талантъ, но Державина, весьма цѣнимаго въ высшихъ школахъ, семинаріяхъ, среди духовенства и литераторовъ, въ обществѣ уважали гораздо болѣе самого по себѣ, чѣмъ за его талантъ.

Первый значительный, серьезный, продолжительный литературный успѣхъ выпалъ на долю комедій Фонвизина, написанныхъ въ срединѣ царствованія Екатерины II. Фонвизинъ, человѣкъ весьма образованный, философъ въ смыслѣ энциклопедистовъ, самъ принадлежалъ къ высшему обществу и пробылъ довольно продолжительное время при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ; онъ не могъ сдержать своего сатирическаго вдохновенія при видѣ полуварварскаго общества съ утонченно-цивилизованными манерами. Онъ попытался воспроизвести эту удивительную смѣсь на сценѣ, и это удалось ему въ совершенствѣ. Публика помирала со смѣху, видя осмѣянной себя безъ всякой пощады. Успѣхъ «Бригадира» [1]) былъ чрезвычайный, полный. Князь Потемкинъ, при всѣхъ его недостаткахъ, далеко не былъ лишенъ извѣстной широты пониманія; встрѣтивши автора послѣ перваго представленія «Бригадира», на которомъ онъ присутствовалъ, при выходѣ изъ театра, онъ взялъ его за руку и сказалъ, глубоко взволнованный: «Фонвизинъ, умри теперь».

Но Фонвизинъ сдѣлалъ лучше: онъ написалъ другую комедію. Успѣхъ «Недоросля» значительно превзошелъ успѣхъ «Бригадира». Это произведеніе сохранится навсегда въ русской исторіи и литературѣ, какъ картина нравовъ русскаго дворянства, возрожденнаго Петромъ I.

Этотъ первый смѣхъ—сатиры князя Кантемира представляли лишь подражаніе—далеко отозвался и разбудилъ цѣлую фалангу великихъ насмѣшниковъ, и ихъ-то *смѣху сквозь слезы* литература обязана своими крупнѣйшими успѣхами и большею частью своего вліянія въ Россіи.

Смѣхъ, это самобичеваніе, былъ нашимъ искупленіемъ, единственнымъ протестомъ, единственнымъ мщеніемъ, возможнымъ для насъ, да и то въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ.

Какъ только сознаніе пробудилось, человѣкъ съ отвращеніемъ увидалъ окружавшую его гнусную жизнь: никакой независимости, никакой личной безопасности, никакой органической связи съ народомъ. Само существованіе было лишь своего рода общественной службой. Жаловаться, протестовать — невозможно! Радищевъ попробовалъ, было. Онъ написалъ серьезную, печальную, полную слезъ книгу. Онъ осмѣлился поднять голосъ въ защиту несчастныхъ крѣпостныхъ. Екатерина II сослала его въ Сибирь, сказавъ, что онъ опаснѣе Пугачева. Насмѣхаться было безопаснѣе: крикъ ярости принялъ личину смѣха, и вотъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сталъ раздаваться зловѣщій и безумный смѣхъ, который силился разорвать всякую солидарность съ этимъ страннымъ обществомъ, съ этой нелѣпой средой, и который, боясь быть смѣшаннымъ съ нею, указывалъ на нее пальцемъ. Не

[1]) Командиръ бригады, между полковникомъ и генераломъ, чинъ, не существующій болѣе въ русской арміи. *А. И. Г.*

существуетъ, кажется, другого народа въ мірѣ, который вынесъ бы это, и литературы, которая дерзала бы на это. Единственное исключеніе представляетъ, быть можетъ, Англія, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что великій смѣхъ Байрона и горькая насмѣшка Диккенса имѣютъ предѣлы, наша же неумолимая иронія, нашъ страстный самоанализъ ни передъ чѣмъ не останавливается, все разоблачаетъ безъ всякаго страха, такъ какъ у него нѣтъ ничего святого, что онъ могъ бы профанировать. Система воспитанія Петра I принесла свои плоды.

Самый большой литературный успѣхъ послѣ комедій Фонвизина, и при этомъ лѣтъ 50—60 спустя, выпалъ, какъ и слѣдовало ожидать, на долю произведенія подобнаго же рода. Въ этотъ промежутокъ не появилось ничего крупнаго. Денаціонализированная русская мысль, смутная, нерѣшительная, безъ иниціативы, всецѣло поглощенная подражаніемъ, склоняясь то въ сторону мартинизма, то въ сторону энциклопедизма, порождала произведенія слабыя, безцвѣтныя, натянутыя, которыя и тогда мало читались, а теперь совсѣмъ позабыты.

Комедія Грибоѣдова [1]) появилась подъ конецъ царствованія Александра I; своимъ смѣхомъ она связывала самую блестящую эпоху тогдашней Россіи, эпоху надеждъ и возвышенной юности, съ темными и безмолвными временами Николая.

Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе и вліяніе произведенія Грибоѣдова въ Россіи, надо вспомнить то время во Франціи, когда первое представленіе «Женитьбы Фигаро» имѣло тамъ значеніе государственнаго переворота.

Комедію Грибоѣдова читали, заучивали наизусть, переписывали во всѣхъ уголкахъ государства прежде, чѣмъ она появилась на сценѣ, прежде цензорскаго дозволенія печатать. Николай разрѣшилъ постановку этой пьесы, чтобы лишить ее привлекательности запрещеннаго плода, и далъ свое согласіе на отпечатаніе ея въ урѣзанномъ видѣ, чтобы противодѣйствовать распространенію рукописныхъ экземпляровъ.

И опять-таки содержаніе пьесы составляетъ наводящую ужасъ пустоту высшаго русскаго общества, въ особенности московскаго. Но это было уже не то доброе старое время, когда писалъ Фонвизинъ,—за полстолѣтіе совершилось много перемѣнъ. Краски уже не такъ рѣзки, и не такъ ужъ веселъ смѣхъ. Высшій свѣтъ Грибоѣдова лучше поддѣлывается подъ Парижъ, хотя отъ него все еще несетъ на десять шаговъ русской кожей.

Таково было въ началѣ нашего вѣка это высшее московское общество, о которомъ на Западѣ составилось фантастическое представленіе, какъ *о старыхъ боярахъ*, упорствующихъ *въ своей оппозиціи*, имѣющихъ, хотя и ошибочныя, но, все же, убѣжденія. О немъ можно составить себѣ довольно правильное понятіе, по-

[1]) «Горе отъ ума». *А. И. Г.*

знакомившись съ замѣчательными письмами миссъ Вильмотъ, напечатанными въ приложеніи къ «Запискамъ» княгини Дашковой [1]). Грибоѣдовъ, родившійся въ 1795 г., принадлежалъ къ этой же средѣ, и ему незачѣмъ было оставлять свой отчій домъ, чтобы увидѣть собственными глазами эти «*призраки сановниковъ въ отставкѣ*», прикрывающіе орденами и звѣздами цѣлыя бездны неспособности, невѣжества, тщеславія, угодливости, надменности, низости и даже легкомыслія; и вокругъ этихъ «покойниковъ, которыхъ позабыли похоронить», цѣлый міръ кліентовъ, интригановъ, тунеядцевъ, ведущихъ жизнь, преисполненную формализма, этикета и лишенную всякаго общественнаго интереса.

Не великъ промежутокъ между 1810 и 1820 гг., но между ними находится 1812 годъ. Нравы тѣ же, тѣни тѣ же; помѣщики, возвращающіеся изъ своихъ деревень въ сожженную столицу, тѣ же. Но что-то измѣнилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своимъ дыханіемъ, стало уже не тѣмъ, чѣмъ было. И прежде всего, въ фокусѣ, въ которомъ міръ этотъ отражается, есть что-то новое, о чемъ не думалъ Фонвизинъ. У автора есть задняя мысль, и герой комедіи представляетъ лишь воплощеніе этой задней мысли. Фигура Чацкаго, меланхолическая, ушедшая въ свою иронію, трепещущая отъ негодованія и полная мечтательныхъ идеаловъ, появляется въ послѣдній моментъ царствованія Александра I, наканунѣ возмущенія на Исаакіевской площади; это—*декабристъ*, это—человѣкъ, который *завершаетъ* эпоху Петра I и силится разглядѣть, по крайней мѣрѣ, на горизонтѣ обѣтованную землю... которой онъ не увидитъ.

Его выслушиваютъ среди молчанія, такъ какъ общество, къ которому онъ обращается, принимаетъ его за сумасшедшаго, за буйнаго сумасшедшаго и за его спиной насмѣхается надъ нимъ.

II.

Краткій періодъ отъ 1812 до 1825 г. слѣдуетъ разсматривать какъ послѣдній органическій періодъ *цивилизаторской эпохи* въ Россіи: дѣйствительно, программа была исполнена, даже превзойдена.

Хотѣли сильнаго государства,—Александръ возвращался изъ Парижа, окруженный штабомъ нѣмецкихъ государей. Хотѣли образованнаго дворянства, — аристократическая молодежь была либеральна, даже революціонна и ни въ чемъ не уступала самымъ пылкимъ радикаламъ своего времени.

Съ того момента, какъ цивилизація почувствовала себя достаточно сильной, чтобы обходиться безъ покровительства, а правительство замѣтило, что она ускользаетъ отъ его благодѣяній и руководства, столкновеніе между покровительствующимъ

[1]) По-англійски, 2 тома. *А. И. Г.*

деспотизмомъ и покровительствуемой цивилизаціей становится неизбѣжнымъ. Едва начавшаяся борьба окончилась въ пользу самодержавія. Режимъ неумолимыхъ репрессій на тридцать лѣтъ пріостановилъ всякія политическія начинанія, независимыя отъ правительства, задержалъ на устахъ зарождавшееся слово и загналъ мысль въ ея тайники, чтобы дать ей — конечно, совсѣмъ помимо желанія — совершенно иное направленіе, гораздо болѣе серьезное, чѣмъ раньше.

Когда общество пришло въ себя, послѣ всеобщаго унынія, вызваннаго терроромъ первыхъ годовъ царствованія Николая, одинъ страшный вопросъ сталъ все болѣе и болѣе выступать на первый планъ среди иноземныхъ предразсудковъ, привитыхъ намъ, среди навязанныхъ готовыхъ мнѣній и усвоенныхъ традицій. Этотъ фатальный вопросъ предсталъ передъ мыслящимъ человѣкомъ и прозвучалъ еще разъ, подобно гласу Бога въ Библіи: «*Каинъ, что ты сдѣлалъ съ братомъ твоимъ?*»

Съ тревогой стали замѣчать отсутствіе народа. Увидѣли, что все зданіе русской цивилизаціи какъ бы виситъ въ воздухѣ и поддерживается посредствомъ веревки, конецъ которой находится въ рукахъ правительства. Но какова же была причина этого равнодушія народа, этой апатіи въ несчастіяхъ и страданіяхъ? Исторія русскаго народа представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, очень странное зрѣлище. Въ теченіе болѣе чѣмъ тысячелѣтняго своего существованія русскій народъ только и дѣлалъ, что занималъ, распахивалъ огромную территорію и ревниво оберегалъ ее, какъ достояніе своего племени. Лишь только какая-нибудь опасность угрожаетъ его владѣніямъ, онъ поднимается и идетъ на смерть, чтобы защитить ихъ; но стоитъ ему успокоиться относительно цѣлости своей земли, онъ снова впадаетъ въ свое пассивное равнодушіе,— равнодушіе, которымъ такъ превосходно умѣютъ пользоваться правительство и высшіе классы.

Недоумѣніе вызываетъ въ особенности то обстоятельство, что народъ этотъ не только не лишенъ мужества, силы, ума, но, напротивъ, надѣленъ всѣми этими качествами въ изобиліи. Дѣйствительно, русскій крестьянинъ болѣе развитъ, чѣмъ земледѣльческій классъ почти во всей Европѣ; только Швеція, Швейцарія и Италія составляютъ нѣкоторое исключеніе.

Вопросъ ставился, вообще, слѣдующимъ образомъ. Русскій народъ, казалось, представлялъ собою геологическій пластъ, прикрытый верхнимъ слоемъ, съ которымъ онъ не имѣлъ никакого дѣйствительнаго сродства, хотя этотъ слой выдѣлился изъ него. Спящія силы, скрытыя возможности, таящіяся въ этомъ пластѣ, никогда не были вполнѣ разбужены, и онѣ могли пребывать въ такомъ состояніи до какого-нибудь новаго потопа, точно такъ же, какъ и могли прійти въ движеніе при столкновеніи съ другими элементами, способными вызвать этотъ пластъ къ новому существованію. Отсюда, естественно, возникалъ вопросъ: гдѣ эти

элементы? каковы они? Если русскій народъ въ теченіе десяти вѣковъ своего существованія не пришелъ въ соприкосновеніе съ ними, то, кто знаетъ, придетъ ли онъ въ соприкосновеніе съ ними въ теченіе своего второго тысячелѣтія? Если нѣтъ, то ему остается только приготовиться къ существованію, аналогичному съ существованіемъ его сосѣдей въ Тибетѣ и Бухарѣ. Впрочемъ, для народовъ, которые не вступили еще въ исторію, время не считается; ихъ *дѣйствительная* служба еще не началась.

Люди, не любящіе покидать проторенныхъ путей,—путей, дѣйствительно, очень надежныхъ, чтобы прійти изъ одного извѣстнаго мѣста въ другое извѣстное мѣсто, говорили прежде, какъ говорятъ и теперь: «Почему предполагаютъ, что русскій народъ можетъ пойти по иному пути историческаго развитія, чѣмъ тотъ путь, какимъ были выработаны учрежденія другихъ современныхъ народовъ?». Тѣ, къ кому обращались съ такимъ вопросомъ, могли лишь отвѣтить: «Почему? Да что мы знаемъ объ этомъ? Вѣдь, мы не привилегію какую-нибудь оберегаемъ, не преимущества какого-нибудь требуемъ для русскаго народа. У Россіи такъ же нѣтъ особой миссіи, какъ у всякаго другого народа; эта іудейская идея никогда ни была свойственна намъ. Мы лишь просто указываемъ на фактъ. И такъ какъ мы можемъ утверждать, что въ русской жизни отсутствуетъ элементъ завоеванія, развитія городовъ, господства буржуазіи, то мы имѣемъ право сказать, что бродило, реактивъ, закваска, которая могла бы возбудить въ русскомъ народѣ, вызвать въ немъ нравственное, органическое броженіе, была еще неизвѣстна въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, и едва ли можетъ быть предугадана въ настоящее время». Послѣ 1825 года стало ясно, что высшій классъ не обладалъ этой закваской; такъ называемая цивилизація—еще того менѣе; не располагало ею и правительство. Покончивши со своею ролью «цивилизатора, оно имѣло за себя только одну силу, пріобрѣтенную имъ, да апатію народа.

Тогда-то тревога отчаянія и мучительный скептицизмъ овладѣли разбитой душой. Энтузіастъ Чацкій (герой комедіи Грибоѣдова), декабристъ въ глубинѣ души, уступаетъ мѣсто Онѣгину, герою Пушкина, человѣку скучающему и понимающему всю свою колоссальную ненужность. Онѣгинъ, который вступалъ въ жизнь съ улыбкой на устахъ, съ каждой пѣснью становится все болѣе и болѣе мрачнымъ и кончаетъ тѣмъ, что исчезаетъ, не оставивъ никакого слѣда, никакой мысли. Типъ былъ найденъ, и, съ тѣхъ поръ, каждый романъ, каждая поэма имѣла своего Онѣгина, т.-е. человѣка, осужденнаго на праздность, безполезнаго, сбитаго съ пути, человѣка, чужого въ своей семьѣ, чужого въ своей странѣ, не желающаго дѣлать зла и безсильнаго дѣлать добро, не дѣлающаго, въ концѣ концовъ, ничего, хотя и берущагося за все, исключая, впрочемъ, двухъ вещей: во-первыхъ, онъ

никогда не становится на сторону правительства, и, во-вторыхъ, онъ никогда не умѣетъ стать на сторону народа.

«Тѣ, которые говорятъ, что поэма Пушкина «Онѣгинъ» есть «Донъ-Жуанъ» русскихъ нравовъ, не понимаютъ ни Байрона, ни Пушкина, ни Англіи, ни Россіи: они судятъ по внѣшности. «Онѣгинъ», это—самое значительное произведеніе Пушкина, поглотившее половину его жизни. Эта поэма исходитъ именно изъ того періода, который насъ занимаетъ; она созрѣла въ тѣ грустные годы, которые слѣдовали за 14-мъ декабря, и можно ли повѣрить, что подобное произведеніе, поэтическая автобіографія—лишь простое подражаніе!

«Онѣгинъ, это—ни Гамлетъ, ни Фаустъ, ни Манфредъ, ни Оберманъ, ни Тренморъ, ни Карлъ Мооръ; Онѣгинъ, это—русскій; онъ возможенъ только въ Россіи; въ ней онъ нуженъ и его встрѣчаютъ на каждомъ шагу. Онѣгинъ, это—бездѣльникъ, потому что онъ никогда ничѣмъ не занимался, человѣкъ лишній въ той сферѣ, въ которой находится, и не имѣющій достаточно характера, чтобы изъ нея выйти. Это—человѣкъ, испытывающій жизнь до самой смерти и который желалъ бы попробовать смерть, чтобы посмотрѣть, не лучше ли она жизни. Онъ все начиналъ и ничего не доводилъ до конца, онъ думалъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше дѣлалъ; онъ въ двадцать лѣтъ уже старъ, а, начиная старѣть, молодѣетъ черезъ любовь. Онъ всегда чего-то ожидалъ, какъ мы всѣ, потому что у человѣка нѣтъ достаточно безумія, чтобы вѣрить въ продолжительность теперешняго положенія въ Россіи... Ничто не прошло, а жизнь уходила. Типъ Онѣгина до такой степени національенъ, что встрѣчается во всѣхъ романахъ и во всѣхъ поэмахъ, которые имѣли хоть нѣкоторую популярность въ Россіи, и не потому, что этотъ типъ хотѣли списывать, а оттого, что его постоянно видишь около себя или въ себѣ самомъ» [1]).

Чацкій, это—резонерствующій Онѣгинъ, его старшій братъ. «Герой нашего времени» Лермонтова—его младшій братъ. Онѣгина не трудно узнать даже во второстепенныхъ произведеніяхъ, хотя бы тутъ онъ появлялся въ утрированномъ видѣ и не вполнѣ обрисованнымъ. Если это не онъ самый, то, по меньшей мѣрѣ, его копія. Молодой путешественникъ въ «Тарантасѣ» графа Соллогуба, это—Онѣгинъ, ограниченный и плохо воспитанный. Фактъ тотъ, что всѣ мы были болѣе или менѣе Онѣгиными, если только не предпочитали быть чиновниками или помѣщиками.

«Цивилизація насъ губитъ, сбиваетъ съ привычнаго пути; она-то насъ ставитъ въ тягость другимъ и самимъ себѣ, дѣлаетъ праздными, безполезными, капризными, переходящими отъ эксцентричности къ кутежу, безъ сожалѣнія растрачивающими наше

[1]) «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи», 2-е изд., Лондонъ. *А. И. Г.* Стр. 355—356, т. VI.

состояніе, наше сердце, нашу юность и алчущими занятій, ощущеній, развлеченій, какъ тѣ аахенскія собаки у Гейне, которыя отъ скуки просятъ у прохожихъ, какъ милости, пинка для развлеченія. Мы всѣмъ занимаемся: музыкой, философіей, любовью, военнымъ искусствомъ, мистицизмомъ, чтобы только разсѣяться, чтобы забыться отъ гнетущей насъ громадной пустоты.

«Цивилизація и рабство, даже безъ всякаго «лоскутка» между ними, который помѣшалъ бы, чтобы насъ размололо изнутри или внѣшнимъ образомъ между этими двумя крайностями, насильно сближенными!

«Намъ даютъ обширное образованіе, намъ прививаютъ желанія, стремленія, страданія современнаго міра и намъ кричатъ: «Оставайтесь рабами, нѣмыми, бездѣятельными—или вы погибли». Въ награду намъ оставляютъ право сдирать шкуру съ крестьянъ и спускать на зеленомъ сукнѣ или въ кабакѣ собираемыя нами съ нихъ подати кровью и слезами.

«Юноша не встрѣчаетъ никакого живого интереса въ этомъ мірѣ раболѣпія и мелочного честолюбія. И, однако, въ этомъ-то обществѣ онъ осужденъ жить, такъ какъ народъ еще болѣе отъ него отдаленъ. «Этотъ міръ», по крайней мѣрѣ, состоитъ изъ падшихъ существъ той же породы, тогда какъ нѣтъ ничего общаго между ними и народомъ. Преданія такъ хорошо были разрушены Петромъ I, что нѣтъ человѣческой силы, способной ихъ возстановить,—по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Остается уединеніе или борьба, но мы не имѣемъ достаточно нравственной силы ни для того, ни для другого. Такимъ-то образомъ становятся Онѣгиными, если не погибаютъ въ публичныхъ домахъ или въ казематахъ какой-нибудь крѣпости. Мы украли цивилизацію, и Юпитеръ хочетъ наказать насъ съ тѣмъ же ожесточеніемъ, съ какимъ онъ мучилъ Прометея».

Рядомъ съ Онѣгинымъ Пушкинъ поставилъ Владиміра Ленскаго, другую жертву русской жизни, *оборотную сторону* Онѣгина. Это—острое страданіе рядомъ съ хроническимъ страданіемъ. Это—одна изъ тѣхъ дѣвственныхъ, чистыхъ натуръ, которыя не могутъ приспособиться къ развращенной и безумной средѣ, которыя восприняли жизнь, но не могутъ ничего болѣе воспринять изъ нечистой почвы, кромѣ смерти. Жертвы искупленія, эти юноши проходятъ, молодые, блѣдные, съ печатью фатальности на лицѣ, какъ упрекъ, какъ укоръ, и печальная ночь, среди которой они жили, становится еще чернѣе.

Между этими двумя типами, между самоотверженнымъ энтузіастомъ, поэтомъ и усталымъ, огорченнымъ, безполезнымъ человѣкомъ, между могилой Ленскаго и скукой Онѣгина тянется глубокій и мутный потокъ цивилизованной Россіи, съ ея аристократами, бюрократами, офицерами, жандармами, великими князьями и императоромъ, эта безформенная и безгласная масса низости, холопства, жестокости и зависти, которая увлекаетъ и погло-

щаетъ все;—омутъ, «гдѣ, какъ говоритъ Пушкинъ, съ вами я купаюсь, милые друзья» [1]).

Изъ этого омута необходимо было выйти, во что бы то ни стало.

Но у порога къ выходу находился нашъ сфинксъ-народъ, съ его загадкой, которой никто не могъ разгадать!

Первое серьезное слово, которое было сказано, первая попытка разрѣшить загадку,—попытка, приведшая, между прочимъ, къ совершенно отрицательному отвѣту, было извѣстное «Письмо» Чаадаева.

Появленіе въ печати этого «Письма» составляло одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій.

Это былъ вызовъ, обозначавшій пробужденіе; «Письмо» это взломало ледъ послѣ 14 декабря. Наконецъ-то, появился человѣкъ, душа котораго переполнилась горечью. Онъ обрѣлъ страшный языкъ, чтобы высказать съ печальнымъ краснорѣчіемъ, съ убійственнымъ спокойствіемъ всю ту горечь, которая накопилась въ душѣ образованнаго русскаго человѣка за эти десять лѣтъ.

Это «Письмо» было завѣщаніемъ человѣка, отказывающагося отъ своихъ правъ не изъ любви къ своимъ наслѣдникамъ, но изъ отвращенія. Авторъ строго и холодно требуетъ отчета у Россіи во всѣхъ страданіяхъ, которыя она причиняетъ человѣку, осмѣливающемуся выйти изъ животнаго состоянія. Онъ хочетъ знать, что́ мы покупаемъ такой цѣной, чѣмъ мы заслужили такое положеніе. Онъ анализируетъ это положеніе съ неумолимымъ, приводящимъ въ отчаяніе, глубокомысліемъ. И, покончивъ съ этой вивисекціей, онъ съ ужасомъ отворачивается, проклиная страну, ея прошлое, ея будущее. Да, этотъ мрачный голосъ раздался только для того, чтобы сказать Россіи, что она никогда не существовала по-человѣчески, что она представляетъ одинъ лишь «пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія, великій урокъ для Европы». *Онъ сказалъ Россіи, что ея прошлое было безполезно, что ея настоящее никому не нужно, и что она не имѣетъ никакого будущаго.*

И рядомъ съ суровымъ старикомъ, произнесшимъ это отлученіе, молодой поэтъ Лермонтовъ писалъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно...
. . . . . .
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли.
. . . . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,

[1]) «Евгеній Онѣгинъ», глава 6-я.

Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты – его паденья часъ.
. . . . . .
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Ничто не можетъ доказать съ большей очевидностью перемѣну, происшедшую въ настроеніи умовъ послѣ 1825 г., какъ сравненіе Пушкина съ Лермонтовымъ. Пушкинъ, часто недовольный и грустный, оскорбленный и полный негодованія, готовъ тѣмъ не менѣе заключить миръ. Онъ желаетъ его, онъ не отчаивается въ немъ; въ его сердцѣ постоянно звучала струна воспоминаній о временахъ Александра I. Лермонтовъ же такъ сжился съ безнадежностью, съ антагонизмомъ, что не только не искалъ выхода изъ этого положенія, но даже не представлялъ себѣ возможными ни борьбу, ни примиреніе. Лермонтовъ никогда не умѣлъ надѣяться; онъ не жертвовалъ собой, такъ какъ ничто не вызывало его на жертву. Онъ не шелъ съ горделиво поднятой головой къ палачу, подобно Пестелю и Рылѣеву; онъ не могъ вѣрить въ дѣйствительность жертвы. Онъ бросился въ сторону и погибъ ни за что [1]).

Прибавимъ къ этому еще одну характерную черту.

Въ Россіи тогда былъ лишь одинъ живописецъ, пользовавшійся широкою извѣстностью, Брюлловъ. Въ чемъ же художникъ искалъ вдохновенія, каковы его сюжеты? Каковъ сюжетъ его главной картины, этого шедевра, который доставилъ ему извѣстность въ Италіи?

Посмотрите на это странное произведеніе. На громадной картинѣ вы видите группы испуганныхъ, остолбенѣвшихъ людей; они стараются спастись; они погибаютъ среди землетрясенія, изверженія вулкана, катаклизма; они падаютъ жертвами дикой, тупой, неправой силы, всякое сопротивленіе которой было бы безполезно. Таково вдохновеніе, навѣянное петербургской атмосферой.

Въ самый годъ смерти Лермонтова появились «Мертвыя души» Гоголя.

Наряду съ философскими размышленіями Чаадаева и поэтическимъ раздумьемъ Лермонтова произведеніе Гоголя представляетъ практическій курсъ Россіи. Это—рядъ патологическихъ очерковъ, взятыхъ съ натуры и написанныхъ съ огромнымъ и совершенно оригинальнымъ талантомъ.

[1]) Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли въ 1840. *А. И. Г.*

Гоголь тутъ не нападаетъ ни на правительство, ни на высшее общество; онъ расширяетъ рамки, цензъ и выходитъ за предѣлы столицъ; предметами его вивисекціи служатъ: человѣкъ лѣсовъ и полей, волкъ, дворянинъ, чернильная душа, лиса, мелкій провинціальный чиновникъ и ихъ странныя самки. Поэзія Гоголя, его скорбный смѣхъ, это—не только обвинительный актъ противъ подобнаго нелѣпаго существованія, но и мучительный вопль человѣка, старающагося спастись прежде, чѣмъ его заживо похоронятъ въ этомъ мірѣ безумныхъ. Подобный вопль могъ вырваться изъ груди лишь при условіи, если у человѣка уцѣлѣли еще здоровыя части и сохранилась громадная сила возрожденія. Гоголь чувствовалъ—и многіе другіе чувствовали съ нимъ—позади *мертвыхъ душъ души живыя*.

Итакъ, нашлись люди, которые послѣ надгробнаго слова Чаадаева подняли голову и протестовали противъ выданнаго имъ свидѣтельства о ихъ смерти. «Наша исторія, говорили они, едва начинается. Къ несчастію, мы сбились съ своего пути; нужно возвратиться назадъ и выйти изъ тупика, куда втолкнула насъ своею властной и грубой рукой цивилизующая имперія».

Смѣльчаки, отважившіеся отрицать цивилизующій режимъ нѣмецкой имперіи въ Россіи, впали въ крайнія преувеличенія, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, перепутали настоящій Западъ съ петербургскимъ западомъ и вернулись къ искусственному управленію московскаго государства съ его узкими формами. Это была реакція, чудачество, нѣчто въ родѣ романтизма въ Германіи или прерафаэлизма [1]) въ Англіи. Нетерпимость этихъ людей помѣшала Россіи съ теченіемъ времени признать великую инстинктивно угаданную правду, которою они безспорно обладали.

У славянофиловъ, подобно сенъ-симонистамъ, было очень вѣрное, но смутное предчувствіе новаго порядка вещей; только, вмѣсто того, чтобы разрабатывать его положительную сторону, они обратили это предчувствіе въ религію, и притомъ въ религію прошедшаго, совершенно не соотвѣтствовавшую ихъ же собственному представленію о русскомъ народѣ. Подъ наслоеніемъ правительственной цивилизаціи они открыли *элементы* иного существованія, и хотѣли воскресить *учрежденія*, при которыхъ эти элементы никогда не могли развиваться.

«Письмо» Чаадаева прогремѣло подобно выстрѣлу изъ пистолета въ глубокую полночь. Что это: извѣщеніе о какомъ то бѣдствіи, зовъ на помощь, знакъ пробужденія, вопль скорби?—Не важно. Несомнѣнно лишь то, что послѣ этого нельзя было больше спать.

[1]) Появившееся въ серединѣ прошлаго столѣтія въ Англіи особое направленіе живописи; его сторонники проповѣдывали возвращеніе къ наивности и непосредственности предшественниковъ Рафаэля.

На этотъ крикъ отчаянія славянофилы отвѣтили крикомъ надежды. Образовалось двѣ школы; исторія русской мысли до 1848 года и заключается преимущественно въ борьбѣ этихъ двухъ школъ.

Между этими двумя крайностями образовалась вскорѣ независимая партія. Она не хотѣла воспринять ни религіи отчаянія, ни религіи надежды, она отрицала, вообще, всякое навязанное вѣрованіе. Эта группа людей, ученыхъ, литераторовъ желала изучать вопросъ безъ всякой предвзятой мысли, произвести безпристрастное изслѣдованіе. Они не раздѣляли мрачнаго взгляда на будущее Чаадаева, но они отвергали и культъ выходцевъ съ того свѣта, проповѣдуемый славянофилами. Именно изъ ихъ рядовъ вышли самые замѣчательные люди того десятилѣтія: публицистъ и критикъ Бѣлинскій, профессоръ Грановскій и, наконецъ, авторъ «Записокъ охотника», Иванъ Тургеневъ.

Мы не станемъ вдаваться въ частности полемики, возникшей между этими партіями. Но важно указать, что люди, отчаивавшіеся въ Россіи, и люди, искавшіе спасенія въ прошломъ,—всѣ мы, наконецъ, со всѣми оттѣнками надежды и вѣры, сомнѣнія и невѣрія, любви и ненависти, всѣ мы сходились въ одномъ—и тутъ Чаадаевъ, Хомяковъ [1]) и Бѣлинскій подавали другъ другу руки—и именно *въ осужденіи императорскаго режима, установившагося при Николаѣ*. Не существовало двухъ мнѣній о петербургскомъ правительствѣ. Всѣ люди, имѣвшіе независимыя убѣжденія, одинаково относились къ нему. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется странное зрѣлище, какое представляли тогда московскіе литературные салоны, гдѣ люди, принадлежавшіе къ діаметрально противоположнымъ партіямъ, встрѣчались вполнѣ дружелюбно.

Въ то время существовала газета, хотя и не офиціальная, но редактируемая въ правительственномъ духѣ, «Сѣверная Пчела»; ее не считали серьезной газетой и относились къ ней, какъ къ дѣтищу полицейской канцеляріи. Бывали въ литературѣ случайныя проявленія холопства и прислужничества, но они всегда вызывали всеобщее негодованіе. Даже слава, какой пользовался Пушкинъ, не спасла его отъ общаго порицанія, вызваннаго письмомъ, съ которымъ онъ обратился къ императору Николаю. Гоголь потерялъ всю свою популярность послѣ нѣсколькихъ писемъ, въ которыхъ онъ становился на сторону власти. Одному поэту, шедшему своимъ путемъ, вздумалось какъ-то воодушевиться коляской и величественной, воинственной фигурой Николая; это стихотвореніе вызвало такое сильное негодованіе, что несчастный поэтъ, считая себя погибшимъ, сталъ просить, со слезами на глазахъ, прощенія у своихъ друзей за увлеченіе и клялся, что никогда болѣе не позволитъ себѣ унизиться подобнымъ образомъ.

[1]) Панславистскій поэтъ. *А. И. Г.*

Итакъ,—мы особенно настаиваемъ на этомъ,—вся литература временъ Николая была оппозиціонной литературой, непрекращающимся протестомъ противъ правительственнаго гнета, подавлявшаго всякое человѣческое право. Подобно Протею [1]), эта оппозиція принимала всевозможныя формы и говорила на всевозможныхъ языкахъ. Слагая пѣсни, она разрушала; смѣясь, она подкапывалась. Раздавленная въ газетѣ, она возрождалась на университетской каѳедрѣ; преслѣдуемая въ поэмѣ, она продолжала свое дѣло въ курсѣ естественныхъ наукъ. Она проявлялась даже въ молчаніи и умѣла проникнуть, несмотря на стѣны и запоры, въ дортуары молодыхъ институтокъ, въ залы военныхъ упражненій въ кадетскихъ корпусахъ и въ залы богословскихъ диспутовъ въ семинаріяхъ.

И вотъ во время этого глухого и скрытаго прозябанія прогремѣло извѣстіе о февральской революціи.

Николай на этотъ разъ твердо рѣшился безповоротно покончить со всякимъ умственнымъ движеніемъ въ Россіи, и онъ вступилъ въ открытую, безпощадную борьбу съ мыслью, словомъ, знаніемъ.

Семь лѣтъ,—настоящій періодъ для испытанія по правилу Пиѳагора,—образованная Россія, съ ядромъ у ноги, влачила жалкое существованіе въ глубокомъ, унизительномъ, оскорбительномъ молчаніи, чувствуя, что ей недостаетъ силы, т.-е. что ей недостаетъ народа.

Нѣсколько недостаточно благоразумныхъ молодыхъ людей [2]) осмѣлились въ 1849 г. собираться на бесѣды о соціализмѣ и политической экономіи. Ихъ приговорили къ разстрѣлу; имъ прочли приговоръ на площади, завязали глаза и, заставивъ такимъ образомъ извѣдать шагъ за шагомъ всѣ муки агоніи, ихъ *помиловали*... на каторжныя работы. Молчаніе было водворено, и на сей разъ по настоящему.

«Благо Бѣлинскому, умершему во-время, — писалъ ко мнѣ Грановскій въ 1851 г. — Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее... Когда же рушится этотъ міръ?» И онъ прибавляетъ: «Слышенъ глухой, общій ропотъ, но гдѣ силы? Тяжело, братъ, бремя нашей жизни!».

III.

На печальномъ досугѣ, какой установился въ тюрьмахъ послѣднихъ годовъ царствованія Николая, умы зрѣли быстро. Съ обѣихъ сторонъ молчали о томъ, что видѣли все съ большей и

[1]) Морской богъ, обладавшій даромъ принимать, по желанію, всевозможныя формы.

[2]) Петрашевскій, Достоевскій, Спѣшневъ и др. *А. И. Г.*

большей ясностью. Правительство все свело къ репрессіи, къ деспотизму порядка и ни въ чемъ не встрѣчало препятствія; и тѣмъ не менѣе Николай съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и подозрительнѣе. Если онъ не уклонился отъ Крымской войны, то потому, въ сущности, что и самъ, не давая себѣ отчета, желалъ какого-нибудь движенія въ этомъ застывшемъ, нѣмомъ и плачевномъ положеніи, которое начинало пугать его уступчивостью безъ убѣжденія и покорностью безъ иниціативы. Онъ думалъ, что война во всякомъ случаѣ не послужитъ на пользу свободѣ, и затѣмъ... онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ! Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, австрійскій генералъ *на колѣняхъ умолялъ* одного изъ его намѣстниковъ спасти апостольскій тронъ [1]), и Паскевичъ писалъ ему: «Венгрія у ногъ Вашего Величества».

Послѣ ряда пораженій въ Крыму, Николай съ ужасомъ понялъ, какъ слаба организація, для которой онъ пожертвовалъ всѣмъ. Его смерть означала сознаніе, отреченіе; Катонъ деспотизма, онъ не хотѣлъ пережить порядокъ вещей, надъ которымъ трудился тридцать лѣтъ, и который рушился при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ.

Чары разсѣялись. Правительство и общество взглянули другъ другу въ лицо, какъ бы спрашивая другъ друга: *правда ли это?* И съ одной, и съ другой стороны были очень довольны, *что то* оказалась правда. Само правительство почувствовало, что съ его плечъ скатилось тяжелое бремя, и не скрывало этого. Александръ II поспѣшилъ заключить миръ съ союзниками и предоставить внутри государства нѣкоторую свободу или, правильнѣе сказать, нѣсколько ослабить преслѣдованія.

Удивительная масса идей, мыслей пробилась тогда на свѣтъ. Все, что было погребено въ глубинѣ души, вслѣдствіе вынужденнаго молчанія, вдругъ обрѣло языкъ, чтобы протестовать и выйти наружу. Если сравнить газеты и журналы послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая съ тѣми, которые явились полгода спустя послѣ его смерти, то можно было бы подумать, что ихъ раздѣляютъ, по меньшей мѣрѣ, четыре поколѣнія.

Совершенно естественно, что первымъ плодомъ такой внезапной свободы слова была обличительная, описательно-патологическая литература. Само правительство открыло для гласности темные закоулки и низы бюрократіи, охраняя отъ нападокъ лишь высшія сферы. При такомъ условіи очистка низшихъ ступеней бюрократической лѣстницы становилась дѣломъ безполезнымъ. Тѣмъ не менѣе доставляло удовлетвореніе уже то, что можно было вывести на чистую воду, хотя бы отчасти, безпорядокъ,

[1]) Генералъ графъ Кабога, не будучи въ состояніи убѣдить Паскевича, бросился въ присутствіи секретаря послѣдняго, Гильфердинга, на колѣни передъ нимъ и сказалъ: «Мой государь приказалъ мнѣ на колѣняхъ вымолить у васъ помощь». *А. И. Г.*

угнетеніе, невѣроятное лихоимство, свойственное этому тяжелому, безчестному и придирчивому режиму бюрократіи, въ одно и то же время нѣмецкой и азіатской, патріархальной и военной.

Такъ какъ правительство участвовало въ общемъ хорѣ и только и говорило, что о злоупотребленіяхъ, которыя необходимо искоренить, о духѣ вѣка, о потребностяхъ новой прогрессивной эпохи, то либерализмъ сталъ модой, даже средствомъ обратить на себя вниманіе. Генералы, ничего такъ не боявшіеся, какъ слова «свобода», не признававшіе слова «законность» и налагавшіе, послѣ каждаго смотра, тѣлесныя наказанія на солдатъ, начинали замѣчать, что, въ сущности, они были либералами, конечно, любящими порядокъ, но, все же, большими либералами. Каждый новый столоначальникъ, вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, не могъ обойтись безъ того, чтобы не высказать «*своихъ прогрессивныхъ принциповъ*» и не напомнить, что для Россіи наступила эра реформъ и улучшеній. Въ одномъ изъ университетовъ попечитель дошелъ до того, что сталъ упрекать профессора *за недостаточно либеральную* рѣчь, произнесенную на офиціальномъ торжествѣ. У чиновниковъ ни одинъ обѣдъ не обходился безъ прогрессивныхъ тостовъ и рѣчей. Головнинъ, нынѣ министръ народнаго просвѣщенія, былъ того мнѣнія, что для награжденія чиновниковъ за ихъ *независимость* необходимо установить новый знакъ отличія ad hoc! [1])

Чѣмъ распространеннѣе становился либерализмъ, тѣмъ болѣе онъ терялъ въ глубинѣ, силѣ, серьезности. Мрачно настроенное меньшинство, дѣлавшее своимъ молчаніемъ оппозицію въ царствованіе Николая, было крѣпкаго закала. Слабые люди отходили тогда въ сторону, такъ какъ игра была слишкомъ опасная, а для тѣхъ, кто оставался, двухъ-трехъ словъ было достаточно, чтобы узнать другъ друга. Многорѣчивость была имъ не нужна. Они много ненавидѣли, а ненависть — сила. При Александрѣ II сила эта была притуплена словами. Правительство позволяло говорить; но можно было, однако, предвидѣть, что настанетъ конецъ этой терпимости. Что же касается народа, то онъ не принималъ никакого участія во всемъ этомъ, — онъ оставался въ своемъ одиночествѣ. Хотя онъ былъ равнодушенъ къ тому, что происходило наверху, но къ войнѣ, стоившей ему много крови, онъ относился иначе. Неудачи вызвали въ народѣ мысль, какой у него не было въ 1812 г.: поднимаясь массами на защиту страны, онъ думалъ о возможности добиться уничтоженія крѣпостного права. Въ Малороссіи дѣло дошло даже до возстанія крестьянъ, подавленнаго вооруженной силой того самаго правительства, на защиту котораго поднимались крестьяне.

[1]) Для даннаго случая, для этой цѣли.

Ясно было, что единственнымъ вопросомъ, который могъ вывести народъ изъ спячки и объединить его съ образованной Россіей, былъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ.

Въ то время, какъ люди образованные занимались критическимъ изслѣдованіемъ заржавѣлыхъ колесъ дисциплинарнаго правительства Николая, правительство предложило на разсмотрѣніе великій вопросъ объ освобожденіи.

Дворянство, вмѣсто того, чтобы постараться получить первый призъ за быстроту, признавъ добровольно историческую необходимость вопроса и взглянувъ широко на дѣло, стало въ упорную, мелочную оппозицію. Съ этого момента сила его была парализована. Народъ, брошенный въ объятія правительства, ожидалъ, съ наивной вѣрой, иной свободы отъ своего царя, *золотой свободы*... свободы *съ землею*. Царь отвѣчалъ ему ружейными выстрѣлами; но крестьяне, падая, проклинали дворянъ и сохраняли вѣру въ царя.

Правительство, которое до сихъ поръ обращалось съ народомъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и съ сугубою грубостью помѣщика и воина, начинало теперь цѣнить силу, которую придавалъ ему народъ.

Положеніе совершенно измѣнилось; правительство, поддерживаемое народомъ, могло бы смѣло итти впередъ въ 1860—61 гг. и провести серьезныя реформы; но, вмѣсто этого, не успѣвъ ощутить себя сильнымъ, оно употребило свою силу на то, чтобы повернуть назадъ и укрѣпить самодержавіе.

Пока продолжалась борьба между правительствомъ и дворянствомъ, литература всякихъ оттѣнковъ поддерживала правительство и его проекты освобожденія крестьянъ, — зрѣлище совсѣмъ невиданное. Но согласіе продолжалось недолго. Какъ только былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи, одна часть литературы перешла въ оппозицію и вступила въ глухую, неравную борьбу съ правительственной литературой,— борьбу, вся тяжесть которой должна была неизбѣжно обрушиться на радикальную партію.

Сочувственное отношеніе русской молодежи къ Польшѣ, въ которой начались тогда печальные протесты въ видѣ церковныхъ процессій и траура, появленіе цѣлаго ряда прокламацій, отпечатанныхъ тайно въ Петербургѣ, и русскихъ книгъ и журналовъ, шедшихъ изъ заграничныхъ станковъ,—все это обострило борьбу.

Когда въ Варшавѣ пали первыя жертвы, въ Россіи случилось нѣчто неслыханное: студенты и офицеры, гвардейскіе и армейскіе, заказывали панихиды по убитымъ полякамъ, и это происходило въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и въ воинскихъ частяхъ, расположенныхъ въ Польшѣ.

Правительство, не привыкшее къ подобнаго рода демонстраціямъ, пришло въ сильное раздраженіе, а слѣдующее, еще болѣе серьезное событіе, происшедшее въ Казани, довело это раздраженіе до крайности.

Студенты Казани собрались въ университетской церкви, чтобы помолиться за упокой души крестьянина Антона, разстрѣляннаго, по приказанію графа Апраксина, какъ участника въ безоружномъ возстаніи, которое было подавлено съ кровожадной жестокостью; Щаповъ, профессоръ университета, изъ духовнаго званія, произнесъ рѣчь, посвященную памяти мученика. Этого правительство не могло вытерпѣть. Оно начало съ отдѣльныхъ преслѣдованій. Офицеры, заказывавшіе панихиды по полякамъ, были отданы подъ военный судъ. Щапова тотчасъ же арестовали и бросили въ тюрьму тайной полиціи [1]). Политическіе процессы, почти прекратившіеся со смертью Николая, снова возобновились. Поэтъ Михайловъ за воззваніе къ молодежи, не имѣвшее никакихъ послѣдствій, былъ осужденъ на *семь лѣтъ каторжныхъ работъ* въ рудникахъ. Онъ находился въ дорогѣ, не успѣлъ еще прибыть на мѣсто своего назначенія, какъ новые аресты и новые процессы встревожили общество. Между арестованными находились военные, напр., Обручевъ, и даже гвардейскіе офицеры, какъ, напр., Григорьевъ.

Въ 1862 г. правительство отдало подъ судъ въ Варшавѣ трехъ молодыхъ русскихъ офицеровъ: Арнгольдта, Сливицкаго, Каплинскаго и унтеръ-офицера Ростковскаго, за то, что они занимались пропагандой въ арміи, основали тайное офицерское общество и были преданы польскому дѣлу. Ихъ разстрѣляли, за исключеніемъ Каплинскаго, котораго приговорили къ каторжнымъ работамъ. Солдата Щура прогнали сквозь строй за то, что онъ не донесъ на офицеровъ.

Императоръ Александръ не любитъ самъ конфирмировать смертные приговоры: онъ поручаетъ это дѣло своимъ лейтенантамъ. Приговоръ относительно несчастныхъ офицеровъ былъ подписанъ генераломъ Лидерсомъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ казни, ему въ Варшавѣ, въ общественномъ саду, раздробили пулей челюсть.

Красовскій, заслуженный полковникъ, покрытый ранами и крестами, былъ выведенъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ, на площадь; съ него сорвали эполеты и ордена, бросили ему одежду осужденнаго на каторжныя работы, заковали въ кандалы и отправили въ рудники на двѣнадцать лѣтъ. Преступленіе его состояло въ пропагандѣ между солдатами, которыхъ онъ умолялъ не стрѣлять въ крестьянъ.

Смущенное правительство не знало, ни какъ выпутаться изъ этого положенія, ни какъ сохранить либеральную репутацію, не дѣлая ни малѣйшей уступки. Задача предстояла трудная. Николай былъ гораздо счастливѣе, благодаря простотѣ своего деспотизма.

Преслѣдованія студентовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ не имѣли успѣха; они были задуманы слишкомъ грубо и исполнены

[1]) Въ настоящее время онъ сосланъ въ Восточную Сибирь. *А. И. Г.*

слишкомъ жестоко. Государь самъ замѣтилъ сдѣланную ошибку, отстранилъ *адмирала* отъ народнаго просвѣщенія, удалилъ петербургскаго генералъ-губернатора и рѣшился испробовать новый, болѣе цивилизованный способъ дѣйствія.

Изобрѣтеніе этого новаго способа, который имѣлъ полный успѣхъ и подъ вліяніемъ котораго Россія находится еще и понынѣ, принадлежитъ, главнымъ образомъ, двумъ государственнымъ людямъ, молодымъ, просвѣщеннымъ, находящимся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Мы говоримъ о министрѣ народнаго просвѣщенія Головнинѣ и о министрѣ внутреннихъ дѣлъ Валуевѣ.

Когда всѣ инструменты были надлежащимъ образомъ налажены, и оркестръ ожидалъ лишь взмаха палочки капельмейстера, а этотъ послѣдній—удобной минуты, подвернулся случай, какой судьба всегда посылаетъ тѣмъ, кто желаетъ этого и кто располагаетъ силой. То былъ пожаръ, случившійся въ Петербургѣ,—тотъ историческій пожаръ, о которомъ мы уже говорили въ предисловіи.

Головнинъ, этотъ приверженецъ независимости чиновниковъ, былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто адмирала Путятина. Человѣкъ честный, пользовавшійся къ тому же репутаціею философа, онъ такъ хорошо повелъ дѣла, что, говоря постоянно о свободѣ печати... въ будущемъ, сдѣлалъ цензуру *временно* втрое болѣе строгой. Онъ приглашалъ къ себѣ редакторовъ подъ предлогомъ ознакомленія съ ихъ мнѣніями, а самъ давалъ имъ такіе краснорѣчивые совѣты, что тонъ газетъ измѣнился на виду у всѣхъ. Такая же тактика была пущена въ ходъ и въ дѣлахъ собственно министерства. Послѣ того, какъ въ газетахъ цѣлые мѣсяцы толковалось о реформахъ университетской администраціи въ прогрессивномъ смыслѣ, дѣло кончилось такими правилами для студентовъ, которыя лишали ихъ даже тѣни независимости. И въ особенности было замѣчательно въ этихъ правилахъ то, что ихъ предложилъ вовсе не министръ: Головнинъ предоставилъ иниціативу и разработку проекта совѣтамъ профессоровъ.

То, что продѣлывалъ Головнинъ въ качествѣ мыслителя и философа въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, Валуевъ, какъ настоящій свѣтскій человѣкъ, продѣлывалъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но только съ большей откровенностью, т.-е. съ еще меньшими предосторожностями. Правда, въ этомъ министерствѣ матеріалъ для воздѣйствія отличался большою гибкостью: тутъ приходилось имѣть дѣло не съ старыми профессорами и молодыми учеными, а съ заслуженными полицейскими чиновниками и молодыми людьми, воодушевленными идеею... сдѣлать карьеру.

Валуевъ обдѣлывалъ свои дѣлишки относительно руководительства общественнымъ мнѣніемъ даже съ нѣкоторой игриво-

стью. Было, напримѣръ, извѣстно, что одинъ журналистъ [1]) задолжалъ по горло, что онъ игралъ въ карты, обладалъ слогомъ и не обладалъ стойкими убѣжденіями, хотя и былъ либераломъ по воспоминаніямъ; его статьи считались поучительными. Простое чувство долга подсказывало министру пріободрить, поддержать талантливаго человѣка, который имѣлъ несчастье много проигрывать. Ну, вотъ его и пріободрили немного. Въ знакъ благодарности онъ пролепеталъ нѣсколько похвальныхъ словъ, выставляя на видъ внутреннія добродѣтели правительства, и потерялъ вдвойнѣ. Тотчасъ же поощреніе прекратилось... и репутація также пала, такъ какъ, удивительное дѣло, всѣ знали, что редакторъ получилъ поощреніе. Годъ оканчивался, а съ нимъ и подписка (только въ 1863 г. публика стала читать съ удовольствіемъ поощряемыя газеты). Редакторъ былъ при послѣднемъ издыханіи, онъ отправился въ Петербургъ просить министра, чтобы тотъ спасъ его. Въ Петербургѣ нашли, что это трудно сдѣлать; однако, его газетѣ [2]) можно было бы предоставить право печатать, напримѣръ, объявленія военнаго министерства. Но и тутъ встрѣтились нѣкоторыя затрудненія. Военный министръ не былъ такимъ передовымъ либераломъ, какъ Валуевъ. По странному совпаденію, редакторъ, впрочемъ, также почувствовалъ, что и онъ день ото дня становится все менѣе и менѣе либераленъ. Онъ получилъ привилегію на печатаніе объявленій, и попалъ такимъ образомъ въ число поощряемыхъ журналистовъ.

Число газетъ и журналовъ, выходящихъ въ Россіи, очень ограничено; поэтому дѣла, благодаря примѣненію тактики поощренія, и при поддержкѣ, оказываемой ей доктриной министра народнаго просвѣщенія и двумя тремя газетами in partibus infidelium [3]), которыя выражали, такъ сказать, *международное независимое мнѣніе* Европы, — дѣла, говорю я, шли очень хорошо. У Головнина предавались обстоятельнымъ разсужденіямъ, у Валуева—смѣялись, а пресса съ каждымъ днемъ становилась все болѣе и болѣе консервативной.

Пожаръ, случившійся въ Петербургѣ, былъ настоящимъ тріумфомъ этой тактики.

Генералъ Потаповъ, начальникъ тайной полиціи, такъ отзывался объ этой эпохѣ одному изъ нашихъ знакомыхъ: «Въ настоящее время дѣло идетъ не о томъ, чтобы укрѣпить или опрокинуть то или другое учрежденіе, — объ этомъ можно было бы еще спорить; нѣтъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы сомкнуть наши ряды, присоединиться къ правительству и спасти цивилизацію: она въ опасности».

[1]) Н. Ф. Павловъ.
[2]) «Наше Время».
[3]) Въ странѣ невѣрныхъ—приписка къ титулу епископа, находящагося въ нехристіансной землѣ.

Всякаго, кто высказывалъ независимое мнѣніе, не согласное, къ его злополучію, съ мнѣніями, терпимыми правительствомъ, немедленно обвиняли, если не въ томъ, что это именно онъ поджегъ Петербургъ, то, по меньшей мѣрѣ, въ сочувствіи поджигателямъ. И Потаповъ потиралъ руки: обязанности его канцеляріи наполовину исполнялись литературой. Рвеніе, негодованіе газетъ превосходило всякую мѣру. Онѣ вызывали правительство на исключительныя, чрезвычайныя жестокости.

«Всѣ ждутъ,—выкрикивалъ журналъ Краевскаго «Отечественныя Записки»,—что полиція разыщетъ этихъ каннибаловъ; всѣ хотятъ, всѣ требуютъ, чтобы имена ихъ были оглашены, для того, чтобы знать, кого нужно бояться. Всѣ хотятъ, всѣ требуютъ наказанія; народъ обрекъ бы этихъ злодѣевъ даже на такую казнь, которой нѣтъ и въ законѣ. Разстрѣляніе и повѣшеніе, по его мнѣнію, слишкомъ легкія, слишкомъ благородныя казни для такихъ варваровъ. Если-бъ они попались въ руки народа, онъ разорвалъ бы ихъ на куски руками, онъ жегъ бы ихъ на кострахъ, онъ живыми закапывалъ бы ихъ въ землю или замуравливалъ въ тѣ самыя стѣны, которыя стоятъ теперь печальными памятниками человѣческаго безумія и злобы. Во всякомъ случаѣ народъ разсчитываетъ на висѣлицы, ждетъ ружейныхъ залповъ: онъ долженъ быть отмщенъ».

«Наиболѣе виновные поджигатели,—повторяли на всѣ лады «Московскія Вѣдомости»,—вовсе не тѣ несчастные, которые подносятъ горящую головню, а тѣ люди, которые проповѣдуютъ зажигательныя ученія» [1]).

Непосредственныя и очень благопріятныя для правительства послѣдствія этого скоро сказались въ ожесточеніи, въ раздраженіи простой народной массы въ Петербургѣ и Москвѣ противъ студентовъ, которыхъ начали смѣшивать съ поджигателями и, что было еще хуже, съ самой ретроградной партіей дворянъ.

Одинъ журналъ осмѣлился поднять голосъ въ защиту оклеветанной молодежи,—онъ былъ запрещенъ; другіе стали болѣе осторожны.

Однако, правительство не ограничилось однимъ запрещеніемъ «Современника». Нѣкоторое время спустя, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость его редакторъ, Чернышевскій, замѣчательный писатель и самый талантливый изъ преемниковъ Бѣлин-

[1]) Одинъ духовный журналъ іезуитско-схизматическаго направленія [°]), пошелъ еще дальше. «Когда разыскиваютъ вора,—говоритъ онъ,—то публикуютъ его примѣты. Хотятъ поймать поджигателей,—какъ же ихъ разыскивать?.. Нужно также описать ихъ примѣты. Поджигатель, это человѣкъ, который не вѣритъ въ Бога, у котораго нѣтъ религіи, который не признаетъ установленныхъ властей, проповѣдуетъ принципы западныхъ революціонеровъ и т. д., и т. д.». *А. И. Г.*

[°]) «Домашняя Бесѣда» В. И. Аскоченскаго.

скаго (который создалъ этотъ журналъ и руководилъ имъ до самой своей смерти). Въ это же самое время публика узнала объ арестѣ одного еще молодого человѣка, но пользовавшагося уже большимъ уваженіемъ.

Нелишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Серно-Соловьевичѣ: его исторія въ высшей степени характерна для этого времени.

Въ ту пору, когда проектъ освобожденія крестьянъ находился въ рукахъ нѣкоторыхъ ретроградныхъ сановниковъ, относившихся къ нему враждебно, одинъ молодой питомецъ Царскосельскаго лицея,—столь справедливо прославившагося въ исторіи нашего общественнаго развитія,—только-что начиналъ свою служебную карьеру въ канцеляріи государственнаго совѣта. Онъ служилъ въ отдѣленіяхъ, которыя занимались перепиской и приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ комитета по освобожденію. Члены этого комитета употребляли тогда всѣ усилія, чтобы запутать вопросъ, создать затрудненія и препятствія и затянуть подольше дѣло. Молодой человѣкъ, преисполненный энтузіазма, горячій, фанатически преданный дѣлу освобожденія, былъ возмущенъ этими интригами и рѣшилъ отказаться отъ роли орудія въ рукахъ заговорщиковъ противъ народа. Но прежде, чѣмъ оставить службу, онъ написалъ царю благородное, откровенное письмо. Онъ раскрывалъ ему, что дѣлается, чтобы помѣшать его намѣреніямъ, и что были за люди, которымъ онъ довѣрилъ великое дѣло своего царствованія.

Положивъ въ карманъ это письмо, молодой человѣкъ отправился прогуляться въ Царскосельскій паркъ и, встрѣтивши государя, подалъ ему письмо. Императоръ, взглянувъ бѣгло на содержаніе записки, нахмурилъ брови и сказалъ молодому человѣку, что онъ прочтетъ ее и дастъ ему отвѣтъ. Вечеромъ графъ Орловъ велѣлъ позвать къ себѣ Серно-Соловьевича. «Государь,—сказалъ онъ ему, видимо недовольный этимъ порученіемъ,—приказалъ мнѣ благодарить васъ и поцѣловать. Онъ прочелъ ваше письмо и приметъ его во вниманіе». Государь игралъ еще тогда въ либерализмъ; но послѣдній маркизъ Поза скоро увидѣлъ, что безполезно обращаться къ этому монарху, даже когда онъ посылаетъ черезъ министра полиціи свое императорское благоволеніе. Серно-Соловьевичъ оставилъ службу и напечаталъ въ Германіи свой проектъ освобожденія крестьянъ ...*съ выкупомъ земли*.

Отъ этой брошюры вѣяло уже чѣмъ-то совершенно новымъ.

«Я печатаю свой проектъ за предѣлами государства,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—такъ какъ въ Россіи не разрѣшили отпечатать его. Я подписываю его, такъ какъ наступило время дѣйствовать, какъ подобаетъ свободному человѣку. Если мы желаемъ, что бы съ нами обращались, какъ со взрослыми, то намъ не слѣдуетъ поступать по-дѣтски».

«Берегитесь»,—сказалъ автору генералъ Потаповъ, но ничего не сдѣлалъ ему. *Преступленіе* было совершено слишкомъ публично, слишкомъ открыто, слишкомъ, скажемъ прямо, по-рыцарски. Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ Серно-Соловьевича запутали въ одинъ изъ такихъ мнимыхъ заговоровъ, разсмотрѣніе которыхъ обыкновенно возлагается на особыя инквизиторскія комиссіи, ведущія дѣла при закрытыхъ дверяхъ, безъ свидѣтелей, безъ защиты. Послѣ того, какъ подобнаго рода слѣдствіе бываетъ закончено, комиссіи эти, чтобы соблюсти юридическую благопристойность, передаютъ слѣдственные матеріалы на разсмотрѣніе сената, присоединяя къ нимъ свое собственное заключеніе. Сенатъ, постоянно помышляющій о томъ, чтобы дать лишнее доказательство своей горячей преданности трону, не скупится на свои услуги, въ особенности, когда дѣло идетъ о врагахъ правительства; онъ прибавляетъ нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ, нѣсколько позорящихъ словъ—и все кончено.

Серно-Соловьевичъ и Чернышевскій, арестованные въ серединѣ 1862 года, въ моментъ, когда мы пишемъ, томятся *еще* въ казематахъ [1]).

Освободившись такимъ образомъ, отъ серьезныхъ противниковъ, прекративъ, такъ сказать, временно ихъ существованіе, устрашивъ слабыхъ и пріобрѣтя признательность подлыхъ, министерство смѣло покинуло свою оборонительную позицію для наступательной.

Возстаніе, вспыхнувшее въ Польшѣ, представило прекрасный случай, которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ и воспользовался, чтобы начать знаменитую отнынѣ патріотическую агитацію, побуждая въ виду европейской войны подавать вѣрноподданническіе адреса царю. Чиновники министерства стали колесить по губерніямъ во всѣхъ направленіяхъ, внушая властямъ мысль объ адресѣ и *даже самый текстъ*. Отпечатанный образецъ текста оставлялъ, однако, достаточно простора для мѣстныхъ варіантовъ и измѣненій; онъ вовсе не былъ обязательнымъ, лишь бы только тотъ, который составлялся взамѣнъ его, выражалъ еще бо́льшую преданность. Народъ былъ увлеченъ. Хотя способъ, какимъ осуществлялось освобожденіе, и вызывалъ въ немъ недовольство, но онъ питалъ чувство признательности къ царю за самое освобожденіе и все ожидалъ отъ него *золотой свободы, освобожденія съ землею*. Его трогало, что ему сообщалось объ опасности, угрожающей отечеству; онъ думалъ о близкомъ нашествіи, подобномъ 1812 году, и началъ вспоминать свою старую ненависть къ поля-

[1]) Дѣло Чернышевскаго окончилось злополучно послѣ того, какъ нами были написаны эти строки. Онъ приговоренъ къ *семи годамъ каторжныхъ работъ* и вѣчному поселенію. Этотъ актъ варварства, несправедливости, жестокости служитъ точнымъ показателемъ доброжелательности и либерализма правительства (1 іюня 1864 г.). *А. И. Г.*

камъ, которыхъ выставляли въ его глазахъ, какъ толпу баръ и ксендзовъ, возмутившихся противъ царя-освободителя.

Провинціальное дворянство не было настолько наивно, чтобы не видѣть въ патріотической преданности очень недорогое средство возстановить старинную дружбу съ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ возникъ вопросъ объ освобожденіи, дворянство вело мелочную борьбу съ правительствомъ. Разбитое въ важныхъ вопросахъ, оно ухитрялось привязывать народъ все тѣснѣе и тѣснѣе къ престолу тѣмъ, что раздражало крестьянъ мелкими придирками и упорствовало въ малыхъ дѣлахъ. Но это не приносило никому никакой выгоды и могло вызвать со стороны правительства лишь желаніе пересмотрѣть указъ объ освобожденіи въ смыслѣ народныхъ требованій; поэтому дворянство сознавало необходимость примириться, но не знало, съ чего начать. Адреса представляли простое и дешевое средство выйти изъ затрудненія. И дворянство всѣхъ губерній и всѣхъ уѣздовъ почувствовало себя вдругъ охваченнымъ пожирающимъ пламенемъ патріотизма.

Оставалось еще образованное общество, та неустойчивая среда, въ которой образуется общественное мнѣніе: Петербургъ и Москва, вліятельное меньшинство въ провинціяхъ, литературные круги, молодежь.

Средства, пущенныя въ ходъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, носили ужъ слишкомъ примитивный характеръ, чтобы можно было разсчитывать на успѣхъ ихъ въ столицахъ. Здѣсь, главная роль должна была перейти къ *управленію печати*; и успѣхъ Головнина былъ нисколько не меньше успѣха его коллеги; напротивъ, онъ оказался даже настолько великъ, что превзошелъ ожиданія самого министра, и послѣдній былъ даже обвиненъ въ индифферентизмѣ и недостаткѣ рѣшимости.

Правда, одно обстоятельство очень помогло правительству, у котораго вдругъ однимъ сильнымъ противникомъ стало меньше. Русское общество привыкло уважать,—быть можетъ, даже слишкомъ,—мнѣніе западной Европы. Но Европа своими нотами, своими демонстраціями безъ армій, своими миролюбивыми криками о войнѣ достигла того, что не только потеряла свой престижъ, но что въ Россіи стали жадно искать всякаго повода, чтобы раздражить ее и бросить ей вывозъ.

Правительство, рѣшившееся раздѣлаться съ Польшей и скорѣе уничтожить ее, чѣмъ согласиться на какую-либо серьезную уступку, старалось вовлечь всю націю въ свою безчеловѣчную политику. Оно сумѣло искусно воспользоваться ея настроеніемъ.

Попытки завести офиціозную прессу въ Петербургѣ не удались. Петербургъ не знаетъ жаргона неистоваго патріотизма и не обладаетъ престижемъ независимости. Оставалась древняя столица, центръ панславизма, русскій городъ по преимуществу, городъ университетскій, хотя нѣсколько и ослушный, но, при всемъ томъ, самый значительный очагъ реакціи.

Тутъ необходимы нѣкоторыя разъясненія. Съ начала нынѣшняго царствованія роль Москвы сильно измѣнилась. Во времена Николая Москва держалась въ сторонѣ, носила на себѣ отпечатокъ скрытаго недовольства, дулась на Петербургъ и меньше его зависѣла отъ правительства. Многочисленные собственники-помѣщики, проводившіе зиму въ Москвѣ, богатыя семьи, имѣвшія тамъ собственные дома, придавали московскому обществу характеръ менѣе офиціальный, менѣе покладистый, менѣе казарменный и чиновническій, чѣмъ петербургское общество, однообразное и вѣчно подтянутое.

Въ Москвѣ много занимались университетомъ; и, дѣйствительно, московскій университетъ былъ великимъ источникомъ свѣта и знанія для всей страны. Доблестно руководимый, несмотря на всевозможныя препоны, которыя воздвигала бѣшеная реакція, своимъ духовнымъ представителемъ, профессоромъ Грановскимъ, онъ сталъ каѳедрой, съ которой обсуждались вопросы въ назиданіе не только студентовъ, но и самого общества. Гакстгаузенъ, присутствовавшій на живыхъ спорахъ славянофиловъ съ западниками въ салонахъ Москвы, былъ пораженъ тѣмъ, какъ «фрондеры древней столицы» открыто высказывали свое мнѣніе, которое, конечно, не всегда было въ полномъ согласіи съ мнѣніемъ правительства.

Послѣ смерти Николая Москва перешла на другую позицію. Она тотчасъ преобразилась, лишь только давленіе сверху потеряло свою напряженность, и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ коснулся *земли*. Отъ фрондерства осталась лишь завистливая ревность къ Петербургу и оппозиціи, да и то лишь ровно столько, сколько нужно было, чтобы тормозить цѣлые мѣсяцы вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Самъ государь вынужденъ былъ напомнить своему ретроградному дворянству о стыдѣ.

Что общество *рабовладѣльцевъ* продаетъ свой либерализмъ за чечевичную похлебку, приготовляемую руками рабовъ, это печально, но понятно. Гораздо труднѣе понять отношеніе университета и литературныхъ круговъ. Профессорская корпорація состоитъ обыкновенно не изъ провинціальныхъ набобовъ, этихъ «русскихъ князей», всегдашнихъ посѣтителей минеральныхъ водъ и отелей, и даже не изъ лицъ аристократическаго происхожденія; в большинствѣ случаевъ, это—сыновья священниковъ, класса очень образованнаго, но бѣднаго и демократическаго по своему положенію; это—мелкіе чиновники, предпочитающіе науку бюрократіи; наконецъ, потомки благородныхъ, но бѣдныхъ провинціальныхъ семей. Профессорская, вообще преподовательская корпорація играла большую роль у насъ въ дѣлѣ образованія, и, за нѣкоторыми исключеніями, роль прекрасную. Учителя лицеевъ, гимназій, кадетскихъ корпусовъ были одинокими стражами, безвѣстными піонерами великой гуманитарной пропаганды, которая не доставляла ни славы, ни извѣстности. Они боролись съ бѣдностью, и отдан-

ные во власть безконтрольной грубой администраціи, случалось, поступались своимъ личнымъ достоинствомъ, но тѣмъ не менѣе продолжали проповѣдывать идею независимости и ненависти къ произволу. Послѣ литературы, преполавательская корпорація была вторымъ представителемъ пробуждавшагося сознанія.

Ни московскій университетъ, ни московская печать не защищали крѣпостного права; эта задача выпала на долю англійскаго клуба и, такъ называемыхъ, аристократическихъ круговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обществѣ обнаруживалось видимое утомленіе. Послѣ долгой борьбы, которой было ознаменовано царствованіе Николая, люди стали чувствовать себя слишкомъ довольными, удовлетворенными, быть можетъ, усталыми. Сравнивая ужасные годы, наступившіе послѣ 1848 года, съ новымъ положеніемъ вещей, публика замѣчала прогрессъ и удивлялась, что молодежь не удовлетворяется этимъ. Тупое и безплодное доктринерство овладѣвало университетомъ; связь между профессорами и студентами, видимо, ослабѣвала.

Грановскаго уже не было. Онъ умеръ въ 1856 г., полный силъ, сорока лѣтъ отъ роду. Послѣдній взглядъ его упалъ на начало новой эпохи, исполненной надежды. Удалось ли бы ему остановить реакцію въ университетѣ? Или, скорѣе, не счастье ли было для него, что онъ почилъ во-время?..

Реакція шла такъ быстро и заявляла себя съ такой смѣлостью, что одинъ молодой профессоръ-юристъ [1]), призывая тѣнь Грановскаго и говоря, что онъ считаетъ за честь для себя быть его ученикомъ, открылъ чтеніе своего курса изложеніемъ философіи пассивнаго повиновенія. Онъ поучалъ своихъ слушателей, что еще нѣтъ никакой заслуги въ томъ, чтобы повиноваться и почитать справедливые законы, но что великій долгъ человѣка, это—безусловное подчиненіе всякому закону, даже несправедливому и нелѣпому, потому только, что онъ законъ.

Такова была теорія, а практика еще превзошла ее.

Извѣстна печальная исторія съ демонстраціею, устроенной студентами московскаго университета. Здѣсь собирались примѣнить тѣ же самыя правила, которыя вызвали противодѣйствіе со стороны студентовъ петербургскаго университета. Московскіе студенты хотѣли послать депутацію съ петиціею къ государю. Когда профессора увидѣли, какой оборотъ принимаетъ дѣло, они отступились отъ студентовъ. Сурово принятые властями, брошенные, преданные профессорами, студенты собрались передъ домомъ генералъ-губернатора, требуя права послать ему депутацію.

Эту демонстрацію приняли или сдѣлали видъ, что принимаютъ за бунтъ. Жандармы пѣшіе и конные бросились давить студентовъ, толпа, подстрекаемая полицейскими агентами, преслѣдовала ихъ, и бѣдные молодые люди, избитые и израненные, были

[1]) Б. Н. Чичеринъ.

задержаны и брошены въ тюрьму. Ихъ юношеская кровь была пролита въ Москвѣ впервые послѣ 1812 года.

Университетскій совѣтъ, чтобы отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ участіи и потворствѣ, поспѣшилъ представить министру записку, въ которой онъ оговариваетъ литературу, общество, даже самого московскаго генералъ-губернатора и взваливаетъ, конечно, всю отвѣтственность на студентовъ,—и это въ такое время, когда, половина университета находилась въ тюрьмѣ. Эта записка будетъ всегда служить въ исторіи русскаго образованія демаркаціонной линіей, отдѣляющей новыя тенденціи московскаго университета отъ тенденцій предшествующей эпохи. Записку хотѣли скрыть, и потому она была отпечатана лишь въ пяти экземплярахъ, но она стала извѣстна въ Россіи, благодаря заграничной русской прессѣ.

Петербургъ остался доволенъ Москвою. Министръ поблагодарилъ профессоровъ за ихъ усердіе, а цензурѣ отданъ былъ приказъ не допускать нападокъ на новый катехизисъ пассивнаго повиновенія. И вотъ въ Москвѣ-то именно и задумали воздвигнуть главный оплотъ ретроградnаго патріотизма.

Тамъ же нашелся человекъ, который составилъ себѣ quasi-либеральную репутацію, редактируя журналъ въ эпоху, последовавшую за смертью Николая, т.-е. въ эпоху перваго пробужденія русской рѣчи. Катковъ, проповѣдывавшій съ нѣмецкимъ доктринерствомъ превосходство англійскихъ учрежденій и уваженіе къ законности, помѣщавшій въ своемъ журналѣ статьи, передѣланныя изъ «Westminster Review», которыя принимались за его собственныя, считался за умѣреннаго либерала и выдавалъ себя одновременно и за поклонника англійскаго законодательства, и за почтительнаго ученика Германіи и всего нѣмецкаго.

Отъ редактированія журнала онъ перешелъ къ редактированію газеты «Московскія Вѣдомости», органа полу-офиціальнаго, издававшагося подъ покровительствомъ университета. Тамъ онъ продолжалъ играть ту же роль: говорилъ постоянно съ глубокимъ презрѣніемъ о русскомъ обществѣ, поучалъ по книгѣ Гнейста своихъ читателей восхищенію передъ Англіею и поносилъ по всякому поводу петербургскую молодежь. Роль водевильнаго дядюшки въ литературѣ показалась, наконецъ, кой кому смѣшной, и это подало поводъ къ полемикѣ, въ которой редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» показалъ, на что онъ способенъ. На язвительныя насмѣшки онъ отвѣчалъ обвиненіями, на шутки—намеками; мало-по-малу онъ дошелъ до того, что сталъ громко и неоднократно доказывать моральное соучастіе молодыхъ людей, напечатавшихъ прокламацію, съ поджигателями. Онъ былъ замѣченъ.

Съ этого момента англоманія «Московскихъ Вѣдомостей» начинаетъ тускнѣть: газета перестаетъ любить законность и уважать права личности и предпринимаетъ ожесточенный крестовый походъ противъ Польши. Она оправдываетъ одну за другой всѣ

ужасныя мѣры, принимавшіяся русской администраціей, смѣло объявляетъ измѣнниками всѣхъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ ея точки зрѣнія, и даже прямо указываетъ пальцемъ на равнодушныхъ и подозрительныхъ.

Всякій крикъ негодованія, поднимавшійся противъ такихъ небывалыхъ у насъ до тѣхъ поръ пріемовъ, былъ для редакціи лишь поощреніемъ итти дальше по этому пути; непоколебимая наглость ея возраженій ясно показывала, что цензуры не существовало для нея, и что во всѣхъ этихъ случаяхъ она разсчитывала на вѣрную защиту и прочную опору.

Чтобы дать понятіе о «Московскихъ Вѣдомостяхъ», я могъ бы сказать, что они были монархическимъ и абсолютистскимъ «Père Duchên'омъ» [1]). И, все-таки, такое сравненіе дало бы лишь слабое понятіе о нихъ. Во всѣхъ излишествахъ революціонныхъ листковъ чувствуются въ основѣ горячее убѣжденіе, пылкая страсть, фанатическая любовь. Злобствованія же московскаго «Père Duchên'a» были неизмѣнно холодными, а отказъ его отъ англоманіи—слишкомъ слабо мотивированнымъ.

Сначала публика буквально была поражена и не могла прійти въ себя отъ изумленія, читая «Московскія Вѣдомости». Никогда, ни въ какую злополучную эпоху не было ничего подобнаго.

Николай въ послѣдніе годы своего царствованія достигъ того, что заставилъ замолчать всю Россію, но онъ не могъ заставить ее говорить такъ, какъ ему хотѣлось. Тогда уничтожали книги, авторовъ, но не превращали литературу въ отдѣленіе тайной полиціи. Впрочемъ, Николай и не интересовался этимъ. Похвалы раздражали его; онъ считалъ себя выше одобренія людей. Его мало заботило, довольны или недовольны его приказами, лишь бы приказы эти исполнялись, и никто не смѣлъ выражать свое неудовольствіе. Его идеалъ порядка былъ пассивное повиновеніе казармы.

Если опасность говорить была велика, то, по крайней мѣрѣ, можно было безнаказанно молчать; никто не говорилъ во всеуслышаніе: *этотъ человѣкъ молчитъ не потому, что ему нечего сказать, но потому, что онъ таитъ что-то про себя*; или *этотъ человѣкъ печаленъ; не потому ли это, что онъ жалѣетъ поляковъ?*

Лишь въ царствованіе Александра II правящіе круги занялись фабрикаціей популярности и литературы, бдящей и славословящей. Съ тѣхъ поръ литераторы надзираютъ гораздо тщательнѣе, чѣмъ жандармы, и нравственный уровень понизился, благодаря непрекращающейся проповѣди истребительной политики и рабской философіи повиновенія.

[1]) «Père Duchêne»—политическая газета, издававшаяся въ Парижѣ во время великой революціи подъ редакціей Эбера.

Зло, причиненное «Московск. Вѣдомостями», громадно. Раньше правительство еще сдерживалось, общество тоже. Правительство, въ видѣ опыта, производило жестокія экзекуціи, отдѣльныя конфискаціи. Оно принимало звѣрскія мѣры, напримѣръ, преслѣдовало, тѣхъ, кто пѣлъ гимны, сажало въ тюрьму женщинъ, носившихъ трауръ. Затѣмъ оно пріостанавливалось, выслѣживая, какое впечатлѣніе производитъ все это на русскую публику. Съ другой стороны, въ обществѣ ощущались дикія поползновенія, но сознаться въ нихъ люди еще не осмѣливались. За отсутствіемъ нравственности и такое смущеніе очень почтенно.

И вотъ среди этихъ-то сомнѣній, этихъ колебаній серьезная газета съ уже сложившеюся репутаціею, прикрываясь престижемъ университета и конституціонными убѣжденіями, ранѣе защищаемыми, беретъ на себя самымъ надменнымъ и самымъ наглымъ образомъ, какой только можно представить, защиту ненавистнѣйшихъ мѣропріятій, совершенно безполезныхъ экзекуцій... Дурныя страсти общества тотчасъ подняли голову, а правительство удвоило *энергію*: оно могло это сдѣлать, получивъ поддержку не только со стороны «Московскихъ Вѣдомостей», но также и другихъ злополучныхъ органовъ, и между ними «Сѣверной Пчелы», которой мѣшала спокойно спать мучительная зависть, и которая старалась превзойти «Московскія Вѣдомости» преданностью полиціи и ненавистью къ Польшѣ.

Никакое противодѣйствіе «Московскимъ Вѣдомостямъ» было невозможно; приходилось ограничиваться мелкими нападками и карикатурами, не затрагивавшими существа вопроса. Страшная сила «Московскихъ Вѣдомостей»,—сила которая не только удерживала редакторовъ, но устрашала и самихъ цензоровъ, заключалась въ *доносѣ*.

Журналъ «Время», умѣренный, но честный и исполненный великодушныхъ симпатій органъ, редактируемый выдающимся писателемъ Достоевскимъ, мученикомъ, только-что возвратившимся съ каторжныхъ работъ, напечаталъ по поводу Польши нѣсколько гуманныхъ словъ, которыя, весьма вѣроятно, прошли бы незамѣченными, но «Московскія Вѣдомости» указали на статью, и журналъ былъ пріостановленъ.

«Но, вѣдь, это ужъ не литература,—возражала «Московскимъ Вѣдомостямъ» петербургская газета «Голосъ», поблѣднѣвъ отъ сравненія ея съ польскими газетами и «Колоколомъ»,—вы переносите вопросъ въ другую область; это уже не споръ, а уголовный процессъ, возбуждаемый вами» (20 августа 1863).

«Литература,—выкрикиваетъ Катковъ,—литературные споры! Да развѣ мы занимаемся такими пустяками? Мы занимаемся тѣмъ, что *выводимъ на свѣтъ дѣла, которыя насъ интересуютъ*. У насъ не было еще времени, это правда, заняться вашей литературой; но мы намѣрены заняться ею и думаемъ, что не лишне будетъ присмотрѣться немного поближе къ тому, что дѣлается

въ петербургской журналистикѣ» («Московскія Вѣдомости» 1863, № 222).

«Да,—говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—я добровольно служу хорошему дѣлу и стараюсь разоблачать враговъ, которые мѣшаютъ видамъ правительства».

Когда стало извѣстно о назначеніи ужаснаго Муравьева, и появились первые отчеты объ его дѣяніяхъ, сохранившійся остатокъ человѣческаго чувства заставилъ содрогнуться сердца многихъ слабыхъ людей. И вотъ, чтобы ободрить ихъ, «Московскія Вѣдомости» тотчасъ же напечатали слѣдующее: «Россія, конечно, не забудетъ великихъ услугъ, которыя будутъ оказаны ей въ эти трудныя времена. Она *прославитъ* людей, дѣйствующихъ, не виляя, въ атмосферѣ преступленій и клеветы. Эти люди должны знать, что Россія поддержитъ ихъ своимъ сочувствіемъ. Это ея долгъ. Да, Россія должна собраться, какъ подъ щитъ, вокругъ этихъ людей, которые не отступаютъ передъ страшной необходимостью пустить въ ходъ всѣ строгости закона, чтобы спасти отечество. Если мы лицомъ къ лицу съ возмущеніемъ, то мы должны и подавить его. Мы были бы измѣнниками и трусами, если бы отказались исполнить свой долгъ. Никто не упрекаетъ полководца, увѣнчаннаго лаврами, въ кровожадности. Сановникъ, принимающій энергическія мѣры, не можетъ быть также обвиненъ въ жестокости».

И вслѣдъ затѣмъ кучка литераторовъ, профессоровъ, членовъ нашего жокей-клуба и нашей золотой молодежи... съ сѣдыми волосами устраиваетъ обѣдъ Каткову,—обѣдъ, на которомъ *въ первый разъ* предлагается тостъ за Муравьева.

Мы не припоминаемъ, чтобы въ самые мрачные дни французской революціи устраивались банкеты въ честь Фукье-Тенвиля или празднества для прославленія подвиговъ Карье и Фуше.

Примѣру Москвы тотчасъ послѣдовали провинція и Петербургъ. Произошло нѣчто неслыханное въ исторіи: дворянство, аристократія, купечество, наконецъ, все *культурное* общество имперіи съ шестидесяти-милліоннымъ населеніемъ, безъ различія національности и пола, стало превозносить самыя жестокія экзекуціи, посылать хвалебныя телеграммы, поздравительные адреса, иконы ужаснымъ людямъ, которые приняли на себя не отважный бой, а умиротвореніе посредствомъ висѣлицъ, не опасность битвы, а ничѣмъ не угрожавшія имъ конфискаціи вооруженной рукой.

«Московскія Вѣдомости» представляли, конечно, лишь наружную язву: испорченная кровь обращалась въ жилахъ всего организма. Агитація, предпринятая министромъ внутреннихъ дѣлъ въ провинціи, показала, какъ велика еще была тамъ дикость и какъ глубока деморализація. Въ лицѣ Муравьева каждый маленькій деревенскій тиранъ любовался самимъ собою. Но при всемъ томъ значительная часть отвѣтственности должна пасть и на университетскую газету.

Ей принадлежитъ смѣлая иниціатива перваго слова. Она увлекла слабыхъ, положила конецъ колебаніямъ нерѣшительныхъ. Сколько сквернымъ вожделѣній, зарождавшихся въ туманѣ возможностей, исчезли бы, не оставивъ никакого слѣда, если бы не встрѣтили поощренія! Многіе честные люди приняли участіе въ этихъ странныхъ демонстраціяхъ *сильного противъ слабаго*, будучи глубоко убѣждены, что исполняютъ свой патріотическій долгъ; произошло это потому, что они были увлечены единственной газетой, какую имѣли обыкновеніе читать въ своей провинціи [1]).

Одна часть правительства замѣтила, наконецъ, что дѣло зашло ужъ слишкомъ далеко; но было поздно. Эта умѣренная часть правительства находилась уже за бортомъ; все, что мѣшало теченію, было снесено, опрокинуто партіей *дѣйствія*, имѣвшей къ своимъ услугамъ «Московскія Вѣдомости» и виленскаго генералъ-губернатора.

Великій князь Константинъ не одобрялъ того, что дѣлалось въ Литвѣ. «Московскія Вѣдомости» смѣло бросаютъ ему въ лицо слово «измѣна», и братъ императора принужденъ покорно отправиться для лѣченья на горькія воды въ Германію.

Кіевскій генералъ-губернаторъ Анненковъ, человѣкъ далеко не мягкій и не гуманный, не проявилъ, однако, такой артистической ревности и беззастѣнчивости въ преслѣдованіи инсургентовъ, какъ Муравьевъ,—«Московскія Вѣдомости» взяли его подъ подозрѣніе и съ тѣхъ поръ подсматривали за каждымъ его шагомъ. Случилось, что одинъ изъ бывшихъ студентовъ кіевскаго университета, содержавшій въ Кіевѣ школу верховой ѣзды, Ромуальдъ Ольшанскій, задумалъ пристать къ инсургентамъ. Онъ былъ схваченъ, и Анненковъ предалъ его военному суду, приказалъ осудить и приговорилъ къ каторжнымъ работамъ. Такимъ рѣшеніемъ возмущаются предводитель дворянства Бутовичъ и нѣкій статскій совѣтникъ Юзефовичъ,—ни тотъ, ни другой не имѣли никакого повода вмѣшиваться въ дѣла правосудія, ни тотъ, ни другой не несли ни малѣйшей отвѣтственности, и, однако, они берутъ это дѣло въ свои руки, протестуютъ и требуютъ отъ генералъ-губернатора смертной казни этому человѣку. Анненковъ, опасавшійся уже, благодаря нападкамъ «Московскихъ Вѣдомостей», что его кредитъ въ Петербургѣ окончательно подорванъ, отмѣняетъ приговоръ, приказываетъ пересмотрѣть процессъ и приговариваетъ Ольшанскаго къ разстрѣлу въ кіевской крѣпости.

Опала, постигшая великаго князя, окончательно открыла глаза не только Головнину, который былъ очень близокъ къ нему, но и Валуеву и многимъ другимъ, не говоря уже о князѣ Суворовѣ, никогда не принимавшемъ участія въ подобныхъ тем-

[1]) Многіе выписываютъ «Московскія Вѣдомости» по привычкѣ; кромѣ того, онѣ необходимы, такъ какъ пользуются монополіею казенныхъ объявленій. *А. И. Г.*

ныхъ дѣлахъ. Они хотѣли обуздать патріотическое бѣшенство, заключить его въ рамки, предначертанныя ихъ канцеляріями; но, какъ мы уже сказали, пущенное въ ходъ орудіе оказалось слишкомъ тяжеловѣснымъ, чтобы они могли справиться съ нимъ, и они окончательно утратили свое вліяніе.

Тогда положеніе, занятое, съ одной стороны, министерскимъ міромъ, а съ другой—правительственной печатью, представило совершено необычайное зрѣлище. «Московскія Вѣдомости», выдерживая тонъ, приняли борьбу и, поддерживаемыя скрытой рукой, удвоили нападки. Не имѣя возможности нападать на личности министровъ, онѣ съ ожесточеніемъ набрасывались на ихъ органы: «Сѣверную Почту» и «Голосъ».

Одинъ весьма комическій случай послужилъ знаменательнымъ показателемъ апогея вліянія «Московскихъ Вѣдомостей». Министръ народнаго просвѣщенія хотѣлъ помѣстить въ «Голосѣ» объясненіе, оправдывающее управленіе великаго князя въ Польшѣ. Цензоръ отказался пропустить его. Ему дали понять, что статья исходитъ отъ министра, т.-е. отъ прямого его начальника. На это цензоръ отвѣтилъ, что онъ готовъ разрѣшить статью, если министръ приметъ на себя отвѣтственность за нее, «такъ какъ,—прибавилъ цензоръ,—въ статьѣ есть намеки на «Московскія Вѣдомости»: онѣ донесутъ на меня, и я потеряю свое мѣсто».

Если такой случай дѣйствительно былъ (о немъ разсказывалось въ «Кельнской Газетѣ»), то день, когда онъ произошелъ, долженъ считаться, конечно, самымъ прекраснымъ днемъ для «Московскихъ Вѣдомостей». Онѣ торжествовали. Но онѣ не забывали о своемъ дѣлѣ и съ новымъ ожесточеніемъ продолжали свирѣпствовать противъ измѣнниковъ. Онѣ осмѣлились инсинуировать, что *либеральная* партія, стоявшая у власти, выдавала государственныя тайны корреспонденту «Times»'а. Онѣ осмѣлились третировать, какъ подозрительныхъ, какъ враговъ отечества, выдающихся людей, не пожелавшихъ принять участія въ подпискѣ, открытой для поднесенія Муравьеву образа архистратига Михаила [1]).

Послѣ этихъ громкихъ дѣлъ газета сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впередъ. Но итти еще дальше она уже не могла: кружилась голова. Мазаніэлло-Жаверъ журнализма, она дошла до безумія. Она, простой газетный листокъ, не могла вынести всей тяжести достигнутаго величія и могущества. Она накидывалась на все, что носило отдаленный признакъ независимости, съ такимъ же остервенѣніемъ, съ такою же злобою, съ какой упрекала правительство въ томъ, что оно пощадило дѣтей 14—15 лѣтъ, попавшихся между инсургентами, или что оно даровало слишкомъ большія права крестьянамъ, предоставивъ имъ судиться собствен-

[1]) Первый, имѣвшій мужество отказать въ своей подписи, былъ князь Суворовъ. Его примѣру послѣдовали Головнинъ и Валуевъ. *А. И. Г.*

нымъ судомъ. Она трепетала отъ негодованія при малѣйшемъ дуновеніи свободы, все равно: проносилось ли это дуновеніе въ Австраліи или Аргентинской республикѣ.

Скромный сеймъ собирается въ Финляндіи. Тамъ говорятъ о свободѣ печати, уничтоженіи смертной казни, мѣстныхъ интересахъ. «Московскія Вѣдомости» рысьими глазами слѣдятъ за каждымъ предложеніемъ, говорятъ о сеймѣ съ пѣною у рта и, когда сеймъ собирается вытянуть полегоньку изъ-подъ лапы медвѣдя какую-либо крупицу свободы, «Вѣдомости» уже тутъ, чтобы забить тревогу, оттѣнить, преувеличить все то, что хотѣли смягчить, сгладить.

Украинскіе писатели желаютъ печатать книги по-малорусски. Они не питаютъ особенныхъ симпатій къ Россіи... и не имѣютъ ни малѣйшихъ основаній питать ихъ. «Это—польская интрига,—выкрикиваютъ «Вѣдомости»,—они хотятъ отдѣлиться!» — «Замолчите,—кричатъ имъ со всѣхъ сторонъ,—или вы не знаете, что по теперешнему времени вы ведете людей прямо въ казематы!»—«Это меня не касается»,—отвѣчаетъ стоическая газета.

Въ покорной, скромной, жалкой палатѣ въ Берлинѣ раздаются маленькіе, слабые голоса въ защиту свободы... «Московскія Вѣдомости», этотъ международный церберъ, тотчасъ начинаютъ лаять.

Одного предположенія, что демократы толкаютъ копенгагское правительство на энергическое сопротивленіе, достаточно для газеты, чтобы обрушиться со всею силою на датскихъ демократовъ.

Прочія газеты едва ли заслуживаютъ, чтобы говорить о нихъ. Однѣ изъ нихъ, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы удержаться на линіи порядочности, но это имъ не удается, такъ какъ правительство частью не пропускаетъ статей, а частью, напротивъ, заставляетъ ихъ печатать сообщенія, изготовляемыя его агентами. Другія, какъ «Сѣверная Пчела», тянутся за «Московскими Вѣдомостями», стараясь достигнуть до ихъ *высоты* и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить всѣ аллюры разсудительнаго петербургскаго либерализма.

Объ одной только газетѣ слѣдуетъ еще упомянуть здѣсь. Изъ двухъ партій, которыя не присоединялись къ правительству, одна приведена была къ молчанію, почти совершено задавлена, другая, не отдаваясь правительству, жила въ мирѣ съ нимъ; мы говоримъ о московскихъ славянофилахъ и ихъ органѣ «Днѣ». Отношеніе этой газеты къ польскому вопросу почти ничѣмъ не отличается отъ «Московскихъ Вѣдомостей», только послѣднія, исходя изъ той точки зрѣнія, что народы и отдѣльныя личности служатъ лишь матеріаломъ для топки великой машины, называемой государствомъ, разсуждаютъ логичнѣе, чѣмъ «День», который исходитъ изъ діаметрально противоположной точки зрѣнія.

Ученіе славянофиловъ основывается на полномъ отрицаніи петербургской имперіи, на *уваженіи національностей*, на подчи-

неніи волѣ народной. Въ глазахъ славянофиловъ русская имперія, подобно Польшѣ, есть страна покоренная,—покоренная кучкой авантюристовъ, ренегатовъ, нѣмцевъ, которые со временъ Петра I и съ его помощью овладѣли правительствомъ. И вотъ органъ, долженствующій выражать такое мнѣніе, при первомъ крикѣ независимости одного изъ славянскихъ народовъ становится на сторону петербургскихъ нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаетъ сохранять свой обычный жаргонъ «московскаго фрондера», называя офиціальную Россію Russland, проводя различіе между *публикой* и *народомъ* и никогда не смѣшивая *любовь къ отечеству* съ *патріотизмомъ*, который представляетъ лишь любовь къ государству.

Извѣстная репутація редактора «Дня» И. Аксакова ставила его выше всякаго подозрѣнія; и, дѣйствительно, его византійская свирѣль была неподкупна въ то время, какъ правительство и его продажные органы разжигали международную злобу.

То, что другихъ побуждала дѣлать страсть къ интригѣ, то газета Аксакова дѣлала подъ вліяніемъ патріотической экзальтаціи; и простодушный человѣкъ, избѣгшій нечистой паутины полицейскихъ демагоговъ, попадалъ въ сѣти фанатизма.

Любовь къ отечеству, любовь къ государству... какъ ни мудри надъ этими схоластическими различіями, одно ясно: это—не любовь къ истинѣ, не любовь къ справедливости. Патріотизмъ всегда будетъ добродѣтелью, покоящейся на пристрастіи: онъ приводитъ иногда къ самопожертвованію и всегда—къ завистливому, алчному желанію, къ скаредному и эгоистическому консерватизму. Любовь къ ближнему недалека здѣсь отъ ненависти къ сосѣду.

IV.

Нашъ печальный очеркъ почти законченъ, и читатель въ правѣ спросить насъ, гдѣ же во всемъ этомъ литература? гдѣ новыя произведенія, новые таланты? гдѣ поэтъ, романистъ, мыслитель? Какіе созданы типы? Наконецъ, какіе идеалы, какой лиризмъ, какое страданіе нашли себѣ выраженіе въ искусствѣ?

Ничего подобнаго. Ни одного новаго дарованія не принесъ съ собой этотъ кровавый прибой, эти свинцовыя, черныя волны. Даже дарованія прежняго времени, которыя еще уцѣлѣли, теперь поблѣднѣли и сбились съ пути.

Нѣтъ болѣе книгъ въ Россіи, газеты все поглотили. Къ счастью еще, у насъ много переводятъ. Не имѣя своихъ капиталовъ, мы живемъ займами. Наша экзотическая цивилизація продолжаетъ быть предметомъ ввоза.

Какая-то тревога забирается въ душу, нарушаетъ покой, отнимаетъ спокойствіе, необходимое для труда и мысли. Ожиданіе реформъ, толчки дурной проселочной дороги, ретроградное дви-

женіе, ошибочные шаги правительства, постоянныя обѣщанія болѣе свободнаго закона о печати и постоянныя вмѣшательства безпорядочной цензуры, безъ единаго руководящаго начала,—все это, не говоря уже о возстаніи въ Польшѣ, поддерживаетъ лихорадочное и болѣзненное состояніе.

Мы присутствуемъ при всеобщемъ разложеніи, перестройкѣ.

Успѣетъ ли воплотиться въ жизнь новая форма, къ которой стремятся, не зная ея? Никто не отвѣтитъ на это. Одно ясно: мы не возвратимся назадъ, къ государству, основанному на крѣпостномъ правѣ, къ государству безъ народа. Но какое разстояніе, какая пропасть между нашими новыми стремленіями, превосходящими все, что гдѣ-либо существуетъ, предвосхищающими будущее, и призраками патріотизма XVI вѣка, съ его проповѣдью истребленія, крови и висѣлицы, имѣющею за себя большинство!

Самые выдающіеся люди предшествующаго періода растерялись подобно другимъ. Возьмите, напримѣръ, Ивана Тургенева. Онъ занялъ въ русской литературѣ видное и недавно еще независимое положеніе. Артистъ и наблюдатель, художникъ и фотографъ, онъ, по своему темпераменту, былъ далекъ отъ всякихъ партій, далекъ не въ смыслѣ нѣмецкаго отчужденія отъ реальнаго и бѣгства въ міръ фантастическій, нѣтъ, напротивъ, онъ бралъ свои краски и свои образцы изъ самой природы. Его очерки изъ жизни крѣпостныхъ, его поэтическая обвинительная рѣчь противъ крѣпостничества принесли огромное благо.

И, вотъ, онъ также покидаетъ свое спокойное созерцаніе и вдохновляется страстями, которыя бурлятъ вокругъ него; онъ становится человѣкомъ политики, онъ создаетъ, вмѣсто своихъ великолѣпныхъ картинъ во вкусѣ Рюисдаля, романы съ *тенденціями*, изъ которыхъ каждый тотчасъ же узнаетъ, какія именно тенденціи никогда не были его тенденціями. Его герои превращались мало-по-малу изъ живыхъ людей, какими они были раньше, въ ходульныхъ носителей мысли, скрытой за кулисами.

Увлеченный прогрессивнымъ потокомъ, Тургеневъ рисуетъ намъ агитатора, фанатика націонализма, принадлежащаго къ міру, который страждетъ, но не возмущается, болгарскаго заговорщика, мечтателя, освободителя *in spe*, но, который, будучи бѣлымъ негромъ между своими, не знаетъ, что дѣлать, и отправляется умирать еще очень молодымъ и, кашляя отъ чахотки, подобно Травіатѣ, на берега Адріатики [1]).

Подхваченный противоположнымъ теченіемъ, Тургеневъ пытается создать типъ передовой молодежи въ Россіи,—задача не только художественная, но еще и весьма нравоучительная. Авторъ хотѣлъ дать головомойку молодому поколѣнію, постоянно противоставляя ему поколѣніе предшествующее... которое, однако, не

[1]) «Наканунѣ».

отличалось вообще ничѣмъ, кромѣ своего пассивнаго ничтожества и своей хлопотливой безполезности [1]).

Время, типъ, все было выбрано неудачно. Романъ, появленіе котораго совпало съ возникновеніемъ реакціи, обрушивался на тѣхъ же самыхъ лицъ, что и она, высмѣивалъ тѣ же самыя идеи и тѣ же ошибки, такъ же преувеличивая ихъ, наконецъ, употреблялъ то же слово *нигилизмъ*, которымъ пользовались и московскіе реакціонеры, которые, уставъ называть своихъ противниковъ *матеріалистами*, изобрѣли терминъ *нигилистъ*, какъ бы желая тѣмъ подчеркнуть отягощающее вину обстоятельство, высшую степень матеріализма. А, между тѣмъ, этотъ терминъ, въ примѣненіи къ молодымъ людямъ, преданнымъ своему дѣлу, т.-е. наукѣ, былъ лишенъ всякаго смысла.

Мы понимаемъ еще, что можно говорить въ извѣстныхъ предѣлахъ о трагическомъ нигилизмѣ Шопенгауэра, этого философа смерти, или объ эпикурейскомъ нигилизмѣ безсердечныхъ созерцателей людскихъ страданій, этихъ праздныхъ свидѣтелей кровавой борьбы, держащихся въ сторонѣ и не принимающихъ никакого участія въ горестяхъ и страданіяхъ своихъ современниковъ. Но говорить о *нигилизмѣ* молодыхъ людей, пламенныхъ и преданныхъ, лишь дѣлающихъ видъ отчаявшихся скептиковъ, это—грубая ошибка.

Нигилизмъ, какъ понимаетъ его реакція, появился не со вчерашняго дня: Бѣлинскій былъ нигилистъ въ 1838 году,—онъ имѣлъ всѣ права на этотъ титулъ. Сынъ мелкаго пензенскаго чиновника, онъ прошелъ трудную школу, страдая отъ нищеты, пробиваясь черезъ всяческія препятствія, добывая себѣ одновременно и хлѣбъ, и знанія; и, несмотря на все это, онъ, уже въ 25 лѣтъ, взялъ на себя роль учителя и былъ признанъ, дѣйствительно, учителемъ всей учащейся молодежью въ Россіи. Его появленіе во главѣ умственнаго движенія было весьма знаменательнымъ. Онъ пришелъ не тайкомъ, онъ не старался вызвать забвеніе относительно своего происхожденія. Онъ выступалъ такимъ, каковъ былъ. Задолго до него изъ среды духовенства, чиновничества выходили ученые, литераторы, государственные дѣятели; но они сливались съ той средой, въ которую вступали. Теперь же обстоятельства измѣнились: не отдѣльные уже люди поднимались и карабкались на вершины, но уровень образованія, умственнаго пробужденія опускался все въ болѣе и болѣе низкіе слои.

Сынъ мелкаго чиновника, не желающій служить, какъ Бѣлинскій, сынъ священника, который становится свѣтскимъ дѣятелемъ, какъ Чернышевскій, наконецъ, бѣдный провинціальный дворянчикъ баринъ-пролетарій, какъ Гоголь, начинаютъ играть большую роль. Они не представляли собою ни третьяго сословія, ни вообще какого-нибудь класса, но живую среду, которая набирала

[1]) «Отцы и дѣти».

свою силу и снизу, и сверху. И чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ больше убѣждаемся, что именно этотъ неустойчивый слой, занимающій промежуточное положеніе между растущей безплодностью верховъ и некультурной плодовитостью низовъ, призванъ спасти цивилизацію для народа. Эти *новые люди* внесли въ литературныя формы нѣкоторую жестокость, раздраженіе, нѣчто рѣзкое, неумолимое; имъ недостаетъ снисходительности и иногда изящества. Это оскорбляетъ вкусъ пуристовъ, не говоря уже объ обидчивости камергеровъ отъ литературы.

Бѣлинскому, а также Гоголю,—этому единственному геніальному человѣку послѣдняго періода царствованія Николая,—ставили въ упрекъ именно то, въ чемъ реакція упрекаетъ въ настоящее время *нигилистовъ*. И тотъ, и другой своимъ пыломъ, своими подчасъ вульгарными образами, эксцентричностями, неумѣренностью выраженій шокировали многихъ. Бѣлинскій своей страстностью безконечно переходилъ границы всего того, что допускалось въ салонахъ. Непреоборимый пылъ увлекалъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и всю молодежь. Съ перомъ въ рукѣ, в своихъ импровизаціяхъ, которыя трепетали отъ негодованія, которыя обвиняли, метали анаѳемами «въ свинцовый сводъ, давившій его», онъ не имѣлъ времени принарядиться въ бѣлый галстукъ, да онъ и не хотѣлъ наряжаться. «Для этого человѣка нѣтъ ничего святого, ничего, заслуживающаго уваженія», кричали литературные авторитеты. Это—нигилистъ, сказали бы они теперь на реакціонномъ жаргонѣ нашего времени.

Но серьезная сторона, сторона трагическая, происхожденіе той черты, которую они преслѣдовали въ Бѣлинскомъ, эта горечь, бродившая въ его крови,—вотъ что ускользало отъ пониманія его строгихъ судей. Они всегда обращали вниманіе на формы и никогда не задавали себѣ вопроса, откуда же въ немъ это разлагающее начало, которое причиняло столько разрушеній и вызывало столько надеждъ. Исторія *нигилиста* имъ была неизвѣстна.

Будучи ребенкомъ, онъ испытываетъ въ своей жизни рядъ несправедливостей. Ставши юношей, онъ, подъ давленіемъ враждебныхъ силъ, отрекается отъ своей юности; въ возрастѣ, когда душа раскрывается всему міру, онъ недовѣрчивъ, и въ ту пору жизни, когда больше всего нуждаются въ поддержкѣ, онъ разсчитываетъ лишь на свои силы. Оскорбленный тысячи разъ, онъ боится людей и въ особенности тѣхъ, которые являются dona ferentes [1]). Онъ питаетъ отвращеніе къ тому міру, который унизилъ его отца и обезобразилъ его мать. Терзаемый скептицизмомъ, онъ старается выработать себѣ холодную мысль и дерзкую рѣчь; но молодое сердце его переполняется, онъ жертвуетъ собою, онъ погибаетъ, отрицая самопожертвованіе.

[1]) Приносящими дары.

Что за задача—раскрывать истину съ терпѣніемъ Агассиса, наблюдающаго день и ночь зародышъ черепахи, улавливать связь, существующую между горечью сына и лихоимствомъ, неизбѣжнымъ воровствомъ отца, изслѣдовать, какъ слезы матери превращаются въ соціалистическія мечты! Да, подобная задача стоила труда. Но для этого надо было быть независимымъ отъ какихъ бы то ни было вліяній.

А Тургеневъ сдѣлалъ изъ своего нигилиста «буку-племянника», надѣленнаго кучею всяческихъ пороковъ, какіе только мы знаемъ, пороковъ, которые онъ боится изслѣдовать глубже ихъ наружнаго покрова.

Его герой быстро проходитъ передъ вами... не имѣя даже времени реабилитировать себя въ вашихъ глазахъ. Судьба этого невѣроятнаго «нигилиста» столь же несчастна, какъ и судьба невозможнаго болгарина: авторъ отдѣлывается отъ него на манеръ Брута, онъ убиваетъ его тифомъ. Спорный вопросъ, тяжба «отцовъ съ дѣтьми», процессъ между *людьми вялыми, людьми фатами и наглецами* не могъ закончиться за отсутствіемъ сторонъ. Нигилистъ и болгаринъ ничего не сдѣлали; они едва вступили на свое житейское поприще, откуда еще была видна школьная дверь, только-что закрывшаяся за ними.

Случается, что люди умираютъ очень молодыми, это правда, но въ такомъ случаѣ они не успѣваютъ сдѣлаться типами; а если и становятся, то лишь типами хрупкости человѣческаго тѣла.

И, все-таки, этотъ романъ Тургенева—единственное замѣчательное произведеніе новой литературной фазы... литературы консервативной. Заглядывайте, сколько вамъ угодно, въ караванъ-сараи нашихъ ежемѣсячниковъ, этихъ огромныхъ сборниковъ... вы не найдете тамъ ничего, ничего, кромѣ того, можетъ быть, что цензура оставила по ту сторону и о чемъ надо догадываться; ничего, кромѣ труизмовъ и завываній патріотическаго шакала.

Оживленная дѣятельность, вызванная первымъ пробужденіемъ послѣ смерти Николая, не породила великихъ произведеній, но она замѣчательна по многочисленности усилій, по воодушевленію, по множеству затронутыхъ вопросовъ. Не слѣдуетъ забывать, кромѣ того, что эта эпоха оставила намъ одну страшную книгу, своего рода *carmen horrendum* [1]), которая всегда будетъ красоваться надъ выходомъ изъ мрачнаго царствованія Николая, какъ извѣстная надпись Данте надъ входомъ въ адъ: это — „Мертвый домъ“ Достоевскаго, страшное повѣствованіе, относительно котораго авторъ, вѣроятно, и самъ не подозрѣвалъ, что, очерчивая своей закованной въ кандалы рукой фигуры своихъ сотоварищей-каторжниковъ, онъ создавалъ изъ нравовъ одной сибирской тюрьмы фрески à la Буонарроти.

[1]) Пѣснь, наводящую ужасъ.

Наряду съ этой книгой ужасовъ мы должны поставить драму Островскаго „Гроза".

Въ этой драмѣ авторъ проникъ въ глубочайшіе тайники *неозападничавшейся* русской жизни и бросилъ внезапный лучъ свѣта въ невѣдомую душу русской женщины, этой безгласной, которая задыхается въ тискахъ неумолимой и полудикой жизни патріархальной семьи. Островскій уже раньше избиралъ предметомъ своихъ произведеній соціальный слой, лежащій ниже образованнаго общества, и выводилъ на сцену поражающія правдой фигуры. Глядя на героевъ, которыхъ онъ выловилъ въ стоячихъ и разлагающихся водахъ буржуазіи, на всѣхъ этихъ пьяницъ-отцовъ семейства, на этихъ воровъ, осѣняющихъ себя крестнымъ знаменемъ, на этихъ глупцовъ и плутовъ, тирановъ и холоповъ, думаешь, что ушелъ далеко отъ жизни человѣческой и находишься среди медвѣдей и кабановъ. И, однако, какъ ни низко палъ этотъ міръ, что-то говоритъ намъ, что для него есть еще спасенье, что онъ таитъ его въ глубинѣ своей души, и это что-то, это *ignotum*, чувствуется въ „Грозѣ". Тутъ чувствуется возможное оправданіе; никакой голосъ съ неба не возвѣщаетъ, какъ въ „Фаустѣ" Гете, отпущенія грѣховъ, но всѣ: и печать и публика содрогнулись.

Странное совпаденіе: поэтъ выступилъ въ защиту такого отпущенія наканунѣ дня, когда оно должно было понадобиться самой Россіи; его драма была какъ бы заключительной пьесой. И послѣ возгласа о прощеніи дикой жизни наступаетъ безстыдство пивилизованнаго патріотизма.

Не было ли это знаменіемъ, что Россія императорская, Россія военная и дворянская, Россія по завѣщанію Петра I окончила свое существованіе? Можетъ быть. Не по этой ли причинѣ всѣ прегрѣшенія, всѣ мерзости, накопившіяся въ теченіе полуторавѣкового ея существованія, поднимаютъ свою гнусную голову и, предчувствуя свой близкій конецъ, цѣпляются за руль, чтобы повернуть судно назадъ?

Гакстгаузенъ взялъ за motto къ своей книгѣ двѣ русскія пословицы: «Сидѣть у моря и ждать погоды» и «Отъ одного берега отстать, а къ другому не пристать». Вестфальскій баронъ примѣнялъ первую пословицу къ Россіи, а вторую къ Европѣ; это было въ 1846 г. Время шло, и вотъ теперь Европа сидитъ на берегу моря... не ожидая хорошей погоды и подводя счетъ своимъ кораблекрушеніямъ. Россія покинула гавань и плыветъ по прихоти вѣтровъ. Достигнетъ ли она другого берега? И какой это другой берегъ?.. Кто это знаетъ!

Нѣтъ ничего рѣшеннаго, нѣтъ ничего вѣрнаго. Змѣя мѣняетъ свою кожу и—мы твердо знаемъ это,—никогда не облечется вновь въ старую.

2400. Письмо къ Н. А. Огаревой.

№ 2. 14 іюня (1864), утромъ.
Elmfield House.

За что же, Natalie, ты насъ такъ мало балуешь?—ни слова; неужели въ цѣлое воскресенье не было минуты сказать что-нибудь о дѣтяхъ, даже адресъ квартиры написать? Впечатлѣніе отъ ѣзды въ дурномъ расположеніи и безмѣрно-скучныя tracasseries [1]) укладки меня расположили очень грустно. Мнѣ жаль, что ты не знаешь, гдѣ, въ какихъ сторонахъ и углахъ у меня потребность и вниманія, и нѣжности. Ты не была права въ послѣдней вспышкѣ,—намѣреніе и все у меня было и чисто и хорошо. Мнѣ, вообще, вѣрилось, что мы хорошо встрѣтимъ дѣтей. Ну, а теперь больно... Дай же руку, сдѣлай такъ, чтобъ въ твоемъ письмѣ я понялъ, что все непріятное совсѣмъ, *совсѣмъ* стерто, и я ее горячо и съ любовью приму. Если ты напишешь сегодня или завтра до 10 утра, я получу еще въ Elmfield House,—16-го сдача.

Отъ дѣтей письмо изъ Милана отъ 9. Они думаютъ въ Женеву пріѣхать 12 и въ Парижъ—15, оттуда будутъ писать. А я Львицкому послалъ еще инструкціи.

Жюль забылъ отослать *три огромныхъ* ящика. Чернецкій еще менѣе Тхор. способенъ на какое-нибудь дѣло. Картины доѣхали sain ei sauf [2]). Жюль можетъ явиться къ вамъ днемъ раньше. Ага собирается ѣхать въ тотъ же день, какъ и я, но особо. Какъ ты расположила комнаты? Помни, другъ мой, что я готовъ нанять возлѣ одну спальню для себя; внизу одну гостиную надобно отдать подъ спальню Ог. Помнится, возлѣ, рядомъ въ домѣ есть lodging [3]).

Отчего вы не останавливались въ Sandhin'ѣ, а въ трактирѣ?

Ключъ отъ посланнаго чемодана пошлю ужо. Колясочка послана, о дѣтскихъ постеляхъ жду приказа.

Ну что же Леля и Леля-б..? неужели правда, что они купались? Надобно тамъ абонироваться, тогда дешевле.

Что домъ взяла ты на мѣсяцъ, очень хорошо. Прощай. Жду твоего письма очень съ полнымъ, *полнымъ* миромъ,—мнѣ это нужно.

Оторви это Лизѣ.

2401. Н. Г. Чернышевскій.

Чернышевскій осужденъ на *семь лѣтъ каторжной работы* и на вѣчное поселеніе. Да падетъ проклятьемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную

[1]) Мелкіе хлопоты
[2]) Цѣлы и невредимы
[3]) Квартира.

журналистику, которая накликала это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она пріучила правительство къ убійствамъ военноплѣнныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи къ утвержденію сентенцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди-трава, люди-слизняки говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами!

«Инвалидъ» недавно спрашивалъ, гдѣ же *новая Россія*, за которую пилъ Гарибальди. Видно, она не вся «за Днѣпромъ», когда жертва падаетъ за жертвой... Какъ же согласовать дикія казни, дикія кары правительства и увѣренность въ безмятежномъ покоѣ его писакъ? Или что же думаетъ редакторъ «Инвалида» о правительствѣ, которое безъ всякой опасности, безъ всякой причины разстрѣливаетъ молодыхъ офицеровъ, ссылаетъ Михайлова, Обручева, Мартьянова, Красовскаго, Трувеллера, двадцать другихъ— наконецъ, Чернышевскаго въ каторжную работу?

И это-то царствованіе мы привѣтствовали лѣтъ десять тому назадъ!

P. S. Строки эти были написаны, когда мы прочли слѣдующее въ письмѣ одного очевидца экзекуціи: «Чернышевскій сильно измѣнился; блѣдное лицо его опухло и носитъ слѣды скорбута. Его поставили на колѣни, переломили шпагу *и выставили на четверть часа у позорнаго столба*. Какая-то дѣвица бросила въ карету Чернышевскаго вѣнокъ; ее арестовали. Извѣстный литераторъ П. Якушкинъ крикнулъ ему: «прощай!»—и былъ арестованъ. Ссылая Михайлова и Обручева, *они* дѣлали выставку въ 4 часа утра, теперь—бѣлымъ днемъ!..»

Поздравляемъ всѣхъ различныхъ Катковыхъ, — надъ этимъ врагомъ они восторжествовали! Ну что, легко имъ на душѣ?

Чернышевскій былъ вами выставленъ къ столбу на четверть часа[1]), а вы, а Россія на сколько лѣтъ останетесь привязанными къ нему?

Проклятье вамъ, проклятье, и, если возможно—месть!

2402. Письмо изъ Москвы.

Наконецъ-то, пришла вѣсть изъ Москвы; хорошаго ничего нѣтъ, но спасибо, что не совсѣмъ забыли. Въ письмѣ описываютъ безгласно оставшуюся дуэль Леонтьева съ гласнымъ[2]) и усердные

[1]) Неужели никто изъ русскихъ художниковъ не нарисуетъ картины представляющей Чернышевскаго у позорнаго столба? Этотъ обличительный холстъ будетъ образъ для будущихъ поколѣній и закрѣпитъ шельмованье тупыхъ злодѣевъ, привязывающихъ мысль человѣческую къ столбу преступниковъ, дѣлая его товарищемъ креста. *А. И. Г.*

[2]) 26 февраля состоялась дуэль между П. М. Леонтьевымъ и старшиною дворянства въ московской всесословной думѣ С. Н. Гончаровымъ; причина—нелѣпая статья Каткова о думѣ.

подвиги Всеволода Костомарова. Его стараніями былъ взятъ купецъ Басовъ за то, что у него нашли лондонскія изданія, и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Партіи польскихъ арестантовъ, проходящихъ черезъ Москву, очень многочисленны. Ихъ содержатъ отвратительно. Имъ отведены *лѣтнія* помѣщенія военнаго госпиталя и развалившаяся фабрика у Калужскихъ воротъ (нѣкогда принадлежавшая Титову), холодная и угарная. Чему дивиться, что «Таймсъ» говоритъ, что изъ партіи поляковъ въ 160 чел. пришло въ Пермь 40!

Далѣе, мы изъ письма узнали имя одного почтеннаго іеромонаха православной церкви. Читатели наши, вѣроятно, помнятъ, что въ 27 л. «Общаго Вѣча» мы перепечатали изъ «Моск. Вѣд.» отъ 18 января отвратительный случай, бывшій въ духовномъ училищѣ, въ какомъ именно, разумѣется, скрыто. Негодяй смотритель страшнымъ образомъ истязалъ ученика за то, что онъ не записалъ его бѣлья, отданнаго прачкѣ. Мальчикъ 13 лѣтъ, изуродованный наказаніемъ, впалъ въ помѣшательство. Мы имѣемъ возможность теперь прибавить имена главнаго актера и его укрывателей. Вотъ что намъ пишутъ: «Этотъ случай былъ въ Москвѣ, въ училищѣ при московскомъ Донскомъ монастырѣ; имя смотрителя—Савва [1]); онъ іеромонахъ, былъ уже за подобный поступокъ подъ слѣдствіемъ, но оправданъ. Теперь, по просьбѣ отца изуродованнаго мальчика, поданной митрополиту (отецъ сельскій священникъ московской епархіи), производится слѣдствіе архимандритомъ Іаковомъ, и теперь онъ, вѣроятно, будетъ опять оправданъ. Онъ не только что не удаленъ отъ должности смотрителя, но надѣется даже оправдаться и *получить награду. Все будетъ покрыто* митрополитовой мантіей [2]). Избитый ученикъ въ московской городской больницѣ; медики говорятъ, что въ разсудокъ онъ не придетъ и что жизнь его продолжится не менѣе года; раны до сихъ поръ заживить не могутъ. Училище это находится въ самомъ жалкомъ видѣ и только крайность сельскаго духовенства заставляетъ помѣщать туда своихъ дѣтей. Митрополитъ очень недоволенъ, что и эту замѣтку помѣстили въ «Моск. Вѣд.», и говорятъ, писалъ объ этомъ Головнину.

2403. Отечественныя маргаритки.

(Ползаніе на колѣняхъ, цѣлованіе ногъ, гуманность «Моск. Вѣдомостей» и ихъ доносъ на чугуевское начальство).

Русскіе журналы разсказываютъ, что одна изъ депутацій польскихъ крестьянъ, возвратясь въ Варшаву, представлялась

[1]) Протоіерей А. Е. Нечаевъ.

[2]) Такъ и случилось; ср. «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета», т. V, ч. 2, 534—535.

Бергу и, послѣ обыкновенныхъ поученій съ одной стороны и поклоновъ—съ другой, одинъ крестьянинъ «опустился на колѣни» и поползъ черезъ всю залу къ Бергу; за нимъ стали ни колѣни остальные и тоже *поползли на колѣняхъ* для того, чтобы поцѣловать «ноги и одежду храбраго генерала». Бѣдный, забитый народъ!.. Да зачѣмъ же не нашлось настолько человѣческаго декорума, чтобы скрыть это страшное ползанье на колѣняхъ?!

Въ pendant и къ характеристикѣ ползающихъ депутатовъ «Кельнская Газета» упоминаетъ о приказѣ Берга или другого начальника по гминамъ, изъ которыхъ ѣздили депутаты, что за всякое оскорбленіе, нанесенное имъ или ихъ собственности, вся гмина будетъ отвѣчать... Развѣ они выбрали самыхъ ненавистныхъ людей въ депутаты, такихъ, какихъ хуже нѣтъ въ селѣ?

«Москов. Вѣд.» въ полномъ цвѣту; опять каждый листъ покрытъ доносами, намеками, рабской лестью Муравьеву, какой-то полицейской фуріей. Между прочимъ, пожалѣвъ о томъ, что Муравьевъ не генералъ-губернаторомъ въ Новороссійскомъ краѣ, и разсказавъ рядъ грабежей, помѣщичьихъ дракъ[1]), происшедшихъ оттого, что не онъ тамъ начальствуетъ, редакція помѣщаетъ слѣдующій разсказъ: «Къ преступникамъ у насъ есть какая-то *чрезмѣрная снисходительность*. Въ Чугуевѣ, надъ Осиновскою горою въ четвергъ на первой недѣлѣ поста казненъ рядовой Изюмскаго гусарскаго полка, стоявшаго въ Купянскѣ, Емельянъ Пухневичъ, 35 лѣтъ, малороссъ, за буйство противъ дежурнаго по острогу офицера, котораго даже ударилъ онъ цѣпями. За день до разстрѣлянія онъ накупилъ свѣчъ, обставилъ ими свою камеру въ чугуевской гауптвахтѣ, сталъ служить по себѣ панихиды и громогласно заявлять любопытствующимъ посѣтителямъ, что его казнятъ понапрасну, а что виноватъ офицеръ и его оклеветали передъ судомъ. Это же онъ повторялъ еще громче съ какой-то импровизованной колесницы, на которой его отправили на мѣсто казни. Огромная толпа народа, в особенности женщинъ, шла за телѣгою въ нервическомъ раздраженіи отъ словъ Пухневича, плача и твердя: «бѣдный, бѣдный мученикъ!,»—а тотъ повторялъ: «православные, братцы, молитесь за меня, гибну понапрасну, не виноватъ ни въ чемъ!» Близъ столба, у сырой ямы, куда онъ печаянно-тоскливо взглядывалъ, Пухневичъ продолжалъ держать спичи о своихъ судьяхъ, поклонился въ землю на четыре конца свѣта, обращался съ просьбами къ солдатамъ и палачамъ и т. д. Коли онъ завѣдомо лгалъ и бунтовалъ слушателей, какъ же не пробить бы барабанную дробь? Я въ минуту этой казни былъ въ

[1]) Скоро «Моск. Вѣд.» будутъ увѣрять свою публику, что если гдѣ неурожай, это оттого, что Муравьевъ не тамъ губернаторомъ; что если рѣка выступила за берегъ, то это оттого, что нѣтъ Муравьева. Мы одно средство и знаемъ, чтобъ помочь горю, это—сдѣлать Муравьева генералъ-губернаторомъ всѣхъ губерній, но такой генералъ-губернаторъ называется *императоромъ всероссійскимъ*. *А. И. Г.*

Чугуевѣ, дивился *добротѣ и простотѣ нынѣшнихъ его властей* и окончательно пожалѣлъ о такой развязкѣ дѣла, когда на другой же день окрестности заговорили, что надъ могилой Пухневича ночью стала горѣть сама собой свѣчка».

Безчеловѣчнѣе строкъ намъ рѣдко случалось читать.

2404. Наши прогрессы.

Частныя письма и «Кельнская Газета» говорятъ, что государь принялъ Муравьева холодно. Торговая казнь кончена,—и кнутъ подъ лавку! Не пошлютъ ли его, до поры до времени опять отмачивать въ нѣмецкихъ горькихъ водахъ? Однако, интересно, за что же, несмотря на мощную протекцію Каткова, государь охладѣлъ къ *кату?*.. Ужъ не завелась ли тутъ ревность? Нѣтъ ли зависти? Государь теряетъ монополію на идолопоклонство, царская фамилія—на исключительность, Константинъ Николаевичъ, проѣзжая въ Вильнѣ, не вышелъ изъ вагона, а подозвалъ Муравьева, и вотъ Муравьевъ тоже не вышелъ изъ вагона и подозвалъ Петербургъ, а потомъ дозволилъ, безъ высочайшаго разрѣшенія, нести себя, какъ папу римскаго, въ креслахъ,—эдакъ, пожалуй, онъ сядетъ и на другое кресло и возьметъ Александра Николаевича на руки, какъ Петръ I французскаго короля! Рѣшительно—на горькія воды катковскаго протеже... Что-то сдѣлаетъ тогда Катковъ-*Вѣрный*? Останется ли онъ грязью на сапогахъ Александра Николаевича или баннымъ листомъ присохнетъ на крови казненныхъ къ Михаилу Николаевичу? А, впрочемъ, по-человѣчески судить,—какъ не измѣнить въ пользу человѣка, посылающаго Чернышевскаго на каторжную работу.

Во всякомъ случаѣ, мы не совѣтуемъ Потапову пускать Муравьева въ Москву, а то, въ самомъ дѣлѣ, до бѣды недалеко, и Михаилъ Николаевичъ до того занеможетъ въ грановитой палатѣ, что сядетъ на кресла Михаила Ѳедоровича. Разсказываетъ же одинъ журналъ, что какой-то сенаторъ К—нъ, осмѣлившійся не одобрять ни мѣръ Муравьева, ни поддержку ихъ развратной прессой, былъ обругапъ Катковымъ и приглашенъ членами московскаго англійскаго клуба (гдѣ происходила эта сцена) оставить клубъ! Этотъ фактъ послѣ извѣстныхъ тостовъ, образовъ, церквей и передъ хлѣбомъ, который привезла Блудова [1]), очень замѣчателенъ. Онъ и намъ даетъ поученіе. Пора оставить всѣхъ Видоковъ литературы и Картушей императорской службы. Всѣ они вмѣстѣ съ Александромъ въ порфирѣ и съ Муравьевымъ въ одышкѣ блѣднѣютъ передъ патріотической шляхтой нашей, передъ вдовствующимъ по крѣпостному праву и голодающимъ дворян-

[1]) Антонина Дмитріевна.

ствомъ нашимъ. Вотъ куда должно быть обращено все вниманіе, вся заботливая любовь. Однѣ бабы лѣчатъ застарѣлыя болѣзни въ ихъ язвахъ... Раны—однѣ послѣдствія, онѣ не могутъ не быть, онѣ свидѣтельствуютъ о гнилой крови организма и ядѣ, текущемъ въ его жилахъ.

Правительство обойдено,—для насъ это ясно. Если бъ въ этотъ двѣнадцатый часъ для спасенія чести царя, освободившаго крестьянъ, умѣлъ бы остановиться государь... Но чего же можно ждать отъ человѣка, который недавно велѣлъ студентамъ Медико-хирургической академіи не носить воротничковъ и коротко стричь волосы?

2405. Русское шпіонство въ Женевѣ.

Въ «Carillon de Saint Gervais» написано, что на какомъ-то годичномъ празднествѣ въ русской часовнѣ какой-то господинъ защищалъ «Колоколъ». Его, говоритъ «Carillon», схватили на границѣ и сослали... Все это въ порядкѣ вещей, но кто же донесъ? Мудрено ли добраться?.. Батюшка, благословите узнать,—не безызвѣстны же вамъ нарицанія православныхъ овецъ вашихъ, бывшихъ на годичномъ празднествѣ.

2406. Ссылка А. П. Ермолова въ Муравьевы.

«Московскія Вѣдомости», распространяя справедливое преслѣдованіе всего либеральнаго и оппозиціоннаго, перешли отъ живыхъ къ мертвымъ. Первый, попавшійся на ихъ полицейское наказаніе,—благородный А. П. Ермоловъ; его онѣ приравняли къ виленскому Муравьеву.

2407. (Школа правовѣдѣнія).

«Кельнская Газета», говоритъ, что два высшихъ класса Школы правовѣдѣнія закрыты за то, что ученики отказались лобызать руку священника, преподающаго логику (кажется, не слѣдовало бы поручать человѣку вѣры науку мысли).

Неужели и это правда?

2408. Für den Livlandischen Adelstag hoch!

Hip!.. hip!.. hip!..[1]).

Риттеры Лифляндіи, столпы нашей бюрократіи, полиціи и экзекуціи, идеалъ нашихъ экзерциргаузовъ, шагистики и цивили-

[1]) Слушай!

заціи, учителя наши въ военной дисциплинѣ и въ канцелярскомъ порядкѣ, сей кубокъ sparkling Hock [1]) пьемъ мы за ваше здоровье и въ память всего родословнаго древа вашего и тѣхъ благородныхъ тевтонскихъ рыцарей, отъ которыхъ пошли юнкера Пруссіи, Ливіи, Эстіи, Куріи, которымъ богъ Лютера и Вальтера (суперинтендента) [2]) предназначилъ остановить потокъ революціи мекленбургской палкой!

Мы пьемъ за васъ, оправдавшихъ на вашемъ ландтагѣ 1864 все, что мы говорили о нѣмцахъ вообще и о балтійскихъ въ особенности!..

Вы удивили «Кельнскую Газету»!

Вы заслужили репримандъ «Норда»!

Вашъ патріотизмъ поставленъ въ образецъ in «der Moskauschen Zeitung» [3]).

Хвала вамъ! и бога ради не уступайте ни шагу, не слушайте никакихъ сиренъ прогресса, оставайтесь Junkerparadies'омъ [4]), какъ васъ назвала «Кельнская Газета».

А главное—не забудьте при помощи прусскихъ брудеровъ распространить цѣлебныя начала феодализма и сословности въ Schleswig-Holstein'ѣ meerumschwungen, stammverwandt [5]).

2409. Аксаковъ въ гостяхъ у Каткова.

Похвальная ревность «Дня» не осталась безъ вознагражденія отъ попечительнаго начальства: 99 № «Москов. Вѣдомостей» перепечаталъ на листахъ своихъ краснорѣчивѣйшія мѣста изъ хвалебной статьи Муравьеву, помѣщенной въ «Днѣ». Союзъ двухъ передовыхъ патріотовъ невольно радуетъ сердца всѣхъ любящихъ Русландію и Россію. Петръ и государство ихъ раздѣляютъ, но Муравьевъ соединяетъ. [1]

◆◆ 1. Въ томъ же № «Колокола» напечатано объявленіе о скоромъ выходѣ въ Женевѣ сербскаго радикальнаго журнала «Слобода», подъ редакціей Владиміра Іовановича. Послѣдній былъ у Герцена до этого и сообщилъ ему, что 26 января 1864 г. А. И. съ Чернышевскимъ, Маццини, Гарибальди и Кобденомъ избраны почетными членами «Дружества Сербской Словесности», за что и самое общество было закрыто. По свидѣтельству І. Скерлича и С. Марковича, сербская молодежь, примыкавшая къ «Объединенной Сербской Омладинѣ», очень серьезно читала Герцена. «Пустота

[1]) Пенящееся рейнское вино.
[2]) Органъ церковнаго надзора еванг.-лютеран. церкви.
[3]) «Московскія Вѣдомости».
[4]) Раемъ юнкеровъ (аграріевъ).
[5]) Соплеменный, укачиваемый моремъ Шлезвигъ-Гольштейнъ.

нашего незнанія—говоритъ одинъ изъ современниковъ той эпохи—раскрывалась передъ нами во всей своей глубинѣ, и наше убожество выступало во всей своей наготѣ; идолопоклоничество передъ авторитетами пропадало безслѣдно, и открывались передъ нами идеальныя перспективы реальной работы» (Скерличъ, «Омладина», «С. Марковичъ»; «Гол. Минувш». 1913, III, 34—36).

Точно также и болгарское общество знало Герцена и цѣнило его. «Въ новой культурной исторіи Болгаріи Герценъ занимаетъ очень видное мѣсто, хотя его значеніе и вліяніе у насъ осталось почти не отмѣченнымъ» (Тодоровъ, «А. И. Герценъ», Софія, 1910).

2410. Новая фаза въ русской литературѣ.

Въ 44 и 45 №№ «La Cloche», выходящемъ въ Брюсселѣ, напечатана статья Искандера подъ заглавіемъ «Une nouvelle phase de la littérature russe». Статья эта, имѣющая цѣлью ознакомить Европу съ *настоящимъ* положеніемъ нашей публицистики, можетъ, не лишена интереса и для русскихъ читателей; мы поэтому не сочли неумѣстнымъ объявить о ней въ «Колоколѣ».

2411. Письмо Н. А. Огаревой.

20 іюня (1864).
Cavendish Hotel, Jermyn Str.

Другъ мой, я самъ стремлюсь и рвусь къ вамъ, но слѣдуетъ же прежде подождать вѣсти. Не придетъ ли она прямо въ Вогпет., какъ письмо Левицк. Тогда ты тотчасъ посылай къ Тхоржевск. Ог. сегодня отправился и, вѣроятно бы, доѣхалъ спокойно, если бы ѣхалъ, но онъ разбиваетъ дорогу на нѣсколько частей и, можетъ, придетъ не ранѣе, какъ завтра. Если я получу (въ 12 часовъ) почту и будетъ ясно, что они до среды не могутъ пріѣхать въ Парижъ, я пишу приказъ Левиц. и поѣду, если успѣю, разомъ или до Соутамг., а не успѣю—поѣду завтра послѣ почты (разумѣется, если письма будутъ того рода). Если сегодня останусь, пойду въ St. James's театръ смотрѣть Malhews и Робсона вмѣстѣ.

Итакъ, письмо Мейзенб. тронуло тебя. Держись же, держись же на этой линіи, я поддержу тебя—и я, и Ог. Сдѣлай, чтобъ мнѣ было не страшно вѣрить и вольно дышать, не боясь тучъ. Ты видишь, какая колоссальная ошибка тебѣ раскрылась въ твоемъ отношеніи не только съ Мейз., но со мной, и какъ тебѣ было легко однимъ кроткимъ словомъ (и наблюденіемъ за собой) кончать лаской ссоры, износившія насъ, Ог., захватившія дѣтей и чуть не всю карьеру нашу.

Прощай, буду ждать писемъ; меня сильно начинаетъ безпокоить переѣздъ по горамъ.

Ни писемъ, ни журналовъ не надобно посылать, а класть къ мѣсту—и Ага прошу объ этомъ.

☞ NB. Послѣднее письмо было безъ моего имени, и потому Тхоржевскій принесъ его распечатаннымъ и, показавъ пакетъ, сказалъ, что началъ читать, но, увидя, что написано *ты*, принесъ мнѣ. Впередъ надобно, m-me, писать и мое имя да и имя Тх. такъ: Tchorzevsky, а не Torgewski,—всякая вещь должна называться сама собой, а Chernietzki—Czerniecki, это и Ага не мѣшаетъ знать. За кроватки ты хорошо сдѣлала, что не платила, удержи Огарева до справки.

Что дѣти купаются, это необыкновенно хорошо. Да какъ это тамъ горничной нѣтъ? Выписывать—такъ не лучше ли Мими?

Если домъ не нравится, ищи къ сроку, а, впрочемъ, во всякомъ случаѣ больше двухъ мѣсяц. не проживемъ.

2412. Письмо къ С. Тхоржевскому.

23 іюня (1864), четвергъ.
Bryanston House, Bournemouth.

Любезнѣйшій Тхоржевскій,

Наши пріѣхали 21 въ Парижъ и сегодня ѣдутъ в Дувръ и изъ Дувра прямо въ Соутомтонъ, въ 6—55 онѣ будутъ в Christ Church'ѣ. Я счелъ обязанностью тотчасъ извѣстить васъ, а то и вы, я думаю, безпокоитесь. Здѣсь все ладно, домъ превосходный, тихо, какъ въ монастырѣ; два мѣсяца проживемъ, какъ ничего.

Еще разъ благодарю васъ, отче Станиславе, за всѣ хлопоты последняго времени; я затормошилъ васъ,—пошли вамъ богъ за это лучшую гаймаркетскую клубнику [1]).

Скоро первое іюля. Попросите Трюбнера «Journal des Débats» не продолжать, а «Nord» и «Кельнскую» надобно. Какъ вы думаете, стоитъ или нѣтъ мѣнять адресъ? можетъ, и лучше назначить прямо въ Bournemouth?

Получилъ отъ гр. Замойскаго письмо, объясняющее, что онъ не могъ достать паспорта.

А вотъ и ваше письмо пришло; почта здѣсь отходитъ въ 8 утра и 8 вечера, письмо у меня осталось.

Прощайте,
преданный Вамъ
А. Г.

[1]).Т. е. красивую «камелію», которыя фланировали по этой улицѣ.

Огар вамъ кланяется. Н. Ал. повторяетъ, что есть комната.

P. S. Подпишитесь для меня до 1 августа на «Express», чтобъ посылали только съ вечера, тогда я утромъ въ 8 буду получать.

2413. Письмо редактору «La Cloche».

19 juin 1864 Jermin.
Londres. Cavendish Hotel Str.

Cher monsieur Fontaine, Le correspondant russe de «l'Indépendance Belge» communique à son journal ce qui suit:

«Mercredi dernier a eu lieu, sur une des places du Vieux-Pètersbourg, près de la forteresse, une bien triste cérémonie. M. Tchernychevsky, journaliste, auteur de romans et de comédies, homme d'un talent réel, *mais* d'opinions avancées, accusé d'avoir rédigé et distribué des proclamations tendant au renversement du gouvernement établi, et même d'avoir *pris une part ptus ou moins directe aux incendies qui désolèrent Saint-Pétersbourg, en 1862*, a été condamné, etc. etc.»

Ce qui nous frappe et nous offense dans ces lignes, c'est la répétition de ce soupçon absurde, monstrueux et maintenant complètement oublié «d'avoir pris une part plus ou moins directe aux incendies de Saint-Pétersbourg en 1862».

L'enquête (vons le savez, d'après ce que nous avons dit dans «la Cloche») a été un grand crime et un plus grand fiasco du gouvernement—et on revient encore, à propos d'une cruauté mesquine et horrible envers un homme de la taille de Tchernychevsky, réchauffer le vieux conte de la complicité morale d'hommes qui ne voulaient que le bien du peuple. Le procès des incendiaires s'est perdu en fumée; il n'y a pas eu un seul coupable.

Remarquez-le bien, ni la condamnation du Sénat, ni les condamnations du Conseil d'Etat, ni les termes de la *magnanime* commutation en sept années de travaux forcés, ne font du tout mention de l'affaire des incendies, et certes le gouvernement russe est au-dessus du soupçon de laisser passer semblable occasion de calomnier un ennemi terrassé et de motiver sa férocité de caporal asiatique.

Le correspondant de «l'Indépendance» abuse: il est toujours difficile à un homme distingué et éminent de ne pas se trouver poursuivi pour certain chef d'accusation judiciaire, surtout dans le cas où, accusé, on est jugé sans défenze, dans les muettes ténèbres d'une inquisition civile.

Recevez, etc.

A. Herzen,
réd. du «Kolokol»

Переводъ.

Дорогой г. Фонтэнъ.

Русскій корреспондентъ «Indépendance Belge» сообщаетъ своей газетѣ слѣдующее:

«Въ прошлую среду, на одной изъ площадей стараго Петербурга, передъ крѣпостью, совершилась весьма грустная церемонія. Г. Чернышевскій, журналистъ, авторъ романовъ и комедій, человѣкъ несомнѣннаго таланта, *но* крайнихъ убѣжденій, обвиненный въ томъ, что онъ составлялъ и распространялъ прокламаціи, призывающія къ ниспроверженію существующаго строя, и даже *принималъ болѣе или менѣе непосредственное участіе въ пожарахъ, опустошившихъ С.-Петербургъ въ 1862 г.*, былъ приговоренъ» и пр. и пр.

Насъ поражаетъ и оскорбляетъ повтореніе этого нелѣпаго, чудовищнаго и теперь совершенно забытаго подозрѣнія въ томъ, что онъ «принималъ болѣе или менѣе непосредственное участіе въ петербургскихъ пожарахъ 1862 г.».

Разслѣдованіе этого дѣла (вы знаете о немъ по тому, что̀ мы говорили въ « La Cloche») было большимъ преступленіемъ и величайшимъ проваломъ правительства — и вотъ опять, по поводу мелочной и ужасной жестокости по отношенію къ такому человѣку, какъ Чернышевскій, возобновляютъ старую сказку о нравственномъ участіи людей, которые хотѣли только блага своему народу. Процессъ о пожарахъ обратился въ дымъ; не нашлось ни одного виновнаго.

Замѣтьте хорошенько, ни приговоръ сената, ни приговоры государственнаго совета, ни выраженія при *великодушномъ* смягченіи наказанія до семи лѣтъ каторги совершенно не упоминаютъ о пожарахъ, а ужъ, конечно, русское правительство выше подозрѣнія в томъ, что оно упустило бы подобный случай оклеветать поверженнаго въ прахъ врага и обосновать этимъ свою жестокость азіатскаго капрала.

Корреспондентъ «Indépendance» обманываетъ: человѣку, выдѣляющемуся и знаменитому, всегда трудно не оказаться преслѣдуемымъ судейскими обвиненіями по опредѣленному пункту тѣмъ болѣе, когда, будучи обвиненнымъ, онъ судимъ безъ защиты, въ немыхъ потемкахъ свѣтской инквизиціи. Примите и проч.

А. Герценъ,
ред. «Колокола». [1]

◆◆ 1. «Indépendance Belge» въ то время вдохновлялось Головнинымъ не безъ помощи жившаго въ Брюсселѣ Шедо-Ферроти. Но министръ держалъ это въ секретѣ отъ коллегъ, что видно изъ письма кн. В. А. Долгорукова къ Валуеву отъ 5 октября 1864 г.: «Вы, конечно, замѣтили въ «Indép. Belge» корреспонденціи изъ Петербурга, проникнутыя тѣми же чувствами, какъ и Шедо-Ферроти.

Неизвѣстенъ ли вамъ авторъ ихъ? Я представляю, что это, должно быть, Краевскій, вдохновленный.....» (архивъ П. Я. Дашкова).

2414. Письмо къ С. Тхоржевскому.

25 іюня 1864.
Bournemouth.

Благодарю за письмо и за присылки; дѣти пріѣхали вчера вечеромъ, совершенно здоровы; Черкесова не видѣли.

Видно, дѣло съ домомъ въ Теддингтонѣ идетъ не такъ хорошо. Пусть Пенни напишетъ мнѣ,—онъ долженъ же порядкомъ отстаивать насъ въ оправданіе довѣрія къ нему.

Насчетъ машины прошу васъ дѣлайте, какъ хотите; деньги, разумѣется, отдайте Чернецкому; я прибавляю, что слѣдуетъ,—и дѣло съ концомъ.

Прощайте, благодарю васъ за все, а больше всего за то, что насъ любите.

Адье-съ.

«Express» получилъ.

2415. Письмо къ Л. Фонтэнъ.

1-er Juin 1864.
Teddington.

Cher Monsieur Fontaine,

Je vous envoie un petit rien de tout; si vous n'avez pas d'objection, si vous ne craignez pas l'odeur de grog, donnez un petit coin de „*La Cloche*“ à ce pauvre diable de Waiter du Royal Hotel.

A. Herzen.

Переводъ.

1 іюня 1864.

Дорогой г. Фонтэнъ,

Посылаю вамъ бездѣлицу; если она не вызоветъ у васъ возраженій и если вы не боитесь запаха грога, то отведите уголокъ въ «La Cloche» этому бѣднягѣ-лакею изъ «Royal Hotel».

А. Герценъ.

2416. Трагедія за стаканомъ грога.

Тебѣ, другъ мой Тата, дарю я этотъ разсказъ въ память нашего свиданія въ Неаполѣ 28 сентября 1863 г.

Очерки, силуеты, берега безпрерывно возникаютъ и теряются, вплетаясь своей тѣнью и своимъ свѣтомъ, своей ниткой въ общую ткань движущейся съ нами картины.

Этотъ мимо идущій міръ, это проходящее,—все идетъ и все не проходитъ, а остается чѣмъ-то *всегдашнимъ*. Мимо идетъ, видно, *вѣчное*, оттого оно и не проходитъ. Оно такъ и отражается въ человѣкѣ: въ отвлеченной мысли — нормы и законы, въ жизни—мерцаніе едва уловимыхъ частностей и пропадающихъ формъ.

Но въ каждой задержанной былинкѣ несущагося вихря тѣ же мотивы, тѣ же силы, какъ въ землетрясеніяхъ и переворотахъ, и буря въ стаканѣ воды, надъ которой столько смѣялись, вовсе не такъ далека отъ бури на морѣ, какъ кажется.

I.

Я искалъ загородный домъ. Утомившись одними и тѣми же вопросами, одними и тѣми же отвѣтами, я взошелъ въ трактиръ, передъ которымъ стоялъ столбъ, и на столбѣ красовался портретъ Георга IV въ мантіи, шитой на манеръ той шубы, которую носитъ бубновый король, въ пудрѣ, съ взбитыми волосами и съ малиновыми щеками. Георгъ IV, повѣшенный, какъ фонарь, и нарисованный на большомъ желѣзномъ листѣ, не только видомъ напоминалъ путнику о близости трактира, но и какимъ-то нетерпѣливымъ скрежетомъ петель, на которыхъ онъ висѣлъ.

Сквозь сѣни былъ виденъ садъ и лужайка для игры въ шары; я прошелъ туда. Все было въ порядкѣ, то есть совершенно такъ, какъ бываетъ въ загородныхъ трактирахъ подъ Лондономъ. Столы и скамьи подъ трельяжемъ, раковины въ видѣ руинъ, цвѣты, посаженные такъ, чтобы вышелъ узоръ или буква; лавочники сидѣли за своими столами съ супругами (можетъ быть, не съ своими) и тяжело напивались пивомъ; сидѣльцы и работники играли шарами тяжести и величины огромнаго пушечнаго ядра, не выпуская изо рта трубки.

Я спросилъ стаканъ грога, усаживаясь въ стойло подъ трельяжемъ.

Толстый слуга въ очень истертомъ и узкомъ черномъ фракѣ, въ черныхъ и лоснящихся панталонахъ, приподнялъ голову и вдругъ, какъ обожженный, повернулся въ другую сторону и закричалъ: «Джонъ, водки и воды въ 8-й №». Молодой, неловкій и рябой до противности малый принесъ подносъ и поставилъ передо мной.

Какъ ни быстро было движеніе толстаго служителя, но лицо его мнѣ показалось знакомо; я посмотрѣлъ,—онъ стоялъ спиной ко мнѣ, прислонясь къ дереву. Фигуру эту я видѣлъ; но какъ ни ломалъ себѣ голову, вспомнить не могъ; удрученный, наконецъ, любопытствомъ и улучивъ минуту, когда Джонъ побѣжалъ за пивомъ, я позвалъ слугу.

— Yes Sir!—отвѣчалъ спрятавшійся за дерево слуга, и, какъ человѣкъ, однажды рѣшившійся на трудный, но неотвратимый

поступокъ, какъ комендантъ, вынужденный сдать крѣпость, онъ бодро и величественно подошелъ ко мнѣ, нѣсколько помахивая грязной салфеткой.

Эта величественность и показала мнѣ, что я не ошибся, что я имѣю дѣло со старымъ знакомымъ.

...Три года тому назадъ останавливался я на нѣсколько дней в одномъ аристократическомъ отелѣ на Isle of Wight. Въ Англіи эти заведенія не отличаются ни хорошимъ виномъ, ни изысканной кухней, а обстановкой, рамами, и на первомъ планѣ—прислугой. Офиціанты въ нихъ совершаютъ службу съ важностію нашихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ прежняго времени и современныхъ камергеровъ при нѣмецкихъ *заднихъ* дворахъ.

Главнымъ Waiter'омъ въ «Royal Hotel» былъ человѣкъ неприступный, строгій къ гостямъ, взыскательный къ живущимъ; онъ бывалъ снисходителенъ только къ людямъ привычнымъ къ отельной жизни. Новичковъ онъ не баловалъ и, вмѣсто ободренія, взглядомъ обращалъ назадъ дерзкій вопросъ: «какъ могутъ котлета съ картофелемъ и сыръ съ латукомъ стоить 5 шилл.?» Во всемъ, что онъ дѣлалъ, была обдуманность, потому что онъ ничего не дѣлалъ спроста. Въ градусѣ поворота головой и глазами и въ тонѣ, которымъ онъ отвѣчалъ «Yes Sir», можно было до мелочи знать лѣта, общественное положеніе и количество издерживаемыхъ денегъ господина, который звалъ.

Разъ, сидя одинъ въ кабинетѣ съ открытымъ окномъ, я его спросилъ, позволяютъ ли здѣсь курить. Онъ отступилъ отъ меня къ двери и, выразительно глядя на потолокъ, сказалъ мнѣ голосомъ, въ которомъ дрожало негодованіе:

— Я, Sir, не понимаю, Sir, что вы спрашиваете?

— Я спрашиваю, можно ли курить здѣсь? — сказалъ я, поднимая голосъ, что всегда удается съ вельможами, служащими въ Англіи за трактирнымъ столомъ, а въ Россіи за присутственнымъ столомъ.

Но это былъ не обыкновенный вельможа,—онъ выпрямился, но не потерялся, а отвѣчалъ мнѣ съ видомъ Каратыгина въ «Коріоланѣ»:

— Не знаю; въ мою службу, сэръ, этого не случалось, *такихъ* господъ не бывало, я справлюсь у говернора...

Не нужно и говорить, что «губернаторъ» велѣлъ меня за такую дерзость конвоировать въ душный smoking room, куда я не пошелъ.

Несмотря на гордый нравъ и на постоянно бдящее чувство своего достоинства и достоинства «Royal Hotel», главный Waiter сдѣлался ко мнѣ благосклоненъ, и этому я обязанъ не личнымъ достоинствомъ, а мѣсту рожденія: онъ узналъ, что я—русскій. Имѣлъ ли онъ понятіе о вывозѣ пеньки, сала, хлѣба и казеннаго лѣса, я не могу сказать, но онъ положительно зналъ, что Россія высылаетъ за границу огромное количество князей и

графовъ и что у нихъ очень много денегъ (это было до 19 февраля 1861 г.).

Какъ аристократъ по убѣжденіямъ, по общественному положенію и по инстинктамъ, онъ съ удовольствіемъ узналъ, что я русскій. И, желая поднять себя въ моихъ глазахъ и сдѣлать мнѣ пріятное, онъ какъ-то, граціозно играя листкомъ плюща, висѣвшаго надъ дверью въ садъ, обратился ко мнѣ со слѣдующей рѣчью:

— Дней пять тому назадъ я служилъ вашему великому князю,—онъ пріѣзжалъ съ ея величествомъ изъ Осборна.

— А!

— Ея величество, His Highness, кушали лончь; вашъ эрчдюкъ очень хорошій молодой человѣкъ,—прибавилъ онъ, одобрительно закрывая глаза, и, ободривъ меня такимъ образомъ, поднялъ серебряную крышку, подъ которой не простывала цвѣтная капуста.

Когда я поѣхалъ, онъ указалъ мизинцемъ дворнику на мой дорожный мѣшокъ, но и тутъ, желая засвидѣтельствовать свою благосклонность, схватилъ мою записную книжку и самъ ее донесъ до кэба. Прощаясь, я ему подалъ гафкрону сверхъ взятаго за службу; онъ ее не замѣтилъ, и она какимъ-то чародѣйствомъ опустилась въ карманъ жилета такой бѣлизны и крахмальной упругости, которыхъ мы съ вами не допросимся у прачки...

...Ба! — сказалъ я, сидя въ стойлѣ трактирнаго сада, служителю, подававшему мнѣ спички, — да мы старые знакомые!..

Это былъ *онъ*.

— Да, я *здѣсь*,—сказалъ Waiter и вовсе не былъ похожъ ни на Каратыгина, ни на Коріолана.

Это былъ человѣкъ, разбитый глубокимъ горемъ; въ его видѣ, въ каждой чертѣ его лица выражалось невыносимое страданіе; человѣкъ этотъ былъ убитъ несчастьемъ. Онъ сконфузилъ меня. Толстое румяное лицо его, откормленное до арбузной упругости и полноты мясами «Royal Hotel'я», висѣло теперь неправильными кусками, обозначая какъ-то мускулы въ лицѣ; черные бакенбарды его, подбритые на полъ-лицѣ, съ необыкновенно удачнымъ выемомъ къ губамъ, одни остались памятникомъ иного времени.

Онъ молчалъ.

— Вотъ не думалъ... — сказалъ я чрезвычайно глупо.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ видомъ пойманнаго на дѣлѣ преступника и потомъ окинулъ глазами садъ, деревянныя скамьи, пиво, шары, сидѣльцевъ и работниковъ. Въ его памяти, очевидно, воскресалъ богатый столъ, за которымъ сидѣли русскіе эрчдюкъ и ея величество, за которымъ стоялъ онъ самъ, благоговѣйно нагнувшись и глядя въ садъ, посаженный по кипсеку и вычищенный, какъ будуаръ... воскресала вся столовая, съ ненужными вазами и кубками, съ тяжелыми, толстыми шелковыми занавѣсами, и его собственный безукоризненный фракъ воскресалъ, и бѣлыя перчатки, которыми онъ держалъ серебряный подносъ со счетомъ, приводившимъ въ уныніе неопытнаго путника...

А тутъ гамъ играющихъ въ шары, глиняныя трубки, плебейскій джинватеръ и вѣчное пиво draft.

— Тогда, Sir, было другое время,—сказалъ онъ мнѣ — а теперь другое!..

— Waiter! — закричалъ нѣсколько подгулявшій сидѣлецъ, стуча оловянной стопкой по столу,—пинту гафанафъ да скорѣе, please!

Мой старый знакомый взглянулъ на меня и пошелъ за пивомъ; въ его взглядѣ было столько униженія, стыда, презрѣнія къ себѣ, столько помѣшательства, предшествующаго самоубійству, что у меня морозъ пробѣжалъ по жиламъ. Сидѣлецъ сталъ расплачиваться мѣдью, я отвернулся, чтобы не видѣть лишній пенсъ.

Плотина была прорвана,—ему хотѣлось сказать мнѣ что-нибудь о переворотѣ, низвергнувшемъ его изъ «Royal Hotel'я» въ «Георга IV». Онъ подошелъ ко мнѣ безъ моего зова и сказалъ:

— Я очень радъ васъ видѣть въ полномъ здоровьи.

— Что намъ дѣлается!

— Какъ это вамъ вздумалось прогуляться въ *наши* захолустья?

— Домъ ищу.

— Домовъ много, вотъ тутъ, пройдя шаговъ десять направо да еще другой. А насчетъ того, что со мной случилось, это, точно, замѣчательно. Все, что я заработалъ съ малыхъ лѣтъ, все погибло, все до фардинга... Вы, вѣрно, слышали о типерарскомъ банкротствѣ—именно тутъ-то все и погибло. Я въ газетахъ прочиталъ, сначала не повѣрилъ, бросился, какъ поврежденный, къ солиситору; тотъ говоритъ: «оставьте всякое попеченіе, вы не спасете ничего, а только послѣднее израсходуете,—вотъ, напримѣръ, мнѣ за совѣтъ потрудитесь 6 шилл. 6 пенсовъ отдать». Ходилъ я, ходилъ по улицамъ—день цѣлый ходилъ; думаю, что-жъ тутъ дѣлать? со скалы да и въ море—самому утопиться да и дѣтей утопить; я даже испугался, когда ихъ встрѣтилъ. Слегъ я больнымъ; это въ нашемъ дѣлѣ—первѣйшее несчастіе; черезъ недѣлю воротился къ службѣ,—разумѣется, лица нѣтъ, а внутри, словно, рана не даетъ покоя.—Говернеръ раза два замѣтилъ, что видъ у меня печальный, что сюда, молъ, не съ похоронъ ѣздятъ, гости не любятъ печальныя физіономіи. А тутъ середь обѣда я уронилъ блюдо, — отроду подобнаго случая не бывало. Гости хохочутъ, а содержатель вечеромъ отзываетъ меня въ сторону и говоритъ: «Вы ужъ себѣ поищите другое мѣсто, у насъ нельзя служить невоздержному человѣку». Какъ? — говорю я, — я былъ боленъ. «Ну, такъ и лѣчитесь, а здѣсь для *такихъ* мѣста нѣтъ». Слово за слово пошло крупно; онъ мнѣ въ отместку ославилъ по всѣмъ отелямъ пьяницей и буяномъ. Какъ ни бился, нѣтъ мѣста. Перемѣнилъ я имя, какъ какой-нибудь воръ, и сталъ искать хоть на время мѣсто,—нѣтъ, какъ нѣтъ; между тѣмъ, все, даже серьги и брошка жены—ей ихъ подарила герцогиня, у которой она жила

четыре года въ должности Upperlady-maid—все пошло на крючокъ. Пришлось закладывать платье; это у насъ — первая вещь, безъ платья ни въ одно хорошее заведеніе не примутъ. Служилъ я иногда во временныхъ буфетахъ и въ этой бродячей жизни совсѣмъ обносился. Я и самъ не знаю, какъ меня принялъ хозяинъ «Георга IV»,—и онъ взглянулъ съ отвращеніемъ на свой старый фракъ... Кусокъ хлѣба могу для дѣтей заработать, и жена... она теперь...—онъ пріостановился—она стираетъ на другихъ; не надобно ли вамъ, Sir? вотъ карточка... она очень хорошо стираетъ. А прежде никогда... никогда... она... ну, да что толковать, гдѣ же нищимъ выбирать работу. Лишь бы *милости* не просить, а только тяжело...»

Слеза, дрожавшая на рѣсницѣ, блеснула и капнула на его грудь, уже не покрытую жилетомъ изъ лубка или латуни съ бѣлой эмалью.

— Waiter!—кричали с другой стороны.

— Yes, Sir!

Онъ ушелъ, и я тоже.

II.

Такой искренней, разрушающей боли я давно не видалъ. Человѣкъ этотъ явнымъ образомъ подавался подъ тяжестью удара, разрушившаго его существованіе, и, конечно, страдалъ не меньше всѣхъ падшихъ величинъ, прибиваемыхъ со всѣхъ сторонъ къ англійскому берегу...

Не меньше?.. Да полно, такъ ли? Не больше ли въ десять, во сто разъ страдалъ онъ, чѣмъ Людовикъ-Филиппъ, напр., жившій возлѣ «Георга IV»?

Крупныя страданія, передъ которыми обыкновенно останавливаются цѣлыя столѣтія, пораженныя ужасомъ и состраданіемъ, большею частью достаются крупнымъ людямъ. У нихъ бездна силъ и бездна врачеваній. Удары топора въ дубъ раздаются по цѣлому лѣсу, раненое дерево стоитъ себѣ, потряхивая верхушкой, а трава грядой падаетъ, подрѣзанная косой, и мы, не земѣчая, топчемъ ее ногами, идучи за своимъ дѣломъ. Я наглядѣлся на столько несчастій, что сознаю себя знатокомъ, экспертомъ въ этомъ дѣлѣ, и потому-то у меня перевернулось сердце при видѣ обнищавшаго слуги, — у меня, видѣвшаго столько *великихъ нищихъ*.

...Знаете ли вы, что значитъ вездѣ, и особенно въ Англіи, слово *нищій*, beggar, произнесенное имъ самимъ? Въ этомъ словѣ заключается все: средневѣковое отлученіе и гражданская смерть, презрѣніе толпы, отсутствіе закона, судьи... всякой защиты, лишеніе всѣхъ правъ... даже права просить помощи у ближняго...

...Усталый, оскорбленный, возвращался этотъ человѣкъ въ свою конуру изъ «Георга IV», преслѣдуемый своими воспомина-

ніями, съ своей открытой раной въ груди, и тамъ его встрѣчала старшая горничная герцогини, сдѣлавшаяся, по его милости, прачкой. Сколько разъ, должно быть, безсильный, чтобъ наложить на себя руки, то есть покинуть дѣтей на голодную смерть, онъ искалъ облегченья у единаго утѣшителя бѣдныхъ и страждущихъ, у джина, у оклеветаннаго джина, снявшаго на себя столько бремени, столько горечи и столько жизней, которыхъ продолженіе было бы одно безвыходное страданіе, одна боль въ невидимой мглѣ...

...Все это очень хорошо, да почему этотъ человѣкъ не сталъ выше своего несчастія? Въ сущности, быть напыщеннымъ лакеемъ въ «Queen's Hotel» или скромнымъ половымъ «Георга IV»—разница не богъ знаетъ какая...

Для философа, но онъ былъ трактирнымъ слугой, — въ ихъ числѣ рѣдко бываютъ философы, я помню только двухъ: Эзопа и Ж.-Ж. Руссо, да и то послѣдній въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свою профессію. Впрочемъ, спорить нельзя, гораздо было бы лучше, если бы онъ *могъ* стать выше своей бѣды,—ну, а если *не могъ?*

Да зачѣмъ же не могъ?

Ну, ужъ это вы спрашивайте у Маколея, Лингарда и пр..., а я вамъ лучше когда-нибудь разскажу о другихъ *нищихъ*.

Да, я зналъ *великихъ нищихъ* и потому-то, что я ихъ зналъ, я и жалѣю слугу въ «Георгѣ IV», а не ихъ.

2417. Письмо къ сыну.

28 іюня 1864.
Bryanston, Bourn.

Я не могу сказать, чтобъ былъ совершенно доволенъ необыкновенной экономіей, которую ты показалъ въ дѣлѣ вояжа. Я считалъ на путь 1,000 или maxim. 1,200 и послалъ 1,000 фр. Изъ нихъ осталось 600+ты занялъ во Флор. 650

Фогтъ далъ—600
Львиц.—500
Я припл.—100

Это съ 600 состав. 2,450 ф., изъ нихъ я записалъ, по твоей запискѣ, 250 на тебя, ост. 2,400—т.-е. ровно вдвое. Посылать пожитки по экспрессу глупо; посылать чемоданъ Жеорж. сначала въ Парижъ (фр. 20), потомъ изъ Парижа сюда (17 шил.) глупо; зная, что дѣти ѣдутъ опять въ Италію, брать горы пожитокъ глупо. Я теперь получаю 45,000 дохода; полагаю, что трудно меня обвинить въ скупости, когда я даю вамъ, т.-е. тебѣ, 5,000 и дѣтямъ 12,000, а притомъ содержу Чернец., типогр. и издаю «Кол.», что

теперь обход. до 6,000. Поэтому я былъ въ правѣ думать, что ты не введешь меня въ совершенно лишнюю трату при теперешнихъ обстоятельствахъ. Впередъ я бюджеты буду дѣлать инваріабельные [1]). Изъ фрибургскихъ денегъ—тотчасъ отошли 500 фр. Львицкому; Фогту я заплатилъ. Во Флоренціи вытребуй письменно, за что они требуютъ 42 фр. за посылку.

Затѣмъ я считаю, что ты получилъ до 1 іюля—70 liv., 10; оставл. для твоихъ расход. до 1865. 30 liv. и, слѣд., ты долженъ до новаго года получить—93 liv. 10 шил. Я не знаю, сколько получится изъ Фриб.; если нельзя послать Сер. Льв., я пошлю въ іюлѣ черезъ Ротшильда, послѣ полученія процентовъ изъ Америки. Жаль, что ты отрываешься надолго отъ дѣла. Развѣ нельзя тебѣ было просить о пересылкѣ во Флоренцію по полученіи довѣренности? Затѣмъ кланяйся старушкѣ Фогтъ. Дѣти здоровы, и я ими очень доволенъ. Подробности въ другой разъ.

2418. Письмо къ С. Тхоржевскому.

28 іюня (1864).
Bournemouth.

Благодарю васъ за доброе письмо. Отвѣтъ я вамъ узнаю изъ Швейцаріи черезъ недѣлю; я писалъ обо всемъ Сашѣ. У меня нѣтъ книги съ чеками, вся вышла, я писалъ къ Кирхнеру, а пока скажите Пенни, что я согласенъ и прошу его отдать, а потомъ заплачу разомъ и за его трудъ. Пусть онъ пришлетъ общій счетъ.

2-ое. Я писалъ Чернецкому «золотую грамоту» для набора. Браницкій очень обязалъ бы насъ, еслибъ прочиталъ корректуру,—мы плохо знаемъ языкъ [2]). Васъ на недѣлю приглашаемъ всѣ мы и будемъ очень рады. Я, вѣроятно, до тѣхъ поръ въ Лондонѣ не буду.

Когда будете въ City, зайдите, пожалуйста, въ ... [3]) въ контору, изъ которой отправ. во Флоренцію портретъ, и спросите, какой отвѣтъ изъ Флоренціи. Письма отправл. *моремъ* (если они послали не моремъ, это въ противность договору). Застрах. въ 15 ф. на имя Al. Herzen jun, Florence, должно было стоить, по ихъ, отъ 12 до 15 шил.—требуютъ 42 фр.

Пошлите послѣд. «Колоколъ», если не посылали, A. Pogoski, France, Melun (dep. Seine-et-Marne), Rue du Nord, 16.

Что Потоцкій [4]) все еще процвѣтаетъ?

Взяли ли вы русские журналы отъ Чернец.? Я могу вамъ опять собрать ворохъ.

[1]) Неизмѣняемые.
[2]) «Грамота сельскому народу» воспроизведена въ № 29 «Общаго Вѣча» отъ 15 іюля 1864 г.
[3]) Слово не разобрано.
[4]) Вѣроятно, Балашевичъ.

2419. Письмо къ А. Таландье.

3 juillet 1864.
Bryanston House. Bournemouth.

Cher Talandier, Nous sommes ici depuis 10 jours et depuis une semaine Tata, Olga et M-elle Meysenbug sont aussi avec nous. Alex. les a reconduit jusqu'à Genève et retourné à Florence. Tout le monde va bien. Tata vous écrira elle-même.

Eh bien, nous voilà tombés dans la Sainte-Alliance. A mon avis c'est une faute de la part du gouvernement russe. Il a très bien exploité le côté sauvage du patriotisme, mais il oublie qu'il y a une haine de l'allemand dans ce même sentiment.

Et l'Angleterre, vrai pays chrétien, qui après avoir reçu un soufflet de Gortchakoff présente sa joue à Bismark... et s'en va tranquillement jouer à la bourse.

Vous ne recevez «Le Journal des Débats» — encore un ennemi de moins. Nous pensons toujours d'aller en Italie l'hiver ou le printemps. Notre propagande va mal. La Pologne est tuée et on inculpe le gouvernement russe de socialisme.

Adieu. Je vous serre la main.

Al. Herzen.

Переводъ.

3 іюля 1864.

Дорогой Таландье, вотъ уже 10 дней, какъ мы здѣсь, и уже съ недѣлю, какъ Тата, Ольга и M-elle Мейзенбугъ присоединились къ намъ. Алекс. проводилъ ихъ до Женевы и вернулся во Флоренцию. Всѣ мы здоровы. Тата напишетъ вамъ.

Итакъ, мы попали въ Священный союзъ. По моему, это — ошибка со стороны русскаго правительства. Оно прекрасно воспользовалось дикой стороной патріотизма, но забываетъ, что въ это самое чувство входитъ ненависть къ нѣмцу.

А Англія! Эта истинно-христіанская страна, которая, получивъ пощечину отъ Горчакова, подставляетъ другую щеку Бисмарку... и спокойно отправляется играть на биржѣ.

Вы не получаете «Le Journal des Débats» — еще однимъ врагомъ меньше. Мы все помышляемъ о томъ, что бы поѣхать въ Италію зимою или весною. Пропаганда наша идетъ плохо. Польша убита, а русское правительство обвиняютъ въ соціализмѣ.

Прощайте. Жму вашу руку.

Ал. Герценъ.

2420. Приписка къ О. С. Гончару. [1]

(4 іюля 1864).

Глубокоуважаемый Осипъ Семеновичъ, письмо это писали и обсуждали мы вмѣстѣ, слѣдовательно, къ нему мнѣ прибавить нечего, кромѣ того, что мы въ немъ совершенно согласны. Союзъ съ нѣмцами—величайшая обида для Россіи. И еще онъ, т.-е. государь, нѣмцамъ обезпечиваетъ польскія владѣнія. Съ ихъ стороны ждать хорошаго невозможно.

Пріѣхалъ ли къ Вамъ офицеръ [1])? Приласкайте его на чужой сторонѣ.

Желаю Вамъ и всему семейству вашему здоровья и дружески кланяюсь.

А. Г.

1. Копія письма Огарева къ Гончару отъ 4 іюля 1864 г.: «Многоуважаемый Осипъ Семеновичъ, Ваше письмо насъ не мало обрадовало. Давно не писали. Мы думали, не сердитесь ли? Но сердиться было бы несправедливо. Если что было сказано насчетъ адреса, то говорилось отъ души и изъ желанія блага.

«Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ вы Лизу на рукахъ носили. Русское дворянство тянетъ къ застою, а правительство зазналось. Въ западныхъ губерніяхъ всякій день казни, а русское общество хлопаетъ въ ладоши съ радости и злодѣямъ даритъ образа. Теперь же *русское* правительство дѣлаетъ договоръ съ нѣмцами, съ Пруссіей и Австріей, чтобы взаимно отстаивать другъ другу границы всякой помощью, даже военной. Какъ бы это не отозвалось на австрійскихъ поселенцахъ старообрядцахъ; правительство, очевидно, надуваетъ старообрядчество. Съ Бѣлокриницей московскихъ поссорило обѣщаніемъ московскимъ своего митрополита, котораго никогда не допуститъ. Не только Геронтія не освобождаютъ, а еще захватили крестьянина Носова (въ Пермской губ., въ Нижнетагильскѣ). При немъ нашли архіерейскую ризницу и держатъ въ тюрьмѣ. Пермская губернская газета называетъ его *австрійскимъ сектаторомъ* и говоритъ вотъ что: «Въ короткое время въ нашей губерніи является другой лже-архіерей; будемъ надѣяться, что бдительностью и *разумно строгими* мѣрами прекратится это *недостойное шарлатанство, пользующееся невѣжественностью народа и выманивающее у него деньги*». Каково! Далѣе, 8 мая царь утвердилъ православныя церковныя братства. Первый пунктъ устава такой, что церковныя братства составляются изъ православныхъ лицъ для противодѣйствія посягательствамъ

[1]) Михаилъ Семеновичъ Васильевъ. [2]

на права церкви со стороны иновѣрцевъ и раскольниковъ. Для меня ясно, что это значитъ, для новаго преслѣдованія старобрядчества. Осипъ Семеновичъ! Это нѣмецкое правительство не дастъ свободы вѣры, пока *не испугается* силы старообрядчества.

«А я все не понимаю и хотѣлось бы знать, подавали ли Вы адресъ или нѣтъ, и былъ ли отвѣтъ? Если не было, значитъ, *пренебреженіе*. Если былъ, то какой? Усердно просимъ Васъ: извѣстите. Важно знать, насколько въ отвѣтѣ есть страха и лжи.

«До какого бы то ни было окончанія польскаго дѣла я не жду ничего хорошаго. Вѣроятно, еще съ годъ продлится безуміе людей и высокомѣріе правительства. Въ это время всякіе адреса будутъ безплодны. Но къ тому времени, т.-е. къ концу года, русскій людъ поочнется. Правительство же разорится и станетъ помягче и не худо подготовить пути. Такъ какъ старообрядческій соборъ устроить трудно, то не добиться ли Вамъ схода своихъ съ бѣлокриницкими, чтобы на сходѣ положить:

«1. написать къ московскимъ, черниговскимъ, донскимъ и прочимъ старообрядцамъ, безъ различія толковъ, что правительство ихъ обманываетъ и что имъ съ заграничными старообрядцами не ссориться надо, а стоять въ крѣпкомъ союзѣ и требовать правъ: а) признанія всѣхъ старообрядческихъ согласій, обществъ, исповѣданій и богослуженій *явными* и имѣющими право стоять по своей вѣрѣ, *внѣ распоряженій синода*, такъ, какъ стоятъ латинское католичество, протестантство и даже магометанство; б) свободного сообщенія между старообрядцами въ Россіи и заграничными, такъ чтобъ ѣздить могли безпрепятственно, безъ всякого иного паспорта, кромѣ удостовѣренія отъ своего общества, и чтобы заграничные могли приписываться къ русскимъ обществамъ съ ихъ согласія, а русскіе—къ заграничнымъ.

«2. Рѣшить, къ какому времени по этимъ требованіямъ подать адресъ, почтительный, но настойчивый.

«Я бы это сообщилъ другимъ заграничнымъ старообрядцамъ, и они бы сдѣлали то же, такъ что, въ сущности, дѣло равнялось бы общему собору заграничнаго старообрядчества, хотя онъ и не съѣзжался. Если можно прибавить и русскіе подписи, тѣмъ лучше. А подписи означать числомъ, такъ чтобы и преслѣдовать было некого.

«Что объ этомъ думаете, напишите откровенно. Въ чемъ нужна будетъ съ нашей стороны работа, повѣрьте, что она будетъ сдѣлана съ глубокой преданностью къ вамъ и къ общей свободѣ вѣры и совѣсти.

«Скажите, правда ли, что 30,000 некрасовцевъ переселились въ Россію?

«Газета, которая насъ ругала («Европеецъ»—*М. Л.*), оказалась шпіонскою и прекратилась. Это вывелъ наружу Долгоруковъ, который теперь въ отлучкѣ. Поклонъ Вашъ ему передамъ, когда увижу его. Жена моя и Лиза Вамъ усердно кланяются. Обнимаю

Васъ крѣпко и жду отъ Васъ письма. *Огаревъ*» (копія хранится съ припискою Герцена).

23 января 1864 г. Валуевъ сообщилъ шефу жандармовъ, что, по донесенію нашего консульскаго агента въ Измаилѣ о преслѣдованіи турецкимъ правительствомъ за преданность Россіи старообрядческаго епископа изъ Добруджи Аркадія (Андрей Родіоновъ, уроженецъ г. Клинцы Черниг. губ., былъ до 1854 г. настоятелемъ могилевскаго Лаврентьевскаго монастыря—*М. Л.*), мин. иностр. дѣлъ и онъ полагаютъ неудобнымъ оставить безъ послѣдствій просьбу его о покровительствѣ, а потому считаетъ нужнымъ выдать ему паспортъ для въѣзда въ Россію, но не указывать въ немъ о его духовномъ званіи, такъ какъ таковыхъ лицъ впускать въ отечество не положено. Долгоруковъ согласился. Однако, оберъ-прокуроръ синода протестовалъ, и Аркадій остался въ Турціи, переѣхавъ въ свой монастырь.

16 мая нашъ консульскій агентъ въ Измаилѣ Александръ Степановичъ Романенко доносилъ директору азіатскаго департамента:

«Епископъ старообрядцевъ изъ Добруджи Аркадій доставилъ мнѣ одно письмо безъ надписи Ивана Кельсіева изъ числа многихъ таковыхъ, предназначенныхъ для отправленія въ Россію. Кромѣ того, прибывшій на сихъ дняхъ изъ Тульчи старшина поповщинскаго согласія Осипъ Гончаровъ вручилъ мнѣ адресованное на имя его собственноручное письмо Огарева и Герцена, (№ 2352, *М. Л.*) причемъ убѣдительнѣйше просилъ не предавать гласности.

«Изъ содержанія оныхъ вы изволите усмотрѣть, то направленіе, какое заграничные выходцы стремятся дать настоящему вопросу о старообрядцахъ».

Письмо Ивана Кельсіева:

«Многоуважаемый и почтеннѣйшій. Желаю вамъ отъ Господа Бога всѣхъ благъ, наипаче же душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія. При семъ случаѣ отъ лица многихъ старообрядцевъ, всего нашего тайнаго общества и его заграничныхъ повѣренныхъ извѣщаю васъ о предполагаемомъ созваніи *Собора отъ всѣхъ существующихъ согласій и сектъ*. Цѣль онаго Собора заключается въ составленіи совокупнаго прошенія о свободѣ вѣроисповѣданія для всѣхъ согласій и сектъ и подачи сего прошенія государю. Такъ какъ правительство, будучи вовлечено въ войну съ Польшею и угрожаемо отъ западныхъ державъ, то ему необходимо сочувствіе, преданность, довѣріе и поддержка рѣшительно всѣхъ подданныхъ. Посему почти сомнѣваться невозможно, что оно исполнитъ то, что вы отъ него попросите, тѣмъ болѣе, что требованія ваши справедливы и, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣчены будутъ полнѣйшимъ сочувствіемъ всего общества. Царю никакъ невозможно будетъ обидѣть прямымъ отказомъ добрую половину своихъ подданныхъ, ибо это значило бы нажить себѣ врага

внутренняго и дать сильнаго союзника недовольнымъ его направленіемъ, въ которое хотя и сдѣлано много, но половины настоятельно нужныхъ простому народу законовъ (въ томъ числѣ и свободы вѣроисповѣданія) все еще не дается. У правительства теперь и такъ довольно враговъ внѣшнихъ, неужели же оно и внутреннихъ своихъ враговъ усилить захочетъ? Къ тому же недавно были произнесены въ Зимнемъ дворцѣ обнадеживающія слова государя, во время поданія ему всеподданнѣйшихъ старообрядческихъ писемъ. Можно ли полагать, что царь явнымъ образомъ и неудовольствіемъ на прошеніе ваше рѣшится показать, что слова его были сказаны на вѣтеръ, и что онъ никогда не хотѣлъ приводить ихъ въ исполненіе. Итакъ, прямой расчетъ старообрядцамъ подавать прошеніе, благо время такое, что правительство въ нихъ нуждается, а слова, сказанныя царемъ, у всѣхъ на свѣжей памяти. Ждать же, что правительство само вздумаетъ дать вамъ свободу вѣроисповѣданія никакъ, невозможно. Развѣ старообрядцы не знаютъ, какъ ненавистны они чиновникамъ и синоду? А царю что за польза безъ особой необходимости давать имъ возможность усилиться и сплотниться кругомъ священства, *отъ синода, слѣдственно, и отъ царя совершенно независимаго?* Не царская ли власть разрушила древле независимость церковную, дабы не знать себѣ ни въ чемъ предѣловъ и препятствій? Какже можно ожидать, чтобы теперь уже сдѣлалъ церковь, еще недавно гонимую и презираемую, независимою отъ себя, а ту церковь, которую онъ признаетъ господствующею и главною, оставилъ несвободной и повинующейся вліяніямъ его? Таковое дѣло никогда имъ безъ настоятельнѣйшей нужды не сдѣлается. Къ тому же его чиновники-іерархи никогда не согласятся на это, а царь не пойдетъ противъ нихъ, пока нужда къ тому не заставитъ, потому что царь хочетъ такъ все сдѣлать, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы, хотя этого сдѣлать ему, разумѣется, не удается, а выйдетъ только то, что волки-то будутъ ни сыты, ни голодны, да и овечки-то будетъ недоставать. Царь всѣмъ даетъ льготы и послабленія; противъ прежняго, оно точно, что и легче теперь, да бѣда въ томъ, что никого вполнѣ не удовлетворили. Такъ и со старообрядцами, какъ со всѣми. Вы на себѣ можете видѣть политику царскую; всего на половину даютъ, а, кажись, чего бы стоило все-то дать, вѣдь, за указы свои царь денегъ не платитъ. А это отъ того все, что царь еще не рѣшилъ хорошенько, какъ ему итти: такъ ли, какъ батюшка его покойный, или иначе. Ну, а до сихъ поръ не рѣшилъ, значитъ, и до скончанія жизни своей не рѣшитъ: было времени, когда надумать-то, человѣкъ онъ уже не молодой. Такъ нечего же на него надѣяться, потому что онъ волю безъ земли и лѣса даетъ, судъ выборный устроилъ, а полиціи безъ суда поступать дозволилъ, а старообрядцамъ дозволилъ въ церквахъ ихъ молиться, да церкви чинить запретилъ. Истинно вамъ говорю: онъ все на половину

даетъ. Вы подумайте-ка, какое дѣло можетъ выйти, когда вы, довѣрясь на его обѣщанія, ждать будете покойно: что, если онъ вамъ предложитъ свободу вѣроисповѣданія, да только съ условіемъ, чтобы вы къ себѣ двухъ-трехъ архіереевъ поставили, которыхъ синодъ вамъ назначитъ? Что вы тогда дѣлать будете? Не примете, такъ вамъ скажутъ, что больно, молъ, уже вы заносчивы, оставайтесь, молъ, при чемъ были. Да еще обидятся, бунтовщиками сочтутъ: отъ царской, дескать, милости отворачиваются. А примете, еще того хуже будетъ: перво на перво, это—ересь, а во-вторыхъ, синодскіе архіереи сейчасъ станутъ все къ рукамъ своимъ подбирать, священниковъ все своихъ услужниковъ будутъ ставить, церковную казну будутъ тратить, какъ знаютъ, а на сопротивниковъ своихъ бѣлокриницкаго рукоположенія, а равно и на благочестивыхъ мірянъ разныя клятвы и наушниченья выводить. А синодъ-то да чиновники своихъ поставленниковъ будутъ всячески защищать и имъ покровительствовать. Этому дѣлу никакъ нельзя быть, это значило бы волка пустить въ овчарню.

«Помыслите, какая проистекаетъ польза отъ немедленнаго поданія вышесказанной просьбы! Нынѣ вы прямо можете сказать правительству: мы вотъ желаемъ того-то и того-то. Тогда весь міръ будетъ знать, чего вы хотите, и когда, послѣ сего, вамъ станутъ что-либо иное предлагать, всѣ смѣяться будутъ: вотъ, молъ, люди одного просили, а имъ другое пичкаютъ; сказано, дескать, чего хотятъ старообрядцы, что же имъ-то навязываютъ, чего они не хотятъ! Подавши теперь прошеніе, вы лишаете правительство возможности впослѣдствіи навязывать вамъ то, чего вы по совѣсти принять не можете, или же и можете, да опасаетесь. Помяните мое слово: коли прошеніе не будетъ подано, то что-либо одно изъ двухъ случится: либо вамъ вовсе ничего не дадутъ, либо дадутъ какую-либо ничтожную уступку, а больше и просить ничего не велятъ, какъ теперь съ крестьянами сдѣлали.

«Многоуважаемый, такъ какъ мы много наслышаны о высокомъ умѣ Вашемъ и вліяніи Вашемъ въ старообрядческомъ обществѣ, то мы просимъ Васъ о помощи и совѣтѣ въ объясненномъ здѣсь дѣлѣ. Потрудитесь на благолѣпіе церкви Христовой и пользу ближнимъ—и Богъ вознаградитъ Васъ за доброе дѣло. Помните, какой богатый плодъ принесетъ трудъ Вашъ и какую радость доставитъ онъ цѣлымъ милліонамъ нынѣ гонимыхъ о притѣсняемыхъ старообрядцевъ. Разошлите письмо о семъ предметѣ по всѣмъ пріятелямъ Вашимъ, равно и насъ увѣдомьте, не слѣдуетъ ли намъ еще къ кому обратиться съ подобными же письмами, коихъ разослано по всей Россіи уже не въ маломъ количествѣ.

«Братъ мой Василій вмѣстѣ съ прочими изъ заграничныхъ повѣренныхъ нашихъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое глубочайшее почтеніе. Засимъ, желая Вамъ отъ Господа Бога всѣхъ благъ,

наипаче же душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, остаюсь покорнѣйшимъ слугою Вашимъ *Иванъ Кельсіевъ*».

29 августа Романенко прислалъ министру иностранныхъ дѣлъ приведенное письмо Огарева съ припиской Герцена, полученное опять таки лично отъ «старѣйшаго изъ добруджскихъ старообрядцевъ Осипа Гончарова». Двойственная игра послѣдняго съ обоими письмами, такимъ образомъ, ясна. Старообрядцы, по увѣренію Романенко,—не относятся серьезно ко всѣмъ этимъ совѣтамъ и «надъ ними издѣваются». «Вообще лондонскіе агитаторы распространеніемъ такихъ началъ и тенденцій потеряли къ себѣ всякое довѣріе, и ласкаемое ими старообрядчество видитъ въ нихъ опасныхъ для себя враговъ, посягающихъ на ихъ единство».

Одновременно Романенко прислалъ и слѣдующій свой докладъ:

«Лондонскіе агитаторы въ концѣ прошлаго 1863 года перенесли дѣятельность свою въ Турцію и въ гор. Тульчѣ основали «вторую вольную русскую типографію». Въ этой типографіи они намѣреваются печатать для старообрядцевъ богослужебныя ихъ книги и, не ограничиваясь однимъ этимъ, распространять въ русскомъ простонародьѣ противоправительственныя сочиненія.

«Въ 1863 г., во время полнаго разгара польскаго мятежа, братья Кельсіевы отправились изъ Лондона въ Константинополь, а отсюда—въ Добруджу, для возбужденія живущихъ тамъ некрасовцевъ и другихъ русскихъ выходцевъ старообрядцевъ къ единодушному съ поляками дѣйствію противъ Россіи. Въ Турціи братья Кельсіевы вступили въ сношенія съ тамошними поляками и въ особенности съ извѣстнымъ ренегатомъ Сеидъ-Пашою (Михаилъ Чайковскій), который вмѣстѣ съ Викентіемъ Раевскимъ съ 1843 г. возбуждаютъ казаковъ, живущихъ въ Турціи, противъ Россіи. Оба они—эмиссары умершаго Адама Чарторижскаго. Черезъ Сеидъ-Пашу Кельсіевы получили, говорятъ, денежное пособіе отъ общества лазаристовъ и поддержку отъ франц. посольства въ Константинополѣ. Они возбуждали некрасовцевъ, живущихъ въ Добруджѣ, подняться всѣмъ войскамъ и вмѣстѣ съ, такъ называемымъ, польскимъ легіономъ итти черезъ румынскія земли и Бессарабію на Волынь и въ Подолію, чтобы тамъ распространить мятежъ и въ то же время, посредствомъ эмиссаровъ, возмутить донскихъ, линейныхъ и уральскихъ казаковъ во имя старой вѣры. Говорятъ, будто воззванія въ этомъ духѣ были чрезъ какихъ-то іерусалимскихъ поклонниковъ посланы къ старообрядческимъ епископамъ Іову Кавказскому и Израилю Уральскому и Бударинскому, но обоими архіереями отвергнуты. Также поступилъ и епископъ задунайскій Аркадій (русскій выходецъ, около 20 лѣтъ тому назадъ ушедшій въ Турцію; онъ жилъ прежде въ уничтоженныхъ нынѣ старообрядческихъ мона-

стыряхъ Лаврентьевѣ Могилевской губ. и Покровскомъ—Черниговской).

«Въ отвѣтъ на предложенія Кельсіевыхъ и Сеидъ-Паши онъ въ Славѣ (каѳедра задунайскаго епископа близъ Бебадага), за обѣдней сказалъ некрасовцамъ проповѣдь, въ которой, упомянувъ о русскомъ происхожденіи своихъ слушателей, училъ ихъ не забывать родной земли и родного царя, какъ израильтяне, находясь въ работѣ египетской, никогда не забывали земли обѣтованной. «Приближается время,—говорилъ Аркадій,—когда Господь, держащій въ руцѣ своей сердце царя Александра, внушитъ ему къ отторженнымъ сынамъ русской земли милость и изведетъ ихъ, какъ древній Моисей, изъ работы египетскія, сирѣчь агорянскія. И будетъ онъ вамъ, какъ оный свѣтлый столбъ на небеси, къ которому шли люди израильскіе изъ Египта. Поэтому не съ врагами его и матери нашей русской земли должно намъ сообщаться, а съ братіями нашими россійскими старообрядцами, которые на бумагѣ подали царю Александру свои завѣренія». И при этомъ читалъ всеподданнѣйшіе адреса московскихъ и клинцовскихъ старообрядцевъ. Результатомъ этого былъ адресъ, посланный отъ некрасовцевъ въ Россію для поднесенія государю императору. Редакторомъ его былъ Аркадій.

«Имѣя намѣреніе устроить типографію въ Славѣ, Кельсіевы просили Аркадія принять ихъ дѣло подъ свое покровительство, но Аркадій, въ откровенной бесѣдѣ узнавъ настоящую цѣль ихъ, не только отказалъ имъ въ содѣйствіи, но, какъ говорятъ, выгналъ ихъ изъ Славскаго монастыря. Тогда Кельсіевы и Сеидъ-Паша, при помощи франц. посольства, обратили на Аркадія и преданныхъ Россіи некрасовцевъ гнѣвъ Абдулъ-Азиса, обвинили ихъ въ государственной измѣнѣ, представивъ въ доказательство ее: 1) проповѣдь Аркадія, 2) составленный имъ адресъ государю императору, 3) какую-то богослужебную книгу московской единовѣрческой печати, въ которой помѣщена молитва о побѣдѣ надъ врагами христіанства, испрашиваемой русскому императору, и 4) часовникъ старообрядческій, въ которомъ помѣщена молитва, употребляемая и православною церковью и начинающаяся словами: «Мерзкое и безбожное царство агарянъ вскорѣ ниспровержи, рогъ же христіанскій воздвигни».

«По доносу Кельсіевыхъ и поляковъ, въ ноябрѣ 1863 г. производилось въ Добруджѣ строгое слѣдствіе; многіе некрасовцы подъ конвоемъ увезены въ Царьградъ и оттуда сосланы въ отдаленные части Азіатской Турціи. Другіе должны были раскаяться въ приверженности своей къ Россіи. Аркадій успѣлъ бѣжать въ Измаилъ. Но, чувствуя себя и здѣсь небезопаснымъ, желаетъ возвратиться въ Россію. Онъ говоритъ: «Пусть царь Александръ сошлетъ меня въ Суздаль, гдѣ сидятъ наши братія старообрядческіе архіереи, но лучше хочу быть колодникомъ русскаго царя, чѣмъ патріархомъ у султана, а сѣмя, мною сѣян-

ное, дастъ плодъ, и рано ли, поздно ли некрасовцы будутъ подъ рукой своего атамана [1]). Аркадій, какъ увѣряютъ старообрядцы, въ началѣ декабря написалъ просьбу государю императору о дозволеніи возвратиться въ Россію и подалъ ее нашему дипломатическому агенту въ Измаилѣ.

«Послѣ неудачи въ Славѣ братья Кельсіевы завели типографію въ Тульчѣ и приступили къ печатанію псалтиря съ іосифовскимъ предисловіемъ, которое не печатается, по распоряженію Св. Синода, въ московской единовѣрческой типографіи. Если не будетъ дозволено старообрядцамъ возобновить ихъ клинцовскую и яновскую типографіи, закрытыя преимущественно въ видахъ монополіи московской типографіи, псалтирь разойдется по Россіи въ сотняхъ тысячъ экз. и *непремѣнно возбудитъ сочувствіе старообрядцевъ къ лондонскимъ агитаторамъ*, котораго они доселѣ напрасно искали. Синодъ затрудняетъ распространеніе книгъ единовѣрческой типографіи и самыя изданія ея ограничиваетъ однимъ псалтиремъ, да и то не такимъ, какой нуженъ старообрядцамъ и единовѣрцамъ, т.-е. безъ предисловія Іосифа патріарха. Онъ продается по 3 и по 4 р. и при томъ на вольную продажу не отпускается. Чтобы показать, до какой степени старообрядцы нуждаются въ старопечатныхъ книгахъ, достаточно упомянуть, что въ ярмарку 1863 года въ Нижнемъ «Минея Постная» (служба въ великій постъ) продавалась по 230 р.

«Сознательно или безсознательно, но лондонскіе агитаторы избрали самое удобное мѣсто для основанія второй вольной русской типографіи. Лондонскіе заморскіе листы возбуждаютъ сомнѣнія въ средѣ русскихъ старообрядцевъ, но юго-западъ, даже и заграничный такихъ сомнѣній возбудить не можетъ, ибо они свято почитаютъ книги, изданныя въ XVI, XVII и XVIII ст. въ Яссахъ, Бухарестѣ, Вѣнѣ, Венеціи, Дерманѣ, Львовѣ, Уневѣ, Эвю, Четвертнѣ, Почаевѣ и мн. др.

«Все дѣло состоитъ въ томъ, сумѣютъ ли братья Кельсіевы печатать старообрядческія книги въ такомъ видѣ, чтобы, не возбуждая подозрѣнія, онѣ были приняты старообрядцами.

«Сами Кельсіевы не сумѣютъ. За это ручаются вышедшія доселѣ лондонскія изданія. Но у нихъ есть какой-то бѣглый раскольническій монахъ, большой знатокъ въ старообрядческихъ книгахъ. Съ нимъ, съ его помощью Кельсіевы сумѣютъ нанести *дѣйствительный* вредъ, такой вредъ, передъ которымъ «Коло-

[1]) «Старообрядцы увѣряютъ, что Аркадій и самъ служа, поминалъ и попамъ своимъ велѣлъ поминать при всякихъ службахъ на ектеніяхъ «Великаго Атамана нашего, царевича и великаго князя *Николу*», разумѣя государя наслѣдника. Вмѣсто Николай старообрядцы всегда говорятъ *Никола*. Такое моленіе началось у некрасовцевъ съ 1862 г., когда они узнали, что государь-наслѣдникъ бываетъ въ домахъ старообрядцевъ и имѣетъ лѣстозку. Государя императора не поминаютъ, боясь турокъ. *Конст. агентъ.*

колъ», «Общее Вѣче» и пр. т. п. такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ и говорить.

«Нужно дѣйствовать, пока есть время».

«Послѣ отдѣленія отъ находящейся въ австрійскихъ владѣніяхъ бѣлокриницкой старообрядческой іерархіи, послѣ возведенія владимірскаго архіепископа Антонія въ санъ *митрополита московскаго и всея Россіи*, послѣ подчиненія старообрядцевъ, въ Турціи живущихъ, духовной власти Москвы, послѣ учрежденія *духовнаго совѣта* въ Москвѣ (все это совершилось въ 1863 г.), русскіе старообрядцы поповщинскаго толка, имѣющіе 15 архіереевъ и множество поповъ въ Россіи и состоящіе въ количествѣ болѣе 5 милл., рѣшились просить у правительства милостей и льготъ своему вѣроисповѣданію. Они собирались въ разныхъ городахъ: въ Москвѣ, въ Н.-Новгородѣ (во время ярмарки 1863 г.), въ Казани, въ Саратовѣ, Самарѣ, Калугѣ, Тулѣ, Екатеринбургѣ, Ржевѣ, Твери, въ Прочномъ Окопѣ (на Кавказѣ), въ Бударинской станицѣ (на Уралѣ), въ Балтѣ, въ Черкасахъ (Кіевской губ.), въ Орлѣ, въ Скопинѣ, въ посадахъ Черниговской губ., и рѣшили искать милости у государя императора, чтобы Онъ, «какъ царь-Освободитель освободилъ и ихъ», чтобы онъ, «даровавшій милости и льготы врагамъ вѣры Христовой, евреямъ, не лишилъ и русскихъ людей, своихъ коренныхъ, кровныхъ дѣтей своими милостями.

«Нѣкоторые изъ нихъ, казанскіе и другіе поволжскіе старообрядцы, пріѣхали теперь въ Спб. Во время нижегородской ярмарки 1863 г., будучи весьма довольны, вмѣстѣ съ прочими торговцами, управленіемъ временнаго ген.-губернатора ген.-ад. Огарева, они рѣшились просить его повергнуть на милостивое воззрѣніе государя императора всеподданнѣйшее свое прошеніе.

«Въ этомъ прошеніи они просятъ:

1. Дозволить имъ возобновить запечатанныя церкви и моленныя и строить новыя въ такомъ количествѣ и въ такихъ размѣрахъ, какъ правительству угодно будетъ.

2. Допустить терпимость ихъ высшему и низшему духовенству на тѣхъ основаніяхъ, какъ въ Англіи терпимо римско-католическое духовенство.

3. Дозволить имъ въ церквахъ и моленныхъ ихъ, а также на кладбищахъ свободу богослуженія.

4. Дозволить имъ учреждать не правительственныя, а своими средствами учрежденныя и содержимыя низшія и *среднія* учебныя заведенія, т. е. приходскія и уѣздныя училища и *гимназіи*. Говоря объ учебныхъ заведеніяхъ, старообрядцы выражаются такъ: заботясь о просвѣщеніи дѣтей нашихъ, несравненно болѣе заботимся о спасеніи душъ ихъ, и потому не можемъ воспользоваться милостивымъ дозволеніемъ государя императора, въ высоч. резолюціи на отчетѣ саратовскаго губернатора за 1860 г. изображен-

номъ, допускать дѣтей нашихъ въ учебныя заведенія вѣдомства мин. нар. просвѣщенія, *ибо въ нихъ преподается богоотступное ученіе Спинозы, Гегеля и Бюхнера, и оттого происходятъ нигилисты.* Поэтому они просятъ своихъ школъ, основанныхъ на *ученіи евангельскомъ*, безъ вмѣшательства духовныхъ лицъ господствующей церкви, но подъ надзоромъ, если угодно будетъ, лицъ гражданскаго правительства.

«Сверхъ того старообрядцы намѣреваются утруждать Е. И. В. всеподданнѣйшими прошеніями:

1. о гражданскомъ узаконеніи браковъ, между ними совершаемыхъ,

2. о гражданскомъ узаконеніи крещеній новорожденныхъ,

3. о законности духовныхъ завѣщаній, старообрядцами совершаемыхъ,

4. о дозволеніи имѣть свои кладбища,

5. о дозволеніи имѣть хотя одну типографію для печатанія тѣхъ книгъ, которыя прежде дозволялось печатать, а также разрѣшительныхъ молитвъ и вѣнчиковъ, налагаемыхъ на усопшихъ;

6. о приведеніи къ присягѣ ихъ духовными лицами, ибо присяга, совершаемая православнымъ духовенствомъ, для нихъ не свята, *не вмѣняется ни во что*, а они желаютъ служить и радѣть государю *истинной* вѣрой и *истинной* правдой, по душѣ, а не по принужденію,

7. о сформированіи «*небреемой рати*», т. е. особыхъ полковъ *съ бородами*, куда бы поступали старообрядцы по охотѣ и по наборамъ. Такихъ *полковъ*, въ случаѣ дозволенія, они предполагаютъ составить изъ охотниковъ *не менѣе тридцати*, съ вооруженіемъ на свой счетъ» (архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1864 г., дѣло № 8, ч. 4).

2. «Тоска давила, — разсказываетъ В. Кельсіевъ, — говорить только съ женой могъ, но и она была тоже подавлена этой ужасной потерей (смерть его брата Ивана—*М. Л.*), какъ вдругъ явился къ намъ русскій эмигрантъ изъ Парижа. Чуть ему на шею не бросился я, когда онъ мнѣ подалъ письмо отъ Герцена: я думалъ, что будетъ у меня хоть съ кѣмъ слово сказать... Михаилъ Семеновичъ Васильевъ говорилъ, что онъ поручикъ какого-то пѣхотнаго полка, изъ стоявшихъ въ Варшавѣ, убѣжденія не позволили ему итти противъ поляковъ, и онъ эмигрировалъ. Вотъ и все, что онъ о себѣ разсказалъ. Языковъ онъ не зналъ, но занимался ими, равно, какъ и всѣми науками, а особенно астрономіей, технологіей, агрономіей, и вообще отзывался, что кто, какъ онъ, десять лѣтъ находился с полкомъ, тотъ всему научится... («Исповѣдь»).

2421. Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину. [1]

12 іюля 1864.
Bryanston House, Bournemouth.

Я страстно хочу васъ видѣть—и что за дѣло до несогласій? Въ чемъ они? Въ православіи?—оставимъ вѣчное той жизни. Въ любви искренней, святой къ русскому народу, къ русскому дѣлу? Я не уступлю ни вамъ, ни всѣмъ Аксаковымъ. Но съ правительствомъ вмѣстѣ не пойду,—съ нѣмецкимъ правительствомъ Петербурга; но съ Катковымъ и Муравьевыми не пойду въ крови, въ доносахъ. Видѣть васъ хочу отъ души. Разумѣется, всего лучше пріѣхать сюда (5 часовъ ѣзды), но тутъ я прошу мнѣ написать еще разъ. Мнѣ хотѣлось бы васъ видѣть одного, т.-е. съ Огаревымъ; 15 пріѣдетъ Долгорук. и, вѣроятно, пробудетъ до 17; пріѣзжайте 18 или 19—20-го. Я ѣду въ Лондонъ на день или на два. Если вы предпочитаете, буду у васъ въ Лондонѣ, но здѣсь спокойно и хорошо. Ѣхать слѣдуетъ изъ Waterloo Station do Christ Church (via Southampton); оттуда омнибусъ довезетъ. Обратный билетъ, кажется, на три дня. Отъѣздъ въ 3 часа, въ 7 въ Christ Church и въ ½ 8-го у насъ въ Bryanston House. Остановиться можете въ Bath Hotel или въ Belle vue Hôtel, первый лучше.

Сейчасъ прочелъ, что въ Казани разстрѣляли троихъ и нѣсколько человѣкъ посланы на каторгу. Что-жъ это за кровавое время?

Итакъ, я жду вашего письма, жду васъ, жду, искренно думая, что любовь-то у насъ одна.

Прощайте.

А. Герценъ.

◆◆ 1. 11 іюля Самаринъ написалъ Герцену, находясь уже въ Лондонѣ: «Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, вы знаете, что мы съ вами всегда стояли не рядомъ другъ съ другомъ, а на діаметрально-противоположныхъ концахъ. Вы, конечно, догадываетесь, что въ настоящее время едва ли кто-нибудь строже меня осуждаетъ всю вашу дѣятельность и жалѣетъ искреннѣе о томъ вредѣ, который вы сдѣлали и дѣлаете въ Россіи. Но у насъ обоихъ много общихъ воспоминаній; думаю, что вамъ они такъ же дороги, какъ и мнѣ. Къ тому же я не могу забыть, что вы одинъ во всей русской литературѣ помянули съ сочувствіемъ людей, которыхъ память для меня священна [1]). Не хотѣлось бы мнѣ уѣхать отсюда, не пожавъ вамъ руки и не переговоривъ съ вами искренно, съ вами одними [2]). Если вы, съ своей стороны, также пожелаете со

[1]) А. С. Хомяковъ и К. С. Аксаковъ.
[2]) Безъ Огарева.

мной повидаться, то научите, какъ это сдѣлать. Въ четвергъ я уѣду изъ Лондона въ Торкей, откуда обратно въ Лондонъ, изъ Лондона на одинъ день въ Оксфордъ, потомъ обратно въ Лондонъ дня на два и поспѣшу на материкъ, гдѣ мнѣ предстоитъ лѣченіе. Хотите ли вы, чтобы я къ вамъ пріѣхалъ или вы пріѣдете въ Лондонъ? Дайте отвѣтъ поскорѣе и обстоятельный. Я не знаю англійскаго языка, справиться не въ состояніи и потому, если вы вызовете меня къ себѣ, то пришлите обстоятельный маршрутъ и научите, гдѣ остановиться» («Русь» 1883, № 1).

2422. Письмо къ сыну.

13 іюля (1864).
Bryanston House, Bournemouth.

Письмо твое изъ Комо получилъ. Фогтъ тотчасъ тирировалъ на меня вексель, и банкъ взялъ ихъ съ меня. Я думалъ, что ты знаешь, но теперь деньги надобно выручить.

Сейчасъ отправь 50 ф. Загоровскому и *100* Мечникову, Genova, poste rest. [1]

Напиши ему при томъ, что Прудонъ будетъ ему отвѣчать [1]). *500 фр.* отошли Львицкому, остальные пойдутъ на твое жалованье. Если ты 250 фр. путевыхъ вычелъ, то я ихъ вымараю изъ твоего счета.

У насъ все покойно и все хорошо идетъ. Мира настоящаго между Татой и Ольгой не наладишь. Мейз. такъ же слѣпа къ ней, какъ N. къ Лизѣ, но особеннаго нѣтъ. Тата виновата въ невниманіи къ Ольгѣ; это чуть ли не одинъ недостатокъ въ ней [2]).

Что дѣлаетъ Бак., чѣмъ живетъ и ѣдетъ ли сюда?

Чѣмъ кончилась исторія твоей посылки?

Здѣсь говорятъ, что это, развѣ, таможня.

Пришли весь счетъ и спроси, отчего они не отвѣчали, пострашай судомъ.

◆◆ 1. По показанію Бакунина, Мечниковъ наладилъ «вѣрную и безплатную доставку всѣхъ лондонскихъ изданій изъ Ливорно въ Константинополь и даже въ самую Одессу» («Письма», стр. 151).

2423. Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину. [1]

14 іюля 1864.
Bryanston House, Bournemouth.

Благодарю васъ за быстрый отвѣтъ. 21 я буду у васъ, могу даже остановиться въ томъ же отелѣ,—у меня теперь нѣтъ въ

[1]) Прудонъ заявилъ объ этомъ въ № 47 «La Cloche».
[2]) Пропускаю нѣсколько словъ по желанію семьи.

Лондонѣ квартиры. Если я пріѣду 20-го вечеромъ, то явлюсь къ вамъ утромъ 21, если же 21, то, вѣроятно, не раньше 10 ч. вечера,—день прожду. Если бы я зналъ вашъ №, я взялъ бы спальню тамъ же,—фамилій не спрашиваютъ. Мнѣ хочется больше слушать, чѣмъ говорить. Насчетъ Огар. вы неправы; въ недобросовѣстности не обвиняйте его. Мы могли ошибаться, вы могли ошибаться, но мы были чисты и васъ не обвиняли. Еслибъ вы знали, сколько проглоченныхъ слезъ подъ жесткими словами «Колок.»! Что же мнѣ, напримѣръ, дѣлать и Ог., когда у насъ такъ слабы нервы, что не можемъ побѣдить государственной мудростью отвращеніе отъ смертной казни, воровски введенной въ наше угол. право.— А каторга за литературно-несдержанныя статьи? А нѣмецкій союзъ съ гарантіей польск. правъ? Аксаковъ бьется въ противорѣчіяхъ: идетъ по своему православному канату и то наступитъ въ Каткова, то обругаетъ Петербургъ. Что же русскаго въ нѣмец. правленіи?.. Но объ этомъ послѣ.

Что касается до Долгор., тутъ нѣтъ союза, а скорѣе предлогъ (чтобъ напомнить каламбуры 1845).

Я готовъ слушать не только возраженія, но совѣты, и не только слушать, но готовъ убѣждаться (вы знаете, что безъ воли убѣдиться нельзя). Не будемте жестко касаться до наболѣвшаго. Страшный судъ нашъ не насталъ, а вы и я живы; мы оба имѣли и свои идеалы и общую вѣру, пожалуй, любовь. Мы стояли на параллельныхъ линіяхъ и стоимъ или идемъ; а Кавелины, а московскіе западники?.. Итакъ, до свиданія.

А. Герценъ.

Если досугъ вамъ, прочтите въ 186 листѣ «Кол.» IV письмо къ будущему другу; оно дастъ діапазонъ. Вы найдете у Трюбнера въ Paternoster row City,—два шага отъ васъ.

◆◆ 1. Получивъ первое письмо Герцена, Самаринъ отвѣчалъ въ тотъ же день: «Именно съ вами наединѣ желалъ бы я видѣться, т.-е. безъ Огарева и безъ Долгорукова. Съ Огаревымъ я не знакомъ и не вижу никакой надобности знакомиться на какихъ-нибудь два-три часа съ тѣмъ, чтобы въ первую же минуту другъ другу вцѣпиться въ волоса. Нѣкоторыя статьи его я читалъ и видѣлъ въ нихъ всѣ недостатки ваши при отсутствіи того лихорадочнаго настроенія, ради котораго вамъ простится многое. Въ присутствіи Огарева я не въ состояніи былъ бы говорить съ вами такъ, какъ бы хотѣлъ, и никогда не позволилъ бы ему сказать себѣ того, что могу выслушать отъ васъ. Мы съ вами знаемъ другъ друга давно.

«На-дняхъ попалась мнѣ его статья «О положеніи для польскихъ крестьянъ»; это—одно изъ двухъ: или легкомыслiе, въ извѣстныхъ лѣтахъ непростительное, или самая злонамѣренная недобросовѣстность.

«Долгорукова я, напротивъ, знаю давно и потому-то именно охотнѣе проѣду лишнихъ триста верстъ для свиданія съ вами, лишь бы не встрѣчаться съ нимъ. Вашъ союзъ съ нимъ, говоря точнѣе, его виляніе хвостомъ передъ вами слишкомъ возмутительно.

«Что вы многое любили,—разумѣется, не Россію, по крайней мѣрѣ, не дѣйствительную Россію,—это я знаю. Чувствую также, что, вопреки всей вашей дѣятельности, въ васъ сохранилась потребность какого-нибудь идеала, хотя тотъ идеалъ, которому вы служите, съ каждымъ днемъ суживается, съеживается и расплывается. Поэтому-то именно и хотѣлось бы мнѣ высказать вамъ все, что у меня накипѣло на душѣ противъ васъ, независимо отъ желанія обнять васъ и помянуть старину» («Русь» 1883, № 1).

2424. Письмо къ Л. Фонтэну.

12 juillet 1864.
Bournemouth.

Monsieur,

Je n'ai rien à ajouter à l'article sur la *Nouvelle phase de la littérature russe.* Malheureusement elle continue, la société russe, à perdre le sens de la liberté, à laquelle elle aspirait la première année de ce règne, et le gouvernement a surpassé en cruauté, en férocité, Nicolas et ses prédécesseurs. Le sang coule comme l'eau, la peine capitale [1]) s'est introduite par une petite porte dans la législation. En Sibérie on fusille de simples criminels, en Pologne on fusille les prisoniers de guerre.

Si la société russe ne se réveille pas à l'attouchement de Bismark et de l'Autriche, si la triple alliance soulève un triple applaudissement, il n'y a plus rien alors à espérer de la génération présente, et il faudra se tourner vers les adolescents et les enfants. Il n'y a rien au monde de plus antipathique pour le russe qu'une alliance allemande.

C'est après l'entrevue des trois monarques *allemands* à Varsovie, que commença le prélude de la grande insurrection polonaise... Quelles seront les suites de l'exhumation de la maudite sainte alliance?

Recever etc.

A. Herzen.

Переводъ.

12 іюля 1864.

Милостивый Государь, мнѣ нечего прибавить къ статьѣ о *Новой фазе русской литературы.* Къ несчастью, русское общество

[1]) On sait qu'en Russie la peine de mort n'existait pas. *A. H.*

продолжаетъ терять чувство свободы, къ которой оно стремилось въ первые годы этого царствованія, и правительство превзошло жестокостью и свирѣпостью Николая и его предшественниковъ. Кровь льется, какъ вода, смертная казнь [1]) проникла сквозь маленькую щель въ законъ. Въ Сибири разстрѣливаютъ простыхъ преступниковъ, въ Польшѣ разстрѣливаютъ военноплѣнныхъ.

Если русское общество не очнется отъ прикосновения Бисмарка и Австріи, если тройственный союзъ вызоветъ утроенныя рукоплесканія, то нечего больше ждать отъ нынѣшняго поколѣнія и придется обратиться къ юношамъ и дѣтямъ. Для русскаго нѣтъ ничего въ мірѣ болѣе отталкивающаго, чѣмъ союзъ съ Германіей.

Какъ разъ послѣ свиданія въ Варшавѣ трехъ *нѣмецкихъ* монарховъ, началась прелюдія великаго польскаго возстанія... Каковы будутъ слѣдствія откапыванія проклятаго Священнаго союза?

Примите и пр.

А. Герценъ.

2425. VII лѣтъ.

Семь лѣтъ тому назадъ вышелъ первый листъ «*Колокола*», въ іюлѣ 1857. Съ тѣхъ поръ много разъ останавливались мы, свѣряя свой путь съ событіями и спрашивая себя, тутъ ли мы идемъ, такъ ли идемъ? Цѣль наша, наши основные догматы были неизмѣнны; задача наша та же, но способы разрѣшенія ея должны были мѣняться. Малъ ли, великъ ли ручей, путь его зависитъ не отъ него, а отъ общихъ склоновъ и скатовъ материка.

Но, приближаясь къ семилѣтію, насъ занималъ другой вопросъ, и именно, слѣдуетъ ли намъ, вообще, *продолжать* или *пріостановиться* и переждать пароксизмъ безумной реакціи?

Россія явнымъ образомъ сорвалась съ пути, на который попала съ 1855, и несется третій годъ рядомъ преступленій и нелѣпостей къ ряду бѣдствій, которыя переработаются, можетъ быть, но, навѣрное, не пройдутъ ей даромъ.

Ревъ, вой, шипѣнье казеннаго, свирѣпаго патріотизма заглушаетъ всякое человѣческое слово. Образованная Россія оказалась гораздо больше варварской, чѣмъ Россія народная. На этомъ варварствѣ ея стали возможными ужасныя дѣла и ужасныя слова — казни въ Польшѣ, каторги въ Россіи, раненый Сѣраковскій, вздернутый на висѣлицу, Чернышевскій, бѣлымъ днемъ выставленный у позорнаго столба, и всѣ прочія неистовства правительства и общества.

Пока продолжается этотъ «запой» кровью, для чего наша рѣчь? Съ кѣмъ намъ говорить, для кого писать, печатать?

Еслибъ не было такъ больно замолчать, мы замолчали бы... Замолчать значитъ отвернуться, позабыть на время—это свыше

[1]) Извѣстно, что смертная казнь въ Россіи не существовала.

нашихъ силъ. У насъ слишкомъ много осталось любви и вѣры, слишкомъ много накопилось негодованія и ненависти, чтобъ молчать. Въ душѣ нѣтъ мира и покоя, нѣтъ ни безучастія, ни отчаянія, наконецъ, послѣ котораго человѣкъ опускаетъ руки и ждетъ, скоро ли упадетъ завѣса.

Прошлое обязываетъ. Мы имѣли довольно голоса и смѣлости, чтобъ начать рѣчь... мы ее продолжали середь рукоплесканій сверху и снизу—надобно имѣть духъ продолжать ее, пока пьяные отрезвятся, продолжать для того, чтобъ не умолкъ послѣдній протестъ, чтобъ не заглохло угрызеніе совѣсти, чтобъ не было вдвое стыдно потомъ, чтобъ иной разъ опять выжечь клеймо позора на узкомъ лбѣ палачествующаго правительства, обнищавшаго дворянства и шпіонствующей журналистики.

Итакъ, нашъ звонъ попрежнему будетъ *сзывать живыхъ*, до тѣхъ поръ, пока они придутъ или мы убѣдимся, что ихъ нѣтъ.

Не ждали мы, начиная нашу пропаганду, что придемъ къ такому страшному времени, что будемъ въ необходимости такъ говорить, но развѣ кто-нибудь ждалъ?

Въ 1855 и въ 1857 гг. передъ нами была просыпавшаяся Россія. Камень отъ ея могилы былъ отваленъ и свезенъ въ Петропавловскую крѣпость [1]). Новое время сказалось во всемъ: въ правительствѣ, въ литературѣ, въ обществѣ, въ народѣ. Много было неловкаго, неискренняго, смутнаго, но всѣ чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идемъ. Нѣмая страна пріучалась къ слову, страна канцелярской тайны — къ гласности, страна крѣпостного рабства—роптать на ошейникъ. Правительство дѣлало, какъ іерусалимскіе паломники, слишкомъ много нагрѣшившіе, три шага впередъ и два назадъ,—одинъ, все же, оставался. Партія дураковъ, партія стариковъ была въ отчаяніи, крѣпостники прикидывались конституціонными либералами...

Съ половины 1862 г. вѣтеръ потянулъ въ другую сторону. На неполное освобожденіе крестьянъ потратились всѣ силы правительства и общества, и заторможенная машина двинулась назадъ.

Мы спрашиваемъ всѣхъ дѣятелей, явившихся послѣ смерти Николая,—отъ Константина, Горчакова и Суворова до братьевъ Милютиныхъ,—пусть они скажутъ, положа руку на сердце, предвидѣлъ ли изъ нихъ кто-нибудь кровавую грязь, въ которую Россія въѣхала по ступицу всѣми четырьмя колесами, благодаря такимъ кучерамъ, какъ Муравьевъ, и подстегивающимъ лакеямъ, какъ Катковъ?

Предвидѣли ли они, что смертная казнь сдѣлается у насъ ежедневнымъ, обыкновеннымъ дѣломъ, что военноплѣнныхъ будутъ разстрѣливать, что раненыхъ будутъ вѣшать?

[1]) Николай I похороненъ тамъ.

что будутъ въ день казнить по шести человѣкъ, по приказу какого-нибудь ничтожнаго генерала? [1])

что за тайно напечатанный листокъ юношескихъ мечтаній и теоретическихъ утопій будутъ ссылать на *каторжную работу* и вѣчное поселеніе людей молодыхъ, честныхъ, чистыхъ, безъ уваженія къ ихъ таланту, къ ихъ непорочному имени?

что политическихъ сосланныхъ будутъ хуже содержать, чѣмъ при Николаѣ, и что найдутся звѣри, которые предложатъ въ Акатуевскѣ целюлярную тюрьму?

что у насъ будутъ закрывать школы за то, что ученики не хотятъ цѣловать руку попу?

что у насъ разовьется литература доносовъ, и она сдѣлается литературой дня, что языкъ журналистовъ оподлѣетъ до языка перебранивающихся будочниковъ и жандармовъ, что мы, развертывая газету, переходимъ въ переднею III Отдѣленія и въ канцелярію съѣзжаго дома?

что Муравьевъ, которымъ гнушалась вся Россія и самъ государь, сдѣлается героемъ и что его въ Москвѣ будутъ сравнивать съ Ермоловымъ и Суворовымъ, а въ Петербургѣ — носить на креслахъ?

что Катковъ будетъ выгонять сенаторовъ изъ англійскаго клуба и серьезно принимать себя за будущаго Сперанскаго?

Нѣтъ, этого никто не могъ предвидѣть. Ужасы, отъ которыхъ сердце обливается кровью и занимается духъ, дѣлались и при Николаѣ сплошь да рядомъ. Забитое и трусливое общество молчало, не показывало участія, лгало на себя сочувствіе, но не аплодировало. Своекорыстные исполнители дѣлались холодными палачами. Теперь общество рукоплещетъ, палачи казнятъ съ горячностью, дѣлаются виртуозами, идутъ далѣе приказа.

Мы не можемъ привыкнуть къ этой страшной, кровавой, безобразной, безчеловѣчной, наглой на языкъ Россіи, къ этой литературѣ фискаловъ, къ этимъ мясникамъ въ генеральскихъ эполетахъ, къ этимъ квартальнымъ на университетскихъ каѳедрахъ, къ этимъ робеспьеровскимъ трикотезамъ Зимняго дворца, старымъ, сѣдымъ, беззубымъ дѣвкамъ и бабамъ, къ этимъ Катковымъ въ юбкѣ и Аскоченскимъ въ кринолинахъ, съ ихъ просвирками,

[1]) «Въ газету «Голосъ» пишутъ изъ Иркутска, что тамъ «двое ссыльныхъ и три крестьянина, дѣти каторжныхъ, зарѣзали цѣлое семейство бурятъ, а чтобы спрятать концы въ воду, сожгли юрту зарѣзанныхъ. Злодѣевъ отыскали и схватили. Ихъ судили военнымъ судомъ, *по полевому военному* положенію. Четверо изъ преступниковъ приговорены *къ разстрѣлянію*, а пятый сосланъ въ каторжную работу». Послѣ Петра I и Бирона ничего подобнаго не видала Россія. Кровь льется царскими палачами, какъ вода. Казни, къ которымъ скрѣпя сердце, едва осмѣливалась прибѣгать Екатерина II, отъ которыхъ сдерживался самъ Николай, теперь совершаются ежедневно. Смертная казнь введена помимо Свода, какимъ-то заднимъ крыльцомъ въ уголовное законодательство. Какое полевое военное положеніе во время мира? Зачѣмъ Сибирь въ осадномъ положеніи? *А. И. Г.*

вынутыми за здравіе Михаила Николаевича, безобразными образами, посланными ему въ благословеніе, къ этимъ волчицамъ безъ молока, безъ Ромула и Рема, которыя перенесли ревность дикихъ самокъ въ любовь къ отечеству.

Ненависть, отвращеніе поселяетъ къ себѣ эта Россія. Отъ нея горишь тѣмъ разлагающимъ, отравляющимъ стыдомъ, который чувствуетъ любящій сынъ, встрѣчая пьяную мать свою, кутящую въ публичномъ домѣ.

...Зачѣмъ, Россія, зачѣмъ твоя исторія, шедшая темными несчастьями и глухою ночью, должна еще итти сточными трубами? Зачѣмъ на другой день послѣ освобожденія, когда ты могла міру въ первый разъ отъ роду, съ радостно поднятой головой, показать, какое руно сохранила ты, бѣдная, подъ розгами помѣщика, подъ палкой полиціи, подъ царскимъ кнутомъ—зачѣмъ ты дала себя стащить въ эту канаву, въ эту помойную яму? Терпи теперь, народъ русскій, на чужомъ пиру похмелье, неси на могучихъ плечахъ твоихъ, какъ богатырь-каторжникъ въ одной сказкѣ [1]), темными, длинными, гадкими, вонючими, скользкими, ледящимися переходами твоего *будущаго сына*. Ты одинъ выйдешь чистъ. Лишенный досуга мысли, ты не повиненъ въ ими избранномъ пути, тебѣ насильно брили лобъ, насильно дали ружье, и ты пошелъ, безсмысленно слушаясь, убивать и грабить съ голода. Только ты не кичись этимъ—на томъ же основаніи право и море, утопившее корабль, и волкъ, заѣвшій путника...

Ну, а вы, *не-народъ*, опора нынѣшняго порядка дѣлъ, отцы отечества, интеллигенція, цивилизація, прочные интересы, *демократическая* шляхта, командиры и учители... вы, вѣдь, недостойны участи каторжника, вы же ничего не несете—вы ужъ такъ и оставайтесь. С.-Петербургскій оберъ-полицмейстеръ и николаевскій генералъ-адъютантъ Кокошкинъ, вашъ Курцій, далъ вамъ прекрасный примѣръ...

Такъ вотъ до чего выработались вы въ полтора вѣка дрессировки, купленной потомъ, голодомъ, холодомъ цѣлаго народа, рубцами на его спинѣ... Такъ этому-то васъ научили нѣмцы, академіи, корпуса, университеты, лицеи, институты, Смольные монастыри, гувернеры, гувернантки... Видно, конюшня родительскаго дома учила краснорѣчивѣе, видно, натура холопа-рабовладѣтеля не такъ легко затыкается за поясъ французской грамматикой. Поздравляемъ васъ,—на вашей улицѣ праздникъ, только онъ необыкновенно коротокъ. Вы даже того не сообразили, что шли въ комнату, а попали въ другую; вы не знаете, кому вы подали руку; вы никогда не были разборчивы, а только надменны. Вы не узнали Емельяна Пугачева, одѣтаго не Петромъ III для службы народу, а квартальнымъ надзирателемъ для царской службы... Вы еще не подумали, что значитъ голштино-аракчеевская, петербургско-цар-

[1]) «Жанъ Вальжанъ» Гюго. *А. И. Г.*

ская демократія; скоро почувствуете вы, что значитъ красная шапка на петровской дубинкѣ. Вы погибнете въ пропасти, которую роете вмѣстѣ съ будочниками, и на вашей могилѣ съ деревяннымъ крестомъ (мраморовъ будетъ не на что ставить) посмотрятъ другъ другу въ лицо сверху лейбъ-гвардіи императоръ, облеченный всѣми властями и всѣми своеволіями въ мірѣ, снизу закипающій, свирѣпѣющій океанъ народа, въ которомъ вы пропадете *безъ вѣсти.*

Кто кого сглазитъ?

Мы догадываемся, но не знаемъ. Вотъ что касается до васъ, то бога ради не подумайте, что намъ васъ жаль. Помилуйте! Вамъ пора сойти со сцены, вы свое сдѣлали; сдѣлали вы нехотя, и за то вамъ нѣтъ уваженія; сдѣлали вы, думая только о себѣ, и за то нѣтъ вамъ благодарности. Вы были той пустой средой, тѣмъ прозрачнымъ проводникомъ, которымъ свѣтъ западной науки освѣтилъ нашу темную жизнь, — дѣло сдѣлано и пойдетъ безъ насъ. Вы, какъ воздухъ, пропуская лучи, не захватили себѣ свѣта— увидѣли другіе и знаютъ теперь, что у насъ есть въ хатѣ и чего недостаетъ. Эти другіе пойдутъ работать, а вы—прощайте. Только зачѣмъ вы такъ скверно гніете?

Вмѣсто того, чтобъ со словъ квартальныхъ демократовъ и демагоговъ III Отдѣленія ругать польское дворянство, вы, милые крѣпостники вчерашняго дня, поучились бы у нихъ честной кончинѣ. Какое прошедшее не искупится такимъ принесеніемъ себя на жертву? Ихъ очистительный, примирительный подвигъ пойдетъ изъ вѣка въ вѣка, будя юношу и мужа и заставляя биться всякое благородное сердце. Ну, а васъ, *демократическая* аристократія, чѣмъ поминать, чѣмъ вы искупаете вашу чужеядную жизнь, ваше піявочное существованіе?.. За что васъ пожалѣть? За то ли, что Іоаннъ Грозный васъ пилилъ, а вы ему пѣли псалмы? За то ли, что до Петра васъ изъ-за государева стола водили постегать за мѣстничество, и вы выпоротые приходили доѣдать курей верченыхъ и пироги пряженые? За то ли, что послѣ Петра васъ, снѣмъ рубаху, били батожьемъ, а вы цѣловали его державную руку, а потомъ руку конюха Бирона и его нѣмцевъ, а когда пришелъ нѣмецъ, которому сдуру васъ стало жаль, и онъ не велѣлъ васъ бить, такъ вы его отравили и задушили въ Ропшѣ? За то ли, что дѣды ваши при Николаѣ плясали у него на коронаціи, когда ихъ сыновья шли скованные на каторжную работу? *Развѣ, за этихъ сыновей?*

За нихъ, за нашихъ великихъ путеводителей, да, за нихъ многое можно бы отпустить ихъ предкамъ.

Но что же сказать о ихъ сыновьяхъ?

У нихъ не было ихъ, у нихъ были пріемыши, имъ они и оставили наслѣдство. Они его оставили той средѣ, съ которой подымается и растетъ на свѣтъ *новая Россія*, крѣпко подкованная на трудный путь, закаленная въ нуждѣ, горѣ и униже-

ніи, тѣсно связанная жизнью съ народомъ, образованіемъ—съ наукой. Ей доставалась одна обида сверху и одно недовѣріе снизу. Ей достается великое дѣло развитія народного быта изъ неустроенныхъ элементовъ его зрѣлой мыслью и чужимъ опытомъ. Она должна спасти народъ русскій отъ императорскаго самовластія и отъ *него самого*. Ее не тяготитъ ни родовое имущество, ни родовое воспоминаніе, въ ней мало капиталовъ и вовсе нѣтъ привязанности къ существующему. Она стоитъ свободная отъ обязательствъ и историческихъ путъ.

Предшественникомъ ея былъ плебей Ломоносовъ, могучій объемомъ и всесторонностью мысли, но явившійся слишкомъ рано. Среда, затертая между народомъ и аристократіей, около вѣка послѣ него билась, вырабатывалась въ черномъ тѣлѣ. Она становится во весь ростъ только въ Бѣлинскомъ и идетъ на наше русское крещенье землею, на каторгу въ лицѣ петрашевцевъ, Михайлова, Обручева, Мартьянова и пр. Ее разстрѣливаютъ въ Модлинѣ и разбрасываютъ по Россіи въ лицѣ бѣдныхъ студентовъ, ее, наконецъ, эту *новую* Россію Россія *подлая* показывала народу, выставляя Чернышевскаго на позоръ.

Среда пестрая, хаотическая, среда броженія и личнаго вырабатыванія, среда алчущая и неудовлетворенная, она состоитъ изъ всего на свѣтѣ—изъ разночинцевъ и поповскихъ дѣтей, изъ дворянъ-пролетаріевъ, изъ приходскихъ и сельскихъ священниковъ, изъ кадетъ, студентовъ, учителей, художниковъ; въ нее рвутся пѣхотные офицеры и иной кантонистъ, писаря, молодые купцы, приказчики... въ ней образцы и осколки всего плавающаго въ Россіи надъ народнымъ растворомъ. Вступая при новомъ броженіи въ иныя химическія соединенія, они всплываютъ изъ народа и распускаются въ немъ. Это—почва зародышей, засѣянное поле, на удобреніе котораго пойдутъ гніющіе и разлагающіеся *верхи*, чтобъ и они не остались, какъ купецъ Коробейниковъ, не взысканными всепрошающей амнистіей исторіи и всеперерабатывающимъ круговоротомъ жизни.

Ударъ за ударомъ бьетъ эту среду, она побита на голову, но *дѣло* не побито, оно меньше побито, чѣмъ 14 декабря,—плугъ пошелъ дальше и глубже. Зерна царскаго посѣва не пропадаютъ на каторгѣ, они прорастаютъ толстыя тюремныя стѣны и снѣгомъ покрытые рудники.

Для этой новой среды хотимъ мы писать и прибавить наше слово дальнихъ странниковъ къ тому, чему ихъ учитъ Чернышевскій съ высоты царскаго столба, о чемъ имъ говорятъ подземные голоса изъ царскихъ *кладовыхъ*, о чемъ денно и нощно проповѣдуетъ царская крѣпость — наша святая обитель, наша печальная Петропавловская лавра на Невѣ.

Середь ужасовъ, насъ окружающихъ, середь боли и униженій намъ хочется еще и еще разъ повторить имъ, что *мы* съ *ними*, что мы живы духомъ и не хотимъ больше ни исправлять

неисправимыхъ, ни лѣчить неизлѣчимыхъ, а хотимъ вмѣстѣ съ ними работать надъ отысканіемъ путей русскаго развитія, надъ разъясненіемъ русскихъ вопросовъ. [1]

1 іюля 1864.

◆◆ 1. 9 марта 1864 г. предсѣдатель спб. цензурнаго комитета М. Туруновъ сообщилъ III Отдѣленію, что 17 января высочайше разрѣшено основать въ Кіевѣ газету, «въ которой будутъ помѣщаться извѣстія до Западнаго и Юго-Запад. края Россіи относящіяся, съ назначеніемъ на это изданіе денежнаго пособія изъ 10% сбора до 6.000 руб.». Ген.-губ. увѣдомилъ, что главнымъ редакторомъ «Кіевлянина» имъ избранъ проф. Шульгинъ. Главный начальникъ III Отд. Потаповъ ничего не имѣлъ противъ такого назначенія, но обратилъ внимание цензуры на тотъ отдѣлъ программы газеты, въ которомъ имѣли быть помѣщаемы «резонированныя извлечения изъ законодательныхъ и правительственныхъ распоряженій». 18 апрѣля ген.-губ. Анненковъ прислалъ шефу жандармовъ печатное объявленіе о «Кіевлянинѣ» и «льстилъ себя надеждою, что его сіятельство не откажетъ въ своемъ благоволенномъ покровительствѣ и сочувствіи газетѣ» (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1864 г., № 11, ч. 10). «Резонированныя извлеченія» такъ и остались въ программѣ. Газета начала выходить съ 1 іюля. Объявленіе ее очень рѣдко, гдѣ сохранилось, а потому привожу его въ наиболѣе характерныхъ извлеченіяхъ.

«Изданіе новой газеты начинается въ то время, когда край, вслѣдствіе преступныхъ и безразсудныхъ посягательствъ польской пропаганды, сталъ въ ненормальное положеніе, задерживающее въ немъ покойное и правильное развитіе благосостоянія. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется съ одной стороны задача газеты, какъ органа общественного мнѣнія большинства здѣшняго населенія, а съ другой стороны, нѣсколько исключительный характеръ ея.

«Край здѣшній—«*край русскій, русскій, русскій*» (слова Аксакова въ «Днѣ»—*М. Л.*). Это положеніе признаетъ за аксіому исторія въ прошломъ, огромная масса современниковъ и животрепещущая дѣйствительность въ настоящемъ. За аксіому признаетъ его, по внутреннему убѣжденію, и ничтожное количество противниковъ; оно не хочетъ только, изъ-за своихъ особыхъ цѣлей, *громко* сознаться въ томъ, что вполнѣ сознаетъ и чего не сознавать не можетъ».

«Итакъ:

«1. *Это край русскій.* Вполнѣ убѣжденная въ этомъ редакція будетъ проводить мысль о необходимости постепеннаго введенія въ краѣ администраціи въ русскомъ духѣ и изъ русскихъ людей. Печальная дѣйствительность послѣднихъ годовъ ясно доказала, что отступленіе отъ этой системы отдаетъ спокойствіе и

благосостояніе $^{10}/_{11}$ частей сельскаго и городскаго населенія въ жертву незаконныхъ посягательствъ $^{1}/_{11}$ части, сильной не числомъ, не правомъ, но образованіемъ, основаннымъ на признаніи нравственными и законными всѣхъ средствъ для достиженія извѣстной цѣли. Край нашъ настолько кровно и испоконъ вѣка русскій, что опасаться *совершенной* полонизаціи его нечего: чистою и нерушимою отстоялъ народъ святыню своей народности изъ подъ гнета невыносимыхъ страданій въ борьбѣ съ польскою уніей, сумѣлъ онъ защитить ее на нашихъ глазахъ, когда, прошлою весной, всталъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ инсургентовъ. Но, если неразумно опасаться за цѣлость и существо русской народности въ юго-западныхъ губерніяхъ, то, съ другой стороны, мы не должны въ самообольщеніи закрывать глаза на то, что дѣйствительно случилось: благодаря нашей безпечности, преступныя ухищренія польской пропаганды успѣли сообщить православному русскому краю, въ нѣкоторой степени, католическую и польскую *окраску*. Наконецъ, можно и должно опасаться за то, что безумныя попытки меньшинства могутъ и впредь нарушить спокойствіе края. Нечего далеко ходить за доказательствами, довольно привести одно: ненормальное состояніе края помѣшало и, быть можетъ, еще надолго помѣшаетъ введенію въ немъ земскихъ учрежденій, такъ много обѣщающихъ правильному развитію будущаго народнаго благосостоянія.

«*2. Это край русскій.* Народное образованіе, разумѣя подъ этимъ словомъ какъ обученіе, такъ и воспитаніе, должно быть утверждено сколько на началахъ христіанскихъ и общечеловѣческихъ, столько же на началахъ православныхъ и русскихъ, должно совершаться на русскомъ языкѣ, людьми русскими». «Провозглашая начало политическаго единенія съ русскимъ отечествомъ, мы опредѣляемъ взглядъ нашъ на всякихъ сепаратистовъ, на *мановъ* различнаго поименованія: теоріи ихъ мы признаемъ не болѣе, какъ *маніею*, а самихъ теоретиковъ—не болѣе, какъ *маномании*.

«3. *Это край русскій.* Русскіе здѣсь исконные хозяева, поляки — гости, пришельцы, захватившіе, вслѣдствіе разныхъ неправдъ, хозяйственное право въ странѣ. Вотъ уже около столѣтія, какъ русскіе возвратили права, неправедно отъ нихъ отнятыя. Русскій народъ отличался искони гостепріимствомъ, но онъ искони держался и присловья: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ». Мы полагаемъ, что именно на этомъ началѣ условнаго гостепріимства должны установиться нормальныя отношенія въ здѣшнемъ краѣ между русскимъ кореннымъ, хозяйствующимъ, и между польскимъ, пришлымъ, на правѣ гостей состоящимъ населеніемъ. Добрыя отношенія между хозяевами и гостями теперь нарушены. Кто в новатъ? ясно, что тѣ, которые подняли снова порѣшенную ист ріей вѣковую тяжбу: разными правдами и неправдами задумал горсть гостей подчинить непрошенному уставу многочисленны ъ хозяевъ».

«При чувствѣ вполнѣ законной недовѣрчивости къ послѣдователямъ катихизиса, мы остаемся вѣрны своему условному гостепріимству: мы не посягнемъ на святыню чужой вѣры, чужого языка, чужой народности, но, однако, же не будемъ распространять этой народности меньшинства или потворствовать ей; мы говоримъ полякамъ: «мы хозяева, вы гости; добро пожаловать! Но если вы нарушите покой въ домѣ, но если вы захотите быть хозяевами въ гостяхъ,—дорога скатертью!

«4. *Это край русскій.* Органъ русскаго общественнаго мнѣнія, газета наша, изобличая козни враговъ, всегда будетъ отстаивать родные интересы, но отстаивать ихъ будетъ добросовѣстно и честно. Безъ чувства глубокаго презрѣнія нельзя читать въ какомъ-нибудь «*Часъ*» или какой-нибудь «*Хвилѣ*» площадной брани и нелѣпо-ложныхъ извѣстій, направленныхъ противъ насъ поляками, которые считаютъ всѣ средства хорошими и нравственными для своей цѣли. Если подобныя средства извинительны для безсильнаго и только изобличаютъ злобу безсилія, то еще менѣе извинительны они для тѣхъ, на сторонѣ которыхъ правда и сила».

«Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать двѣ мысли:

«1. Край нашъ въ положеніи ненормальномъ. Чѣмъ скорѣе онъ выйдетъ изъ него, тѣмъ лучше. Въ этомъ всѣ согласны, и мы въ томъ числѣ. Съ нашей стороны позволяемъ себѣ желать, чтобы край нашъ вышелъ изъ ненормальнаго положенія *успокоеннымъ, но не разореннымъ.*

«2. Край нашъ не Царство Польское и даже не Литва; край нашъ—край русскій, русскій, русскій—и поэтому, чѣмъ менѣе онъ, по своему ненормальному положенію и по мѣрамъ къ устраненію въ немъ этого положенія, будетъ походить на Царство Польское, тѣмъ болѣе становится яснымъ для друзей и недруговъ, что *это край русскій, русскій, русскій*».

2426. Die heilige tripel Allianz [1]).

Итакъ, нѣтъ ни одного срама, ни одного позора, въ который бы насъ не окунуло петербургское правительство отъ страха, тупости и отсутствія всякихъ началъ!

Сердце рвется на части, а все хочется, по старой привычкѣ, спросить: «Да за что же это? За что?».

Неужели мы не довольно страдали отъ московской глупости и отъ петербургскаго ума, отъ нашихъ побѣдъ и отъ нашего величія?

Неужели намъ недостаточно нѣмцевъ, ненавидящихъ насъ, и нужны еще нѣмцы-союзники?

[1]) Священный тройственный союзъ.

И вы, князь Горчаковъ, были сводчикомъ этого дѣла... Зачѣмъ же вы не вышли въ отставку, зачѣмъ вы не настолько любите Россію? Народность, которую вы пріобрѣли прошлогодними нотами, уничтожена прикосновеніемъ Бисмарка.

... Ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ повторяется несчастный союзъ трехъ нѣмецкихъ правительствъ, держащихъ подъ своимъ игомъ славянскіе народы. Какъ будто, Зимній дворецъ, рядившійся годъ цѣлый въ Минины и Пожарскіе, не знаетъ все отвращеніе русскаго народа отъ нѣмецкаго союза, всю его ненависть племенную, кровную къ нѣмцамъ?

Въ 1815 году былъ, по крайней мѣрѣ, приличный предлогъ. Соединились монархи въ отпоръ врагу, который такъ долго и много ихъ билъ, что бояться его и брать противъ него мѣры казалось естественнымъ. Подъ этимъ предлогомъ скрывалась стачка трехъ деспотическихъ армій на поддержаніе устарѣлаго государственнаго быта, основаннаго на поглощеніи народа государствомъ, на поддержаніе самовластной опеки надъ народами посредствомъ военной аристократіи и канцелярскаго управленія.

Самый характеръ—доктринерскій, мистическій, схоластическій, послѣдовательный до нелѣпости, бездушный, какъ все отвлеченное,—дѣлалъ изъ тройнаго союза 1815 года чисто *нѣмецкое* произведеніе. Петербургская Россія фигурировала въ немъ, какъ одна изъ нѣмецкихъ державъ, и въ этомъ почетномъ качествѣ участвовала въ преслѣдованіи нотами и штыками всякаго свободнаго движенія, гдѣ бы оно ни было—въ Италіи, Испаніи, Греціи...

Новый союзъ циничнѣе: у него предлога нѣтъ. Онъ дѣлается въ виду слабаго государства, отстаивающаго свои очень небольшія территоріи, и несчастнаго четвертованнаго народа, отстаивающаго свое существованіе.

Гдѣ опасность? Неужели Данія хочетъ завоевать Потсдамъ? Или поляки—исправить ошибку Яна Собѣскаго и занять Вѣну? Да еслибъ и такъ, гдѣ тутъ опасность для Петербурга, для Москвы?

Этотъ союзъ дѣлается въ предупрежденіе скандинавской федераціи.

Этотъ союзъ дѣлается, чтобъ стереть имя польское съ лица земли.

Петербургское правительство гарантируетъ Австріи и Пруссіи ихъ польскія владѣнія. Какое же это славянское правительство? Какая же это славянская династія? Николай закабалилъ нѣмцамъ Краковъ, сынъ его закрѣпляетъ за ними Галицію и Познань и проситъ за это, чтобы нѣмцы ему гарантировали Польшу... Давно ли Россія стала такъ слаба, давно ли она боится развалиться, если нѣмецъ ее не поддержитъ?...

Раздѣлъ Польши, какъ камень, привязанный къ шеѣ, стягиваетъ Россію на дно нѣмецкого болота...

Неужели возможно, чтобъ русскія войска еще разъ явились, какъ въ 1849 году, жандармами-усмирителями или палачами на нѣмецкой службѣ?

Лишь бы не дожить до этого позора...

....Послѣ свиданія въ Варшавѣ трехъ *нѣмецкихъ* потентатовъ [1]), возстала Польша; что-то будетъ послѣ союза, заключеннаго на горькихъ нѣмецкихъ водахъ...

2427. Изъ Польши.

«Мятежъ не существуетъ, банды разсѣялись, вездѣ веселыя лица, всѣ благодарятъ Берга, Муравьева, всѣхъ на свѣтѣ за освобожденіе отъ освобожденія»—пишутъ на всѣ лады временно-обязанные журналисты наши и въ доказательство прибавляютъ такого рода детали:

— 11 (23 мая) по суду разстрѣлянъ въ городѣ Пшаснышѣ рядовой Нижегородскаго пѣхотнаго полка Савелій Бондарцевъ за побѣгъ въ банды;

— того же числа повѣшенъ въ городѣ Радомѣ политическій преступникъ, помѣщикъ деревни Липа Опатовскаго уѣзда Игнатій Дембицкій;

— въ Радомѣ разстрѣляны за побѣгъ въ банды рядовые Кіевскаго гренадерскаго полка—22 мая Иванъ Липатовъ и 26 мая Михайло Жуковъ;

— 22 мая въ Ленчицѣ Варшавской губ. разстрѣлянъ довудца банды отставной поручикъ прусской артиллеріи Іеронимъ Вержбицкій, носившій псевдонимъ Борута (по народнымъ сказкамъ, Борута есть злой духъ, постоянно живущій въ Ленчицѣ въ разныхъ подвалахъ);

— 20 мая въ Ломжѣ повѣшенъ начальникъ шайки Юліанъ Обуховичъ;

— 22 мая въ Красноставѣ разстрѣлянъ за побѣгъ въ банды рядовой Харьковскаго уланскаго полка Семенъ Павловъ.

Въ Варшавѣ все благополучно. Начались жары. *Варшава вся почти живетъ въ садахъ, и тамъ играетъ музыка* («Моск. Вѣд.», № 121).

Этого финала къ кровавому листу казней, конечно, никто не ждалъ! Мы рядомъ поставимъ и другой неожиданный финалъ: «Кельнская Газета» отъ 21 іюня говоритъ, что полковникъ Туколкинъ при допросѣ плюнулъ въ лицо профессора Дибека, Дибекъ его ударилъ и былъ за это *сосланъ въ Сибирь!*

2428. Polizey Wuth [1]).

Бѣшенство полиціи «Моск. Вѣдом.» доходитъ до маноманіи. Такой искренней, глубокой, всесторонней нѣжной страсти къ доносамъ, шпіонству, полицейскому вмѣшательству и надзору намъ не случалось встрѣчать, и это

[1]) Можно быть на русской службѣ, какъ всѣ Бенкендорфы, Мейендорфы, Рейнсдорфы, Берги, Адлерберги, и въ сущности оставаться нѣмцами. Можно даже усвоить себѣ кое-какія русскія ухватки, и особенно пороки, передразнивать московскихъ царей, говорить церковнымъ языкомъ, сдѣлаться ярымъ русскимъ патріотомъ, и, все-таки, остаться нѣмцемъ—Карлъ Ифанычемъ, Ифанъ Ифанычемъ. *А. И. Г.*

[2]) Бѣшенство полиціи.

тѣмъ страннѣе, что издатель этой газеты—извѣстный англоманъ. Недавно онѣ жалѣли, что у бѣднаго русскаго правительства такъ мало средствъ поддержать въ Западной Россіи *русскую народность* того края (Муравьевъ, висѣлицы, разстрѣливанія, корреспонденты «Моск. Вѣд.», «Сѣвер. Пчелы» и «Инвалида», конфискаціи, секвестраціи, каторжная работа, тюрьма, штрафы, розги, крестики, присланные государыней, войско, братчики, попы, осадное положеніе!!)... Правительство, по мнѣнію «Моск. Вѣд.», можетъ запретить явное совращеніе въ католицизмъ, польскій языкъ въ судахъ и *кондитерскихъ* (кажется, не очень убого средствами правительство, которое можетъ заставить людей говорить на томъ языкѣ, на какомъ вздумаетъ), но что оно сдѣлаетъ у домашняго очага? Какъ присмотрѣть за тѣмъ, что мужъ говоритъ съ женой, братъ съ сестрой? И «Моск. Вѣд.», видя такую крайность его, приглашаютъ всѣхъ русскихъ *участвовать* въ борьбѣ съ полонизмомъ [1]). И это послѣ того, какъ тѣ же «Вѣдомости» разсказывали намъ цѣлый годъ о силѣ, мощи и славѣ русскаго элемента въ тѣхъ же западныхъ губерніяхъ!

Желая пріобщить и Москву къ благамъ литовской администраціи, университетская газета въ 123 № дѣлаетъ слѣдующій вызовъ къ подслушиванію на Тверскомъ бульварѣ и полицейскому вмѣшательству:

«По вечерамъ, когда играетъ музыка, нѣкоторые посѣтители Тверского бульвара слишкомъ нецеремонны и случается слышать болѣе чѣмъ свободныя рѣчи, обращенныя къ прогуливающимся дамамъ, а мѣсто, гдѣ играетъ музыка, бываетъ такъ загромождено толпой, что нѣтъ свободнаго прохода. Неужели магическое слово парижскихъ городовыхъ: «circulez, messieurs, ne vous arretez pas; circulez, je vous prie» [2])—не вошло еще въ нашъ полицейскій словарь? Не худо бы дополнить этотъ пробѣлъ, да я думаю, что нашимъ полицейскимъ чинамъ не лишнее вмѣшиваться иногда и въ conversations decoletées [3]), когда они громко ведутся въ публикѣ! Блюстителямъ публичной благопристойности нельзя въ этомъ случаѣ говорить: «наше дѣло сторона».

2429. Балабинъ и „Норма".

Что Балабинъ [4]) надѣлалъ дипломатическаго вздору и его уволили, намъ до этого нѣтъ дѣла; что онъ, по старой традиціи, тотчасъ послѣ этого занемогъ, и болѣзнь пошла заднимъ числомъ, это даже хорошо. Что за дипломатія безъ этихъ шутокъ, въ которыя никто не вѣритъ, и которыя дѣлаются для короля прусскаго,— сказали бы мы, еслибъ въ настоящемъ

[1]) Намъ пишутъ изъ Россіи: «цѣлыя компаніи искателей приключеній отправляются изъ Петербурга руссифицировать польскія провинціи. Люди эти получаютъ деньги въ Петербургѣ и требуютъ полицейскій конвой для водворенія ихъ на мѣстахъ жительства ихъ службы». Такъ имъ-то «Моск. Вѣд.» прокладывали путь! *А. И. Г.*

[2]) Проходите, господа, не останавливайтесь; проходите, пожалуйста.

[3]) Откровенные разговоры.

[4]) Бикторъ Петровичъ, нашъ посланникъ въ Вѣнѣ.

случаѣ онѣ не дѣлались для австрійскаго императора. Насъ вовсе не то занимаетъ, а вотъ что: въ нѣмецкихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (голштинская династія все еще не пріучилась съ русскими говорить *по-русскому*) напечатано: «Уже съ годъ времени г. Балабинъ не отправлялъ своей обязанности, а потому надобно было устранить такое *ненормальное* положеніе».

...Что-то знакомо!.. Будто на-дняхъ мы читали что-то такое... Да, да, да... «Ужъ съ годъ времени г. Ренанъ не отправлялъ своей обязанности, какъ профессоръ, а потому надобно было устранить такое *ненормальное* положеніе». Понравилось выраженіе—точно, оно хорошее выраженіе: и оперу напоминаетъ [1]), и Гризи, только ужъ слишкомъ поторопились зачислить его въ русскую службу.

2430. Казни въ Казани.

Изъ перепечатанной въ «Инвалидѣ» статейки изъ «Казанскихъ Вѣдомостей» мы узнали новое злодѣйство петербургскаго правительства. За распространеніе подложнаго манифеста и возмутительныхъ воззваній въ приволжскихъ губерніяхъ нѣсколько лицъ были отданы въ 1863 г. подъ военный судъ [2]).

«Колоколъ» былъ уже набранъ, когда дошла до насъ эта страшная вѣсть,—мы не могли ее отложить до другого листа.

Кровь, кровь и кровь... Вѣсти изъ Россіи—вѣсти съ бойни.

Человѣкъ [3]), имѣющій время заниматься пошлыми перемѣнами башлыковъ и воротниковъ, прической студентовъ и всякимъ вздоромъ, не имѣетъ времени пересмотрѣть смертные приговоры! Что это за человѣкъ? Да и человѣкъ ли? Откуда это высокомѣрное презрѣніе къ жизни людской?... Слабодушное ли бѣгство отъ отвѣтственности или эпикурейство слабыхъ нервъ? Быть можетъ, страхъ помиловать? Какъ бы то ни было, по какому праву даетъ этотъ человѣкъ довѣренность на убійство? по какому праву, чтобъ облегчить своимъ приказчикамъ злодѣйства, онъ отнимаетъ жертвы у законнаго суда, у свода?.. Самодержавіе еще не есть право на безуміе; Павелъ это испыталъ не себѣ, а онъ не лилъ шайками человѣческой крови. [1]

◆◆ 1. № 29 «Общаго Вѣча», гдѣ помѣщена эта статья, былъ послѣднимъ. Ни Герценъ, ни Огаревъ не заявили категорически и ясно о прекращеніи изданія, надѣясь, очевидно, на лучшія времена. Огаревъ въ «Письмѣ къ старообрядцу» только всколзь упомянулъ, что «въ послѣднее время сношенія стали такъ затруднительны, что мы поневолѣ должны были пріостановиться изданіемъ «Общаго Вѣча».

[1]) «Норма», игра словъ—ненормальное.
[2]) Слѣдуетъ приговоръ, уже извѣстный полнѣе читателю.
[3]) Александръ II.

2431. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 іюля (1864 г.), пятница
«Royal Hotel» Blackfriar's bridge.

У меня все еще идетъ кругомъ въ головѣ отъ разговора, который длился отъ 6 до часу безпрерывно. Десять разъ онъ принималъ ту форму, послѣ которой слѣдовало бы прекратить и его, и знакомство. О сближеніи не можетъ быть и рѣчи, и при этомъ лично С. [1]) и уважаетъ, и любитъ меня. Я только взошелъ въ № и спросилъ объ немъ, какъ онъ явился самъ (онъ у человѣка записалъ мое имя, стало, не боится). Я протянулъ ему руку, но онъ бросился обнимать меня etc.

Вотъ главные тезисы. Что касается до правительства, оно не имѣетъ никакого направленія и идетъ зря; оно съ самаго начала искало руки ведущей, но ея не нашлось, и теперь ищетъ. Терроръ ему приказало общество, и этимъ С. доволенъ (противъ террора въ Пет. Суворовъ, Валуевъ, Адлерб.). Было время, въ которое «Колок.» могъ вліять громадно. Все потеряно колоссальной ложью въ польскомъ дѣлѣ. Онъ считаетъ теперешнюю дѣятельность окончательно пустой, потому что, кромѣ исключительнаго кружка, никто не хочетъ и не читаетъ «Кол.». Всѣ увѣрены, что ложные манифесты шли отъ насъ или, по крайней мѣрѣ, отъ Бак., и онъ такъ думалъ до разговора. Польшу, поляковъ онъ ненавидитъ; вещи, имъ разсказанныя, дѣйствительно, ужасны. Съ Милютинымъ [2]) онъ въ тѣсной дружбѣ и, кажется, воротится на свое мѣсто послѣ лѣченія въ Рагацѣ. (У него были два удара паралича, но легкаго; онъ отъ послѣдняго почти совсѣмъ окривѣлъ, но сохранилъ и прежнюю энергію, и удвоенный фанатизмъ, и необыкновенно изворотливый умъ, но зато, кромѣ немножко бордо, пить не можетъ). Крестьянское дѣло въ Польшѣ онъ считаетъ великимъ историческимъ дѣломъ. Твою статью винитъ онъ въ томъ, что ты, зная, что польскіе крестьяне не бунтовали, сказалъ, что они бунтовали, и что ты не оцѣнилъ, что уступленная поляками земля — минимумъ за отрѣзками, сдѣланными съ 1807—1846 и въ послѣднее время.

По всему сказанному онъ ближе къ Каткову и Муравьеву, чѣмъ къ «Кол.». «Современникъ» ненавидитъ, Чернышевскаго тоже; о Мартьяновѣ едва слышалъ.

Затѣмъ начинается другая часть: это—детали, т.-е. картины, эпизоды и пр. И душу щемитъ, и смѣшно, и не смѣшно. Хаосъ, безуміе, дурманное броженіе. Мысль, у него проявляющаяся или затаенная, та: «Всему этому и вы способствовали» (онъ считаетъ

[1]) Самаринъ.
[2]) Николай Алексѣевичъ.

вліяніе мое на поколѣніе съ начала царствованія самымъ главнымъ и сильнымъ, больше сильнымъ, чѣмъ вліяніе Николая Павловича. Каково!?) въ то время, какъ надобно было всѣ силы, всѣ помышленія устремить на то, чтобъ двинуть машину впередъ.

Я пришелъ въ свою комнату усталый somme toute [1])... Общее впечатлѣніе страшно грустное. Какой-то стихійный соціальный переворотъ идетъ, давя колесами все,—и люди, какъ С., съ этимъ примирились и идутъ возлѣ и тянутъ эту барку по бичевнику въ крови и во всемъ, да еще намъ говорятъ: «Да, вѣдь, вы хотѣли же соціальнаго переворота; ну, онъ идетъ такъ, а не иначе».

Прощай.

Сегодня я съ нимъ обѣдаю. «Можетъ,—сказалъ онъ на прощанье,—вы будете спокойнѣе». Я не думаю.

8 часовъ—ѣду къ Гено де Мюсси [2]).

Не знаю, поѣду ли, т. е. успѣю ли выѣхать въ субботу,—Сам. ѣдетъ въ понедѣльникъ,—можетъ, и я останусь до понед. и пріѣду въ 1-ой train.

Вечеромъ напишу. Все что-то очень печально.

Natalie жму руку и всѣмъ дѣтямъ.

2432. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 іюля (1864), суббота, 10 часовъ.
Blackfriar's, Royal Hotel.

Вчерашняя бесѣда была еще тяжелѣе, дошло даже до холодно-язвительныхъ замѣтокъ. Я боленъ Самаринымъ. Что же это, наконецъ? Два человѣка, считающіе другъ друга честными людьми, могутъ до такой степени расходиться! А онъ и его кругъ пойдутъ впередъ; онъ самъ говоритъ почти: «Теперь наше время». Тѣни издали ни малѣйшей на entente [3]) съ нимъ. Въ союзъ онъ не вѣритъ съ нѣмцами. Говоритъ свое, что изъ правительства можно было сдѣлать и то, и сё, даже чтобъ мы черезъ годъ или два возвратились, или чтобы я могъ пріѣхать на время, чего бы онъ ужасно желалъ, потому что я не понимаю и не знаю современной Россіи, и такъ далѣе.

Отъ фуламскаго дома я отказался. Вчера осмотрѣлъ съ Тхорж. одинъ домъ на Maida Hill; въ случаѣ нужды возможный—7 гин. въ недѣлю. Сегодня иду съ Тхорж. смотрѣть три дома въ Кенсингтонѣ, близъ выставки и по дорогѣ зайду къ Мац. освѣжиться отъ славянобѣсія.

[1]) Словомъ.
[2]) Ноель, французскій врачъ.
[3]) Согласіе.

Комиссій своихъ не дѣлали и потому рѣшили остаться до понедѣльника; въ понедѣльникъ пріѣду непремѣнно. Завтра иду въ Ричмондъ смотрѣть домъ на Hill'ѣ. A propos, два дома, расположенные такъ, чтобы въ одномъ жили ты и я, а въ другомъ всѣ дамы и дѣти, Тхорж. нашелъ,—5 большой и 3 мал. Когда дѣти уѣдутъ, мы бы заняли большой.

Долгор. уже безпокоится; навѣрное, поймаетъ; если успѣю имѣть свиданіе съ Чернец., поѣду къ нему завтра же [1].

Сам. придетъ ко мнѣ прощаться (не смѣшно ли, что мы лично на самой лучшей ногѣ). Я хочу ему поставить рѣзко вопросъ: «Ну, для чего же мы говоримъ и что же за результатъ свиданья?». Я ему вчера сказалъ: «Что вы мнѣ постоянно толкуете о Польшѣ, когда я васъ спрашиваю: *куда вы идете?* Вы просто отлыниваете».

Но онъ толкуетъ, что безъ «ла кестіонъ релижіосъ и полонесъ» [1]) и трава не растетъ.

A propos, еще разъ, онъ говоритъ, что моя роль была роль Немезиды пророчествующей, и что я пустилъ по міру (по духовному) все поколѣніе моей непослѣдовательностью; что жаръ душевный и талантъ скрыли ядъ, а въ нихъ отрава осталась, а полета нѣтъ.

Всѣ ли вы здоровы? Какъ поправляется Лиза, и Ольга съ кѣмъ читаетъ по-русски?

Фрейлигратъ кланяется Мейзенбугъ. Я съ большимъ удивленіемъ нашелъ его скорѣе съ Фогтовой стороны въ Шлезвигъ-Голштейнѣ.

Комиссіи не исполнены, но будутъ всѣ онѣ byand [2]) до Ольго-Лизинскаго плавательнаго... [3]) и пр.

Всѣмъ кланяюсь—безъ усовъ и съ усами.

Гено де Мюсси разсказывалъ, что у Монпансье была Evysip въ головѣ. Мое—не полипъ; велѣлъ жечь попрежнему. Онъ кланяется Natalie да еще vous dites, que je suis à ses pieds [4]).

◆◆ 1. Къ этому времени отношенія съ Долгоруковымъ опять были возстановлены. Объ обстоятельствахъ и времени новой ссоры можно судить изъ двухъ французскихъ писемъ, копіи которыхъ занесены въ записную книгу Балашевича-Потоцкаго. Дѣлаю переводъ:

«Лондонъ, 1 іюня 1864. Господинъ Долгоруковъ. Въ нумерахъ 19-мъ и 20-мъ вашей газеты «Листокъ» вы клевещете на живущихъ въ Дрезденѣ поляковъ. Эта статья вызвала такое волненіе среди поляковъ, имѣющихъ пребываніе въ Лондонѣ, Дрезденѣ и другихъ мѣстахъ, что въ вашихъ же интересахъ

[1]) Вопроса религіознаго и польскаго.
[2]) Скоро.
[3]) Слово не разобрано.
[4]) Вы говорите, что я у ея ног.

было бы обнародовать документы, относящіеся къ тому, что вы утверждаете и что разсматривается исключительно, какъ лживое измышленіе. Если въ ближайшемъ нумерѣ вашей газеты статья эта не будетъ полностью опровергнута или подкрѣплена соотвѣтствующими доказательствами, вы должны будете быть готовы къ послѣдствіямъ, столь же жестокимъ, сколь и законнымъ; между прочимъ, будьте готовы и къ тому, что настоящее письмо будетъ опубликовано во всѣхъ газетахъ въ сопровожденіи подробностей, касающихся вашей общественной жизни, которыя едва ли васъ порадуютъ, тѣмъ болѣе, что они будутъ подкрѣплены очевидными доказательствами. *I. Піотровскій*».

«Е. С. Петру Долгорукову, пройдохѣ. 2 іюня 64. Кто вы такой? Писатель или ракъ? [1]) Вы — бѣшеная собака. Вы — князь изъ рода калмыцко-монгольскаго, блестящій представитель московитско-азіатской націи, но не Россіи. Вы ненавидите Польшу, но это приноситъ ей честь. Мы съ восторгомъ узнали, что *29 мая 1864* вы были изгнаны изъ дома нашего знаменитаго друга Герцена».

2433. Письмо къ Н. П. Огареву.

(24 іюля 1864). Воскресенье.

Письмо отъ Лизы и отъ Ольги получилъ.

Но затѣмъ писать бы не сталъ, а пишу, чтобъ вамъ сказать вещь хорошую послѣ всѣхъ мерзостей, которыя писалъ.

Передъ прощаньемъ у насъ шелъ крупный разговоръ и злой, потомъ—что-то молчаливый, потомъ—мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало грустно да и ему. И тутъ я ему сказалъ: «Могу ли я, послѣ всего, что́ было, просить о личной услугѣ въ пользу несчастнаго человѣка?»

Его это покоробило.—«Что́ же вы хотите?

— Складку для Мартьянова и пошлите ему.

— Разскажите подробно, въ чемъ дѣло?

Я разсказалъ.

— Что же, вы возьметесь?

Онъ помолчалъ, прошелся и говоритъ: Нѣтъ, потому что это слишкомъ ничего не значитъ. Если хлопотать, такъ хлопотать о томъ, чтобъ его выписали изъ Сибири.

— И вы можете что-нибудь сдѣлать?

— Сдѣлаю, что могу. Пришлите его письмо къ государю.

На этомъ мы поцѣловались и разошлись. «Можетъ,—сказалъ я,—и это—русское явленіе, что два противника такъ встрѣчаются».

[1]) Въ подлинникѣ игра словъ: писатель—écrivain, ракъ—écrivisse.

Онъ для спасенья Мартьянова все сдѣлаетъ. Сейчасъ Тхоржев. ему везетъ письмо.
Пишу изъ American Stove.
Самаринъ ѣдетъ завтра.

2434. Письмо къ С. Тхоржевскому.

27 іюля 1864.
Bournemouth.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, какъ васъ богъ милуетъ и что отвѣтъ изъ дома?

У насъ вотъ какія штуки и просьбы. 1-ое, если кто ѣдетъ въ Парижъ изъ короткихъ знакомыхъ, нельзя ли послать мою медаль Громору (rue Orleans) для передачи Прудону съ величайшимъ респектомъ? 2-ое не возьмется ли кто доставить *два ливра* также русскому офицеру, который прислалъ письмо черезъ Жабицкаго (фам.—Краснопѣвцевъ) [1])?

3. Саша пишетъ изъ Флоренціи, что съ него, всетаки, сложили 42 фр., и посылка пріѣхала изъ Болоньи, а я посылалъ черезъ Ливорно моремъ. Это—обыски; когда будете въ Сити, зайдите къ нимъ. Да нельзя ли у Wilson'a спросить, можно ли жаловаться на нихъ и какъ? Это для переду хорошо.

4. Когда увидите кн. Долгорукова, скажите, что Parech все надуваетъ: вчера за «От. Записки» и «Искру» взяли 1 шил. 3 пенса, а прошлый разъ, несмотря, что написано было «prepaid», взяли 1 шил. 10 п.; лучше посылать sous bande по почтѣ.

Наконецъ, 6 или, нѣтъ,—5. При васъ я заказывалъ вино Дональди. Онъ прислалъ 2 дюж. краснаго, 2 дюж. бѣлаго и ни одной бут. марсалы. Будьте милостивы и зайдите къ нему съ этой запиской, а вина бѣлаго 1½ дюж. я отошлю назадъ. Нельзя ли двѣ дюжины марсалы взять хоть у того же?

2435. Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину.

29 іюля 1864.
Bryanston House. Bournemouth.

Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, я сказалъ вамъ, что буду писать къ вамъ, и, дѣйствительно, чувствую неотлагаемую потребность, но мнѣ пришло въ голову другое дѣло. Вы говорили,

[1]) Петръ Ивановичъ; ему посвящена глава въ «Пережитомъ и передуманномъ» В. И. Кельсіева.

что на вашъ вызовъ поединоборствовать никто не вызвался изъ молодежи. Я не дивлюсь этому: Вы—такой боецъ, что не всякій рѣшится, чтобъ вы его съѣздили подъ микитки. Я помню, какъ я, бывало, готовился, со страхомъ логики и вѣрою въ Гегеля, на споры съ Хомяковымъ и, приходя домой, считалъ, всѣ ли категоріи цѣлы. Позвольте же, вмѣсто молодежи, начать въ «Колоколѣ» рядъ писемъ безъ вашего имени, безъ намековъ и совершенно въ серьезномъ тонѣ. Посылаю вамъ начало, судите сами. Отвѣчайте мнѣ въ «Днѣ» или въ «Колоколѣ»; я съ величайшей готовностью помѣщу все, если не будетъ крѣпкихъ словъ о предметахъ дорогихъ мнѣ.

Вы были очень раздражены и сильно выражались въ разговорахъ.

Можетъ, эта полемика и доведетъ до большей ясности обѣ стороны; буду ждать вашего отвѣта.

Въ заключеніе еще и еще разъ прошу васъ о Мартьяновѣ, за земскаго царя и любовь къ нему пострадавшаго... Да и когда вся эта эра крови, казней и террора пройдетъ... Тогда и жить и спорить было бы легче.

Прощайте, будьте здоровы.

Преданный вамъ

А. Герценъ.

Если вы найдете неудобнымъ помѣщеніе письма теперь, то я его передѣлаю въ формѣ и помѣщу статьей, какъ бы писанной ad usum [1]) «Дня», мѣсяца черезъ два, чтобы отнять возможность отгадать поводъ. Въ слогѣ я, можетъ, сдѣлаю поправки, но сущность и, главное, тонъ останутся.

До конца августа я здѣсь, съ 25—26 вѣрнѣе писать: «London, N. Trübner Esq., 60., Paternoster row., E. C. pour remettre à A. H».

Переписала моя дочь.

Письма къ противнику.

М. Г. (или что-нибудь).

Трудно себѣ представить двухъ человѣкъ, которыхъ весь нравственный бытъ и строй, все святое святыхъ, всѣ идеалы и стремленія, всѣ упованія и убѣжденія были бы до такой степени противоположны, какъ у меня съ вами. Мы люди разныхъ міровъ, разныхъ вѣковъ, и при всемъ томъ и вы, и я, мы служимъ *одному дѣлу*, преданы ему искренно и такими признаемъ другъ друга.

[1]) Для (пользованія).

Послѣ ряда свиданій съ вами я нѣкоторое время не могъ привести въ порядокъ мыслей; едва теперь я прихожу въ себя. Пріемы были слишкомъ крѣпки и требовали долгой работы, чтобы дойти до свободнаго обсуживанія.

Вы указали нѣкоторыя ошибки наши,—я стремлюсь ихъ исправить. Вы заставили меня подумать о слабыхъ сторонахъ нашей деятельности,—я постараюсь укрѣпить ихъ для того, чтобы быть еще большимъ и сильнѣйшимъ противникомъ того направленія, которое вы защищаете. Оно имѣетъ верхъ, сила съ его стороны, оно можетъ быть объяснено, имѣетъ достаточныя причины, но не нравственное оправданіе. Да оно же ему и не нужно, какъ не нужно всякому катаклизму или напору стихій.

Изъ глубины моего сердца, изъ глубины моей совѣсти подымается крикъ протеста противъ террора въ Польшѣ, противъ гоненій внутри Россіи, противъ казней, противъ добиваній послѣ побѣды. Я все это считаю не только не нужнымъ, но вреднымъ.

Я васъ слушалъ честно и добросовѣстно, но вы не убѣдили меня, и это не личное упрямство, не упорство партіи. Это-то именно я и хочу вамъ доказать.

С самаго начала, мнѣ кажется, слѣдовало бы сказать, въ чемъ мы *согласны* съ вами, въ чемъ у насъ есть *общая истина, общая любовь*. Еслибъ ихъ не было, то о чемъ же намъ было бы и говорить? Я знаю, что вы не допускаете возможности разными путями доходить до одной истины, какъ всѣ люди религіозные. Но исторія и наука противъ васъ; онѣ вамъ показываютъ на каждомъ шагу, что какимъ бы ломанымъ, кривымъ, фантастическимъ путемъ ни открывалась истина, однажды сознанная, она освобождается отъ путей и получаетъ признаніе помимо ихъ. По системѣ Тихо-Браге доходили больше мудренымъ путемъ до тѣхъ же законовъ движенія планетъ, какъ по системѣ Коперника.

Практическій вопросъ не въ точкѣ отправленія, не въ личномъ процессѣ, не въ діалектической драмѣ, не въ логическомъ романѣ, которымъ мы отыскиваемъ истину, а въ томъ, *истинна ли истина*, которая становится нашею плотью и кровью, практическимъ основаніемъ всей жизни и дѣятельности, и истинны ли пути, которыми мы осуществляемъ ее.

Дѣйствительно, слова драма и романъ идутъ къ процессу роста живыхъ ученій.

Вспомните, какъ мы встрѣтились съ вами, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ двухъ противоположныхъ станахъ и тотчасъ ступили въ состязаніе. Какъ два бойца, мы перемѣнили въ продолжительномъ бою не только мѣста, но перемѣшали орудія: вы и ваши друзья сдѣлались западными террористами, защитниками петровской имперіи, даже дворянской цивилизаціи; а мы, отрекаясь отъ кровавыхъ прогрессовъ, отъ поглощающаго государства, стоимъ за народъ, за общину, за право на землю. Ваши друзья за Петербургъ; мы за — нѣтъ, мы не за Москву — мы за

село. При этомъ круженіи около одной точки, при этомъ обмѣнѣ сторонъ и оружій, что же осталось неизмѣннымъ? Именно *эта точка.*

Объ ней-то позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Мое воззрѣніе вамъ извѣстно; я думаю, что знаю ваше. Точка, оставшаяся господствующей осью, около которой прошла наша жизнь отъ отрочества до сѣдыхъ волосъ, это—наше отношеніе къ русской землѣ, къ русскому народу, *вѣра въ него, любовь къ нему* (я ее, какъ «День», никакъ не смѣшиваю съ патріотизмомъ, съ этой, больше и больше ненавистной мнѣ добродѣтелью). Любовь дѣятельная, стремящаяся, во что бы то ни стало, облегчить трудъ его развитія, участвовать въ его судьбахъ и ставить цѣлью своей жизни его благосостояніе. Любовь наша — не только физіологическое чувство племенного родства; нѣтъ, она тѣсно соединена со всѣми нашими стремленіями и идеалами, она оправдана вѣрой и разумомъ, она имѣетъ основу ширшую, чѣмъ случайность мѣсторожденія.

Для васъ русскій народъ по преимуществу народъ *православный.* Что онъ для меня—позвольте мнѣ сказать въ нѣсколькихъ словахъ.

2436. Письмо къ сыну.

30 іюля (1864).
Bryanston House, Bournemouth.

Любезный Саша, я не писалъ къ тебѣ довольно давно.

Дѣтьми я, хотя и доволенъ, но преимущественно Татой,—у ней благородный и умный нравъ, у ней есть и эстетическій элементъ и элементъ деликатности. Ольга отстала и тутъ претрудно поправить. Я хотѣлъ бы, чтобы послѣ Рима она ѣхала бы съ Мейз. въ тотъ городъ Швейцаріи или Германіи, гдѣ наилучшій пансіонъ; Мейз. немного карячится; къ тому же и мы переберемся въ Европу. Главнымъ грузомъ, т.-е. остановкой собственно, былъ Огар., но и онъ, наконецъ, хочетъ ѣхать. Впрочемъ, такъ какъ Америка до 1 іюля 1864 проценты выплатила золотомъ (кромѣ Виргиніи, кототорой платить нечѣмъ), то я, дѣйствительно, невижу необходимости торопиться. Теперь у насъ дебатируютъ, novembre ou avril [1]), какъ rouge et noir [2]). Огар. хочетъ до будущей зимы (1865) жить въ Швейцаріи.

Деньги, пожалуй, Львиц. не посылай, — Фогтъ отослалъ назадъ 500. Но пришли мнѣ подробный счетъ, сколько истрачено и

[1]) Ноябрь или апрѣль.
[2]) Въ рулеткѣ красное и черное.

сколько осталось отъ фрибургскихъ. Убѣдился ли ты, что путешествіе дѣтей не такъ-то было дешево?

На-дняхъ въ Лондонѣ былъ Самаринъ, занимающій теперь важное мѣсто и очень извѣстный славянофилъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ меня видѣть—и одного; я ѣздилъ въ Лондонъ и тутъ въ первый разъ видѣлъ своими глазами, что такое нынѣшніе неистовые патріоты, это—Робеспьеры монархіи. Онъ очень уменъ, въ Польшѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ Милютина по крестьянскому дѣлу. Я провелъ съ нимъ два дня съ половиной, и мы разстались, не откусивши другъ другу ни пальцевъ, ни головы (все это, разумѣется, никому не говори). Я предлагаю ему вести открытую войну—жду его отвѣта—въ «Колоколѣ».

Кельсіева братъ [1]) умеръ (23 лѣтъ) отъ тифа.

1 августа.

Сегодня окончательно рѣшенъ вопросъ о нашемъ переѣздѣ. Къ 1 ноября я вмѣстѣ съ дѣтьми и Nat. и Мальв. ѣду въ Швейцарію и тамъ ихъ учреждаю, а Тату посылаю въ Римъ. Въ генварѣ я возвращаюсь и 1 марта Ник. Пл. bricht ab [2]) и ѣдетъ.

Доселѣ рѣшено только это. Я взялъ со всѣхъ подписки и клятвы, что мѣнять не будутъ, и себѣ—диктатуру.

Чернецк. я видѣлъ въ Лондонѣ all right. Не хочешь ли ты самъ въ продолженіе времени побывать, даже ѣхать съ Огар. потомъ? Все это обсуди самъ.

? Какихъ №№ «Колокола» у тебя нѣтъ?

Прибавл. Чернецкій говоритъ, что все ладно съ маленькимъ [3])—у него теперь поносъ.

2437. Письмо къ С. Тхоржевскому.

1 августа (1864).
Bournemouth.

Любезный Тхоржевскій, вотъ вамъ новости изъ бурнемацкаго парламента. Послѣ двухдневныхъ дебатовъ рѣшено:

1. *Ѣхать* Нат. Алек { сѣевнѣ, сандровнѣ,
   Дѣтямъ,
   Мальвидѣ де Мейзенб.,
   А. Герцену
   1 ноября въ *Швейцарію.*

[1]) Иванъ Ивановичъ.
[2]) Порываетъ.
[3]) Тутцъ.

2. Въ генварѣ Герценъ возвращается.

3. Въ мартѣ Ник. Пл. отправляется окончательно.

Когда члены парламента кончили, я всталъ и сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Ladies and Gentlemen [1])! Я согласенъ, но на двухъ условіяхъ (hear, hear) [2])—*болѣе планы не мѣнять* (bravo! bravo!), второе: мнѣ вручить полную деспотическую диктатуру до 15 марта 1865 (bravo u yes!) [3]).

Какъ диктаторъ, я принялъ сегодня, въ 11 часовъ утра бразды правленія и, сообщая вамъ объ этомъ, вотъ о чемъ прошу:

1-ое. Узнать, отдадутъ ли Maid'y Hill на 2 мѣсяца?

2. Или что же сдѣлать?

Не мѣшаетъ теперь же узнать, какъ посылать большіе ящики, напр., въ Женеву.

Не годится ли на небольшой срокъ домъ въ Kensington Gardens; вообще, мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ и дружеское участіе въ дѣлѣ. Я васъ назначаю лондонскимъ проконсуломъ. Не пріѣхать ли мнѣ? Да и вы бы пріѣхали на недѣлю, только прежде скажите впередъ, чтобъ можно было комиссій надавать.

Прощайте.

Платье получилъ, сшито ладно, но цвѣтъ я выбралъ плохо.

P. S. Можно взять два небольшіе домика въ St. John's Wood или у парка: одинъ для дѣтей, одинъ для меня и Огарева.

2438. Изъ дневника.

2 августа 1864.
Bournemouth.

Я читалъ ея послѣднія минуты [4]). Я съ какимъ-то религіознымъ трепетомъ хотѣлъ передать Татѣ—и перерывъ грустный, страшный, оскорбляющій дѣтей,—далѣе я не могъ. Я захлебнулся слезами и, словно, во мнѣ оборвалось, и голосъ звучалъ въ ушахъ: «Такъ-то сдержалъ клятву, повторенную сто разъ у смертнаго одра, у могилы?!...» Я презиралъ себя. Не любовью къ маленькимъ, не любовью вообще я измѣнилъ, а запущеніемъ большихъ, а допущеніемъ такого языка.

А какъ возможно и свѣтло могло быть это начало зимы...

Саша и Тата совершеннолѣтніе; остается Ольга. Съ тѣми я расчитался въ дѣлѣ воспитанія, и она-то должна платиться за мой эгоизмъ, за мой слабый характеръ. Когда ей будетъ 20 лѣтъ...

[1]) Милостивые государыни и милостивые государи.
[2]) Слушайте, слушайте!
[3]) Браво и да (согласны)!
[4]) Гл. L «Былого и думъ».

Страшно думать и говорить. Силы истощаются во мнѣ.

Комедія сыграна! То, чего я боялся, сдѣлано: я пережилъ себя; начинается неблагодарная старость,—и вотъ для чего я пережилъ потери и обиды. [1]

◆◆ 1. Это записано сразу послѣ дикой сцены, сдѣланной Н. А. Огаревой Герцену и его старшей дочери во время чтенія «Былого и думъ». Несдержанность этой женщины, ея неумѣніе обуздать свой эгоизмъ и нежеланіе понять Герцена, какъ мужа покойной Наталіи Александровны и отца ихъ дѣтей, были проявлены въ этотъ разъ съ особенной рѣзкостью и мѣщанской грубостью.

2439. Изъ дневника.

4 августа 1864.

Я всегда думалъ, что передача Татѣ будетъ своего рода торжественной панихидой, что мы, по своему всѣ близкіе, помолимся у ея могилы. И это отравлено... А такой день не возвратится больше. Весело я ждалъ ихъ—и это убито. Какая казнь за мою ничтожность, за мою слабость! Вотъ вѣнокъ, заслуженный мною. Неужели и дѣти побьютъ меня каменьями?

Думала ли она въ 1849 году, несчастная и глубоко любившая меня, что она клала первый камень столба, къ которому я буду привязанъ, а черезъ 15 лѣтъ не пріобрѣту даже уваженія женщины, одной послѣ ея смерти, которой я подалъ руку... Да остается за мной презрѣніе дѣтей, большихъ и малыхъ.

Поѣздка въ Швейцарію, въ Ц. [1]), на мѣсто, гдѣ совершилась часть бѣдствій. Я могу, я долженъ твердо вынести все. Съ совершеннолѣтія Ольги я развязанъ отъ обѣщаннаго.

Но зачѣмъ я такъ прозаично, такъ грубо наказываюсь розгами и плеваньемъ въ глаза? Или смириться и передъ этимъ?... Горе человѣку, въ которомъ не умѣютъ уважать женщину, любившую его; горе человѣку, который ... [2]) матери не умѣлъ покрыть дѣтей ея.

Когда я Огар. писалъ, что 1864 застанетъ насъ умаленными, что мы пошли въ дурной спускъ, какъ вполнѣ справедливъ я былъ...

2440. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(7 августа 1864) Воскресенье.

Дружески благодарю васъ за хлопоты. Я полагаю, что домъ Maida Hill совершенно удовлетворителенъ, и готовъ самъ пріѣхать

[1]) Цюрихъ.
[2]) Слово неразобрано.

посмотрѣть. У насъ толкъ о томъ опять, чтобы дѣтямъ и Нат. Ал. ѣхать; стало, дня два надобно обождать.

Въ «Таймсѣ» я видѣлъ, домъ сдается. Когда вы пріѣдете (только не возите князя [1]), скажите, что я самъ буду на-днях)? Сколько времени можете ждать дома Maida Hill?

Кельсіевъ пишетъ, что «Колок.» не приходитъ и письма тоже; пошлите ему три послѣд. № на Жуковскаго.

Огар. проситъ тѣхъ же сигаръ 100 и очень хлопочетъ, посланы ли «Колоколъ» и «Вѣче» въ Іогансбургъ.

Прощайте.

2441. Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину. [1]

8 августа 1864
Bryanston House, Bournemouth.

Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ! Письмо ваше отъ 3-го ав. я получилъ, прочиталъ его и перечиталъ и буду на него отвѣчать, но не теперь. Меня очень безпокоитъ, почему вы не получили моего довольно длиннаго письма, посланнаго, помнится, 29 іюля. Спросите, пожалуйста, на почтѣ (писалъ poste rest.) и, если нѣтъ, велите имъ написать въ федеральную почту.

Мимоходомъ замѣчу только, что Мартьяновъ сосланъ на каторгу именно *за то письмо*, которое вы читали, и что мнѣ не нужно было корреспондентовъ, а—«Спб. Вѣдомости» и всѣ большія газеты, въ которыхъ была сентенція. Вы видите, что безмозглое правительство наше можетъ еще и васъ удивлять нелѣпостью. Будьте же не такъ довѣрчивы въ одну сторону. Человѣкъ ненавидѣлъ Польшу, мечталъ о русской славѣ, вѣровалъ въ земскаго царя, написалъ ненужное, неловкое—что̀ хотите—письмо, и за это сосланъ на каторгу. Дѣйствительно, оно не правдоподобно. Жду результата вашей справки. Да вѣдь, и это странно, что въ кои вѣки крестьянинъ, крѣпостной, выбившійся на волю, осмѣлился поднять голосъ,—его послали на каторгу, а истые патріоты не слыхали даже о существованіи такого человѣка (въ «Днѣ», кажется, не было и упомянуто).

Я жду вашего отвѣта и готовъ, для уясненія истины, переписываться, но тутъ я попрошу васъ сдѣлать уступку. Въ частномъ письмѣ брань близкихъ людей не идетъ, она только раздражаетъ. Вы—слишкомъ сильный боецъ, чтобы обижать словомъ побитыхъ и враговъ. Что̀ значитъ, напр., ваша брань Маццини [2]?—

[1]) П. В. Долгоруковъ.

[2]) A propos, въ какой газетѣ вы читали тотъ тостъ, о которомъ вы мнѣ говорили и теперь пишете? Я вамъ не отвѣчалъ шутя,—мнѣ было странно, что рѣчи, напечатанныя, безъ сомнѣнія, въ 200 разныхъ газетахъ, не дошли до васъ. Прочтите ихъ въ 184 листѣ «Кол.». Что Гариб. не произ-

изъ какого «Diario Romano» Антонелли или брошюръ Франческула вы начитали ваше мнѣніе о людяхъ, которые призвали къ жизни ту Италію, которая теперь существуетъ? Я видѣлъ Италію 1847 и знаю, что сдѣлали пропаганда Маццини и мечъ Гарибальди. Я терпѣть не могу Наполеона, но меня подираетъ по кожѣ, когда его зовутъ badinger [1]) или Наполеошкой. Нѣтъ, вамъ не идетъ инквизиторская нетерпимость—ни противъ юношей, дѣлающихъ ошибки, ни противъ людей, умирающихъ за *свое* дѣло, потому что оно не *ваше* или мѣшаетъ *вашему*, ни противъ тружениковъ, работавшихъ всю жизнь для своей идеи, какъ вы—для своей.

Этой гуманности я въ правѣ отъ васъ требовать; безъ нея переписка сдѣлается невозможной.

Жду слова насчетъ прежняго письма и остаюсь преданный

А. Герценъ.

PS. Къ 1-му сентября я буду въ Лондонѣ.

◆◆ 1. 3 августа Самаринъ писалъ изъ Рагаца: «Письмо Мартьянова, напечатанное въ «Колоколѣ», я прочелъ и очень радъ, что вы на него указали. Я говорилъ вамъ о той нравственной заразѣ, которую вы напустили на русскую землю и привили къ сотнямъ и тысячамъ молодыхъ людей. Другого примѣра въ подтвержденіе моихъ словъ мнѣ не нужно. Въ какой мѣрѣ вы лично имѣли вліяніе на Мартьянова, того я не знаю, да и не нужно мнѣ знать.

«Вы понимаете, что дѣло идетъ вообще о той заграничной русской пропагандѣ, которой вы—регентъ, которая надолго заглушила во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ голоса преподавателей и задѣла кое-кого въ слояхъ нашего податного общества... Одно изъ двухъ: или Мартьяновъ не на каторгѣ, или онъ сосланъ не за это письмо, а за другое дѣло, и вамъ и мнѣ неизвѣстное [2]).

«Да, это—одинъ изъ образчиковъ и притомъ далеко не изъ худшихъ. Судите по немъ о школѣ.

«Повторяю вамъ опять то, что я вамъ говорилъ въ Лондонѣ: ваша пропаганда подѣйствовала на цѣлое поколѣніе, какъ гибель-

несъ тоста à la Barscheff [0])—не удивительно, да, вѣдь, онъ и былъ у человѣка, ушедшаго изъ Россіи, потому что тамъ нельзя было дышать, а не у генерала Витгенштейна, защищавшаго розги и петербургскаго патріота. *А.И.Г*

[1]) Шутъ, фигляръ.

[2]) Примѣчаніе И. С. Аксакова: «Если намъ память не измѣняетъ, Ю. Ѳ., разсказывая про свое свиданіе съ Герценомъ, говорилъ, что онъ съ сожалѣніемъ узналъ по возвращеніи въ Россіи, что извѣстіе, помѣщенное въ «Колоколѣ» о судьбѣ, постигшей Мартьянова, оказалось справедливымъ, и что, отрицая вѣрность этого извѣстія, онъ впалъ въ ошибку».

[0]) С. И. Баршевъ, профессоръ московскаго университета.

ная, противоестественная привычка, привитая къ молодому организму, еще не успѣвшему сложиться и окрѣпнуть. Вы изсушили въ немъ мозгъ, ослабили всю нервную систему и сдѣлали его совершенно неспособнымъ къ сосредоточенію, выдержкѣ и энергической дѣятельности. Да и могло ли быть иначе? Почвы подъ вами нѣтъ; содержаніе вашей проповѣди испарилось; отъ многихъ и многихъ крушеній не уцѣлѣло ни одного твердаго убѣжденія; остались одни революціонные пріемы, одинъ революціонный навыкъ какая-то болѣзнь, которой я иначе назвать не могу, какъ *революціонною чесоткою*. Все прочее, чѣмъ Вы еще придаете себѣ видъ пропагандиста и что въ васъ, Александрѣ Герценѣ, совершенно искренно, то все вы сами давно засудили и оплевали въ виду всѣхъ вашихъ учениковъ. Вы изъ первыхъ у насъ проповѣдывали матеріализмъ и держитесь его и теперь; онъ вамъ пришелся по рукѣ, какъ таранъ, которымъ вы разбивали семью, церковь и государство. Какъ матеріалистъ, вы должны знать, что изъ всѣхъ разнородныхъ побужденій, одновременно испытываемыхъ человѣкомъ, всегда беретъ верхъ сильнѣйшее, и что относительная сила этихъ побужденій, перевѣсъ одного надъ другими обусловливается не выборомъ и произволеніемъ человѣка, а цѣлою совокупностью сочетаній и воздѣйствій химическихъ, физическихъ и иныхъ, которыя всѣ, отъ перваго до послѣдняго, предопредѣляются закономъ строгой вещественной необходимости. Вы также знаете, что, такъ называемая, свобода воли или предполагаемая въ человѣкѣ возможность (а, слѣдовательно, и право) самоопредѣленія, есть не что иное, какъ устарѣлое суевѣріе, какъ X, условный знакъ искомаго, и заявленіе нашей неспособности уловить необходимую связь причинъ и явленій. Изъ этого простой выводъ: если нѣтъ свободы духовной (въ смыслѣ самоопредѣленія), не можетъ быть и рѣчи ни о свободѣ гражданской, ни о свободѣ политической, ибо и та и другая предполагаютъ первую: самъ человѣкъ не въ силахъ выбиться изъ-подъ гнета вещественной необходимости; если самая эта устарѣлая мечта о свободѣ не болѣе, какъ продуктъ того же гнета, то этимъ самымъ, очевидно, оправдывается всякое принужденіе извнѣ, всякій деспотизмъ, всякое торжество сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ. Далѣе, если нѣтъ свободы, нѣтъ и отвѣтственности, нѣтъ того, что на языкѣ церковномъ и юридическомъ называется *вмѣненіемъ*, нѣтъ надъ человѣкомъ суда въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, начиная отъ простого одобренія или порицанія и кончая народнымъ тріумфомъ или каторгою.

«Вмѣнять человѣку въ заслугу или въ вину его слово или его поступокъ, притягивать его къ отвѣту передъ собою или передъ людьми было бы такъ же безумно, какъ браниться съ тучею за то, что изъ нея сыплется градъ, или кланяться ей за то, что она въ пору дождитъ на землю. Все это даже не выводы, а простое переложеніе самыхъ простыхъ догматовъ современнаго

катехизиса, котораго первымъ проповѣдникомъ въ русскомъ обществѣ были вы.

«Позвольте васъ спросить: вѣрны ли вы ему? Кромѣ вещества, нѣтъ ничего, и все сущее есть вещество или тѣло. Что мы называемъ силою, духомъ, психологическимъ началомъ—не болѣе, какъ аттрибутъ матеріи и проявленіе чисто вещественныхъ ея измѣненій. Итакъ, всякое внутреннее ощущеніе, мысль, чувство и т. под. относится къ тѣлу или матеріи (въ тѣсномъ, *не точномъ*, обиходномъ значеніи этого слова) точь-въ-точь, какъ паръ относится ко льду. Вѣдь, мы не скажемъ, что паръ духовнѣе льда, потому что его нельзя расколоть домомъ и свалить въ погребъ.

«Объясните же мнѣ, по какому праву вы возстаете такъ горячо противъ *тѣлесныхъ* наказаній? Развѣ у васъ есть въ запасѣ какія-нибудь другія, *не тѣлесныя?* Или: какую разницу вы отыскали *въ отношеніи нравственномъ* между плетью, которая, поражая спинные нервы, дѣйствуетъ на мозгъ и производитъ явленіе, называемое ощущеніемъ боли, и, напримѣръ, хоть словомъ, которое, вѣдь, тоже дѣйствуетъ только на слуховые нервы, далѣе на мозгъ и производитъ явленіе, хоть иное, но по вещественности, тѣлесности своей совершенно однородное съ первымъ? Въ разговорѣ со мною вы отмахнулись отъ этого вопроса и сказали мнѣ, что, если на то пойдетъ, то вы, пожалуй, распространите опалу на всякое наказаніе, *недобровольно* принимаемое человѣкомъ, чѣмъ бы оно ни наносилось: топоромъ, розгою, словомъ или взглядомъ. Это ужъ огромный шагъ къ истинѣ. Если вы, дѣйствительно, такъ думаете, то скажите это при случаѣ; но я предупреждаю васъ впередъ, что вы этимъ признаніемъ отнимаете у себя очень эффектную тему, на которой вы не разъ выѣзжали въ «Колоколѣ»; во-вторыхъ, что вы произведете скандалъ и рискнете потерею сотенъ вашихъ послѣдователей, которые, вторя вамъ, клянутъ розги и наивно мирятся съ тюрьмою, темнотою, черствымъ хлѣбомъ... Что касается до меня, то я и этимъ не удовлетворяюсь и предложу вамъ новый вопросъ: какой смыслъ въ вашихъ устахъ имѣютъ слова: *добровольно* и *недобровольно*, когда ужъ вы провозгласили, что въ мірѣ нѣтъ ничего *вольнаго?* Исправьте поскорѣе вашу терминологію, приведите образъ выраженій въ согласіе съ мыслью, по крайней мѣрѣ, постарайтесь это сдѣлать, и тогда вы увидите, вѣроятно, что въ этой мысли нѣтъ содержанія.

«Отрицая возможность самоопредѣленія, вы разнуздываете личность и повидимому освобождаете ее, но въ сущности вы дѣлаете совершенно противное, т.-е. вы порабощаете ее внѣшнему закону необходимости, которою предопредѣляется рѣшительно все: судьба человѣчества, движеніе небесныхъ свѣтилъ, паденіе каждой дождевой капли и каждое мимолетное побужденіе, повидимому, безслѣдно затрагивающее нервы человѣка. Личность въ томъ смыслѣ, въ какомъ она доселѣ сознавалась человѣкомъ, т.-е. въ смыслѣ свободнаго, изнутри созидающагося духа, теряетъ свой

центръ и, какъ частица вещества, расплывается въ микрокосмѣ. Вмѣсто личности остается безразличная среда, въ которой совершается игра стихійныхъ силъ, ей неподвластныхъ. Здѣсь, очевидно, одинъ законъ: законъ силы и постояннаго ея торжества надъ слабостью. Съ чего жъ вы взяли бунтовать противъ насилія и возмущаться пролитіемъ крови?

«Вы отвергаете идею вмѣняемости; вамъ просторно и хорошо въ области полной безотвѣтственности, ну, и живите въ ней! Но на какомъ же основаніи и по какому праву позволяете вы себѣ раздражать нервы публики, разыгрывая передъ нею въ каждомъ № «Колокола» мистерію страшнаго суда надъ живыми и мертвыми, проклиная однихъ и ублажая другихъ?

«Вѣдь, даже средняго состоянія, чистилища, какъ у католиковъ, у васъ нѣтъ; у васъ все—или мученики или палачи и шпіоны. Признайтесь сами: все это вамъ не къ лицу, на все это вы не имѣете ни малѣйшаго права. Нельзя кощунствовать и въ то же время провозглашать анаѳемы и пѣть акаѳисты.

«Вы отвѣчали мнѣ, что, производя ежедневную переборку людей, попадающихся вамъ подъ руку, вы, будто, вовсе *не судите*, а просто даете волю вашему личному *вкусу*, подобно тому, какъ тутъ же за столомъ, перебирая блюда, показанныя на картѣ, вы отвернулись отъ баранины и притянули себѣ тарелку съ раками...

«Александръ Ивановичъ, не клевещете ли вы сами на себя? Если-жъ вы, дѣйствительно, такъ смотрите на свое дѣло, то не совѣстно ли вамъ поднимать голосъ противъ деспотизма? Что-жъ такое, въ самомъ дѣлѣ, деспотизмъ, если не подчиненіе всѣхъ человѣческихъ отношеній личному вкусу? Вы оправдали Ивана Грознаго: ему тоже было любо сажать людей на колъ; всматриваясь въ ихъ судороги, онъ тоже тѣшилъ свой вкусъ. О вкусахъ не спорятъ; одинъ поноситъ, клянетъ и взываетъ къ *мести* (послѣдній № «Колокола»), потому что у самого нѣтъ силы; другой мститъ, потому что власть дана ему въ руки; степень силъ—другой разницы нѣтъ. Вы не написали ни одной статьи, которая бы не содержала въ себѣ тѣхъ же вопіющихъ противорѣчій. Каждое ваше слово заключаетъ въ себѣ оправданіе того, что вы клянете, и осужденіе того, что вы величаете. Отчего это? Для меня ясно: повернувшись спиною къ области нравственной свободы, т.-е. вѣры, вы не расквитались съ нею на чистоту; вы забрали изъ нея и унесли съ собою на тотъ берегъ много такого, на что ужъ вы не имѣете права; этотъ незаконный захватъ уцѣлѣлъ въ васъ, какъ свойство вашей личности, какъ ваша плоть и кровь, какъ навыкъ вашей души, и имъ однимъ поддерживается въ васъ жизненность; ему вы обязаны лучшимъ, что въ васъ есть. Вы, конечно, слыхали, что русскій крестьянинъ, переселенный съ насиженнаго мѣста въ дальнюю сторону, всегда забираетъ съ собою въ платкѣ горсть родной земли. Къ чему и на какую потребу? Этого онъ и самъ не знаетъ, но онъ дорожитъ ею и бережетъ

ее, какъ святыню. Мнѣ кажется, что и въ вашъ умственный скарбъ чья-то рука, безъ вашего вѣдома, уложила узелокъ земли съ того берега. Хорошо, что онъ уцѣлѣлъ, но помните одно: что не имѣетъ корня, то не плодится; что, такъ сказать, *доживаетъ* въ природѣ человѣка, безъ его сознанія и вѣдома, какъ отблескъ старины, отъ которой онъ отрекся, то другимъ не передается (вспомните личность Грановскаго и посмотрите на его учениковъ). Передается только то, что сознаніемъ признано и возведено на степень ученія, а у васъ его нѣтъ.

«Еслибъ только вы могли невидимкою побывать въ Россіи и застать врасплохъ вашу школу! Вы увидѣли бы, какъ 14-ти лѣтніе гимназисты снисходительно улыбаются, глядя, какъ еще проступаетъ въ Герценѣ старый человѣкъ. Я знаю напередъ, что все, что я вамъ теперь пишу о противорѣчіяхъ и внутренней несостоятельности вашихъ воззрѣній, вы пропустите безъ вниманія. Вы же сами, въ послѣднюю нашу вечернюю бесѣду, не разъ меня перерывали и говорили мнѣ, что къ подобнаго рода отвлеченностямъ вы потеряли всякій вкусъ. Это жаль. То, что вы называете отвлеченностью, гораздо глубже и рѣшительнѣе опредѣляетъ весь внутренній складъ человѣка, чѣмъ убѣжденія политическія и соціальныя. Два человѣка, изъ которыхъ одинъ сознаетъ въ себѣ свободный духъ и отвѣтственность, неразлучную съ свободою, а другой видитъ въ себѣ продуктъ химическихъ комбинацій, никогда не могутъ походить другъ на друга, ни въ семьѣ, ни въ обществѣ, ни въ государствѣ. Мнѣ кажется это ясно. Противорѣчія въ основныхъ воззрѣніяхъ непремѣнно отзовутся несостоятельностью на практикѣ при первой встрѣчѣ съ историческими задачами. Вы это можете видѣть на себѣ. Судьба готовила вамъ тяжелое испытаніе: вы должны были столкнуться съ возмутительными и въ же время съ *строго послѣдовательными выводами* изъ началъ, вами посѣянныхъ; вамъ пришлось сдѣлать выборъ между тѣмъ, чему вы учили, и тѣмъ, что вы любите и уважаете.

«Въ послѣдніе года два явленія въ нашемъ русскомъ мірѣ выдались особенно ярко. Это, во-первыхъ, попытка привести въ исполненіе безумную программу, кѣмъ-то продиктованную нашей неучащейся молодежи; я разумѣю разныя подпольныя изданія («Земля и Воля», «Великоруссъ» и т. п.), въ которыхъ проповѣдывались поджоги и бунтъ, воровскую прививку грубаго безбожія къ мальчикамъ и дѣвочкамъ, отданнымъ на вѣру въ распоряженіе преподавателей воскресныхъ школъ, подложные манифесты, которыми надѣялись обмануть крестьянъ и т. д. Во-вторыхъ, польскій мятежъ съ его аттрибутами: веревкою для подлой черни, отправленнымъ стилетомъ для польскихъ журналистовъ и русскихъ офицеровъ, и заказною ложью, по столько-то за строку, для общественнаго мнѣнія Европы. Какъ же отнеслись вы къ этимъ явленіямъ? Вы спасовали передъ обоими. Наша молодежь въ гимназіяхъ и университетахъ перестала учиться, она занялась устрой-

ствомъ разныхъ тайныхъ обществъ, органовъ будущей политической агитаціи, и, понемногу набивая руку, озадачила *растерявшееся* начальство разными требованіями, депутаціями и демонстраціями. Вы это знали. Кому же было, какъ не вамъ, умудренному опытомъ и сильному авторитетомъ надъ молодыми умами, обратить къ нимъ слово строгаго увѣщанія и объяснить имъ всю безнадежность этой опасной игры и всю безнравственность даровой растраты времени и силъ, нужныхъ для Россіи? Вмѣсто этого, вы поступили съ ними, какъ съ Мартьяновымъ: подогрѣли въ нихъ лихорадочный жаръ и окончательно вскружили ихъ головы, принявъ ихъ сторону въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда учителя и попечители пытались собрать распущенныя возжи. Польская хитрость воспользовалась русскою дурью и вашею къ ней поблажкою. Шалости приняли размѣры болѣе крупные. Начали появляться произведенія подпольской литературы, пояснительный текстъ къ петербургскимъ поджогамъ и предисловіе къ подложнымъ манифестамъ. По всей Россіи пробѣжалъ трепетъ негодованія. Одни только люди, не терявшіе надежды сбить правительство на старую дорогу и повторить аракчеевскую реакцію, потихоньку потирали руки. А вы?.. перечтите ваши статьи о «Великоруссѣ», о пожарахъ и т. п. Я отдаю ихъ на вашъ судъ. Наши лѣтописцы разсказываютъ, что когда Иванъ Грозный, будучи еще Ванюшей, мучилъ звѣрьковъ для своей потѣхи, тогдашніе камергеры, приставленные къ нему въ дядьки, хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ сочувственно посматривали на такую забаву, но, сознавая, что сами же они его избаловали, не рѣшались дать ему по рукѣ, а въ оправданіе себѣ и ему твердили вполголоса: «пусть державный веселится». Вы поступили съ русскою молодежью, какъ царедворецъ Ивана Грознаго. Мало того, вы съ жадностью ухватились за распущенную нелѣпость, будто бы переодѣтые шпіоны натравливали лавочниковъ на студентовъ и будто бы въ поджогахъ видна рука полиціи. Этой гнусной клеветѣ, которой никто не вѣрилъ, надъ которой смѣялись сами изобрѣтатели ея, вы дали мѣсто въ своемъ журналѣ. Куда дѣвался обличитель лжи, поборникъ просвѣщенія и свободы, врагъ неправды и обмана?

«Какъ и кѣмъ подготовлялось польское возстаніе, вы знали лучше, чѣмъ кто-либо, знали и не могли не знать, что въ программѣ эмиграціи, въ ея, такъ называемыхъ, дипломатическихъ актахъ, во всѣхъ брошюрахъ, памфлетахъ, пѣсняхъ и гимнахъ, которыми исподволь возбуждались нервы и мутились мозги польскаго общества, на первомъ планѣ предъявлялось требованіе, во имя вѣчныхъ правъ живой польской народности, поработить ей двѣ другія живыя народности—бѣлорусскую и малорусскую. Не могло не дойти до вашего свѣдѣнія, что всѣмъ мировымъ посредникамъ и предводителямъ изъ поляковъ во всемъ Западномъ краѣ дана была инструкція: примѣнять Положеніе 19-го февраля такимъ манеромъ, чтобы отобрать побольше мірской земли, натя-

нуть повинности донельзя, этимъ раздразнить крестьянъ, а потомъ, вызвавъ карательныя мѣры, озлобить народъ противъ правительства; что по той же системѣ, въ Польшѣ, всякій разъ когда правительство намѣревалось сдѣлать шагъ для улучшенія быта крестьянъ, дворянство ловко подставляло ему ногу, а въ народѣ и въ Европѣ распускали молву, что «москали», вопреки желанію дворянства, увѣковѣчиваютъ крѣпостныя отношенія. Вы не могли не угадать, даже если бы никто вамъ объ этомъ не писалъ, что обѣщаніе земли въ собственность и прекращеніе повинностей было со стороны революціоннаго правительства не болѣе, какъ орудіемъ, подкупомъ для народа, что искренняго желанія поднять его на ноги не было ни у кого изъ вожаковъ возстанія: ни у *бѣлыхъ*, ни у *красныхъ*,—чему, между прочимъ, доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что тайное правительство, толкуя о готовности дворянства на всякія уступки, упорно оберегало патримоніальную юрисдикцію, то есть удерживало въ рукахъ дворянства полноту безотчетной власти надъ холопами. Словомъ, исключительно шляхетскій и вмѣстѣ съ тѣмъ іезуитскій характеръ польскаго заговора былъ очевиденъ. Какъ же отнеслись вы къ польскому дѣлу?

«*Вы не одобряли возстанія*—это ваши слова. Не одобряли! Да его бы не одобрилъ и лютѣйшій врагъ Россіи, только бы не опьянѣлый и не спятившій съ ума! Велика заслуга! Она мнѣ напоминаетъ извѣстный подвигъ того сторожа, мимо котораго каждую ночь шайка воровъ пробиралась на промыселъ, а онъ, окутываясь въ свой тулупъ и уходя въ будку, только бормоталъ про себя: «ей, ей, братцы, не сдобровать вамъ, попадетесь; помяните мое слово». Кажется, еще какую-то оговорку вы предложили о правахъ Литвы и Малороссіи, когда какіе-то господа, ваши пріятели, пришли къ вамъ порадовать васъ извѣстіемъ о своемъ намѣреніи поднять грозу на Россію; но, разумѣется, вашей оговорки никто не принялъ; друзья ваши остались на томъ, что Польшѣ нужны границы 1772 года, т.-е. половина Россіи, и возстаніе началось безъ вашего одобренія. Признаюсь вамъ, я думаю, что господа, съ вами совѣтовавшіеся, не очень-то и хлопотали объ одобреніи вашемъ; имъ нужно было не *одобреніе*, а *содѣйствіе* ваше. Они знали, что вы можете имъ помогать, принимая изобрѣтаемыя ими клеветы подъ защитув ашего авторитета, бросая грязью въ людей, которыхъ они считаютъ для себя опасными, надламывая нравственныя силы Россіи и поддерживая въ нашемъ обществѣ странное заблужденіе, будто дѣло шляхты и дѣло человѣчества и свободы одно то же. Эту услугу вы имъ, дѣйствительно, оказали и оказываете въ мѣру вашихъ силъ. Вслѣдъ затѣмъ, нѣсколько русскихъ офицеровъ обратилось къ своему *directeur de conscience*, издателю «Колокола», и повѣдали ему о своемъ намѣреніи, какъ скоро дойдетъ до дѣла, перебѣжать къ полякамъ. Что-жъ вы сдѣлали? Вы вступили съ ними въ пріятельскую переписку, вы не посмѣли плюнуть имъ въ глаза и почему-то не догадались объяснить имъ, что

человѣкъ, носящій русскій мундиръ, изъ рукъ русскаго правительства получающій жалованье, власть надъ солдатами и въ то же время замышляющій, во время войны, пристать къ полякамъ, есть шпіонъ и агентъ III-го Отдѣленія, засѣдающаго въ Лондонѣ подъ управленіемъ Мѣрославскаго и Маццини.

«Возстаніе разыгралось, начались убійства, распотрошили генерала Корсакова, зарѣзали за журнальныя статьи секретаря Вѣлепольскаго (имя его не припомню), пытались застрѣлить Лидерса, великаго князя, Берга, отравить Вѣлепольскаго, разсѣчь голову Трепову, не говоря уже о многихъ другихъ. Вы это знали. Въ донесеніяхъ русскихъ офицеровъ вы читали, что обыкновенными примѣтами при преслѣдованіи шаекъ служили болтавшіяся на воздухѣ тѣла повѣшенныхъ холоповъ и русскихъ солдатъ съ распоротыми грудями и вывороченною, на подобіе лацкановъ, кожею. Организовались шайки наемныхъ убійцъ, показались ксендзы, окропляющіе святою водою отравленные кинжалы, сулящіе царство небесное за выстрѣлъ въ упоръ изъ револьвера, — все это, право, тошно и вспомнить. Что жъ вы-то дѣлали? Вы, гнушающіеся террора, вы, содрогающіеся при мысли о пролитіи человѣческой крови, вы приняли сторону *угнетенныхъ*, т.-е. по какому-то непонятному ослѣпленію, сторону отравителей и ножевщиковъ, сторону помѣщиковъ противъ крестьянъ, дворянства противъ *быдла*! Что бы тамъ ни говорилъ польскій ржондъ и всѣ его шайки, вы ничего не замѣчали; вы нарочно щурились и отворачивались, не желая видѣть правды; вы повторяли гнусныя клеветы польскихъ продажныхъ публицистовъ и приберегали свое негодованіе для Муравьева, который въ три мѣсяца поднялъ на ноги и оживилъ цѣлый забитый народъ. За это вы еще когда-нибудь получите благодарственный адресъ отъ іезуита Монталамбера, остзейскихъ бароновъ и князя Суворова.

«Наконецъ, въ довершеніе всего, у васъ въ домѣ содержатель всемірнаго агенства политическихъ убійствъ позволилъ себѣ предложить тостъ за успѣхъ шляхетской пугачевщины, per abusum именуемой польскимъ возстаніемъ, и вы не вытолкали его по лѣстницѣ. Вы, кажется, только не подняли своего бокала и сдѣлали какую-то restriction mentale. Откуда такое ослѣпленіе и такая робость? Вы такъ внимательно подбираете въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» каждое неосторожное выраженіе; вамъ такъ хорошо извѣстны всѣ продѣлки нашихъ становыхъ и благочинныхъ; за обличительнымъ словомъ вы тоже въ карманъ не полѣзете. Отчего же вы спасовали передъ русскою молодежью и передъ польскою шляхтою? А вотъ отчего. Во время оно вы мирились съ революціей, какъ съ средствомъ, которое вамъ казалось необходимымъ для достиженія положительныхъ цѣлей. Вы полагали, что можно вынести кратковременную операцію, послѣ которой язва человѣчества должна была затянуться навсегда, и ожидалось наступленіе царства вѣчнаго мира, довольства и сво-

боды. Вмѣсто того, наступило царство Наполеона III. Положительныя цѣли одна за другою исчезли изъ виду, формулы стушевались, убѣжденія съежились и обратились въ нуль. Осталось обычное средство: революція, какъ цѣль для самой себя, революція революціи ради. Ея знакомые пріемы вы узнали въ проповѣдяхъ польскихъ ксендзовъ, въ подложныхъ грамотахъ, въ «Великоруссѣ», и вы не посмѣли ослушаться ея призыва. Какъ кабальному человѣку революціи, вамъ все равно, откуда бы она ни шла, изъ университета, села, костела или дворянскаго замка. Вы у нея не спрашиваете, куда она идетъ и какіе побужденія она поднимаетъ на своемъ пути. Вы дошли до полнаго равнодушія къ средствамъ и очутились на одномъ уровнѣ съ іезуитами. Вы поставили себя въ необходимость благословить своимъ авторитетомъ поджогъ, подлогъ и отравленный ножъ или стыдливо опустить голову и притвориться слѣпымъ и глухимъ.

«Въ первый день нашего свиданія вы сказали мнѣ, что, еслибъ вы могли убѣдиться, что ваша журнальная дѣятельность вредна для Россіи, то вы тотчасъ бы отъ нея отказались. Вполнѣ вамъ вѣрю, и еслибъ дѣло теперь зачиналось, я употребилъ бы всѣ усилія, чтобы отклонить васъ отъ него. Но теперь поздно; все зло, какое вы могли сдѣлать Россіи, уже сдѣлано. Теперь одного прекращенія вашей пропаганды мало; нужно исправить зло въ той мѣрѣ, въ какой это возможно, а какъ это сдѣлать, вы сами угадаете, когда захотите.

«Пора кончить. Я не запомню, чтобы мнѣ когда-нибудь случалось говорить такъ жестоко, но моя увѣренность въ вашей искренности обязывала меня къ полной и безпощадной откровенности. Что я не питаю къ вамъ личной вражды, а напротивъ,— вы знаете. Я не пользовался разрѣшеніемъ бранить васъ печатно и приберегъ для объясненія съ глазу на глазъ все, что у меня накипѣло въ сердцѣ. Не потому я это сдѣлалъ, чтобы я осуждалъ вашихъ противниковъ, печатно на васъ нападавшихъ, а потому что у меня было побужденіе иное, чѣмъ у нихъ. Какъ Аксаковъ, я не могу разстаться съ мыслью, что рано или поздно вы должны одуматься» («Русь» 1883, № 1).

2442. И. И. Кельсіевъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ скончался въ Тульчѣ юный товарищъ нашъ *Иванъ Ивановичъ Кельсіевъ*, братъ издателя старообрядческихъ сборниковъ и проч. Ему было 23 года, но онъ уже успѣлъ вкусить всю горечь русской жизни, все ея страданіе. Арестованный по дѣлу московскихъ студентовъ, онъ былъ сосланъ въ Верхотурье; пермскій губернаторъ Лашкаревъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ ухудшить состояніе молодого человѣка. Кельсіева потребовали въ Москву для справокъ. Не видя никакого

выхода изъ своего положенія, онъ бѣжалъ изъ-подъ ареста и пробрался въ Турцію. Молодой Кельсіевъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и съ большой энергіей. Нѣтъ страшнѣе могилъ, какъ тѣ, которыя прикрываютъ безсмысленно сломленныя силы во всей юности своего развитія.

2443. Война, чума, пожаръ.

Россія горитъ, горитъ вездѣ, по городамъ и селамъ, по ярмаркамъ и заводамъ, на югѣ и сѣверѣ, въ Москвѣ и провинціяхъ [1]). Люди и скотъ падаютъ отъ сибирской язвы... Война, война междоусобная съ казнями, проскрипціями, грабежомъ,— война, уносящая всѣ деньги изъ казны и всѣ человѣческія чувства изъ сердца... Что еще прибавить? Неурожай, голодъ?

... Что ломаетъ этотъ исполинскій организмъ, что въ немъ бродитъ... Трудно, страшно трудно народу русскому достается его развитіе... Хорошо, что мы не вѣримъ въ небесныя кары.

2444. Чернышевскому, Михайлову и всѣмъ друзьямъ нашимъ, стоявшимъ у позорнаго столба, носящимъ цѣпи, работающимъ на каторгѣ.

Не прошло восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наемные убійцы неаполитанскаго короля разстрѣляли юнаго героя Пизакане на томъ берегу, на которомъ онъ сдѣлалъ свою смѣлую высадку. Имя его было запрещено поминать. Едва тайкомъ, у своего веретена, какая-нибудь spigolatrice [2]) пѣла вполголоса о bel capitano и его трехъ сотняхъ:

Eran trecento, eran giovani e forti,
E sono morti [3])...

Съ тѣхъ поръ другой *безумецъ* сдѣлалъ высадку на другомъ берегу, и свободный Неаполь ставитъ памятникъ Пизакане на томъ мѣстѣ, гдѣ лилась его кровь. Памятникъ этотъ будетъ издали плывущему моряку разсказывать, какихъ людей производила страна эта во время бурбонскаго ига, какъ они умирали за народъ и какъ освобожденные сограждане ставили имъ памятники.

[1]) Пожаровъ больше, чѣмъ въ 1862 году; были даже явные поджоги. Отчего же нѣтъ того вопля о политическихъ зажигательствахъ, которымъ началась эпоха реакціи и террора? *А. И. Г.*

[2]) Собирательница колосьевъ (бѣдная крестьянка).

[3]) См. стр. 337 т. XIII.

2445. Еще шагъ.

Послѣ всѣхъ доносовъ, гнусностей, намековъ, подстреканій на казни, ругательствъ, безнравственностей, полицеблудія, сквернословія мы никакъ не ждали, что «Мос. Вѣдомости» найдутъ средство сдѣлать еще болѣе отвратительный поступокъ,—вотъ онъ. Для уснащенія своего доноса на «Голосъ» и на украйнофиловъ издатель идетъ къ святымъ гробамъ декабристовъ и сквернитъ ихъ... Ни казнь, ни каторга, ни геройство, съ которымъ эти люди перенесли тридцать лѣтъ Сибири, — ничто не спасло ихъ.

Вотъ образчикъ изъ гнусной статьи [1]):

«Что такое эти украйнофилы, которые сотрудничаютъ во львовскихъ «Словѣ» и «Метѣ»? Что такое эти сочинители петербургскихъ прокламацій, казанскихъ и кіевскихъ манифестовъ? Что такое эта «Молодая Россія», эти «Великоруссы», эти поклонники «Колокола», «Правдиваго», «Свободнаго Слова»? Что, наконецъ, сами пресловутые издатели этихъ пресловутыхъ журнальцевъ?.. Не что иное, какъ люди, сознательно или безсознательно пляшущіе по дудкѣ Мѣрославскихъ, Лелевелей, Высоцкихъ!

«Доказывать эту мысль относительно послѣднихъ движеній въ западномъ и приволжскомъ краѣ нѣтъ надобности; но дѣло въ томъ, что она имѣла совершенно тотъ же характеръ и прежде, напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ. Признанія нѣкоторыхъ изъ *декабристовъ* раскрываютъ, что и сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ въ настоящее время, русскіе патріоты-реформаторы не находили безчестнымъ протянуть руку врагамъ своего отечества! Но тѣ *темныя личности*, которымъ наши заграничные измѣнники съ такою настойчивостью плели вѣнки и воздвигали пьедесталы, эти *темныя* личности точно такъ же, какъ и ихъ духовные потомки, дружились и братались съ поляками, приготовлявшими отторженіе полъ-Россіи. Подобнаго униженія, подобной политической безнравственности мы не находимъ, повторяю, ни въ одной странѣ»... («Моск. Вѣд.» 9 іюля).

Неужели все это остается безнаказаннымъ? Неужели и это не заставитъ образумиться? Дѣйствительно, подобной безнравственности мы не встрѣчали даже на Западѣ.

2446. Петербургская Агриппина.

Петербургская Агриппина воспитала крѣпостнымъ правомъ, казарменными экзекуціями, канцелярскимъ униженіемъ и канцелярскимъ нахальствомъ ту кровожадную породу маленькихъ Не-

[1]) *Х.*, «Изъ Петербурга».

роновъ, которая тащитъ за собой старуху отъ преступленія къ преступленію,—остановиться нѣтъ возможности. У Каткова свой Сенека—Леонтьевъ, у Муравьева два Сенеки—Катковъ и Леонтьевъ. Поздно останавливаться Агриппинѣ, поздно раскаиваться.

Правительство можетъ все дѣлать: вводить смертную казнь, судить людей подъ сурдинкой, скрывать, за что ссылаетъ на каторгу, выселять цѣлыя деревни, класть азіатскую круговую поруку за совершенное преступленіе—все, *кромѣ шага къ примиренію, къ врачеванію, къ забвенію прошлаго.* Тутъ оканчивается материнская власть Агриппины и ея наперсницъ, тутъ она стукается въ водяного Нерона [1]) въ Литвѣ, въ его философовъ «Моск. Вѣдом.»,—а съ ними шутить нельзя.

Съ легкой руки Александра Николаевича, разглаголившаго на обѣдѣ, данномъ польскимъ солтысамъ и депутатамъ изъ крестьянъ, о примиреніи и братствѣ двухъ народовъ, вздумали въ Кіевѣ на обѣдѣ пить и ѣсть за то же примиреніе, но возсталъ несокрушимый Юзефовичъ, ударилъ въ набатъ «День», и разразились «Московскія Вѣдомости».

Вотъ еще образчикъ изъ «Моск. Вѣдомостей» [2]).

2447. Плачъ «Московскихъ Вѣдомостей» о Шварцѣ, равнодушіе къ Пейкеру.

Корреспондентъ «М. Вѣдомостей» слѣдующимъ безмѣрно наивнымъ образомъ извѣщаетъ о смерти Пейкера и Шварца: «Печальное извѣстіе получено сегодня по телеграфу изъ Влоцлавска отъ кн. Витгенштейна. Вчера, катаясь по рѣкѣ Вислѣ, утонули: членъ учредительнаго комитета д. ст. сов. Пейкеръ, состоящій при кн. Витгенштейнѣ маіоръ Шварцъ съ женою и еще одна дама, г. Каблукова. *Описывать заслуги покойнаго Пейкера не мое дѣло,* но о Шварцѣ могу сказать много»... И чего тутъ ни прибралъ корреспондентъ: и то, что онъ открывалъ революціонныя почты, и то, что онъ выловилъ всѣхъ организаторовъ мятежа въ Влоцлавскомъ уѣздѣ... «Заграничныя польскія газеты до того оскорбляли его, что не было словъ въ лексиконѣ, которыя были бы достаточны для его поруганія. Это одно можетъ служить доказательствомъ, въ какой степени насолилъ революціонерамъ этотъ благородный дѣятель. Притомъ онъ былъ отлично образованъ, хорошъ собою,—словомъ, блестящій молодой человѣкъ».

[1]) Муравьевъ.

[2]) Слѣдуетъ уличеніе польскаго «Часа» въ двуличности въ отношеніи оцѣнки правительственнаго освобожденія польскихъ крестьянъ.

Мы начинаемъ думать, что несчастный Пейкеръ вовсе никакихъ полицейскихъ способностей не имѣлъ, не даромъ онъ такъ круто обойденъ.

Шварцъ былъ однимъ изъ свирѣпѣйшихъ исполнителей при кн. Витгенштейнѣ, при томъ самомъ Витгенштейнѣ, который мужественно всталъ въ защиту тѣлесныхъ наказаній, когда имъ грозило уничтоженіе. Какъ генералъ, онъ любилъ сѣчь; какъ нѣмецъ, онъ возвелъ свою любовь въ теорію и напечаталъ диссертацію въ защиту розогъ. Его диссертація вызвала года три тому назадъ взрывъ негодованія и протестъ офицеровъ. Sed alia tempora, Витгенштейнъ, авторъ философіи побоевъ, такъ же, какъ Бельгардъ, авторъ восточнаго циркуляра о наказаніи сотенъ невинныхъ за одного виновнаго, стали героями дня... За ними мерцаютъ по справедливости ихъ сателиты-полицейскіе и всяческіе офицеры исполнители, лазутчики.

Фамилія *Шварцъ* будитъ въ русскомъ, дѣйствительно, *черныя* воспоминанія. Шварцемъ назывался тотъ страшный семеновскій полковникъ, который доколотилъ до бунта полкъ, только-что возвратившійся изъ побѣдоноснаго и славнаго похода.

2448. Императорскіе санкюлотиды.

«Московскія Вѣдомости» перепечатываютъ слѣдующую любопытную вѣсть объ учрежденіи революціоннаго праздника въ Литвѣ: «По распоряженію ген.-губернатора Муравьева, во всей Литвѣ будетъ ежегодно происходить религіозное и гражданское празднество въ воспоминаніе «освобожденія Литвы отъ владычества польскаго дворянства». Это распоряженіе уже утверждено императоромъ».

Скоро ли на нашей русской улицѣ придутъ такіе праздники?

2449. Штабсъ Михно.

Приказомъ кіевскаго военнаго округа (27 іюня) отданъ военному суду пѣхотнаго Орловскаго Паскевичева полка подпоручикъ Залѣскій и прапорщикъ Станишевскій за нанесеніе раны въ голову и ударовъ рукой по лицу штабсъ-капитана Михно за то, что онъ сдѣлалъ Станишевскому выговоръ за дозволеніе, данное имъ политическимъ преступникамъ видѣться съ посторонними лицами.

Интересны подробности этого дѣла. Вѣроятно, Анненковъ 2 подѣлится имъ съ публикой.

2450. На III Отдѣленіе—III съ четвертью.

«Сѣв. Пчела» 19/31 іюля, парируя доносы «Моск. Вѣдомостей», которыми они защищаютъ *классическое* образованіе, говоритъ: «Московская газета избрала себѣ предметомъ нападокъ предсѣдателя ученаго комитета, какъ виновника заразы, и пошла на основаніи разныхъ слуховъ кидать «анаѳемы» во всѣ стороны. Она даже не справилась и не разъяснила, къ чему ведетъ классицизмъ; она забыла, что *всѣ революціонеры* начинаютъ классиками и нигдѣ нѣтъ болѣе существенной завлекательности, какъ на площадяхъ Греціи и Рима»

Похвально!

2451. Чрезвычайное собраніе Минералогическаго общества.

Мы съ большимъ удовольствіемъ узнали изъ «С.-П. Вѣдом.» 21 іюля (2 августа), что астрономъ-наблюдатель III Отдѣл., дѣйств. ст. сов. и кавалеръ М. Хотинскій, слава богу, здоровъ и участвуетъ въ трудахъ Минералогическаго общества. Замѣчательная многосторонность этого ученаго изумляетъ почти столько же, сколько отважность другихъ членовъ общества, говорящихъ рѣчи въ присутствіи такого знатока.

2452. Кому сѣчь?

1. Тѣлесное наказаніе въ дѣтскомъ возрастѣ въ извѣстныхъ случаяхъ и въ ограниченной мѣрѣ признается необходимымъ въ цѣломъ мірѣ.

«Моск. Вѣд.» № 161.

2. Нельзя оставлять право налагать тѣлесныя наказанія въ рукахъ *волостныхъ судей*, старшинъ и писарей.

№ 161.

3. Есть грубыя натуры, на которыя ничто не дѣйствуетъ, кромѣ тѣлесной боли.

№ 161.

Еще драть можно и должно, но право это должно быть въ рукахъ дворянства.

2453. Письмо къ сыну.

15 августа 1864.
Bryanston House, Bournemouth.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю 4 экз. «Колокола» 188. Есть ли у тебя 187 и, вообще, всѣ ли? Изъ этихъ пошли одинъ Мечникову. Отъѣздъ нашъ незыблемо назначенъ къ ноябрю. 1 сентября мы переѣзжаемъ въ Лондонъ, домъ взятъ на два мѣсяца—Tunstall House, Maida Hill; ты домъ этотъ знаешь. Удивительно, что отдали на два мѣсяца (6 гин. въ нед.). Вѣроятно, на первый случай придется поселиться въ Женевѣ; я въ январѣ ворочусь въ Лондонъ и въ концѣ марта пріѣду окончательно. Еслибъ удалось найти что-нибудь въ родѣ Diodati, не дороже 3,000 или 3,500 фр., было бы хорошо. Твое описаніе флорентійскихъ жаровъ и вони лѣтомъ, miliaire [1]) зимой. показываетъ, что крайняя граница на югъ—Como, на сѣверъ—нѣмецкая Швейцарія; не ѣхать ли въ Фрибургъ и Муртенъ?

Нашъ споръ о путевыхъ издержкахъ никогда не окончится; ты не можешь понять, что путешествіе ихъ стоило слишкомъ 2,000 фр., потому что ты считаешь отъ Рима до Женевы, а я живу въ Англіи и, ex. gr., если бы кто сказалъ: отъ Лозанны до Женевы 2 шил. и отъ Женевы до мѣста назначенія 2,000, то, кромѣ въ шутку, никто не сказалъ бы, что путь стоилъ 2 шил.

Пора отвыкнуть отъ пустыхъ споровъ и сосредоточиваться на дѣльныхъ предметахъ. Итакъ, жалованіе до 1 янв. пишу вполнѣ полученнымъ и 250 фр. въ crédit на 1865.

Жду не дождусь окончанія америк. кризиса (есть надежда, что сѣв. побьютъ-таки) для того, чтобъ тебѣ отдѣлить хоть часть капитала.

На-дняхъ ждутъ Бак. въ Парижъ и потомъ въ Лондонъ; онъ ѣдетъ въ Швецію,—что дѣлать, не знаю. Теперь только внутри можетъ итти организація, и черезъ годъ, развѣ, откроется что-нибудь.

Дѣтьми я доволенъ. Только одна бѣда (и это, конечно, не отъ меня наслѣдство): я нахожу, что не только Ольга, но и Тата страшно мало работаютъ, такъ же мало, какъ и ты работалъ до Флоренціи.

Затѣмъ прощай. Я пишу poste rest. и прошу сейчасъ отвѣчать.

Огар. кланяется; онъ не говоритъ и не существуетъ съ нами, профанами, а съ утра до ночи беретъ уроки у Усова въ матем.

Я, кажется, забылъ тебѣ послать Фрикена письмо,—онъ спрашиваетъ адресъ.

[1]) Просовидная сыпь.

Natalie хотѣла послать другую фотографію молодаго человѣка [1]), но пакетъ малъ. Онъ здоровъ, и Чернецкій пишетъ, что у него прорѣзались новые зубы; пока ребенокъ у Чернецк., хлопотать не о чемъ.

2454. Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину. [1]

17 августа 1864.
Bryanston House, Bournemouth.

Очень благодаренъ вамъ, почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, за послѣднее письмо ваше. Первое письмо ваше изъ Рагаца слишкомъ холерическое, а это отнимаетъ то, что англичане называютъ temper [2]). Ваше замѣчаніе о трудности отвѣта при нашей цензурѣ я очень взялъ къ свѣдѣнію (а зачѣмъ же вы не сбросите, наконецъ, цензуру?). Какъ ни представляйте couleur rose [3]) русскіе порядки, а цѣпь-то, плохо подвязанная, гремитъ и мѣшаетъ. Сблизиться намъ нельзя—вы правы, хотя общая почва дѣятельности есть, и примѣръ не далекъ: и мы и вы можемъ подкапывать цензуру и требовать свободы слова,—но можно опредѣленнѣе высказаться. Это очень нужно намъ, потому что въ два послѣднихъ года на насъ столько поклепу и лжи, что хочется прямому и честному противнику сказать: «вотъ кто мы; если мы обманываемъ, разите, но не подкладывайте намъ чего въ насъ нѣтъ». Замѣтьте, что и вы говорите о теоріи политическихъ экспедіентовъ, какъ объ нашей. Моя совѣсть чиста: гдѣ и когда, въ какомъ случаѣ ложь, т.-е. сознательная, преднамѣренная неправда, перешла мой ротъ?

У васъ невольно передъ глазами, несмотря на личное объясненіе, носятся ложные манифесты. Какъ будто, не мы первые въ «Кол.» сказали, что это—вредный и сумасшедшій актъ. Въ больше широкихъ размѣрахъ, это—обвиненіе въ любви *революціи за революцію*. Да помилуйте, кто же больше меня въ Европѣ наругался надъ этимъ печатно, по-французски, по-нѣмецки и, наконецъ, по-русски! За что же вы, порицая насъ, не читали насъ? Громека и тотъ въ «От. Зап.» отмѣтилъ «Мясо освобожденія».

Все это заставляетъ меня писать ту статью-письмо, о которой я говорилъ; напечатаю я ее, можетъ быть, не скоро, но приготовлю omni casu [4]).

Хотѣлось бы мнѣ смертельно, болѣзненно услышать объ амнистіи. Я истинно не понимаю, зачѣмъ въ васъ такъ много нависти къ врагамъ или, лучше, духа преслѣдованія? Обратите на

[1]) Тутцъ.
[2]) Спокойствіе.
[3]) Въ розовомъ цвѣтѣ.
[4]) На всякій случай.

это вниманіе: это давно замѣчаемый недостатокъ религіозныхъ людей. Неужели ни для Россіи, ни для Польши не будетъ конца каторгамъ, казнямъ и каторгамъ à la Martianoff? (Убѣдились ли вы, что онъ сосланъ за письмо?). И неужели сосланные останутся? Теперь чередъ Сер.-Сол.; объ немъ я съ вами забылъ говорить; ну, его нельзя, кажется, обвинить въ фальшивости: напечаталъ брошюру за границей и имя поставилъ. Я почти съ премедитаціей назвалъ его; мнѣ интересно что вы найдете противъ него. Вы жестоко напали въ послѣдн. письмѣ на Антона Петр. [1]) Какъ же соединить съ сочувствіемъ къ народу, съ раздѣленіемъ народныхъ стремленій quand même съ вашимъ приговоромъ! Неужели «Положеніе» исполнило то, что народъ ждалъ отъ воли съ землей? Въ Казани, конечно, не было (въ августѣ 1861) ни нигилистовъ, ни поляковъ!...

Какъ-то вы увидитесь съ Прудономъ?

Если я напечатаю статью, какъ вамъ ее прислать въ Россію?

До 1 сентяб. я здѣсь или до 30 августа; отъ 1 сент. до 1 ноября мой адресъ: *London*, Tunstal House, Maida Hill.

PS. Придется непремѣнно цитировать изъ вашего письма совершенно общія мѣста; вѣроятно, вы не имѣете много противъ этого?

Получилъ ли Прудонъ отъ Громора медаль, посланную ему мною? Если не забудете, при поклонѣ отъ меня спросите его. Письмо не франкирую для большаго вниманія poste rest. [2]

◆◆ **1.** 8 августа Самаринъ отвѣчалъ Герцену, что ничего не имѣетъ противъ «Писемъ». «Если бы даже и догадались, къ кому они обращены, это бы ровно ничего не значило, и останавливаться за этимъ нѣтъ никакой причины. Но предупреждаю васъ, что мнѣ будетъ трудно, а, можетъ быть, и невозможно отвѣчать вамъ, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ бы я желалъ. Во-первыхъ, гдѣ отвѣчать? Въ «Колоколѣ» нельзя: это имѣло бы видъ бравады, для меня ненавистной, а главное, самъ я, по совѣсти, не могу показаться въ «Колоколѣ», даже въ качествѣ заѣзжаго гостя». Въ «Днѣ» не дастъ говорить цензура. «О нѣкоторыхъ предметахъ нельзя будетъ сказать ни слова. Напр., вы утверждаете (по моему мнѣнію, несправедливо), будто бы въ славянофильской школѣ произошла перемѣна фронта въ отношеніи къ правительству; въ отвѣтъ мнѣ слѣдовало бы сказать и доказать, во-первыхъ, что мы никогда не были систематическими врагами правительства, *какъ такового;* во-вторыхъ, что мы и теперь отнюдь не беремъ на свою душу отвѣтственности за всѣ его дѣйствія; въ-третьихъ, что измѣнилась не сущность воззрѣнія, а, такъ сказать, позитура наша и тонъ рѣчей, и что эта перемѣна совершенно естественна и законна, такъ какъ ей предшествовала перемѣна въ настроеніи самаго правительства, которое утратило прежнюю свою увѣренность въ

[1]) Петровъ, герой исторіи въ с. Безднѣ.

самомъ себѣ и мечется во всѣ стороны, прося совѣта и помощи. Всего этого печать не выноситъ... Нѣтъ такого положенія или догмата, на которомъ бы мы могли сойтись; согласія между нами дѣйствительнаго, а не кажущагося, нѣтъ ни въ чемъ; въ понятіи о народѣ, даже въ любви къ нему—менѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ. ...Нашъ споръ, споръ Россіи съ Западомъ, есть продолженіе стараго спора между ученіемъ о свободѣ (христіанствомъ) и ученіемъ о необходимости логической (идеализмъ) или вещественной (матеріализмъ)... Моя искренняя просьба къ вамъ вотъ въ чемъ: отрѣшитесь хоть на нѣсколько дней отъ вашихъ обычныхъ возбужденій, приведите себя въ равновѣсіе, возстановите въ себѣ самомъ спокойствіе (это—дѣло воли, и оно возможно) и повторите себѣ самому не слова мои, а смыслъ моихъ словъ въ той формѣ, которая вамъ ближе и для васъ не оскорбительна. Вдумайтесь безпристрастно и рѣшите сами про себя: правду ли я вамъ говорилъ или нѣтъ?» («Русь», 1883 г., № 2).

2. Самаринъ не могъ видѣться съ Прудономъ, благодаря болѣзни послѣдняго, а потому письменно исполнилъ порученіе Герцена. 3 ноября Прудонъ отвѣтилъ ему письмомъ, изъ котораго приведу все, касающееся А. И.

«Приношу вамъ мои безпредѣльныя поздравленія съ тѣмъ, что вамъ довелось поработать дѣлу истиннаго освобожденія польскаго народа. Надѣюсь, что теперь этой ненавистной аристократіи пришелъ конецъ; вотъ уже болѣе тысячи лѣтъ, какъ она томитъ и скандализуетъ Европу. Я изучалъ ея исторію и рѣшительно не могу сказать, въ какую эпоху она являла себя наиболѣе гнусной. Со дня ея обращенія въ христіанство... всегда и вездѣ я находилъ ее лицемѣрной, безпокойной, вѣроломной, подлой и свирѣпой. Я это сказалъ и отъ словъ своихъ не отрекусь...

«Что́ бы я далъ, чтобъ подробно переговорить обо всемъ этомъ съ нашимъ добрѣйшимъ Герценомъ!... Какъ глубоко сожалѣлъ я о томъ, что онъ поставилъ себя между русскими національными чувствами съ одной стороны и строптивою спѣсью поляковъ—съ другой! Какъ желалъ я, чтобы съ того дня, какъ вступилъ Александръ II на широкій путь эмансипаціи, Герценъ заставилъ смолкнуть свой «Колоколъ»!

«Въ пять, десять лѣтъ отдыха онъ бы вновь прояснѣлъ душою; онъ изучилъ бы пристальнѣе ходъ развитія въ Россіи, а впослѣдствіи; критика его, имѣя въ основѣ запасъ современныхъ фактовъ, стала бы авторитетнѣе.

«Бороться съ Николаемъ — это было доблестно, но продолжать, не видоизмѣняя, ту же политику въ отношеніи къ Александру, это—уже неловкость или во всякомъ случаѣ важное неудобство.

«Знаю хорошо, что автократъ, все же, останется автократомъ; но въ данномъ случаѣ отношеніе къ императору должно было отодвинуться на второй планъ,—на первомъ же стоять ува-

женіе къ самому русскому народу. Прежде всего надо было увидѣть, что станется съ нимъ, съ этимъ народомъ, которому возвратили свободу, собственность и нѣкоторое участіе въ правленіи» («Русь» 1883, № 2).

2455. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(26—27 августа 1864).
Лондонъ.

Вы были такъ добры, что обѣщали съ ... [1]) отправиться въ новый домъ, который я *уже нанялъ*, для того, чтобы взглянуть, все ли есть и пр. Если вамъ свободно часовъ въ *10* утра или 1/2 11, заѣзжайте, чѣмъ премного обяжете.

2456. Письмо къ сыну.

27 августа (1864).
Brayanton House.

Письмо твое изъ Флоренціи пришло 25 съ извѣстіемъ о покойномъ пребываніи Бак. въ Antignano и съ тѣмъ вмѣстѣ—письмо отъ него изъ Парижа Тхор., возвѣщающее о его пріѣздѣ въ Лондонъ 26 или сегодня.

Переѣздъ, кажется,—дѣло рѣшеное, и даже Огар. согласенъ въ необходимости. Все, что можетъ быть, это проволочка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Съ чего ты взялъ, что Мейз. не ѣдетъ въ Римъ. я не знаю, потому и не отвѣчалъ [2]).

Посылаю два (можетъ, три) «La Cloche», гдѣ небольшая повѣсть, для тебя и два для Мечникова (адресъ его отыщи и перешли ему), одинъ экзем. Шиффу, т.-е. m-me, а другой кому хочешь. «La Cloche» прекращается. Думаю, что «Колок.» мы поставимъ на фарватеръ къ 1865.

Польское дѣло и наше участіе въ немъ положило насъ въ лоскъ и не меньше Бак. разглагольствованія. Надобно чинить, чинить, канапатить—и снова на всѣхъ парусахъ поплыть. Въ Россіи дѣлаютъ чудеса; мрачная энергія, дикая, чуждая намъ, продолжаетъ бродить; правительство было бы радо ее опять посбить и само плохо знаетъ, что дѣлать съ такой мартьяновщиной. Я отъ Самар. получилъ два длинныхъ письма.

Какихъ «Кол.» у тебя нѣтъ или всѣ есть? Пиши по №.

[1]) Слово не разобрано.
[2]) Пропускаю нѣсколько словъ, по желанію семьи.

Въ Швейц., вѣроятно, если пріѣдемъ въ нояб., придется остановиться въ Женевѣ (тамъ же баррикады строить).

Позже. Вопросъ о твоемъ пріѣздѣ никакъ не долженъ разрѣшаться на счетъ твоихъ занятій. Впрочемъ, объ этомъ до ноября списаться можно, можемъ даже вмѣстѣ christmas [1]) встрѣтить. Насчетъ Лондона это труднѣе. Впрочемъ, пока Чернец. an ort und stelle [2]), ты можешь быть покоенъ [3]).

2457. Письмо къ Н. П. Огареву.

(28 августа 1864) Воскресенье.
Bryanton House.

Пишу тебѣ нѣсколько строкъ. Что же Бакун. пріѣхалъ или нѣтъ? Я получилъ отъ Poles-Tugenhold'a письмо поддѣланной рукописью,—требуетъ свиданія. Вотъ Б. сейчасъ и дѣло. Я ему отвѣчать до Лондона не стану.

У насъ воздухъ душенъ до болѣзни, т.-е. нравственный; я рѣшительно разлагаюсь въ горѣ, униженіи и безпомощности. Вчера вечеромъ съ N. разговоръ. Сегодня отъ Мейз. письмо въ семь листовъ. Просится въ Римъ съ Ольгой, безъ Таты. Что же это за triple Bedlam [4])! Она ничего не понимаетъ въ ольгиномъ воспитаніи, любитъ ее и плачется и спазмуетъ. Nat. дошла до того, что кромѣ себя, Лизы и Лель, никого не любитъ и это съ наивностью эгоизма, безъ мѣры и предѣла. Я ей говорю: «Ты насъ покроешь позоромъ», а она хохочетъ и говоритъ потомъ, что если бы у нея были деньги, «она показала бы».

Но пристойность внѣшнюю я-таки наладилъ.

31, въ 7 часовъ я пріѣду, куда Тхорж. прикажетъ, хоть въ новый домъ.

Не сердись за мои письма... Это—одна изъ худшихъ полосъ послѣдняго времени.

Я согласенъ ѣхать въ октябрѣ.

Я согласенъ остаться до апрѣля.

Думаю, что умнѣе остаться.

Natalie хочетъ ѣхать.

Я требую, чтобы она подтвердила это, а ты бы сказалъ или написалъ, когда ты ѣдешь.

[1]) Рождество.
[2]) Находится на мѣстѣ.
[3]) Снова пропускаю нѣсколько строкъ.
[4]) Тройной Бедламъ (сумасшедшій домъ).

2458. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 августа 1864.
Bournemouth.

Вотъ, милая и добрая Марья Каспаровна, и я снова взялся за перо того для, чтобы вамъ напомнить, что я умеръ не вовсе и, пишу или нѣтъ,—друзей не забываю. Одиннадцать лѣтъ прошло послѣ того, какъ вы были въ Ричмондѣ, и Тата—ужъ совсѣмъ сложившійся человѣкъ, и Ольга ѣздитъ верхомъ въ амазонкѣ.—А что за годъ мы прожили? Даже Павелъ Анненковъ и тотъ лягнулъ въ письмѣ,—съ Тур., Ботк. и сношеній нѣтъ. Новые энтузіасты ушли далѣе Чичерина, онъ уже отсталый, и покойникъ Павловъ—либералъ. A propos, посылаю вамъ длинную статью въ «La Cloche» о русской литературѣ (ее не было въ «Колок.»). Получаете ли «Кол.» и исправно ли? Мы мечтаемъ о переселеніи въ Италію,—Англія скучна и дорога, въ Америкѣ дѣла идутъ гадко, и при всемъ томъ жаль эту страну, единственно свободную и твердую въ свободѣ.

Что дѣлаетъ Рейхель и вся семья? Нѣтъ ли вѣстей отъ Егора Ив.? Кланяйтесь всѣмъ, кланяйтесь всѣхъ ниже себѣ, остальное пусть разскажетъ Тата.

Адресъ до 1 ноября:
Tunstall House, Maida Hill, London.
Отсюда мы ѣдемъ черезъ два дня.

2459. Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Мы получили съ разныхъ сторонъ три статьи о Н. Г. Чернышевскомъ; спѣшимъ передать одну изъ нихъ нашимъ читателямъ. Въ слѣдующемъ листѣ будетъ вторая [1]).

[2]) О чемъ рѣчь? Неужели о моемъ открытомъ предложеніи печатать «Современникъ» въ Лондонѣ.

2459 bis. Die Russen in der Schweitz.

Русская императрица думала провести осень въ Швейцаріи. Для нее была нанята дача Гольдимана въ Уши, а для свиты ея—hôtel Beau Rivage. Но императрица раздумала и проведетъ нѣ-

[1]) Слѣдуетъ статья Z.

[2]) Къ словамъ автора статьи о томъ, что въ числѣ обвиненій Чернышевскому были инкриминированы «сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ», сдѣлано такое примѣчаніе.

сколько недѣль на Констанцскомъ озерѣ, куда за нею пріѣдетъ Александръ Николаевичъ. Выборъ, конечно, не дуренъ. Гдѣ же лучше встрѣчаться, какъ не на озерѣ *постоянства* [1])? Но причина того, что государыня не ѣдетъ въ Швейцарію, иная: бдящая о ней свита и русская миссія зондировали кантональное правительство, не выгонитъ ли оно на время пребыванія августѣйшей купальницы въ Уши изъ кантона поляковъ и подозрительныхъ русскихъ. Кантонъ отвѣчалъ, что выгнать никого не можетъ, но готовъ дать полицейскую охрану. Другіе говорятъ, что Озеровъ [2]) отсовѣтовалъ ѣхать, говоря, что не надежно.

Мы совѣтуемъ, въ отместку, россиньевскаго «Вильгельма Телля» снова въ Петербургѣ давать подъ названіемъ «Карла Смѣлаго».

2460. [О Хотинскомъ].

4 августа арестовали въ Цюрихѣ вора, который выдавалъ себя за польскаго выходца, а на дѣлѣ былъ русскій шпіонъ; у него нашли письма къ Шраму (Schramm)—другому русскому агенту, который хотя и открытъ, но не былъ еще схваченъ. (Républicain и Indicateur de Leman).

Хотинскій, ужъ и вы не ѣздите въ Швейцарію: что бережно, то недолжно!

2461. Второй Муравьевъ и Александръ Второй.

Въ длинной реляціи о проѣздѣ государя въ Вильнѣ мы находимъ слѣдующую драгоцѣнную подробность: «Подъѣхавъ къ Пермскому пѣх. полку, государь изволилъ стать передъ нимъ, скомандовалъ «на караулъ» и, отдавъ честь начальнику виленскаго воен. округа ген.-отъ-инф. М. Н. Муравьеву, поздравилъ его шефомъ этого полка, причемъ благодарилъ его за труды и самоотверженіе, подъятые къ умиротворенію здѣшняго края и водворенію въ немъ законности и порядка; въ заключеніе его величество *благоволилъ самъ провозгласить «ура»!*, громогласно повторенное всею свитою и Пермскимъ пѣхотнымъ полкомъ».

2462. Оклеветанный Катковъ.

Мы всегда считали однимъ изъ большихъ несчастій совершенное не знаніе поляками русской литературы, русской мысли; это вводило ихъ въ безпрерывныя ошибки. «С. Пчела» въ 169 № помѣщаетъ отрывки изъ до-

[1]) Намекъ на систематическія измѣны своей женѣ вѣчно фѐрлакурствовавшаго царя.

[2]) Александръ Петровичъ, нашъ посланникъ при швейцарскомъ союзѣ.

вольно замѣчательной, хотя и смутной, статьи, помѣщенной въ «Познанской Газетѣ» подъ заглавіемъ «Польша и журналистика». Говоря о Катковѣ, какъ *«о могущественномъ* противникѣ», статья замѣчаетъ: «Недостаточно побѣждать Каткова и К° уличеніемъ ихъ въ *демократическо-соціалистическихъ стремленіяхъ»*... Катковъ демократъ и соціалистъ! Его компанія, т.-е. Леонтьевъ, демократъ и соціалистъ! Помилуйте—Катковъ и К°, эти кліенты и литературные приказчики тамбовскихъ и саратовскихъ патриціевъ—демократы и соціалисты!

2463. Предостереженіе евреямъ.

Усмиривъ и Польшу и матеріализмъ, устроивъ православную церковь на Западѣ и одобривъ братчиковъ, издатель «Дня», не отдыхая ни одного нумера, принялся за прерванное гоненіе евреевъ на этотъ разъ съ такимъ ожесточеніемъ, что мы, дѣйствительно, не совѣтуемъ имъ ходить по Спиридоновкѣ, особенно мимо дома Мазаровича [1]).

2464. Освобожденіе крестьянъ въ Молдо-Валахіи.

Читатели «Колокола», вѣроятно, прочли съ сочувствіемъ манифестъ Кузы объ освобожденіи крестьянъ. Когда законъ обслуживался въ Бухарестѣ министрами, вышла брошюра, обсуживающая вопросъ поземельнаго владѣнія, личнаго и общиннаго. Брошюру эту мы получили при письмѣ; авторъ посвятилъ ее намъ. Съ благодарностью искренней и братской принимаемъ мы этотъ знакъ сочувствія къ началамъ, которыя мы проповѣдывали всю жизнь. Вотъ точное заглавіе романской публикаціи: «Bagari di Séma asupra Leges Rurale didicata Represintantilor Comunei Russe din Londra. Bucuresci, 1864».

2465. (40.000 сер.?)

Правда ли, что Муравьевъ-Вѣшатель поднесъ одному публицисту въ Москвѣ, изъ ярыхъ, *сорокъ тысячъ рублей серебромъ* изъ штрафныхъ и конфискованныхъ у поляковъ денегъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень насъ одолжитъ.

2466. Общій фондъ.

Въ общій фондъ (мы начали даже забывать объ его существованіи) получено 50 фран., изъ Москвы 6 русскихъ полуимперіаловъ, изъ Гейдельберга отъ «москвитянина» 20 гульденовъ.

[1]) Помѣщеніе «Дня».

2467. Письмо къ Н. А. Огаревой.

Въ послѣдній разъ.

23 сент. 1864.

Я пишу къ тебѣ два письма: одно запечатанное, которое я передамъ, взявъ съ тебя слово не распечатывать иначе, какъ послѣ моей смерти; другое, т. е. это, для того, чтобы сказать на томъ краю, на которомъ мы стоимъ, еще разъ: «найди силу спасти себя и насъ отъ угрызеній совѣсти и отъ гибели дѣтей».

Сердце мое переломилось окончательно. Полемику я продѣлать не намѣренъ. Но, во-первыхъ, считаю себя обязаннымъ сказать, что я, съ своей стороны, рѣшительно не согласенъ ни на бѣгство въ Россію, ни даже на твое письмо [1]). Если ты объ этомъ будешь писать, я буду, я адресуюсь прямо къ Ал. Ал. [2]). Я скажу ему, что Огаревъ свято правъ, что виновные, если есть, не онъ. Я скажу ему тайну нашей жизни [3]). Я скажу ему объ искренней безпредѣльной любви къ дѣтямъ [4]) и за что ихъ отрываютъ отъ насъ,—за покровительство другихъ дѣтей. Natalie, я строго подчиняюсь внѣшнему, но есть предѣлъ, далѣе котораго я не принимаю никакихъ консидерацій. Сказавъ все это, я упрусь за дѣтей, и мы съ Огар. еще постоимъ за себя. Вмѣстѣ намъ нечего бояться да и колокольнѣ [5]) скажемъ мы, что это—наши дѣти и что на воспитанье Нат. Апол. [6]) мы ихъ не дадимъ.

Чего ты хочешь? Тата (приносящая огромную пользу Лизѣ), Ольга, Мейз. ѣдутъ. Ты будешь жить сначала одна, потомъ я устрою жизнь на два дома. И, все же, общее веденіе воспитанія останется подъ нашимъ надзоромъ или направленіемъ.

Дѣти могутъ ѣхать 15 октяб.

Чего же ты хочешь?

Наказать меня, наказать Огар. судьбой, развитіемъ дѣтей?

Наказать? за что?

Пусть же всѣ послѣдствія, если ты поступишь иначе, падутъ на твою голову.

Я не смѣю призвать память намъ святую [7]). Ты меня оскорбила [8]). Я не смѣю призвать ни чувства пощады, ни чувства любви,—у тебя любовь можетъ итти, терзая человѣка.

[1]) Къ государю.
[2]) Тучковъ.
[3]) Отецъ не зналъ тогда, что его дочь жила съ Герценомъ.
[4]) Лиза и двое маленькихъ.
[5]) Окружающіе.
[6]) Мать Н. А. Огаревой.
[7]) Н. А—ну, первую жену.
[8]) См. № 2438.

2468. Письмо къ сыну.

24 сент. 1864.
Tunstall House, Warwick road, Maida Hill.

Хотя я и не могу тебя поздравить avec un capital, но могу—aveo une capitale [1]) во Флоренціи. Итакъ, любезный капиталистъ, вотъ дѣла какъ пошли. А Римъ-то, видно, въ долгій ящикъ. Какъ у васъ говорятъ объ этомъ Дольфи съ C-nie? На политическомъ горизонтѣ тучи и скверныя «ко-ко», какъ говоритъ Кауфманъ (Königl.-Kaiserlich) [2]). Да-съ, Австрія и Пруссія вертятъ міромъ, и Джонъ Россель [3]), по приказу Бисмарка, перевелъ посла Бьюкенена изъ Берлина. Польскій вопросъ совершенно оконченъ. Рядомъ съ гадостями много возбудилъ онъ силъ въ Россіи, но не тѣхъ, на которыя мы надѣялись.

Проектъ отъѣзда все такъ же: къ 20 дѣти ѣдутъ въ Парижъ, потомъ я, потомъ Nat. Огаревъ купается въ наслажденіи, думая, что никого не увидитъ, нанимаетъ квартиру въ Кефѣ [4]) (помнишь Пикулина)? [5]).

Я тебя спрашивалъ, не можетъ ли Ольга плыть на томъ же кораблѣ, т. е. жить съ Мальвидой у Шиффа,—ты не отвѣчалъ. Ты бы ей давалъ уроки (все это къ маю мѣсяцу).

Главное, почему я пишу, это — надпись [6]); сейчасъ пришли мнѣ и не позволяй дѣлать безъ моей поправки.

Тата и Мейз. отправились къ Рейхенбаху.

Прощай.

Пиши до 20 сюда.

2469. Письмо къ сыну.

2 октяб. 1864.
Tunstall House, Maida Hill.

Сколько можешь денегъ послать мраморщику, столько тотчасъ пошли. Объ надписи я писалъ; доставь ее прежде мнѣ, я исправлю и, если можно, велю здѣсь нарисовать или напечатать на бумагѣ. Когда будутъ ставить памятникъ, я хотѣлъ бы быть съ тобой или ты долженъ быть. Меня не пустятъ въ Ниццу, пока тамъ императрица (зачѣмъ ее несетъ туда). Къ дорогѣ мы со-

[1]) Le capital—капиталъ, la capitale столица; Флоренція была тогда объявлена столицею объединенного итальянскаго королевства.
[2]) Король-императоръ—титулы австрійскаго и германскаго монарховъ.
[3]) Англійскій министръ иностр. дѣлъ.
[4]) Kew.
[5]) Опускаю нѣсколько словъ, по желанію семьи.
[6]) На могильномъ памятникѣ.

бираемся; врядъ доѣду ли я до Флоренціи, но теперь, вообще, сближенье мѣстъ сдѣлаетъ большую перемѣну. Огар. собирается въ началѣ марта прямо въ Женеву. Я съѣзжу туда на мѣсяцъ теперь. Nat. думаетъ остаться пока въ Парижѣ или, если дорого, въ другомъ городѣ. Жюль помѣщается въ *науку* къ Кюну [1]) на три мѣсяца. Груды вещей въ политехникумѣ Тхорж. нашелъ средство послать въ Швейц. за довольно дешевую цѣну (1,000 кил. за 7 фунт.).

Насчетъ общихъ дѣлъ въ Россіи наша волна подымается: Катк. снова громитъ насъ почти во всякомъ листѣ [2]).

Не знаю, насколько Италія будетъ возможной для насъ. Иной разъ мнѣ сдается, что мы просто воротимся въ Лондонъ. Реакція въ Европѣ снова на томъ градусѣ, какъ была съ 1850—55. Въ Россіи хотѣли засадить Утина-отца [3]) для того, чтобъ заставить сына возвратиться; его отстоялъ Суворовъ. Подобныхъ штукъ не было даже при Николаѣ. Но поворотъ замѣтенъ, и само правительство *агитируетъ противъ террора*; смѣшнѣе этого ничего не бывало въ исторіи—и мнѣ сдается, что въ Россіи скорѣе все придетъ въ порядокъ, т. е. снова начнетъ развиваться порванная нить, чѣмъ въ Европѣ. Столица во Флоренціи и дружба Италіи съ Фр., съ одной стороны, и всемогущество Бисмарка и Австріи—съ другой, добра не предвѣщаютъ.

Вчера, наконецъ, пріѣхала Татина Катя [4]) съ какимъ-то дурачкомъ.

A propos къ встрѣчамъ. Вчера я встрѣтилъ Прево,—молодъ, свѣжъ, пахнетъ абсентомъ. «Comment vous va, cher citoyen Ersen? Mal—je commence à vieillir.—Vous?—Oui, Oui, 52 ans.—Acrébleu—je m'en vais vous dire, j'ai eu un ami—il etait brac—oui brac—ce gaillard la—buvait une bouteille d'cognac par jour, il allait se baigner dans la Seine, Monsieur, l'hiver, Monsieur, il avait une mémoire prodigieuse—savait par coeur des tragédie anciennes—antiques—Corneille, *même* Racine. Polisson comme tous—et il est mort à 65 ans d'indigestion [5]).

Это—chef d'oeuvre. Потомъ спрашиваетъ о тебѣ. Сердитъ ужасно. J'ai été plus qu'un maître pour votre fils—ami, camarade... et il n'est pas pas venu me voir [6]). Я ему сказалъ, что напишу

[1]) Ресторатеръ.
[2]) Въ №№ 195 и 196 статьи о книгѣ Шедо-Ферроти (см. ниже).
[3]) Исаакъ Осиповичъ, откупщикъ.
[4]) Владимірова.
[5]) Какъ поживаете, дорогой гражданинъ Герценъ?—Плохо—начинаю старѣть.—Вы?—Да, 52 года.—Чортъ возьми, я вамъ скажу, у меня былъ другъ; онъ былъ крѣпышъ, да, крѣпышъ этотъ вѣтреникъ; пилъ по бутылкѣ коньяку въ день, купался въ Сенѣ зимою и имѣлъ изумительную память—зналъ наизусть древнія трагедіи Корнеля, *даже* Расина. Негодяй, какъ всѣ, онъ померъ 65 лѣтъ отъ несваренія желудка.
[6]) Я былъ больше, чѣмъ учитель, вашему сыну,—другъ, товарищъ.. а онъ не зашелъ со мною повидаться.

тебѣ, чтобъ ты тотчасъ прискакалъ изъ Флоренціи, — поколочу тебя и пошлю къ нему съ визитомъ.

Дома идетъ все также, съ придурью. Огар. ждетъ освобожденія отъ крѣпостного состоянія съ нетерпѣніемъ Россіи 1861. Мальвида поочередно съ Natal. сходятъ съ ума. Тата—старше ихъ обѣихъ, унимаетъ. Ольга и Лиза отъ этого портятся, но не то, чтобъ очень. Маленькія дѣти милы и красивы,—ихъ портить еще трудно. Все вмѣстѣ это называется *воспитаніемъ*...

2470. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

8 oct. 1864.
Tunstall House.

Вѣроятно, это,—послѣднее письмо изъ Меда Гиль. Ваше неримское письмо я получилъ и жду теперь окончательно рапортъ.

10 окт. На этомъ я остановился и не писалъ за разными хлопотами. Nat. и дѣти ѣдутъ завтра въ Парижъ; теперь они *въ* № 11 Eastbourne terrace. Я остаюсь еще на недѣлю, а, можетъ, и на десять дней и это исключительно для Огар.—его здоровье меня очень безпокоитъ. На прошлой недѣлѣ были два припадка. Были Гено де Мюсси и Нефталь (онъ очень благодаритъ за картинки). Рѣшено иначе жить; для перемѣны Ог. требуетъ тишину и одиночество, не хочетъ даже Жюля. Я ѣду его устроить въ Ричмондѣ. Если лучше не будетъ, я сокращу свою поѣздку въ одинъ мѣсяцъ. Пиши еще разъ къ Тхор.

Вещи вами оставлены, car'ѣйшая Тата, забыты, брошены въ каждомъ углу. Твоя голова Mascalzone валялась въ гостиной и пр.

Règle générale et morale de la chose [1]). Когда я десять разъ говорилъ «пора убираться», надобно было девять разъ исполнить, тогда десятый разъ оказался бы лишнимъ.

Ольгу цѣлую и сильно надѣюсь, что мнѣ не придется ей повторять то, что говорилъ въ день отъѣзда.

Говорила ли ты съ Сашей о Флоренции и о томъ, нельзя ли тамъ чего устроить для Ольги къ лѣту?

Прощайте. Пишу въ твоей комнатѣ.

Въ домѣ все вверхъ дномъ. Жюль повезъ къ Кинкелю safe [2]), Анна чиститъ и говоритъ, что этого требуетъ «честь»; холодъ, стукъ, haltcroune [3]) за то-то, haltsovereign [4]) за то-то. Жеоржина мѣста не нашла, она остается со мной и Ог. на недѣлю. Addio.

[1]) Общее и моральное правило.
[2]) Несгораемый сундукъ.
[3]) Полкроны.
[4]) Полсоверена.

2471. «Колоколъ» на 1865 годъ

будетъ издаваться на тѣхъ же основанияхъ и въ томъ же духѣ.

Разнесся слухъ о прекращении «Колокола»; вѣроятно, русская полиція облекла скромное желаніе свое въ выдуманный фактъ. Сойти со сцены теперь значитъ окончательно усомниться въ Россіи. Такого торжества мы не дадимъ еще закоснѣлымъ врагамъ свободнаго слова въ Россіи.

«Колоколъ», при нашей жизни, только прекратится уничтоженіемъ всякой цензуры въ Россіи, и то, если это уничтоженіе будетъ не австрійское, не прусское, а дѣйствительное. До тѣхъ поръ, кажется, еще много воды утечетъ.

А. Герценъ.
Н. Огаревъ.

1. Съ четвертымъ № «Колокола» за 1865 г.—л. 196 отъ 1 апрѣля, журналъ пересталъ печататься въ Лондонѣ, и началъ выходить въ Женевѣ; вмѣсто англійскаго названія стало означаться французское («La Cloche») и не надъ, а подъ русскимъ; снято было также указаніе на связь съ англійской почтой; число выставлялось уже передъ иностраннымъ названіемъ мѣсяца, а не послѣ него; срокъ выхода болѣе или менѣе поддерживался двухнедѣльный.

2472. Приговоръ Трувеллеру.

«Юнкера Владиміра Трувеллера, 21 года, за распространеніе напечатанныхъ за границей возмутительныхъ воззваній между нижними чинами фрегата «Олегъ», морской генералъ-аудиторіатъ приговорилъ: лишивъ воинскаго званія, правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на *десять* лѣтъ». Нелѣпый срокъ назначенъ былъ, очевидно, чтобъ дать случай «всемилостивѣйшему монарху» уменьшить его на *три* года.

Мы слышали, что у Трувеллера были найдены русскія книги и «Колоколъ», но какія же воззванія? [1]) Трувеллеръ велъ себя съ необыкновенной твердостью и благородствомъ.

2473. Клеветники.

Частые пожары, и особенно, пожаръ въ Симбирскѣ, какъ и слѣдовало ожидать, снова выдвинулъ на сцену клеветниковъ, обвиняющихъ въ поджогѣ поляковъ и какихъ-то «молодыхъ людей». На этотъ разъ пра-

[1]) Сказано, очевидно, изъ желанія его выгородить въ провозѣ прокламацій, что было излишне послѣ собственнаго признанія.

вительству не пришлось харчиться. Слухи эти разносятся частными средствами даже за границей. Либералы въ отставкѣ, радикалы въ раскаяніи, и другіе блудные старцы, слезно оплакивающіе свое младенческое непониманіе Николая, Бенкендорфа, Дубельта и самого великаго Аракчеева, ходятъ изъ дома въ домъ, посыпавъ пепломъ главы свои, и повѣствуютъ о томъ, что поляки жгутъ, а нигилисты раздуваютъ. Какъ же правительству не сойти съ ума съ такими подданными! Обвинять теперь въ поджогѣ, когда всякому генералъ-губернатору предоставлено право пристрѣливать зажигателей, указывать на поляковъ, разсѣянныхъ правительствомъ по всей сѣверо-восточной Россіи,—какое размягченіе мозга или какое окаменѣніе сердца для этого нужно! И какъ ихъ опытъ не учитъ! Гдѣ же зажигатели по петербургскому дѣлу? «Колоколъ» десять разъ справлялся объ именахъ, наказаніяхъ. На мѣсто лишнихъ людей, праздныхъ людей у насъ являются какіе-то гадкіе, вредные люди.

2474. (Революціонная опека).

? Въ 238 № «Сѣв. Пчелы», въ перечнѣ длиннаго ряда приговоровъ за разныя политическія преступленія въ Юго-Западномъ краѣ, между всякаго рода невѣроятными курьезностями, напечатано: «дворянинъ Подольской губ. Густавъ Соботкевичъ, 44 л., обвиненный въ принятіи *революціонной* должности опекуна надъ семействомъ окомпрометированныхъ лицъ».

Послѣ этого ужъ наши опекунскіе совѣты—не якобинскіе ли клубы?

2475. Правительственная агитація и журнальная полиція.

I.

Herr Katkoff—le Grand [1]).

Не будь Катковъ забрызганъ Муравьевымъ и кровью, не попадай ядъ его чернилъ въ приговоры на каторгу, онъ былъ бы самый забавный шутъ нашего времени. Шутовская сторона его совершенно серьезна, совершенно наивна и потому такъ неотразимо дѣйствуетъ на нервы.

Плохой профессоръ, онъ, оставляя каѳедру, вынесъ изъ своей школьной дѣятельности учительскій тонъ, тяжелый педантизмъ, напыщенную надменность и съ ними пустился проповѣдывать конституціонный либерализмъ. Послѣ смерти Николая это было новостью въ русской печати—его стали читать. Какъ только онъ замѣтилъ это, онъ, со своей стороны, пересталъ писать, а началъ отечески *внушать* или начальнически *распекать*. Можно

[1]) Великій Катковъ.

было догадаться, что если и затѣмъ какой-нибудь дерзновенный не послушается, учитель пойдетъ по начальству, т. е. донесетъ такъ, какъ онъ это и сдѣлалъ послѣ петербургскихъ пожаровъ.

Пожаръ этотъ былъ счастливѣйшій день въ жизни Каткова. Отсюда начинается государственная карьера его. Правительству, обществу надобно было кого-нибудь обвинить въ пожарахъ,—Катковъ обвинилъ литературныхъ враговъ своихъ. Такой отважный человѣкъ для правительства былъ кладъ.

Либеральный публицистъ, выдвинутый изъ третьихъ, четвертыхъ рядовъ на авансцену, началъ съ того, что бросилъ за бортъ либерализмъ, конституціонализмъ, поклоненіе Европѣ и пр. и внезапно почувствовалъ себя неистовымъ патріотомъ, неистовымъ самодержистомъ, террористомъ и пошелъ проповѣдывать Мурьвьева, руссификацію, конфискацію...

Правительство тогда еще не умѣло твердо ходить въ крови, поддержка въ общественномъ мнѣніи была ему нужна,—оно приласкало его. Въ средніе вѣка вѣрили, что прикосновеніе короля лѣчитъ отъ золотухи; у насъ до чего бы правительство ни коснулось, въ конецъ портится. Катковъ, прежде того, знавшій, что онъ—великій человѣкъ, почувствовалъ себя теперь *чиновно великимъ человѣкомъ*, Сперанскимъ-Гизо, котораго личность исчезла въ великихъ государственныхъ интересахъ до такай степени, что каждое слово противъ него казалось ему государственной измѣной, преступленіемъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ.

Къ тому же пришла грубая лесть эксъ-крѣпостниковъ. Чему *они* обрадовались, я не знаю. Кого-то наказываютъ, а Катковъ кричитъ: «Покрѣпче, не жалѣй его!». Этого для утратившихъ право на розги было достаточно, чтобъ ѣсть за его здоровье кулебяки [1]). Катковъ-демагогъ противъ польскаго дворянства почувствовалъ себя столбовымъ вельможей и явился защитникомъ русскихъ помѣщиковъ противъ черни.

Все это вмѣстѣ окончательно свело его съ ума. Онъ началъ таять въ себѣ, лакомиться собой, сдѣлался автогастрономомъ, говорилъ *мы*, когда шла рѣчь о всей имперіи, и корчилъ изъ себя Годунова, отказывающагося отъ престола. Скромно опуская безцвѣтные глаза, лепеталъ онъ съ какимъ-то жгучимъ самосладострастіемъ: «Полноте, отстаньте, не мнѣ, не мнѣ... Я только получше выразилъ мысль Россіи, вашу мысль; что же бы я сдѣлалъ безъ Михаила Николаевича и безъ Александра Николаевича? Бла-

[1]) Скромный Катковъ, заявляя знаки горячей преданности къ его особѣ разныхъ губернскихъ и московскихъ Собакевичей, Ноздревыхъ и Пѣночкиныхъ, не упомянулъ ни разу объ адресахъ, заявляющихъ во имя чести дворянъ такой-то и такой-то губерніи, что ихъ противъ воли замѣшали въ усердный муравейникъ, изъявлявшій генералъ-губернатору тукъ своихъ чувствъ. А на одномъ протестѣ было, говорятъ, сорокъ подписей. *А. И. Г.*

годарите ихъ, а не меня; я принесъ одну любовь, одну любовь къ истребленію Польши».

Сила, энергія и *мысль*, Александръ, Муравьевъ, а надъ ними Катковъ и Леонтьевъ, изъ него исходящій.

Но величіе имѣетъ свои неудобства. Слава Каткова гремитъ по міру, все смотритъ на него, все спрашиваетъ, кто это превыше пирамидъ, заслоняющій собой Михаила? Нѣмцы пишутъ о немъ брошюры, Бельгія печатаетъ объ немъ книги—скромность страдаетъ, и вотъ нашъ журнальный Саулъ въ бѣшенствѣ беретъ перо и пишетъ въ 195 № «Моск. Вѣдом.»:

«Мы должны, наконецъ, сообщить нашимъ читателямъ извѣстіе о весьма интересномъ явленіи, возникшемъ на политическомъ горизонтѣ Европы: это явленіе — *мы*. Съ нѣкоторыхъ поръ мы стали предметомъ вниманія, изученія и агитаціи, гласной и не гласной, предметомъ корреспонденцій и передовыхъ статей въ заграничной печати; наконецъ, предметомъ книгъ. Удивительныя легенды появлялись о насъ въ серьезныхъ заграничныхъ журналахъ; европейской публикѣ сообщалось, напр., что въ отдаленной и холодной Россіи народился драконъ, которому имя *Herr Katkoff*, что онъ сидитъ въ Москвѣ и оттуда производитъ свои опустошительные набѣги, что цѣлая страна изнываетъ подъ его желѣзнымъ игомъ и слезно молитъ, да изведетъ ее Богъ изъ этой тѣсноты и да явится изъ-за моря святый Георгій поразить это чудище на радость и ликованіе русскаго народа. Читатели могутъ подумать, что мы шутимъ; мы серьезно увѣряемъ ихъ, что подобныя легенды появлялись въ заграничныхъ журналахъ. Мы не передаемъ ихъ въ буквальномъ переводѣ единственно по крайнему неудобству сдѣлать это, *такъ какъ наше имя является тутъ въ самыхъ невозможныхъ сопоставленіяхъ*. (Вотъ оно, гдѣ камрадерія-то съ государемъ и Муравьевымъ!). Наше имя ничего не значитъ; безъ всякаго затрудненія, неудобства и неприличія оно можетъ быть употребляемо во всякаго рода пасквиляхъ и пуфахъ, изъ какого бы источники они ни происходили; но есть имена, передъ которыми долженъ бы остановиться всякій, даже самый безсовѣстный интриганъ и которыми нельзя помыкать даже въ заграничной печати. Мы читали эти сказанія со смѣхомъ, поскольку они касались насъ, но и не безъ прискорбнаго чувства—не за себя; мы молчали объ этихъ сказаніяхъ, потому что вѣкъ ихъ былъ не дологъ; день приносилъ ихъ, и день уносилъ».

Молодецъ... Зачѣмъ же онъ эту вдохновенную статью не прислалъ въ «Колоколъ»? Злѣе противъ него ничего никто не писалъ, а пройдетъ *день* [1]) — никто и писать объ немъ не станетъ.

[1]) Намекъ на газету И. Аксакова.

II.

Рука Всевышняго брошюру разбросала [1]).

Вымывшись въ лучахъ своей славы, Катковъ и не подумалъ отдыхать, а сейчасъ бросился на брошюру Шедо-Ферроти, изорвалъ ее въ куски и по дорогѣ меня укусилъ за ногу, — Муравьевъ да и только! Брошюру Шедо-Ферротти я еще не читалъ, но изъ трехъ [2]) статей «Моск. Вѣдом.», неимовѣрной длины и безтолковости, явствуетъ, что Шедо-Ферроти, отдавая полную справедливость Каткову за то, что онъ стеръ меня съ лица земли *одной статьей* (чему Катковъ вѣритъ), далеко не такъ одобрительно смотритъ на методу натравливанія на Польшу, мѣшающую правительству итти больше человѣческими путями. Тутъ было задѣто все святое для Каткова—Муравьевъ и онъ самъ. Уязвленный, онъ вскочилъ—и *срѣзался*. Въ его длинныхъ статьяхъ слышится безсильный вой звѣря, попавшаго лапой въ капканъ.

Брошюра Шедо-Ферроти «была *незримой* рукой разбросана по Россіи»... Чья же это рука? Рука «Земли и Воли», «Польскаго ржонда», «Великорусса»? Нѣтъ, тутъ, сдается, какая-то *третья* рука.

Намъ просто, кажется, что Александръ Николаевичъ жизни не радъ, что попалъ въ патріотическую галеру, и не знаетъ, какъ отъ нея отдѣлаться. Около него явнымъ образомъ реакція противъ людоѣдовъ! Но онъ ихъ боится, да и какъ не бояться людоѣдовъ! Пути, цѣли у него нѣтъ. Его увѣрили, что для спасенія Россіи ему надобно быть Нерономъ въ Польшѣ, — онъ согласился; но, вѣдь, à la longue [3]) такъ же скучно противъ своей воли быть Нерономъ, какъ Нерону, можетъ быть, было бы скучно ѣздить на разводъ и къ нѣмецкимъ родственникамъ въ гости. Какъ быть? А вотъ средство—начать литературную агитацію противъ Каткова да ею самого себя и убѣдить.

Катковъ съ ужасомъ почуялъ конецъ Муравьеву, казнямъ, себѣ и, вѣрный нравственнымъ основамъ своимъ, *донесъ* на высочайшую агитацію, на *незримую* руку.

[1]) Пародія на названіе пьесы Н. Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла».

[2]) Третья статья въ 197 № «Моск. Вѣдом.», въ формѣ письма изъ провинціи, особенно замѣчательна сельской простотой; въ ней, напр., говорится въ доказательство образованія владимірскихъ крестьянъ, что «въ одномъ селѣ, гдѣ находится особое общественное зданіе, родъ клуба, въ которомъ получаются журналы и, между прочимъ, *три экземпляра* «Моск. Вѣдом». «Провинціалъ» еще наивнѣе выразился о государѣ: онъ такъ-таки его и назвалъ костью между Шедо-Ферроти и Катковымъ, да еще какой: «Кость, говоритъ онъ, нашихъ костей». *А. И. Г.*

[3]) Надолго.

Пушкинъ правъ: все измѣняется подъ нашимъ зодіакомъ, Левъ становится, какъ ничего, Козерогомъ...

Зачѣмъ столько крови и ужасовъ мѣшаютъ хохоту, хохоту безъ конца!

Проходитъ праздникъ на катковской улицѣ, не нужно больше барабанщика при палачѣ, казни надоѣли, всю мерзость отбросить на Каткова съ Муравьевымъ, а ихъ, выжатыя лимонныя корки— за окно! За что же Катковъ пожертвовалъ всѣмъ: Гнейстомъ, англійской законностью, религіей нѣмцевъ и всѣмъ, что есть человѣческаго въ сердцѣ человѣческомъ? [1]

◆◆ 1. 24 апрѣля 1864 г. министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ написалъ на своемъ всепод. докладѣ: «Высочайше разрѣшено: 1) пригласить барона Фиркса (въ случаѣ согласія министра финансовъ) осмотрѣть нѣкоторыя учебныя заведенія министерства нар. просвѣщенія, дабы ознакомить съ ними европейскихъ педагоговъ посредствомъ статей, подобныхъ работамъ его по другимъ частямъ, и 2) выдать ему на это 3000 руб.».

Разумѣется, птенецъ того же константиновскаго гнѣзда, министръ финансовъ Рейтернъ, согласился на этотъ расходъ, зная истинное его назначеніе... Въ это время Шедо-Ферроти печаталъ въ Берлинѣ свою новую брошюру «Que fera-t-on de la Pologne» («Что дѣлать съ Польшей?»), направленную противъ М. Н. Муравьева за вел. князя Константина Николаевича... Но онъ не былъ очень простъ. За экземпляры, которые Ш.-Ф. долженъ былъ послать Головнину, онъ потребовалъ еще 4000 франковъ; они были посланы въ Брюссель въ маѣ «въ счетъ ассигнованныхъ по смѣтѣ 1864 г. министерства нар. просвѣщенія 28,000 рублей». Насколько были просты отношенія Фиркса съ Головнинымъ, видно изъ письма перваго отъ 22 іюля нов. ст., въ которомъ онъ просилъ не только хорошенько распорядиться размѣщеніемъ посланныхъ 1,000 экземпляровъ бришюры по книгопродавцамъ и своевременнымъ полученіемъ съ нихъ денегъ, которыя должны были пойти также въ его пользу, передать разные именные экземпляры и т. п., но и назначить какого-нибудь чиновника для полученія изъ таможни его... шубы и храненія ея до его пріѣзда осенью въ Петербургъ изъ Одессы...

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 22 іюля Шедо-Ферроти повѣдалъ, между прочимъ, что 10 экз. на особой бумагѣ отпечатаны съ его полнымъ именемъ (Théodor Fircks) для поднесенія ихъ прусскому королю, великому князю и т. д. Головнинъ написалъ резолюцію: «Прошу е. п. Карла Карловича потрудиться принять мѣры, чтобы означенные 1000 экз. немедленно по прибытіи были доставлены въ Д—тъ, откуда *ни одного* экземпляра никому не выдавать безъ моего назначенія. 14 іюля».

Изъ записки директора канцеляріи К. К. Петерса отъ 1 ав-

густа видно, что 31 іюля 1000 экз. была въ министерствѣ получена и посылалась по списку университетамъ, гимназіямъ, генералъ-губернаторамъ, директорамъ народныхъ училищъ, ученымъ обществамъ, а также раздавалась чинамъ департамента.

Головнинъ все это одобрилъ, потребовалъ лично себѣ 50 экз. и приказалъ въ нѣкоторые пакеты вложить еще особую записку. Отъ самого Фиркса именные экземпляры были даны Ѳ. И. Буслаеву, Валлену, Бутовскому и Веліо.

Все это дѣлалось по-просту, цензура была на заднемъ планѣ; ей дали брошюру уже послѣ распространенія. Вотъ буквально заключеніе цензора поэта А. Майкова отъ 19 августа: «Эта книга любопытная во многихъ отношеніяхъ и въ особенности по ловкости, съ которой она написана. Главная, кажется, сокровенная цѣль ея и побужденія автора есть противоборство русскому патріотическому духу, обнаружившемуся въ послѣднее время по поводу польскихъ дѣлъ, который онъ какъ бы старается заподозрить въ глазахъ кого слѣдуетъ, представляя, что онъ можетъ сдѣлаться опасенъ, причемъ, съ другой стороны, выставляя, какъ бы мимоходомъ, что балтійскія провинціи, по увѣренности, что тамъ, будутъ соблюдены всѣ права и обычаи, суть самыя привязанныя земли къ трону, такъ что ихъ можно назвать *русской Вандеей* (стр. 210). Представителемъ русскаго направленія онъ беретъ Каткова и изображаетъ его хотя талантливымъ публицистомъ, но ретроградомъ, создавшимъ себѣ партію, имѣющею цѣлью la russification de monde entier; онъ называетъ его наслѣдникомъ Герцена во вліяніи на правительственныя лица, между прочимъ, способствовавшимъ назначенію ген. Муравьева ген.-губ. въ Вильно (стр. 239) и возводитъ на него обвиненіе, будто бы Катковъ способствовалъ къ лишенію вел. кн. Константина Николаевича популярности въ Россіи и отозванію его (стр. 128 и 183). Не знаю, нуждается ли вел. князь въ защитѣ г. Ш.-Ф., но ею авторъ старается придать себѣ наиболѣе вѣсу и посвящаетъ ей чуть ни половину книги. Для того онъ разсказываетъ исторію польскаго возстанія, показывая, что, по его мнѣнію, было ошибочнаго въ дѣйствіяхъ намѣстниковъ предъ лицомъ возникающей бури (стр. 40), для того-то относится постоянно къ Муравьеву и его управленію вскользь, правда не произнося осужденія, но трудно скрывая его, хотя, въ концѣ книги, отъ себя предлагая мѣры, что дѣлать въ западномъ краѣ, повторяетъ почти то же, что сдѣлано Муравьевымъ.

«Вотъ въ общихъ чертахъ впечатлѣніе книги; сравнивъ Каткова съ Герценомъ, какъ крайность реакціи московскихъ бородачей противъ ультра-либерализма лондонскаго, онъ предсказываетъ, что онъ будетъ виновникомъ тѣхъ же самыхъ послѣдствій, т.-е. что его партія будетъ недовольна подъ конецъ правительствомъ, которое, конечно, будетъ итти своимъ путемъ, чрезъ что образуются группы недовольныхъ, заговоры, и потомъ пойдутъ ажитаціи и ссылки (стр. 236 и 237).

«Авторъ кончаетъ книгу предложеніямъ правительству мѣръ, что дѣлать съ Польшей по окончаніи воѣннаго положенія, а именно—автономіи съ конституціоннымъ правленіемъ при низкомъ цензѣ избирателей и избираемыхъ, такъ, чтобы аристократическій элементъ былъ смягченъ народнымъ.

«Разсматривая книгу въ цензурномъ отношеніи, я полагаю, что, хотя въ сущности она оскорбительна для русскаго чувства, болѣе чѣмъ сомнительно, оказываетъ услугу вел. князю, который по своему положенію и своимъ дѣйствіямъ едва-ли нуждается въ защитѣ,—всетаки, запрещать ее не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, она должна вызвать объясненіе въ русской публицистикѣ».

19-го же августа комитетъ иностранной цензуры согласился съ мнѣніемъ цензора, «принявъ во вниманіе также и объясненное комитету предсѣдателемъ (Ѳ. И. Тютчевъ—*М. Л.*) обстоятельство, что книга эта еще до рѣшенія цензурной участи ея, была въ значительномъ количествѣ экземпляровъ распространена въ публикѣ помимо цензуры, стараніемъ извѣстнаго вліятельнаго лица».

Изъ всего сказаннаго Шедо-Ферроти о Герценѣ достойны вниманія лишь нѣсколько мѣстъ.

«Точка зрѣнія лондонскаго публициста болѣе возвышена, чѣмъ та, на который стоитъ Катковъ. Проникнутый общечеловѣческой идеей, Герценъ хотѣлъ бы достичь разрѣшенія соціальной проблемы для всего міра; для него дѣло идетъ о всѣхъ расахъ, о всѣхъ народахъ; онъ не считается съ территоріальными границами различныхъ государствъ; цѣль, которую онъ хотѣлъ бы достигнуть, это—благоденствіе всѣхъ, предоставляя отдѣльной личности, отдѣльной группѣ, отдѣльному народу право управляться по своему усмотрѣнію и свободно присоединяться къ той или другой націи по своимъ моральнымъ склонностямъ и матеріальнымъ интересамъ; поэтому онъ думаетъ, что надо рѣшиться все принести въ жертву, и даже согласенъ просить Россію рѣшиться на политическое самоубійство, охотно согласясь расторгнуть узы, связывающія отдѣльныя земли и образующія власть, предоставивъ каждой провинціи рѣшить, быть ли ей частью имперіи или, если она предпочитаетъ, отдѣлиться.

«Печать преувеличенія, которую носила на себѣ эта утопія съ центробѣжной тенденціей, съ прибавкой всего, что она заключаетъ обиднаго для національнаго самолюбія, подняла противъ сужденій Герцена общественное мнѣніе Россіи. Замѣтимъ, что его теоріи были пусты; благоразуміе массъ поддержало свое достоинство и, какъ мы говорили, московская газета совсѣмъ безъ труда восторжествовала надъ ученіемъ Герцена, противопоставивъ ему идею Россіи, оберегающей свою мощь, основанную на девизѣ «въ единеніи сила»; изъ этого принципа исходитъ Катковъ, но какъ его антагонистъ, онъ теряется въ преувеличеніяхъ.

«Центробѣжному стремленію, о которомъ мечталъ лондонскій публицистъ, московскій патріотъ думаетъ поставить центростремительную силу, интенсивность которой онъ увеличиваетъ каждый день, чтобы достигнуть сильнаго стремленія окраинъ политическаго организма Европы, подталкиваемыхъ имъ насильно, къ соціальному и религіозному центру Россіи, недопуская ни разницы въ расѣ, ни различія языка, ни несходства характеровъ, ни различія въ религіи и желая, чтобы на землѣ подвластной русскому скипетру, не было, ничего, кромѣ русскихъ» (стр. 208—209). «Неизбѣжная участь крайнихъ своей партіи, каковы лондонскій Герценъ и г. Катковъ, который изъ всѣхъ силъ хотѣлъ бы сдѣлаться московскимъ Герценомъ,—оказываться окруженными людьми своей партіи, будучи покинутыми толпой».

«Каковы бы ни были маневры ультра-русскихъ послѣдователей Каткова, они никогда не смогутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на русскій народъ,—не больше того, что имѣли ультралиберальныя ученики Герцена, имѣвшіе все же скромность признаться въ своей безпомощности, тогда какъ «Московскія Вѣдомости» неустанно твердятъ, что они говорятъ отъ имени всей націи» (237).

Получивъ брошюру и узнавъ все, разсказанное мною, Катковъ 5 и 6 сентября громилъ Шедо-Ферроти въ «Москов. Вѣдомостахъ», давъ довольно прозрачно понять и объ участіи Головнина и о самой сокровенной цѣли брошюры—реабилитаціи великаго князя. Такъ какъ въ этихъ статьяхъ сказано и о Герценѣ, то, закончивъ обзоръ архивныхъ документовъ, я къ нимъ вернусь.

Катковъ работалъ и за кулисами своей газеты. Онъ подбилъ Н. А. Любимова поднять вопросъ о брошюрѣ въ совѣтѣ; тотъ составилъ проектъ постановленія, заручился согласіемъ ректора и внесъ въ офиціальное засѣданіе («Памяти Н. А. Любимова», 17—18). 12 сентября совѣтъ московскаго университета занесъ въ протоколъ своего засѣданія слѣдующее: «Члены совѣта импер. москов. университета въ засѣданіи 12 сего сентября 1864 г. слушали отношеніе деп. нар. просв. за № 769 отъ 10 минувшаго августа, при коемъ онъ препроводилъ, по порученію г. министра, для университета 10 экз. сочиненія г. Шедо-Ферроти подъ заглавіемъ «Que fera-t-on de la Pologne?» Принявъ въ соображеніе, что въ отношеніи не обозначено, съ какою цѣлью сдѣлана эта присылка, считая ее даромъ автора и находя, что означенное сочиненіе есть памфлетъ, оскорбительный для русскаго народнаго чувства и очевидно принадлежащій перу враждебному Россіи, положили: препроводить обратно въ департаментъ мин. нар. просв. экземпляры этой книги и просить о возвращеніи ихъ по принадлежности. Ректоръ Сергѣй Баршевъ, Деканъ Сергѣй Соловьевъ, деканъ Василій Лешковъ, деканъ А. Давидовъ, деканъ Ал. Полунинъ, засл. пр. А. Фишеръ, О. Бодянскій, И. Соколовъ, Б. Петровъ, П. Юркевичъ, А. Ползиковъ, А. Соколовскій, Ѳ. Мильгаузенъ,

В. Бѣляевъ, Ѳ. Бредихинъ, А. Богдановъ, С. Рачинскій, Г. Браунъ, И. Бабстъ, Н. Лясковскій, Н. Любимовъ, П. Эйнбродинъ, Арс. Меншиковъ, М. Капустинъ, Вл. Кохъ (двѣ фамиліи неразборчивы). Разумѣется, это было началомъ большого скандала.

21 сентября Головнинъ запросилъ секретно московскаго попечителя, справедливъ ли слухъ о такомъ постановленіи, и, если да, то неотлагательно требовалъ подлинный журналъ совѣта. 2 октября попечитель увѣдомилъ министра, что подлинникъ послать нельзя, и препроводилъ выписку.

22 сентября управл. III Отдѣленіемъ Мезенцовъ телеграфировалъ инспектору московскаго унив. Красовскому: «Послано сюда извѣстное постановленіе или нѣтъ? Отвѣчайте скорѣе». На слѣдующій день была составлена совершенно секретная справка: «Тюкъ съ книгами Шедо-Ферроти отправленъ изъ Москвы 16 сентября, здѣсь полученъ 18 числа. Бумага, при которой отосланъ тюкъ, сколько можно догадываться, безъ № и тотчасъ по полученіи представлена г. директору деп. народн. просвѣщенія, безъ записи во входящій журналъ; къ нему же представлены и книги изъ распоротаго уже тюка. Какъ бумага, такъ и книги до сихъ поръ не возвращены отъ г. директора. Въ настоящее время онѣ, кажется, находятся уже у г. министра нар. просвѣщенія». Тогда же дана телеграмма жандармскому полк. Воейкову: «Пришлите текстъ постановленія совѣта университета о книгѣ Шедо-Ферроти. Телеграфируйте скорѣе, не стѣсняясь количествомъ словъ». Воейковъ телеграммы не послалъ, а 24-го отправилъ подробное донесеніе на основаніи «самыхъ негласныхъ и осторожныхъ» справокъ. По порученію Головнина, департаментъ выслалъ въ августѣ при запискѣ въ третьемъ лицѣ и безъ подписи 10 экз. брошюры московскому университету и по 4 экз. въ каждую гимназію. «Сложилось убѣжденіе, что министръ просвѣщенія бывъ самъ сторонникомъ польскаго дѣла, убѣдилъ Ш.-Ф. издать сочиненіе это, въ видахъ оправданія дѣйствій въ Ц. Польскомъ предмѣстника гр. Берга, каковыя его высочество, по чувствамъ русскаго, допускать не могъ».

26 сентября Мезенцовъ сообщалъ Долгорукову, что постановленіе совѣта «возбудило сильные толки какъ въ Спб., такъ въ особенности въ Москвѣ, и его высочество по возвращеніи своемъ оттуда сообщилъ конфеденціально главной правительственной комиссіи объ состоявшемся рѣшеніи совѣта университета, коего копія, сообщенная ему ген.-лейт. Левшинымъ, оказалась тождественною съ представленною мною в. с—ву; ...«какъ поступокъ г. министра, вызвавшій постановленіе совѣта, такъ и избранный имъ способъ уклоненія отъ непріятности оное получить, одинаково порицаются въ общественномъ мнѣніи людьми благомыслящими».

11 октября московскій университетъ получилъ телеграмму пензенскаго губернскаго предводителя дворянства: «Распростра-

неніе по учебнымъ заведеніямъ сочиненія Шедо-Ферроти возбудило справедливое негодованіе благомыслящихъ отцовъ семействъ нашей губерніи. Московскій университетъ отвергнулъ это сочиненіе, какъ памфлетъ оскорбительный для русскаго народнаго чувства и очевидно принадлежащій перу, враждебному Россіи. Общество дворянъ, проживающихъ въ Пензѣ, поручило мнѣ выразить полное сочувствіе московскому университету за энергическое выраженіе чувствъ, свойственныхъ русскому народу, всегда противодѣйствующему внутреннимъ и внѣшнимъ лжеучителямъ, всегда преданному престолу и отечеству. Да здравствуетъ московскій университетъ!».

17 октября III Отдѣленію стало извѣстно, что въ московскомъ англійскомъ клубѣ идетъ подписка на обѣдъ членамъ совѣта университета.

8 октября Воейковъ донесъ, что «извѣстный псевдонимъ Ш.-Ф.» одновременно съ министромъ внутрен. дѣлъ прибылъ въ Москву; и «министръ, какъ разсказываютъ, очень благосклонно принималъ его въ Тулѣ и здѣсь, за что весьма многіе негодуютъ». 6 октября «псевдонимъ» обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ. Совѣтъ унив. готовилъ ему скандалъ на случай появленія въ университетѣ, но онъ тамъ не былъ. Затѣмъ «псевдонимъ» и министръ вн. дѣлъ отправились въ Спб. Духовенство хочетъ просить Филарета отнестись къ совѣту съ особымъ благодарственнымъ словомъ.

3 октября (уже послѣ третьей статьи Каткова, въ № отъ 28 сентября) Бутковъ писалъ Головнину: «До свѣдѣнія государя императора дошло, что издатель брошюры о Польшѣ, извѣстный подъ псевдонимомъ Ш.-Ф., обозрѣваетъ будто бы теперь учебныя заведенія въ Россіи и что ему, по этому случаю, будто бы, дано денежное пособіе отъ министерства народ. просвѣщенія. Его величество, желая удостовѣриться въ степени справедливости этого слуха, высочайше соизволилъ поручить мнѣ спросить ваше пр—во: дѣйствительно ли Ш.-Ф. разрѣшено обозрѣть наши учеб. заведенія и, если разрѣшено, то съ какою именно цѣлью, а также, точно ли по этому случаю оказано денежное пособіе и, если оказано, то въ какомъ размѣрѣ, съ чьего разрѣшенія и изъ какого источника?»

Не получивъ отвѣта, Бутковъ торопилъ министра для доклада государю. 10-го Головнинъ отвѣтилъ, что деньги выданы по его всепод. докладу и съ высоч. разрѣшенія 25 апрѣля. Въ тотъ же день Головнинъ лично представилъ всепод. докладъ. Разсказавъ обстоятельства дѣла и упомянувъ, что Фирксъ уже окончилъ осмотръ и вернулся въ Брюссель, министръ говоритъ: «Онъ есть одинъ изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ благонамѣренныхъ писателей о Россіи нашего времени и въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ издалъ на французскомъ языкѣ цѣлый рядъ статей, которыя ознакомили европейскихъ читателей съ великими совершенными у насъ преобразованіями. Первый онъ въ печати возсталъ противъ Герцена, передъ авторитетомъ котораго въ то время преклонялась

почти вся наша пресса. Особенно замѣчательно его сочиненіе «La liberation des paysans en Russie», которое имѣло два изданія. Въ сочиненіяхъ бар. Фиркса, Шницлера и въ изданіи «Archiv fur wissenschaftliche Kunde Russlands» иностранцы почерпаютъ о современной Россіи свѣдѣнія вѣрныя и благонамѣренныя, а потому, какъ вашему и. в. извѣстно, я считаю своею обязанностью вызывать помянутыхъ писателей къ дѣятельности и всячески поощрять оную».

Резолюція на докладѣ неизвѣстна, но положеніе Головнина всей этой исторіей было сильно поколеблено.

14 октября ректоръ кіевскаго университета запросилъ министерство, какъ быть съ полученными 10 экз. злополучной брошюры. Головнинъ приказалъ ничего не отвѣчать, а 22-го просилъ Петерса отправить на слѣдующій день въ гостиницу Демута Федору Ивановичу Фирксу 25 экз. его книги о Польшѣ, прибавивъ: «онъ послѣзавтра ѣдетъ»... Ясно, что во всепод. докладѣ министръ солгалъ, сказавъ что Фирксъ уже вернулся въ Брюссель... Это можно было сдѣлать только съ помощью пріятеля—шефа жандармовъ, кн. В. А. Долгорукова.

Въ дѣлѣ имѣется также письмо почетнаго попечителя тверской гимназіи кн. Мещерскаго къ попечителю московскаго округа, въ которомъ князь очень рѣзко порицаетъ разсылку брошюры по гимназіямъ, назвавъ ее «явнымъ покушеніемъ противъ благороднѣйшихъ чувствъ юношества, противъ любви къ Россіи»...

За это время Катковъ выступилъ еще рѣзче въ нумерѣ отъ 3 октября.

17 октября предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета Щербининъ писалъ Валуеву, что эта статья Каткова отъ 3 октября напечатана безъ разрѣшенія цензуры, и видно, что Валуевъ запретилъ продолжать полемику о брошюрѣ Ш.-Ф. Гр. С Г. Строгановъ прислалъ изъ Дармштадта письмо совѣту московскаго университета съ высокимъ одобреніемъ и благодарностью за его отношеніе къ сочиненію Фиркса. Тютчевъ увѣдомилъ Каткова, что его статья была имъ самимъ прочитана въ присутствіи вел. кн. Елены Павловны, кн. А. М. Горчакова и гр. Киселева; ее привѣтствовали, она произвела энтузіазмъ и обезпечила тріумфъ Каткова. Нижегородское и тульское общество помѣщиковъ и чиновниковъ письменно благодарило Каткова. Кіевскій университетъ единогласно избралъ его за статью о брошюрѣ Шедо-Ферроти своимъ почетнымъ членомъ... (Архивы мин. нар. просв. дѣло № 143615, III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1864 г. дѣло № 199 и П. Я. Дашкова, письма Щербинина къ Валуеву).

Читатель ясно видитъ, до какой степени былъ великъ политическій сумбуръ въ средѣ русскаго общества, такъ отнесшагося къ факту, только теперь подвергающемуся историческому освѣщенію; онъ понимаетъ, какъ дѣйствовало имя Муравьева и

къ чему стимулировали симпатіи и антипатіи къ нему, независимо отъ всѣхъ другихъ отношеній.

Что же сказалъ Катковъ о Герценѣ, говоря о брошюрѣ Шедо-Ферроти?

«Историкъ нашихъ дѣяній придаетъ чудотворное значеніе нашей статейкѣ о г. Герценѣ. Онъ полагаетъ, что этимъ походомъ на г. Герцена мы совершенно уничтожили всѣ вредныя сѣмена въ нашей молодежи и воодушевили ее лучшаго свойства энтузіазмомъ, такъ что была разомъ прекращена болѣзнь, изнурявшая нашъ общественный организмъ, портившая наши общественныя силы и готовившая столь печальныя послѣдствія въ будущемъ. Много чести, но это невѣрно. Нашъ походъ на г. Герцена не имѣлъ такихъ послѣдствій. Напрасно историкъ нашъ приписываетъ и г. Герцену такое значеніе, что будто бы онъ былъ главнымъ виновникомъ той пагубы, которой подвергалась наша молодежь, будто онъ былъ источникомъ той болѣзни, которая внѣдрялась и распространялась въ нашей общественной жизни. Нѣтъ, это несправедливо. Г. Герценъ былъ не столько причиной болѣзни, сколько ея симптомомъ. Положеніе вещей, которое нашло себѣ столь яркое выраженіе въ немъ, было создано не имъ; оно создано было причинами несравненно болѣе могущественными. Печальный комизмъ агитаціи, производившейся г. Герценомъ, именно и заключается въ томъ, что онъ счелъ себя причиной и силой, тогда какъ онъ былъ только послѣдствіемъ и орудіемъ. Г. Шедо-Ферроти находитъ, что этотъ агитаторъ, въ началѣ своего поприща, отличался совсѣмъ иными свойствами, чѣмъ впослѣдствіи; онъ находитъ, что г. Герценъ, въ первый періодъ своего «Колокола», дѣйствовалъ прекрасно и плодотворно, и изъявляетъ ему за то время свое полное сочувствіе; лишь впослѣдствіи, по его мнѣнію, г. Герценъ испортился. Изъ показаній г. Шедо-Ферроти слѣдуетъ, что, если бы г. Герценъ продолжалъ издавать свой «Колоколъ» въ томъ направленіи и духѣ, въ какомъ его началъ, то онъ продолжалъ бы оказывать великія услуги своему отечеству. Значитъ, не измѣнись г. Герценъ въ образѣ своихъ мыслей или дѣйствій, его «Колоколъ», съ точки зрѣнія г. Шедо-Ферроти, могъ бы еще долго благовѣстить, воспитывать юныя поколѣнія русскаго народа и служить полезнымъ орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей. Но каковъ бы ни былъ г. Герценъ, и какова бы ни была его дѣятельность несомнѣнно то, что онъ сохраняетъ неизмѣнную вѣрность своимъ воззрѣніямъ. Какъ прежде, такъ и послѣ, онъ полагалъ всю силу своего символа вѣры въ полнѣйшемъ отрицаніи всѣхъ основъ человѣческаго общежитія,—религіи, государства, собственности, семейства. Но тѣ же самыя идеи проповѣдывалъ онъ съ несравненно большею рѣзкостью и фанатизмомъ именно въ тотъ періодъ времени, когда г. Шедо-Ферроти находилъ его заслуживающимъ полнаго сочувствія и содѣйствія, а, напротивъ, впослѣдствіи онъ нѣ-

сколько очеловѣчился и даже вступилъ въ нѣкоторыя сдѣлки съ ненавистными для него принципами.

«Г. Герценомъ пользовались многіе. Извѣстный документъ Мѣрославскаго, который попался въ руки варшавской полиціи и появился потомъ въ газетахъ, очень хорошо свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нужно было плодить *герценистовъ* въ интересѣ, напримѣръ, польскаго дѣла. Плодить ихъ было выгодно въ интересѣ всякаго дѣла, имѣющаго цѣлію раздробить русское государство и отнять его у русскаго народа.

«Писанія г. Герцена расходились въ страшномъ множествѣ по всей Россіи, и имя его было у всѣхъ на языкѣ; но невозможно было подумать о томъ, чтобы произнести его имя въ печати. Для молодыхъ и даже не для молодыхъ умовъ, съ этимъ именемъ соединилось обаяніе какой-то таинственной силы, а между тѣмъ люди не менѣе, чѣмъ г. Шедо-Ферроти, понимавшіе весь сумбуръ ученій, которыя проповѣдывалъ этотъ мыслитель, отдавали ему въ негласныхъ сферахъ, гдѣ онъ властвовалъ, такой же почетъ, какой отданъ ему этимъ остроумнымъ писателемъ въ печатномъ письмѣ къ нему, хотя письмо это и долженствовало имѣть характеръ полемическій. Г. Шедо-Ферроти, какъ у насъ выражаются, стоитъ на почвѣ дѣйствительности; гдѣ ему надобно, тамъ онъ безпощадно издѣвается надъ нашими безбородыми преобразователями и поклонниками идей г. Герцена. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой здравомыслящій и цивилизованный человѣкъ, какъ напримѣръ г. Шедо-Ферроти, никакъ не счелъ бы возможнымъ говорить почтительно о заслугахъ г. Герцена посреди общества, которое онъ уважаетъ; невозможно представить себѣ, напримѣръ, чтобъ онъ позволилъ себѣ сказать финляндской или лифляндской публикѣ, если бы г. Герценъ представлялъ какой-нибудь интересъ для этихъ публикъ, что его изданія заслуживаютъ сочувствія, что они исполнены патріотизма. Мы вполнѣ увѣрены, что участь, которою грозитъ польскій патріотъ Мѣрославскій нашимъ герценистамъ въ будущемъ польскомъ государствѣ, еслибъ они вздумали показаться въ немъ, грозила бы имъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не требуется дѣйствовать орудіями разрушенія. То же самое, что и Мѣрославскій, думали про себя разные другіе *дѣятели*, имѣвшіе надобность поддерживать въ русскомъ обществѣ, особенно въ молодежи, кредитъ идей, составляющихъ вѣроученіе нигилизма, и возвышать обаяніе именъ, служащихъ для нихъ символомъ. Г. Шедо-Ферроти предварилъ насъ своимъ объясненіемъ съ г. Герценомъ. Читая его извѣстное письмо, изданное по-французски и по-русски, мы подивились той ловкости, съ которою оно написано. Божество должно было оставаться божествомъ для поклонниковъ; нужно было только ущипнуть его, чтобъ оно не забывалось и не считало себя чѣмъ-либо само собою существующимъ и своею силою дѣйствующимъ. Г. Герценъ

въ то время, какъ писалъ къ нему краснорѣчивое посланіе г. Шедо-Ферроти, дѣйствительно, вообразилъ себя самостоятельнымъ и могущественнымъ дѣятелемъ и началъ вступать въ разныя практическія сдѣлки и оказывать терпимость къ нѣкоторымъ предразсудкамъ цивилизаціи. Но этого не требовалось, и г. Герцену данъ былъ урокъ, долженствовавшій возвратить его къ первоначальной чистотѣ его идей, къ тому періоду его дѣятельности, когда онъ безкорыстно занимался великою задачей пересозданія мозговъ человѣческихъ, — и имѣлъ другихъ корреспондентовъ. Полезное дѣйствіе г. Герцена должно было состоять въ развитіи чистаго нигилизма, отравой котораго онъ дѣйствовалъ на молодые умы, дѣлая ихъ ни къ чему негодными и отнимая ихъ у русскаго народа; онъ былъ хорошъ, когда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ цѣлей, способствовалъ только къ подрыву въ русскомъ обществѣ тѣхъ основъ, на которыхъ держится и развивается цивилизація. Посланіе г. Шедо-Ферроти къ г. Герцену, изданное въ Брюсселѣ, было впущено въ Россію. Брошюрка, озаглавленная именемъ, неизглаголеннымъ въ русской печати, появилась въ окнахъ магазиновъ, и это имя въ крупныхъ буквахъ запестрѣло въ газетныхъ объявленіяхъ. Всякій могъ законнымъ образомъ пріобрѣсти эту брошюрку, напечатанную по-французски и по-русски, и всякій могъ законнымъ образомъ читать въ ней о томъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ мыслитель и патріотъ, пребывающій въ изгнаніи, и какія великія заслуги оказалъ онъ оттуда Россіи, хотя онъ впослѣдствіи и испортился, перейдя въ другія руки,—перемѣнивъ своихъ корреспондентовъ, такъ тонко выразился г. Шедо-Ферроти. Эти изысканно-почтительныя объясненія съ г. Герценомъ на французскомъ и русскомъ діалектахъ въ то время, когда русская печать не смѣла произнести его имя, производили странное впечатлѣніе. Г. Шедо-Ферроти, кажется, думаетъ, что въ 1862 году было разрѣшено писать о г. Герценѣ въ Россіи. Это не совсѣмъ точно. Въ Россіи пропущена была его брошюрка изъ-за границы, но по внутренней цензурѣ не было сдѣлано никакого распоряженія о томъ, чтобы пропускать что-либо относящееся къ этому предмету. Тѣмъ не менѣе, когда эта брошюрка появилась въ русскихъ книжныхъ лавкахъ, мы сочли и себя въ правѣ заговорить. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, цензоръ нашъ (вскорѣ затѣмъ получившій другое назначеніе) пропустилъ статью, которая хотя и произвела нѣкоторое дѣйствіе, но вовсе не то, какое приписываетъ ей г. Шедо-Ферроти. Мы отнюдь не обращались къ молодежи, отнюдь не дѣйствовали на ея воображеніе. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и постоянно, мы обращались только къ здравому смыслу и разумѣнію людей зрѣлыхъ. Фальшивое обаяніе, соединявшееся съ именемъ издателя «Колокола», было разрушено, потому что съ нимъ заговорили, не какъ съ полубогомъ и даже не какъ съ важною особой, но какъ съ простымъ смертнымъ, безъ всякой пощады для его поддѣльнаго авторитета. Вотъ все, что было сдѣлано; но,

повторяемъ, мы не разчитывали плѣнить этимъ воображеніе учащагося юношества. Имя г. Герцена, дѣйствительно, утратило то странное, почти мистическое значеніе, которое было сообщено ему обстоятельствами; но настроеніе молодыхъ умовъ мало отъ того улучшилось. Мы были засыпаны пасквилями, съ бранью и угрозами, и противъ насъ озлобились не одни наивные поклонники г. Герцена, а еще болѣе тѣ, кто понималъ нелѣпость его идей, но пользовался ими для разныхъ своихъ цѣлей. Противъ насъ началась тогда глухая агитація, которую мы не скоро могли выразумѣть; принимались разныя мѣры, чтобы насъ компрометировать, затруднить, запугать, привести въ уныніе; распускались слухи, что мы подкуплены, и какъ бы въ подтвержденіе этихъ клеветъ г. Герценъ въ своемъ «Колоколѣ» возвѣстилъ объ одобреніи, которое статья наша о немъ заслужила въ высшихъ сферахъ, что̀, по разсчетамъ интригановъ, должно было непремѣнно уронить насъ во мнѣніи общества и особенно молодежи. Въ русскихъ журналахъ начали появляться противъ насъ ожесточенныя выходки. Въ печать проскальзали даже такія статейки, въ которыхъ изъявлялось негодованіе на невѣжливый тонъ, съ которымъ мы позволяли себѣ говорить о г. Герценѣ» («Моск. Вѣд.» № 195 отъ 5 сент.).

Понявъ, что «весь смыслъ агитаціи (брошюры) заключается въ томъ, чтобъ устыдить правительство мыслью, что оно дѣйствуетъ вопреки собственному влеченію, по выраженію богъ знаетъ кого и богъ знаетъ для чего», въ слѣдующемъ № Катковъ говоритъ: «Г. Шедо-Ферроти дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ совершенно по одному плану съ г. Герценомъ, такъ что онъ могъ бы предоставить этому послѣднему вести задуманное дѣло, если бы листки «Колокола» теперь же читались кѣмъ-нибудь. Какъ въ этихъ листкахъ, такъ и въ книгѣ брюссельскаго публициста цѣль одна— отождествить съ нашею особой дѣйствія правительства и приписать ихъ нашему вліянію. Разница только въ томъ, что издатель «Колокола» дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ съ грубымъ цинизмомъ, а г. Шедо-Ферроти поступаетъ искусно и тонко... Итакъ, г. Шедо-Ферроти торжественно возводитъ насъ на тронъ, столь достославно отбитый нами у г. Герцена. Изслѣдователь будущихъ судебъ Россіи уже знаетъ и предвѣщаетъ наши дальнѣйшія дѣянія» (№ 196, 6 сентября).

Разумѣется, сдѣланныя цитаты не заключаютъ въ себѣ самую суть статей Каткова (особенно важна вторая изъ нихъ, гдѣ о Герценѣ нѣсколько словъ); онъ возражалъ Шедо-Ферроти по существу польскаго вопроса и т. д., онъ же пришибъ и двуличнаго, но и до сихъ поръ все еще на понятаго въ нашей исторической литературѣ Головнина, указавъ, что въ 1863 г. получилъ отъ него собственноручное письмо съ предложеніемъ издать статьи его по польскому вопросу и пріобрѣсти большое число экземпляровъ для разсылки по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ...

Понявъ выигрышность своего положенія въ данный моментъ въ сравненіи съ поколебавшимся положеніемъ Головнина, Катковъ продолжалъ свои нападки на Шедо-Ферроти и министра и закончилъ ихъ въ № отъ 4 октября. Онъ хорошо зналъ, что при безгласности печати не найдетъ себѣ оппонентовъ, и тѣмъ менѣе могъ опасаться обнаруженія документовъ, удостовѣряющихъ его небезкорыстную близость къ правительству. Не всѣ органы и лица правительства одобрительно относились къ Каткову,—это уже достаточно извѣстно, но почти никто изъ нихъ не смѣлъ быть откровеннымъ шире, чѣмъ въ дружеской корреспонденціи. Еще въ 1863 г. (28 сентября) кн. В. А. Долгоруковъ писалъ Валуеву: «Катковъ позволяетъ себѣ быть главнымъ судьею и даже, если власти государя не безупречны, то во всякомъ случаѣ не ему унижать ихъ въ глазахъ общества, которое смотритъ на него, какъ на оракула. Я думаю, что Сергѣй Строгановъ будетъ говорить съ нимъ при проѣздѣ черезъ Москву въ этомъ смыслѣ, и что онъ будетъ понятъ» (архивъ П. Я. Дашкова). «Константинъ Николаевичъ очень, конечно, недоволенъ «Моск. Вѣдомостямъ»—писалъ Щербининъ Валуеву въ сентябрѣ 1863 г. — и будетъ жаловаться въ Петербургѣ на ихъ нападки. Это отразится и на мнѣ. Постарался и Головнинъ, вооружившій великаго князя. Головнинъ очень не популяренъ въ Москвѣ, — онъ іезуитъ». Старается задобрить Каткова, но напрасно» (тамъ же).

Ратчъ поступилъ еще рѣшительнѣе Каткова: онъ заявилъ (въ 1866 г.), что брошюра Шедо-Ферроти была написана по заказу Ламберова отеля, т. е. партіи Чарторижскаго («Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа», 349—350, 384, 385, 387 и др.).

2476. (Увѣдомленіе).

Сенатская записка по дѣлу Чернышевскаго существуетъ и напечатана. Мы просимъ всѣхъ честныхъ русскихъ, которымъ попадется этотъ листъ «Колокола», прислать намъ этотъ историческій документъ.

2477. (Увѣдомленіе).

Письмо, въ которомъ говорится о томъ, что «черная полоса» въ русскомъ настроеніи проходитъ, получено. Мы очень благодаримъ за него. Въ большей части мы съ нимъ согласны.

2478. Письмо къ сыну.

18 октяб. (1864).
Tunstall House. Maida Hill.

Досадно мнѣ, что ты такъ распорядился съ деньгами; какъ будто, ты не зналъ, что именно теперь у меня всего меньше денегъ—

отъѣздъ дѣтей и все прочее. Ножинъ—хорошій человѣкъ, но откуда же онъ возьметъ денегъ заплатить? 500 я пришлю, больше теперь не могу. Трюбнеръ не хочетъ больше 25 брошюръ. [1]

Ты мнѣ ни разу не отвѣчалъ насчетъ того, можно ли помѣстить Ольгу съ Мейз. къ Шиффу. Я полагаю, что къ маю мѣсяцу это будетъ необходимо, если я ничего не найду въ Женевѣ. На Ольгу должно быть еще чье-нибудь вліяніе—ни Тата, ни Nat. ничего не сдѣлаютъ [1]).

Положеніе дѣлъ до того мрачно, что я опять начинаю думать о невозможности до лѣта покинуть Лондонъ. Свиданіе Нап. съ Алекс. [2]) добра не предвѣщаетъ. А ваши пакостники уже теперь берутъ противъ меня мѣры. Этого никому не говори, а подробности узнаешь отъ Таты; о типографіи, стало, и думать нечего въ Италіи [3]).

Почта возвратила на-дняхъ изъ Флоренціи 4 № «Колокола»; не понимаю, у тебя всѣ ли (я тоже и объ этомъ спрашивалъ раза три)?

Надпись къ памят. я пришлю съ Татой. Печатныя буквы не хороши, мы пробовали писать. Смотри, чтобъ ни одна ошибка не вкралась. Ставить памятникъ пріѣзжай самъ въ Ниццу.

Иногда мнѣ кажется, что всего лучше было бы имѣть домикъ во Флоренціи и другой около Женевы. Тата могла бы жить одинъ семестръ во Флор., одинъ съ нами; и я могъ бы тоже переѣзжать.

Засимъ прощай. Шиффу кланяйся.

Зачѣмъ ты печатаешь особо брошюру? Ученыя вещи печатаются въ ученыхъ журналахъ и, вмѣсто гонорара, съ нихъ берутъ 100—200 экз.

Дѣти ѣдутъ 25-го. Nat собирается на зиму въ Cannes, возлѣ Ниццы; я, вѣроятно, ѣду 3 нояб.

Сейчасъ Бакунинъ явился.

◆◆ **1.** Въ маѣ 1865 г. управляющій акцизнымъ питейнымъ сборомъ въ Тамбовской губ. Левъ Александровичъ Де-Ла-Гарди съ женою уѣхалъ въ СПБ.; во время ихъ отсутствія изъ ихъ имѣнія была увезена дочь жены Де-Ла-Гарди отъ перваго брака, Марія Ножина, 18 лѣтъ; увезъ братъ кол. секретарь Николай Ножинъ при содѣйствіи неизвѣстнаго, пріѣзжавшаго въ имѣніе. Полиція разыскала обоихъ и возвратила дочь матери. Неизвѣстнымъ оказался студ. москов. унив. Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ. извѣстный литераторъ и политическій дѣятель; Ножинъ ѣздилъ въ Тамбовъ съ паспортомъ бывшаго студ. Залѣскаго; «главнымъ распорядителемъ всего дѣла былъ, сколько можно полагать, литераторъ Курочкинъ, давно извѣстный своимъ вреднымъ направле-

[1]) Пропускаю нѣсколько строкъ, по желанію семьи.
[2]) Государь.
[3]) Рѣчь идетъ объ интригахъ нашей дипломатіи.

ніемъ»; кромѣ того, полиція обнаружила, что въ похищеніи и укрывательствѣ Ножиной принимали участіе нѣкоторые другіе. Спб. оберъ-полицмейстеръ приказалъ сдѣлать секретное дознаніе объ основныхъ причинахъ, подавшихъ поводъ къ увозу, о направленіи и образѣ мыслей причастныхъ къ дѣлу лицъ и узнать «не есть ли случай этотъ слѣдствіе попытки распространять въ обществѣ вредныя идеи нигилизма насильственнымъ привлеченіемъ къ своему обществу молодежи»... Предположенія мудраго администратора ген.-лейт. И. В. Анненкова подтвердились. Ножина съ 14 лѣтъ усвоила себѣ вредныя идеи, живя съ братомъ въ Гейдельбергѣ постоянно въ обществѣ студентовъ. Анненковъ просилъ кн. Суворова получить высоч. разрѣшеніе на производство по этому дѣлу дальнѣйшихъ секретныхъ розысковъ и дознаній внѣ всякихъ формальностей и о передачѣ дѣла въ высоч. учрежденную въ Спб. слѣдственную комиссію ген.-ад. П. П. Ланского, «дабы зло, начинающееся проявляться, было разслѣдовано до основанія». Суворовъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе, III Отдѣленіе тоже. 16 іюня и царь выразилъ свое согласіе. 1 августа Ланской представилъ всепод. докладъ о принятыхъ имъ мѣрахъ, а 19 сентября—болѣе подробное изложеніе дѣла. «Теорія нигилизма не приняла еще форму окончательно разработаннаго ученія и не заявила нигдѣ полнаго свода своихъ вѣрованій и убѣжденій, а потому и при отсутствіи юридическихъ данныхъ не представляется никакой возможности найти обвинительные факты, для производства по онымъ формальнаго слѣдствія о дѣйствіяхъ тѣхъ лицъ, которыя заражены идеями нигилизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по наблюденію полиціи, замѣчено, что нѣкоторыми лицами въ образѣ жизни усвоенъ особый порядокъ, который не согласуется съ установившимися правилами общежитія и нравственности. Лица эти, мужчины и женщины, живутъ вмѣстѣ въ одной квартирѣ, отстраняютъ всякую прислугу и внѣ домашнія работы производятъ сами. Такой извращенный образъ жизни замѣченъ и по наблюденію III Отдѣленія с. в. в. канцеляріи. Послѣднія, впрочемъ, свѣдѣнія указываютъ, что идеи нигилизма туго прививаются къ обществу, и самыя ихъ коммуны какъ бы разрушаются сами собою».

О Ножинѣ Ланской докладывалъ, что въ 1861 г. онъ кончилъ курсъ Александровскаго лицея и отправился на казенный счетъ за границу; тамъ онъ оставался до конца 1864 г., занимаясь въ германскихъ университетахъ и Италіи естеств. науками. Одновременно съ нимъ жили за границею и отчимъ его Де-Ла-Гарди съ женою и тремя дочерьми, изъ коихъ двѣ старшія замужнія, а младшая—Марія. Въ Гейдельбергѣ Де-Ла-Гарди принималъ у себя студенчество, имѣвшее вліяніе на «неправильное» развитіе ихъ молодежи. «Вотчимъ и мать видѣли это развитіе, поощряли его, поддерживали сношенія съ кружкомъ молодежи и, какъ объясняетъ Ножинъ, были довольны успѣхами ихъ дочери, а мать, кромѣ того, признавала полное право каждаго члена жить по-своему».

Въ 1862 семейство вернулось въ Тамбовъ, а осенью 1864 г. прибылъ въ Россію и Ножинъ. «Замѣтивъ въ семействѣ безпорядочный образъ жизни, непрерывныя ссоры старшихъ дочерей съ матерью, ревность послѣдней ко второй своей дочери, вслѣдствіе вліянія ея на вотчима, и другіе неприличные и безнравственные поступки, Ножинъ рѣшился, какъ объясняетъ, спасти младшую сестру свою отъ невыносимой для нея жизни въ семействѣ, уѣхать за границу и тамъ докончить ея образованіе и приготовить къ самостоятельной жизни». «Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства и имѣя въ виду, во-первыхъ, что заключающіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія не представляютъ юридическихъ данныхъ для производства формальнаго слѣдствія по предмету распространенія ложнаго ученія подъ названіемъ нигилизма; во-вторыхъ, что направленіе нѣкоторыхъ лицъ, принятное и заявленное ими въ извращенномъ образѣ жизни, требуетъ непрерывнаго и бдительнаго за ними надзора, и въ-третьихъ, что дѣло объ увозѣ Ножинымъ сестры своей, не заключая въ себѣ политическаго характера, не относится къ дѣламъ комиссіи, комиссія заключила: за упоминаемыми въ дѣлѣ лицами имѣть самый строгій и бдительный надзоръ, о чемъ сообщить спб. ген.-губ. и глав. начальнику III Отд. с. в. канцеляріи, отъ коихъ въ предѣлахъ предоставленной власти, будетъ зависѣть принять болѣе строгія административныя мѣры противъ тѣхъ изъ названныхъ лицъ, которыя поступками своими и открытымъ направленіемъ вызовутъ противъ себя такую мѣру». 20 сентября царь одобрилъ мудрый докладъ.

9 апрѣля 1866 г. тамбовскій жандармскій полков. Комаровъ собственноручно донесъ своему шефу: «Жена управляющаго губернскимъ питейно-акцизнымъ сборомъ Елена Дмитріевна Де-Ла-Гарди, по первому мужу Ножина; телеграммою увѣдомлена, что сынъ ея Николай Ножинъ извѣстный нигилистъ и негодяй скоропостижно умеръ 3 апрѣля въ Спб., въ день покушенія на жизнь государя императора; зная уже по опыту, каковы убѣжденія и на что способенъ ее сынъ, она опасается, чтобы скоропостижная его смерть не имѣла бы какого-либо соотношенія съ покушеніемъ, сдѣланнымъ на жизнь государя императора».

Изъ справки видно, что, заболѣвъ въ мартѣ, Ножинъ скончался 3 апрѣля въ Маріинской больницѣ, куда былъ доставленъ наканунѣ. При слѣдствіи было обращено вниманіе на возможную связь смерти съ покушеніемъ 4 апрѣля,—лица съ этимъ близкія были арестованы. Однако, «по изслѣдованіи не открыто ничего, что подтверждало бы это предположеніе; напротивъ, дознано, что Ножинъ умеръ отъ сильнаго разстройства внутреннихъ органовъ и правильности кровеобращенія, и что причина болѣзни крылась въ самомъ организмѣ и могла появиться весьма задолго до обнаруженія ея».

В. А. Зайцевъ познакомился съ Ножинымъ въ 1864 г. черезъ товарища его Владиміра Ковалевскаго, и съ начала января 1866 г

жилъ съ Ножинымъ на одной квартирѣ; во время болѣзни онъ перевезъ его къ Николаю Курочкину, а оттуда—въ больницу. Курочкинъ познакомился съ покойнымъ въ 1863 г. во Флоренціи. Николай Константиновичъ Михайловскій познакомился съ Ножинымъ въ 1865 г. черезъ своего товарища по горному институту Львова; онъ посѣщалъ его довольно часто и, какъ и всѣ предыдущіе друзья, былъ на похоронахъ и поминкахъ (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц., 1 эксп. 1865 г. № 205).

2479. Письмо къ Ю. Ѳ. Самарину. [1]

19 октября 1864.
Tunstall House, Maida Hill.

Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ, письмо ваше изъ Брюсселя я получилъ. Спѣшу поправить вашу ошибку: вѣроятно, я дурно выразился или не четко написалъ. Я не хотѣлъ печатать вашихъ писемъ, я писалъ о «нѣкоторыхъ общихъ мѣстахъ», которыя я привелъ или намѣренъ привести.

Перенесть споръ въ публику необходимо. Ни вопросъ самъ по себѣ не есть частный, ни мы не до такой степени Privat-Menschen [1]); я, какъ издатель «Кол.», а вы, какъ сильный міра сего, т.-е. какъ имѣющій право получить отъ меня статью прямо на свой адресъ въ Москвѣ.

Ваше воззрѣніе господствуетъ; надобно же намъ, по крайней мѣрѣ, сказать, *что мы* и почему протестуемъ. Ваши доминиканскія круговыя поруки между зажигательствами и свободомыслящими людьми страшны, это—ma complicité morale [2]), по которой можно всякаго повѣсить. Не знаю, чья совѣсть выйдетъ легче: тѣхъ ли, которые, предупреждая судъ (и какой судъ! судъ, въ которомъ подсудимый не имѣетъ никакихъ правъ), обвиняютъ въ виду разъяреннаго народа и тупо жестокаго правительства, или же ихъ противниковъ?

Письма свои, т.-е. не эти, а писанныя для печати, я напечатаю; постараюсь исключить всѣ выписки изъ вашего письма, всѣ неудобные намеки. Отвѣтъ, гдѣ бъ то ни было напечатанный, далъ бы мнѣ возможность продолжать обсуживаніе вопроса. Пусть же насъ судитъ современное поколѣніе.

Я ѣду изъ Лондона 3 или 4 ноября, буду въ Парижѣ, буду въ Швейцаріи и Италіи, но не въ Римѣ. Если затѣмъ вы имѣете намѣреніе что-нибудь сказать или написать, дайте парижскій адресъ.

[1]) Частные люди.
[2]) Мое нравственное соучастіе.

О Мартьяновѣ буду ждать. Для васъ Мартьяновъ — доказательство, что правит. не такъ-то bon enfant [1]), какъ вы думаете.

Будьте здоровы.

Уважающій васъ противникъ.

Письма по p.-rest. очень дурно приходятъ; для большей аккурат. не франкирую, тогда почта интересована не затерять. [2]

◆◆ **1.** 16 октября Самаринъ писалъ Герцену изъ Брюсселя, что не хочетъ видѣть своихъ писемъ въ «Колоколѣ». «Вы закидали меня вопросами; между прочимъ: скоро ли общая амнистія? скоро ли конецъ каторгамъ? и т. д. Я вамъ на это отвѣчу другимъ вопросомъ: скоро ли конецъ поджогамъ? Вы можете объ этомъ справиться у тѣхъ, кому вы недавно, съ бокаломъ въ рукѣ, желали всякихъ успѣховъ. Если ваши корреспонденты не проглядѣли этихъ мелочей, вы, вѣроятно, знаете, что Симбирскъ выгорѣлъ до тла, Елецъ тоже, Ржевъ тоже, что въ Сызрани было три поджога, что Калуга дрожитъ и не спитъ по ночамъ, что во всемъ Приволжскомъ краѣ горятъ села, и толпы погорѣльцевъ съ плачемъ и воемъ снуютъ по пристанямъ. Какъ вы думаете, отчего бы это? Высмотрите ли вы, хоть при заревѣ пожаровъ, руку, подкладывающую головни? Впрочемъ, къ чему этотъ вопросъ? У васъ объясненіе должно быть наготовѣ: поджигаетъ полиція, по распоряженію правительства и съ благословенія св. синода. Такъ, вѣдь? ...Вы спрашиваете, гдѣ и когда я нашелъ въ вашей рѣчи ложь, т.-е. сознательную, преднамѣренную неправду. Ложь въ каждомъ № «Колокола», въ каждомъ вашемъ сужденіи, а въ какой степени она сознательна, полусознательна или безсознательна, объ этомъ я не сужу. Это дѣло вашей совѣсти, а въ чужой совѣсти я не считаю себя въ правѣ копаться... Я очень хорошо знаю, что можно все объяснить, во всемъ оправдаться и отъ всего отговориться; поэтому я никогда и не заводилъ съ вами печатной полемики. Въ такого рода вещахъ нѣтъ никакой возможности довести обличеніе до неотразимой очевидности. Но я надѣялся вотъ на что: я думалъ, что мои бездоказательныя обвиненія, въ справедливости которыхъ я глубоко убѣжденъ, въ васъ самихъ найдутъ поддержку и вызовутъ самообвиненіе. Еще разъ искренно сожалѣю, если въ этомъ ошибся» («Русь» 1883 г. № 2).

2. 21 октября Самаринъ отвѣчалъ, что предоставляетъ Герцену право располагать его письмами, чтобы отвѣчать на нихъ печатно. «Вы уже слишкомъ высоко обо мнѣ думаете, предполагая, что я пользуюсь правомъ выписывать «Колоколъ». Я этого права не имѣю и не было повода испрашивать его... Кстати, какъ вы не отвыкнете отъ старыхъ полемическихъ пріемовъ!? Напр.,

[1]) Доброе дитя.

вы укоряете меня въ духѣ преслѣдованія (да еще вдобавокъ связываете эту черту съ религіозными убѣжденіями вообще), въ доминиканской круговой порукѣ и т. п. Вѣдь, вы не можете же не знать, что все это не выдерживаетъ пяти минутъ размышленія» («Русь» 1883, № 2).

2480. Приписка къ сыну.

2 ноября (1864).

Брошюры [1]) получены, и письмо изъ Турина получено. Вѣроятно, 10 или 11 я поѣду, если ничего не помѣшаетъ.

Огар. здоровье плохо, и онъ хочетъ совсѣмъ одинъ поселиться въ Ричмондѣ.

Свиданье им. [2]) въ Ниццѣ—fiasco.

Бакунинъ уѣхалъ. Онъ гораздо покойнѣе.

Лакъ пришлю.

2480 bis. Письмо къ сыну.

7 ноября (1864).
Tunstall House, Maida Hill.

Отъ дѣтей еще вѣсти нѣтъ, жду съ нетерпѣніемъ. Туманъ, скверно и гадко да, по правдѣ, и внутри не свѣтлѣе. Здоровье Огар. дегринголируетъ [3]) страшно. Онъ все продолжаетъ пить, страшно курить и работать всякую ночь. Гено де Мюсси, Нефталь кричатъ, я кричу вдвое, Огар. молчитъ и идетъ своей дорогой. Въ прошлое воскр. у него былъ припадокъ, въ среду другой,—онъ упалъ на лѣстницѣ. Я предлагалъ вовсе не ѣздить до весны, предлагалъ остаться одинъ, онъ хочетъ для излѣченія прожить мѣсяцъ или два совершенно одинъ, не хочетъ ни Жюля, ни Анны. Теперь рѣшено не такъ: 10-го Nat. ѣдетъ въ Парижъ, я останусь еще дней на десять устроить все Огар. въ Ричмондѣ и поѣду черезъ Парижъ въ Женеву, можетъ, 15 или 20.

Сейчасъ ваше письмо изъ Ливорно. Все хорошо. Буду ждать изъ Рима. Нефталь очень хвалитъ твою брошюру; Гено де Мюсси получилъ ее отъ Ага. Пришли къ Тхоржевск. экземпляра 4.

Обнимаю тебя.

Пиши тоже на Тхоржевск. до полученія другого адреса.

8 ноября.

Письмо опоздали снести вчера и потому посылаю теперь. Бак., вѣроятно, на-дняхъ возвратится во Флоренц. Онъ очень

[1]) Сочиненіе А. А. Герцена.
[2]) Императоры Россіи и Франціи.
[3]) Dégringoler—летѣть внизъ кубаремъ.

перемѣнился къ лучшему. Его женѣ послалъ Тхорж. разныя разности черезъ своего коммиссіонера; если онѣ дойдутъ хорошо (т.-е. не ограбятъ), я тебѣ пришлю чемоданчикъ съ твоими рубашками и пр.

Мейзенб. тобой довольна какъ-то этотъ разъ,—и это хорошо. Но она—милая и неизлѣчимая идеалистка.

Прощай, ждемъ Гено де Мюсси для Огарева.

Письмо мое коротко, и потому я прибавляю страницу для пересылки Meysenb. въ Римъ.

Ага тебѣ кланяется.

2481. Письмо къ Н. А. Огаревой.

12 ноября 1864.
11, Eastbourne terrace.

Вотъ я и опять въ Лондонѣ,—пріѣхалъ въ 6 часовъ утра. До какой степени мнѣ больно, до какой степени въ груди камень, комъ отъ разлуки съ дѣтьми, это я не могу сказать. Лиза и Леля, даже il caro boy [1]) передъ глазами. За что я лишенъ, за что Ог. лишенъ ихъ? Сегодня я засталъ Огар. не столько больнымъ, какъ сильно огорченнымъ. Онъ о разлукѣ съ Лизой началъ говорить и не могъ, а заплакалъ...

И изъ чего все это?

Изъ непониманія и капризовъ. Но время можетъ еще показать и иную дорогу для всѣхъ насъ, свѣтлую—позволь хоть надѣяться.

Денегъ у тебя мало; какъ только будетъ у тебя адресъ, я пришлю.

Суббота. *3 часа.*

Лиза, цѣлую тебя и малютокъ. Ждемъ писемъ о пріѣздѣ. (послѣ вторника адресуйте къ Тхоржевскимъ).

2482. ПИСЬМА КЪ ПРОТИВНИКУ.

Письмо первое.

Сегодня первое тихое утро послѣ свиданія съ вами и ряда нашихъ разговоровъ. Я перебралъ слышанное отъ васъ и старался, насколько могъ, спокойно обдумать и привесть въ поря-

[1]) Дорогой мальчикъ.

докъ сказанное вами. Мы какъ-то сбиваемся на генерала Ли [1]) и генерала Гранта [2]), служа оба двумъ *распавшимся частямъ одного цѣлаго:* мы, какъ они, ничего не уступаемъ и, какъ ни мѣняемъ позиціи, все находимся во враждебномъ положеніи. Мнѣ кажется, что съ нами можетъ случиться то же, что съ ними почти навѣрное будетъ, т.-е., что миръ заключатъ другіе за спиной нашей, пока мы будемъ проложать старую войну.

Принимаясь за перо, я не имѣю притязанія васъ побѣдить, ни предчувствія быть побитымъ вами; но полагаю, что если мы и не дойдемъ до общаго пониманія, то, все же, не будетъ безполезно опредѣленнѣе высказаться. Въ два послѣднихъ года всѣ понятія и оцѣнки, всѣ люди и убѣжденія такъ измѣнились въ Россіи, что не мѣшаетъ напомнить друзьямъ и противникамъ, *кто мы.* Пусть одни хвалятъ, другіе бранятъ, зная, кого они гладятъ по головѣ и кого бьютъ.

Я васъ слушалъ честно и добросовѣстно, но вы не убѣдили меня, и это—не личное упрямство и не упорство партіи. Объективная истина для меня и теперь такъ же свята и дорога, какъ во времена юныхъ споровъ и университетскихъ препираній. Мнѣ ненадобно было внѣшняго побужденія, чтобъ заявить въ пятидесятыхъ годахъ, насколько я ошибался въ спорѣ съ нашими славянами, и я не очень испугался западныхъ авторитетовъ, обличая и уличая ихъ революціонную несостоятельность такъ, какъ она мнѣ раскрылась въ 1848 г.

Ваше оправданіе тому, что въ Россіи теперь дѣлается, я рѣшительно отвергаю. Изъ глубины моей совѣсти, изъ глубины моего сердца подымается крикъ протеста и негодованія противъ казней въ Польшѣ, противъ террора въ Россіи, противъ мелкихъ преслѣдованій и добиваній послѣ побѣды и, само собой разумѣется, еще больше противъ всякаго посягательства ихъ оправдывать. Защищающіе дикую расправу правительства «изъ высшихъ государственныхъ интересовъ» берутъ на себя страшную отвѣтственность за растлѣніе цѣлаго поколѣнія. Оправданіе того, что дѣлается въ Россіи, не въ смыслѣ объясненія причинъ, а въ смыслѣ сочувствія и солидарности, ниспровергаетъ всякое простое, прямое, человѣческое пониманіе, всякую нравственность и тѣмъ больше оскорбляетъ, что оно вовсе не нужно. Дикая сила имѣетъ верхъ—и того съ нея довольно; какія оправданія нужны напору стихій, сибирской язвѣ, наводненію?

Это я долженъ былъ заявить съ самаго начала, объ остальномъ я готовъ разсуждать съ вами. Тутъ я не сдѣлаю ни одной уступки и не имѣю права. Я не настолько религіозенъ, чтобы съ холодной улыбкой шагать черезъ трупы и назидательнымъ взгля-

[1]) Робертъ-Эдмондъ, главнокомандующій войсками южныхъ штатовъ.
[2]) Уллисъ, главнокомандующій войсками сѣв. штатовъ.

домъ укора провожать мучениковъ мысли и преданности на висѣлицу и каторгу.

Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы также въ самомъ началѣ указать, въ чемъ мы согласны. Еслибъ у насъ не было ничего общаго, то о чемъ же намъ было бы говорить. Мы махнули бы другъ на друга рукой и пошли бы одинъ въ свою сторону, другой въ свою.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить двухъ человѣкъ, которыхъ весь нравственный бытъ и строй, все святое святыхъ, всѣ идеалы и стремленія, всѣ упованія и убѣжденія были бы до такой степени противоположны, какъ у меня съ вами... Мы—люди разныхъ міровъ, разныхъ вѣковъ, и при всемъ томъ и вы, и я *служимъ одному дѣлу*, преданы ему искренно и такими признаемъ другъ друга.

Разными путями дошли мы до *одной точки*, въ которой согласны. Я знаю, что вы не допустите возможности неодинакимъ образомъ доходить до истины, но фактъ противъ васъ. *Исторически* почти всѣ истины открывались путемъ ломанымъ, кривымъ, фантастическимъ; однажды сознанная, истина освобождается отъ случайныхъ эмбріогеническихъ путей и получаетъ не только признаніе помимо ихъ, но и примыкаетъ къ методѣ,—вмѣсто личнаго, относительно случайнаго проселка, она потомъ создаетъ свой логическій широкій путь.

Насъ занимающій вопросъ не въ теоріи и не въ методѣ, насъ занимаетъ практическая, прикладная сторона его. Дѣло для насъ не въ точкѣ отправленія, не въ личномъ процессѣ, не въ діалектической *драмѣ*, которыми мы отыскиваемъ истину, а въ томъ, *истинна ли истина*, которая стала нашей плотью и кровью, нравственнымъ основаніемъ всей жизни и дѣятельности, и вѣрны ли пути, которыми мы осуществляемъ ее. Что слова «*драма*» или «романъ» идутъ къ процессу развитія живыхъ ученій, это мы знаемъ по опыту. Вспомните борьбу славянофиловъ съ нами въ сороковыхъ годахъ и сравните ее съ тѣмъ, что теперь дѣлается. Два противоположные стана, какъ два бойца, перемѣнили въ продолжительномъ состязаніи мѣсто, перемѣшали оружія. Славянофилы сдѣлались западными террористами, защитниками нѣмецкихъ государственныхъ идей, а часть западниковъ (и мы въ томъ числѣ), отрекаясь отъ salus populi [1]) и кроваваго прогресса, стоимъ за самоправность каждой области, за общину, за право на землю. При этомъ круженіи, при этомъ обмѣнѣ сторонъ и оружій осталась неизмѣнной та точка, около которой совершилось все это. Мое воззрѣніе отчасти вамъ извѣстно; я думаю, что знаю ваше, а потому *точку* опредѣлить не трудно. Господствующая ось, около которой шла наша жизнь, это—*наше отношеніе къ русскому народу, вѣра въ него, любовь къ нему* (которую я такъ же, какъ и «День», не смѣшиваю съ больше и больше

[1]) Благоденствіе народа.

ненавистной мнѣ добродѣтелью патріотизма) и *желаніе дѣятельно участвовать въ его судьбахъ.*

Любовь наша—не только физіологическое чувство племенного родства, основанное исключительно на случайности мѣсторожденія; она, сверхъ того, тѣсно соединена съ нашими стремленіями и идеалами, она оправдана вѣрой, разумомъ, и потому она намъ легка и совпадаетъ съ дѣятельностью всей жизни.

Для васъ русскій народъ преимущественно народъ *православный*, т.-е. наиболѣе христіанскій, наиближайшій къ *вѣси небесной*. Для насъ русскій народъ преимущественно *соціальный*, т.-е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той *земной вѣси*, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія.

Не мы перенесли на народъ русскій свой идеалъ и потомъ, какъ это бываетъ съ увлекающимися людьми, сами же стали имъ восхищаться, какъ находкой. Мы просто встрѣтились. Событія послѣднихъ годовъ и вопросы, возбужденные крестьянскимъ дѣломъ, открыли глаза и уши слѣпымъ и глухимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ огромная сѣверная лавина двинулась и пошла, что бы ни дѣлалось, даже самаго противоположнаго въ Россіи, она идетъ отъ одного соціальнаго вопроса къ другому.

Соціалистъ я не со вчерашняго дня. Тридцать лѣтъ тому назадъ я утвержденъ Николаемъ Павловичемъ въ званіи соціалиста—cela commence à compter [1]). Черезъ двадцать лѣтъ я напомнилъ объ этомъ его сыну въ письмѣ, которое вы знаете, и черезъ десять другихъ говорю вамъ, что я рѣшительно не вижу выхода изъ всеобщаго импаса образованнаго міра, кромѣ старческаго обмиранія или соціальнаго переворота, крутого или идущаго исподволь, нарастающаго изъ жизни народной или вносимаго въ нее теоретической мыслью,—все равно. Вопросъ этотъ нельзя обойти, онъ не можетъ ни устарѣть, ни сойти съ череды, онъ можетъ быть оттертъ, заставленъ другими, но онъ тутъ, какъ скрытая болѣзнь, и если онъ не постучится въ дверь, когда всего меньше думаютъ, то постучится смерть.

Политическая революція, пересоздающая формы государственныя, не касаясь до формъ жизни, достигла своихъ границъ; она не можетъ разрѣшить противорѣчія юридическаго быта и быта экономическаго, принадлежащихъ совершенно разнымъ возрастамъ и воззрѣніямъ, а, оставаясь при ихъ противорѣчіи, нечего и думать о разрѣшеніи антиномій, и прежде существовавшихъ, но теперь пришедшихъ къ сознанію, въ родѣ безусловнаго права собственности и неотрицаемаго права на жизнь, правомѣрной праздности и безвыходнаго труда... Западная жизнь, чрезвычайно способная ко всѣмъ развитіямъ и улучшеніямъ, не касающимся перваго плана ея общественнаго устройства, оказывается упорно кон-

[1]) Съ этого начинается счетъ.

сервативной, какъ дѣло доходитъ до линіи фундамента. Феодально-муниципальное устройство его стоитъ твердо и втѣсняетъ себя ужъ не какъ разумный или оправданный фактъ, а какъ существующій и привычный. За городовымъ валомъ своимъ онъ не боится сельской нищеты и полевого невѣжества окружающихъ его. Противъ оторванныхъ отъ земли, противъ номадовъ цивилизаціи, сражающихся съ голодною смертью, онъ защищенъ арміей, судомъ, полиціей. Внизу—готизмъ, католицизмъ, піэтизмъ и дѣтское состояніе мозга, на вершинахъ—отвлеченная мысль, чистая математика революціи, стремящаяся примирить безуміе существующаго съ разумомъ водворяемаго компромиссомъ между готизмомъ и соціализмомъ. Этотъ half and half [1]) и есть *мѣщанское государство.*

Когда я спорилъ въ Москвѣ съ славянофилами (между 1842—1846 годами), мои воззрѣнія въ основахъ были тѣ же. Но тогда я не зналъ Запада, т.-е. зналъ его книжно, теоретически, и еще больше—я любилъ его всею ненавистью къ николаевскому самовластью и петербургскимъ порядкамъ. Видя, какъ Франція смѣло ставитъ соціальный вопросъ, я предполагалъ, что она, хоть отчасти, разрѣшитъ его, и оттого былъ, какъ тогда называли, *западникомъ*. Парижъ въ одинъ годъ отрезвилъ меня, — зато этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ же началъ, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за Западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ.

Обличая революцію, я вовсе не былъ обязанъ переходить на сторону ея враговъ, — паденіе февральской республики не могло меня отбросить ни въ католицизмъ, ни въ консерватизмъ, оно меня снова привело *домой.*

Стоя въ стану побитыхъ, я указывалъ имъ на народъ, носящій въ бытѣ своемъ больше условій къ экономическому перевороту, чѣмъ окончательно сложившіеся западные народы. Я указывалъ на народъ, у котораго нѣтъ такихъ нравственныхъ препятствій, о которыя разбивается въ Европѣ всякая новая общественная мысль, а, напротивъ, есть *земля подъ ногами* и вѣра, что *она его.*

И вотъ пятнадцать лѣтъ я постоянно проповѣдую это. Слова мои возбуждали смѣхъ и негодованіе, но я шелъ своей дорогой. Пришла Крымская война, смѣхъ замѣнился свистомъ, клеветой... но я шелъ своей дорогой. По странной ироніи, мнѣ пришлось на развалинахъ французской республики проповѣдывать на Западѣ часть того, что въ сороковыхъ годахъ проповѣдывали въ Москвѣ Хомяковъ, Кирѣевскіе... и на что я возражалъ.

Годъ тому назадъ я встрѣтилъ на пароходѣ между Неаполемъ и Ливорно русскаго, который читалъ сочиненія Хомякова въ новомъ изданіи. Когда онъ сталъ дремать, я попросилъ у него

[1]) Смѣсь (половина на половину).

книгу и прочелъ довольно много. Переводя съ апокалиптическаго языка на нашъ обыкновенный и освѣщая дневнымъ свѣтомъ то, что у Хомякова освѣщено паникадиломъ, я ясно видѣлъ, какъ во многомъ мы одинакимъ образомъ поняли западный вопросъ, несмотря на разные объясненія и выводы. Патологическое описаніе Хомякова вѣрно, но изъ этого не слѣдуетъ, что я согласенъ съ его теоріей и съ его объясненіями зла. То же самое въ его оцѣнкѣ бытовыхъ элементовъ русской жизни, на которыхъ возникаетъ наше развитіе. Хомяковъ, наприм., полагаетъ, что вся исторія Запада, т.-е. почти *вся* исторія полутора тысячи лѣтъ, не удалась оттого, что германо-романскіе народы приняли католическую вѣру, а не греческую, и даетъ чувствовать, что спасеніе ихъ, собственно, возможно на томъ основаніи, на которомъ у насъ берутъ во дворъ нѣмецкихъ принцессъ: при перемѣнѣ одного христіанскаго исповѣданія на другое. Я считаю, что такія длинныя, хроническія болѣзни далеко неизлѣчимы такими простыми, *симпатическими* (какъ говаривали встарь) средствами, ни такимъ гомеопатическимъ вышибаніемъ клина клиномъ. Вообще, я ни прежде, ни теперь не могъ понять, отчего все христіанство за стѣнами восточной церкви *не-христіанское* и отчего Россія представляетъ ученіе о свободѣ (разумѣется, не на практикѣ...), а Западъ—ученіе, основанное на необходимости. Это становится еще темнѣе, читая католическія любезности той же пробы насчетъ схизматиковъ.....

...На этомъ мѣстѣ меня застало ваше письмо... Оно измѣняетъ температуру. Изъ вашего письма и изъ его сильнаго одушевленія я вижу, что былъ совершенно правъ, «отмахиваясь» отъ богословско-метафизической контроверзы. Я зналъ, что она не приведетъ къ добру и не принесетъ того огня, который свѣтитъ и грѣетъ, а раздуетъ тотъ, которымъ жарили еретиковъ и невѣрующихъ.

Дѣлить людей на агнцевъ и козлищъ—дѣло не хитрое и не новое; ставить въ одну категорію всѣхъ людей религіозныхъ и преимущественно православныхъ, а въ другую—всѣхъ остальныхъ и преимущественно матеріалистовъ легко. Жаль только, что это дѣленіе имѣетъ одинъ важный недостатокъ—полнѣйшую невѣрность въ практикѣ. Вамъ, какъ всѣмъ идеалистамъ и теологамъ, это все равно; вы строите міръ a priori, вы знаете, какой онъ *долженъ быть* по откровенію,—ему же хуже, если онъ не такой, какой долженъ быть! Если-бъ вы были просто наблюдатель, васъ остановили бы факты, протирѣчащіе вашему мнѣнію; они заставили бы васъ возвратиться къ перебору началъ и рѣшить, исторія ли и жизнь нелѣпы, или ученіе ложно. Увѣренные въ непогрѣшимости ученія, вы шагаете черезъ. Что вамъ за дѣло, что возлѣ мартиролога христіанства мартирологъ революціи. Исторія вамъ указываетъ, какъ язычники и христіане, люди, не вѣрившіе въ жизнь за гробомъ и вѣрившіе въ нее, умирали за свое убѣжденіе, за то, что они считали благомъ, истиной или просто любили... А

вы все будете говорить, что человѣкъ, считающій себя скученіемъ атомовъ, не можетъ с обою пожертвовать, а человѣкъ, который считаетъ свое тѣло искусными, но презрѣнными ножнами души, жертвуетъ собой по праву, несмотря на то, что исторія вовсе не доказываетъ, чтобъ матеріалисты 93 года были особенные трусы, а вѣрующіе по ремеслу—попы, монахи—были бы (кромѣ Польши) особенно падки на самоотверженіе и героизмъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти *первые мотивы* и метафизическія міросозерцанія вовсе не имѣютъ такого рѣшительнаго и рѣзкаго вліянія на характеръ и дѣйствія, какъ вы полагаете. Большое счастіе, что голодъ и жажда развиваются прежде, чѣмъ человѣкъ обдумаетъ, стоитъ ли кормить ничтожные атомы и достойно ли поить презрѣнныя ножны. Привычка сдѣлана, и ѣда идетъ своимъ чередомъ, а трансцендентальная психологія своимъ. Матери не нужно ни религіи, ни атеизма, чтобъ любить своего ребенка; человѣку, вообще, не нужно ни откровеній, ни сокровеній, чтобъ быть привязаннымъ къ своей семьѣ, своему племени и, если случится, вступиться за нихъ; а кто вступается, тотъ иной разъ ложится костьми—изъ ничтожныхъ ли атомовъ онѣ или изъ творческаго вовсе ничего,—это все равно.

Обо всемъ этомъ можно наговорить бездну интересныхъ вещей, бездну вещей давно сказанныхъ, не говоря ни слова о русскомъ вопросѣ, который меня занимаетъ гораздо больше этихъ безвыходныхъ параллелей, въ которыхъ можно биться до конца жизни, не двигаясь ни на шагъ и не выплывая на берегъ.

Вы находите, напр., непослѣдовательнымъ, что человѣкъ, невѣрующій въ будущую жизнь, вступается за настоящую жизнь ближняго. А мнѣ кажется, что *только онъ* и можетъ дорожить *временной* жизнью своей и чужой; онъ знаетъ, что лучше этой жизни для существующаго человѣка ничего не будетъ, и сочувствуетъ каждому въ его самохраненіи. Съ теологической точки зрѣнія смерть представляется совсѣмъ не такой бѣдой; религіознымъ людямъ была нужна заповѣдь «не убей», чтобъ они не принялись людей спасать отъ грѣховнаго тѣла: смерть, собственно, одолжаетъ человѣка, ускоряя его вѣчную жизнь. Грѣхъ убійства состоитъ вовсе не въ актѣ плотоумерщвленія, а въ самовольномъ повышеніи паціентовъ въ высшій классъ. Наши вѣшающіе генералы съ религіозной точки зрѣнія легко оправдываются: они отсылаютъ подсудимыхъ въ высшую инстанцію; тамъ они могутъ оправдаться и чѣмъ невиннѣе окажутся, тѣмъ лучше будетъ ихъ судьба. Вы дивитесь, почему мы дорожимъ такъ кровью, будучи «матеріалистами» (я для васъ повторяю это слово,—оно и не выражаетъ дѣла, и очень школьно); изъ этого ясно, что вы, съ вашей точки, имѣете полное право состраданія,—отчего же вы имъ не пользуетесь? Отчего я въ вашихъ словахъ, въ вашемъ письмѣ не видалъ ни одного слова участія и состраданія къ казнимымъ, къ идущимъ на каторгу? Почему вы думаете, что все это—виновные,

какъ будто, бываютъ тысячи виновныхъ, какъ будто, въ числѣ казнимыхъ нѣтъ людей, чисто преданныхъ своему дѣлу!.. Да и, наконецъ, если-бъ всѣ были виноваты, кто же за ихъ вину васъ-то наказалъ безучастіемъ къ судьбамъ ихъ? Отчего вы, вообще, гораздо больше заняты опредѣленіемъ *вмѣненій*, наказаній, чѣмъ оправданіемъ обвиняемыхъ?

Вы меня даже спрашиваете, какими нравственными наказаніями я замѣняю тѣлесныя, и не тѣлесныя ли наказанія—тюрьма, ссылка и пр., какъ будто, я когда-нибудь брался, какъ князь Черкасскій, находить дѣтскія или старческія, свѣтскія или духовныя розги и ихъ эквиваленты? Изъ того, что я говорилъ о нелѣпости, о гнусности полосовать человѣку спину за прошлый поступокъ, не слѣдуетъ вовсе, что я тюрьму считаю умной и раціональной, а штрафъ—справедливымъ.

«Хотите уничтоженія холеры?»—Безъ сомнѣнія.—«Но какой же заразой ее замѣнить? И легче ли будетъ новая зараза?» Такого вопроса ни одинъ докторъ не разрѣшитъ.

Розги и тюрьмы, грабежъ судомъ выработаннаго и насильственная работа виновнаго, все это—*тѣлесныя* наказанія и могутъ быть только замѣнены инымъ общественнымъ устройствомъ.

Матеріалистъ Оуэнъ не искалъ ни преступниковъ, ни наказаній, ни уравненій между кандалами и побоями, а думалъ, какъ найти такія условія жизни, которыя не наводили бы людей на преступленія. Онъ началъ съ воспитанія; испуганные безнаказанностью дѣтей, піэтисты закрыли его школу.

Фурье попытался самыя страсти, причиняющія въ своемъ необузданномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненномъ состояніи всѣ преступные взрывы и отклоненія, направить на пользу общества; въ немъ замѣтили одну смѣшную сторону...

Цѣлыя страны существуютъ безъ тѣлесныхъ наказаній, а у насъ еще ведутъ контроверзу о томъ, сѣчь или не сѣчь? Если сѣчь,—чѣмъ сѣчь? Если не сѣчь,—сажать ли на цѣпь или въ клѣтку?... Что лучше: розга или клѣтка?... Какова клѣтка, какова розга? Дѣтская розга хороша, а дѣтская клѣтка никуда не годится.

«Уничтоженіе наказаній невозможно», скажете вы съ точки зрѣнія религіи, которая сдѣлала себѣ спеціальностью все прощать, все прощать. Можетъ быть, но, вѣдь, изъ этого не слѣдуетъ, что наказанія надобно выдавать за правду, а за то, что они есть,—за печальную необходимость, за несчастное послѣдствіе. О самихъ вмѣненіяхъ хлопотать нечего, они найдутся. Пока будетъ судейское ремесло, пока останется кровавый кодексъ общественной мести и средневѣковое невѣжество массъ—хирургъ, правосудія, палачъ, не умретъ безъ работы.

Но оставимте, наконецъ, всѣ эти общія диссертаціи,—я еще разъ «отмахиваюсь» отъ нихъ и перехожу къ нашимъ домашнимъ дѣламъ.

Письмо второе.

Вы строго насъ судите. «Ваша пропаганда, говорите вы, подѣйствовала на цѣлое поколѣніе, какъ гибельная *противоестественная привычка*, привитая къ молодому организму, еще не успѣвшему сложиться и окрѣпнуть. Вы изсушили въ немъ мозгъ, ослабили нервную систему и сдѣлали его неспособнымъ къ сосредоточенію, выдержкѣ и энергической дѣятельности... Причина всему этому злу—*отсутствіе почвы*, заставляющее васъ продолжать безъ вѣры какую-то *революціонную чесотку*, по старой памяти».

Что у насъ есть *почва* и даже отчасти общая съ *вами*, я вамъ сказалъ. Мы на нашей почвѣ, очень реальной, стоимъ очень реально; почва обыкновенно бываетъ подъ ногами; у васъ есть другая надъ головой; вы богаче насъ, но, можетъ, поэтому земные предметы вамъ представляются обратными.

Что касается до «чесотки», объ ней поговоримъ послѣ, а теперь позвольте васъ спросить: да въ самомъ ли дѣлѣ у новаго поколѣнія изсушенъ мозгъ и ослаблена нервная система, въ самомъ ли дѣлѣ оно неспособно къ *выдержкѣ* и *энергіи?* Я ставлю сильный вопросительный знакъ.

Какъ бы намъ, старикамъ, не пришлось себя винить въ противоестественныхъ привычкахъ, вмѣсто молодого поколѣнія? И вы, и мы по положенію, по необходимости были рефлектерами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайнобрачными* супругами нашихъ идей. Все это было умѣстно, необходимо послѣ перелома русской жизни въ 1825 году; надобно было сойти поглубже въ себя, добраться до какого-нибудь свѣта, все это такъ, но *энергіей, но дѣломъ, но мужествомъ* мы мало отличились. Вы скажете, что когда нѣтъ войны, нѣтъ и случая показать свою военную отвагу; безъ сомнѣнья, но нечего же и бросать каменья въ юношей, рвущихся на бой, за то, что они пошли слишкомъ задорно и, главное, не дочитали своихъ учебниковъ. Исторія и географія—вещи хорошія, но за ихъ незнаніе нельзя предавать цѣлое поколѣніе проклятію и, разодравши сюртуки наши, съ злобной радостью видѣть, когда его посылаютъ на каторгу. Въ 1812 году мальчики шли на войну, и никто не бранилъ ихъ за то, что они, не кончивъ курса, брали георгіевскіе кресты.

Невѣжество тамъ, гдѣ оно не роковая необходимость, а слѣдствіе лѣтъ и небрежности, я, конечно, ненавижу не меньше вашего; но, во-первыхъ, я желалъ бы знать, что вы разумѣете подъ невѣжествомъ? Изученіе филологіи, *классическое* образованіе составляли прежде все образованіе; теперь больше другихъ спеціалистовъ, теперь больше занимаются естественными науками. А, во-вторыхъ, есть въ исторіи народовъ полосы, въ которыя пульсъ усиливается и мѣшаетъ обыкновенному строю, въ которомъ все кругомъ колеблется, измѣняется, другія потребности

овладѣваютъ умами, чѣмъ во времена застоя, и увлекаютъ ихъ. Россія явнымъ образомъ въ этомъ положеніи съ Крымской войны. Спокойно, кабинетно заниматься врядъ было ли возможно не только молодежи, но и сѣдымъ головамъ.

Намъ учиться былъ страшный досугъ. Мы, кромѣ книги, ни за что и не брались, мы удалялись отъ дѣла: оно было или такъ черно, или такъ невозможно, что не было выбора; люди, какъ Чаадаевъ, какъ Хомяковъ, исходили болтовней, ѣздили изъ гостиной въ гостиную спорить о богословскихъ предметахъ и славянскихъ древностяхъ. Мы всѣ были отважны и смѣлы только въ области мысли. Въ практическихъ сферахъ, въ столкновеніяхъ съ властью являлась большею частью несостоятельность, шаткость, уступчивость; Хомякову было за сорокъ лѣтъ, когда ему Закревскій велѣлъ обриться, и онъ обрился. Бывши подъ слѣдствіемъ въ 1834 году, я скрывалъ свои мнѣнія, мои товарищи тоже. Не знаю, что скажутъ другіе, бывшіе по крѣпостямъ и призываемые въ III Отдѣленіе, но мнѣ кажется, что послѣ декабристовъ до петрашевцевъ всѣ лыняли. Самая революціонная натура николаевскаго времени, *Бѣлинскій*, и онъ былъ сведенъ на эстетическую критику, на Гегелеву философію и дальніе намеки.

Все печально сидѣло по щелямъ, читало книги, писало и, по большей части, украдкой показывало потомъ статьи. Вдругъ, когда всего меньше ждали, въ петровскомъ кораблѣ открылась течь. Шкиперъ первый растерялся и умеръ. Середь мрачной и мертвой тишины вѣсть о его смерти сверкнула молніей, и все зашевелилось, подняло голову, подняло голосъ, всѣ были готовы ринуться, исполненные надеждъ, ожиданій... Куда?... Этого еще никто не зналъ, а только спрашивали: когда же? что же?... да скоро ли?

Минуты великія, въ которыя начинается пробужденіе цѣлой страны, на вершинахъ всѣхъ слоевъ занимается заря... и всѣ чувствуютъ, что начинается другое время, новый день...

И вы могли думать, что молодежь, что шестнадцати-семнадцатилѣтніе юноши останутся спокойно и благонравно доучиваться съ тѣмъ втѣсненнымъ безучастіемъ къ жизни и отчаяннымъ усердіемъ, съ которымъ мы сидѣли на университетскихъ лавкахъ? И это, несмотря даже на то, что у нихъ не было больше профессоровъ, какъ Грановскій, и со всѣхъ сторонъ врывался въ аудиторію говоръ объ общественныхъ дѣлахъ? Какой же вы плохой знатокъ человѣческаго сердца!

Что, собственно, васъ сконфузило и испугало? Что студенты стали дѣлать сходки, посылать депутатовъ къ начальству, говорить рѣчи? Отчего же студентамъ не дѣлать сходки? Зачѣмъ молчаніе монастыря, передней или фронта? Больныхъ въ комнатѣ не было, а была горячая молодежь, которой разрѣшили немного погромче говорить. Зачѣмъ вы и ваши друзья принесли

на эти весенніе праздники угрюмую фигуру недовольныхъ учителей, монаховъ на пирушкѣ? Зачѣмъ вы видѣли въ этомъ естественномъ взрывѣ молодыхъ силъ одинъ безпорядокъ и нарушеніе строя (и какого строя!)? Зачѣмъ въ языкѣ, который обращался къ молодежи, былъ слышенъ клерикальный и начальническій тонъ? Одно мягкое братское слово могло сдѣлать больше впечатлѣнія, чѣмъ томы черствыхъ проповѣдей. Вы оскорбили молодежь безучастіемъ и порицаніемъ въ минуты дорогія для нея. Чему же дивиться, что и та часть ея, которая слушала васъ прежде, отстранилась и ускользнула отъ васъ?

Новые дѣятели, выступившіе на сцену, мало-по-малу оставленную старыми актерами, испугавшимися, что пьеса, которую они весь вѣкъ представляли, начинаетъ превращаться въ быль, двинули молодежь въ иномъ направленіи и, если они меньше учили ее по книгѣ, то учили больше примѣромъ. Оттого молодое поколѣніе стало складываться съ большимъ мужествомъ, съ большей выдержкой и съ большей готовностью на бой; вамъ это можетъ не нравиться, но все же это совершенно противоположно той *энерваціи*, о которой вы говорите.

Хотите примѣры,—я вамъ напомню три-четыре случая, извѣстные всей Россіи; мало ихъ—я готовъ привести двадцать. Боюсь одного, что они не подѣйствуютъ на васъ; для того, чтобъ вы оцѣнили подвигъ преданности, любви, вамъ надо, чтобъ онъ былъ въ Четьяхъ-Минеяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ Болгаріи или Сербіи, а это—все примѣры свѣтскіе, петербургскіе и иногородніе.

Передъ какимъ-нибудь римскимъ центуріономъ, смѣло читавшимъ «запрещенныя» молитвы, не боясь ни своего легіонера, ни дикихъ звѣрей, религіозные люди умиляются тысячу восемьсотъ лѣтъ, а когда гардемаринъ Труввелеръ прямо и открыто говоритъ: «Да, я давалъ эти листы, эти книги солдатамъ, потому что въ нихъ заключается правда», или, когда Сливицкій на вопросъ, кто писалъ письмо, служившее единственнымъ доказательствомъ противъ него, говоритъ, что писалъ письмо онъ, и подписываетъ его, зная, что онъ подписываетъ свой приговоръ; когда Муравскій, больной, безъ всякихъ средствъ, встаетъ передъ судьями и говоритъ имъ все, что накипѣло въ его душѣ,—тогда почитатели центуріона называютъ это мальчишничествомъ, дерзостью, западной демонстраціей.

Что, *энервированный* Михайловъ просилъ пощады? Обручевъ валялся въ ногахъ царя? Чернышевскій отрекся отъ своихъ убѣжденій? Нѣтъ, они ушли на каторгу съ святою нераскаянностью. И у Мартьянова нервы не особенно были слабы, когда, обиженный враждебнымъ отношеніемъ всей Европы къ Россіи, онъ предалъ самъ себя земскому царю.

Я ни въ тридцатыхъ, ни въ сороковыхъ годахъ не помню ничего подобнаго.

Двѣнадцатаго апрѣля 1861 года русская земля обагрилась русской кровью: пятьдесятъ крестьянскихъ труповъ легло на мѣстѣ, восемьдесятъ тяжело раненныхъ умирали безъ всякой помощи по избамъ. Фанатикъ, который ихъ велъ, простой крестьянинъ, какъ Мартьяновъ, вѣровавшій въ земскаго царя и золотую волю, былъ разстрѣлянъ Апраксинымъ. Съ казни Антона Петрова началась та кровавая полоса новаго царствованія, которая съ тѣхъ поръ, не перемежаясь, продолжается и растетъ, но не одна она. Съ этой же казни начался мужественный, неслыханный въ Россіи протестъ, не втихомолку, не на ухо, а всенародно, въ церкви—на амвонѣ. Казанскіе студенты служили панихиду по убіеннымъ, казанскій профессоръ [1]) произнесъ надгробное слово. Слабодушнымъ этого поступка назвать нельзя.

Публицистъ, не имѣющій возможности при капризной цензурѣ нашей сказать свое слово о крестьянскомъ вопросѣ, печатаетъ свою брошюру въ Германіи, подписываетъ ее, говоря въ предисловіи, что настала пора открытыхъ поступковъ.... Публицистъ этотъ [2]) третій годъ уже ждетъ въ казематѣ приговора на каторжную работу.

Гдѣ же доказательства той нравственной распущенности, той неспособности къ энергическому дѣлу, въ которой вы обвиняете молодое поколѣніе? Изъ-за чего вы такъ осерчали противъ него? Неужели только изъ-за того, что оно мало и дурно учится? У насъ споконъ вѣка учились мало и скверно и неужели молодежь, шедшая въ юнкера и выходившая изъ кадетскихъ корпусовъ, училась больше? Отчего же вы объ ней не кручинились?

Правительство гонитъ молодое поколѣніе потому, что оно его боится, оно увѣрено, что пожаръ былъ отъ «Молодой Россіи» и что еще двѣ-три прокламаціи—и въ Петербургѣ насталъ бы 93-й годъ. Правительство до «Молодой Россіи» и послѣ «Молодой Россіи» вовсе не похожи другъ на друга—она, дѣйствительно, произвела переворотъ. Министры прогресса и директора либерализма, гуманная полиція и столоначальники освобожденія,—все исчезло, какъ прахъ, отъ ужаса и словъ «Молодой Россіи». Правительство стремилось возвратиться въ николаевскую смирительную гавань... По счастію, къ ней плыть было тоже страшно, и оно остановилось, какъ пароходъ безъ угля и парусовъ, со всѣми неудобствами качки, но безъ движенія впередъ. Страхъ, наведенный небольшой кучкой энергической молодежи, былъ такъ великъ, что черезъ годъ Катковъ поздравлялъ правительство и всю Россію съ тѣмъ, что она миновала страшную революцію. Гоненія правительства, стало быть, объяснены: у страха глаза велики.

Вы совсѣмъ въ другомъ положеніи Вы увѣрены, что всякая революціонная попытка въ Россіи невозможна, что «русскій на-

[1]) А. Щаповъ.
[2]) Н. А. Серно-Соловьевичъ.

родъ не пойдетъ противъ своего царя, что дворянство безъ него безсильно, и что надобно быть поврежденнымъ, чтобъ предположить, что нѣсколько студентовъ, не кончившихъ курсъ, сдѣлаютъ въ Россіи переворотъ прокламаціями à la Babeuf». Прекрасно. ну, такъ и оставьте это безсиліе и не дѣлайте изъ него силу. Люди настолько, въ самомъ дѣлѣ, становятся сильны, насколько сами вѣрятъ, и вѣрятъ ихъ окружающіе.

«Да, но они ошибаются, ихъ надобно поставить на путь истинный». Но, вѣдь, ошибаются и тѣ, которые столы вертятъ и которымъ Юмъ ходитъ по головѣ,—что же вы не направите паяльную трубку вашу на нихъ?

Если васъ испугалъ самый фактъ «подпольной литературы» то это только доказываетъ нашу великую дѣвственность въ этихъ дѣлахъ. Въ какой же странѣ, гдѣ существовала цензура и правительственный произволъ, когда въ ней возбуждалось умственное движеніе и желаніе воли, не было тайныхъ типографій, тайнаго распространенія рукописей? Это—такой же естественный фактъ, какъ печатаніе за границей, какъ эмиграція.

Все христіанство распространилось подпольной литературой, въ родѣ нашей раскольнической.

Нѣтъ, тутъ что-то другое; все это не объясняетъ священнаго гнѣва вашего. Ужъ не особенно ли сердитъ васъ *то ученіе*, которое легло въ основу новаго направленія?

Не гоните ли вы въ молодомъ поколѣніи *матеріализмъ* такъ, какъ гоните въ полякахъ *католицизмъ?*

Въ раздраженіи вашемъ, въ томъ, что вы меня обвинили, что я гибельно подѣйствовалъ на цѣлое поколѣніе, нѣтъ ли у васъ особаго чувства dépit [1]), отъ котораго надобно чрезвычайно остерегаться и въ которомъ невольно лежитъ сознаніе, что ваша пропаганда, несмотря *ни на тяжелыя «Бесѣды», ни на нелегкіе «Дни»*, не имѣла никакого успѣха въ молодомъ поколѣніи, не соблазнила бы его безъ патріотическихъ конфортативовъ.

Если бы я выражался съ той паталогической откровенностью, съ которой вы выражаетесь, я сказалъ бы, что васъ приводитъ въ гнѣвъ то, что наша *революціонная чесотка* взяла верхъ надъ *богословскими паршами* свѣтскихъ пастырей вашихъ, идущихъ по стопамъ богоотецъ своихъ Магницкихъ, Руничей и пр.

Безпощаднымъ порицаніемъ молодого поколѣнія вы оканчиваете схоластическую контроверзу, а правительство находитъ въ немъ оправданіе своимъ гоненіямъ. Вы сердитесь діатрибой, а правительство—каторгой, казнями.

Неужели вамъ можетъ нравиться этотъ неравный бой? Воля ваша,—а это дурной методъ вести учено-богословскіе споры.

[1]) Досады.

Письмо третье.

Съ тою же несправедливостью, но съ гораздо большей жестокостью отзываетесь вы о молодыхъ офицерахъ, писавшихъ намъ изъ Польши. Офицеровъ всегда строже наказываютъ военные судьи, но мы съ вами—статскіе.

Чудеса надѣлало петровское воспитаніе: оно лишило насъ всякаго смысла свободы и независимости. Нашей освобождаемости едва хватило на пять лѣтъ, слѣдовавшія за смертью Николая. Стоило наткнуться на двѣ, на три прокламаціи, на матрикулы и на разсуждающихъ офицеровъ, чтобъ съ испугомъ бѣжать назадъ подъ кровъ квартальныхъ нянекъ и правительственной опеки. Мы торопимся завѣсить, какъ Сенъ-Жюстъ, «статую свободы и права человѣка», забывая, что у насъ ея нѣтъ, а, вмѣсто правъ человѣка, покамѣстъ только уничтоженіе крѣпостного права.

Говорятъ, что Англія любитъ свободу, но не любитъ равенства; что Франція любитъ равенство, но не любитъ свободы. Россія ихъ опередила: она равно не имѣетъ ни пристрастія къ равенству, ни *емкости* къ свободѣ. Это такъ и ведетъ отъ аракчеевскаго императорства къ императорству пугачевскому.

Первое мы знаемъ хорошо. Сухая, безпощадная, фронтовая выправка, вѣчное молчаніе, безсмысленное повиновеніе, механическій порядокъ—идеалъ великаго курфюрста въ колоссальныхъ размѣрахъ и въ колоссальномъ развитіи. Въ мѣщанскомъ мизерѣ нѣмецкой жизни фельдфебельству негдѣ было расправить члены; на русскомъ черноземѣ, благодаря помѣщичьему **за**калу, оно быстро развилось до заколачиванія въ гробъ и до *музыки въ шпорахъ*. Вся педагогія Петра и его наслѣдниковъ состояла въ варіаціяхъ на эту музыку, т.-е. въ переложеніи на русскіе нравы нѣмецкой казарменной дисциплины. Составились общіе катехизисы, философскія сентенціи въ родѣ знаменитаго совѣта: «Ты мнѣ изъ десяти рекрутъ выправь одного солдата, да чтобъ былъ *солдатъ*», т.-е. девять остальныхъ забей, убей, изуродуй, но чтобъ у десятаго была музыка въ шпорахъ. Самое удивительное во всемъ этомъ то, что любовь къ этой музыкѣ просочилась во всѣ слои статскаго общества, мужского и женского.

Васъ сердитъ, что молодые офицеры обратились ко мнѣ «какъ къ своему directeur de conscience [1])». Васъ сердитъ, что они готовы были скорѣе перейти въ ряды освобождающихся поляковъ, чѣмъ стрѣлять въ нихъ. Вы упрекаете меня, что я «*не догадался* объяснить имъ все злодѣйство человѣка, *носящаго русскій мундиръ, изъ рукъ русскаго правительства получающаго жалованье* и *власть* надъ солдатами, который замышляетъ *во время войны* пристать *къ врагамъ*».

Итакъ, мундиръ дѣлаетъ изъ человѣка спадасина безъ воли и нравственности! А подкупъ жалованьемъ низводитъ спадасина

[1]) Духовнику.

на степень наемнаго убійцы. Ваши доводы мнѣ напомнили того вольтеровскаго солдата, который на вопросъ путника: «изъ-за чего война?» отвѣчаетъ: «Это до меня не касается. Мое ремесло состоитъ въ томъ, чтобъ убивать, быть убитымъ и этимъ жить, объ остальномъ знаетъ начальство».

По этой теоріи мундира и жалованья, какъ критеріума нравственности, ни одинъ народъ никогда не вышелъ бы изъ зависимости вооруженной шайки. Возмущеніемъ противъ безнравственныхъ приказовъ, отказомъ исполнять ихъ начались всѣ освобожденія въ мірѣ. Офицеры нигдѣ не считали себя *на содержаніи* у государя; они вездѣ знали, что жалованье *выдаетъ* правительство, а платитъ народъ; вездѣ знали, что есть предѣлъ, далѣе котораго повиновеніе не идетъ. Неужели генералы, полковники и офицеры, которые годы цѣлые засѣкали на смерть цѣлыя деревни для водворенія ненужныхъ военныхъ поселеній, поступили доблестнѣе подполковника Красовскаго, сказавшаго своимъ солдатамъ: «не стрѣляйте, братцы, въ своихъ родныхъ, не бейте крестьянъ»—и пошелъ за то на каторгу?

Вы упомянули слово «*война*». *Польской войны* вовсе не было, а было *польское возстаніе*, что совершенно мѣняетъ дѣло. Сверхъ того, офицеры писали къ намъ гораздо до возстанія. Они писали къ намъ осенью 1861 года, спрашивали, что имъ дѣлать, если Польша возстанетъ, а ихъ пошлютъ усмирять? Мы совѣтовали имъ итти въ отставку и ни въ какомъ случаѣ не драться противъ людей, ищущихъ независимости своей родины.

Почти черезъ годъ получили мы другое письмо (оба писалъ отъ имени товарищей А. Потебня). Офицеры извѣщали насъ, что отвѣта нашего не получили (вѣроятно, благодаря родственной прусской почтѣ), что ихъ пропаганда идетъ быстро, и что они рѣшились, въ случаѣ возстанія, итти съ поляками, но что имъ бы очень хотѣлось узнать мое мнѣніе. Вы смѣетесь надъ этимъ и называете меня ихъ directeur de conscience. Отчего же это смѣшно? Не отъ того ли, что у меня нѣтъ *директорскаго* мундира, и я не получаю *жалованья*, ну, хоть изъ синода, за мою духовную работу? Что же смѣшного, что къ человѣку, который *тридцать лѣтъ* проповѣдывалъ одно и то же, обратились за совѣтомъ молодые люди, разбуженные, можетъ, его словами въ минуту мучительнаго противорѣчія человѣческаго долга съ долгомъ служебнымъ?...

Не успѣли мы обдумать отвѣтъ, какъ страшная вѣсть напомнила намъ, съ какимъ звѣремъ офицеры имѣютъ дѣло: іюня 16-го 1862 были разстрѣляны Аргольдтъ, Сливицкій и Ростковскій за пропаганду между солдатами, «за дерзкія рѣчи» и «*превратныя* толкованія».

Рубиконъ былъ перейденъ... Испуганное журнальными алармистами и николаевскими генералами, правительство дерзнуло *казнить* безъ крайности, безъ опасности; казнь Антона Петрова

указала дорогу. Пріученіе непривыкшаго общества и народа къ судебнымъ убійствамъ, къ крови—фактъ чудовищной безнравственности. Мы думали, что, по крайней мѣрѣ, кнутомъ, клеймомъ, рваньемъ ноздрей, плетьми, палками, розгами, фухтелями, шомполами, шпицрутенами и пр. русскій народъ откупился отъ висѣлицъ, эшафотовъ и *смерти свинцомъ*,—не тутъ-то было. Дверь палачу была открыта черезъ кордегардію. Ужасъ передъ смертной казнью исчезъ, нервы укрѣпились. Можно было предвидѣть и того безумнаго генералъ-губернатора, который разстрѣлялъ въ Нижнемъ разбойника *по подозрѣнію*, и ту развратную журналистику, которая рукоплескала казнямъ и дальше подталкивала разсвирѣпѣвшее правительство. Вы, какъ богословъ, очень хорошо знаете, что есть заповѣдныя святыни, которыя твердо и несокрушимо держатся, пока никто не касается до нихъ, и падаютъ, какъ только допускаются исключенія. Въ Россіи человѣкъ ничего не стоилъ или стоилъ, по справочнымъ цѣнамъ, столько-то за душу и на рекрутскія квитанціи, но жизнь человѣческая была *почему-то* свята, послѣдовательно или нѣтъ—все равно. Въ совѣсти правительства и въ совѣсти народа было отвращеніе отъ смертной казни. У насъ казнили въ послѣднее время только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и то больше для царскаго удовольствія, чѣмъ по внутреннему чувству справедливости. Уничтоженіемъ смертной казни мы хвастались передъ другими народами.

Вдругъ—*три* жертвы, три молодыя жертвы, безпощадно разстрѣлянныя, не уваженныя даже *царской скрѣпой приговора*... И во всей литературѣ не нашелся ни одинъ органъ, ни одинъ публицистъ, ни одинъ поэтъ, во всемъ обществѣ не осмѣлился ни государственный человѣкъ, ни женщина, ни іерархъ церкви поднять голосъ и указать весь ужасъ этого *почина* крови; не нашелся ни одинъ человѣкъ, ни одинъ членъ царской фамиліи, который бросился бы передъ царемъ и остановилъ его руку, пока она не обагрилась русской кровью... Одна молодежь, «энервированная нашей пропагандой», одни несчастные офицеры, считающіе насъ за своихъ «directeur de conscience», помянули казненныхъ торжественной панихидой, да нашъ дальній «Колоколъ» печально прозвонилъ имъ вѣчную память и успокоеніе съ нашими святыми.

Смерть Аргольдта и его товарищей произвела то, что всегда производятъ мученичества,—удвоенную энергію, удвоенную ненависть; казнь не запугала никого, офицерскій кружокъ крѣпче сплотился около Потебни. Для меня совершенно понятно, что никакой мундиръ, даже гусарскій или шитый, никакое жалованье, даже съ прибавленіемъ столовыхъ и подъемныхъ, не могли заглушить совѣсти офицеровъ въ виду этой начинавшейся оргіи казней, крови и бѣшенаго патріотизма. Не дождавшись нашего отвѣта, они прислали въ Лондонъ Потебню.

Личности больше симпатичной въ великой простотѣ, въ великой преданности, въ безусловной чистотѣ и безкорыстности

своей, въ трагическомъ пониманіи своей судьбы, я рѣдко встрѣчалъ. Въ статьѣ Огарева «Надгробное слово» («Кол.» 1 мая 63 г.) нѣтъ тѣни увеличенія. Потебня принадлежалъ къ числу тѣхъ воплощеній вѣковой боли цѣлаго народа, которыми онъ изрѣдка отбываетъ страданія, скорбь и угрызенія совѣсти. Онъ плохо вѣрилъ въ успѣхъ, но шелъ, шелъ потому, что онъ не могъ примириться съ мыслью, что русское войско, что русскіе офицеры безъ протеста, холодно и безпощадно пойдутъ бить людей, съ которыми два года жили въ близости, за то, что они хотятъ быть вольными. Смерть трехъ товарищей его, разстрѣлянныхъ въ Люблинѣ, бродила въ его крови, и онъ погибъ, потому что хотѣлъ погибнуть и потому что твердо вѣровалъ, что смерть его искупаетъ повиновеніе другихъ. «Я ѣду,—писалъ онъ, отправляясь въ Польшу,—а въ ушахъ у меня раздается»: «мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся!»

Мы предвидѣли гибель ихъ и всѣми силами старались задержать возстаніе. Правительство, напротивъ, утомленное quasi-законностью, торопилось скорѣе покончить «польское затрудненіе».

Офицеры сдѣлали послѣдній торжественный шагъ, послѣдній протестъ,—они написали адресъ...

Вмѣсто того, чтобъ приходить въ дисциплинарное негодованіе и официальный ужасъ отъ офицерской продерзости, подумайте объ ней. Освободитесь на минуту отъ *петербургской* раздражительности передъ словомъ, сказаннымъ «не по начальству», передъ дѣломъ, написаннымъ не по формѣ, передъ всякимъ свободнымъ актомъ человѣка, и скажите, что́ преступнаго въ томъ, что наканунѣ междоусобицы офицеры доводятъ до брата государя, до намѣстника края о томъ, что́ у нихъ на душѣ, и просятъ ихъ *спасти* отъ измѣны себѣ или долгу? «Мы въ невыносимомъ положеніи въ Польшѣ,—пишутъ они,—мы не хотимъ быть измѣнниками русскому народу, но не хотимъ быть и палачами!» Во время севастопольской осады подобныя сомнѣнія не возникали и подобныхъ вопросовъ не ставилось. Если-бъ Константинъ Николаевичъ, въ свою очередь, подумалъ объ этомъ (по несчастію, имъ всегда недосугъ думать), то, можетъ быть, вмѣсто того, чтобъ поручать Минквицу составленіе контръ-адреса, надъ которымъ смѣялся весь міръ, онъ довелъ бы его до государя,—и сколько бѣдствій, крови было бы спасено... Но какъ допустить подобную дерзость, не только офицерамъ, но и генералъ-ан-шефамъ! Отчего же идущій на смерть по службѣ не имѣетъ права осужденнаго на казнь сказать свое послѣднее слово, выразить свое желаніе? Если-бъ въ 49 году Паскевичи и Ридигеры довели до Зимняго дворца настроеніе русскихъ войскъ и офицеровъ въ Венгріи, мы не видали бы преступнаго, отвратительнаго зрѣлища—русской арміи, бьющей дружески расположенный къ намъ народъ въ пользу своего злѣйшаго врага.

Петербургское правительство всегда, во всемъ шло на проломъ, ломало все, что попадалось подъ ноги, лишь бы дорога была посыпана пескомъ и, главное, была бы вытянута прямолинейно по шнуру. Оно ни разу не останавливалось ни передъ чѣмъ и топтало безъ зазрѣнія совѣсти все дорогое и святое человѣку. Человѣческій оборотъ дѣла, если и приходилъ изрѣдка ему въ голову, то всегда поздно. Во всемъ, вездѣ, сначала дикая сила, ломанье и, когда дѣло въ половину погибло на корню, тогда принимаются залѣчивать. Сперва столкнутъ цѣлое населеніе къ морю, чтобъ отъ него отдѣлаться, а потомъ догадаются, по иностраннымъ газетамъ, что меньше нельзя сдѣлать, какъ дать имъ корабли.

Человѣческіе пути дальше и сложнѣе, пути насилія коротки и казисты. Для того, чтобъ ихъ употреблять, надобно имѣть отсутствіе сердца, очень ограниченный умъ и совсѣмъ не ограниченную власть, надобно имѣть исполнителей, которые никогда не спрашиваютъ, такъ ли это и почему такъ? Имѣть все это, при счастливыхъ обстоятельствахъ, бездарностью и ограниченностью можно надѣлать чудеса нелѣпостей и богъ знаетъ что загубить: «Петрополь вызвать изъ блатъ», Зимній дворецъ—изъ пепла, сдѣлать изъ деревень военныя поселенія, изъ военныхъ поселеній деревни...

.... Наканунѣ польскаго возстанія представлялись два средства для того, чтобъ его остановить: депортація нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ подтасованнымъ *наборомъ* и *освобожденіе крестьянъ*, какъ оно сдѣлалось черезъ годъ послѣ рѣзни и террора.

Я не встрѣчалъ ни одного человѣка съ здравымъ смысломъ, котораго бы мысль о наборѣ не ошеломила. Графъ Орловъ поскакалъ въ Варшаву уговаривать великаго князя; говорятъ, что вел. князь самъ былъ въ раздумьи, телеграфировалъ государю. Но дѣло было zu petersburgish [1])... наборъ не отмѣнили. Всѣ усилія, просьбы, доводы, которыми многіе старались остановить, задержать возстаніе, исчезли, какъ прахъ, передъ наборомъ.

«Вы видите,—говорилъ намъ въ декабрѣ мѣсяцѣ Сигизмундъ Падлевскій въ Лондонѣ,—можно ли медлить и въ нашей ли волѣ остановить возстаніе? Если эта варварская травля на людей сбудется, мы, можетъ, всѣ погибнемъ, но возстаніе будетъ навѣрное». И онъ поѣхалъ съ Потебней въ Польшу.

Знаменитая бранка была въ Варшавѣ 15 января, 21-го января вспыхнуло возстаніе, а мѣсяца черезъ три не было уже ни Потебни, ни Падлевского, кровь лилась рѣкой, и на мрачномъ горизонтѣ Россіи подымались два тусклыхъ пятна—Вѣшателя и его ритора [2]), именами которыхъ будетъ помѣчена эпоха, начавшаяся съ конца 1862...

[1]) Слишкомъ петербургское.
[2]) Катковъ.

Напрасно хотятъ покрыть это темное время однимъ патріотическимъ взрывомъ и возбужденнымъ чувствомъ національнаго достоинства. Одна непомѣрная спутанность понятій и наглость языка можетъ ставить годъ *казней* на ряду съ годомъ *побѣдъ*, годъ великой и малой полиціи—съ великимъ 1812 годомъ. Что кастратскій задоръ западныхъ нотъ могъ взбѣсить всю Россію, и она показала готовность отпора, это понятно; что по сей вѣрной оказіи многимъ захотѣлось, наконецъ, сбросить нравственное иго Европы [1]), въ которомъ насъ держали всякіе фамулусы Гнейста и подмастерья нѣмецкихъ гелертеровъ, также понятно. Но вглядитесь въ результатъ всей агитаціи. Когда вчерашніе почитатели Англіи, громко презиравшіе все русское, премудро сдѣлавшіе «шанже черезъ половину манежа», раздули вмѣстѣ съ откровенными кликушами и бѣснующимися о Россіи патріотическія искры въ длинное пламя, которому недоставало одного—сожигаемаго матеріала, т.-е. непріятеля, слѣдовало бы успокоиться на сознаніи и заявленіи своей силы. Не тутъ-то было. Все это возбужденіе, вся готовность сразиться съ Европой перешла в *полицію*. Прокопіи Ляпуновы и Минины Сухорукіе почувствовали себя квартальными и частными приставами; доносчики, сыщики—Фигнерами и Сеславиными, Муравьевъ—княземъ Пожарскимъ. Не имѣя ни отечества для спасенія, ни мира для покоренія, всѣ бросились на полицейское усмиреніе Польши, на полицейское водвореніе русскаго элемента, на полицейскую пропаганду православія, на чиновничью демократизацію края... Такой истокъ патріотизма слишкомъ сдаетъ нашимъ Петербургомъ, и мы не видимъ въ немъ русскаго народнаго чувства. Русскій народъ положилъ бы въ котомку свой черствый черный хлѣбъ и пошелъ бы на войну за Русь, но онъ отроду не считалъ Польшу русской — что ему до нея за дѣло! Онъ слишкомъ занятъ заботой дня, своимъ поземельнымъ и выкупнымъ дѣломъ, чтобъ заниматься Польшей.

Да еслибъ и въ самомъ дѣлѣ народъ, которому грозили войной изъ за Польши, котораго увѣряли, что въ каждомъ пожарѣ участвуетъ полякъ, заразился бы полицейской чумой образованныхъ сословій, мы и съ нимъ не взяли бы круговой поруки противъ нашей совѣсти, какъ не беремъ ее съ вами. Мы не рабы любви нашей къ родинѣ, какъ не рабы ни въ чемъ. Такого языческаго, азіатскаго поглощенія своей воли и своего разума племенемъ, народомъ не только нѣтъ больше въ *новомъ мірѣ*, но никогда не было въ мірѣ христіанскомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, который основался и развился «не на свободѣ», а «на логической необходимости».

Подъ какой бы логической или стихійной необходимостью мы ни были, мы не отречемся отъ нашего нравственного самоопредѣ-

[1]) О чемъ мы проповѣдывали (не говоря уже о славянофилахъ) пятнадцать цѣлыхъ лѣтъ. *А. И. Г.*

ленія, отъ святой, самодержавной независимости нашей, мы никогда не поставимъ критеріумъ нашей совѣсти въ чемъ бы то ни было внѣ ея. Оттого-то намъ родственно понятенъ голосъ юношей, остановившихся въ раздумьи передъ кровопролитьемъ и спросившихъ себя: «Да слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть слѣпымъ орудіемъ правительства?» Оттого-то они для насъ недосягаемо выше тучи «охотниковъ», пошедшихъ на помощь правительству, распинавшему Польшу, и перемѣнившихъ военный мундиръ на полицейскій.

И въ то время, когда эти несчастные додѣлываютъ свое дѣло мести и ненависти, когда они не могутъ уняться и послѣ побѣды и рвутся, какъ тотъ гвардейскій офицеръ, который бросился къ Павлу, чтобъ дать еще пинка умирающему,—въ то время кровь Потебни и его товарищей кладетъ основу забвенію прошедшаго и будущему союзу для новой жизни обоихъ народовъ. Русскіе юноши смертью въ польскихъ рядахъ засвидѣтельствовали не рознь свою съ народомъ русскимъ, а единство славянского міра, понимающаго всѣ отрасли одного дерева.

Нельзя прилагать уголовный сводъ и полицейскій уставъ, военный артикулъ и кабальное право мундира и жалованья къ такимъ трагическимъ событіямъ; тутъ ни лица, ни дѣла не подходятъ подъ мѣрку судебной инстанціи, не исключая самаго правительствующаго сената со всѣми департаментами своими. Вы хорошо знакомы съ религіознымъ воззрѣніемъ на наши мірскія дѣла. Вспомните, что дѣлали монахи (когда они были истиной) на окровавленныхъ поляхъ дикихъ битвъ. Они не упрекали раненыхъ, не отравляли послѣднія минуты умирающихъ, они, безъ различія стороны, молились о тѣхъ и другихъ и утѣшали послѣднихъ будущностью, как они ее понимали... У религіи не одна сторона *нетерпимости* и *гоненій*. Зачѣмъ же вы берете только ее?

2483. Свиданіе въ Ниццѣ.

Ненужнѣе, унизительнѣе для Петербурга, непріятнѣе для Франціи ничего нельзя было выдумать, какъ неумѣстную искупительную поѣздку императора Александра II въ Ниццу. Fiasco полное. Наполеонъ поѣхалъ изъ учтивости... Александръ далъ солдатамъ по Станиславу,—и разъѣхались. «Globe» превосходно замѣтилъ, что если бы Наполеонъ спросилъ Александра, что всего больше его удивило во Франціи, ему пришлось бы сказать, какъ нѣкогда отвѣчалъ дожъ французскому королю: «*То, что я здѣсь*»...

2484. Русскія деньги, польскія деньги.

«Моск. Вѣдомости» (№ 215) сообщаютъ очень интересныя новости о хозяйственныхъ дѣлахъ газеты ««Le Nord». Онѣ говорятъ, что «Le Nord»

основанъ на русскія деньги и продолжаетъ свое существованіе, благодаря ежегоднымъ пособіямъ изъ Россіи». Скажите, пожалуйста, мы все думали, что «Le Nord»— журналъ независимый; онъ самъ не разъ говорилъ объ этомъ! Съ чего же Катковъ взялъ это?

«Le Nord», не зная ничего объ этомъ, за него же вступился противъ Шедо-Ферроти и разсказалъ, какъ московскій университетскій совѣтъ на смѣхъ Головнину, отослалъ назадъ имъ рекомендованную книгу, находя ее вредной. Жаль, что первый геройскій шагъ университетской оппозиціи такъ реакціоненъ. Видно, отъ великаго такъ же близко къ гадкому, какъ и къ смѣшному.

Въ 216 № «Моск. Вѣдом.» напечатана слѣдующая загадка о книгѣ Шедо-Феротти, надѣлавшей столько шуму по инвалидной командѣ и полицейскому вѣдомству: «Книга эта, дѣйствительно, замѣчательна своею наглостью, но *оцѣнить* ее можно только приблизительно, справясь въ редакціяхъ нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, *сколько имъ платила въ минувшемъ году польская партія, чтобъ уничтожить подобнымъ образомъ русскій народъ* и превозносить поляковъ, разумѣется, не останавливаясь для сего ни передъ истиной, ни передъ презрѣніемъ всѣхъ благомыслящихъ людей»... Что все это значитъ?

2485. Нравы молодежи исправляются.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Библіотеки для Чтенія» мы съ великимъ удовольствіемъ прочли, что г. N., одинъ изъ «нашихъ молодыхъ людей, посланныхъ или поѣхавшихъ за границу для *настоящихъ* занятій, возвращается с магистерской диссертаціей о *правѣ наказанія*. Онъ будетъ защищать это право».

2486. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ присланы въ послѣднее время черезъ г. Тхоржевского, отъ Р. Е. пятьдесятъ четыре фунта и одинъ фунтъ. Сверхъ того, поступило отъ князя П. В. Долгорукова двадцать два фунта.

2487. Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ.

№ 3.

15 ноября (1864).
11, Eastbourne terrace.

Здоровье Огар. продолжаетъ недурно поправляться. Сегодня онъ ѣдетъ въ М. Квартиру его я смотрѣлъ вчера; плоха, но возможна на короткое время. Сегодня ему похуже,—думаю, отъ тумана. Я завтра поѣду къ Ог. туда; онъ переѣзжаетъ сегодня. Если будетъ возможность, я поѣду въ субботу; если же нужно

для Огарева, я останусь до понедѣльника, *21 числа*, и поѣду на Folkestone, можетъ быть.

Огаревъ очень печаленъ, т.-е. lowspirited [1]). Посылаю, на случай крайности, *чекъ*; пусть его пошлютъ изъ конторы hôtel'я.

У Ротшильда я не былъ, т. е. опоздалъ. Если-бъ кто усомнился, ты можешь обратиться къ Львицкому для свидѣтельства.

Въ случаѣ сомнѣнія, послѣ пятницы, можешь письмо (или телеграмму) адресовать къ Тхорж. Боясь, что ты и его адресъ не знаешь или пишешь иначе, я пишу его:

London, 1 Macclesfield's Street, Sohos, S. Tchorzevsky, Esq.

Я не знаю, прислалъ ли Сатинъ деньги, писали ли M-selle Michel; да мы не знаемъ, получены ли наши письма.

Бакунинъ въ Парижѣ; его адресъ: 56, Boulevard des Batignolles, Ecole Polonaise. Адресъ Усова—Hôtel Fleurus, Rue Fleurus.

Не могу еще добиться о цѣнѣ перамбулатора, т.-е. о... [2]).

По полученіи этого письма можешь еще писать сюда: 11, Eastbourne terr, London.

Сыро и тепло, ноябрь за меня. Мюллера повѣсили—ноябрь противъ него. Скажи Marie, что я ей изъявляю сожалѣніе.

Милый, милый дружокъ Лиза, завтра я тебѣ пришлю письмо особо, а теперь скажу только, что мы съ папой очень, очень часто говоримъ о тебѣ. Намъ очень скучно безъ тебя.

А что дѣлаетъ Леля-милая и Бой-Сандрильонъ? Ты, смотри, Боя не обижай.

И прощай, иду провожать папу въ Ричмондъ.

Appartement meublé—6 ch. à coucher (peuvent être partagées en deux étages)—pas plus haut que le second audessus (?) de l'entresoll nécessairement exposé au soleil.

Entre la Chaussée d'Antin, Madelaine et la Rue Rivoli—les boulevards et le commencement des Champs Elysés.

Pour 5 mois 4,500 maximum [3]).

[1]) Въ угнетенномъ настроеніи.

[2]) Слово не разобрано.

[3]) Меблированная квартира—6 спаленъ (могутъ быть расположены въ двухъ этажахъ), не выше, чѣмъ верхняя часть антресоль, необходимо должны выходить на солнечную сторону.

Между Шоссе д'Антенъ, Мадленою и улицею Риволи, бульварами и началомъ Елисейскихъ полей [0]).

За 5 мѣсяцев 4.500—самое большое.

[0]) Указана самая красивая и фешенебельная часть Парижа 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

2488. Письмо къ Н. А. Огаревой.

16 ноября (1864).
11, Eastbourne terrace.

Письма твои всѣ пришли, какъ же это наши что-то застряли? Это *четвертое*.

Ог. вчера уѣхалъ, я одинъ. Квартира его мнѣ не нравится, но онъ другой не возьметъ. Онъ печаленъ, и всѣ разговоры были печальны. Настоящій опытъ лѣченія оказался теперь. Я начинаю вѣрить; Нефталь, который безмѣрно внимателенъ, надѣется. Если онъ перейдетъ этотъ кризисъ, онъ сохранится великой и красивой развалиной отъ времени. Его безмѣрная святая любовь къ дѣтямъ, большимъ и малымъ, его плачъ и грусть разъединенія снова вызываютъ у меня порывы поклоненія.

Неужели, думалъ я, сидя вчера одинъ на квартирѣ, неужели это—послѣдній актъ длинной драмы?... Зачѣмъ нѣтъ распятія, зачѣмъ нѣтъ Mater Doloros'ы, передъ которыми бы мы молились о томъ, чтобы... [1]) сошелъ на тебя, хоть... [1]) въ немъ сдѣлать... [1]) воспитанья... [1]) прошлою дружбою... [1]) надѣяться?

Сохрани этотъ листокъ особо,—въ немъ рвется изъ глубоко оскорбленнаго сердца потребность отпущенія грѣховъ прошедшаго въ отвѣтъ на искреннюю работу возрожденія. Не перемирья, не примиренія я хочу,—этого мало... И довольно, ни слова больше!

Если все такъ пойдетъ со здоровьемъ О., какъ теперь, я поѣду въ понедѣльникъ, можетъ, во вторникъ. Квар. остается та же: 11, East. terrace. Сегодня послѣ Рот. я отправляюсь къ Морс. и, можетъ, тамъ (т.-е. въ Ричмондѣ) останусь ночевать. Адресуй письмо сюда, а въ субботу, пожалуй, на Тхорж. Адресъ Мор. не умѣю написать, напишу завтра.

Вчера я послалъ чекъ въ 10 фун.; полученъ ли онъ и взялся ли хозяинъ? Можно послать его къ Ротшильду, Rue Lafitte, на акцептацію, au reste я могу его и замѣнить по первому... [1]) къ Ог. еще и тѣни нѣтъ... [1]) которомъ я говорю... [1]) со мной.

Если квартира тебѣ нравится, то на мѣсяцъ взять нѣтъ никакого риска. Потомъ можно поговорить объ уступкѣ. Главное, переѣзжая, надобно, смотрѣть за каждымъ пятномъ по инвентарю: французы чуть ли не хуже англичанъ въ этомъ отношеніи. Но какъ же можетъ быть близко отъ Тюльери Rue de Luxembourg? Квартиры были всегда довольно дешевыя около Елисейскихъ полей. Не лучше ли дурно провести еще недѣлю въ

[1]) Оторвано.

отелѣ? Ог. того же мнѣнія. 400 фр. состав. въ годъ 4800 фр. А что квартиры на Ке?

Бѣлье столовое переслать—дѣло не хитрое, а перамб.—(очень хитро). Тхорж. узнавала, но я его еще послѣ... [1]) А что же кровати дѣтскія нужны?

Тепло и штиль продолжаются, но дождь идетъ почти весь день. Ноябрь все еще за меня.

Итакъ, насчетъ дома... [1]) разъ на мѣсяцъ нанять... [1]) совершенно въ твоихъ понятіяхъ.

Почему ты не пишешь подробностей о впечатл. на Лизу новаго міра?

Я прошу отвѣта по первой почтѣ. Сегодня среда, стало, въ пятницу вечеромъ или въ суб. утромъ ты будешь знать, переѣхали вы въ Luxemb. или нѣтъ.

2489. Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ.

18 ноября (1864].
11, Eastbourne terrace, W.

Здоровье Ог. двигается явно впередъ; онъ слабъ, и есть лихорадка, но онъ свѣжѣе и рѣшительно замѣнилъ хересъ бордо. Поэтому, если ничего не помѣшаетъ, я въ понедѣльникъ выѣду и остановлюсь въ Hôtel d'Espagne. Нанимайте квартиру какъ угодно: на мѣсяцъ 450 и 475 изъ границъ вонъ, но въ мѣсяцъ можно пріискать. Для меня комнаты не надобно—я займу въ томъ же домѣ или возлѣ одну комнату и спальню.

Деньги Ротшильдъ не получилъ отъ Сат. Перехватывать ихъ нельзя было; напиши къ нимъ, чтобъ сейчасъ высылали. Это сильно подрѣзываетъ финансы. A propos, что, дошелъ или нѣтъ чекъ въ 10 фун. на Ротш.? Я его положилъ въ письмѣ. Левицкій размѣняетъ его легко.

Что ты чувствуешь себя несчастной и часто страдаешь, я вѣрю и всегда вѣрилъ. Если-бъ ты не была несчастна, то и надежды не было бы,—поговоримъ объ этомъ лично.

Можетъ, года черезъ два настанутъ больше свѣтлыя времена; будемъ работать для этого, потому что дѣти только въ свѣтѣ и растутъ человѣчески.

1864 годъ... 1864 годъ... Помню, какъ я утромъ въ новый годъ сидѣлъ у себя въ Теддингтонѣ, и у меня отъ ужаса и страха занимался духъ—отъ ужаса передъ будущимъ. Годъ этотъ былъ для меня, можетъ, самый страшный послѣ 1852 г... Кстати, памятникъ готовъ; я, можетъ, самъ поѣду туда; несмотря на все, ка-

[1]) Оторвано.

жется, я могу еще прямо смотрѣть на могилу, — я не покинулъ дѣтей.

Письмо это придетъ завтра; жду извѣстія о кварт. Надобно письмо послать завтра же до 6 часовъ, я его получу въ понедѣльн. передъ отъѣздомъ.

За перамб. взялся Тхоржевскій, но съ Мортленомъ,—я его почти не вижу.

3 разъ спрашиваю, посылать кровати или нѣтъ?

Разумѣется, мы съ ужасомъ думаемъ о томъ, что ты хочешь мѣнять... [1]).

Лизѣ везу превосходную книгу. „Die natur“ выпишетъ Трюб.

Дружокъ мой Лиза, папа и я цѣлуемъ тебя. Тата въ Римѣ и оттуда пишетъ тебѣ поклонъ и цѣлуетъ. Я везу Лелѣ-герль кофейникъ, сковороду, вѣсы и чайникъ; Бою еще не нашелъ ничего.

Папа поздоровѣлъ

Теперь 6 часовъ

Жду отвѣта съ полнымъ адресомъ, на всякій случай оставьте въ Hôtel d'Espagne. Графъ Саліасъ въ Парижѣ—Rue fossé, S-r Victor.

2490. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 ноября (1864).
Paris.

Проливной дождь, вѣтеръ, качка; на дорогѣ изъ Кале все наполнено, давка, духота, я éventé [2]) пріѣхалъ двумя часами позже въ Парижъ. Умылся, съѣлъ котлету и пошелъ въ 15, Colysée. Лиза обрадовалась очень. Всѣ страшно здоровы и веселы, у одного меня болитъ отъ дороги голова. Слѣдующее письмо (т.-е. завтра) будетъ умнѣе. Сегодня только заявлю о пріѣздѣ. N., кажется, ни о чемъ серьезно не думала и все дѣлаетъ, очертя голову. Квартира порядочная. Бой и Лиза боятся змѣя, который ты прислалъ. Отъ Лизы это плохо, а, впрочемъ, она мила.

[1]) Слово не разобрано.
[2]) Легкомысленный.

2491. Письмо къ С. Тхоржевскому.

23 ноября 1864.
Paris, Rue Taitbout, Hôtel d'Espagne, № 7 (комн.).

Вотъ, вельможный панъ, и я уже второй день здѣсь. Какъ идутъ дѣла переѣзда Ник. Пл.? Я начинаю опять съ той же просьбы: какъ только замѣтите снова ухудшеніе болѣзни, пишите ко мнѣ подробно. Должно быть, я больше недѣли не проживу здѣсь.

Пришлите, какъ можно скорѣе, кроватки, тюфяки и столовое бѣлье самымъ дешевымъ образомъ, адресуйте: M-me N. Ogareff, 15, Rue du Colysée, Champs-Elysées. Если они удачно придутъ, Нат. Ал. напишитъ вамъ о перамбулаторѣ.

Я еще никого не видалъ, переѣздъ былъ плохъ.

Дружески кланяюсь вамъ

Ал. Герценъ.

2492. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 2. 23 ноября 1864.
Rue Taitbout, Hôtel d'Espagne.

Вчера я отдалъ твое письмо и вечеромъ поговорили съ полчаса, и ушелъ, боясь увлечься. Она полагаетъ, что совершенно права; говоритъ, что Мэри вызвала ее на разговоръ; что она . . . [1]) и *Сатинымъ* писала для облегченія горя и пр. Ты—«слабый и больной человѣкъ, подъ вліяніемъ», а поэтому я совѣтую вести переписку о дѣтяхъ и о здоровьѣ, а этотъ предметъ оставить. Что во всемъ этомъ проглядываетъ и аліенація [2]), въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я шелъ домой черезъ Champs-Elysées оглушенный этимъ несчастнымъ непониманіемъ и этой колоссальной нераспорядительностью, и вспомнилъ, какъ въ 1847 году я хаживалъ тутъ... съ кѣмъ и какъ, и у меня зубъ объ зубъ стучали.

Ты видишь, здѣсь мнѣ дѣлать нечего. Посмотрю людей, дѣтей, дождусь писемъ и черезъ недѣлю поѣду.

Что ты съ переѣздомъ и здоровьемъ?

Сегодня день рожденія Лелей; на дворѣ свѣтло и ясно. Твои подарки отдалъ, но носить это бокъ здѣсь еще не время. Бой боится змѣи. Здоровьемъ, я думаю, Лиза всѣхъ слабѣе; возможно,

[1]) Фамилия неразобрана.
[2]) Aliénation—отчужденіе, холодность.

это ростъ. N. хочетъ кого-нибудь, необходимость очевидна... Какъ наказаніе-то идетъ,—это удивительно; я боюсь рекомендовать женевку, а съ Мэри вышли контры изъ того, что Лиза принесла клочекъ письма Мэри къ Жюлю, въ которомъ та пишетъ объ N. съ ненавистью. Она ей показала письмо, но та, русская горничная, расплакалась и пр.

Можешь мнѣ писать сюда: Rue Taitbout. Къ Бак. написалъ, къ Львицк. иду; у него, говорятъ, есть письма.

2493. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

24 Nov. (1864).
Paris, Rue Taitbout, Hôtel d'Espagne

Voilá que je suis installé dans votre appartement—pour une semaine et plus. M-me O. et les enfants sonti ci depuis le 10 et demeurent 15, rue du Colysée. A propos. Il faut que je vous dise qu'Ogar. a mis comme condition de la guérison la plés complète solitude Il a commeneé par prendre un petit appart. derrière Richmond Park. Je lui ai dit que c'était impossible, je lui proposais de ne pas aller à Paris et de prendre une maisonnete á Rich. il a refusé ou voulais se résigner d'un air si malheureux que je n'insistai pas. Vivre avec le bruit des enfants—impossible et de l'autre impossible dé faire les enfants spectateurs des évanouissements. Vous ne m'avez pas cru au moins à la fin—que Lise a les nerfs détraqués depuis l'événement que je vous ai mentionné et pourtant c'est vrai—qu'au lieu de la guérir M-me Og. a empiré le mal, c'est tout autre chose. Or il fallait marchander pas á pas. Je suis resté 12 jours pour voir comment cela ira. Neftal venait presque tous les jours. C'était évident que le mal était provoqué par le chery et la bière, ma condition à moi était donc l'abandon complet, total de toutes boissons fortes et comme transition d'accepter le „bordeaux", il a tenu la parole et en une semaine il allait mieux—pas un évanouissement. Enfin nous avons déterré une très jolie habitation à Richmond Hill, près de Rose cottage. Il sera bien soigné—j'aurais de Nertal et de Thorzevsky des rapports et nous verrons. J'ai été térrifié de la tournure que prenaient les choses—je commence á respirer. Dans les quelques lignes dans votre lettre, chère Malvida, il y avait tant de sympathie pour O. que j'ai voulu vous faire une description détaillée. Enfin la chose est positivement basée sur la boisson, S'il boit du vin fort, il se tue, s'il n'en boit pas, les forces énormes de son organisme vainqueront. Que c'est l'homme le plus saint et le plus large d'horizon, il n'y a pas de doute. jl viendra un autre temps dans lequel les *mesquins*, les petits esprits, à la Botk. et Annenk. se raviseront. Amen.

Pauvre Tchorzevsky, voilà un homme qui nous aime nous tous—avec un dévouement du moyen age. Il était tout bouleversé de mon départ.

Eh bien, chère Malvida j'ai eu comme toujours le nez d'un chien de truffes. Il y a un changement très grand dans les esprits hyperboréens... et le gouvernement russe s'acharne contre nous d'une maniére ridicule, mais avec une recrudescence notable. Jetzt die Feder strecken—wäre ohne Zweifel für die Bande so ein Triumph—wie sie noch keinen hatte.—En attendant Tchernichefsky est condamné par le Senat à 14 ans de travaux forcés et Ser. à plus encore. Il faut absolument que vous lisiez „la Cloche" du *15 Decem.*—J will try all possible. A propos, votre frère devient ambassadeur à Rome—exploitez la fraternité.

Tout va bien chez nous. L'hiver est très doux, le ciel sombre, et au reste tout mauvais à l'exception des arbres. Il n'y a pas d'arbres en Italie. Êtes vous contente de nos projets Tessinois?

Tout le monde vous salue. Lisa porte jour et nuit la petite main en corail.

et moi je vous serre la vôtre.

J'écrirai poste rest. jusqu'à ce que vous vous fixeriez definitivement.

Переводъ.

24 ноября.
Парижъ.

Вотъ я устроился въ вашей квартирѣ на недѣлю и больше. Г-жа О. и дѣти здѣсь съ 10-го числа и живутъ по улицѣ Колизея, 15. Кстати, нужно вамъ сказать, что Ог. условіемъ своего выздоровленія поставилъ самое полное уединеніе. Онъ началъ наймомъ маленькой квартиры за Ричмондскимъ паркомъ. Я ему объявилъ, что это невозможно, сталъ предлагать, не ѣздить въ Парижъ, а нанять домикъ въ Ричм. Онъ отказался или хотѣлъ покориться, но съ такимъ несчастнымъ видомъ, что я болѣе не настаивалъ. Жить среди дѣтскаго шума невозможно, а съ другой стороны—невозможно допускатъ, чтобы дѣти были свидѣтелями обмороковъ. Вы мнѣ не повѣрили, по крайней мѣрѣ, къ концу,—что у Лизы расшатаны нервы со времени событія, о которомъ я вамъ упоминалъ, и, однако, вѣрно, что, вмѣсто того, чтобы ее вылѣчить, г-жа Ог. только усилила болѣзнь; это—дѣло совсѣмъ иное. Итакъ пришлось торговаться шагъ за шагомъ. Я остался на 12 дней, чтобы видѣть какъ дѣло пойдетъ. Нефталь приходилъ почти каждый день. Было очевидно, что болѣзнь была вызвана шерри и пивомъ; поэтому я поставилъ условіемъ совсѣмъ бросить всѣ крѣпкіе напитки, а въ видѣ переходной мѣры согласиться на бордо; онъ сдержалъ слово, и уже черезъ недѣлю чувствовалъ себя лучше, не было ни одного обморока. Наконецъ, мы откопали очень хо-

рошенькій домикъ въ Ричмондъ-Гиллѣ, близъ «Коттеджа розъ». За нимъ будетъ хорошій уходъ, я буду получать извѣстія отъ Нефталя и Тхоржевскаго, а дальше видно будетъ. Я былъ въ ужасѣ отъ оборота, который принимало дѣло; теперь у меня отлегло отъ сердца.

Въ немногихъ строкахъ вашего письма, дорогая Мальвида, было столько сочувствія къ О., что я счелъ долгомъ дать вамъ подробное описаніе. Въ концѣ концовъ, здоровье его всецѣло зависитъ отъ употребленія напитковъ. Если онъ будетъ пить крѣпкое вино, онъ убьетъ себя, если же пить не будетъ, побѣдитъ огромная сила его организма. Нѣтъ сомнѣнія, что это человѣкъ самый святой и съ самымъ широкимъ кругозоромъ. Придетъ другое время, когда *посредственныя* натуры, мелкіе умы вродѣ Ботк. и Аннен. [1]) одумаются. Аминь.

Бѣдняга Тхоржевский; вотъ человѣкъ, который любитъ насъ, всѣхъ насъ съ средневѣковою преданностью. Онъ былъ совершенно разстроенъ моимъ отъѣздомъ.

Какъ видите, дорогая Мальвида, у меня, какъ всегда, оказалось чутье собаки, ищущей трюфели. Въ гиперборейскихъ умахъ произошла большая перемѣна... и русское правительство нападаетъ на насъ съ совершенно нелѣпой яростью и значительно обостряя свои нападки. Бросить сейчасъ перо — это было бы, безъ сомнѣнія, такимъ торжествомъ для шайки, какого она еще не имѣла.

А пока Чернышевскій осужденъ сенатомъ на 14 лѣтъ каторжныхъ работъ, а Сер. [2]) еще на больше. Прочтите непрѣменно № «La Cloche» отъ 15-го декабря [3]).—Я испробую все возможное. Кстати братъ вашъ [4]) назначенъ посланникомъ въ Римѣ—поэкслоатируйте-ка ваше родство.

Все хорошо у насъ. Зима мягка, небо мрачно, и въ концѣ концовъ, все плохо, за исключеніемъ деревьевъ—въ Италіи совсѣмъ нѣтъ деревьевъ. Довольны ли вы нашими тессинскими проектами?

Всѣ шлютъ вамъ привѣтъ. Лиза день и ночь не разстается съ коралловою ручкою, а я жму вашу руку.

Я буду писать «до востребованія», пока вы окончательно не оснуетесь гдѣ-нибудь.

2494. Письмо къ сыну и Н. А. Герценъ.

(24 ноября 1864).

Подробности объ Огар. въ мальвидиномъ письмѣ тебѣ покажутъ, что Ог. лучше. Письмо твое его сильно тронуло и меня

[1]) В. П. Боткинъ и П. В. Анненковъ.
[2]) Н. А. Серно-Соловьевичъ.
[3]) Ошибка: 1 дек. 1864 г.
[4]) Вильгельмъ-Фридрихъ Мейзенбугъ.

тоже,—въ немъ такая истинная любовь и такое искреннее участіе. Я почти увѣренъ, что на этотъ разъ *я спасъ его противъ него самого*. Нефталь думаетъ, что желанію одиночества мѣшать не надо. Впрочемъ, если дѣло не пойдетъ, я возвращусь, не ѣздивши въ Швейцарію, или съѣзжу въ Женеву на одну недѣлю. Если же ему будетъ все лучше, отдохну побольше.

Лиза мнѣ очень обрадовалась; она что-то нездорова. Ты ее не очень упрекай за письма: она мнѣ въ Лондонѣ отдала писемъ пять къ тебѣ на толстой бумагѣ, съ иллюстраціями. Полину [1]) еще видѣлъ только мелькомъ. Читалъ я также и твое письмо къ Nat.,—и оно хорошо. Вѣрь мнѣ безусловно, что я смотрю ясно и прямо на все. Она—несчастная женщина, и несчастная отъ себя; этимъ путемъ она идетъ къ судорожному помраченію ума, и трудно сказать, что будетъ, если она не остановится. Жизнь—такой сложный инструментъ, что тотъ, кто имѣетъ жалость и не хочетъ быть палачомъ, безпрестанно останавливается въ раздумьи. Я—гонитель entweder oder'a [2]). Entweder oder хорошо на полѣ сраженія, но поле-то сраженія—само по себѣ мерзость. Думай спозаранку о всѣхъ жизненныхъ вопросахъ; это стоитъ всякой анатоміи. Затѣмъ цѣлую тебя много. Прощай.

Ну, а ты, Ольга, какъ философствуешь?

Въ твоей запискѣ къ Ага ты изобрѣла новый чинъ «кошка *отъ* дома»; прежде бывали только генералъ-отъ-артиллеріи и ключи отъ дома, а у васъ есть и кошка. Я хотѣлъ тебѣ написать особое письмо къ твоему рожденію, да въ хлопотахъ болѣзни Ага и моего отъѣзда забылъ. И Мальвида обѣщала мнѣ въ Tunstall Hous'ѣ показать книги, да и не показала, а потому напиши мнѣ заглавіе, о чемъ рѣчь, что и какъ, подробно.

Иду обѣдать къ Левицкому.

Жеоржета уѣхала въ Девонширъ со слезами и кланяется вамъ, а Анна, прощаясь со мной, просто заливалась слезами; Жюль у Кюна.

Цѣлую тебя.

2495. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 3.

(25 ноября 1864). Пятница
Hôtel d'Espagne, rue Taitbout.

Письмо твое пришло. У меня съ самого пріѣзда и до сей минуты не перестаетъ головная боль. Должно быть, я распростудился на дорогѣ, да и погода здѣсь ужасная.

Лиза тоже простужена, сильный насморкъ, боль въ ушахъ. N., разумѣется, совсѣмъ растерялась; сегодня ѣдетъ съ ней къ

[1]) Дочь С. Л. Львицкаго, пѣвица, потомъ по мужу Гирсъ.
[2]) Или... или.

д-ру. Былъ еще разъ длинный разговоръ, который ни къ чему не привелъ, кромѣ страшнѣйшаго холода съ моей стороны. Что досаднѣе многаго, это ее увѣренность въ своей мученической роли, и что она пожертвована, брошена въ чужой огородъ и пр. На этомъ надобно теперь и остановиться,—дальнѣйшее будутъ сплетни. Время, время, одно время можетъ поправить дѣло.

У N. были Панчулидзева, дочь Депре, наконецъ Іоганисъ, который желаетъ очень меня видѣть. Гр. Саліасъ живетъ чортъ знаетъ гдѣ, и я не засталъ ни ее, ни сына; опять поѣду. Вчера былъ у Шар. Эдм. [1]) Онъ требуетъ, проситъ etc. корреспонденціи для «Temps» о русскихъ дѣлахъ. Польскій вопросъ исчезъ съ лица земли. Сегодня поѣду къ Бран. Скажи Тхорж., что Франковскій прощенъ и выпущенъ. Отъ Таты премилое письмо.

У Ротшильда еще не былъ. Хочу поговорить о продажѣ дома въ Парижѣ. Это была бы добрая афера.

Теперь слова два о твоемъ хозяйствѣ. Что ты Эллису сказалъ, что я пріѣду жить въ Ричмондъ, это—дѣло понятное и, дѣйствительно, погостить я пріѣду, но жить на этихъ порядкахъ мнѣ было бы очень тяжело, и я снова тебѣ предлагаю переѣхать со мной въ Лондонъ, а для М. [2]) нанять квартиру. Всѣ натяжки, которыя мы дѣлаемъ, всегда обрываются на нашихъ плечахъ, и у меня изъ послѣдняго времени образовалась дикая страсть мужественной и мужской жизни. Я очень боюсь, что M. tout de bon [3])—твое излѣченіе принимаетъ for life [4]). Я тебя предостерегалъ раза два, ты отмалчивался. Напиши мнѣ, согласенъ ты или нѣтъ (пожалуй, хоть и послѣ); это будетъ имѣть вліяніе на мой планъ путешествія. Траты твоего переѣзда и пр.—вздоръ. A propos, C. [5]) опять спрашиваетъ, куда деньги послать; они допишутся до конфискаціи или несчастной карты.

Пиши очень подробно о твоемъ здоровьи, *абсолютно* ли ты не пилъ ни хер., ни водки. Этотъ вопросъ мнѣ такъ важенъ, что я требую непремѣнно отвѣтъ, и искренній.

Мнѣ съ шишкой совѣтуютъ ѣхать къ Нелатону [6]).

Прощай. Вчера дине у Левицк. съ Стадлеромъ. Закуска—икра паюс. и свѣжая, сморчки, рыжики etc.; щи, кулебяка съ рыбой и т. д.; малиновая и вишневая наливки; квасъ.

Горчаковъ [7]) въ восхищеньи отъ моего: «Будь онъ военный, будь онъ статскій, но не Будьбергъ», и желаетъ имѣть въ свою коллекцію мой автографъ.

[1]) Хоецкій.
[2]) Мэри Сутерландъ.
[3]) Чего доброго, всерьезъ.
[4]) Пожизненно.
[5]) Сатинъ.
[6]) Огюстъ, знаменитый франц. хирургъ.
[7]) Кн. Николай Михайловичъ, одинъ изъ младшихъ секретарей нашей парижской дипломатической миссіи.

Стадлеръ ничего, довольно бонпринсипенъ [1]).

До какой страшной степени мнѣ равнодушенъ Парижъ, ты не можешь себѣ представить. Я могу даже поселиться здѣсь, какъ въ Лиссабонѣ.

2496. Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де-Турнемиръ.

26 ноября 1864.
Hôtel d'Espagne.

То, чего я боялся, такъ и случилось. Прошу Васъ назначить какой вамъ угодно день послѣ того, какъ орлы пролетятъ [2]), но отпустите мнѣ воскресенье, т.-е. завтра.

Докторъ Бланше [3]) былъ у Лизы—у нея сильная простуда и лихорадка. Надобно дать ей оправиться, чтобъ товаръ лицомъ показать.

Простите меня и дайте приказъ на будущей недѣлѣ. Отъ Огар. получилъ сейчасъ письмо; онъ говоритъ, что ему гораздо лучше. Надобно замѣтить, что между Ричмондской горой и Лондономъ никакого нѣтъ сравненія.

Искренно преданный вамъ

Ал. Герценъ.

2497. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 ноября (1864). Суббота.
Hotel d'Espagne, Rue Taitbout.

Докторъ Blanchet былъ вчера у Лизы. Онъ находитъ, что она сильно простужена, и велѣлъ ее держать въ комнатѣ. Здоровье ея не изъ крѣпкихъ. Теперь и Леля кашляетъ. Погода ужасная. Сегодня я спалъ порядочно первую ночь, и голова не болитъ. Да вотъ еще: я здѣсь совершенно потерялъ аппетитъ. У Нелатона былъ. Это—министерскій пріемъ; десятки больныхъ томятся въ залѣ. Прождавши часа два, я ушелъ. Пойду, можетъ, сегодня. Вчера сидѣлъ долго у Саліасъ (сына [4]) не видалъ: онъ врядъ интересуется ли особо знакомствомъ со мной,—онъ зналъ, что я буду),—добрая экзальте [5]). У ея мужа умеръ отецъ, оттого ему захотѣлось сына, но мать не хочетъ отдать. Къ Соломонову

[1]) Человѣкъ хорошихъ правилъ.
[2]) Т. е. уѣдетъ гр. Н. А. Орловъ.
[3]) Александръ-Луи, извѣстный врачъ.
[4]) Гр. Евгеній Андреевичъ, писатель.
[5]) Восторженная женщина.

суду прибѣгнуть не хотѣли и рѣшили такъ: у мужа есть домъ въ Neuilly; одну половину займетъ онъ, одну она,—совершенно независимо,—а сынъ будетъ ходить съ половины на половину. Орловъ въ Фонтенебло, въ понедѣльникъ и вторникъ будетъ здѣсь, но граф. не изъявила особаго желанія показать насъ другъ другу. О тебѣ разспрашивала всѣ подробности. Отъ Ус. [1]) письмо изъ Цюриха. Братъ Утина здѣсь меньшой [2]); его я увижу. Отъѣздъ мой зависитъ отъ Лизы и Нелатона. Онъ живетъ на Avenue d'Antin,—это два шага отъ Rue du Colysée. Если Лиза будетъ хворать, а Нелатонъ — рѣзать, я переѣду въ ту же Avenue, гдѣ видѣлъ (т. е. не видѣлъ, а слышалъ) двѣ превосходныя квартиры франк. въ 45 въ недѣлю. Коли же все будетъ исправно, послѣ перваго декабря уѣду. Такая тоска по покою, по отсутствію тревоги, по recueillement [3]), что нельзя себѣ представить. Желаніе пожить одному мѣшаетъ мнѣ думать, смотрѣть, читать. Рапортъ о твоемъ здоровьи хорошъ, и за то спасибо. Прощай.

Сейчасъ меня изнасильничалъ педикюръ [4]); пришелъ, часъ говорилъ, снялъ сапогъ, вырѣзалъ мозоли; я его увѣрялъ, что не хочу, онъ, не слушая, рѣзалъ, и взялъ *15 фр.* «Et libera nos de pedicuribus!» [5]).

Это четвертое письмо.

3 часа. 15, Colysée. Нелатонъ рѣзать готовъ, когда я хочу—послѣ поѣздки или прежде.

Вотъ и всѣ новости.

7 часовъ. Véfour. Сейчасъ отъ Мишле. Принялъ съ распростертыми объятіями,—милый старикъ. Въ четвергъ звалъ обѣдать и зоветъ для меня Henri Martin [6]) и *Мицкевича* [7]). Лизѣ лучше.

28, воскресенье. Письмо опоздало, но это не бѣда, потому что сегодня у васъ нѣтъ почты. Лизѣ ничего, хотя и нездорова еще. У меня у самого что-то лихорадочное, хотя сегодня лучше. Отъ Тхорж. письмо; твое здоровье хвалитъ.

2498. Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де-Турнемиръ.

28 ноября 1864.

Я опять пишу къ вамъ, глубокоуважаемая Елизавета Васильевна, чтобъ положить embrasso [8]) еще на одинъ день. Въ

[1]) Усовъ.
[2]) Евгеній Исааковичъ.
[3]) Сосредоточеніе мыслей.
[4]) Мозольный операторъ.
[5]) «И избави насъ отъ педикюровъ».
[6]) Франц. историкъ и политич. дѣятель; авторъ книги «Pologne et Moscovie», Paris, 1863.
[7]) Владиславъ, редакторъ газеты «L'Opinion Nationale».
[8]) Запретъ.

четвергъ Мишле звалъ меня обѣдать съ H. Martin, остальные дни я свободенъ.

Чтобы, Утину [1]) зайти въ Hôtel d'Espagne,—я дома до 11 часовъ утра.

Усердно кланяюсь,

А. Герценъ.

2499. Письмо къ Н. П. Огареву.

28 ноября (1864).
Hôtel d'Espagne, r. Taitbout.

Нездоровье Лизы положило конецъ разговорамъ и, можетъ, это къ лучшему. Лиза тебя помнитъ и оченъ любитъ. Отъ болѣзни она капризна и мучитъ маленькихъ; я ей дѣлалъ нѣсколько разъ замѣчаніе, а она съ грустью говоритъ, что «папа Ага ее такъ любитъ, что никогда не дѣлаетъ замѣчаній; онъ такой добрый, что, я думаю, и маленькій не шалилъ».

Теперь по части сплетней. В. Боткинъ отдѣлываетъ себѣ домъ въ Петербургѣ съ разными роскошами. Некрасовъ былъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ бросалъ деньги, какъ слѣдуетъ разбогатѣвшему сукину сыну; возитъ съ собой француженку (Панаеву онъ, говорятъ, оставилъ), брата и пр. Въ мѣсяцъ онъ здѣсь ухлопалъ до 50 т. фран. Нѣтъ, саго mio, «Современникъ» во главѣ съ этими слезами о бѣдныхъ людяхъ вора, бросающаго суммы и не платящаго порядкомъ сотрудникамъ, не можетъ быть органомъ чистой и молодой Россіи, а только петербургскихъ судорожниковъ и желчевиковъ. Неужели не лежитъ на насъ обязанность втоптать въ грязь этого негодяя? [1]

Потребность на хорошій русскій органъ снова сильна. «Колоколъ», ты увидишь, двинется впередъ. Письмо къ Сам. сильно попало въ цѣль. Ст. о Польшѣ [2]) сдѣлаетъ переворотъ. Она мирифически [3]) кстати. Стадлеръ не возвращется. Онъ—работникъ и пишетъ здѣсь въ журналы и писалъ В. Коршу корреспонденцію.

Твоя записочка отъ 26 пришла 27—или ты ошибся числомъ?

Чтобъ не забыть: читаешь ли ты газеты? и, если читаешь, отмѣчаешь ли для меня? Мнѣ хотѣлось бы просто №№ и означеніе статей. Главное—leading'a [4]) «Моск. Вѣд.», Также и о «Revue». Въ Женевѣ я все это пересмотрю у Касат., но для этого ненадобно пропускать ни одного №. Нашли ли Манжажа, и отослалъ ли Тхоржевскій Долг. его журналы? [2]

[1]) Евгеній.
[2]) № 2502.
[3]) Mirifiquement—чудесно, удивительно.
[4]) Передовицы.

Вчера вечеромъ былъ въ «Gymnase» [1]), это—первый дебютъ. Погода ужасная, преступная.

Если ничего новаго не будетъ, то напишу слѣдующее письмо послѣ завтра. Жена Пав. Ал. Тучкова [2]) здѣсь. Львиц. дѣлаетъ копію съ его портрета. Фонтэнъ здѣсь, и никто его не заткнетъ. Лизу Львиц. желает сдѣлать, но нельзя. Онъ хочетъ мою карточку сдѣлать вновь. А дѣтскіе порт. не удались.

Прощай.

Нелатонъ не велѣлъ ни въ ногу ... [3]), ни іодій употреблять на лобъ.

Новый «Колок.» пришли сюда sous bande 5 экзем. и 10 въ Женеву poste restante да непремѣнно 5 Сашѣ. Пошли по усмотрѣнію въ Россію, напр., въ редакцію «Инвалида» и «Сѣв. Пчелы».

Finale tragico.

Сейчасъ отъ Ротшильда. Ohio заплатило ассигнац., курсъ 2 фр. дол. вмѣсто 5 ф. 40 сант. Это равняется снова потерѣ 4.000 фр. Я теперь *имъ* долженъ 6000. Даже сконфузился.

Лизѣ ничего; поѣхали къ д-ру.

◆◆ 1. 24 мая 1864 г. А. Ф. Голицынъ посвятилъ свой очередной (еженедѣльный) всепод. докладъ «Современнику» и «Рус. Слову», «проводившимъ въ общество такія правила и направленія, которыя по вредному своему вліянію ни въ коемъ случаѣ не могли бы быть терпимы». Въ качествѣ доказательства было указано на II и III кн. обоихъ журналовъ, а въ нихъ на статьи «Наша общественная жизнь» (Салтыкова) и внутреннее обозрѣніе (Елисеева) въ «Современникѣ» и «Глуповцы, попавшіе въ „Современникъ“» (В. А. Зайцева) и біографію Помяловскаго (Н. А. Благовѣщенскаго) въ «Рус. Словѣ»; Голицынъ полагалъ необходимымъ обратить на это особое вниманіе министра вн. дѣлъ. Царь написалъ: «необходимо» (арх. III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1862 г. дѣло № 230, ч. 10, лит. Б).

Кстати къ исторіи «Русскаго Слова».

Въ февралѣ 1864 г. офиціальный редакторъ его подполков. Андрей Витковскій, въ виду отъѣзда по дѣламъ службы въ Курскъ, просилъ разрѣшеніе передать завѣдываніе редакціею служившему въ межевомъ корпусѣ землемѣру Осипу Филиппову. Изъ справки III Отдѣленія видно, что Осипъ Абрамовичъ Филипповъ—«перекрестъ изъ евреевъ» и нѣкоторое время занимался адвокатурой по довѣренности брата своего Михаила, кандидата Спб. унив. «Оба они люди умные, практическіе и довольно умѣренные», однако, было сообщено что «личность Филиппова не представляетъ доста-

[1]) Драматическій театръ.
[2]) Елизавета Ивановна.
[3]) Слово не разобрано.

точныхъ ручательствъ для назначенія его редакторомъ». Тогда былъ выдвинутъ Николай Благовѣщенскій; противъ него возраженій III Отдѣленія не послѣдовало (тамъ же 1 эксп. 1864 г. № 11, ч. 5).

2. Москва готовилась чествовать Каткова въ день его именинъ, 8 ноября. 3-го московскому жандарму Воейкову III Отдѣленіе предписало слѣдить за ходомъ подписки адреса и о послѣдующемъ сообщить. Иниціаторомъ адреса были ген. Мендъ, Н. В. Сушковъ, А. А. Араповъ, кн. Мещерскій, С. П. Шиповъ, А. В. Кирѣева и др. Адресъ былъ поднесенъ одновременно съ иконой отъ митр. Филарета «съ собственноручною подписью весьма замѣчательного содержания» (Архивъ III Отд. с. е. и. в. канц. 1 эксп. 1864 г. дѣло № 199). По этому случаю по Москвѣ было пущено стихотвореніе:

Къ портрету М. Н. Каткова въ день его тезоименитства.

Вотъ клуба англійскаго идолъ,
Патріотическій атлетъ!
И клубъ ему народность придалъ,
Которой у обоихъ нѣтъ.
По мнѣ, съ искусствомъ сей писатель
За государство поднялъ шумъ;
Но клубу онъ законодатель
Народныхъ чувствъ и разныхъ думъ.
Клубъ ставитъ въ честь сему Ликургу,
Что не бранитъ онъ Петербургъ;
Согласенъ: врагъ онъ Петербургу,
Зато онъ любитъ Мекленбургъ!
Мнѣ скажетъ клубъ, что у Каткова
Къ престолу горяча любовь;
Но у остзейца у любова
Пылаетъ преданностью кровь.
А если скажетъ: онъ глубоко
Чтитъ православія завѣтъ,
Съ нимъ согласится лишь высоко-
Преосвященный Филаретъ.

11 ноября предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета М. Щербининъ писалъ министру вн. дѣлъ по-французски, что адресъ Каткову покрытъ болѣе чѣмъ 2000 подписей. «Не всѣ конечно, поняли, что они подписывали». Было письмо отъ Кіевскаго университета. Вел. кн. Михаилъ Николаевичъ хвалилъ ему «М. Вѣдомости», но выражалъ неудовольствіе за нападки ихъ на брата Константина; Катковъ увѣрялъ цензора, что это—интриги враговъ: онъ ничего не имѣетъ противъ великаго князя К. Н. (архивъ П. Я. Дашкова).

2500. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 ноября (вчера я ошибся) (1864).
Hôtel d'Espagne, r. T.

Лизѣ лучше—Леля слегла. Финансовая новость Ротшильда обдала меня тоже sui generis [1]) морозомъ. Противъ случайностей нѣтъ оружій. Какое тяжелое занятіе—жизнь и какъ страшно думать, что всегда au fond [2]) мы сами такъ глупо вели жизнь, такъ усложнили ее, что, все-таки, подъ конецъ придется задохнуться въ пыли. Какой лѣвой ногой сдѣланъ былъ этотъ отъѣздъ въ Парижъ. Ни секунды покоя и постоянно еще упреки. Надобно, дѣйствительно, имѣть ту сильную подвижность характера, которую я имѣю, чтобы не впасть въ сплинъ. Отвѣтомъ на Ротшильд. новость—проектъ (который ты предвидѣлъ) ѣхать въ Россію—и ни малѣйшей заботы о будущности дѣтей.

Вчера я былъ у нотаріуса—хочу продать домъ. На этомъ можно поправить Огіо и Виргинію; домъ стоилъ 135 т.; у Ротш. говорятъ, что теперь, можетъ, дадутъ до 200 т. Сегодня иду опять къ нот. Онъ желаетъ имѣть мои бумаги о домѣ, а онѣ въ Tottenham Court Road'ѣ. Если дѣло пойдетъ на ладъ, я съѣзжу на двѣ недѣли въ Швейцарію и оттуда прямо въ Лондонъ, отберу бумаги и поѣду опять въ Парижъ рѣзать шишку и продать домъ. Ротшильды совѣтуютъ, если война продолжится, ѣхать въ 65 году въ Нью-Іоркъ и тамъ купить дома́ или землю.

30 ноября.

Леля крѣпко разнемогается, жаръ сильный. Лизѣ гораздо лучше, она вчера со мной гуляла. Какія письма твои могли не дойти? Вчера я получилъ отъ Лев. и отъ Хоец. Отъ меня это шестое письмо. Къ молодому человѣку схожу.

У нотаріуса я былъ. Онъ думаетъ, что пока bail [3]) не оконченъ (еще года два), домъ продать трудно. Теперь онъ даетъ 8.000 дол., а потомъ, думаетъ онъ, онъ можетъ давать до 13 и 14 т. по нынѣшнимъ цѣнамъ. Онъ совѣтуетъ взять подъ домъ 50 т., напр., на пять лѣтъ по 5%, а черезъ два года продать, и тогда весь заемъ и проц. покроются возвышеніемъ цѣны. Поѣду совѣтоваться къ Ротшильду. Браницкій увѣренъ, что цѣна дома почти удвоилась.

Хоть ты и посердился на меня за вопросъ о хересахъ, но твой отвѣтъ принесъ мнѣ страшное удовольствіе. Итакъ, ты съ черныхъ костей долой; я увѣренъ, что теперь пойдетъ физическій

[1]) Своего рода.
[2]) Въ сущности.
[3]) Контрактъ.

вопросъ хорошо. Наказалъ же тебя Hachette [1]). Объ деньгахъ не заботься, но бюджетъ соблюдай, да и С—на [2]) надобно заставить послать приготовленныя деньги. Я теперь Ротшильд. долженъ до 8,000 фр.

Видѣлъ Іоганна,—сгорбился, а тоже лицо nicht zu Klug. [3]) Тебѣ кланяется Соф. Ал. [4]) уговаривала меня по-французски ѣхать въ Россію. Она—дуракъ.

Среда.

12 часовъ. Леля все очень нездорова и Лиза не совсѣмъ: железы страшно распухли. Мальчикъ одинъ здоровъ и веселъ, но зато упрямъ и золъ, какъ вепрь. Кухарка у нихъ предобрѣйшая и buchar [5]). Съ Маріею миръ покамѣстъ.

¿ Что мнѣ дѣлать съ Бакстомъ?

Сына прислалъ, чтобъ я писалъ протекцію. Напишу Осипу [6]), чтобъ онъ С. сказалъ словечко, что, молъ, всѣ знаютъ, какой честный, малый и старательный, Сандорла достойный.

2501. Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де-Турнемиръ.

30 ноября 1864.
Hôtel d'Espagne.

Я не отвѣчалъ вамъ, глубокоуважаемая Елизавета Васильевна, потому что не зналъ, когда могу воспользоваться вашимъ позволеніемъ. Теперь позвольте предложить *воскресенье*. Меня все послѣднее время занимало, и очень, здоровье дѣтей Огарева. Лизѣ лучше, но маленькая сильно расхворалась и чуть ли не сыпь, т.-е. корь или хуже—скарлатина. Докторъ Blanchet, кажется, и хорошъ, но посылаетъ помощника. Отъ Огар. письма очень хорошія, онъ совсѣмъ выздоровѣлъ. Объ остальномъ передамъ лично.

Искренно уважающій васъ

Ал. Герценъ.

Буду ждать вашего отвѣта.

[1]) Парижскій книгопродавецъ.
[2]) Н. М. Сатинъ.
[3])
[4]) Вѣроятно, С. А. Семичева, сестра Н. А—ны.
[5])
[6]) Маццини.

2502. Что же дальше?

Борьба Польши съ Россіей—одна изъ самыхъ страшныхъ трагедій въ исторіи. Мы ее досмотрѣли съ тѣмъ ужасомъ, съ которымъ человѣкъ съ берега наблюдаетъ шагъ за шагомъ крушеніе корабля, на которомъ плывутъ близкіе ему люди.... и на душу падала больше и больше та глухая, тяжелая, подавляющая боль, которая сопровождаетъ совершеніе всякаго безвыходнаго несчастія. А борьба эта была *безвыходна*.... Бой могъ не завязываться, завязаться иначе, въ другое время, но, когда однажды онъ вспыхнулъ, спасенія не было да не было и выбора со стороны Польши. Какой-то грозный архангелъ стоялъ за польскими бойцами, не позволяя отступить и указывая имъ то на близкую земную помощь и лавровый вѣнокъ, то на вѣчную награду и мученическій ореолъ.

Сила одолѣла. Польша измученная, исходящая кровью, опустила мечъ, но и теперь, когда смерть носится передъ ея глазами, она высоко держитъ свое знамя костенѣющими руками и продолжаетъ вѣрить въ помощь родственнаго ей Запада и въ небесную помощь.

Побѣды надъ несчастіемъ тяжелы. Самъ Петербургъ не радуется, не торжествуетъ. Злоба, уже падающая теперь, скоро замѣнится темнымъ сознаніемъ, что совершились страшныя судьбы, страшныя событія, которыхъ ни порицать, ни праздновать нельзя, но которыя *обязываютъ объ стороны къ другому будущему* и, прежде всего, къ крѣпкой думѣ.

Польскія и русскія статьи и брошюры послѣдняго времени неудовлетворительны, ихъ грань мелка, имъ не дорога правда. Въ однѣхъ неукротимое раздраженіе, въ другихъ безконечные пересуды, пустая болтовня праздныхъ на мѣстѣ несчастія, полицейское слѣдствіе, процессъ обѣихъ сторонъ и скучныя антикварскія диссертаціи. Какъ будто, дѣла въ исторіи рѣшаются судейскими приговорами, и живыя событія ищутъ себѣ оправданіе ex fontibus [1]). Пора вынырнуть изъ дикихъ возгласовъ и дипломатическихъ тонкостей, изъ историческаго права и наглости права сильнаго, пора оставить обязательныя фразы, угрозы, ругательства и взглянуть прямо въ глаза фактической истинѣ и послѣднему результату. Скажемъ больше: пора самой искренней горести, самому святому сѣтованію принять больше мужественную форму. Нельзя вѣчно оставаться плакальщиками на кладбищѣ. Жизнь и сила не удовлетворяются ни плачемъ и сѣтованіемъ, ни ненавистью и бранью, имъ надобно пониманіе и дѣло. Искренняя слеза прошедшему и твердый взглядъ впередъ. Le roi est mort—vive le roi! [2]) Это крикъ всей природы,

[1]) Въ источникахъ.
[2]) Король умеръ—да здравствуетъ король!

всего живаго,—мы говорили это въ стану другихъ побѣжденныхъ и повторяемъ теперь.

Насъ оскорбляетъ, что дѣла идутъ не по нашей программѣ, что пути ихъ не разумны, не чисты; взволнованные рядомъ жертвъ и злодѣйствъ, мы забываемъ, что они, все же, *идутъ*. Исторія не создается a priori, не творится изъ одной мысли. Разумъ не имѣетъ столько власти надъ фактами, чтобъ заправлять ими, не принимая постоянно въ разсчетъ *событій совершившихся*,—они составляютъ необходимую базу его операцій. Элементы не создаются ни въ исторіи, ни въ химіи, ихъ надобно брать какъ они есть, имъ надобно подчиняться для того, чтобъ надъ ними владычествовать. Только въ этомъ сочетаніи фактическаго матеріала съ сознательнымъ идеаломъ и состоитъ историческое дѣяніе.

Польскій вопросъ такъ, какъ онъ ставился съ 1831 года, врядъ можетъ ли ставиться въ будущемъ,—но не видно ли изъза него цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, выдвигающихъ на первый планъ славянскую федерализацію, въ которой сохранится народъ польскій и распустится имперія всероссійская въ равноправномъ *славянскомъ совѣтѣ?* Казенные патріоты кричатъ съ ужасомъ о *сепаратизмѣ*, они боятся за русскую имперію, они чуютъ въ освобожденіи частей отъ старой связи и въ федеральномъ ихъ соединеніи конецъ самодержавію.

.... При словахъ «*союза федераціи славянъ*», мы предвидимъ тотъ взрывъ негодованія и возгласовъ людей практическихъ, наторѣлыхъ дѣльцовъ, который встрѣчалъ нѣкогда наши слова «о правѣ на землю, объ общинномъ владѣніи»—до тѣхъ поръ, пока, такъ или иначе, то и другое не было признано самимъ правительствомъ. Мы не боимся ихъ канцелярской мудрости; послѣдніе годы показали ясно мѣру способностей людей, ничего не видящихъ дальше своего носа и за то очень подробно знающихъ, что у нихъ передъ носомъ. Что поняли, предвидѣли, предупредили, отвратили министры всѣхъ дворовъ и при всѣхъ дворахъ всей Европы въ польскомъ, датскомъ, итальянскомъ вопросахъ? А ужъ, конечно, Росселей и Пальмерстоновъ нельзя назвать идеологами.

Надъ идеологами любятъ смѣяться Наполеоны, что имъ не мѣшаетъ лѣтъ черезъ десять исполнить ихъ программу.

Славянскій міръ идетъ къ федеральному союзу; по дорогѣ его останавливаютъ двѣ имперіи: одна ужъ всѣми елеями «посвящена богомъ», другая кажется сильной и молодой. Но не она сильна и молода, а народъ русскій, съ неустоявшимися и съ полупроснувшимися силами своими. Мы не вѣримъ, чтобъ кто-нибудь могъ серьезно принимать временную государственную форму, которой Россія управлялась послѣднія полтораста лѣтъ, за окончательную и вѣковѣчную. Императорство русское представляетъ общій западный военный деспотизмъ, въ самой грубой, наглой формѣ, съ примѣсью деспотизма восточнаго. Это—диктатура въ европейскомъ смыслѣ слова и завоевательная азіатская династія,

постоянная революція помимо воли народной, постоянное усмиреніе всякаго свободнаго стремленія. У него нѣтъ законовъ, а разныя мѣры: у него нѣтъ собственно родины; петербургское императорство *дошло умомъ* до необходимости быть національнымъ; въ продолженіе полутораста лѣтъ оно было до того чуждо народу, что дворянство, желая походить на него, старалось быть наименѣе русскимъ. Одна нѣмецкая религия des Staates, государства, могла у насъ развить петербургскій патріотизмъ. Одна ненависть къ полякамъ могла привести славянофиловъ къ идолопоклонству передъ нѣмецкой имперіей; прежде они ясно понимали всю возможность народнаго развитія съ этимъ ядромъ на ногахъ. Въ самомъ титулѣ, которымъ императоры называли себя въ сношеніяхъ съ Европой, проглядываетъ сознаніе, что невская имперія—не единое, органическое цѣлое, а какое-то скученіе, de toutes les Russies [1]). Потому-то мы и привѣтствуемъ все, что можетъ освободить *всѣ Россіи* отъ смычки, на которой ихъ пасло самодержавіе со временъ Петра.

Послѣ освобожденія крестьянъ *внутренній* смыслъ императорства утратился и, можетъ, за нимъ осталось одно *внѣшнее*, кровавое дѣло.

Трагедіей 1863—64 гг. ничего не разрѣшилось, ничего не окончилось. Ею, какъ Шекспировымъ Іоанномъ, не замыкается, а начинается длинная эпопея, которой конца мы не увидимъ. Она ставитъ насъ наканунѣ огромнаго столкновенія, которое предвидѣли многіе, выходя съ самыхъ противоположныхъ сторонъ, и надъ которыми смѣялись и смѣются дипломаты, доктринеры и вообще умные дураки и глупые резонеры.

Съ Польшей, ратующей за независимость и католицизмъ, съ Польшей рыцарской и набожной, демократической и революціонной, *побито чѣмъ-то другимъ передовое, войско западной цивилизаціи*, ея guardia nobile [2]). Польша служила плотиной, въ которую ударялось русское море, она сдерживала его. Теперь оно надвинулось и ближе подступило къ *нѣмцамъ, стоящимъ на славянской землѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ просасывается и подымается съ низменныхъ мѣстъ другая Польша, Польша отстраненная, бѣдная, крестьянская, и занимаетъ мѣсто Польши *отсутствующей*, сосланной въ Сибирь, ушедшей на чужбину, легшей костьми за независимость.

Со старой Польшей, съ *Польшей польской* выбываетъ окончательно рыцарскій элементъ изъ европейской жизни. Пора было ему распуститься въ городскомъ мѣщанствѣ и армейской демократіи, въ ожиданіи больше человѣческихъ превращеній, но нельзяже его не пожалѣть. Польша представляла рыцарскую традицію въ новомъ строѣ европейскихъ народовъ, въ ея сочетаніи съ тра-

[1]) Всѣхъ Россій.
[2]) Почетная гвардія.

диціей революціонной. Полная страстью и юностью, полная идеаломъ, героизмомъ, католицизмомъ, она касалась разомъ среднихъ вѣковъ и 1789 года, крестовыхъ походовъ и великой арміи. Въ то время, когда западные народы, охлажденные долгою жизнью, больше и больше бросали мечты и предавались купеческому дѣлу, одинъ народъ продолжалъ жить дворяниномъ и торопился жертвовать кровью, дѣтьми, достояніемъ—за возстановленіе родины, во всѣхъ лучахъ ея миновавшей славы. Побитый силой, полякъ уносилъ свое *право* за предѣлы родины и продолжалъ свою борьбу. Польская эмиграція была съ 1831 года какимъ-то потерявшимся на чужбинѣ и уцѣлѣвшимъ остаткомъ иного мира; въ ней середь XIX вѣка встрѣчались странствующіе рыцари, паломники съ характеромъ, который мы знаемъ изъ легендъ, и съ прибавкой нашей размашистой славянской распущенности. Конечно, ни нѣмецкій риттеръ и баронъ съ своимъ юнкертумомъ, ни французскій дворянинъ въ демократіи, ни допотопный англійскій тори, держащійся однимъ богатствомъ, не спасутъ отходящій элементъ, послѣднимъ представителемъ котораго остается польскій выходецъ, этотъ пилигримъ-воинъ, «безпрерывно возвращающійся» къ святымъ гробамъ своихъ отцовъ и съ двумястами товарищами объявляющій войну шестой части земного шара. Возвращался онъ съ восторженной вѣрой, съ несбыточными надеждами, возвращался онъ съ мрачнымъ отчаяніемъ, заявляя права своей родины и складывая голову за это заявленіе. Въ этомъ актѣ полной преданности заключается все христіанское значеніе рыцарства и все рыцарское Польши.

Для поляковъ отчаяніе было новой силой, опасность—новымъ вдохновеніемъ. Во всей польской поэзіи послѣднихъ десятилѣтій бродятъ страшныя пророчества, повторяются страшныя слова, звучитъ мрачная, но фанатическая и крѣпкая струна; она вызвала мессіанизмъ и товянщину, она воспитала цѣлыя поколѣнія на *религіи смерти*, на вѣрованіи, что Польша, живая или мертвая, призвана на жертву искупленія за другіе народы, за грѣхи былого. Земные идеалы блѣднѣютъ у Красинскаго передъ идеаломъ народа-мученика, знающаго свою участь и благословляющаго ее. Только такое настроеніе могло создать типы новыхъ Ніобей и Ифигеній.... эти великіе траурные типы польской матери, жены, дочери,—типы до того вселяющіе уваженіе, что грязное копыто русской полиціи и сквернословіе русской журналистики не оставили ни малѣйшаго пятна на черномъ мраморѣ этихъ Ecce Mulier [1])... Тотъ, кто видѣлъ рядомъ съ вдовой, съ состарившимися отъ слезъ глазами осмнадцатилѣтняго ребенка съ чахоткой на лицѣ, растерявшихъ половину своихъ и безропотно провожающихъ на гибель остальныхъ, пойметъ насъ. Не «народъ въ траурѣ», какъ сказалъ Монталамберъ, а народъ въ мученичествѣ», народъ на

[1]) „Се женщина".

Голгоѳѣ. Выше этой преданности, этой любви и жертвы жизнь человѣческая ничего ни имѣетъ... Оттого-то ореолъ распинаемаго народа дѣлаетъ чудеса; одинъ онъ могъ бросить послѣдній лучъ, кроткій и человѣческій, на тонущій въ мракѣ и старчествѣ Ватиканъ, освѣщая папу, окруженнаго кардиналами и архіереями и благословляющаго рукою св. Петра возставшій за свою независимость народъ...

Затѣмъ consomatum est [1]) начинаются новыя судьбы. На мѣста убитыхъ, на мѣста женщинъ въ траурѣ, гордыхъ пановъ, и безпокойной шляхты садятся петровская голь и Пугачевъ, пѣна и осадокъ Петербурга. Такъ, какъ за польскимъ повстанцемъ виднѣется папа, Наполеонъ, европейскій консерватизмъ и европейская революція—вся армія западной цивилизаціи, такъ за нѣмецкими генералами, за правительственными нивелирами, за чиновниками, гвардейцами, казаками въ Польшѣ виднѣется несмѣтная масса народа русскаго—съ необъятнымъ горизонтомъ, какъ море, и съ однимъ уровнемъ, какъ оно. Какой-то міръ съ чужой цивилизаціей на поверхности, стремящійся къ *своей*, которой еще нѣтъ и которая должна соотвѣтствовать его быту,—міръ, несущій силу и способность, а не заработки, міръ черный, полевой, земледѣльческій, съ примѣсью «туранской» и всяческой крови, міръ общинный, совершенно противоположный городскому міру западной Европы и дружинному, панскому, шляхетскому міру старой Польши.

Кто не помнитъ оперу Глинки?

... Съ одной стороны великорусское село, міръ въ сборѣ, мужички толкуютъ о земскомъ дѣлѣ, о земской бѣдѣ... поются унылыя пѣсни хоромъ, тишина, бѣдность, грусть и въ то же время готовность постоять за свою землю. Съ другой—польская ставка; все несется въ мазуркѣ, шпоры гремятъ, сабли гремятъ, притопываютъ каблуки. Вотъ гордый панъ стольникъ, какъ его описывалъ Мицкевичъ, высокомѣрно взглянулъ на соперниковъ, дотронулся до шапки и—пошелъ и пошелъ... а за ставкой опять поля, поля, избушки на косогорѣ, дымящіеся овины, тихій хороводъ подъ безконечную пѣсню... и мужичекъ, оттачивающій топоръ на супостата.

Но эти два міра имѣли еще кой-что общаго — любовь къ простору и шири, общую славянскую небрежность и спустя рукава. Скрытое, подавленное желаніе разгула и необузданности было и у русскихъ; сама семейная распря соединяла ихъ съ полякомъ. Между ними былъ казакъ, была Украйна, *не польская* и *не русская*, но родственная въ обѣ стороны. Теперь Россія, опершись на ружья, смотритъ на передовые прусскіе и австрійскіе пикеты... Міръ избы и хаты, села и деревни и міръ мѣщанъ и городовъ, міръ sollen и міръ haben [2]), міръ, довольный собой и своей

[1]) Закончено.
[2]) Должнаго... сущаго.

цивилизаціей и міръ, не знающій себя и безъ цивилизаціи. Польша какъ-то скрывала ихъ другъ отъ друга; католическая и славянская, она имѣла симпатіи и антипатіи къ обоимъ. Теперь они слишкомъ близко придвинулись, и не нынче—завтра они могутъ заспорить. Славянскій вопросъ—вопросъ между Россіей и нѣмцами. Не Турція же, которую водятъ подъ обѣ руки, его рѣшитъ. Для борьбы все готово... большія арміи, военныя правительства, безправные народы, народная ненависть, une grande idée à défendre [1]), съ одной стороны спасеніе цѣлой цивилизаціи, съ другой—возстановленіе цѣлой народности... разные возрасты, разныя стремленія и общія границы. Сверху вопросы государственные, вопросы національные, внизу вопросы соціальные.

На сію минуту трехглавый нѣмецкій орелъ, довольный, что заклевалъ Данію, въ дружбѣ съ своимъ византійскимъ товарищемъ... Искусственный миръ можетъ также продолжаться, какъ естественный бой начаться... и тѣ же нѣмецкіе и на манеръ нѣмецкихъ генералы поведутъ русскихъ солдатъ на Галицію, на Познань, тамъ также есть Польша на *умиротвореніе*. Опять петровская голь впередъ, опять саранча чиновниковъ, воровъ замкнетъ христолюбивое воинство—и кто знаетъ, гдѣ она осядетъ, если ее не предастъ какой-нибудь измѣнникъ въ Зимнемъ дворцѣ, какъ это сдѣлалъ Петръ III.

Прусско ли австрійскій жандармъ «носитель цивилизаціи» или грабящій казакъ «коммунистъ» возьмутъ верхъ, все равно, по дорогѣ, навѣрное, погибнетъ бездна стараго, размоется не одна плотина, и унесется не одно бревно, загораживающее теперь дорогу... погибнетъ, вѣроятно, рядомъ съ нимъ кое-что хорошаго, съ этимъ дѣлать нечего. Такіе катаклизмы безъ потерь не обходятся.

Какой-нибудь клочекъ земли, съ стародавнихъ временъ покрытый лѣсами, въ которыхъ важно бродили мамонты и ихъ животныя *ровни*, вдругъ заливается водой, вслѣдствіе вулканическаго потрясенія. Тонутъ мамонты, мастодонты... тонутъ хвойные лѣса, на ихъ мѣсто являются цѣлыя населенія рыбъ, молюсковъ, зоофитовъ, медузъ,—все это, по зоологической табели о рангахъ, гораздо ниже допотопныхъ уродовъ, дышавшихъ легкими. Море сноситъ на дно всякую всячину; смытые и погибнувшіе лѣса, трупы животныхъ и рыбъ осѣдаютъ, потомъ вода убываетъ, бассейнъ начинаетъ просыхать, превращается въ болото, въ долину, и на родинѣ мамонтовъ, покрытой тучной почвой, безъ возвышенныхъ скалъ и сумрачныхъ гранитовъ, кишитъ цѣлый міръ животныхъ и птицъ.

Все это такъ, но зачѣмъ все это нужно? Неужели нѣмцамъ съ своей стороны и русскимъ съ своей нѣтъ другого дѣла, какъ вцѣпиться другъ другу въ волосы? Никто и не говоритъ, что это

[1]) Великая идея, которую нужно защищать.

нужно въ смыслѣ разумной необходимости, а обстоятельства такъ сложились.

Два противоположные потока европейской жизни мѣшаютъ всякому развитію, всякому единству, губятъ въ ней всякую энергію. Одинъ изъ нихъ долженъ взять верхъ, чтобъ Западъ могъ ринуться впередъ, или пойти откровенно назадъ,—до тѣхъ поръ нѣтъ возможности сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага, ни одного не колеблющагося дѣйствія. Это—не компромисъ, не путь по діагонали, а искусственный застой при страшной тратѣ силъ, мѣшающихъ другъ другу. Во всемъ домогаются противоположнаго. Европа хочетъ быть либеральной и консервативной, прогрессивной и католической или протестанской, военной и мирной. Она ставитъ своимъ знаменемъ non-intervention [1]), отреченіе отъ дѣлъ сего міра и мѣшается, вредно и неловко, во все на свѣтѣ. Она не можетъ допустить гибели Польши, расчлененія Даніи, но она не можетъ изъ-за нихъ итти на войну. Мѣры на подавленіе революціи поглощаютъ всю внутреннюю дѣятельность правительствъ; вооруженное отстаиваніе мира стоитъ дороже войны. Въ этомъ самоуничтоженіи силъ ничего не можетъ успѣшно развиваться, кромѣ разложенія.

Неспѣтая политика Запада допустила Россію сокрушить Польшу и стать лицомъ къ лицу къ Германіи. Взаимно-уничтожающая другъ друга политика Англіи и Франціи позволила Германіи взять роль несвойственную ей, позволила ей растерзать Данію и съ кровью на губахъ стать лицомъ къ лицу къ Россіи, вѣшающей Польшу,—вотъ и все; остальное, при свирѣпыхъ инстинктахъ народовъ, при возбужденности страстей и правительственной алчности, сдѣлается само собой.

Польскій вопросъ и датская война—двѣ огромнѣйшія ступени внизъ по той стремнинѣ, по которой сходитъ старый міръ. Въ минуты самаго чернаго пессимизма никто не предполагалъ, что страны, путеводившія народы, безъ боя и крайности откажутся отъ своей гегемоніи, оставляя за собой старушечье право ворчать и читать морали за каждое дѣйствіе двухъ господствующихъ казармъ, какъ будто, всего того, что онѣ дѣлаютъ, нельзя было предвидѣть. Какъ Крымъ сгубилъ престижъ николаевской имперіи, такъ Данія и Польша отняли страхъ передъ западными державами. Исторія не брезглива, она такъ же, какъ природа, не разбираетъ путей: нельзя пройти сухой дорогой, она идетъ грязью; нельзя итти Англіей и Франціей, она идетъ Пруссіей и Австріей. А тамъ, что гордый Альбіонъ получилъ заушеніе отъ Горчакова и, какъ настоящій христіанинъ, подставилъ другую ланиту Бисмарку, и, удивляясь, какъ они больно дерутся, съ важностью римскаго сенатора спокойно пошелъ на рынокъ; а тамъ, что Германію раздѣлятъ между Вѣной и Берлиномъ,—до этого никому

[1]) Невмешательства.

кромѣ паціентовъ, нѣтъ дѣла. Это можетъ сердить, занимать на минуту, но главное, существенное не въ томъ, а въ томъ, что «Катилина» ближе къ дверямъ съ тѣхъ поръ, какъ двери эти перенеслись на Дунай и Вислу съ Темзы и Сены.

Послѣдній политическій геній Запада, кот раго сумрачная фигура замыкаетъ собой революцію, другими словами предсказывалъ «Катилину» и за полвѣка угадалъ молчащее море за императоромъ Александромъ I. Десять лѣтъ онъ то ссорился съ нимъ, то протягивалъ ему руку и кончилъ тѣмъ, что двинулъ на него всю Европу... Россія взяла *ее же* и пошла по пятамъ его въ Парижъ.

Съ 1812 года начинается наша новая исторія, и кончается старая исторія Запада.

Людовикъ XVIII никогда не могъ примириться съ мыслью, что русскій царь посадилъ его на тронъ, и былъ совершенно правъ. Королевская власть, спасенная 21 января 1793 года гильотиной, погибла, привезенная казаками въ Тюльери. Освобожденная Россіей, Германія сдѣлалась смѣшна, какъ государство; она управлялась русскими секретарями посольства, и сосланный императоръ, видя все это, пророчилъ, что Европа *будетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ* républicaine ou cosaque [1]). Сперва боялись этихъ словъ, потомъ стали надъ ними издѣваться, разумѣется, не давая себѣ ни труда вникнуть въ смыслъ ихъ, ни даже подождать ариѳметическаго срока. Оттого страшенъ «Катилина», и оттого страшенъ казакъ, что не только старый міръ не оправится отъ ударовъ революціи, но что и революція не оправится отъ ранъ, имъ нанесенныхъ ей. Революція потеряла силу, которой она вела полки, подымала народы. Она замѣшала въ дѣло массы и пала отъ ихъ равнодушія въ ту минуту, когда онѣ поняли, что она не могла сдѣлать для нихъ того, что хотѣла. Революція была, скажемъ мы, перефразируя Робеспьера, *слишкомъ аристократична*, чтобъ долго остаться народной; она опиралась на образованную, буржуазную демократію, ея умственный цензъ былъ высокъ. Ея молодой, раціональный фанатизмъ свободы, равенства и братства сокрушился о старый мистическій фанатизмъ церкви и трона, ея обобщающій гуманизмъ былъ подавленъ исключительной національностью.

Теряя власть и почву, гонимая во всей Европѣ, революція снова отступила въ литературу, въ школу, въ пропаганду, но въ пропаганду нетерпѣливую, постоянно срывавшуюся на площадь, увлекая за собой одинъ и тотъ же подвижный слой общества то трехцвѣтнымъ знаменемъ побѣдъ и началъ 1789 г., то краснымъ знаменемъ мести и истребленія въ пользу «неизвѣстнаго бога». Несостоятельность политической революціи и незрѣлость соціальной бросались въ глаза. Отъ послѣдней люди пятились съ испу-

[1]) Республиканской или казацкой.

гомъ, первая была побѣждена не только на площади и на баррикадѣ, но и въ сердцахъ людскихъ.

Массы не пойдутъ больше драться, какъ въ концѣ XVIII столѣтія, какъ еще недавно, изъ-за политическаго катехизиса, изъ-за алгебры правъ человѣка, изъ-за хартій, камеръ, банкетовъ. Ихъ можно только расшевелить племенной независимостью, такъ сказать, зоологическими вопросами о народности, которые выдвигаютъ на первый планъ, и вопросами *соціальными*, которые всѣми силами отталкиваютъ на послѣдній, что не мѣшаетъ имъ глубоко бродить по мастерскимъ и фабрикамъ.

Соціалисты 1848 года попробовали сдѣлать соціальный переворотъ средствами политическаго coup d'état. Ихъ банкротство было неминуемо, и послѣдняя вѣра народовъ отлетѣла. Народы снова покорились прежнимъ властямъ, но покорились не прежними. Они покорились имъ, какъ необходимому злу, которое искоренить дорого стоитъ, особенно не зная, чѣмъ его замѣнить.

Умъ, талантъ, наука, искусство еще меньше возвратились къ унисону съ старыми порядками, снова взявшими верхъ въ правительственныхъ сферахъ. Все живое, сознательное ищетъ обойти эту темную мощь, эту полицейскую тріаду—войска, церкви и дипломатіи, заправляющую міромъ. Оттого-то онъ и не идетъ въ самомъ дѣлѣ, и его сильныя, повидимому, ноги оказываются въ параличѣ.

Въ виду этого-то разслабленнаго міра закипаетъ невѣдомое море, поглотившее Польшу, поглотившее Кавказъ, окровавленное на закраинахъ, грязное на поверхности и непонятно тихое въ глубинѣ. Оно смываетъ берегъ за берегомъ, слѣдуя естественному влеченію и, такъ сказать, историческому склону, и чѣмъ ближе подходитъ къ міру, *не доносившему* свой соціальный плодъ, тѣмъ яснѣе видитъ свою *способность*, готовность принять его, кормить своею грудью, взять Катилину въ казаки...

... Странны встрѣчи русскаго народа со старымъ міромъ: Византія въ началѣ и Парижъ въ концѣ.

Выходя изъ стихійнаго хаоса, дикій народъ спускается по невозможнымъ дорогамъ, изъ Новгорода до Чернаго моря, садится на какіе-то скорлупы и плыветъ въ Византію; тамъ прибиваетъ онъ щитъ свой къ ея стѣнамъ и беретъ съ собой оттуда *свою вѣру*, противорѣчащую Перуну, подъ знаменами котораго онъ шелъ. Въ то время, когда *православіе* едва тлѣло на Востокѣ подъ пятой ислама, дикій народъ этотъ разнесъ его отъ Чернаго моря до Бѣлаго, до Балтики, до Тихаго океана...

Прошло около тысячелѣтія... темнаго, тяжелаго тысячелѣтія—и тотъ же народъ прошелъ всей Европой, прошелъ нѣмецкими городами, перешелъ Рейнъ, съ своими казаками и калмыками, финами и башкирцами занялъ *Парижъ* и, вмѣсто всякихъ трофей, вывезъ изъ него съ своими пушками *другую вѣру*, враждебную другому Перуну. Онъ ее сохранилъ подъ спудомъ, въ

едва замѣтномъ меньшинствѣ, и когда въ самой Европѣ, въ самомъ Парижѣ она уступала напору реакціи, и новый богъ революціи заставилъ отпрянуть отъ себя съ ужасомъ прежнихъ поклонниковъ, онъ бросилъ намъ неожиданный свѣтъ подъ ноги—и тамъ, гдѣ Западъ останавливается съ ужасомъ передъ чудовищемъ соціализма, русскій узнаетъ преображеніе своего народнаго быта и привѣтствуетъ въ немъ свою будущность. И самая царская власть мететъ дорогу соціальному перевороту, вовсе не догадываясь о существованіи такого звѣря.

Насъ упрекали въ какой-то злобной радости, съ которой мы говорили о возможности будущаго столкновенія; въ нашихъ предсказаніяхъ находили что-то schadenfroh [1]). Это неправда. Мы только безъ риторическихъ учтивостей и сентиментальныхъ возгласовъ говорили, что видѣли и какъ видѣли. Мы только смѣло смотрѣли въ глаза событіямъ и не жалѣли о томъ, что рухнетъ отъ старости, что пора бросить за бортъ, когда главное цѣло и существенное спасено.

Если западный міръ не имѣетъ въ себѣ силъ обновленія, для него же лучше, если явится новый Атилла—американскій или русскій, казакъ изъ-за Дона, изъ-за Урала, пираты изъ-за океана, пожалуй, оба вмѣстѣ, чтобъ разбить старыя формы и, достигая своихъ частныхъ цѣлей и личныхъ местей, расчистить дорогу будущему. Если же, напротивъ, у Запада есть силы—или борьбы не будетъ, или онъ побьетъ русскую имперію. Въ томъ и другомъ случаѣ народъ русскій ничего не теряетъ. Пораженіе петербургской имперіи будетъ точно такъ же началомъ для Россіи федеральной эры, какъ освобожденіе Россіей славянскаго міра.

А потому мы и смотримъ спокойно на то, что Катилины и и казаки у воротъ старой Европы.

2503. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено 5 фунтовъ и 1 фунтъ.

2504. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 декабря (1864).
Hôtel d'Espagne.

Кажется, всѣ твои письма доходятъ. Пишу наскоро. Леля очень больна. Сегодня я у нихъ провелъ всю ночь и не раздѣвался. Angine, и дурного свойства. Бланше былъ въ 7 утра и будетъ въ три.

[1]) Злородное.

Ночью она страдала очень и при этомъ ужасно умна: принимаетъ рвотное и пр.

Припишу передъ отправленіемъ на почту. Лиза тоже не совсѣмъ. Докторъ говоритъ, что пуще всего мальчика надобно отдѣлить, потому что болѣзнь заразительна. N., разумѣется, совсѣмъ потеряла голову. Такой каторги я не помню съ 1852 и съ лизиной скарлатины.

10 часовъ утра.

Три часа. Повидимому, главная опасность миновала. Она легче дышитъ. Я въ 7 утра ходилъ за Бланше. Онъ находитъ значительное улучшеніе.

Насчетъ Утина [1]) слухи здѣсь, что онъ half [2]) сумасшедшій и постоянно у дѣвокъ. Молодого грузина [3]) я видѣлъ на минуту, ѣздивши къ Шарьеру за машинкой ирригировать горло.

Еще разъ, кажется, Леля внѣ главной опасности. Завтра напишу.

Адресъ N.: 15, Rue du Colysée, Champs-Elysées.

◆◆ 1. Жандармскія свѣдѣнія: «Николадзе, Н. Я., уроженецъ Кутаисской губ., потійскій гражданинъ, бывшій студентъ Спб. университета, позднѣе редакторъ издававшейся въ Тифлисѣ на русскомъ языкѣ газеты «Обзоръ». Въ 1861 г. принималъ участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Въ 1864 г. уѣхалъ за границу, гдѣ, въ 1866 г., напечаталъ въ Женевѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Правительство и молодое поколѣніе», составленную по поводу злодѣйскаго покушенія 4-го апрѣля 1866 г. Въ 1868 г. Николадзе вмѣстѣ съ Элпидинымъ печаталъ листки революціоннаго содержанія подъ заглавіемъ «Подпольное Слово» и «Современность», вслѣдствіе чего, по возвращеніи его въ Россію, за нимъ учрежденъ былъ строгій полицейскій надзоръ, и просьба его относительно разрѣшенія ему издавать въ Тифлисѣ газету «Обзоръ» была отклонена. Въ 1872 г. Николадзе ходатайствовалъ объ освобожденіи его отъ полицейскаго надзора, такъ какъ ему необходимо было часто выѣзжать изъ Тифлиса, какъ по своимъ собственнымъ коммерческимъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, опекуномъ коихъ онъ состоялъ. Ходатайство это было удовлетворено въ смыслѣ не только разрѣшенія Николадзе свободнаго выѣзда изъ Тифлиса, но и путешествія за границу; отъ полицейскаго же надзора онъ не былъ освобожденъ, такъ какъ кутаисскій губернаторъ аттестовалъ его неодобрительно. При возвращеніи Николадзе изъ-за границы въ 1873 г., въ багажѣ его былъ найденъ литографскій станокъ и два пуда

[1]) Евгеній Исааковичъ.
[2]) Наполовину.
[3]) Николай Яковлевичъ Николадзе. ¹

книгъ, преимущественно соціалистическаго содержанія, изъ которыхъ многія были запрещенныя, а также три протокола засѣданій цюрихскаго грузинскаго общества «Ярмо». Вслѣдствіе сего, въ августѣ 1873 г., ему снова было воспрещено выѣзжать изъ назначеннаго для него мѣста жительства, но въ октябрѣ, въ виду крайней необходимости выѣхать за границу по дѣламъ, Николадзе былъ выданъ заграничный паспортъ съ тѣмъ, однако, условіемъ, что, если онъ за границей будетъ имѣть сношенія съ эмигрантами, то, по возвращеніи въ Россію, будетъ водворенъ на родинѣ. По возвращеніи изъ-за границы, Николадзе подвергнутъ былъ строгому осмотру въ Вержболовѣ и Поти, но подозрительнаго при немъ ничего не оказалось. Въ 1875 г. онъ проживалъ въ Кутаисѣ, гдѣ былъ избранъ даже въ гласные городской думы. По словамъ заявителя, дворянина Егора Іосселіани, раскрывшаго кавказскій революціонный кружокъ, образовавшійся въ томъ же году, Николадзе былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ, но дознаніемъ не было доказано прямого участія его въ этомъ дѣлѣ, почему онъ и не привлекался къ суду. Въ 1876 г., во время турецкой кампаніи Николадзе былъ корреспондентомъ на театрѣ войны и находился при корпусѣ гр. Лорисъ-Меликова, по ходатайству котораго былъ освобожденъ отъ надзора полиціи. Въ 1878 г. Николадзе разрѣшено было издавать газету «Обзоръ», причемъ за дѣятельностью его учреждено было негласное наблюденіе. Издавая газету, Николадзе велъ ее совершенно въ антиправительственномъ направленіи, что и вызвало распоряженіе о ея прекращеніи. За произнесенную имъ въ засѣданіи тифлисской городской думы рѣчь съ крайне рѣзкими выраженіями объ администраціи, а также за вредное вообще направленіе издаваемой имъ же газеты «Обзоръ», онъ былъ высланъ въ 1880 г. въ г. Ставрополь, гдѣ учрежденъ за нимъ полицейскій надзоръ (голицынская десятая глава «Исторіи соц.-револ. движенія» etc.).

2505. Письмо къ гр. Е. В. Саліасъ де-Турнемиръ.

2 декабря 1864.

Судьба не позволяетъ мнѣ ни видѣть вашего сына, ни васъ самихъ. Дѣла идутъ прескверно и врядъ можно ли спасти малютку. На нѣсколько часовъ оставить ее и другихъ нельзя. Если пойдетъ хуже, мнѣ невозможно обѣдать у васъ въ воскресенье. Au rest я еще не скоро ѣду из Парижа.

Душевно уважающій Васъ

Алек. Герценъ.

2506. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 декаб. (1864).

Ничего еще положительно сказать нельзя объ Лелѣ. Опасность огромная; развѣ, здоровый организмъ побѣдитъ. Сверхъ Бланше, оказавшагося очень апатичнымъ, ѣздятъ его помощникъ и докторъ Левицкихъ,—онъ вчера въ ночь ей помогъ больше другихъ.

Никого не видалъ, нигдѣ не былъ и ничего не читалъ. Я только отлучался въ четвергъ къ Мишле обѣдать; тамъ былъ одинъ изъ редакт. «Прессы», одинъ «Opin. Nation.», одинъ изъ «Сiекля» и Генри Мартэнъ. Объ этомъ послѣ.

9 утра.

2 часа. Твое письмо пришло. Долго ходятъ письма. Леля въ томъ же положеніи. Есть шансы спасти. Вотъ и все. Пиши мнѣ на адресъ Nat.: 15, Rue du Colysée.

5 вечера. Все то же. Оба доктора были. Что не хуже, я считаю шагомъ впередъ.

О Бакун. я (кажется) писалъ десять разъ, что я его не засталъ.

До завтра.

2507. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 декабря (1864).

Отъ тебя сегодня письма нѣтъ. У насъ бѣда надъ головой: Лелѣ хуже; крошечныя надежды тухнутъ одна за одной. Два доктора бываютъ три раза. Сестра милосердія ходитъ за ней. Дѣлаемъ все, но надежда плоха. Пишу тебѣ съ судорожно-скрытымъ плачемъ. Nat. жаль. Какая страшная казнь!... Послѣдніе четыре дня она вела себя съ страшнымъ самоотверженіемъ (за нее боится докторъ).

Часъ. Будто получше. Она не принимала пищи. Велѣли насильственно кормить,—теперь стала. Въ 4 припишу.

Доктора боятся за всѣхъ дѣтей. Я увожу Лизу въ другой этажъ.

Вотъ и Парижъ...

Никакой надежды нѣтъ.

Прощай.

5 часовъ. Сейчасъ Герсанъ дѣлалъ трахомію. Она жива, можетъ, спасена. Я держалъ голову.

2508. Письмо къ Н. П. Огареву.

(3 декабря 1864).
Трактиръ на улицѣ Кастильи.

Еще дрожатъ руки и внутренность. Я затерялъ письмо къ тебѣ и пишу другое, съѣздивши за докторомъ.

У Лели взрѣзали трахею. Я держалъ ея головку—и не смотрѣлъ. Потъ съ меня лилъ. На первую минуту она спасена—въ минуту агоніи. Но, если останется живой, это—чудо.

И Бой хвораетъ.

Сегодня явилась Саліасъ. Она пришла въ минуту, когда Леля отходила, и осталась во время операціи. Леля жива—вотъ и все.

Одно письмо получилъ твое отъ Львицкаго, другое не могу найти: я его нераспечатаннымъ потерялъ.

2509. Письмо къ Н. А. Герценъ.

3 декабря (1864).
15, Rue du Colysée.

Тата, я сижу возлѣ тѣла Лели, которая скончалась сегодня въ 12 часовъ ночи. Это былъ самый геніальный ребенокъ изъ всѣхъ. Вся болѣзнь, продолжавшаяся три дня, была какой-то апотекзой. Ей дѣлали операцію (разрѣзъ горла), я держалъ ее... Нат. стала снова на всю высь матери; подвергаясь болѣзни сама, она не отрывалась ни на минуту. Бой занемогъ сегодня.

Это все вмѣстѣ—страшная страница въ жизни моей и Огарева.

Прощайте.

Пиши на адресъ Левицкаго.

2510. Письмо къ сыну.

4 дек. (1864).

Саша, вчера, въ 12 часовъ ночи скончалась Леля въ дифтеріи... Что это бы а за удивительная натура, я узналъ только въ ея болѣзнь... Nat. совершенно убита. Она ходила за ней—съ самоотверженіемъ матери, поднявшей ее снова надъ мелочами.

Бой занемогъ.

Прощай.

Пиши на имя Левицкаго.

2511. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 декабря (1864).

Огаревъ, пишу тебѣ страшную вѣсть: Леля скончалась въ 12 часовъ ночи съ 3-го на 4-е. Нат. въ ужасномъ положеніи. Тутъ была вся ея любовь. Писать не могу больше. Все смутно и нелѣпо. Лиза у Саліасъ.

2512. Письмо къ С. Тхоржевскому.

4 декабря (1864).

Любезный Тхоржевскій, бѣдная Леля скончалась сегодня, въ 12 часовъ ночи отъ дифтеріи. Передайте письмо Огареву. Я ему писалъ о ея безнадежномъ положеніи, но, все же, отдайте записку осторожно и напишите, какъ онъ принялъ вѣсть.

Сегодня занемогъ Бой,—не говорите этого.

Вещи пришли. Прощайте.

Нат. Ал. ближе къ смерти, чемъ къ жизни.

2513. Письмо къ Н. А. Герценъ.

5 дек. (1864).
15, Rue du Colysée, Champs-Elysées,

Я не знаю, получила ли ты мое письмо на Мейзен., писанное два дня тому назадъ; я, кажется, забылъ написать адресъ—справься на почтѣ.

Да, Тата, смерть этого ребенка была потрясающимъ событіемъ; я тебѣ напишу подробно, тебѣ и Ага, все, что было. Нат. сломилась.

2514. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 декаб. (1864).
15, Rue du Colysée.

Я зналъ, что ты будешь рваться сюда, и понимаю это, и не знаю, что лучше. Мученій для тебя и тамъ, и не-тамъ (т.-е. на дорогѣ) много. Только обдумай, торопиться некуда: Бой спасенъ;

у него уже начиналась дифтерія, но Каффъ его спасъ; Лиза у Саліасъ, Лели нѣтъ... Повѣсть ея смерти я опишу тебѣ и Татѣ послѣ. C'était un prodige [1]). Съ минуты ея кончины началось раскаяніе N. Она сдѣлала все, чтобъ умереть тою же болѣзнью, и трудно сказать, что еще будетъ. Леля лежитъ въ цвѣтахъ съ серьезнымъ личикомъ, мраморнымъ, холоднымъ, насупившимся. Ее свеземъ въ caveau Montmartr'скаго кладбища, тамъ она будетъ стоять до отправленія въ Ниццу. Въ этомъ желаніи N. я не долженъ былъ отказать.

Въ эту минуту солнце, котораго не видали недѣли, свѣтитъ на лицо Лели. Я тебѣ оставилъ ея волосъ; Левиц. ее фотограф. Потеря эта безмѣрна... На меня находятъ минуты отупѣнія и минуты бѣшенства, потомъ безконечная тоска и тоска. Итакъ, вотъ ударъ, котораго ждала N... Это ужасно.

Не ѣхать ли въ Лондонъ ей съ дѣтьми? или на югъ? Если ты ѣдешь, отчего же не съ Чернецкимъ? *8 утра.*

11 часовъ. Принесли гробикъ алый бархатный съ свинцовымъ ящикомъ, который герметически будетъ закрытъ для пути. Она играла бы этимъ ящикомъ... N. проситъ прощенья у нянюшки. Кругомъ рыданіе... Зачѣмъ нѣтъ Лизы...

2515. Письмо къ Н. А. Герценъ.

11 декаб. (1864).
Парижъ, 15, Rue du Colysée.

Милая Тата, сегодня недѣля, какъ я тебѣ писалъ о кончинѣ Лели. Теперь мы сидимъ у скончавшагося Боя[2]), т.-е. Огар., Тхорж. и я... Nat. и Лизу перевезли въ Hôtel на улицѣ Castiglione. Nat. въ ужасномъ положеніи. Я не знаю, какъ она переживетъ это несчастіе. [1]

Письма ваши пришли... Не веселы были именины и рожденіе, Огар. сильно разстроенъ.

Прощайте. Берегите себя,—мнѣ становится страшно за всѣхъ.

Деньги пришлю.

Обнимаю Ольгу и жму руку Мальвидѣ. Бѣдный любимецъ ея, какъ онъ много страдалъ...

Пишите на адресъ Серг. Льв.;

22, Rue de Choiseul.

◆◆ **1.** Сама Огарева почти промолчала о своемъ страшномъ горѣ, если не считать бѣглыхъ указаній на стр. 229 и 230 ея

[1]) Это было чудо.
[2]) Алексѣй.

«Воспоминаній», что и понятно: неизбѣжно она должна была бы сказать о своихъ отношеніяхъ къ Герцену, чего никогда не сдѣлала печатно.

Послѣ смерти дочери она писала: «Мнѣ страшно, Герценъ, я не могу примириться съ ея смертью, не могу забыть, что я убила ее; я жажду мщенія, наказанія, конца... Мнѣ хотѣлось бы итти босикомъ съ веревкой на шеѣ; мнѣ хотѣлось бы, чтобъ толпа сказала мнѣ: «убійца! убійца!»; хотѣлось бы такъ дойти до эшафота, взойти на него спокойной поступью, крѣпко пожать руку палача-избавителя, положить голову... Тогда я буду счастлива и покойна; помоги мнѣ, научи, какъ дойти до этого конца. Вѣдь, ты дивился, что бѣднаго Грабе товарищи не покончили, когда они видѣли, что онъ неизлѣчимъ и въ страшныхъ мученіяхъ,—давай думать, какъ устроить дѣтей, и, когда это будетъ сдѣлано, если ты мнѣ не поможешь, то ты и мѣшать не можешь. Дай твою руку и прощай» («Рус. Пропилеи», IV, 278—279).

Послѣ смерти сына она писала своему отцу: «Я жива и Лиза тоже,—изъ моей дорогой семьи никого болѣе не уцѣлѣло,—оба оставили меня навсегда... Какъ это тяжело, не умѣю вамъ сказать. Жизнь—растворенный ядъ... Говорятъ, что надо жить для Лизы; не знаю, право, такъ ли это. На что я ей?.. Я не сумѣла ихъ сберечь, можетъ, и ей только будетъ вредъ отъ меня... Я боюсь себя, дорогой папа».. (тамъ же, 279).

2516. Письмо къ сыну.

12 декаб. (1864).
15, Rue du Colysée.

Сильно стала испытывать насъ судьба: вслѣдъ за Лелей пошелъ и Бой. Вчера онъ умеръ, задушенный круппомъ. Страшно думать о Лизѣ. Nat. въ ужасномъ положеніи... Бѣдный Ог. тихо страдаетъ и разлагается. Онъ еще остается на нѣсколько дней. Совѣтуютъ спасать Лизу на югѣ Франціи,—она съ Nat. теперь въ отелѣ.

Не знаю, застанетъ ли меня письмо отъ тебя, но пиши сейчасъ на адресъ Левицкаго.

Обнимаю тебя.

2517. Письмо къ Н. А. Герценъ.

15 декаб. (1864).
Paris.

Милая Тата, я сейчасъ ѣду въ Монпелье; Огар. будетъ ждать съ Тхорж. въ Парижѣ. Погода до того дурна, что мы всѣ

больны. Парижъ отвратителенъ. Можетъ, въ Монпелье увижусь съ Сашей въ праздники.

Все lugubre [1]) и нехорошо.

Будьте здоровы, берегите себя въ виду страшныхъ ударовъ. Посылаю 1,000 франк.,

изъ нихъ: въ хозяйство 800
тебѣ 175
Ольгѣ 25
на Christmas.

Мальвидѣ жму руку.

2518. Письмо къ Н. П. Огареву.

16 декабря (1864).
Montpellier, H-l Nevet.

Ужасъ, съ которымъ я подъѣзжалъ къ Montpellier, можетъ равняться одной изъ средневѣковыхъ пытокъ. Наконецъ, я ихъ нашелъ so und so [2]): Лиза нездорова, распростужена; докторъ говоритъ, что ангина прошла, велитъ ее беречь. Комнату онѣ взяли невозможную: *возлѣ* пустой, большой, которую я занялъ для того, чтобы передать имъ. Лиза капризна до невѣроятности. Нат. съ ней сердится и все исполняетъ; физически, до сей минуты, кажется, опасности нѣтъ. Я буду телеграфировать завтра часовъ въ 12. Кажется, можешь ѣхать въ Ричмондъ.

Дорога очень проста, и въ купэ ты бы доѣхалъ въ два пріема, какъ ничего, слѣдуетъ только взять колбасу и склянку вина. Но мнѣ, кажется, ѣздить не придется.

Не могу найти твоего письма къ Natalie; меня это приводитъ въ бѣшенство. Остальное все привезъ. Посмотрите въ 15, Colysée.

Левицкому скажи, чтобы онъ строго запретилъ открывать ящики; тамъ есть вещи, принадлежавшія малюткамъ и бывшія у нихъ до конца.

Письмо нашелъ.

Сходи къ Мишле (44, Rue de l'Ouest) и поблагодари его: представь себѣ, что Martin и его жена ходятъ, ухаживаютъ, предлагаютъ услуги.

[1]) Траурно.
[2]) Такъ и сякъ.

Пиши; я пишу стоя. Жду отъ Тхорж. рапортъ изъ Лондона. Телеграфируйте, когда ѣдете.

Я пришлю Долгорукову чеки на него:

Чернецк. . . . . 20 Ф.
Жилицѣ его [1]) . . . . . 10 „
Въ распор... [2]) . . . . . 40 „

Сейчасъ былъ редакторъ здѣшняго журнала «Gauche», знакомый съ Саліасъ. Весь городъ къ услугамъ.

Пусть Тх. скажетъ Жюлю, что съ 1 янв. я его отпускаю; да чтобы онъ фляжку дорожную сыскалъ.

Если все пойдетъ такъ, я черезъ 5 дней поѣду въ Женеву.

2519. Письмо къ Ж. Мишле. [1]

17 decem. 1864.
Montpellier, Hôtel Nevet.

Cher et vénérable ami,

Je ne sais comment vous remercier pour votre amitié. La pauvre mère arrivant toute seule à Montpellier —sans connaître personne— s'est vue entourée des soins de M-me Martin. J'ai remis la lettre à Madame Mar.—à M-me Ogareff. Elle a été dans une frayeur terrible—la dernière enfant agée de 6 ans a pris le froid—et avait une simple angine. Il me semble qu'elle va très bien. Oh, la médecine... quel abîme de routine d'ignorance, d'empirisme... et de divination athéistique.

Je vous serre la main de tout mon coeur et je présente mes hommages à Madame.

Votre tout devouée.

Alex. Herzen.

R. S. Je part d'ici dans une semaine pour la Suisse.

Переводъ.

17 декабря.

Дорогой и досточтимый другъ.

Не знаю, какъ благодарить васъ за вашу дружбу. Несчастная мать, прибывшая совершенно одна въ Монпелье, не имѣя ни души знакомой, увидѣла себя окруженной заботами госпожи

[1]) Шарлотта, мать Тутца.
[2]) Слово не разобрано.

Мартэнъ. Я передалъ письмо къ госпожѣ Мар. госпожи Огаревой. Она была въ ужасномъ отчаяніи—послѣдний ребенокъ, шестилѣтняя дѣвочка, простудился и имѣлъ простую ангину. Казалось, что все шло хорошо. О, медицина! что за бездна рутины, невѣжества, эмпиризма—и безбожнаго гаданія!

Отъ всего сердца жму вашу руку и свидѣтельствую свое почтеніе вашей супругѣ.

Искренно вамъ преданный.

Алек. Герценъ.

P. S. Черезъ недѣлю я уѣзжаю отсюда въ Швейцарію.

◆◆ 1. 5 декабря Мишле писалъ Герцену:

«Получили ли вы «Людвика XIV» и «Герцога Бургонскаго»? Я очень безпокоюсь о васъ, дорогой другъ, и боюсь, не случилось ли какое-нибудь несчастіе въ семьѣ вашего друга. Мы не получили вашихъ брошюръ. Отъ всего сердца жму вашу руку», («La Revue» 1907, XI).

2520. Письмо къ сыну.

18 декаб. (1864).
Montpellier, Hôtel Nevet.

Любезный Саша, кажется, Лиза спасена. У ней начиналась ангина, но быстрый отъѣздъ, вскорѣ захваченная болѣзнь или легкое свойство ея повернули дѣло къ лучшему. Мнѣ до сихъ поръ все кажется какимъ-то дикимъ сномъ... Гробъ и еще гробъ, Огаревъ едва живой, Nat.—въ какомъ-то изступленіи горести и отчаянія, толпа докторовъ, невѣждъ, дураковъ—и потомъ Montpellier.

Огар. остался въ Парижѣ; онъ очень хотѣлъ ѣхать со мной, но 17 часовъ желѣз. дороги остановили его; здоровье его въ очень плохомъ состояніи.

Я останусь здѣсь, пока Лиза совсѣмъ оправится; можетъ, дождусь тебя. Когда ты совершенно свободенъ? И когда ставить памятникъ? Nat. оставила оба гробика въ Парижѣ для того, чтобъ ихъ схоронить у ея ногъ (я полагаю, это лучше оставить до марта мѣсяца). Во всякомъ случаѣ пиши сюда на имя Nat.; если я уѣду, она перешлетъ въ Женеву poste restante.

Ко всему прочему денежныя дѣла идутъ плохо. Ohio заплатило проценты бумажками. Это, значитъ, снова потеря страшная: вмѣсто 5 фр.—2. Ротшильдъ далъ мнѣ 10.000 взаймы.

Мальчикъ-teddingtonian [1]) здоровъ,—такъ пишетъ Чернецк., у него шли зубы и ему было дурно,—но теперь совсѣмъ здоровъ.

Прощай.

Тебѣ не проще ли всего пріѣхать въ Марсель—изъ Ливорно? напиши скорѣе свой планъ.

Получилъ ли ты или тебѣ не посылали послѣдній «Кол.»?

2521. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

(18—19 декабря 1864).
Montpellier.

Chère Tata et chère Malvida, quelle page funeste et horrible j'ai passé—nous tous nous avons passé—c'est difficile de vous le dire. J'ai assisté à ce terrible spectacle de la mort la plus atroce—la suffocation de ces deux enfants. J'ai tenu la petite pendant l'opération de la trachéotomie, et j'ai fermé les yeux du boy... tout cela d'emblée, coup sur coup... comme un rêve. Ogareff-malade, pâle, tombant évanoui lorsque le petit commençait l'agonie.—La mère effarée, hors de seus, renvoyée de la maison par les médecins pour sauver Lise, le brave Tchorjevsky étonné, les larmes aux yeux.

Les petites misères du dernier temps se sont perdus dans ces coups de foudre, de peste, de l'absurdité... Les pauvres-ils sont morts avec pleine conscience, sentant la mort, le manque d'haleine, et priant de les prendre et de les sauver. Et les médecins—ces bourreaux des innocents, ces barbares de la science. Je laisse à Marie (qui s'est conduite admirablement tout le temps) ce que sont les docteurs.

Lise est sauvée. Une angine commençait, mais soit que le changement subit de climat ou la faiblesse de la maladie, elle guérit vite, et depuis hier, elle est hors du lit.

Переводъ.

18—19 декабря 1864.
Монпелье.

Дорогая Тата и дорогая Мальвида!

Какую мрачную и страшную страницу я пережилъ, всѣ мы пережили, трудно сказать вамъ это. Я присутствовалъ при ужасающемъ зрѣлищѣ самой жестокой смерти,—смерти отъ удушья, этихъ двухъ дѣтей. Я держалъ дѣвочку во время операціи трахеотоміи, и закрылъ глаза мальчику... Все это сразу, ударъ за ударомъ... какъ сонъ... Огаревъ—больной, блѣдный, упавшій въ

[1]) Тутцъ.

обморокъ, когда началась агонія. Обезумѣвшая мать, почти потерявшая сознаніе, усланная врачами изъ дому для спасенія Лизы. Добрый Тхоржевскій, потрясенный, со слезами на глазахъ...

Ничтожныя горести послѣдняго времени исчезли при этихъ ударахъ молній, чумы, безсмысленности... Бѣдняжки, они умерли въ полномъ сознаніи, чувствуя смерть, чувствуя, что нехватало имъ дыханія, и умоляя о спасеніи. А врачи, эти палачи невинныхъ, эти варвары науки!... Впрочемъ, предоставляю Маріи (которая удивительно хорошо выказала себя во все это время), пусть она вамъ разскажетъ, что̀ такое врачи.

Лиза спасена. У нея начиналась ангина, но повліяла ли быстрая и внезапная перемѣна климата, или болѣзнь была слабѣе, но она быстро выздоровѣла и вчера встала уже съ постели.

2522. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

21 декаб. (1864).
Montpellier, Hôtel Nevet.

Всякая опасность миновала; я на-дняхъ уѣду въ Женеву Сегодня получилъ письмо отъ Ковалевскаго; вы съ нимъ писали а онъ письма держитъ—нельзя сказать, чтобъ это было особенно умно.

Я жду писемъ и извѣстій, получено ли мое письмо изъ Парижа отъ 4 го дек. и другое отъ Natalie, наконецъ, третье изъ Montpellier?—Я все забываю вашъ №, справьтесь на почтѣ. То письмо было къ Мальвидѣ, его достаньте непремѣнно (19 или 18 дек. послано изъ Montpellier), если не получили.

Твой поясъ черкесскій я получилъ отъ Фонтэна.

Здѣсь лѣто; солнце и тепло.

Пиши сюда; если я уѣду въ Женеву, письмо перешлютъ.

2523. Изъ дневника.

21 декабря 1864.
Montpellier.

Ну, вотъ онъ и оканчивается, этотъ проклятый годъ... два гробика, и кругомъ хаосъ, слезы и отчаяніе... Ему остается десять дней,—чего не можетъ быть въ десять дней? Я поѣхалъ въ Лондонъ мѣсяцъ только тому назадъ—21 ноября! Отъѣздъ былъ мраченъ. Все разошлось, расходилось, шло къ гибели подъ вліяніемъ какого-то дурмана.

2524. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 декабря 1864.
Hôtel Nevet.

И еще камень съ плечь долой,—итакъ, ты доѣхалъ благополучно. При всей мрачной обстановкѣ и страшныхъ потрясеніяхъ ты убѣдился теперь (я это считаю необычайно важнымъ), что путешествіе pas si chien [1]), какъ казалось послѣ семилѣтняго залежья.

Лиза совсѣмъ поправилась. Что за несчастіе, что, вопреки совѣту Хоецкаго, моего и пр., не проѣхала N. Парижа. Разница климата до того поразительна, что и толковать нечего. Днемъ лѣто и солнце; вечеромъ дѣти должны дома сидѣть. Лиза гуляетъ по бульвару. Къ тому же здѣсь народъ простъ и добродушенъ. Проф. Мартэнъ и его жена, m-me Моресъ, докторъ Пешелье,—все это показало участіе и готовность. Редакція «Messager du Midi» давала мнѣ въ честь завтракъ и даже довольно сплендидный. Я полагаю, что до 1 марта Natalie всего лучше остаться здѣсь, или на 70 дней 1500 фр. (день стоитъ франковъ 20). Это не богъ знаетъ что. Я думаю ѣхать въ Женеву 25 или 26, пробуду тамъ не больше 10 дней, а, можетъ и меньше, оттуда поѣду въ Парижъ дѣлать заемъ. Дрянной принцъ подъѣлъ меня.

Мнѣ говорятъ, что всего легче послать англійск. ассигнаціями en déclarant valeur [2]). Для опыта пошлю часть денегъ и буду ждать отвѣтъ.

☞ Тхоржевскому сообщи просьбу Nat. поскорѣе отправить perembulator; онъ поставленъ гдѣ-то въ Paddington Жюлемъ къ Саффи. Не забудь, она писала Саффи. Кстати, у Жюля надобно спросить насчетъ дорожной фляжки. Былъ ли Тхор. у Ротш. насчетъ Сатин. присылки?

Посылаю 600 фр.

2525. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 декабря (1864). Пятница.

Если все будетъ благополучно, то я поѣду 26, въ 11 часовъ утра въ Ліонъ. Тамъ долженъ прождать около 11 часовъ (ночью) и къ обѣду 27 буду въ Женевѣ. Посланъ ли туда прошлый «Кол.» poste restante? Коррек., которую ты просишь, я отдалъ Е. Утину;

[1]) Не так ужъ плохо.
[2]) Съ объявленной цѣнностью.

онъ ее тебѣ пришлетъ. Попробую подъ домъ сдѣлать заемъ у Касаткина.

Вчера я тебѣ послалъ страховое письмо съ 600 фр. Какъ только получу отъ тебя вѣсть о полученіи, пришлю другіе 600. Можетъ, мнѣ удастся взять у Авигд. [1]) 4000 къ 10 января. Если же онъ пошлетъ къ Ротш. въ Лондонъ, я пришлю чекъ.

Nat. много мученья съ Лизой (хоть она и поменьше шалитъ); она сама въ странно хаотическомъ положеніи. Ей хочется какъ-нибудь, что-нибудь сдѣлать, оглушить себя... и вдругъ совершенная прострація. А надобенъ трудъ, выдержка. Все дурное въ Bournemouth'ѣ и въ Tunstall House въ Лизѣ раздулось. Что за казнь!.. что за казнь!

Если считаешь нужнымъ напечатать, хоть на особомъ листѣ, если мѣста нѣтъ, при объявленіи о продолженіи «Колок.» на 1865 слѣдующія строки, напечатай и поправь, какъ хочешь.

Женевская гувер. [2]) прежняя будетъ въ февралѣ.

2526. Приписка къ Н. А. Герценъ.

27 декабря, вторникъ, 1864.
Hôtel Nevet. Montpellier.

Въ Ниццу я теперь не собирался, а потомъ. Ѣду сегодня въ Женеву. Лиза совсѣмъ выздоровѣла. Всѣхъ васъ обнимаю.

2527. Письмо къ Н. А. Огаревой.

№ 2.

30 декабря 1864.
Женева, Hôtel garni de la poste.

Отчего вчера до вечера не было письма? Отъ Огар. есть второе,—все тамъ тихо. Ну что ты, Natalie? Мы разстались хорошо, я радъ былъ слезамъ: ими оттаяла какая-то невыносимая тягость. Черная рамка легла на жизнь, она останется; есть страшное чувство отсутствія чего-то изящнаго, близкаго, тѣсно родного. Но, я повторяю, судорожный періодъ долженъ дать мѣсто очистительной печали. Я, уѣхавши, пересталъ сердиться за Лизины шалости; да, это—нервные припадки и прежняя порча вмѣстѣ, но они исключатся, я увѣренъ. Фогтъ обѣщалъ сегодня спросить адресъ, чтобы послать Огар. Мать отвѣта еще не получала. Я справлюсь у M-me Vogt о другихъ. Сегодня утромъ по-

[1]) Авгдоръ, банкиръ.
[2]) Гувернантка для Лизы.

лучили отъ Саши письмо; онъ сегодня же выѣзжаетъ и будетъ къ ночи или утромъ въ Женевѣ. Жду очень писемъ. Дѣло денежное идетъ вотъ какъ: Касат. дастъ 7000 фр., Фогтъ хочетъ похлопотать къ марту.

О Сат. вѣсти нехорошія: онъ, говорятъ, все, что привезъ въ Нижній, ухнулъ. Ротш. ничего не получалъ.

Если нѣтъ письма изъ Ниццы отъ Séraphin Basso, то пошли прилагаемое письмо въ пакетѣ и на немъ напиши:

Monsieur

Séraphin Basso

Corso № 8—10 Marbrier

Nice.

Часы еще не заказаны; хлопотъ было столько, что я не могъ еще ничего сдѣлать. Юные птенцы клюютъ стараго пеликана и хотятъ все дѣлать такъ, чтобы дѣлали все мы,—это не изъ дурной цѣли. Вчера получена вѣсть о томъ, что Пантелѣевъ [1]) схваченъ и отправленъ въ Вильну. Ужасы продолжаются.

Прощай, будь покойна, береги себя и Лизу.

Новый годъ мы всѣ встрѣтили печально. Не забудь étrennes [2]): garson'y [3]) 4 (или 5), дворнику 3 (или 4).

Фогтъ очень кланяется тебѣ и Мартэну. [1]

◆◆ 1. 28 декабря Огарева писала Герцену: «Обо мнѣ не спрашивай: каждый день, каждая ночь какъ будто несутъ свою тяжесть, чтобъ прибавить къ остальнымъ. Нечего мнѣ жаловаться на судьбу: я сама—судьба. .. Дай мнѣ твою руку—крѣпко, крѣпко. Крѣпись, не думай слишкомъ много объ насъ, съ нами ничего не случится» («Рус. Пропилеи», IV, 280).

2528. Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ.

№ 3.

31 декаб. (1864).
Hôtel g-ni de la poste.

Вчера я получилъ твое доброе, грустное и глубоко тронувшее меня письмо. Думай такъ, пиши такъ и страдай такъ,—я этой-то человѣческой формы страданія и ищу или хочу. Въ 11 вечеромъ я пришелъ отъ Фогта и только легъ—пріѣхалъ Саша,

[1]) Лонгинъ Ѳедоровичъ; фамилия была извѣстна Герцену только изъ разговоровъ съ Н. И. Утинымъ.

[2]) Новогодній подарокъ.

[3]) Лакею.

который лежитъ въ головной боли и принялъ рвотное. Онъ переѣзжалъ Mont Cenis въ саняхъ по страшнѣйшему морозу. Здѣсь тоже стужа. Женевка не увидитъ Ог., она живетъ въ Suffolk'ѣ. Отвѣта еще нѣтъ.

Я пишу тебѣ подъ громъ пушекъ и ружей: знаменитый процессъ окончился освобожденіемъ всѣхъ до одного. Радикалы и народъ торжествуютъ.

Касат. нашелъ домъ удивительный, за городомъ, меньше 5,000 не возьмутъ, зато огромный садъ и домъ, въ которомъ можно всѣхъ на свѣтѣ помѣстить, порядочно меблированный. Я обѣщалъ дать отвѣтъ къ 1 февраля. Переговоры объ журналѣ, обо всемъ идутъ медленно, и я не знаю, уѣду ли я прежде 8-го.

Лиза милая,

Саша тебя цѣлуетъ и не пишетъ, потому что лежитъ и его тошнитъ. Я буду писать тебѣ о фогтятахъ; дѣвочка его милая.

За твое письмо благодарю.

2529. Къ издателю [1]).

Любезный другъ!

Вы хотите напечатать небольшой сборникъ моихъ статей изъ «Полярной Звѣзды» и «Колокола»; я ничего не имѣю противъ этого. Желаю вамъ успѣха и посылаю небольшой разсказъ «Трагедія за стаканомъ грога», который не былъ напечатанъ по-русски. Я особенно радъ, что въ число перепечатываемыхъ статей взошли «Варіаціи на старую тему» [2]),—пусть эта статья, писанная въ началѣ 1857 года, еще разъ пройдетъ предъ читателями, напоминая имъ неизмѣнность основаній того воззрѣнія, которое я старался проводить. Въ книгѣ, писанной тотчасъ послѣ іюньскихъ баррикадъ, въ статьѣ, перепечатываемой вами, и въ послѣднихъ статьяхъ «Колокола» проповѣдуется одно и то же.

Бездна вещей, тогда довольно новыхъ, пососалась въ народное разумѣніе, сдѣлалась ходячей монетой, не только стала въ ряду вещей, всѣми принятыхъ, но долею осуществилась. Примутъ, стало, и другія истины, отъ которыхъ еще пятится робкая совѣсть непривыкшаго и противъ которыхъ кричитъ безумный изувѣръ и корыстный защитникъ.

Еще разъ желаю вамъ успѣха и жму вашу руку.

И—ръ.

Лондонъ, 1864.

---

[1]) С. Тхоржевскій.
[2]) № 922.

Библіографическій комментарій.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарьина, потомъ Герценъ=Н. А—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг.=Жен. изд.; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена, СПБ., 1906 г.=Спб. изд.; сборникъ «Колоколъ», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ=Тих.; Румянцовскій музей въ Москвѣ=Рум. муз.; архивъ семьи Герцена=АСГ.; Пушкинскій домъ при Академіи наукъ=Пушк. д.; «Колоколъ»=«Кол.»; «Полярная Звѣзда=«П. З.»).

2275. Напечатано въ 176 л. «Кол.» (1 января 1864 г.), подпись «И—ръ» у Тих. и по-французски въ № 36 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2276. Напечатано въ 176 л. «Кол.» и по-французски въ № 35 «La Cloche»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

2277. Напечатано въ 176, 177 и 179 лл. «Кол.».

2278. Напечатано въ 176 л. «Кол.».

2279. Напечатано въ 176 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается письмомъ Бабста, хранящимся въ АСГ.

2280. Напечатано въ 176 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается запиской Чернецкого.

2281. Тоже.

2282. Тоже.

2283. Напечатано въ 176 л. «Кол.».

2284. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ польскомъ національномъ музеѣ въ Рапперсвилѣ.

2285. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся, въ видѣ вырванныхъ листочковъ, въ АСГ.

2286. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящемся въ АСГ.

2287. Тоже.

2288. Напечатано въ 177 л. «Кол.».

2289. Тоже.

2290. Напечатано въ 177 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ № 2286 и изъ указанія отъ перваго лица; подлинникъ не найденъ.

2291. Напечатано въ 177 л. «Кол.»; причадлежность подтверждается № 2286; подлинникъ не найденъ.

2292. Напечатано въ 177 л. «Кол.».

2293. Тоже.

2294. Тоже.

2295. Напечатано въ 177 л. «Кол.»; принадлежность подтверждается № 2286; подлинникъ не найденъ.

2296. Напечатано въ 177 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія: только самъ Герценъ могъ бросить такое обвиненіе своему большому пріятелю.

2297. Напечатано въ 177 л. «Кол.».

2298. Тоже.

2299. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2300. Тоже.

2301. Тоже.

2302. Тоже.

2303. Тоже.

2304. Напечатано въ 178 л. «Кол.» (1 февр.), подпись «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 37 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2305. Напечатано въ 178 л. «Кол.», подпись «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 38 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2306. Напечатано въ 178 л. «Кол.».

2307. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2308. Тоже.

2309. Тоже.

2310. Напечатано въ III кн. «Истор. Вѣстника» 1898 г., въ воспоминаніяхъ гр. Е. А. Саліаса; приписка сдѣлана къ письму Огарева. Саліасъ ошибочно указалъ на 1865 г.; его «Тьма» напечатана въ XII кн. «Современника» 1863 г., вышедшей въ свѣтъ послѣ 8 января 1864 г.; подлинникъ не найденъ.

2311. Напечатано въ 178 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; такое обращеніе къ Аксакову имѣлъ право сдѣлать только самъ Герценъ; подлинникъ не найденъ.

2312. Напечатано въ 179 л. «Кол.».

2313. Тоже.

2314. Напечатано въ 179 л. «Кол.»; принадлежность опредѣляется по связи съ № 2311; подлинникъ не найденъ.

2315. Тоже.

2316. Напечатано въ 179 л. «Кол.»

2317. Тоже.

2318. Тоже.

2319. Напечатано въ 179 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ указанія на Арапова и Пименова; подлинникъ не найденъ.

2320. Напечатано въ № 179 «Кол.»; принадлежность устанавливается упоминаніемъ о Хотинскомъ, которымъ «вѣдалъ» Герценъ; подлинникъ не найденъ.

2321. Напечатано въ 179 л. «Кол.».

2322. Тоже.

2323. Тоже.

2324. Тоже.

2325. Тоже.

2326. Тоже.

2327. Напечатано въ 179 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ комментарія; подлинникъ не найденъ.

2328. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2329. Тоже.

2330. Тоже.

2331. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2332. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2333. Напечатано вполовину и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2334. Напечатано нигдѣ не было (нельзя считать шести строкъ, данныхъ неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.); свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2335. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2336. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2337. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2338. Напечатано неполно въ VI кн. «В. Европы» 1907; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2339. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Приписка сдѣлана къ письму Лизы; вторая приписка послѣ словъ Лизы: «милый папа-Ага пріѣдимъ скоро къ тебѣ».

2340. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.» (1 марта) съ подписью «И—ръ» и по-французски въ № 39 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2341. Напечатано въ 180—181, 182, 184, 186 и 213 лл. (1 февр. 1866 г.) «Кол.»; подпись «И—ръ»; первые четыре письма—у Тих., съ купюрами въ VI т. Спб. изд. и по-французски въ №№ 39, 41, 44, 45 и 47 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2342. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; такая полемика всегда велась только Герценомъ; подлинникъ не найденъ.

2343. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія—такія основныя статьи могъ писать только Герценъ; подлинникъ не найденъ.

2344. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2345. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2346. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.».

2347. Тоже.

2348. Тоже.

2349. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.»; принадлежность несомнѣнна—все, что касалось денежныхъ сборовъ, Герценъ велъ самъ; подлинникъ не найденъ.

2350. Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. домѣ.

2351. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ коллекціи Гектора Дени, находящейся въ Centrale d'Education ouvrière, Bruxelles.

2352. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ архивѣ III Отд. с. е. и. в. канц., 1 эксп. 1864 г., дѣло № 8, ч. 4.

2353. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2354. Тоже.

2355. Напечатано въ 182 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ указанія Огарева, хранящагося въ АСГ.

2356. Напечатано въ 182 л. «Кол.» (20 марта).

2357. Напечатано въ 182 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается указаніемъ[1] на тигровъ-ословъ,—терминъ, употребленный въ «Письмахъ къ будущему другу».

2358. Напечатано въ 180—181 л. «Кол.».

2359. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2360. Тоже.

2361. Тоже.

2362. Тоже.

2363. Напечатано въ 183 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ указанія сына; подлинникъ не найденъ.

2364. Напечатано въ № 183 «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2365. См. № 2363.

2366. Напечатано въ 183 л. «Кол.».

2367. Тоже.

2368. Тоже.

2369. Напечатано въ 183 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

2370. Напечатано въ 183 л. «Кол.».

2371. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2372. Тоже.

2373. Напечатано по-русски нигдѣ не было; по-итальянски помѣщено въ № 24 «Il Progresso» 1864 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2374. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2375. Тоже.

2376. Тоже.

2377. Тоже.

2378. Тоже.

2379. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ имѣющейся у меня копіей; подлинникъ не найденъ.

2380. Напечатано въ 184 л. «Кол.» (1 мая), у Тих. и по-французски въ № 42 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ. Письмо Герцена къ Гарибальди переведено въ № 19 «Листка» кн. Долгорукова хуже; отмѣчу только обращение «—любезный другъ»—, которое Герценъ изъ скромности просто опустилъ въ печати.

2381. Напечатано въ 184 л. «Кол.».

2382. Тоже.

2383. Тоже.

2384. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2385. Тоже.

2386. Тоже.

2387. Напечатано въ 185 л. «Кол.» (15 мая).

2388. Тоже.

2389. Тоже.

2390. Тоже.

2391. Напечатано въ № 43 «La Cloche» (15 мая); подлинникъ не найденъ.

2392. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2393. Тоже.

2394. Тоже.

2395. Тоже.

2396. Тоже.

2397. Тоже.

2398. Тоже.

2399. Напечатано по-французски въ №№ 44 и 45 «La Cloche» 1864 г. (25 мая и 15 іюня), за подписью «Iscander» и вскорѣ послѣ того—отдѣльной брошюрой, Bruxelles et Gand, 1864 г. подъ именемъ Герцена съ прибавкой, «post-scriptum'a» о Чернышевскомъ; по-русски въ переводѣ Вал. Яковенко—въ III и IV кн. «Рус. Богатства» 1912 г. Въ брошюрѣ было примѣчаніе отъ издателя: «Этотъ рядъ очерковъ А. Герцена (Искандера), впервые напечатанныхъ въ «La Cloche» (франц. изданіе), появится позже по-русски. Рекомендуемъ ихъ вниманію особенно тѣхъ, кто хочетъ составить себѣ понятіе о нравственномъ уровнѣ современной прессы, находящейся въ услуженіи С.-Петербургского правительства»; подлинникъ не найденъ; свѣрено по брошюрѣ, въ которой исправлены опечатки «La Cloche».

Привожу рецензію Muquard въ № 34 «Literarisches Centralblatt» 1865 г., какъ образчикъ сдержанной, но явно передергивающей критики.

«Это—политически-тенденціозный трудъ. Если не считать нѣсколькихъ остроумныхъ замѣчаній по поводу исторіи развитія русской литера-

туры съ эпохи Петра, то въ книгѣ не остается ничего литературнаго. Подъ «новой фазой» авторъ подразумѣваетъ инспирируемое русскимъ правительствомъ реакціонное направленіе русской печати, отстаивавшей непосредственно послѣ Крымской кампаніи либеральныя тенденціи, а затѣмъ одобрившей, къ ужасу Европы, смертные приговоры надъ поляками и восхвалявшей ихъ палачей. Герценъ упрекаетъ русское правительство главнымъ образомъ въ томъ, что оно не дѣйствовало болѣе рѣшительно въ 1860 и и 61 г., когда русское дворянство опозорилось протестомъ противъ раскрѣпощенія крестьянъ. Опираясь на народъ, правительство могло достигнуть всего рѣшительно. Герценъ полагаетъ, что царь Александръ долженъ былъ путемъ новаго аграрнаго закона отдать безвозмездно въ свободное пользованіе крестьянамъ всю землю, на которой они сидѣли, совершенно уничтожить такимъ образомъ дворянство и, создавъ свободное крестьянство, превратить однимъ взмахомъ Россію въ парламентское государство. При этомъ Герценъ думаетъ: русское дворянство развращено изнѣженной жизнью и своей полуобразованностью, чиновничество не пользуется никакимъ довѣріемъ, вслѣдствіе своей невѣжественности и подкупности, учительство движется не впередъ, а назадъ, гражданъ—въ дѣйствительномъ смыслѣ слова—нѣтъ. Такимъ образомъ, крестьянство, способность и гибкость котораго Герценъ высоко превозноситъ, является единственнымъ сословіемъ русскаго общества, передъ которымъ открывается политическое будущее. Онъ не замѣчаетъ, что крестьяне лишены всѣхъ элементовъ образованія и культуры и, конечно, мысленно ставитъ во главѣ будущаго крестьянскаго парламента небольшую группу своихъ единомышленниковъ, какъ руководителей и вдохновителей. Въ томъ, что русское правительство не посчиталось съ его идеями, Герценъ видитъ огромное преступленіе. Это побуждаетъ его высказать правительству приговоръ недовѣрія путемъ данной публикаціи, состоящей изъ ряда статей, помѣщенныхъ въ издаваемой Герценомъ газетѣ «La Cloche». Авторъ омрачаетъ этотъ приговоръ еще осужденіемъ за жестокую кару, понесенную нѣкоторыми заговорщиками, и за образъ дѣйствія правительства по отношеніи къ Польшѣ. Герценъ доходитъ въ своемъ фанатизмѣ до чудовищныхъ побужденій, онъ жалѣетъ о томъ, что чужеземныя государства не вмѣшались въ данное дѣло оружіемъ».

2400. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2401. Напечатано въ 186 л. «Кол.» (15 іюня); подпись «И—ръ»; по-французски въ № 46 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2402. Напечатано въ 186 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ письма сына Герцена, хранящагося въ АСГ

2403. Напечатано въ 186 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается запиской Чернецкаго.

2404. Тоже.

2405. Тоже.

2406. Тоже.

2407. Тоже.

2408. Тоже.

2409. Тоже.

2410. Тоже.

2411. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз., а добавленія—въ АСГ.

2412. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2413. Напечатано въ № 46 «La Cloche» (25 іюня), и неполно въ брошюрѣ «Nouvelle phase de la litérature russe»; подлинникъ не найденъ.

2414. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2415. Напечатано въ № 46 «La Cloche» (25 іюня); подлинникъ не найденъ.

2416. Напечатано въ сборникѣ «Изъ Колокола и Полярн. Звѣзды», Лондонъ, 1864, по-французски въ № 46 «La Cloche» (25 іюня) и въ «Oeuvres de A. Herzen. Recits et nouvelles», Paris, 1870; вошло въ сборникъ «Еще разъ», Женева, 1866, и неисправно въ I т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по русскому изданію 1864 г.

2417. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2418. Тоже.

2419. Тоже.

2420. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ архивѣ III Отд. с. е. и. в. канц., 1 эксп. 1864 г., дѣло № 8, ч. 4.

2421. Напечатано неисправно въ № 1 «Руси» 1883 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2422. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2423. Напечатано неполно и неисправно въ № 1 «Руси» 1883 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2424. Напечатано въ № 47 «La Cloche» (15 іюля); подлинникъ не найденъ; редакція указала, что это письмо послужитъ предисловіемъ къ печатающейся брошюрѣ «Nouvelle phase de le littérature russe».

2425. Напечатано въ 187 л. «Кол.» (15 іюля) съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 48 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2426. Тоже.

2427. Напечатано въ 187 л. «Кол.».

2428. Тоже.

2429. Тоже.

2430. Напечатано въ № 29 «Общаго Вѣча» (15 іюля); принадлежность ясна изъ письма Огарева, хранящагося въ АСГ.

2431. Напечатано неисправно въ VI кн. «Зѣст. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2432. Напечатано вполовину и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ хранящимся въ Рум. муз.

2433. Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2434. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2435. Напечатано неисправно въ № 1 «Руси» 1883 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2436. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2437. Тоже.

2438. Тоже.

2439. Тоже.

2440. Тоже.

2441. Напечатано неисправно въ № 2 «Руси» 1883 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2442. Напечатано въ 188 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Тхоржевскаго.

2443. Тоже.

2444. Тоже.

2445. Тоже.

2446. Тоже.

2447. Тоже.

2448. Тоже.

2449. Тоже.

2450. Тоже.

2451. Тоже.

2452. Тоже.

2453. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2454. Напечатано неисправно въ № 2 «Руси» 1883 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящим я въ Рум. муз.

2455. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2456. Тоже.

2457. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2458. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2459. Напечатано въ 189 л. «Кол.» съ подписью *А. Г.*; подлинникъ не найденъ.

2459 bis. Напечатано въ № 189 «Кол.»; принадлежность устанавливается по письму сына, хранящемуся въ АСГ.

2460. Напечатано въ 189 л. «Кол.».

2461. Тоже.

2462. Тоже.

2463. Тоже.

2464. Напечатано въ 189 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ Огарева, хранящейся въ АСГ.

2465. Напечатано въ 189 л. «Кол.».

2466. Напечатано въ № 189 «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2467. Тоже.

2468. Тоже.

2469. Тоже.

2470. Тоже.

2471. Напечатано въ 190, 191 и 192 лл. «Кол.» (15 октября и слѣд.) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2472. Напечатано въ 190 л. «Кол.»; свѣрено съ подлинникомъ хранящимся въ АСГ.

2473. Напечатано въ 190 л. «Кол.».

2474. Тоже.

2475. Напечатано въ 190 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ указаній на свое лицо; подлинникъ не найденъ.

2476. Напечатано въ 190 л. «Кол.».

2477. Напечатано въ 190 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по связи съ аналогичнымъ указаніемъ въ № 2469 на дѣла въ Россіи; подлинникъ не найденъ.

2478. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2479. Напечатано неисправно въ № 2 «Руси» 1883 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2480. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ; приписка сдѣлана въ письмѣ Огарева.

2480 bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2481. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2482. Напечатано въ «Колоколѣ» 191 (15 ноября 1864 г.), 193 (1 января 1865 г.) и 194 лл. (1 февраля 1865 г.); подпись «И—ръ», у Тих., въ VI т. Спб. изд.—только первое и второе письма, съ купюрами, и по-французски въ № 51, 55 и 59 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ; проектъ перваго письма приведенъ раньше; письма предназначались Ю. Ѳ. Самарину.

Гершензонъ находитъ, что «Герценъ, не понялъ мысли Самарина», отвѣчалъ на то, чего Самаринъ не говорилъ, «не слушая продолжалъ твердить свое», «поспѣшилъ отмахнуться отъ спора» и т. д. («Историческія замѣтки», 82—83).

2483. Напечатано въ 191 л. «Кол.»; принадлежность выясняется изъ № 2480; подлинникъ не найденъ.

2484. Напечатано въ 191 л. «Кол.».

2485. Тоже.

2486. Тоже.

2487. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, храня-
щимся въ Рум. муз.

2488. Тоже.
1907 г.; с

2489. Тоже.

2490. Тоже.

2491. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2492. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2493. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся частью въ Рум. муз., частью въ АСГ.

2494. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2495. Напечатано вполовину и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2496. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2497. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2498. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2499. Напечатано неполно и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2500. Напечатано вполовину и неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2501. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2502. Напечатано въ 192 л. «Кол.» (1 декабря), подпись «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 56 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2503. Напечатано въ 192 л. «Кол.».

2504. Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2505. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2506. Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2507. Тоже.

2508. Напечатано въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2509. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2510. Тоже.

2511. Напечатано въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2512. Тоже.

2513. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2514. Напечатано неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2515. Тоже.

2516. Тоже.

2517. Тоже.

2518. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2519. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2520. Тоже.

2521. Тоже.

2522. Тоже.

2523. Тоже.

2524. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2525. Тоже.

2526. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Приписка сдѣлана къ письму Н. А. Огаревой.

2527. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2528. Напечатано неполно и неисправно на стр. 284—285 «Воспоминаній» Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2529. Напечатано въ сборникѣ «Изъ Колокола и Полярной Звѣзды», Лондонъ, 1864 г., переименованномъ, въ виду плохой продажи, въ 1866 г., въ «Еще разъ». О выходѣ перваго сборника нигдѣ, кажется, ни разу не было объявлено, поэтому установить точно срокъ его появленія трудно. «Еще разъ» появился къ 1 мая 1866 г.; повторено также въ X т. Жен. изд. и въ V т. Спб. изд.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
76	19 сн.	Ноель	Ноэль
164	8 св.	deux	Deux-
166	1 св.	2396	2390
167	18 св.	стремления	стремленія
		свобода	Свобода
	4 сн.	Герценъ	«Герценъ
170	14 св.	Bornemouth	Bournemouth
171	12 св.		
	4 сн.	г-жа	г-жѣ
172	17 св.	прерывъ	перерывъ
	5 сн.	Bornemouth	Bournemouth
173	1 св.		
406	2 сн.	[5])	[5]) (Не понятно)
	4 сн.	[3])	[3]) Не особенно умно.

А. Рыз. 412

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том XVII

ПЕТЕРБУРГ
Государственное Издательство
1922

ЗНАНИЯ
СИЛА
РСФСР

783165